This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

3 2044 021 941 174

Digitized by Google

PSlav 475.65

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. М. НЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ VII. ФЕВРАЛЬ. 1888 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. Не намъ судить. Повѣсть **А. Михайлова** 5

II. Былъ или не былъ Шекспиръ? (Изъ исторіи литературныхъ парадоксовъ). **В. В. Чуйко** 59

III. Изъ дневника. Стихотвореніе **А. В. Круглова** 91

IV. Вѣнецъ Орлова. Повѣсть **Паулины Вильчинской** 94

V. Въ бору. Стихотвореніе **Д. Мережковскаго** 180

VI. Формы подворнаго землевладѣнія въ Россіи. **В. В.** 181

VII. Именинникъ. Романъ **Д. Сибиряка** 206

VIII. Тяжелые годы. Романъ мистрисъ **Брэддонъ** 243

IX. Вопросы дня. **В. П. Безобразова** 297

X. Могила скитальца. (Изъ Сандора-Петёфи). Стихотвореніе **П. В. Быкова** 307

XI. О неотчуждаемости крестьянскихъ земель. **Г. П. Сазонова** . . 308

XII. Въ сѣтяхъ лжи. Романъ **Поля Буржэ** 320

XIII. Безсонница. Стихотвореніе **В. Юрьева** 378

XIV. Очерки станичной жизни. **В. Свѣтлова** 379

(см. на оборотѣ).

№ 2 «Наблюдателя» вышелъ 15-го февраля 1888 года.

Подписка на 1888 г. принимается: въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи (Владимірская, № 1—6); въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи, и въ книжномъ магазинѣ Карбасникова.

Современное Обозрѣніе.

стр.

XV. Политическая хроника 1
Пріятное политическое положеніе съ еще болѣе пріятнымъ будущимъ.—Подготовительная компанія нѣмецкихъ газетъ противъ Россіи. — Выходки въ мадьярскомъ парламентѣ и рѣчь Тиссы.—Чего добивается Австрія отъ Россіи?—Мирныя движенія и таковыя же вооруженія.—Открытая война противъ нашего курса.—Постоянное увеличеніе нѣмецкой арміи и планы нѣмецкихъ стратеговъ.—Наступленіе, какъ необходимое условіе оборонительной войны.—Обнародованіе союза между Германіею и Австріею. — Угроза или ультиматумъ? — Рѣчь князя Бисмарка, ея значеніе и мнѣнія объ ней. — Положеніе Франціи.—Скандалы во внутреннемъ управленіи и въ общественной жизни Англіи.—Жалобы англичанъ на евреевъ.—Уличныя и аграрныя волненія въ Англіи.—Открытіе англійскаго парламента.—Фабричный законъ въ Швейцаріи.—Прусскіе агенты-подстрекатели анархистовъ.—Женевская демонстрація противъ Россіи.—Небывалое экономическое явленіе.—Соединенные Штаты, не знающіе, что дѣлать съ избыткомъ доходовъ.—Казнокрадство въ заатлантической республикѣ.

XVI. Новыя книги: 1) **Словесность-наука**, сочиненіе *Н. А. Воскресенскаго*. Спб. 1887 г. 2) **Очерки изъ жизни и быта прошлаго времени.** *С. Н. Шубинскаго*. Спб., съ 30 гравюрами. 1888. 3) **Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края.** Выпускъ 4-ый. Изслѣдованіе *И. И. Дубасова*. Тамбовъ. 1888. 18

XVII. Наши внутреннія дѣла 23
Новогодній сюрпризъ, поднесенный министромъ финансовъ русскому обществу.—Двоякаго рода бюджеты: „откровенный“ и „утѣшительный“.— Общіе выводы изъ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на текущій 1888 годъ.—Взглядъ бывшаго министра финансовъ на вопросъ о введеніи новыхъ и повышеніи старыхъ налоговъ.—Чего ожидали отъ преемника г. Бунге?—Бѣглый взглядъ на отдѣльныя статьи государственной росписи на текущій годъ.—Необходимыя поправки къ росписи обыкновенныхъ доходовъ.—Посредствомъ какихъ мѣропріятій удалось г. Вышнеградскому свести бюджетъ на 1888 г. безъ дефицита? — Налогъ на человѣческую культуру.—„Ясные факты“, свидѣтельствующіе, по мнѣнію г. Вышнеградскаго, о замѣтномъ поворотѣ къ лучшему въ экономической жизни Россіи.—Наши замѣчанія по поводу этихъ фактовъ.—Нѣсколько словъ о расходахъ на текущій 1888 годъ. Спасительная бережливость всѣхъ вѣдомствъ.—Маленькій диссонансъ въ общемъ хорѣ.—Какъ отнеслась биржа къ новой росписи?—Сенсаціонное извѣстіе „Новаго Времени“.

XVIII. Фонографъ (фельетонъ „Наблюдателя“). Стихотворенія: **Ефима Простосердова, Случайнаго Поэта и Л. Балалайкина** 40

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ.

Библіотеки и кабинеты для чтенія пользуются (по выбору) *комиссіонной уступкой* или *разсрочкой годовой платы*, но только въ томъ случаѣ, если выписываютъ *не менѣе семи годовыхъ экземпляровъ журнала.*

Книжные магазины, *выписывающіе журналъ для находящихся при нихъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія*, подчиняются тому же условію.

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

№ 2.—ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора переведены изъ Поварскаго переулка (№ 5) на уголъ Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.

1888.

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЬ, СТРЕМЯННАЯ, № 12.

Digitized by Google

PSlav 475.65 (7 pt.2 1888)

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1888 ГОДУ (ГОДЪ СЕДЬМОЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: *Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, Ф. А. Андреевъ, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Θ. Бажинъ, В. П. Безобразовъ, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій* (Буква), *П. И. Вейнбергъ, Вологдинъ, Г. А. Мачтетъ, (Г*), д-ръ А. С. Виреніусъ, Е. М. Гаршинъ, графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, М. Г. Гребенщиковъ, проф. В. П. Даневскій, И. Н. Денисовъ, баронъ А. Г. Жомини, Ю. Г. Зависьцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, С. Я. Капустинъ, А. В. Круговъ, В. А. Крыловъ, проф. Θ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Л. И. Пальминъ, Я. Л. Паперъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Θ. Э. Ромеръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Н. Съверинъ, Л. Н. Трефолевъ, Н. Флеровскій, Е. В. Чешихинъ, В. В. Чуйко* и др.

„*Наблюдатель*“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25-ти до 30 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		**За полгода.**	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	7 р. 50 к.
Съ пер. въ другія мѣста Имперіи.	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи.	8 р.
Съ пересылкою за границу. . .	16 р.	Съ пересылкою за границу. .	9 р.

Гг. подписчики (не заграничные), высылающіе **16 р.**, получаютъ, кромѣ годоваго экземпляра „*Наблюдателя*“: 1) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Ф. Шпильгагена*, 2) **Сераписъ**, *Г. Эберса*, и 3) **Утѣха жизни**, *Э. Золя*. Всѣ эти романы въ отдѣльной продажѣ стоютъ **3 руб. 50 коп.**

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы допускается: для гг. служащихъ—за поручительствомъ казначеевъ, а для неслужащихъ—по особому соглашенію съ Главною Конторою, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою.	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской пл., д. № 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ [illegible] своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY JAN 12 1979

7942

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать *пять* семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *2 р.*, при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—*1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 20 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами*. Рукописи, принятыя *безъ назначенія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по усмотрѣнію редакціи. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 часовъ пополудни, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ:* **20 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Digitized by Google

ВЪ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ:

1) **Гансъ-Филинъ**, *Ф. Шпильгагена*. Одинъ томъ, 1 р. 50 к.
2) **Утѣха жизни**, *Э. Золя*. Одинъ томъ. 1 р.
3) **Сераписъ**, *Георга Эберса*. Одинъ томъ. 1 р.

На пересылку каждой книги прилагается марками 21 к. Для подписчиковъ всѣ эти книги высылаются за *два* руб.

Кромѣ поименованныхъ романовъ, въ конторѣ имѣются на складѣ, въ небольшомъ количествѣ, слѣдующія книги, составляющія нынѣ библіографическую рѣдкость:

1) Сочиненія *Д. В. Веневитинова*. Изд. 3-е, съ біографіей и портретомъ автора. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.
2) *Князь В. Ѳ. Одоевскій*. Литературно-біографическій очеркъ, съ портретомъ. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

Digitized by Google

НЕ НАМЪ СУДИТЬ.

Повѣсть.

VII.

Пріѣздъ Надежды Дмитріевны въ Петербургъ всегда производилъ нѣкоторый переполохъ въ извѣстномъ муравейникѣ. Разная бѣдная родня Павла Петровича Протасова и даже не родня, а дѣти разныхъ крестницъ и крестниковъ самой Надежды Дмитріевны, Софьи Петровны и Евгеніи Петровны считали своимъ долгомъ забѣжать къ Надеждѣ Дмитріевнѣ и такъ или иначе сорвать что нибудь съ нея. Этого сорта паразиты вѣчно вертятся около богатыхъ людей, срывая съ нихъ все, что возможно, тѣми или другими путями. Назойливость нѣкоторыхъ изъ нихъ доходитъ до наглости, до вымогательства подачекъ чуть не силою и угрозами. Надежда Дмитріевна нисколько не обманывалась на ихъ счетъ и знала, что многіе изъ нихъ просто тунеядцы; тѣмъ не менѣе, она помогала имъ, какъ могла, сознавая въ душѣ, что и паразитство есть несчастье. Въ настоящій ея пріѣздъ въ Петербургъ, повторилась обычная исторія посѣщеній просителей и просительницъ, присылки трогательныхъ писемъ и слезныхъ просьбъ, но впервые все это подѣйствовало на старушку раздражающимъ образомъ. Въ ней явилось какое-то странное равнодушіе къ хныканьямъ и моленіямъ этихъ людей, такъ какъ всѣ ея думы были направлены на одинъ предметъ,—на ожиданіе того, что скажетъ ей Викторъ Павловичъ по дѣлу Александра. Она дрожала теперь надъ каждымъ грошемъ, боясь, что у нея не достанетъ средствъ для спасенія Александра.

На другой день послѣ посѣщенія квартиры Ивана Петровича, вставъ по обыкновенію рано, она напилась чаю съ

Digitized by Google

семьей покойнаго брата и вернулась въ свою комнату, чтобы взяться за вязанье. Ей не хотѣлось никуда выходить, не хотѣлось никого видѣть. Въ девять часовъ ей принесли письмо. Взглянувъ на конвертъ, она сейчасъ же узнала по почерку, отъ кого было это посланіе, и отложила письмо въ сторону, зная наперед его содержаніе. Это было письмо отъ Сѣмичевой. Мать этой Сѣмичевой жила когда-то горничной въ домѣ Драгомановыхъ, и съ ней случился „грѣхъ". Кто былъ виновникомъ этого грѣха—осталось неизвѣстнымъ; одни говорили, что какой-то лакей, другіе утверждали, что самъ Драгомановъ. Согрѣшившая старалась намеками поддерживать послѣднее мнѣніе, находя его болѣе выгоднымъ для себя. У этой горничной родилась дочь, и окрестила ее Надежда Дмитріевна. Этого было довольно, чтобы въ теченіе сорока лѣтъ „крестную" теребили при всякомъ удобномъ случаѣ. Давно уже крестница была замужемъ за Сѣмичевымъ, какимъ-то франтоватымъ конторщикомъ на канатной фабрикѣ; давно уже у Сѣмичевой были взрослыя дѣти, а крестная все должна была платить контрибуцію. Иногда, когда крестная помогала не сразу, ей писали письма съ упреками, глупыми и пошлыми, наглыми и дерзкими, что̀ не мѣшало потомъ крестницѣ униженно цѣловать ея руки и, въ концѣ концевъ, добиваться ея помощи. И слезныя просьбы, и дерзкія приставанья вызывали въ душѣ Надежды Дмитріевны одно и то же чувство: эти люди казались ей жалкими. Теперь, получивъ это письмо, она разсердилась.

„Вотъ навязались на шею, тунеядцы", мысленно рѣшила она и, отбросивъ сердито нераспечатанное письмо, принялась снова за работу.—„Тунеядцы?" А, можетъ быть, точно у нихъ ѣсть нечего? Виноваты они, что ли, что у нихъ сложились обстоятельства такъ, что они не могутъ сводить концовъ съ концами, не могутъ упорно бороться съ судьбой? Вонъ Александръ,—если судить его со стороны,—еще хуже ихъ, а она только и думаетъ о томъ, какъ бы спасти его; ради него гроша теперь никому не даетъ; все убить готова на его спасеніе".

Ее начинало охватывать какое-то смутное волненіе. Сколько людей осудятъ ее за это; сколько проклятій пошлется ему за то, что она все истратила на него!? Какъ же быть,

Digitized by Google

какъ быть?... Въ передней послышался звонокъ. Старушка вздрогнула и тотчасъ же радостно подумала: „не Викторъ ли Павловичъ“? Въ передней раздался звонкій голосъ Ольги Протасовой. Надежда Дмитріевна поморщилась. Черезъ минуту Ольга уже была въ комнатѣ Надежды Дмитріевны. За нею шелъ какой-то бѣлокурый, франтовато одѣтый военный —писарь, какъ показалось Надеждѣ Дмитріевнѣ. Онъ ступалъ легко и осторожно, точно приплясывая или присѣдая на ходу.

— Тетя, я къ вамъ, сказала Ольга, наклоняясь къ рукѣ Надежды Дмитріевны:—привела жениха познакомить съ вами.

Молодой франтъ со свѣтлыми, почти бѣлыми волосами, съ блѣдными, оловянными глазами, съ непріятными, бѣлыми рѣсницами, со слащаво улыбающимся розовымъ лицомъ, расшаркался передъ Надеждой Дмитріевной, застѣнчиво и жеманно закатывая глаза.

— Много наслышанъ-съ! произнесъ онъ, протягивая руку, причемъ онъ подалъ четыре пальца, не сгибая ихъ и не пожимая руки старухи:—чрезвычайно лестно!

Надежду Дмитріевну немного покоробило отъ этого визита, отъ этой непрошенной поспѣшности племянницы. Тѣмъ не менѣе, она пересилила себя и пригласила посѣтителей присѣсть. Ольга затараторила:

— Онъ, тетя, у меня, какъ красная дѣвушка:—робкій, конфузливый...

— Это точно-съ, отъ непрывычки къ обществу, жеманно замѣтилъ фельдшеръ, склоняя на бокъ голову:—притомъ же форма эта унизительная и такимъ грязнымъ дѣломъ приходиться заниматься...

— Ахъ, что вы глупости говорите!.. оборвала его Надежда Дмитріевна:—я сама повивальная бабка и лѣчу больныхъ. А форма... не генеральскую же форму фельдшерамъ дать!

— Конечно-съ, конечно-съ, только въ порядочномъ обществѣ конфузно, оправдывался фельдшеръ, опять жеманно склоняя голову на бокъ и стараясь интересничать.

— Вонъ наши родные и на порогъ передней его не пустятъ, воскликнула Ольга.

— Да что вамъ у нихъ и дѣлать? перебила ее Надежда

Digitized by Google

Дмитріевна:—У каждаго долженъ быть подходящій кругъ знакомства. Не въ свои сани не садись...

Ольга, осматривая зоркими глазами комнату, увидала письмо на столѣ и вспыхнула, подстрекаемая любопытствомъ узнать, отъ кого оно. Она знала, что тетку осаждаютъ со всѣхъ сторонъ просьбами.

— Тетя, а вы вѣрно не видали, тутъ письмо къ вамъ, проговорила она, взявъ конвертъ со стола.

— Нѣтъ, видѣла, отвѣтила старуха.

— Навѣрное, просьба какая нибудь! воскликнула Ольга.

— Слышалъ-съ, что много благодѣтельствуете, вставилъ любезно свое слово фельдшеръ.

— Не изъ чего много благодѣтельствовать, коротко отрѣзала Надежда Дмитріевна.

— Ахъ, тетя, что вы! Всѣ же знаютъ, что вы все раздаете! горячо произнесла Ольга Протасова:—Какіе нибудь Сѣмичевы, и тѣ рвутъ съ васъ.

Старуху передернуло, и она почти грубо сказала:

— Какъ это они рвутъ съ меня, когда я вотъ даже ихъ писемъ не читаю?

— Ахъ, такъ это отъ нихъ? Я такъ и думала! въ волненіи произнесла Ольга и загорячилась:—Вотъ нахалы-то! Самъ франтитъ, по театрамъ ѣздитъ, въ клубѣ актерствуетъ, жена рядится, дочери на сценѣ въ циркѣ...

Надежда Дмитріевна опять оборвала ее:

— Да что ты мнѣ разсказываешь про нихъ? Мнѣ-то что за дѣло, какъ вы всѣ здѣсь живете? Послушать васъ всѣхъ порознь, въ грязи другъ друга выкупаете да дегтемъ вымажете...

Фельдшеръ деликатно согласился, закативъ глаза:

— Это-съ точно, въ Петербургѣ злословіе, можно сказать, страшное!

— А вотъ вы и отучайте ее отъ этого, когда женитесь, сухо сказала Надежда Дмитріевна и прибавила:

— Когда свадьба?

— Тетя, милая, развѣ мы можемъ опредѣлить? воскликнула Ольга плаксивымъ голосомъ.—Нужно же приготовиться. Ничего у меня нѣтъ. Мы и пришли вотъ къ вамъ просить...

Фельдшеръ опустилъ скромно глаза.

— Я теперь почти ничего не могу дать, въ волненіи и

Digitized by Google

замѣшательствѣ сказала старуха:—у меня тутъ дѣла. Но, конечно, я похлопочу.

— Ахъ, тетя, знаю я, знаю, вы все теперь объ Александрѣ, воскликнула Ольга Протасова.

— Ну, это не твое дѣло! перебила ее Надежда Дмитріевна.

— Нѣтъ, тетя, нѣтъ! запальчиво, визгливымъ тономъ кричала Ольга: — дайте мнѣ высказать, ужь если я начала! Александръ тысячи просадилъ, на вѣтеръ все расшвырялъ, а объ немъ заботятся. Я же, не покладая рукъ, шила, всю молодость мою убила, красныхъ дней не видала, а что мнѣ въ награду? Отказъ одинъ. Одни говорятъ: „не смѣй выходить замужъ“, потому что имъ стыдно фельдшера въ родню взять. Другіе говорятъ: „мы помочь не можемъ“, потому что для негодяевъ всегда деньги найдутся, а для честной дѣвушки...

Старуха, задыхаясь отъ волненія, проговорила:

— Ты что же, ссориться со мной пришла?

Фельдшеръ испугался и обратился къ своей невѣстѣ:

— Перестаньте-съ, тетенька сердятся... Онѣ-съ вправѣ сердиться... Все же преклонныя лѣта...

— Нѣтъ, ужь ты меня не останавливай! крикнула Ольга, вся багровая отъ злости.—Я правду люблю! Я сама все потеряю, а правду выскажу. Моего отца никто не спасалъ, когда онъ погибалъ. А отецъ не одинъ былъ, у него жена была, дѣти были. Ну, его оставили погибать за грѣхи. А насъ-то за что губили? Мы чѣмъ виноваты были? Почему намъ въ помощи отказываютъ? Или на Невскій мнѣ надо идти, самой себя потерять, послѣдней побродяжкой сдѣлаться?.

Фельдшеръ расчувствовался: онъ, повидимому, былъ вообще изъ чувствительныхъ.

— Это точно-съ, можно сказать, убійственная судьба, проговорилъ онъ со вздохомъ, и неторопливо, вкрадчивымъ тономъ, сталъ разъяснять:—Положимъ, Ольга Ивановна на благороднаго человѣка напали, такъ какъ я не изъ интереса, хотя, конечно, сами Иванъ Петровичъ много мнѣ говорили о родныхъ...

Онъ перевелъ духъ, окончательно запутавшись въ объясненіяхъ.

Digitized by Google

— Да, ждите помощи отъ нашихъ родныхъ! воскликнула Ольга.

— Это вы напрасно-съ, Ольга Ивановна, остановилъ онъ ее, и его лицо вербнаго херувима приняло нѣсколько обиженное и въ то же время нахальное выраженіе:—Вашъ папаша еще допрежъ того, какъ мы съ вами познакомились, не разъ всѣмъ и каждому говорилъ, что за вами дадутъ приданое, да иначе-съ невозможно никакъ. Я, вы знаете, человѣкъ бѣдный и льщусь, чтобы жена моя что нибудь имѣла. А тетеньку вы тоже напрасно сердите, потому у нихъ сердце есть, и не захотятъ онѣ вашей погибели, такъ какъ, значитъ, ваше такое положеніе, что вамъ не токмо родные, а чужіе изъ одного состраданія содѣйствовать должны. Не въ воду же вамъ, въ самомъ дѣлѣ, броситься, если я, какъ человѣкъ бѣдный, буду не въ состояніи никакого конфорту и привилегіи вамъ предоставить. А вѣдь ужь если не я, такъ другой и подавно васъ теперь не возьметъ въ настоящемъ вашемъ видѣ.

И еще наглѣе онъ спросилъ свою невѣсту:

— Тетенька, конечно, извѣстны насчетъ всего касательно васъ?

— Скроешь что нибудь у насъ! раздражительно проговорила Ольга, отвернувшись въ сторону.

— Зачѣмъ же-съ и скрывать? Это только подвигнуть можетъ дѣло, произнесъ фельдшеръ, жеманно пожимая плечами и опять закатывая свои блѣдные, оловянные глазки:—сдѣланнаго теперь не воротишь, и нужно только конпромисъ сдѣлать, такъ сказать, грѣхъ загладить вашъ...

Надежда Дмитріевна не пробовала даже прерывать потока визгливыхъ возгласовъ Ольги и сладкаго краснорѣчія херувима-фельдшера. Она сознавала, что можетъ прервать эти разсужденія, выбросивъ племянницѣ пятьсотъ или тысячу рублей, но ее охватывала одна мысль: „а если не достанетъ на спасеніе Александра?“ И въ то же время ей было точно стыдно, что она не рѣшается бросить подачку этой крикливой и наглой родственницѣ, этому невинному и глуповатому на видъ, но ловкому плуту. Поднималась въ головѣ и еще одна мысль—мысль о томъ, что всѣ обвинятъ ее, старуху, если она не поможетъ этой падшей дѣвушкѣ, отдавъ

Digitized by Google

все за Александра, и будутъ правы, такъ какъ она отдала все за спасеніе „негодяя", а пожалѣла дать этой, въ сущности, ни въ чемъ неповинной и тоже несчастной дѣвушкѣ.

Надежда Дмитріевна что-то хотѣла сказать, какъ вдругъ раздался рѣзкій звонокъ въ передней. Она сразу узнала по звонку, кто звонитъ, и торопливо поднялась съ мѣста:

— Это ко мнѣ... это Викторъ Павловичъ, быстро заговорила она:—ступайте! Я буду хлопотать... Не безпокойтесь...

Молодые люди бросились къ ея рукѣ.

Она нетерпѣливо повторила:

— Хорошо! хорошо! Ступайте!

И, уже не помня ничего, поспѣшно шла впереди ихъ въ прихожую.

— Ко мнѣ, ко мнѣ! говорила она съ порога, завидѣвъ Истомина:—ну, какъ? что?...

Она даже не поздоровалась съ нимъ, какъ слѣдуетъ. Онъ вошелъ въ комнату, заперъ дверь, ножалъ руку старушкѣ и проговорилъ:

— Шантажъ!

Она опустилась въ кресло, чувствуя, что ея ноги дрожатъ. Истоминъ вынулъ портсигаръ, взялъ папироску, зажегъ спичку, закурилъ и сѣлъ противъ старушки.

— Слушайте!

Онъ попросилъ позволенія разстегнуть свой генеральскій сюртукъ, усѣлся поудобнѣе и началъ съ улыбкой, немного самодовольнымъ тономъ:

— Я положительно открылъ въ себѣ на этомъ дѣлѣ способности хорошаго сыщика: дорылся до самой сущности въ какой нибудь часъ времени.

— Хорошо, хорошо, голубчикъ, перебила она его:—суть-то, суть-то говорите!

— Надо все по порядку, проговорилъ онъ:—Вчера же я послалъ за кредиторомъ Александра, господиномъ Герзоновымъ.

— Александра-то видѣли? перебила она.

— Зачѣмъ? Это значило бы портить дѣло. Я призвалъ кредитора и спросилъ о цифрѣ долга. Онъ отвѣчалъ сначала уклончиво. Тогда я сказалъ равнодушнымъ тономъ, что во всякомъ случаѣ долговъ за Александра никто платить не

Digitized by Google

будетъ и что я пригласилъ его для того, чтобы предостеречь отъ дальнѣйшихъ ссудъ Александру. Онъ усмѣхнулся и объявилъ, что больше и не дастъ ему, но что, вѣроятно, родные отдадутъ то, что̀ Александръ уже задолжалъ. Я выразилъ свое удивленіе: „Съ какой стати станутъ они платить?“ „Бланковыя надписи имѣются“, отвѣтилъ онъ.—Поддѣльныя, сказалъ я. „Можетъ быть“, равнодушно отвѣтилъ онъ. Тутъ-то ужь я и началъ пытку.

Онъ всталъ и молодцовато заходилъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы панталонъ и постукивая шпорами, веселый и самодовольный.

— Суть вотъ въ чемъ, насколько я понялъ, продолжалъ онъ разсказывать:—когда Александръ промоталъ все, у него осталось нѣсколько тысячъ долгу; конечно, получить этотъ долгъ по векселямъ уже не было никакой возможности его кредиторамъ. Одинъ изъ нихъ, не то еврей, не то армянинъ, не то полякъ, нашелся. Онъ скупилъ всѣ ничего нестоющіе векселя, попросилъ Александра переписать ихъ и даже пообѣщалъ дать еще сколько-то денегъ, если явятся векселя съ бланками нѣкоторыхъ изъ его родныхъ.

Надежда Дмитріевна горько усмѣхнулась:

— Думалъ, вѣрно, что тѣ не дадутъ погибнуть Александру хоть ради семейной чести...

— Мнѣ кажется, разсчетъ былъ вѣрнѣе, замѣтилъ Истоминъ:—этотъ господинъ Герзоновъ, насколько я могъ выпытать, надѣялся на другое. Александръ ни отъ кого никогда не скрывалъ, что родные обирали его въ лучшіе дни его жизни. Онъ показывалъ даже письма, гдѣ эти родные просили у него взаймы или благодарили за присланныя уже деньги. У него есть кое-какія расписки на клочкахъ бумаги, чуть ли даже не просроченные векселя. Господинъ Герзоновъ разсчиталъ, что, въ случаѣ суда, Александръ разскажетъ о всей своей прошлой жизни и можетъ скомпрометировать десятки своихъ родныхъ. Значитъ, въ интересѣ этихъ лицъ—не допустить дѣло до суда и уплатить прямо долги.

— Что же онъ медлитъ? Я не понимаю, глухо сказала Надежда Дмитріевна.

— Ну, подать ко взысканію векселя было не разсчетъ:

Digitized by Google

тогда дѣло могло и проиграться. Надо было запугать родственниковъ до суда.

Онъ остановился въ раздумьѣ.

— Одного я не понимаю: почему Александръ еще не прибѣгнулъ до сихъ поръ къ этому запугиванію?..

— Ахъ, Господи, этого еще не доставало, чтобы Александръ шантажистомъ сдѣлался! Надо Бога благодарить, что я во-время все узнала, воскликнула Надежда Дмитріевна:— Главное-то, главное-то скажите: сколько нужно, чтобы все кончить?

Викторъ Павловичъ сталъ совершенно серьезенъ. Что-то сильно теперь озабочивало его. Онъ мелькомъ сказалъ, что всего нужно тысячъ десять, и тотчасъ же прибавилъ:

— Но дѣло не въ этомъ! Подождите!

— Чего ждать? спросила Надежда Дмитріевна.

Онъ остановилъ ее движеніемъ руки и серьезно, почти строго заговорилъ:

— Положимъ, вы выкинете эти деньги на вѣтеръ...

Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Положимъ, вы получите всѣ векселя. Но кто вамъ поручится, что Александръ не выдастъ новыхъ векселей? Компрометирующія его родныхъ письма и расписки останутся у него. Что, если онъ поддѣлаетъ новые векселя ради одного этого? Да и вообще, если даже взять у него эти письма, то онъ не лишится возможности поддѣлывать векселя. Оставитъ одну, двѣ расписки—и довольно...

Надеждѣ Дмитріевнѣ даже жутко стало.

Истоминъ продолжалъ:

— Первая же удачная попытка шантажа подтолкнетъ этихъ господъ дѣйствовать еще смѣлѣе. Заплатили разъ, заплатятъ и въ другой. Вѣдь ихъ не увѣришь, что второй разъ некому будетъ платить, что у васъ нѣтъ еще шальныхъ десятковъ тысячъ...

Онъ началъ ей объяснять серьезно и логично, что платить не слѣдуетъ, что она не спасетъ, а погубитъ Александра. Пусть онъ посидитъ на скамьѣ подсудимыхъ. Не на каторгу его сошлютъ. Лишатъ въ крайнемъ случаѣ извѣстныхъ правъ, вышлютъ,—тогда ему можно помогать изъ этихъ же денегъ. Правда, онъ скомпрометируетъ родныхъ, но и подѣломъ

Digitized by Google

имъ, если они обирали его. Вообще же, право, это никого не взволнуетъ особенно. Судъ спасетъ ей деньги, а Александру отрѣжетъ возможность выдавать новые векселя. Наконецъ ему, Истомину, кажется во всякомъ случаѣ, что ей необходимо предварительно повидаться съ Александромъ, узнать лично отъ него, нѣтъ ли у него еще векселей, сказать ему, что второй разъ за него никто и гроша не заплатитъ.

Она слушала молча, опустившись въ кресло съ понурой головой, какъ бы подавленная тяжелымъ гнетомъ. Она не могла собраться съ мыслями. Онѣ хаотически проносились въ ея головѣ, отрывками, не связанныя между собою: „Объясняться съ нимъ!.. да никогда онъ не согласится взять отъ нея денегъ... Протащить сначала по грязи, опозорить, а потомъ давать подачки... Опять къ шантажистамъ въ руки попадетъ и начнетъ поддѣлывать векселя... А отчего же онъ не угрожаетъ роднымъ теперь, не пристращиваетъ ихъ?.. На вѣтеръ бросить деньги и пользы не принести...“ Ей казалось, что у нея мутится умъ. Истоминъ взглянулъ на нее и почти испугался,—такъ растерянно смотрѣла она.

— Такъ какъ же? спросилъ онъ, дотрогиваясь до ея руки.

Она вздрогнула и какъ бы очнулась. Внезапно всѣ ея сомнѣнія разсѣялись. Рѣшеніе созрѣло сразу.

— Что сдѣлалъ бы онъ, еслибы эти деньги были у него? вдругъ рѣшительно спросила она, поднимаясь съ мѣста.

Истоминъ пожалъ плечами.

— Не знаю! Прокутилъ бы...

— Заплатилъ бы долги, рѣзко отвѣтила она:—это его деньги, и онъ—онъ, а не я—заплатитъ долги!

— Но... началъ Истоминъ.

— Довольно, оборвала она его разомъ:—что будетъ дальше - Божья воля. Я отдаю за него деньги отца—его деньги, а что выдетъ, какъ будутъ судить меня за это...

Она махнула рукой и пошла къ комоду доставать деньги.

VIII.

Въ самомъ захолустномъ уголкѣ Измайловскаго полка, въ большомъ каменномъ домѣ, набитомъ сплошь разнымъ масте-

Digitized by Google

ровымъ и фабричнымъ людомъ, въ квартирѣ, разбитой на углы и каморки, отдаваемыя отъ жильцовъ разной бѣднотѣ помѣсячно и поденно или, вѣрнѣе, понощно,—одна изъ каморокъ занималась почти въ теченіе двухъ лѣтъ „писателемъ“. Домъ былъ некрашенный, грязный; въ уличномъ его фасадѣ помѣщались закусочная и питейное заведеніе, слесарная мастерская и лавчонка сапожника; надворный флигель весь сплошь былъ занятъ: внизу плотниками, а вверху—людьми, промышляющими отдачею угловъ. Чтобы добраться до каморки „писателя“, нужно было пройти длинный и узкій дворъ, подняться по высокой лѣстницѣ, вѣчно грязной и пропитанной міазмами, до четвертаго этажа, потомъ свернуть въ темный коридоръ, въ концѣ котораго можно было нащупать дверь, ведущую въ отдѣльную каморку. Длинная, узкая, почти пустая, эта каморка съ желѣзной кроватью, съ простымъ столомъ и двумя-тремя сломанными стульями была хуже всякаго каземата. На облупившейся штукатуркѣ стѣнъ появлялись здѣсь иногда пятна сырости, порой виднѣлись узоры плѣсени, походившіе на грибы; единственное окно, съ разбитыми и склеенными замазкой стеклами, въ зимнее время было постоянно покрыто прихотливыми узорами, выведенными, какъ тонкое кружево, морозомъ и не дававшими возможности взглянуть на дворъ. Единственное достоинство этой кануры, особенно цѣнимое „писателемъ“, заключалось въ томъ, что эта комната была „особнякомъ“. Во всѣ остальныя каморки квартиры можно было проникнуть только черезъ кухню и другія комнаты квартирохозяевъ, черезъ „углы“ разныхъ постояльцевъ, а эта комнатка какъ бы не зависѣла ни отъ кого, точно отдавалась не отъ жильцовъ, а отъ хозяина дома. „Писатель“ именно за это и остановился на ней, при наймѣ себѣ помѣщенія. Онъ вообще дичился людей. Это была дикость затравленнаго звѣря и притомъ звѣря смирнаго, безсильнаго, добраго. Казалось, онъ совѣстился людей, робѣлъ передъ ними, сознавая, что онъ хуже ихъ всѣхъ. Именно вслѣдствіе того, что онъ дичился людей, здѣсь всѣ быстро обратили на него вниманіе. Эта привычка ходить по улицѣ какъ-то бочкомъ, точно на цыпочкахъ, прижимаясь къ стѣнамъ домовъ, обходя всѣхъ и каждаго, это желаніе проскользнуть никѣмъ не замѣченнымъ, опустивъ голову, смотря куда-то въ сторону,

Digitized by Google

чтобы избѣжать встрѣчи съ чужими взглядами, наконецъ, эта улыбочка—растерянная, какъ бы извиняющаяся, немного тупая, появляющаяся на лицѣ при случайныхъ столкновеніяхъ съ людьми, маскирующая смущеніе, стыдъ, слезы, — все это не могло не обратить на него вниманія.

— Это что за блаженный? спрашивали люди при первой встрѣчѣ съ нимъ.

Отвѣта сначала не было, и за нимъ стали слѣдить, что онъ дѣлаетъ, какъ живетъ, чѣмъ существуетъ.

— Пишетъ все, сообщилъ наконецъ кто-то.

Всѣ рѣшили, что, значитъ, это писатель.

Потомъ, мало по малу, съ нимъ познакомились всѣ жильцы дома, всѣ ближайшіе сосѣди изъ мѣстной бѣдноты; одни за то, что онъ умный и образованный человѣкъ; другіе за то, что онъ привѣтливъ и смиренъ, третьи—что съ нимъ можно компанію вести, когда есть деньги у него или у ведущаго съ нимъ компанію, такъ какъ онъ любилъ выпить и пилъ много, улыбаясь еще плачевнѣе и обнимаясь со всѣми по братски въ пьяномъ видѣ.

Не смотря на то, что мало по малу всѣ убѣдились въ его способности дать умный совѣтъ, написать дѣльное письмо или слезное прошеніе, обучить ребятишекъ грамотѣ и ариѳметикѣ; не смотря на то, что онъ объяснялъ всѣмъ, что онъ не писатель, а переписчикъ и переводчикъ разныхъ дѣловыхъ бумагъ на иностранные языки,—бумагъ, добываемыхъ имъ изъ разныхъ „конторъ переводовъ и объявленій“,—за нимъ упрочились названія и „блаженнаго“, и „писателя“. Всѣ видѣли, что онъ неустанно проводитъ дни и ночи надъ перепискою и переводами дѣловыхъ бумагъ; всѣ знали, что онъ за этотъ неусыпный трудъ получаетъ гроши, всѣ знали, что онъ учитъ чуть не даромъ трехъ-четырехъ мальчугановъ; всѣмъ было извѣстно, что онъ не воръ, что онъ мухи не обидитъ, что, напротивъ того, всякій его можетъ обидѣть, и потому этотъ бѣдный людъ считалъ его хорошимъ человѣкомъ, душой-человѣкомъ, не ставя ему въ грѣхъ ни его тихаго пьянства, ни его близости съ разными падшими созданіями среди населенія большаго дома и его окрестностей. Послѣ каждой экскурсіи въ вертепы пьянства и разврата, самъ писатель только становился еще приниженнѣе, еще пугливѣе, еще смущеннѣе,

Digitized by Google

точно сознавая, что онъ недостоинъ смотрѣть въ глаза людямъ, смотрѣть на свѣтъ.

Въ тотъ морозный зимній день, когда Викторъ Павловичъ Истоминъ рѣшалъ съ Надеждой Дмитріевной, какъ поступить по дѣлу подложныхъ векселей, „писатель“ съ самаго ранняго утра былъ въ сильно возбужденномъ состояніи. У него была спѣшная работа—переписка набѣло написаннаго по французски отчета международному конгрессу о промышленной дѣятельности въ Россіи. Работа была не только срочная, но и требовала особеннаго вниманія, такъ какъ авторъ отчета писалъ довольно нечетко и небрежно, иногда дѣлая описки во французскихъ словахъ. Списывая его рукопись, нужно было ее исправлять. Тѣмъ не менѣе, писатель нерѣдко прерывалъ работу на полусловѣ, вставалъ изъ-за стола, набивалъ тутъ же гильзу остатками почти чернаго табаку, затыкалъ папироску ватой, закуривалъ ее и ходилъ взадъ и впередъ по своей длинной, узенькой каморкѣ. Онъ былъ одѣтъ почти по лѣтнему. Брюки, жилетъ и пиджакъ, когда-то сѣрые, теперь испещренные пятнами всѣхъ цвѣтовъ, были мѣстами порваны и заплатаны. Заношенная сорочка была тоже старая; на воротничкѣ и манжетахъ виднѣлись бахромки обтрепавшагося полотна. Только, какъ яркое пятно на рубашкѣ, бросался въ глаза свѣтло-серизовый галстучекъ, повязанный бантомъ спереди, — даръ одной изъ тѣхъ жалкихъ падшихъ женщинъ, которыя относились къ „блаженному“ съ такимъ же точно благодушіемъ, какъ и вся остальная, знавшая его, бѣднота. Фигура его была по истинѣ жалка: довольно высокій, онъ былъ страшно худъ и часто горбился; гладко выбритое лицо было землисто-желтаго цвѣта, съ осунувшимися щеками, съ ямками на вискахъ; его голова не была лысою, но она производила непріятное впечатлѣніе облѣзлой кожи, покрытой мѣстами клочьями тонкихъ, больныхъ бѣлокурыхъ волосъ; только его голубые, уже нѣсколько выцвѣтшіе глаза иногда производили пріятное впечатлѣніе своимъ кроткимъ добродушіемъ, своей тихою грустью. Затягиваясь папироской и ходя по комнатѣ, онъ разсуждалъ почти вслухъ, возбужденный, какъ никогда.

— Когда же это кончится, когда? Неужели Герзоновъ и теперь не предъявитъ векселей? Душу всю вымоталъ изъ ме-

Digitized by Google

ня! Кажется, могъ понять изъ вчерашняго объясненія, что на шантажъ я не пойду, запугиваніями вымогать деньги у подлецовъ не стану. И какъ онъ могъ подумать, что я пойду на это?..

И тутъ же, усмѣхнувшись горькой улыбкой, онъ добавилъ:

— А отчего же не подумать? Хуже-то развѣ я могу пасть, чѣмъ палъ? И могъ же я поддаться на эту удочку... Выдалъ векселя съ подложными надписями и не сообразилъ, для чего ихъ берутъ! Изъ участія ко мнѣ, что ли, дали мнѣ лишнюю сотню рублей за эти ничего не стоющія бумажки? Умишко послѣдній пропилъ. Наслаждался мыслью, что потащутъ меня въ судъ, и тамъ я хоть разъ отведу душу, разскажу публично свою исторію—исторію этихъ щеголей, этихъ свѣтскихъ модниковъ...

Онъ швырнулъ папироску.

— Очень нужно Герзонову это! Ему нужно, чтобы я роднымъ пригрозилъ разоблаченіемъ разной грязи, запугалъ ихъ и заставилъ заплатить за меня долги. Нѣтъ, этого не дождаться ему...

По его лицу скользнула своеобразная усмѣшка—жалкая, растерянная, туповатая.

— Не дождаться... да, да, это такъ... Глупецъ онъ... Вчера чуть не съ кулаками полѣзъ на меня, когда я наотрѣзъ сказалъ, что на шантажъ не пойду. Ну-ка, вывернись теперь. Волей-неволей въ судъ потащишь...

Онъ подмигнулъ глазомъ, точно поддразнивая кого-то, и потеръ руку объ руку.

— На судѣ вотъ все разскажу. Есть что разсказать. Документы есть...

Онъ засмѣялся и, присѣвъ на кровать, торопливо досталъ изъ бокового кармана пачку записочекъ, завернутую въ грязную обтрепавшуюся бумагу.

— Вотъ они—документы! проговорилъ онъ съ дѣтски-радостнымъ видомъ! похлопывая рукой по этой пачкѣ. „Другъ Александръ, ты много обязалъ бы меня, выручивъ изъ бѣды присылкою этихъ несчастныхъ трехъ тысячъ“, началъ онъ цитировать наизустъ изъ одного письма и тотчасъ же оборвалъ рѣчь.

Digitized by Google

Его лицо омрачилось, приняло какое-то мучительное выраженіе. Онъ брезгливо отбросилъ пачку писемъ на постель.

— Нѣтъ, нѣтъ, и это не тѣшитъ теперь! Что мнѣ въ томъ, что оболью ихъ грязью? заговорилъ онъ, опять заходивъ по комнатѣ:—тѣшило это сначала, жилъ этимъ, а теперь... Суда, суда я надъ собой хочу, чтобы меня раздавили, какъ собаку, лишили всѣхъ правъ, сослали, похоронили. Такъ жить больше нельзя, а покончить самому съ собой силъ нѣтъ, да никогда ихъ и не было.

Онъ снова сѣлъ на постель, уперся локтями въ колѣни, опустилъ на руки голову и задумался:

— А тамъ, въ Сибири, послѣ осужденія, явятся силы? Людей тамъ погибшихъ нѣтъ, что ли? Кабаковъ нѣтъ развѣ? Любовь къ какому нибудь дѣлу, можетъ быть, съ неба ниспадетъ въ душу? Нѣтъ, нѣтъ, и тамъ будетъ то же! Въ одиночное заключеніе нужно бы меня запереть, въ Сибирь на каторгу сослать: вотъ что нужно для исправленія...

Онъ стиснулъ, почти въ ярости, зубы и сжалъ кулаки.

— О, хоть бы кто нибудь растопталъ, какъ послѣднюю гадину! воскликнулъ онъ въ бѣшенствѣ, ударяя себя кулакомъ въ лобъ.

И снова, съ выраженіемъ какой-то тупости, поникнувъ головой, разставивъ ноги, опустивъ руки, онъ впалъ въ неопредѣленное раздумье, какъ бы охваченный сномъ съ открытыми глазами. Прошло такъ минутъ съ десять. Его начинала томить жажда, въ горлѣ сохло, губы стягивало.

— Дописать надо скорѣе, дописать... деньги получить, прошепталъ онъ.

Онъ поднялся, какъ разбитый, съ постели и, немного сгорбившись, побрелъ къ столу. Въ эту минуту, ему можно было дать лѣтъ пятьдесятъ: такъ онъ былъ раслабленъ, хилъ, измятъ. Онъ сѣлъ къ столу, совсѣмъ согнувъ спину, и сталъ писать, выводя красивымъ почеркомъ французскія буквы. Работалъ онъ теперь упорно, ровно, не отдыхая, какъ машина, не перемѣняя даже позы. Переписка уже приходила къ концу, и его лицо начало озаряться усмѣшкою: онъ уже видѣлъ близость окончанія работы и полученія денегъ. Наконецъ, послѣднія буквы были выведены, онъ отложилъ перо въ сторону, потянулся и засмѣялся:

Digitized by Google

— Еще поживемъ сегодня!

Онъ лукаво подмигнулъ однимъ глазомъ, потирая руки.

— А, кажется, морозитъ... Какъ бы не простудиться... не повредить драгоцѣнному здоровью... хе, хе, хе!

Онъ заторопился, началъ свертывать папироску, подошелъ къ кровати, снялъ лежащее на ней, вмѣсто одѣяла, легкое пальто, потомъ взялъ съ гвоздя красный вязанный изъ шерсти шарфъ,—подарокъ одной изъ легкихъ дѣвицъ,— и сталъ обматывать имъ шею. Въ нѣсколько минутъ онъ уже былъ готовъ, чтобы нести рукопись. Онъ вышелъ изъ комнаты и направился по коридору къ выходу. Выйдя съ лѣстницы на дворъ, онъ тотчасъ же съежился, отъ холода или просто по привычкѣ, и засѣменилъ ногами, пробираясь стороною, около стѣны. У воротъ дома его окликнула румяная, разбитная бабенка съ корзиной съ яйцами за спиной:

— Лександра Павлычъ, куда?

— Работу несу, Степанида Степановна, за деньгами, отвѣтилъ онъ, конфузливо улыбаясь.

— Значитъ, съ тебя спрыски, сказала она, показывая бѣлые зубы:—Не застудись только. Морозъ-то во всѣ щели дуетъ.

— Ничего, отвѣтилъ онъ, торопливо проскальзывая мимо съ потупленными глазами и сконфуженнымъ видомъ.

Морозъ былъ, дѣйствительно, довольно сильный; но Александръ Павловичъ, казалось, не замѣчалъ его и почти бѣгомъ бѣжалъ къ своей цѣли. Эти четыре рубля теперь были единственною его мыслью, цѣлью, радостью. Получитъ онъ ихъ—и согрѣется. „Надо купить водочки, колбасы, хлѣба, Степанидѣ Степановнѣ орѣховъ прихватить. Славная она бабенка! Загуляла въ Питерѣ. Что жъ, тоже жизнь тяжелая. Хочется душу отвести. Всѣмъ не сладко живется“...

Уже совсѣмъ смерклось, когда онъ вернулся домой съ кое-какими покупками. Теперь улыбка уже не сходила съ его лица. Въ манерахъ было что-то суетливое. Онъ, не снявъ даже пальто, сталъ растапливать въ своей конурѣ печку, бросивъ купленную провизію на столъ. Минутъ черезъ пять, его комната озарилась свѣтомъ убогой лампы и отблескомъ горящихъ въ печкѣ дровъ. Хлопоча въ комнатѣ, онъ раза два забѣжалъ на кухню къ хозяевамъ квартиры, перекинулся

Digitized by Google

кое съ кѣмъ изъ жильцовъ двумя-тремя фразами. Хозяйка квартиры, толстая мѣщанка лѣтъ шестидесяти, шутила съ нимъ, поставивъ для него самоваръ:

— Чѣмъ угощать-то будешь? гостей-то много ли наприглашалъ?

— Много не много, а тоже придутъ. У насъ не красна изба углами, а красна пирогами, отшучивался онъ.

— Что говорить, каждую копѣечку ребромъ ставишь!

Черезъ нѣсколько минутъ, въ его комнатѣ уже пили чай, водку, пиво и закусывали двое какихъ-то рабочихъ, хозяйка съ мужемъ и бойкая продавщица яицъ. Говоръ и смѣхъ, шутки и любезности росли по мѣрѣ того, какъ выпивались водка и пиво. Александръ Павловичъ даже раскраснѣлся слегка, пріободрился, изрѣдка подталкивалъ локтемъ Степаниду Степановну, на что та только скалила ровные, бѣлые зубы, погрызывая ими орѣхи.

Повидимому, они вполнѣ понимали другъ друга.

Веселье было въ полномъ разгарѣ, когда на порогѣ неожиданно появился новый непрошенный гость. Высокій и плотный, съ рѣзко очерченной физіономіей восточнаго человѣка, онъ въ теплой скунсовой шубѣ остановился на порогѣ, немного удивленный неожиданной картиной веселья. Александръ Павловичъ замѣтилъ его и сразу какъ бы отрезвѣлъ. Онъ пошелъ къ нему на встрѣчу и рѣзко спросилъ:

— Вы еще зачѣмъ здѣсь? Чего вамъ отъ меня надо? Еще пришли мучить?

— И что вы кричите? проговорилъ смущенно новопришедшій:—вовсе кричать нечего. У насъ же дѣла.

— Никакихъ у насъ дѣлъ съ вами нѣтъ! Векселя у васъ мои:—ну, и убирайтесь съ ними, подавайте ихъ ко взысканію!

Герзоновъ немного смутился, стѣсняясь говорить о дѣлахъ при этой компаніи, осматривавшей его съ ногъ до головы.

— А мнѣ же надо съ глазу на глазъ поговорить съ вами! сказалъ онъ, пятясь къ выходу:—и дѣло такое серьезное... Выдьте на минуту сюда, прибавилъ онъ, выходя въ коридоръ.

— Что вамъ? спросилъ Протасовъ, выходя за нимъ:—

Digitized by Google

опять хотите принудить къ шантажу? Думаете, я подгулялъ, такъ соглашусь?.. Ахъ, вы...

— И зачѣмъ такъ кричать, остановилъ его Герзоновъ:— и вовсе кричать не надо! Какой тутъ шантажъ? Что вы мнѣ говорите о шантажѣ? За васъ хотятъ заплатить долги, безъ всякаго шантажа, и для этого нужно, чтобы вы завтра были утромъ у меня и къ двѣнадцати часамъ. Заплатятъ только при васъ.

— Заплатятъ? Долги заплатятъ? почти безсмысленно бормоталъ ошеломленный Александръ Павловичъ, ничего не понимая:—Кто?

— И завтра все узнаете. Но будьте же у меня и ровно къ двѣнадцати часамъ. Я надѣюсь, что вы будете, и это дѣло мы кончимъ...

Герзоновъ пошелъ по коридору къ выходу, тяжело ступая и шаркая высокими, теплыми калошами. Александръ Павловичъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, какъ пришибленный.

„Заплатятъ долги? Кто платитъ? Ахъ, не все ли равно! Дѣло въ томъ, что платятъ. Не разскажетъ онъ публично на судѣ, какъ и кто довелъ его до настоящаго положенія... Не то, не то!.. Этого ему не нужно теперь... Прежде онъ этого жаждалъ... Нѣтъ, но не осудятъ, не сошлютъ его. Вотъ что важно. Жить онъ будетъ здѣсь, какъ жилъ. Проклятье, проклятье“!

Всѣ эти мысли хаотически, какъ ураганъ, проносились въ его головѣ, а лицо улыбалось жалкой, тупой улыбкой.

— Александръ Павловичъ, чего заснулъ! раздался крикъ изъ его комнаты.

Онъ очнулся, отдѣлился отъ стѣны коридора и, пошатываясь, вошелъ въ комнату.

— Гостя-то проводилъ?

Александръ Павловичъ кивнулъ головой.

— Въ тюрьму, что ли, подлая душа, собирается тащить? Ты бы его въ три шеи!

Александръ Павловичъ тихо улыбался.

— Долги ему за меня платятъ...

Всѣ разомъ обернулись къ нему.

— Рехнулся ты, что ли? Аль перелилъ черезъ край?

Онъ только отрицательно качалъ головой и улыбался.

Digitized by Google

— Это ему за его добродѣтель, милые люди, сказала хозяйка.

— Видно, сродственники-то трусу празднуютъ, что онъ ихъ на судѣ шлифовать станетъ, замѣтилъ одинъ изъ гостей.

— Жаль только, что этому-то псу, жидюгѣ, дарма денежки достанутся. Поди, на каждую сотню по тысячѣ наживетъ, разсудилъ еще кто-то.

Всѣ давно знали подробности исторіи Протасова, всѣ глубоко сочувствовали ему, всѣ заодно съ нимъ ругали и его родныхъ, и Герзонова.

— А выпить за здоровье Александра Павловича все же слѣдъ, послышались голоса.

Александръ Павловичъ сидѣлъ на постели, скорбно опустивъ голову на грудь, ошеломленный, подавленный. У него точно вдругъ почву изъ-подъ ногъ вырвали! Все это время онъ жилъ мечтами о мести, мечтами о какомъ-то перерожденіи; иногда онъ не вѣрилъ въ это, отрицалъ и возможность мести, и возможность перерожденія, но это наполняло его мысль, наполняло его жизнь. Теперь вдругъ точно даже не о чемъ было думать:—ни надеждъ, ни сомнѣній. Впереди вотъ эта однотонная, одноцвѣтная канитель жизни: работать, чтобы пить; пить, чтобы работать.

А кругомъ него всѣ шумѣли, веселились, угощали его, брали съ него обѣщаніе, что завтра на радостяхъ онъ дастъ еще бо́льшій пиръ...

IX.

Александръ Павловичъ проснулся поздно, медленно зѣвая и потягиваясь на своей убогой кровати. Мутный зимній день смотрѣлъ уже въ окно и бѣлесоватымъ свѣтомъ озарялъ, сквозь морозные узоры на стеклахъ, царствовавшій въ комнатѣ безпорядокъ. Пустой штофъ, пустыя бутылки изъ подъ пива, остатки ѣды напоминали Протасову о вчерашнемъ пирѣ. Онъ улыбался, вспоминая образъ румяной Степаниды Степановны. „Здоровьемъ отъ нея пышетъ, и огонь же баба...“ Вдругъ онъ неожиданно поднялся на постели, оборвавъ свои мечты, и сталъ протирать глаза. „Что же, во снѣ или на яву это было? Точно ли приходилъ Герзоновъ“? Онъ

Digitized by Google

спустилъ ноги на полъ и началъ усиленно тереть себѣ лобъ, силясь возстановить въ памяти вчерашній вечеръ во всѣхъ его подробностяхъ. Да, Герзоновъ точно былъ. Идти къ нему надо сегодня, сейчасъ. Его лицо омрачилось, и изъ груди вырвался вздохъ. Тяжело ему: измучилъ его Гезроновъ. Одинъ бы конецъ скорѣе. Что это онъ толковалъ объ уплатѣ? Кто хочетъ заплатить? почему? Онъ сталъ неохотно одѣваться. А все же надо идти. Послѣ долгихъ лѣтъ, ему впервые стало стыдно своихъ лохмотьевъ. Кого онъ тамъ увидитъ? Какъ взглянутъ на его нарядъ? Ну, да что же дѣлать: лучшей одежды нѣтъ.

Онъ пошелъ. У Герзонова его уже ждалъ Истоминъ. Викторъ Павловичъ мелькомъ бросилъ на него взглядъ и удивился. Онъ ожидалъ встрѣтить большую перемѣну въ Протасовѣ, но такимъ онъ не представлялъ его, не повѣрилъ бы, что онъ могъ сдѣлаться такимъ. Этотъ взглядъ, точно электрическая искра, разомъ поднялъ упавшій духъ Александра Павловича, и онъ съ давно забытымъ ироническимъ высокомѣріемъ, хотя немного торопливо, заговорилъ:

— А, это вы, генералъ? Вотъ не ожидалъ! Родные платить долги собрались?.. Я, кажется, никого не просилъ и не прошу. Слава Богу, еще живу, не прося милостыни. Или испугались милые родные, что имъ придется фигурировать въ роли разорителей того, кто сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ? Это, конечно, непріятно! но что же дѣлать, что же дѣлать! Я вовсе не желаю, чтобы они платили за меня долги.

Викторъ Павловичъ не перебивалъ этого торопливаго многословія, маскировавшаго смущеніе. Наконецъ, когда Протасовъ смолкъ, онъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Вашего желанія никто не спрашиваетъ...

Герзоновъ испуганно заторопился.

— Да, да, это дѣло и совсѣмъ мое.

Не обращая вниманія на него, Викторъ Павловичъ добавилъ:

— И притомъ вы ошибаетесь: платятъ долги не ваши родственники, ихъ платитъ Надежда Дмитріевна.

Александра Павловича точно ударило чѣмъ-то по головѣ. Этого онъ не ожидалъ. Онъ какъ бы съежился и пробормоталъ:

Digitized by Google

— Она?.. Мать?..

И снова, съ трудомъ уже собравшись съ силами, онъ запротестовалъ:

— Я этого не желаю, не допущу...

Истоминъ небрежно отвѣтилъ:

— Развѣ вы можете запретить скупать ваши векселя?

И тутъ же прибавилъ:

— Я пригласилъ васъ сюда не ради этого. Есть одно обстоятельство, требующее вашего присутствія.

Протасовъ стоялъ, какъ убитый, жалкій, съ болѣзненнымъ выраженіемъ лица, съ опущенной головой, тупо и растерянно смотря въ землю. Казалось, онъ видѣлъ передъ собой теперь не Истомина, а старушку-мать, свою ходячую совѣсть, и стыдился взглянуть ей въ глаза. Викторъ Павловичъ продолжалъ:

— У васъ, какъ стало всѣмъ теперь извѣстно, есть документы, будто бы компрометирующіе вашихъ родныхъ. Не знаю, насколько серьезны эти документы, тѣмъ не менѣе я попрошу васъ отдать ихъ мнѣ.

Протасовъ, по мѣрѣ того какъ Истоминъ говорилъ, сталъ приподнимать голову. Его лицо покрылось легкимъ румянцемъ, губы искривила усмѣшка, полная презрѣнія и гнѣва.

— А-а! протяжно проговорилъ онъ:—такъ вотъ въ чемъ суть! Надеждѣ Дмитріевнѣ хочется спасти честную семью отъ компрометирующихъ толковъ!.. Она изволитъ бояться, что такой негодяй, какъ я, можетъ замарать честь нашей благородной семьи. Ха, ха! Теперь я понимаю причину этого великодушія! Да, да! Ну, такъ скажите почтеннѣйшей Надеждѣ Дмитріевнѣ, что я никогда, никогда не отдамъ этихъ документовъ! Слышите!

— И какъ же такъ? Но мои интересы... началъ испуганно Герзоновъ.

— А что мнѣ ваши инсересы? Что мнѣ за дѣло до кого бы то ни было? запальчиво крикнулъ Протасовъ.

Онъ обернулся къ Истомину.

— Передайте все это Надеждѣ Дмитріевнѣ и успокойте ее: я шантажемъ еще не занимался. Очень жаль, что она такъ плохо знаетъ меня. Кажется, было время изучить...

На мгновеніе въ немъ проснулось что-то въ родѣ энергіи, гордости, сознанія своего достоинства. Онъ, ни съ кѣмъ

Digitized by Google

не прощаясь, торопливо пошелъ къ выходу. Герзоновъ бросился за нимъ, но Протасовъ грубо оттолкнулъ его отъ себя. Истоминъ въ первую минуту тоже хотѣлъ его остановить, но его чутье дѣльца сразу подсказало ему, что онъ теперь можетъ выиграть тысячу-другую. Когда Герзоновъ вернулся, послѣ тщетныхъ усилій образумить Протасова, Истоминъ уже принялъ равнодушный видъ и съ усмѣшкой сказалъ:

— Кажется, наша сдѣлка не удастся, и вамъ придется подавать векселя въ судъ.

— Но какъ же такъ, и что же я тогда получу? воскликнулъ Герзоновъ.

— Да, вѣроятно, ничего не получите, холодно и сухо отвѣтилъ Викторъ Павловичъ, стараясь подавить улыбку:— что же даромъ бросать деньги, когда у этого господина остаются въ рукахъ документы, выгодные для разныхъ шантажистовъ?..

— О, онъ никогда не согласится пустить ихъ въ дѣло, воскликнулъ Герзоновъ:—это совсѣмъ дуракъ! Я его уже не разъ побуждалъ...

Герзоновъ поперхнулся и оборвалъ фразу на полусловѣ. Истоминъ пожалъ плечами.

— И притомъ векселя будутъ у васъ въ рукахъ, заторопился объяснить Герзоновъ:—и вы всегда будете имѣть возможность пригрозить ему.

— Такъ-то такъ, но на это не стоитъ убивать десятка тысячъ.

— И развѣ я поэтому долженъ свои кровныя деньги терять? воскликнулъ Герзоновъ:—я рисковалъ, я не зналъ, что онъ нищій и что онъ поддѣлалъ бланковыя подписи.

— Ну, это ужь ваше дѣло, равнодушно сказалъ генералъ, собираясь идти.

Герзоновъ остановилъ его, схвативъ за рукавъ, и сказалъ:

— И что же вы, ваше превосходительство, идете? Развѣ вы не желаете болѣе покупать векселя?

Истоминъ понялъ, что будетъ уступка, и сталъ торговаться, какъ на базарѣ, выторговывая рубль за рублемъ. Онъ попалъ въ свою сферу и чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ...

Въ это время Александръ Павловичъ Протасовъ уже давно шагалъ по улицѣ. Сначала, подъ вліяніемъ возбужденія,

Digitized by Google

онъ шелъ быстро, довольно неправильною походкою. Но всякія возбужденія теперь проходили у него быстро и вслѣдъ за ними являлся упадокъ духа, упадокъ силъ. Радость и горе, умиленіе и гнѣвъ только на минуту волновали его и потомъ быстро стирались въ памяти. „До чего онъ дошелъ, что даже она, Надежда Дмитріевна, его названная мать, считаетъ его способнымъ на всякую мерзость! Отчего же и не считать? Всего отъ него ждать можно. Въ пьяномъ видѣ онъ все сдѣлать можетъ! Правда, до сихъ поръ не дѣлалъ подлостей, но это не значитъ, что онъ не можетъ ихъ сдѣлать. Не будь у него этихъ бумагъ—ничего бы онъ не могъ сдѣлать и никто бы даже не вспомнилъ объ немъ. Тогда и на судѣ къ нему отнеслись бы безъ снисхожденія. Какъ это не пришло ему въ голову прежде? Хотѣлъ строгаго обвиненія, а держался за эти бумаги! Стоитъ вотъ взять ихъ и бросить, и конецъ. Ни на какіе шантажи его тогда нельзя бы было подбить даже пьянаго, и судъ не пощадилъ бы его. Какъ онъ прежде упустилъ это изъ виду? Все жаждалъ осужденія, а это упустилъ изъ виду, мечтая распространиться на судѣ объ этихъ документахъ. Еще оправдали бы. На что же тогда и судъ? Запятнать родныхъ? Развѣ это ему нужно?“ Онъ ощупалъ въ карманѣ пачку бумагъ. „Вынуть и бросить—вотъ и все“. Онъ началъ улыбаться своей туповатой, полубезсмысленной улыбкой, представляя себѣ ужасъ Герзонова, когда онъ, Протасовъ, скажетъ, что у него нѣтъ этихъ документовъ, когда онъ оповѣститъ объ этомъ черезъ Надежду Дмитріевну и родныхъ. Герзоновъ обозлится, подастъ векселя ко взысканію, и его, Протасова, сошлютъ, не давъ никакого снисхожденія... Ему страстно захотѣлось скорѣй бросить бумаги. Но куда? въ прорубь? Онъ шелъ по набережной Екатерининскаго канала и искоса взглянулъ на ледъ. „Спуститься и бросить... Замѣтятъ, заподозрятъ. Подумаютъ, краденое бросаетъ. Лучше дома сжечь ихъ. Зайти закусить, а потомъ скорѣе домой—и сжечь“.

— Сжечь корабли! громко проговорилъ онъ и засмѣялся тихимъ, жалкимъ и въ то же время лукавымъ смѣхомъ, подмигивая однимъ глазомъ.

Онъ зашелъ въ лавку, купилъ себѣ кое-чего съѣстнаго и направился домой. Дома онъ поѣлъ, выпилъ двѣ рюмки водъ-

Digitized by Google

ки. Это его подбодрило, успокоило, и онъ, затопивъ печку, сладко потянулся и прилегъ, готовясь немного уснуть. Вдругъ онъ вспомнилъ снова о бумагахъ. „Сжечь, вѣдь, онъ хотѣлъ ихъ. Чуть не забылъ. Память ему все больше и больше измѣняетъ“. Онъ вынулъ изъ кармана бумаги, не вставая еще съ постели отъ охватившей его усталости, и задумался. „Оставятъ ли его въ покоѣ, если онъ сожжетъ бумаги? Кто повѣритъ, что онъ сдѣлалъ это? Ихъ надо вернуть по принадлежности, подарить ихъ на память тѣмъ, кто писалъ“. Онъ усмѣхнулся и тотчасъ же добавилъ: „не для того ли, чтобы они говорили потомъ, что никакихъ бумагъ и не было? Нѣтъ, Надеждѣ Дмитріевнѣ ихъ надо отдать; она хлопотала о нихъ; она не станетъ утверждать, что ихъ не было. Она все же честная женщина. Да, да, честная, а его даже и она негодяемъ считаетъ“. Онъ махнулъ безнадежно рукой. „Что тутъ разсуждать! Выспаться и снести бумаги. Пусть посмотритъ кстати и на него. Тяжело ей будетъ. Ну, что жъ, и ему тяжело было сегодня... очень тяжело...“

X.

Уже совершенно смерклось, когда Надежда Дмитріевна сидя у лампы въ своей комнатѣ за работой, услышала въ передней звонокъ. Она вздрогнула и тревожно подумала: „опять не ко мнѣ ли?“ За эти дни у нея перебывало столько разныхъ посѣтителей, что ей становилось тяжело, тѣмъ болѣе тяжело, что всѣ эти посѣтители просили подачекъ и она давала эти подачки, а между тѣмъ и они, и она, очень хорошо знали, что легче отъ этихъ подачекъ не станетъ, судьба не измѣнится. Тамъ, у нея въ Чернецѣ, къ ней являлась тоже масса народа, но всѣ эти люди нуждались въ иной помощи—это были больные, роженицы, разные бѣдняки, случайно ставшіе въ тяжелое положеніе отъ падежа коровы или лошади. Тамъ помощь, состоявшая обыкновенно изъ заимообразной выдачи денегъ на опредѣленный предметъ, давала видимые результаты. Здѣсь Надежда Дмитріевна „свою старость чувствовала“, какъ она выражалась, сидѣла кочнемъ на одномъ мѣстѣ, вязала, утомленная, опустившаяся.

Digitized by Google

Тамъ, напротивъ того, она являлась подвижною, какъ ртуть; сновала изъ угла въ уголъ; день казался коротокъ,—столько было дѣла. Въ эти три-четыре дня она уже только и думала о томъ, чтобы поскорѣе убраться восвояси. Дѣло теперь по уплатѣ векселей было кончено; оставалось похлопотать о приданомъ для Ольги и—конецъ. Но все ли это, что̀ нужно было сдѣлать? Въ глубинѣ ея души была еще одна надежда, самая главная цѣль ея пріѣзда сюда: похитить Сашу туда въ Чернецъ. Но какъ? Идти самой къ нему? Вызвать его письмомъ? Послать кого нибудь для переговоровъ съ нимъ? Впервые въ жизни, находчивая во всѣхъ затруднительныхъ положеніяхъ, Надежда Дмитріевна не знала, какъ лучше поступить теперь. И еще это сегодняшнее свиданіе съ Викторомъ Павловичемъ!.. Онъ такъ обрисовалъ ей Александра, что старушка плакала цѣлый часъ. „Какъ поднять человѣка, дошедшаго до такого состоянія? Чѣмъ онъ сдѣлался нравственно? Дошелъ, должно быть, до полнаго паденія... Можно ли его еще спасти?“... Звонокъ прервалъ эти мысли, она услышала шаги, подняла голову и увидала на порогѣ исхудалую фигуру оборваннаго человѣка съ облысѣвшей головой, со впалыми глазами. Онъ остановился въ дверяхъ, и его лицо приняло то привычное выраженіе жалкой улыбки, которая появлялась у него теперь какъ-то непроизвольно. Онъ улыбнулся и молчалъ.

— Ты? громко вскрикнула Надежда Дмитріевна и, съ подламывающимися ногами, едва поднялась съ мѣста.— Родной...

Онъ тупо улыбался.

— Узнали? Я думалъ, и не узнаете...

И тотчасъ же, не пытаясь обнять и расцѣловать ее, не протягивая ей даже руки для пожатія, онъ заторопился съ озабоченнымъ видомъ:

— Бумаги я принесъ, вы хотѣли ихъ выкупить... Зачѣмъ же, я и такъ вамъ отдамъ... безъ всякаго выкупа... Просто спросили бы...

— Какія бумаги, что̀ ты говоришь? Садись, садись, перебила она дрожащимъ голосомъ, глотая слезы:—вотъ сюда...

Онъ повиновался и присѣлъ на кончикъ стула, смотря на нее съ улыбкой.

Digitized by Google

— Я хотѣлъ ихъ истребить, продолжалъ онъ въ смущеніи:—но не повѣрили бы. Я и принесъ ихъ вамъ... Зачѣмъ прямо не спросили? Я бы отдалъ и прежде... Платить за меня не слѣдуетъ... Мнѣ все равно.

Она ничего не понимала. Онъ продолжалъ:

— Тутъ, право, всѣ бумаги. Я не вру. Вотъ онѣ. Напрасно вы и думали, что я шантажничать буду.

Ей показалось, что онъ бредитъ.

— Викторъ Павловичъ мнѣ это разъяснилъ, что вы желали заплатить за меня долгъ, чтобы выручить эти бумаги.

Она, наконецъ, поняла и отстранила бумаги отъ себя.

— Я ихъ вовсе не просила. Онѣ мнѣ не нужны, сказала она, качая головой:—убери ихъ...

Онъ широко открылъ глаза.

— Такъ какъ же? За что же вы хотѣли заплатить долгъ?

— Да вѣдь ты же былъ долженъ? Тамъ были какіе-то неправильные векселя? У меня были твои деньги, ну, я и заплатила. Вотъ и все.

— Мои деньги?

Она пожала плечами.

— Деньги, оставшіяся послѣ твоего отца. Не выдь я за него замужъ, онѣ бы къ тебѣ перешли. Въ случаѣ моей смерти, тоже все по духовной тебѣ перешло бы...

Онъ мягко, уже вполнѣ осмысленно улыбнулся.

— Все та же вы!

И тяжело вздохнулъ глубокимъ вздохомъ.

— А я вотъ какимъ сталъ...

Онъ опустилъ голову и смолкъ, перебирая бахрому у кресла высохшими тонкими и длинными пальцами, не замѣчая даже, что по его впалымъ щекамъ текутъ ручьемъ обильныя слезы.

Она положила свою пухлую руку на его руку и тихо, ласково заговорила. Теперь онъ чистъ отъ всякихъ обвиненій и свободенъ. У нея есть свой уголъ въ Чернецѣ. Тамъ можно отдохнуть. Она, какъ за ребенкомъ, будетъ за нимъ ходить. Ей, старушкѣ, больше нечего и дѣлать въ жизни, какъ за больными дѣтьми ходить. А ужь рада-то, рада-то какъ она будетъ, когда онъ поселится у нея! Онъ вѣдь ея родной; роднаго сына она не могла бы больше любить, чѣмъ его. Ну,

Digitized by Google

поживетъ онъ, вздохнетъ, поправится, примется за службу. Онъ еще не старъ. Жизнь еще впереди, хорошая, дѣятельная, полезная жизнь. Кругомъ несчастные, страдающіе. Кто можетъ послужить имъ, тому и честь, и слава. Ни ума большаго, ни большихъ знаній для этого не нужно. Только сердце доброе да отзывчивое нужно имѣть. Иному бѣдняку слово ласковое нужнѣе денегъ... Она говорила тепло, задушевно, а онъ слушалъ ее молча, улыбаясь мягкою, почти дѣтскою улыбкою, какъ больное дитя, слушающее волшебныя сказки няни. Передъ нимъ проходили картины: ея домикъ въ Чернецѣ, уютный, веселый, съ садомъ, со множествомъ птицы, съ коровой и лошадью въ хлѣву; она, старушка ласковая, любящая, вѣчно хлопочущая около бѣдныхъ и больныхъ, веселая до старости, симпатичная даже въ минуты ворчливости и напускной строгости; онъ, Александръ, поправившійся, поздоровѣвшій, помогающій ей, ближнимъ, заглаживающій прошлое, опять рѣшающійся безъ краски стыда глядѣть на свѣтъ, на людей... Все шире и шире дѣлалась его свѣтлая, блаженная улыбка. Наконецъ, Надежда Дмитріевна заключила:

— И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!..

Онъ очнулся отъ грезъ.

— Да, да, тѣмъ лучше, машинально повторилъ онъ.

— Тебѣ пріодѣться нужно. Купи что надо и скорѣе, скорѣе въ путь.

До его слуха дошли только послѣднія слова:—„скорѣе въ путь“.

— Да, да, въ путь! повторилъ онъ, какъ эхо.

Онъ машинально поднялся, взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ. Старушка почувствовала, что ей упало на руку нѣсколько слезинокъ. Она хотѣла обнять его, но онъ какъ-то торопливо, сгорбившись, пошелъ къ дверямъ, смущенный, жалкій.

— А деньги-то, деньги-то, сказала Надежда Дмитріевна, засуетившись: — на первый разъ самое необходимое купи. Вотъ!

Она сунула ему пятьдесятъ рублей. Онъ растерялся и пробормоталъ въ смущеніи:

— Зачѣмъ же? не надо!

Digitized by Google

— Да вѣдь у тебя же нѣтъ, сказала она:—бери, бери! Я буду тебя ждать завтра или послѣ завтра.

— Да, да, отвѣтилъ онъ, съ понурой головой уходя отъ нея.

Онъ вышелъ изъ дому въ какомъ-то чаду, точно погрузившись въ сонъ; побрелъ, куда глаза глядятъ, добрелъ до Фонтанки и въ какомъ-то безсиліи облокотился на желѣзныя перила, опустилъ голову на руки и зарыдалъ, судорожно вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Онъ самъ не зналъ, о чемъ онъ плачетъ. Онъ даже не думалъ ни о чемъ. Просто подступило что-то подъ горло, душить начало, полились изъ глазъ слезы. Мимо двигались прохожіе и съ усмѣшками или съ чувствомъ отвращенія взглядывали на этого оборванца, напившагося, какъ казалось имъ, до того, что плачетъ на улицѣ. Ему не было дѣла ни до кого, онъ даже не сознавалъ, что стоитъ на улицѣ... Наконецъ, его началъ пробирать ознобъ. Онъ понемногу очнулся, отеръ глаза рукавомъ пальто, жалко улыбаясь, и пошелъ понурый, ослабѣвшій: согрѣться, то есть выпить, было необходимо; его уже трясло отъ холода, и, кромѣ того, отъ всего пережитаго за этотъ день чувствовался полный упадокъ силъ. Казалось, онъ вдругъ состарѣлся на нѣсколько лѣтъ. У него былъ еще рубль своихъ денегъ, и онъ могъ, не затрачивая ни гроша изъ „чужихъ“ денегъ, согрѣть себя. Черезъ нѣсколько минутъ, выпивъ три рюмки водки, онъ приближался къ своему дому уже совсѣмъ бодрымъ и опять улыбался блаженною улыбкою.

У воротъ дома сидѣлъ какой-то молодой парень, мастеровой, въ нагольномъ полушубкѣ, въ сдвинутой на затылокъ фуражкѣ, и уныло наигрывалъ на гармоникѣ.

— Изъ гостей, Александръ Павловичъ? спросилъ онъ, здороваясь съ Протасовымъ.

— Отъ родныхъ, отвѣтилъ Александръ Павловичъ: — а вы что тутъ въ унынiи сидите?

— Денегъ нѣтъ, отвѣтилъ тоскливо мастеровой:—вчера столько вычли, что едва хватило въ лавкѣ да хозяйкѣ отдать. Вотъ теперь и сиди у моря да жди погоды. А Машутка, поди, ждетъ.

Александръ Павловичъ тихо засмѣялся:

— Вы, Василій, совсѣмъ врѣзались въ нее, хоть подъ вѣнецъ...

Digitized by Google

— Гдѣ ужь подъ вѣнецъ! Не до вѣнца такимъ-то... Закабалена она. Имъ отъ хозяекъ, какъ изъ петли, не вырваться, безнадежно сказалъ мастеровой:—хуже этой жизни и нѣтъ, кажись...

— Да, это точно. Хуже, чѣмъ въ тюрьмѣ, согласился Протасовъ:—такъ, значитъ, и не пойдешь къ ней сегодня?

— Безъ денегъ туда нечего носъ совать. Машутка-то и безъ денегъ бы рада была гостю, а хозяйка—ей подай.

Александръ Павловичъ тихо засмѣялся, лукаво подмигивая:

— А я васъ, Василій, обрадую! Денегъ дамъ взаймы.

— Ну-у? недовѣрчиво проговорилъ молодой парень, и его лицо оживилось: — я тебѣ, Александръ Павлычъ, по гробъ этого не забуду, если ты точно... Такъ, такъ сердце щемитъ, что а-ахъ!...

Онъ безнадежно махнулъ рукой.

— Тоже жисть не сладкая!

Александръ Павловичъ похлопалъ его по пріятельски по плечу.

— Ахъ, молодежь, молодежь! Тяжело жить одному безъ ласки...

— Ужь такъ-то тяжело, такъ...

Протасовъ торопливо досталъ деньги.

— Много ли? Рубля три довольно?

— И того много! А самъ-то не пойдешь? Пойдемъ!.. То-то. Машутка тебѣ спасибо скажетъ...

— Я что же... я пожалуй...

Они пошли вмѣстѣ въ трактиръ—выпить и размѣнять деньги.

— Ты другъ, истинно говорю тебѣ, другъ, объяснялся Василій въ любви Протасову:—душа въ тебѣ есть! Вотъ и то Дарья наша давеча говоритъ: „кабы вотъ у Александра Павлыча были деньги, такъ онъ бы далъ, слова не сказалъ, а то всѣхъ обѣгала, ни гроша не достала; когда нужда—ни у кого гроша нѣтъ“.

— Дарья, башмачница-то? спросилъ Протасовъ:—что ей такъ занадобились деньги?

— Да сынишка же померъ: какъ ни какъ, хоронить надо.

— Чего же ты не сказалъ? Деньги у меня есть. Я вернусь...

Digitized by Google

Александръ Павловичъ засуетился: онъ готовъ былъ теперь помогать всѣмъ и каждому, благо у него были деньги.

— Вернемся, сказалъ мастеровой:—Я тебя теперь не отпущу, а то не придешь опосля...

Вернулись, отыскали башмачницу Дарью. Протасовъ далъ ей взаймы пятнадцать рублей, приставая къ ней, не надо ли больше. Дарья и плакала, и крестилась, и называла Протасова истиннымъ благодѣтелемъ.

— Богъ тебѣ за это воздастъ, повторяла она:—потому въ горѣ человѣку помогъ.

Василій торопилъ его идти. Теперь оба, уже совсѣмъ веселые, они взяли извощика и поѣхали. Въ небольшомъ деревянномъ домѣ съ закрытыми на глухо ставнями уже играли на фортепьяно, когда они прибыли туда. Въ просторной, но низкой залѣ съ особеннымъ спертымъ и удушливымъ воздухомъ ихъ окружило разомъ нѣсколько женщинъ, какъ людей знакомыхъ, своихъ. Протасовъ застѣнчиво и ласково улыбался въ отвѣтъ на привѣтствія, пожимая всѣмъ руки. Какой-то женскій голосъ, немного надтреснутый, крикнулъ старику таперу, чтобы онъ пересталъ играть.

— Александръ Павловичъ теперь сыграетъ, раздался тотъ же голосъ:—сыграйте, Александръ Павловичъ!

— Я съ удовольствіемъ... очень радъ, отвѣтилъ Протасовъ.

Онъ присѣлъ къ фортепьяно, окруженный толпой молодыхъ дѣвушекъ, и заигралъ изъ „Трубадура“ арію въ тюрьмѣ, чуть слышно подпѣвая себѣ. Голоса у него уже давно не было, но осталось умѣнье пѣть и фразировать. Въ залѣ водворилась полнѣйшая тишина.

— И хорошо же вы играете! вырвалось чье-то восклицаніе, точно вздохъ.

Протасовъ добродушно усмѣхнулся:

— Обѣднѣю, буду наниматься къ вамъ въ таперы...

И, оборвавъ грустную пьесу на половинѣ, онъ заигралъ шумную мазурку изъ „Жизни за царя“. Онъ держалъ себя здѣсь, какъ хорошій знакомый въ семейномъ домѣ, интересуясь печалями и радостями всѣхъ этихъ отверженныхъ созданій. Распущенныя, безцеремонныя, циничныя съ „гостями“, въ немъ онѣ не видѣли ни „гостя“, ни „мужчину“, и говорили съ нимъ такъ, какъ говорятъ со старыми друзьями, жалова-

Digitized by Google

лись ему на судьбу, на обиды, на обсчитывающихъ ихъ людей, сплетничали...

На слѣдующій день, часовъ въ десять, Александра Павловича разбудилъ топотъ дѣтскихъ ногъ. Онъ открылъ глаза и увидалъ трехъ мальчугановъ, вошедшихъ съ книгами въ его комнату.

— А вы еще спите! раздались веселые голоса.

— Нѣтъ, нѣтъ... сейчасъ, сконфуженно отозвался онъ, поднимаясь поспѣшно съ постели:—садитесь... я сейчасъ... ахъ, какъ заспался!..

Онъ торопливо пріодѣлся и подкинулъ въ печку дровъ.

— Сперва задачи сдѣлайте... а потомъ диктовка... Я сейчасъ... Какъ заспался сегодня... какъ заспался!..

Мальчуганы усѣлись къ столу. Протасовъ написалъ имъ на грифельныхъ доскахъ задачи и пошелъ съ чайникомъ въ кухню заваривать чай.

— Пострѣлята-то наши разбудили васъ... сказала хозяйка, наливая ему кипятку.

— Ничего, пора... проспалъ я сегодня, оправдывался онъ сконфуженно, какъ виноватый: — вчера кутнули немного... вотъ вѣдь никакъ не остановишься во время...

— Эка бѣда... мужчины!.. проговорила хозяйка, не придавая никакого значенія разнымъ кутежамъ, и замѣтила: — приналяжьте сегодня на моего Васютку!.. Вчера, какъ есть, ничего не дѣлалъ, пострѣлъ.

— Да вѣдь праздникъ былъ...

— А все же учи урокъ. Задалъ учитель,—и учи. Вихры-то надергайте ему!

Протасовъ добродушно засмѣялся.

— Хорошо! хорошо!

Черезъ часъ, наскоро напившись чаю, глотнувъ тайкомъ на ходу рюмку водки, тщательно провѣривъ задачи учениковъ и спросивъ заданные имъ уроки, онъ уже ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и началъ внятно диктовать имъ одно изъ своихъ любимыхъ стихотвореній:

„Въ судѣ онъ слушалъ приговоръ“...

Эти любимые стихи совершенно случайно пришли ему на память, но съ первой же строки въ его головѣ мелькнула мысль:

— Суда не будетъ!

И тутъ же ему вспомнилось:

Digitized by Google

— А что Надежда Дмитріевна скажетъ?

Его точно холодомъ охватило...

— Мы написали! крикнули ребятишки, видя, что онъ не продолжаетъ диктовать.

— Да, да, отозвался Александръ Павловичъ и продолжалъ:—„Его галеры ожидали“...

Въ головѣ же мелькало:

— Денегъ поистратилъ много... ничего не купилъ... И что̀ покупать?..

— Дальше, Александръ Павловичъ:—что-же дальше?...

— Ахъ, да!.. „Онъ былъ бѣднякъ и былъ онъ воръ“...

Онъ вздохнулъ.

— Вотъ и я точно укралъ у нея... Ну, да что тутъ!..

Онъ торопливо произнесъ слѣдующія строки стиховъ, стараясь не думать о другомъ.

— Написать ей надо, чтобы не ждала, рѣшилъ онъ вдругъ:—да, нечего ждать...

Къ первому часу классъ кончился, дѣти ушли. Александръ Павловичъ торопливо выпилъ еще рюмку, закусилъ и съ особенной поспѣшностью залегъ снова спать. Онъ теперь старался думать обо всемъ, кромѣ Надежды Дмитріевны, а воспоминаніе о ней, о данныхъ ею на одежду деньгахъ, какъ на зло, лѣзло въ голову.

— Эхъ, Шура, Шура! прошепталъ онъ вслухъ съ тяжелымъ вздохомъ, поднявшись съ постели, и залпомъ выпилъ двѣ рюмки водки.

Онъ легъ и сталъ что-то напѣвать, точно стараясь убаюкать себя. Онъ зналъ уже по опыту, что легче всего отдѣлаться отъ докучныхъ думъ пѣніемъ...

Проснулся онъ поздно. Вечеромъ забѣжалъ къ нему Василій отвести душу, и они проболтали вдвоемъ до поздней ночи, совсѣмъ трезвые, сидя за самоваромъ.

Только собираясь снова лечь спать, Протасовъ вспомнилъ, что онъ не написалъ ничего Надеждѣ Дмитріевнѣ: собирался написать и не написалъ. Но это воспоминаніе уже не пробудило въ немъ остраго чувства. Впечатлѣнія не оставляли глубокихъ слѣдовъ въ его душѣ. Онъ только покачалъ головой и со вздохомъ сказалъ вслухъ:

— Ахъ ты, голова, голова!

Digitized by Google

Насвистывая, онъ сталъ раздѣваться. Что-то странное совершалось въ его душѣ: онъ начиналъ теперь относиться къ самому себѣ, какъ къ постороннему, несчастному человѣку, и, громко вздыхая, повторялъ:

— Эхъ, Шуренька, Шуренька! Достукался, голубчикъ... Ну, да что дѣлать, что дѣлать!

И ему было очень, очень жаль этого бѣднаго Шуреньку. И, какъ блажному ребенку, онъ проговорилъ себѣ:

— Ну, да что думать... Баиньки пора! Баиньки!...

И по его лицу скользнула жалкая, хватающая за сердце, улыбка угасающаго разсудка.

XI.

Надежда Дмитріевна, въ хлопотахъ о приданомъ для Ольги Протасовой и въ заботахъ о разныхъ мелкихъ закупкахъ для своего домашняго обихода, то и дѣло разъѣзжала на извощикахъ, что было вовсе не въ ея обычаяхъ. Обыкновенно она ходила пѣшкомъ и посмѣивалась надъ тѣми, кто „вѣчно спѣшитъ, какъ на пожаръ, а горятъ-то только деньги у него въ карманѣ“... Теперь она сама все спѣшила и все ей казалось, что она опоздаетъ: „Саша придетъ, чтобы ѣхать съ нею, а у нея не всѣ еще дѣла кончены“.

— Что, Саша еще не былъ? спрашивала она у Александры Николаевны, возвращаясь домой съ ворохомъ покупокъ.

— Нѣтъ еще, отвѣчала Потапенко.

— Ну, и слава Богу: не все еще у меня куплено. Опять надо ѣхать. Ты, дорогая, удержи его, если придетъ безъ меня. Не отпускай его, приласкай...

— Хорошо, хорошо, ужь не безпокойся.

— Ахъ, замоталась я, замоталась совсѣмъ!

И, цѣлуя Александру Николаевну, старушка опять спѣшила по дѣламъ.

Такъ прошелъ день, прошелъ другой, третій, прошелъ и четвертый. Давно уже покончила Надежда Дмитріевна закупки для приданаго Ольги Протасовой, давно закупила все, что было ей нужно для своего домашняго обихода въ Чернецѣ, а Александръ Павловичъ все не являлся. Старушку

Digitized by Google

начинала уже охватывать тяжелая тревога. „Не заболѣлъ ли онъ? Простудился, можетъ быть? Долго ли въ его одежонкѣ простудиться? Не случилось ли какого нибудь другаго несчастья? У кого спросить? Какъ узнать?“ Смутный страхъ мѣшалъ даже ей говорить съ кѣмъ нибудь объ Александрѣ. Она перестала даже справляться у Александры Николаевны, не заходилъ ли онъ, и старалась вовсе не упоминать о немъ. Что, если она заговоритъ о немъ, а ей скажутъ, что онъ снова кутитъ? Нѣтъ, ужь лучше молчать. Его вѣдь только и могутъ во всякихъ провинностяхъ подозрѣвать. Жена и дѣти ея брата чувствовали, что на душѣ у Надежды Дмитріевны неладно и, тоже молчали, боясь разбередить больныя мѣста. Только по уходѣ старушки они тихо шептались: „Что же онъ не идетъ? Неужели опять запилъ? Какъ подѣйствуетъ это на тетю Надю?“ У всѣхъ щемило сердца отъ предчувствія чего-то недобраго, но всѣ трое старались быть веселыми при старушкѣ...

Этой чуткой деликатности нечего было ждать отъ другихъ лицъ, близкихъ Надеждѣ Дмитріевнѣ. Вѣсть о томъ, что она заплатила за Александра Павловича нѣсколько тысячъ долгу, быстро облетѣла всѣхъ родныхъ, хотя никто и не зналъ точной цифры уплаченнаго долга, такъ какъ Викторъ Павловичъ не любилъ толковать о дѣлахъ со своими родственницами. Впрочемъ, эта скрытность въ данномъ случаѣ послужила только къ преувеличенію размѣровъ совершившейся сдѣлки. Софья Петровна и Евгенія Петровна, какъ женщины богатыя, не имѣли причинъ интересоваться размѣромъ „брошенныхъ“ денегъ, тѣмъ не менѣе онѣ рѣшили, что старуха просто выжила изъ ума и куралеситъ, какъ никогда. Евгенія Петровна даже нашла въ этомъ дѣлѣ предлогъ для насмѣшекъ: „копила, берегла, скряжничала Надежда Дмитріевна—и вдругъ прорвалась!.. теперь ужь всю остальную жизнь будетъ ходить въ одномъ и томъ же платьѣ, чтобы пополнить хоть какъ нибудь потерю“. Гораздо сильнѣе подѣйствовало извѣстіе о сдѣлкѣ на Жоржа Драгоманова. Онъ сильно раздражался и замѣчалъ въ своемъ кругу, что Надежда Дмитріевна своей глупой выходкой дала толчокъ Александру Павловичу, чтобы онъ вышелъ на путь шантажа: „Увидитъ негодяй, что за него платятъ, и пуститъ въ ходъ

Digitized by Google

какія-то бумажонки, будто-бы имѣющіяся у него, чтобы запугать родныхъ... И что это за бумаги? Мало ли что могли ему писать когда-то!... Всѣ даже забыли о содержаніи этихъ писемъ, а онъ ихъ сберегъ". Тревога Жоржа взволновала Софью Петровну и Евгенію Петровну. Въ самомъ дѣлѣ, если Жоржъ тревожится, значитъ, въ дѣлѣ есть нѣчто серьезное. Онѣ напали на Истомина за его содѣйствіе Надеждѣ Дмитріевнѣ. Викторъ Павловичъ былъ смѣлый дѣлецъ, но передъ „своими барынями", передъ матерью и теткой жены, онъ всегда являлся мокрой курицей. Оправдать себя и вывернуться передъ ними ему было очень не легко. Безъ него не обдѣлалось бы это дѣло: онъ могъ усовѣстить, уговорить старуху. Съ его стороны этотъ проступокъ былъ непростительною глупостью. Только Анна Ивановна стояла на сторонѣ мужа, но стояла по обыкновенію молчаливо, не желая вмѣшиваться въ эти дрязги, тоскливо думая, куда скрыться, куда бѣжать отъ этихъ людей...

Но, покуда, всѣ толки шли въ интимномъ кружкѣ и не доходили до Надежды Дмитріевны. Разразилась буря вполнѣ только тогда, когда старушка явилась къ этой богатой роднѣ хлопотать за Ольгу Протасову.

— А вы бы лучше удѣлили ей что нибудь изъ тѣхъ тысячъ, которыя вы бросили на уплату векселей Александра, сказала съ насмѣшкой Евгенія Петровна.

— Да, ужь нечего сказать, прекрасное дѣло ты сдѣлала, сердито проговорила Софья Петровна шипящимъ тономъ:— толкнула на шантажъ этого негодяя!

— На какой шантажъ? спросила Надежда Дмитріевна.

— Обыкновенно какіе бываютъ шантажи. Вотъ и почтеннѣйшій Викторъ Павловичъ теперь согласенъ, что ты только путь указала этому мерзавцу къ новымъ продѣлкамъ.

— Да, мы ошибку сдѣлали, не взявъ у Александра бумагъ, сконфуженно замѣтилъ Истоминъ, не зная, какъ извернуться теперь между двухъ огней.

— Конечно, это какіе нибудь пустяки, выдумки, но все же... вставилъ небрежно Жоржъ, дѣлая презрительную гримасу.

Старушка вспылила.

— Ахъ, что вы толкуете! воскликнула она: всѣ эти бумаги

Digitized by Google

мнѣ самъ Александръ отдалъ. А что касается до того, что это пустяки, такъ я могу сказать, что тамъ есть даже одинъ вексель Жоржа, правда, непротестованный, просроченный, но все же вексель, не оплаченный тобою...

Жоржъ отвернулся въ сторону, проворчавъ что-то въ негодованіи на своего кузена. Но его словъ никто не слышалъ, такъ какъ всѣ заволновались: „какъ, Александръ принесъ самъ бумаги? Это странно, это непонятно! Тутъ кроется какой нибудь обманъ, сорвать за нихъ хотѣлъ что нибудь съ Надежды Дмитріевны. Вѣрно, бумаги не всѣ. Это даже навѣрное можно сказать. Наконецъ, если и всѣ, то что жъ изъ этого? Во всякомъ случаѣ, не слѣдовало тратить денегъ на уплату его векселей. Спасать негодяевъ, значитъ покровительствовать пороку...“

— Вообще, ты нынче Богъ знаетъ что дѣлаешь! воскликнула разгорячившаяся Софья Петровна:—за негодяевъ платишь долги, хлопочешь о бракѣ Ольги съ какимъ-то фельдшеромъ, чѣмъ бы стараться помѣшать этому дѣлу.

— Объ этомъ вы должны были раньше думать, а теперь поздно,—рѣзко сказала Надежда Дмитріевна:—матерью она скоро будетъ!

Всѣхъ покоробило отъ этого извѣстія.

— Да это Богъ знаетъ что! съ негодованіемъ произнесъ Драгомановъ:—мало, что мы поощряемъ ея бракъ богъ вѣсть съ кѣмъ, такъ мы еще и разврату покровительствуемъ.

— Ну, за развратъ-то не тебѣ судить, почти грубо замѣтила Надежда Дмитріевна:—не въ вашемъ ли кругу процвѣтаетъ нравственность?

Истомина почти съ испугомъ постаралась замять споръ, прекратить начинавшуюся ссору.

— Да, да, въ такомъ случаѣ надо торопиться этой свадьбой, сказала она:—скрыть, покуда можно, позоръ бѣдной дѣвочки. Фельдшера же этого можно перевести на другое мѣсто, въ другой полкъ. Викторъ похлопочетъ.

— Да, ужь это-то прежде всего надо сдѣлать, а то мнѣ придется перевестись, сухо вставилъ Жоржъ:—въ концѣ концовъ, намъ придется изъ Петербурга бѣжать отъ милой родни...

Надежда Дмитріевна, не слушая его, продолжала:

— Въ сущности, я вижу, что вы всѣ не понимаете сво-

Digitized by Google

его положенія и моей настойчивости въ желаніи помочь Ольгѣ. Вамъ все кажется, что она вашего позволенія проситъ, чтобы выйти замужъ! Просто смѣшно: ей нужна ваша помощь, денежная помощь, вотъ почему она и заявила вамъ о своемъ намѣреніи. Не поможете вы—хуже будетъ: вашъ братъ, обратилась она къ Софьѣ Петровнѣ и Евгеніи Петровнѣ:—не остановится передъ жалобой на фельдшера, погубившаго его дочь. Тогда для васъ же хуже будетъ: огласки тогда не избѣжать...

Всѣ переглянулись между собою: они всѣ, дѣйствительно, упустили изъ виду это обстоятельство и глупо воображали, что дѣло зависитъ отъ ихъ согласія или несогласія. Евгенія Петровна нашлась первая и замѣтила съ злобной ироніей:

— Вѣдь это передъ тобой исповѣдуются, а мы въ эти тайны не были посвящены!

— Очень жаль, что не были, сухо сказала Протасова:—себя избавили бы отъ лишнихъ хлопотъ, а дѣвушку не допустили бы пасть.

Но какъ бы ни были тяжелы эти объясненія, задѣвавшія Александра, объясненія съ семьей Протасовыхъ были еще тяжелѣе. Тутъ не прикрывались болѣе или менѣе вѣжливыми фразами, не говорили какими нибудь намеками. Правда, или то, что считалось этими людьми правдой, высказывалась здѣсь въ простой, грубой формѣ. Ненависть къ грабителю прорывалась наружу съ ожесточеніемъ, съ пѣной у рта.

Мать Ольги Протасовой, когда Надежда Дмитріевна, заѣхавъ къ семьѣ Ивана Петровича, объявила, что она дѣлаетъ кое-что изъ приданаго, даетъ кое-что изъ серебра и деньгами пятьсотъ рублей,—бросилась цѣловать ей руки и слезливо и жалобно проговорила:

— Пошли вамъ Богъ всего, чего вы желаете. Мы ужь думали, признаться, ничего не дадите, потому, какая же мы вамъ родня?.. и притомъ другія траты у васъ...

— Да, ужь нечего сказать, треплютъ васъ, рѣзко и грубо вступилась тетка Дарья, разводя руками:—всякіе негодяи норовятъ сорвать.

Надежда Дмитріевна, передавъ привезенныя вещи, ничего не отвѣчая теткѣ Дарьи, торопилась скорѣй уѣхать домой; но Ольга не удержалась и бойко спросила ее:

Digitized by Google

— Правда, тетя, что вы десять тысячъ на Александра Павловича бросили?

И, не давъ времени старушкѣ очнуться, прибавила:

— Въ сорочкѣ, вѣрно, родился: за пьянство да за мошенничество платятъ ему этакіе долги.

— Молчи! рѣзко сказала старуха:—не тебѣ его судить, сама хороша!

— Какъ же не судить!..

Иванъ Протасовъ нахально засмѣялся:

— Ну да, его судить нельзя. Это меня только судить было можно за все про все.

Надежда Дмитріевна, не возражая ничего, стала прощаться. Ее охватывалъ страхъ въ этой трущобѣ, точно она боялась, что эти люди способны растерзать ее. У нея было одно желаніе: скорѣй уйти отсюда и никогда не переступать болѣе порога этого жилища...

Дома ее ждало письмо отъ Сѣмичевой. Надежда Дмитріевна какъ-то безсознательно распечатала его и стала пробѣгать глазами кривыя и безграмотно написанныя строки. „И странно оченно, крёстненькая, што вы какому нибудь пяницѣ мирволите, а честныхъ людей и труженіковъ отъ себя отталкиваете. Моя дочь калошъ не имѣетъ, а ей пажовъ въ цыркѣ въ балетѣ играть за рубь въ вечеръ надо и ходитъ она, бѣдная, чуть не босая, а пяница вашъ какъ мы много наслышаны и сами своими глазами видели, кутитъ и всякія безъ образія изображаетъ“... Надежда Дмитріевна отбросила письмо и присѣла, тупо смотря въ пространство. „Уѣхать, уѣхать скорѣе“, проносилось въ ея головѣ:—Чего еще ждать? А если это все ложь? Если онъ захворалъ?“ Она рѣшительно поднялась съ мѣста, прошла въ комнату племянника и присѣла къ его письменному столу. Она написала письмо Александру Павловичу о томъ, что всѣ дѣла въ Петербургѣ она покончила, что ей пора ѣхать въ Чернецъ и что она ждетъ только его. Запечатавъ конвертъ, она попросила служанку отдать письмо посыльному и сказать, чтобы тотъ принесъ отвѣтъ.

— Непремѣнно пусть повидаетъ барина и принесетъ отвѣтъ, наказывала старушка:—пусть подождетъ, если нѣтъ дома барина...

Digitized by Google

Прошло около часу въ томительномъ ожиданіи. Наконецъ, посыльный явился. Надежда Дмитріевна приказала позвать его въ свою комнату.

— Принесли отвѣтъ, голубчикъ? спросила она его, поспѣшно вставая на встрѣчу.

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣтилъ посыльный:—на словахъ просили передать. „Очень, очень, говорятъ, кланяйся. Я не поѣду".

Старушка растерялась.

— Да вы точно самого его видѣли? Нашли его? Можетъ быть...

— Нашелъ-съ, сказалъ посыльный:—какъ не найти! Тамъ ихъ всѣ въ домѣ знаютъ. Сейчасъ указали.

— Ну, ну? торопила она его.

— Лежать они изволили, когда я пришелъ. Подалъ письмо. Прочли и улыбаются. „Очень, очень благодари и скажи, что я не ѣду". Сперва, значитъ, прочитамши письмо, встали и писать собрались, а потомъ скомкали эту бумажку и говорятъ: „Что же я буду писать? Нечего писать". Я говорю: „отвѣтъ просили безпремѣнно". Они и велѣли на словахъ передать: „Очень, очень благодари, говорятъ, и скажи, что я не ѣду".

И, немного стѣсняясь, онъ прибавилъ:

— Не въ своемъ видѣ они какъ будто...

— Да, да... Больной онъ... больной, торопливо перебила его Протасова.

— Такъ-съ точно, какъ будто...

— Да, да... Хорошо... вотъ вамъ, отрывисто проговорила Надежда Дмитріевна, давая какую-то мелочь посыльному и прерывая его дальнѣйшія объясненія.

Она уже не слушала далѣе, что онъ говорилъ. И что было слушать? Пьетъ, не хочетъ ѣхать, даже не считаетъ нужнымъ писать. И что же писать? Развѣ не ясно все само собою? Погибъ человѣкъ, что же тутъ еще расписывать!.. Она поднялась съ мѣста и, глотая слезы, начала дрожащими руками укладывать свои вещи. По десяти разъ, сидя на полу, она перекладывала одну и ту же вещь изъ комода въ чемоданъ и изъ чемодана въ комодъ, ничего не видя, ничего не понимая. Ее точно чѣмъ-то пришибло. Когда къ ней

Digitized by Google

вошла жена ея брата, у нея все уже было въ безпорядкѣ, но ни одна вещь еще не была уложена. Александра Николаевна спросила ее:

— Ѣдешь?

— Чего же болѣе ждать? глухо проговорила Протасова:—все сдѣлала, что было нужно, все...

— Когда опять пріѣдешь?

— Да не пріѣду, вѣрно, никогда... Что жъ домъ бросать?.. Тамъ у меня дѣла, больныя... Лѣто вотъ настанетъ, ты съ дѣтками ко мнѣ пріѣдешь... Вѣдь пріѣдешь?

— Еще спрашиваешь! проговорила хозяйка дома и наклонилась поцѣловать ее:—тяжело тебѣ?

— Какъ тебѣ сказать, тихо сказала Надежда Дмитріевна:—растерялась я, растерялась. Человѣкъ гибнетъ, а помочь не могу... Всѣ средства въ умѣ перебрала—ничего не подѣлать, ничѣмъ не помочь... Есть, видно, что-то выше насъ... выше нашихъ желаній...

И, глотая слезы, она глухо прибавила:

— А ужь какъ больно-то, какъ больно, что всѣ его бранятъ, всѣ чернятъ... а я... заступиться за него даже не могу... Что жъ? негодяй, пьяница... ну да, да... что же я могу сказать противъ этого?..

И, задыхаясь отъ слезъ, рыдая, она торопливо, дрожащими руками, стала отирать слезы, а онѣ такъ и катились, такъ и катились по ея лицу...

X.

Надежда Дмитріевна вернулась въ свой домикъ въ Чернецѣ и усиленно захлопотала: хозяйство, больныя, роженицы, бѣдняки,—все это захватило почти все ея время. Въ Чернецѣ всѣ знали давно Надежду Дмитріевну, знали ея дѣятельность, и никто не замѣтилъ, что теперь въ этой дѣятельности было что-то новое. Старушка исполняла лихорадочно свои добровольно принятыя обязанности, старалась не давать себѣ отдыха, стремилась среди заботъ и хлопотъ что-то забыть, что-то подавить, инстинктивно чувствуя, что она не вынесетъ своего горя, если отдастся ему, сложивъ руки.

Digitized by Google

Только тонкій наблюдатель могъ бы замѣтить, какую внутреннюю борьбу переживала Протасова. Но такихъ наблюдателей въ Чернецѣ не было. Лишь одна неизмѣнная служанка Надежды Дмитріевны, старуха Авдотья, тяжело вздыхала теперь, глядя на барыню, и чутьемъ угадывала, что та страдаетъ.

Чернецъ—очень маленькій городъ, скорѣе похожій на деревню, чѣмъ на городъ. Онъ раскинулся на берегу рѣчки Черни. Эта рѣчонка змѣится на протяженіи десятка верстъ. Въ иныхъ мѣстахъ она тянется среди зеленой скатерти полей, въ другихъ—прорывается между холмовъ, образующихъ нависшіе надъ нею обрывистые берега. Эта извилистость рѣчонки и это разнообразіе ея береговъ придаютъ особенную живописность тѣмъ мѣстамъ, гдѣ она протекаетъ, и особенно живописна та ея часть, гдѣ раскинулся городокъ Чернецъ; улицъ въ городѣ въ сущности двѣ, остальныя—не болѣе, какъ переулки, спускающіеся отъ двухъ главныхъ улицъ къ рѣкѣ. За рѣкою совсѣмъ нѣтъ улицъ, а просто стоятъ, среди полей и сосновыхъ рощицъ, отдѣльныя постройки пріѣзжающихъ въ Чернецъ на лѣто дачниковъ-землевладѣльцевъ.

На зиму Чернецъ засыпаетъ зимнею спячкой. Въ немъ нѣтъ ни собраній, ни клуба, ни театра. Еслибы они и были, то ихъ некому было бы посѣщать, такъ какъ коренныхъ жителей здѣсь мало, и они не отличаются богатствомъ. Мелкіе купцы, торгующіе мѣщане, второстепенныя городскія власти, земскій докторъ, семья аптекаря, семейства священника и дьякона, пять-шесть офицеровъ, учителя городской школы и преподавательницы женской прогимназіи,—вотъ и все интеллигентное населеніе города, не считая простонародья, мастеровыхъ, солдатъ, крестьянъ, арестантовъ. Лѣтомъ, напротивъ, Чернецъ оживаетъ: изъ столицы наѣзжаютъ дачники и въ самый городъ, и въ его окрестности, такъ какъ воздухъ здѣсь сталъ считаться очень здоровымъ съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ знаменитыхъ докторовъ купилъ въ окрестности имѣньице. Окрестности города всегда были, дѣйствительно, очень живописны. Наплывъ пріѣзжихъ лѣтомъ бываетъ настолько великъ, что нужно очень рано вставать и идти на базаръ, чтобы не остаться на цѣлый день безъ провизіи.

Digitized by Google

Окрестные крестьяне, привозящіе эту провизію, и городскіе торговцы, торгующіе въ своихъ лавкахъ всѣмъ, начиная съ краснаго товара и кончая дегтемъ, положительно только и наживаются лѣтомъ.

Едва ли не самымъ красивымъ уголкомъ Чернеца является домикъ Надежды Дмитріевны Протасовой. Онъ, теряясь въ саду, расположенъ на высокомъ холмѣ. Подъ холмомъ протекаетъ Чернь. Отъ сада ведетъ къ ней тропинка, тянущаяся далѣе по низкому берегу, мимо ряда домовъ, окруженныхъ садами, къ мосту. Изъ дома Надежды Дмитріевны виденъ противоположный пологій берегъ Черни съ его живописно разбросанными домиками, рощами, полями. Домъ двухъэтажный. Верхъ нанимаетъ семья мѣстнаго ветеринара; низъ занимаетъ сама Надежда Дмитріевна. И зимой, и лѣтомъ она не оставалась одна: масса больныхъ стекалась въ ея домъ; здѣсь находили нерѣдко пріютъ роженицы-крестьянки; очень часто тутъ же на время призрѣвались разныя сироты, объ опредѣленіи которыхъ хлопотала старушка. Сама Надежда Дмитріевна говорила: „стоитъ только двери открыть, и въ просящихъ помощи недостатка не будетъ“. Здоровая, румяная, бодрая и подвижная, она не видала, какъ проходятъ дни, и когда ей замѣчали, что у нея хлопотъ много, она шутливо говорила: „да что жъ бы я, старушонка, стала дѣлать, еслибы хлопотъ этихъ не было—живою въ гробъ ложись! Гранпасьянсы да сплетни тоже надоѣдятъ, если ими только и заниматься“. Ея хлопотливая дѣятельность не была какимъ нибудь подвижничествомъ или самоотверженіемъ, а просто являлась прямымъ послѣдствіемъ подвижности крѣпкой и здоровой натуры. Еслибы обстоятельства заставили ее сидѣть, сложа руки, она была бы самымъ несчастнымъ человѣкомъ и, вѣроятно, быстро бы захирѣла. Лѣтомъ, впрочемъ, бывали у нея не однѣ хлопоты съ разными приходящими за помощью—лѣтомъ она жила и семейною жизнью. Жена и дѣти ея брата неизмѣнно каждый годъ забирались къ ней на все лѣто, и Надежда Дмитріевна чувствовала, что у нея есть семья—любящая, честная и хорошая семья. Съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждала она пріѣзда этой семьи на лѣто, послѣ своей поѣздки въ Петербургъ. Эта поѣздка тяжело отозвалась на ней и оставила въ душѣ глубокій, тяже-

Digitized by Google

лый слѣдъ. Дрянность болѣе или менѣе близкихъ ей людишекъ, въ эту поѣздку Протасовой въ Петербургъ, какъ-то ярче высказалась передъ нею; выяснилось вполнѣ во всемъ своемъ безобразіи и окончательное паденіе Александра Павловича. Какъ ни старалась Надежда Дмитріевна забыть все это, воспоминанія о тяжелыхъ сценахъ вставали помимо воли въ ея памяти, и сердце начинало щемить.

Надежда Дмитріевна была одной изъ тѣхъ рѣдкихъ, здоровыхъ и цѣльныхъ натуръ, для которыхъ не существуетъ сомнѣній. Она всегда дѣлала дѣло, не спрашивая себя: „хорошо ли она поступаетъ, не надо ли было поступить иначе?“ Теперь, напротивъ того, она мучилась именно этими сомнѣніями. Такъ ли она поступила, какъ слѣдовало? Можетъ быть, было бы лучше, еслибы Александръ попалъ подъ судъ, перенесъ горькое униженіе? Можетъ быть, это образумило бы его? Можетъ быть, затраченныя ею деньги пригодились бы ему послѣ суда? Иногда, среди хлопотливой дѣятельности, она, вдругъ остановившись, задумчиво и тупо смотрѣла впередъ, какъ бы во снѣ. Неразрѣшимые вопросы томили ея душу, силы на время оставляли ее, а въ головѣ проносились страшныя картины: гибель любимаго человѣка, его полное паденіе, страхъ передъ тѣмъ, до чего можетъ довести его пьянство, обидное сознаніе своего человѣческаго безсилія въ борьбѣ съ какой-то невѣдомою силой, съ постыдными привычками, съ роковой гибелью любимаго человѣка,—все это доводило ее иногда до такого состоянія, что ей казалось, что у нея мутится умъ. Получивъ письмо изъ Петербурга о томъ, что семья ея брата ѣдетъ къ ней, она сильно обрадовалась и захлопотала о приготовленіи ихъ комнатъ. Семья ветеринара, видя, какъ суетится старушка, говорила:

— Дѣтей своихъ Надежда Дмитріевна ждетъ.

И точно „дѣти“ пріѣхали; домикъ и садъ сразу оживились. Гимназистъ и гимназистка, племянникъ и племянница Протасовой, пріѣзжали къ ней всегда съ такою радостью, что не могли даже скрыть своего восторга: здѣсь, казалось имъ, земной рай, и люди лучше, и воздухъ чище, и веселья больше, чѣмъ гдѣ нибудь. Жива ли старая кошка—Машка, не издохъ ли Валетка, какъ поживаетъ Рыжуха, постарѣлъ ли Сивый, пріѣхали ли дѣти ветеринара изъ Петербурга на

Digitized by Google

каникулы,—эти вопросы сливались въ одинъ хаосъ и, тотчасъ по пріѣздѣ въ Чернецъ, заставляли Вѣру и ея брата Николая бѣгать и въ хлѣвъ, и въ конюшню, и къ ветеринару, и на рѣчку. Но вопросы и волненье этимъ не исчерпывались. „Гдѣ же лодка? Будетъ ли нынче устроена изъ рогожъ купальня? Конченъ ли въ городѣ строющійся вотъ уже десять лѣтъ соборъ? А что отецъ-дьяконъ, все по старому въ городки играетъ?“

И въ первый же день послѣ пріѣзда семьи Потапенко и дѣтей ветеринара, двухъ гимназистовъ, молодежь уже играла въ пустынномъ переулкѣ въ городки съ молодымъ, едва отростившимъ бороду отцомъ-дьякономъ, одѣтымъ въ свой холщевый подрясникъ, тогда какъ старикъ-священникъ и его дочери вышли за ворота и чинно усѣлись на скамейкѣ побесѣдовать съ родственницами Протасовой, Александрой Николаевной и Вѣрой.

Присѣвъ на крыльцѣ своего дома и глядя на играющихъ въ городки съ отцомъ-дьякономъ гимназистовъ и на бесѣдующихъ съ дочерьми старика-священника Вѣру и Александру Николаевну,—Надежда Дмитріевна опустила на колѣни вязанье и глубоко задумалась. Догоравшій ясный и теплый день былъ такъ прекрасенъ, бывшіе передъ нею люди, простые, нетребовательные, неприхотливые, смотрѣли такъ мирно и радостно, что ее охватило сладкое сознаніе какъ мало въ сущности нужно для довольства и счастія. Ни богатство, ни роскошь, ни слава не дадутъ его, если нѣтъ въ душѣ человѣка способности быть счастливымъ, не гоняясь за многимъ, довольствуясь малымъ, благодаря судьбу за свѣтлыя минуты, выпадающія намъ на долю среди трудовыхъ дней и тяжелыхъ лишеній. Въ ея душѣ былъ теперь полный миръ, и она мысленно благодарила Бога, что онъ далъ ей среди всякихъ житейскихъ невзгодъ эту способность чувствовать себя счастливой. Ей вспомнился въ эту минуту Александръ. Что-то онъ дѣлаетъ? Какъ тянетъ свою злополучную жизнь? Вся она искалѣчена и нѣтъ въ ней ни проблеска свѣта...

— Бѣдный мой, бѣдный Саша! со вздохомъ прошептала она, и по ея щекамъ потекли слезы.

Она даже не слышала, какъ къ ней подошла Александра Николаевна и положила ей на плечо руку.

Digitized by Google

— Надя, что съ тобой?

Старушка встрепенулась и быстро стала отирать слезы.

— Ничего, ничего, такъ взгрустнулось, торопливо проговорила она:—залюбовалась вотъ на васъ, вспомнила Сашу...

— Полно, не думай о немъ, тихо сказала Потапенко:—его уже не спасешь.

— Да, да... вотъ это-то и тяжело... Не спасешь! легко сказать, а примириться съ этою мыслью... никогда я съ нею не примирюсь.

И прерывая себя, стараясь ободриться, она заторопилась:

— Чай, однако, пора пить... Я и забыла, засмотрѣвшись на дѣтишекъ...

Она встала и пошла въ домъ распоряжаться насчетъ чаю, хлопотливо суетясь, стараясь забыться.

Неумолкаемая болтовня шла вокругъ чайнаго стола, когда въ столовой собралась вся семья Надежды Дмитріевны и гимназисты ветеринара. Надежда Дмитріевна тоже говорила безъ умолку, казалась веселою и доброй, но зоркіе глаза Александры Николаевны замѣтили, какъ на мгновенье на лицо старухи ложилась какая-то тѣнь грусти. Спохватившись, старушка снова развеселялась, старалась шутить, но, видимо, ея душу томила одна и та же неотвязная, тяжелая дума.

Пошли дни за днями, тихіе, мирные, веселые. Надежда Дмитріевна, то и дѣло, ласкала и баловала своихъ дорогихъ дѣтей, а между тѣмъ нѣтъ-нѣтъ—и заставала ее Александра Николаевна въ тяжелыхъ думахъ. Примириться съ совершившимся фактомъ гибели дорогаго человѣка—очевидно, у старушки не хватало силъ. Иногда Александра Николаевна въ эти минуты тихо говорила ей:

— Побереги себя!..

— Нѣтъ, что же... что мнѣ сдѣлается? отзывалась старушка и, какъ бы оправдываясь, прибавляла:—это я только такъ, иногда взгрустнется, а то я и не думаю... Что жъ думать? Что съ возу упало—пропало.

Въ одну изъ такихъ минутъ, Коля Потапенко вбѣжалъ въ комнату и подалъ Надеждѣ Дмитріевнѣ письмо. Она взглянула на адресъ и измѣнилась въ лицѣ.

— Отъ Александра! проговорила она въ волненіи и дрожащими руками разорвала конвертъ.

Digitized by Google

— Господи, что тамъ еще случилось? почти сердито воскликнула Александра Николаевна.

Старуха читала письмо, отрывисто говоря:

— Заболѣлъ... въ больницѣ... умираетъ.

Она отложила письмо и заметалась по комнатѣ.

— Ахъ ты, Господи, ѣхать надо скорѣе..! Авдотьюшка, Авдотьюшка! скорѣе... Когда поѣздъ-то идетъ?.. Ахъ, не опоздать бы...

— Надя, тихо сказала Потапенко:—нужно-ли? подумай... Можетъ быть...

Надежда Дмитріевна остолбенѣла передъ ней, недоумѣвая:

— Чего же думать-то? Умираетъ, слышишь, умираетъ.

— Да точно-ли? еще тише замѣтила Александра Николаевна.

— И ты... и ты даже! воскликнула Надежда Дмитріевна съ горечью.

И снова она засовалась по комнатѣ.

— Скорѣе, скорѣе, соберите все, что нужно. Ахъ, поспѣть бы во время .. Господи, самъ зоветъ, самъ...

Впервые въ душѣ Александры Николаевны пробудилось почти злое чувство противъ Александра. Она была увѣрена, что онъ обманываетъ старуху, а между тѣмъ, этотъ обманъ можетъ имѣть для нея роковыя послѣдствія. И безъ того она видимо изнываетъ, думая по цѣлымъ днямъ объ этомъ негодномъ человѣкѣ. Тѣмъ не менѣе, отговорить старуху отъ поѣздки было невозможно: не такова была Надежда Дмитріевна, чтобы оставаться на мѣстѣ, когда ее призывалъ на помощь страдающій человѣкъ.

Протасова уѣхала въ Петербургъ, наскоро забросила свой багажъ въ квартиру Александры Николаевны и помчалась въ больницу. Сидѣлка провела ее въ палату, гдѣ лежалъ Протасовъ, и жалостливо замѣтила особенно сердечнымъ тономъ:

— Плохъ онъ, голубчикъ, очень плохъ! Ноги отнялись и скоротечная чахотка...

Онъ лежалъ въ постели на спинѣ, вытянувшись, какъ покойникъ. Онъ слегка обросъ бородой и былъ неузнаваемъ: оставались только кости, обтянутыя кожей. Бѣлизна его нѣжной кожи была теперь поразительна. На щекахъ едва-едва

Digitized by Google

пробивался румянецъ. Его большіе глаза, казалось, стали еще больше и свѣтились особеннымъ блескомъ. Что сразу поражало теперь въ немъ, такъ это невозмутимое спокойствіе. Когда Надежда Дмитріевна подошла къ его кровати, онъ, оставаясь по прежнему неподвижнымъ, не поворачивая даже головы, обратилъ на старушку взглядъ, и въ этомъ взглядѣ отразилась тихая радость.

— Успѣла! тихо проговорилъ онъ, почти не разжимая бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ.

Она наклонилась, чтобы поцѣловать его въ бѣлый лобъ. Онъ едва слышно пожалъ ея руку. Его руки бѣлыя, худыя, съ тонкими пальцами, все еще красивыя, лежали вдоль тѣла, поверхъ одѣяла.

— Вася, иди теперь къ матери, сквозь зубы сказалъ больной, обративъ глаза на стоявшаго у постели мальчугана:— скажи спасибо, что не забываютъ... Теперь моя мама пріѣхала, и мнѣ больше ничего не надо... Заходи все таки.

— Я-съ забѣгу, Александръ Павловичъ, бойко сказалъ мальчуганъ:—Андрюшка и Митька тоже забѣгутъ.

— Это хорошо: не забывайте учителя. Не долго мнѣ жить.

Больной говорилъ тихо, упавшимъ голосомъ, не шевеля почти сухими губами и не измѣняя позы и выраженія лица. При каждомъ усиліи и движеніи, его начиналъ душить кашель. Эта неподвижность дѣлала его похожимъ на трупъ. Только глаза выражали кроткую ласку. Мальчуганъ, одѣтый въ русскую рубашонку, неуклюже раскланялся и на цыпочкахъ пошелъ по палатѣ, походкой медвѣжонка.

— У тебя тамъ въ Чернецѣ хорошо? спросилъ больной у Надежды Дмитріевны:—твои всѣ собрались уже?

— Да, да, отвѣтила Надежда Дмитріевна:—вотъ и ты немножко поправишься, да и туда же.

— Мнѣ три-четыре дня жить, отвѣтилъ онъ.

— Полно! Что ты! Еще...

Онъ тихо перебилъ ее.

— Я же потому тебя и выписалъ, что докторъ былъ такъ добръ, сказалъ откровенно правду. Я просилъ объ этомъ, иначе я не побезпокоилъ бы тебя.

— Хорошъ, хорошъ, нечего сказать... Не побезпокоилъ бы, лежалъ бы тутъ одинъ и не побезпокоилъ бы!

Digitized by Google

Она старалась бодриться, шутить. Онъ тѣмъ же невозмутимымъ тономъ сказалъ:

— Я здѣсь не одинъ: десятокъ друзей навѣщаетъ. Ученики бѣгаютъ. Видѣла вотъ мальчугана?... у меня учился. Хорошій все народъ, простой и добрый. Отдохнулъ я среди нихъ за послѣдніе годы: баловали, точно барчука.

Она не безъ удивленія взглянула на него, думая, что онъ бредитъ. Онъ подмѣтилъ это выраженіе удивленія, и въ его глазахъ отразилась улыбка.

— Удивляетъ это тебя? точно это странно... Но я слишкомъ два года среди нихъ, какъ среди родныхъ, прожилъ. Что могъ, дѣлалъ и съ своей стороны для нихъ. Народъ темный, малограмотный—помочь пустяками можно... Любили за это... Теперь ничего не могу сдѣлать для нихъ, а не забываютъ, ходятъ.

Онъ закашлялъ мелкимъ, сухимъ кашлемъ, слегка вздрагивая всей грудью, и на его лицѣ появилось мучительное выраженіе; мелкія капли пота покрывали лобъ. Минуты черезъ двѣ, кашель утихъ, и лицо опять стало спокойно.

— Смерти я не боюсь—это отдыхъ... мучительна только болѣзнь, тихо сказалъ онъ.

Онъ закрылъ глаза. Ей показалось, что онъ заснулъ. Она поднялась, чтобы идти. Онъ тихо проговорилъ, не открывая глазъ:

— Завтра пораньше приди.

— Не надо ли тебѣ чего?

— Нѣтъ, все есть, отвѣтилъ онъ и ласково пошутилъ: —тебя только недоставало.

Старушка побрела изъ палаты, опустивъ голову: что-то странное творилось въ ней. Ее поразило это невозмутимое, ясное спокойствіе больнаго: ни жалобъ, ни вздоховъ, ни покаянія, ни самобичеванія, ничего не было. Это было состояніе счастливѣйшаго изъ людей.

Сидѣлка, провожавшая ее, замѣтила опять, что больной очень труденъ, и тутъ же прибавила:

— И не видали мы такого покойнаго больнаго. Всѣ ему хороши, все хорошо. Слова дурнаго никому не скажутъ, за все благодарятъ. Помогать ему станешь, смутится, конфузится. Недаромъ и любятъ его люди.

Digitized by Google

— Любятъ? машинально спросила Надежда Дмитріевна, почти не понимая ея.

— Да, ужь такъ-то всѣ хвалятъ, такъ хвалятъ! Все бѣдному народу добро дѣлалъ.

Старушка еще болѣе растерялась. Ничего она не могла понять: то говорили, что негодяй, погибшій, мошенникъ; теперь говорятъ, что его любятъ, что добро дѣлалъ, что лучше трудно и сыскать человѣка.

На слѣдующій день она застала Александра въ томъ же положеніи; только говорилъ онъ еще тише, и кашель, беззвучный, продолжительный, былъ еще мучительнѣе и повторялся чаще. Больной разспрашивалъ ее о родныхъ, объ Александрѣ Николаевнѣ, Вѣрѣ, Колѣ, о ея неизмѣнной служанкѣ Авдотьѣ. О своей болѣзни, о своихъ мукахъ онъ не говорилъ ни слова, только случайно, какъ бы вспомнивъ что-то, замѣтилъ:

— Да, похорони непремѣнно у Митрофанія. Люблю я это кладбище.

— Ну, ну, не смѣй говорить о смерти, пошутила она:— отчаиваться не надо... Не всякая болѣзнь...

Онъ перебилъ ее.

— Полно, смотри на смерть проще. Сонъ это послѣ труда. Я два послѣдніе года много поработалъ. Чтобы жить мелкимъ трудомъ, надо много работать. Правда, безпутно иногда деньги убивалъ, пилъ иногда не въ мѣру... Это привычка вѣдь... У всѣхъ свои привычки и недостатки. Ты вотъ счастливая: здоровой натурой всегда была, не сбилась съ дороги. Это рѣдкость. Другіе всѣ сбиваются: женщины развращаются, мужчины пьянствуютъ. Самимъ иногда не вѣрится въ минуты трезвости, до чего они доходятъ во время опьяненія,—на людей смотрѣть стыдно, къ себѣ отвращеніе чувствуешь. А привычка такъ или иначе опять беретъ верхъ, и снова повторяется то же, отъ чего съ омерзеніемъ открещивался вчера.

Онъ тихо вздохнулъ.

— Свѣжій человѣкъ со стороны взглянетъ на все это, гадко станетъ, проговорилъ онъ:—а когда всмотришься во все это близко, поймешь все,—глубоко жаль станетъ. Бѣдные, бѣдные люди! Сколько души, сколько сердца таится

Digitized by Google

иногда среди этой омерзительной грязи, роковыхъ привычекъ, роковаго паденія!

Онъ закрылъ глаза—утомленный, но по прежнему спокойный. Надежда Дмитріевна сидѣла въ глубокомъ раздумьѣ, пораженная его спокойствіемъ, ясностью душевнаго строя. Это не былъ цинизмъ пропойцы, хвастающаго своимъ паденіемъ; это не было стремленіе софиста оправдать всякую мерзость; это была спокойная оглядка назадъ человѣка, сознающаго, что для него уже все кончено. Онъ говорилъ о своемъ пьянствѣ, какъ докторъ говоритъ о болѣзни,—говорилъ о своемъ образѣ жизни также, какъ и о своей смертельной болѣзни: фактъ грустенъ, но его не передѣлать жалобами или слезами. Отъ этого спокойствія дѣлалось жутко.

На слѣдующій день, Надежда Дмитріевна, подходя къ постели Александра, увидала около него какую-то дѣвушку. При появленіи Протасовой, та быстро встала и, простившись съ больнымъ, пошла прочь. Проходя мимо старушки, она потупилась въ смущеніи. Въ душѣ Надежды Дмитріевны мелькнуло смутное подозрѣніе. Она присѣла у кровати больнаго. Онъ лежалъ, какъ мертвецъ, и какъ-то особенно, безпрерывно покашливалъ не грудью, а горломъ, точно у него тамъ что-то засѣло и першитъ. Увидавъ Протасову, онъ слабо пожалъ ей руку и совсѣмъ тихо сказалъ:

— Вотъ тоже навѣстить вырвалась!..

И, тихо вздохнувъ, прибавилъ:

— Знаешь, несчастная въ такомъ домѣ живетъ... Вырваться оттуда на полчаса, и то трудно... Современныя рабыни...

Старуха поняла, и ея сердце невольно сжалось: съ какими женщинами онъ былъ близокъ! На мгновенье въ душѣ ея пробудилось нехорошее чувство. „Хоть бы ужь не ходили эти-то въ такія минуты“. Протасовъ тихо, въ грустномъ раздумьѣ, обрывая рѣчь на каждой фразѣ, продолжалъ:

— Бѣдняжка любитъ тутъ одного парня, мастероваго... Денегъ я ссужалъ ему иногда... Такъ вотъ тоже благодарность чувствуетъ за это... Несчастные!.. И любовь-то у нихъ исковерканная, какъ и вся жизнь.

— Ахъ, такъ, значитъ!.. начала Надежда Дмитріевна и не кончила.

Digitized by Google

Ей стало стыдно передъ нимъ, что она ошиблась въ своихъ подозрѣніяхъ. Вообще, она чувствовала, что передъ нею происходитъ нѣчто такое, чего она не понимаетъ. Чтобы что нибудь сказать, она спросила:

— Что же они не поженятся?

— Да ее же выкупить пришлось бы, едва слышно сказалъ онъ, съ видимымъ усиліемъ:—все равно, что крѣпостная... Да и не прожить бы имъ на то, что онъ зарабатываетъ... Мало платятъ за каторжный трудъ... Она же,—какая она работница, когда ее пятнадцати лѣтъ совратили съ прямаго пути... родная тетка продала... тоже съ голоду...

Онъ вздохнулъ. Его взглядъ былъ совершенно тусклъ.

— Ты бы не говорилъ, тяжело тебѣ, замѣтила Протасова, съ тревогой слѣдя за нимъ.

Она чувствовала, что въ немъ угасаетъ жизнь.

— Ни-чего, отвѣтилъ онъ.

Черезъ минуту онъ снова заговорилъ:

— А запретить сердцу любить не прикажешь... Паденье полное, грязь, развратъ, а она вотъ руку у меня сегодня поцѣловала... что я ея Васѣ другомъ былъ.

Онъ закрылъ глаза.

— Пройдутъ года, и эта послѣдняя искра добра потухнетъ и останется... простая, развратная, циничная тварь... Умирать такимъ нужно скорѣе, пока есть искра добра...

Онъ глухо, едва слышно закашлялъ и судорожно захватилъ обѣими руками рубашку на груди, страдая отъ боли. Надежда Дмитріевна тревожно поднялась съ мѣста.

— Саша, пить не хочешь ли? Тяжело тебѣ?

Онъ широко открылъ глаза и осмотрѣлся, точно не узнавая ея.

— Не надо ли тебѣ чего? спросила Протасова.

Онъ безсмысленно смотрѣлъ на нее. Кашель продолжалъ его душить. Въ груди слышалось точно кипѣнье. Конвульсивными движеніями онъ закинулъ голову назадъ, тогда какъ грудь выпятилась вверхъ. Руки продолжали теребить рубашку, вцѣпившись въ нее, какъ когтями. Надежда Дмитріевна позвала сидѣлку. Та прибѣжала и вмѣстѣ съ нею хотѣла приподнять его, но онъ вдругъ весь опустился въ постель и разомъ вытянулся, уткнувшись подбородкомъ въ грудь. Руки его безсильно скатились на постель...

Digitized by Google

Сгорбившаяся, какъ бы вдругъ состарѣвшаяся на десятокъ лѣтъ, не замѣчая катившихся по щекамъ слезъ, выходила Надежда Дмитріевна изъ больницы, направляясь къ мертвецкой. Совершенно безсознательно отдавала она теперь распоряженія насчетъ похоронъ своего любимца. Хлопотъ, по обыкновенію, предстояло много, и она, растерявшись, не знала, какъ и что дѣлать. Какая-то женщина въ мертвецкой подошла къ ней и начала, утирая слезы, разспрашивать ее, не надо ли ей помочь. Это была хозяйка Александра Протасова.

— Мальчонки мои шустрые, они помогутъ, говорила она участливо:—вотъ Василій тоже придетъ пріятеля-то своего снаряжать. Слава Богу, всѣ мы его, какъ сына роднаго, любили.

И мало по малу мертвецкая наполнилась народомъ. Всѣ отирали слезы, цѣловали въ губы покойника, произносили простыя, изъ сердца выливающіяся, фразы. Кто-то фамильярно проговорилъ Надеждѣ Дмитріевнѣ:

— Да ты, Надёжда Дмитріевна, не заботься ужь, все это мы сдѣлаемъ безъ тебя! Шутка ли, у тебя какое горе!

— Да, да, голубчики, ужь вы хлопочите, растерянно говорила Протасова, присѣвъ на стулъ:—дѣлайте, какъ знаете. Вотъ деньги.

— Что деньги! послышался голосъ:—сдѣлаютъ все, тогда и заплатишь. А мы его ужь такъ похоронимъ—на славу!

Какая-то бабенка все сокрушалась о томъ, что она еще не отдала долга Протасову—пятнадцать рублевъ далъ, когда у нея мальчишка померъ. Похоронить было нечѣмъ, а онъ далъ. Душа человѣкъ былъ. Мухи не обидѣлъ.

Когда зашелъ вопросъ о днѣ похоронъ, всѣ стали просить, чтобы хоронили Протасова въ воскресенье,—свободный день для рабочихъ. Въ будни не урваться. Надежда Дмитріевна не протестовала, не вмѣшивалась ни во что. Въ воскресенье мертвецкая и дворъ около нея захлебнулись народомъ. Гробъ вынесли на рукахъ и понесли на кладбище. Старушка шла за нимъ пѣшкомъ и смотрѣла какъ-то растерянно на все происходившее вокругъ нея: на этихъ простыхъ рабочихъ, несущихъ гробъ, на этихъ простыхъ женщинъ, покупающихъ пятикопѣечные вѣнки для ея Алексан-

Digitized by Google

дра, на этихъ дѣтей, идущихъ и поющихъ передъ гробомъ. Казалось, она присутствовала передъ какимъ-то новымъ для нея явленіемъ, передъ чѣмъ-то такимъ, чего она прежде не знала, не подозрѣвала. Она десятки разъ за эти дни подходила къ покойнику, всматривалась въ черты его лица: оно было серьезно и спокойно, какъ въ послѣдніе дни его жизни. Ей вспомнилось это лицо, какимъ оно было въ разные періоды жизни. Сколько разнообразныхъ чувствъ и ощущеній выражало оно. Не помнила она только одного выраженія въ немъ—злобы. Онъ былъ добръ всегда. Ей вспомнились его послѣднія слова объ „искрѣ добра“. Да, эта искра не угасала въ немъ никогда. Въ послѣднее время она даже, не смотря на все его паденье, разгорѣлась въ немъ сильнѣе, ярче. Онъ не только сберегъ ее въ себѣ, онъ старался отъискивать ее въ другихъ. Всѣ родные считали его негодяемъ, она называла его безвозвратно погибшимъ; онъ самъ стыдился глядѣть въ лицо людямъ, считая себя хуже всѣхъ, а вотъ эти простые люди, сами глубоко несчастные, сами падшіе, подмѣтили въ немъ искру добра и назвали его только за одну эту искру „святой душой“.

Когда гробъ опускали въ землю, кто-то изъ женщинъ громко всплакнулъ, мужчины замѣтили:

— Шабашъ теперь, Александръ Павлычъ!

— Всѣ тамъ будемъ!

— Этого ужь не минуешь.

Десятки рукъ начали торопливо креститься и бросать на могилу землю.

День былъ чудесный; все кладбище было въ зелени; солнце свѣтило ярко, роняя свои лучи даже въ эту разрытую яму.

Старушка набожно перекрестилась и стала прощаться съ этими людьми, согрѣвшими душу ея Александра въ послѣдніе дни жизни. Они оставались на могилѣ поминать покойника, притащивъ съ собой провизію для этихъ поминокъ. У нея на душѣ было свѣтло и тихо: ни укоровъ за прошлое, ни горькихъ сомнѣній не было въ ней. Какое-то торжественное примирительное настроеніе охватывало ее всю, и мелкими казались ей всѣ людскія дрязги и ссоры, обвиненія и осужденія. Законы жизни такъ сложны, такъ загадочны,

Digitized by Google

такъ властны, что передъ лицомъ ихъ наши умствованія являются вполнѣ ничтожными.

— Не намъ судить,—тихо и задумчиво шептала она.

Когда она вернулась въ Чернецъ, всѣ сразу замѣтили въ ней перемѣну: она сильно постарѣла, но въ то же время выраженіе ея лица дышало такимъ яснымъ спокойствіемъ, какого на немъ не было никогда. Въ эти дни тяжелыхъ испытаній она перечувствовала многое и поняла въ глубинѣ души, что счастливъ тотъ, кто по чистой случайности успѣлъ свято совершить жизненный путь, и что не суда, а глубокаго сожалѣнія заслуживаетъ тотъ, кто палъ подъ гнетомъ житейскихъ обстоятельствъ, наслѣдственныхъ задатковъ, личнаго безсилія, — палъ нравственно, терзаясь упреками совѣсти, глубоко презирая себя и вызывая одно отвращеніе въ тѣхъ ближнихъ, которые любятъ рыться грязными руками въ чужой душѣ и упорно не заглядывать въ свою собственную.

А. Михайловъ.

Конецъ.

Digitized by Google

БЫЛЪ ИЛИ НЕ БЫЛЪ ШЕКСПИРЪ?

(Изъ исторіи литературныхъ парадоксовъ).

Источники:—*Miss Delia Bacon*, — „William Shakespeare and his Plays“ (Putnam's Magazine, 1856). — *Miss Delia Bacon*, — „The Philosophy of the Plays of Shakespeare unfolded“, London, 1857. — *Henry Smith*,—„Was lord Bacon the author of Shakespeare's Plays“, London, 1856. — *Henry Smith*,— „Bacon and Shakespeare“, London, 1857. — *Nathaniel Holmes*,—Authorschip of Shakespeare“, New-York, 1866.— *Wilkies*,—Shakespeare from an american point of view“, London, 1877.—*M-rs Pott*,—The Promus of formularies and elegancies of Francis Bacon“, London, 1883. — „Did Francis Bacon write Shakespeare? 32 reasons from believing that he did“.—*Appleton Morgan*,— The Shakespeare Myth“, Cincinnati, 1886. — William Shakespeare und die Autorschaft der Shakespeare Dramen“, von Appleton Morgan. Deutsche Bearbeitung von Karl Müller-Mylius. — *Ignatius Donnely*,— „The Great Cryptegram“, London, 1888.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я имѣлъ уже случай бесѣдовать печатно о любопытномъ историко-литературномъ парадоксѣ, возникшемъ первоначально въ Америкѣ и заключающемся въ томъ, что шекспировскія произведенія были написаны не Шекспиромъ, какъ полагало до тѣхъ поръ все культурное человѣчество, а лордомъ Бэкономъ, современникомъ Шекспира, канцлеромъ короля Якова I, однимъ изъ величайшихъ мыслителей и ученыхъ своего времени, впервые установившимъ строго-научный методъ въ философіи. Съ тѣхъ поръ литература по этому предмету значительно увеличилась, и въ интересахъ читающей публики я считаю не лишнимъ еще разъ возвратиться къ вопросу, который въ настоящее время сильно волнуетъ общественное мнѣніе Европы. Съ 1856 года, бэконьянцы (защитники парадокса) не переставали и не перестаютъ агитировать въ пользу своихъ взглядовъ; въ Англіи и въ особенности въ Америкѣ они пріобрѣли много приверженцевъ, устроили въ Лондонѣ цѣлое ученое общество, неутомимо работающее и насчитывающее въ настоящее время нѣсколько сотъ энергическихъ враговъ Шекспира, неутомимо преслѣдующихъ

Digitized by Google

печатно, въ журналахъ и газетахъ, и устно—на митингахъ—великаго поэта, какъ обманщика и мистификатора.

На первый взглядъ, вся эта теорія кажется едва допустимой нелѣпостью, продуктомъ грубаго невѣжества, отрицаніемъ самыхъ элементарныхъ правилъ раціональной научно-исторической критики, фантазіей, пришедшей въ голову взбалмошной женщинѣ и пропагандируемой съ какими нибудь практическими сословными цѣлями. Въ сущности такъ оно и есть. Парадоксъ, пущенный въ ходъ миссъ Деліей Бэконъ, имѣлъ счастье понравиться нѣкоторымъ выдающимся членамъ англійской аристократіи; англійскіе аристократы полагали, что для ихъ политическаго и общественнаго престижа будетъ весьма важно, если будетъ доказано, что величайшій поэтъ новаго времени, поэтъ, котораго можно сравнивать только съ Гомеромъ, вышелъ изъ ихъ среды. Незадолго до своей смерти, въ 1864 году, лордъ Пальмерстонъ высказался рѣшительно въ пользу бэконьянцевъ. Принимая однажды друзей въ своемъ загородномъ дворцѣ, онъ съ жаромъ, съ полнымъ убѣжденіемъ защищалъ парадоксъ миссъ Деліи Бэконъ, а когда ему указали на положительное, совершенно неоспоримое свидѣтельство Бенъ Джонсона и актеровъ-товарищей Шекспира, онъ отвѣтилъ: «Эти молодцы всегда поддерживаютъ другъ друга; да къ тому же нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и самъ Бенъ Джонсонъ былъ обманутъ, какъ были обмануты другіе». Однако, чувствуя, вѣроятно, свою слабую компетентность въ предметѣ, съ которымъ онъ былъ знакомъ весьма поверхностно, лордъ Пальмерстонъ вышелъ изъ гостинной, направился въ свою библіотеку и, возвратившись съ книгой Смита въ рукѣ, прибавилъ: «Да вотъ! Почитайте-ка, господа, эту книгу, и вы согласитесь съ моимъ мнѣніемъ».—Съ тѣхъ поръ много воды утекло; Англія и міръ не перешли на сторону благороднаго лорда; даже англійская аристократія не была тронута блестящей перспективой считать въ своихъ рядахъ величайшаго изъ поэтовъ; шекспирологи и шекспировскія общества не обратили даже вниманія на парадоксъ. Бэконьянцы, осмѣянные и вышученные, не переставали, однако, работать съ усердіемъ, достойнымъ лучшей цѣли, и хотя не доказали, что лордъ Бэконъ былъ авторомъ шекспировскихъ произведеній, но во многомъ оживили шекспировскую критику, придали ей самый непосредственный интересъ, направили ее на изслѣдованіе такихъ историческихъ и археологическихъ подробностей, которыя прежде не имѣлись въ виду. Такимъ образомъ, оправдалось мнѣніе въ ученой критикѣ, что истина имѣетъ особенность быть признаваемой путемъ многочисленныхъ и продолжительныхъ ошибокъ и заблужденій.

Надо правду сказать: въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія шекспировская критика пришла къ концу важнѣйшихъ своихъ открытій, и интересъ къ ней значительно ослабѣлъ въ публикѣ, мало интересующейся спеціальными археологическими изслѣдованіями. Работы Дрека, Пенъ-Коль-

Digitized by Google

ера, Найта и другихъ, казалось, вполнѣ исчерпали предметъ, такъ что послѣдующимъ поколѣніямъ ученыхъ оставалось только пользоваться ихъ трудами, пополнять пробѣлы и исправлять ошибки, допущенныя ими. Съ другой стороны и эстетическая критика, нашедшая себѣ убѣжище преимущественно въ Германіи, исчерпала, казалось, весь запасъ своихъ восторговъ и не находила новыхъ поводовъ восхищаться великимъ поэтомъ, приписывая ему всевозможную философскую глубину и всезнаніе. Извѣстное сочиненіе Гервинуса было послѣднимъ значительнымъ явленіемъ въ области этой критики. Послѣ Гервинуса трудно было сказать что нибудь новое и неожиданное. Онъ доказалъ, что Шекспиръ, подобно доктору Панкрасу въ «Mariage forcé» Мольера, зналъ рѣшительно все: «басни, миѳологію, исторію, грамматику, поэзію, риторику, діалектику и софистику, математику, ариѳметику, оптику, физику»... и, кромѣ того, былъ величайшимъ политикомъ и даже предсказалъ революцію 1848 года. Дальше, конечно, идти было некуда въ этомъ направленіи, и эстетическая критика дѣйствительно остановилась. Культурное человѣчество по прежнему любило великаго поэта, по прежнему читало его и изучало, но уже не интересовалось нѣмецкими измышленіями въ критикѣ и англійской археологической кропотливостью.

Реакція казалась неизбѣжной, и она дѣйствительно наступила почти одновременно, какъ въ эстетической, такъ и въ исторической критикѣ. Въ Германіи появилась такъ называемая реалистическая критика, представителями которой можно считать Крейсига и Рюмелина, критика, старавшаяся трезвѣе взглянуть на творчество великаго поэта; но, увлекшись своимъ реализмомъ, она незамѣтно стала его низводить съ того пьедестала, на которомъ онъ до сихъ поръ стоялъ, приравняла его сначала къ Гёте, а потомъ и вовсе рѣшила, что онъ—не богъ вѣсть что такое. Такое непочтительное и слишкомъ развязное отношеніе къ памяти великаго поэта возмутило, разумѣется, его поклонниковъ, и они, не безъ основанія, протестовали, усиливаясь въ то же время оживить эстетическую критику и придать ей болѣе непосредственный интересъ, а главнымъ образомъ выяснить дѣйствительный характеръ шекспировскаго творчества. Въ ученой, историко-археологической критикѣ протестъ выразился, какъ это почти всегда бываетъ, чудовищнымъ парадоксомъ миссъ Деліи Бэконъ, но и этотъ парадоксъ, какъ мы сказали, принесъ свою долю пользы. Защищая права Шекспира на авторство драмъ, извѣстныхъ подъ его именами, шекспирологамъ пришлось бросить на время археологію и заняться исторіей елизаветинскаго времени съ болѣе общей, философской точки зрѣнія. Такимъ образомъ, явились драгоцѣннѣйшія изысканія по исторіи англійскаго общества въ XVI вѣкѣ, и самая личность Шекспира, какъ и Бэкона, предстала въ новомъ, чрезвычайно любопытномъ освѣщеніи.

Мнѣніе объ отысканіи истины путемъ ошибокъ и заблужденій тѣмъ бо-

Digitized by Google

лѣе въ данномъ случаѣ оправдалось, что изобрѣтательница бэконовской теоріи шекспировскихъ произведеній, злополучная миссъ Делія Бэконъ, всегда поражала своихъ друзей какою-то странной мечтательностью, философскими бреднями sans queue ni tête, какъ говорятъ французы, парадоксальностью своего ума. Даже исторія ея «открытія» носитъ на себѣ странный, романтическій характеръ. Она родилась въ Нью-Гавенѣ, въ 1811 году; одно время занималась литературой и написала два беллетристическихъ произведенія: «The Taler of the Puritans» и «The Bride of Fort Edward», но, потерпѣвъ неудачу на литературномъ поприщѣ, она посвятила себя исторіи и одно время читала публичныя лекціи въ Бостонѣ. Знавшіе ее (между прочимъ, Гауторнъ) отзываются съ похвалой объ ея методѣ преподаванія исторіи; она прибѣгала при чтеніи лекцій къ различнымъ моделямъ, картамъ, изображеніямъ; словомъ, пользовалась наглядным методомъ. Ея лекціи, если вѣрить миссисъ Фарраръ, нравились бостонской публикѣ и привлекали многочисленное общество. «Она была похожа,—говоритъ миссисъ Фарраръ, — на дантовскую Сивиллу и говорила, какъ ангелъ». Во всякомъ случаѣ, она несомнѣнно была превосходно знакома со всѣми подробностями и мелочами исторіи, литературы и жизни англійскаго общества XVI и XVII столѣтій, какъ это видно изъ ея сочиненія, посвященнаго Шекспиру.

Мы не имѣемъ фактическихъ свѣдѣній о томъ, какимъ путемъ она пришла къ убѣжденію, что Шекспиръ не могъ быть авторомъ драмъ, извѣстныхъ подъ его именемъ. Вѣроятнѣе всего ее поразилъ контрастъ, поражавшій не разъ многихъ другихъ, между бѣднымъ актеромъ, не получившимъ никакого систематическаго образованія, вышедшимъ изъ крестьянской среды, и авторомъ шекспировскихъ драмъ, съ ихъ глубокими философскими взглядами, знатокомъ классической литературы, посвященнымъ во всѣ тайны исторіи и философіи, человѣкомъ феноменальной учености и аристократомъ по своимъ мнѣніямъ. Съ этимъ контрастомъ миссъ Делія Бэконъ никакъ не могла справиться и рѣшила, что шекспировскія драмы могли быть написаны только такимъ глубокомысленнымъ и высокообразованнымъ философомъ, какимъ былъ сэръ Френсисъ Бэконъ, лордъ Веруламъ, виконтъ Сентъ-Альбансъ.

Свои взгляды по этому предмету миссъ Бэконъ впервые изложила въ статьѣ «William Shakespeare and his Plays», которая была напечатана въ журналѣ «Putnam's Magazine» въ 1856 году. Изъ писемъ Бэкона она, между прочимъ, усмотрѣла, что этотъ великій умъ, погруженный въ государственныя дѣла и философскія умозрѣнія, занимался также и пустяками. Съ нѣкоторыми, особенно близкими къ нему лицами онъ велъ тайную шифрованную переписку; въ этихъ письмахъ она усмотрѣла также и то, что Бэконъ писалъ какія-то другія произведенія, кромѣ философскихъ, и издавалъ ихъ подъ чужимъ именемъ или подъ псевдони-

Digitized by Google

момъ, боясь, какъ она предполагала, уронить свое аристократическое происхожденіе и свое значеніе въ чопорномъ англійскомъ обществѣ. Отсюда до предположенія, что такъ называемыя шекспировскія произведенія были писаны Бэкономъ,—одинъ только шагъ. Миссъ Делія Бэконъ предполагаетъ, что вокругъ Бэкона группировался кружокъ людей, занимавшихся соціальной философіей; съ цѣлью пропагандировать свои взгляды, смѣлые, а можетъ быть и разрушительные, они сочиняли театральныя пьесы, но, боясь преслѣдованій со стороны несговорчиваго правительства королевы Елизаветы, они подкупили посредственнаго актера, Шекспира, который согласился выдавать ихъ сценическія упражненія за свои собственныя произведенія. Но въ чемъ замѣчалась эта соціальная философія? Она ловко скрыта въ драмахъ,—отвѣчаетъ миссъ Делія Бэконъ,—и ключъ къ раскрытію истины находится въ «Гамлетѣ». Миссъ Делія Бэконъ была убѣждена, что открыла этотъ ключъ; къ несчастью, она унесла его съ собою въ могилу. Для провѣрки своихъ предположеній и окончательнаго доказательства ихъ несомнѣнности, необходимо было, какъ она говоритъ, изслѣдовать подлинныя рукописи драмъ. Неизвѣстно, на какомъ основаніи она была увѣрена, что эти рукописи скрыты и сохраняются въ гробу Шекспира или въ гробу Бэкона. Съ этою цѣлью она задумала путешествіе въ Стратфордъ, гдѣ похороненъ Шекспиръ, и въ Сентъ-Альбансъ, гдѣ похороненъ Бэконъ. Ея друзья смотрѣли на этотъ проэктъ съ грустью, а на миссъ Бэконъ, какъ на женщину нѣсколько поврежденную... Они прятали произведенія Шекспира, когда она входила, избѣгали разговора съ нею объ этомъ предметѣ, и въ концѣ концовъ рѣшительно отказались помочь ей исполнить задуманный планъ. Но, благодаря своимъ публичнымъ лекціямъ, она собрала небольшую сумму денегъ и отправилась въ Лондонъ.

Въ Лондонѣ она жила нѣкоторое время въ крайней бѣдности. Томасъ Карлейль, къ которому она обратилась, относился очень сочувственно къ ней, но не къ ея теоріи; онъ предложилъ ей предварительно изложить ея теорію на бумагѣ, а потомъ уже приступить къ провѣркѣ ея, т. е. къ открытію шекспировскаго гроба. Сначала она написала небольшую статью для «Putnam's Magazine», въ которой только намекнула на свое открытіе, а потомъ принялась за выполненіе первой части своей задачи,—за изложеніе философіи шекспировскихъ драмъ. Книга была написана, напечатана и.... провалилась. Въ ней, дѣйствительно, трудно что нибудь понять; это просто безпорядочный сбродъ цитатъ, какихъ-то философскихъ тирадъ, до смысла которыхъ нѣтъ возможности добраться, и нелѣпостей, положительно указывающихъ на ненормальное состояніе автора. Не смотря на насмѣшки, которыя посыпались на бѣдную миссъ Бэконъ, не смотря на полный неуспѣхъ ея книги въ денежномъ отношеніи, она не отказалась отъ преслѣдованія своей задачи и съ настойчивостью и упор-

Digitized by Google

ствомъ маньяка приступила ко второй ея половинѣ, — къ открытію могилы Шекспира. Она пріѣхала въ Стратфордъ, поселилась тамъ, познакомилась съ городскими властями и съ викаріемъ церкви Holy Trinity, гдѣ похороненъ Шекспиръ. Въ концѣ концовъ, она открыла свой проэктъ викарію. «Дѣло, казалось, пошло на ладъ, — разсказываетъ Гауторнъ;—хотя ошибочно, но миссъ Бэконъ была тѣмъ не менѣе увѣрена, что со стороны викарія не будетъ никакихъ препятствій къ изслѣдованію могилы и что онъ самъ готовъ присутствовать при этомъ изслѣдованіи. Уговорились, что приступятъ къ дѣлу съ наступленіемъ ночи. Когда всѣ приготовленія были сдѣланы, викарій и его клеркъ заявили, что они ожидаютъ только ея слова, чтобы приступить къ поднятію плиты... Она внимательно, въ теченіи многихъ дней, осматривала могильную плиту и старалась, на глазомѣръ, опредѣлить: достаточно-ли широкъ гробъ, чтобы вмѣстить въ себѣ архивъ елизаветинскаго клуба философовъ... Она снова справлялась съ доказательствами, съ ключемъ, загадками и сентенціями, которыя нашла въ письмахъ Бэкона и другихъ... Она бродила вокругъ церкви и, казалось, имѣла полную свободу входить въ церковь днемъ и спеціальное разрѣшеніе являться въ церковь даже ночью, когда ей понадобится... Однажды она явилась въ церковь ночью, съ потайнымъ фонаремъ, который въ этой массѣ мрака, наполнявшаго внутренность храма, сверкалъ на подобіе едва замѣтнаго свѣтляка. Идя ощупью, вдоль стѣны, она подошла къ плитѣ шекспировской могилы. Она не пыталась поднять плиту, хотя, если не ошибаюсь, внимательно всматривалась въ расщелины плиты шекспировской могилы и двухъ другихъ смежныхъ могилъ и, такимъ образомъ, убѣдилась, что въ случаѣ надобности она и сама, безъ посторонней помощи, въ состояніи будетъ поднять ее... Она направила лучи своего фонаря на бюстъ Шекспира, но не могла сдѣлать его видимымъ вслѣдствіе глубокаго мрака, царствовавшаго въ церкви... По временамъ ей казалось, что она слышитъ легкій шумъ въ церкви; какіе-то тихіе, робкіе шаги раздавались среди мертвой тишины то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, между колоннами и надгробными плитами, словно одинъ изъ обитателей этихъ могилъ выползъ изъ своего мрачнаго убѣжища, съ цѣлью поглядѣть на этого непрошеннаго гостя... Въ это время появился клеркъ и сознался, что присматривалъ за нею съ тѣхъ поръ, какъ она вошла въ церковь».—На этомъ, собственно, и окончились попытки миссъ Бэконъ проникнуть въ могилу Шекспира. Еще въ Стратфордѣ она серьезно заболѣла, не только вслѣдствіе физическихъ лишеній, но также и вслѣдствіе большаго умственнаго напряженія. Нѣсколько поправившись, она возвратилась въ Америку, гдѣ вскорѣ и умерла въ домѣ умалишенныхъ.

Такова обыкновенная судьба большинства изобрѣтателей. Наслѣдники ея «открытія», Гольмсъ—въ Америкѣ и Смитъ—въ Англіи, были счастли-

Digitized by Google

вѣе; они значительно докончили теорію и развили ее: совершенно незамѣченная при жизни миссъ Бэконъ теорія вдругъ обратила на себя вниманіе образованнаго общества; о ней заговорили. Смитъ еще при жизни миссъ Бэконъ, въ письмѣ къ лорду Эллесмеру, старался доказать, что честь открытія принадлежитъ собственно ему, а не миссъ Бэконъ, но былъ уличенъ въ лжи. Оба, Смитъ и Гольмсъ, стоятъ на одной и той же точкѣ зрѣнія. Совершенно оставивъ мысль искать подлинныя рукописи поэта, совершенно устранивъ вопросъ о соціальной философіи, скрытой будто бы въ драмахъ,—философіи, ключъ къ пониманію которой миссъ Бэконъ надѣялась найти,—и, такимъ образомъ, очистивъ теорію отъ всего гадательнаго, бездоказательнаго, мечтательнаго, нелѣпаго, они обратили вниманіе только на историческіе факты, на сближеніе жизни Шекспира съ жизнью Бэкона, на нѣкоторыя любопытныя совпаденія, на тѣ мѣста въ пьесахъ, гдѣ особенно ярко выступаетъ ученость автора драмы. Наконецъ, уже въ 1883 году, миссисъ Поттъ выступила съ изданіемъ бэконовскаго «Промуса». Это—объемистая книга самого Бэкона, подъ заглавіемъ «The Promus of formularies and elegancies», и составляетъ нѣчто въ родѣ записной книги Бэкона, остававшейся до тѣхъ поръ въ рукописи и хранящейся въ British museum. Въ эту книгу знаменитый мыслитель вписывалъ, на всякій случай, фразы, сентенціи, афоризмы, поговорки, встрѣчаемыя имъ въ книгахъ или слышанныя, вносилъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи воспользоваться ими, или же на досугѣ подумать о нихъ. Этотъ матеріалъ можетъ быть раздѣленъ на три отдѣла. Къ первому принадлежатъ афоризмы, отрывочныя выраженія, фразы и просто слова, поражавшія Бэкона при чтеніи той или другой книги—Эразма, библіи и т. д. Ко второму отдѣлу принадлежатъ англійскія поговорки и пословицы, заимствованныя, въ большинствѣ случаевъ, изъ сборника Гейвуда. Наконецъ, третій отдѣлъ составляютъ пословицы и поговорки иностранныя — французскія, итальянскія, испанскія. Миссисъ Поттъ, съ изумительной настойчивостью и трудолюбіемъ, задалась цѣлью найти почти для каждаго выраженія «Промуса», соотвѣтствующее выраженіе въ шекспировскихъ драмахъ и, разумѣется, находитъ. Эта тожественность наводитъ ее на мысль, что авторъ «Промуса» и авторъ шекспировскихъ пьесъ — одно и то же лицо. Съ чисто женской проницательностью она догадалась, что прошло время пустыхъ предположеній, что фразами въ наше время никого не убѣдишь, и что въ будущихъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ изслѣдователь будетъ обращаться къ внутреннему свидѣтельству шекспировскихъ пьесъ, и только на этомъ основаніи будетъ дѣлать дальнѣйшія заключенія. Жаль только, что г-жа Поттъ, одержимая idée fixe—видѣть Бэкона въ произведеніяхъ Шекспира, совершенно не придерживается научнаго метода,—чѣмъ, впрочемъ, страдаютъ и всѣ остальные бэконьянцы. Этотъ диллетантизмъ тѣмъ болѣе печаленъ, что если въ книгѣ нѣтъ слишкомъ

Digitized by Google

рискованныхъ выводовъ, то въ сличеніяхъ замѣчаются сплошь и рядомъ самыя наивныя натяжки.

Какъ бы то ни было, но книга г-жи Поттъ имѣла огромный успѣхъ и послужила исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда новыхъ изслѣдованій. Виманъ вычислилъ, что до 1882 года вышло болѣе 255 книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей, относящихся къ бэконовской теоріи. Теперь ихъ, вѣроятно, вдвое больше. Читатель видитъ, что теорія имѣетъ не только своихъ приверженцевъ, но также и свою довольно значительную и богатую литературу, тѣмъ болѣе любопытную, что она доступна большинству образованныхъ людей, не будучи особенно спеціальной и сухой.

I.

Попробуемъ стать на точку зрѣнія бэконьянцевъ и съ этой точки зрѣнія разсмотрѣть ихъ теорію.

Человѣка, свыкшагося съ научнымъ методомъ, въ этой теоріи прежде всего непріятно поражаетъ самая постановка вопроса, совершенно произвольная, фантастическая, плодъ болѣзненной фантазіи, какого-то романтическаго пристрастія къ таинственному и необычному.

Со дня смерти Шекспира прошло почти 240 лѣтъ; его поклонники, а съ ними и все культурное человѣчество, наивно вѣрили, что онъ дѣйствительно заслужилъ славу, которою пользуется. И эта вѣра имѣетъ свои весьма солидныя основанія. Не только нѣкоторые факты его жизни (правда, очень немногочисленные)—исторически несомнѣнны и установлены незыблемо, самымъ строгимъ образомъ; но, кромѣ того, у насъ существуютъ столь же несомнѣнныя свидѣтельства современниковъ, говорящія о его извѣстности въ концѣ шестнадцатаго и въ началѣ семнадцатаго столѣтія не только какъ актера и театральнаго антрепренера, но и какъ поэта и драматическаго писателя, ставшаго во главѣ народной драматической литературы, и противника классицизма *). Никогда эти свидѣтель-

---

* Свидѣтельства эти слѣдующія: *Роберта Грина* (Greene), драматическаго писателя и соперника Шекспира, на смертномъ одрѣ обвинявшаго поэта въ плагіатѣ и въ заимствованіяхъ изъ его пьесъ (См. автобіографическій памфлетъ Грина: „Groatsworth of Wit, 1592; мѣсто, касающееся Шекспира приведено у г. Стороженко: „Робертъ Гринъ", Москва, 1878, стр. 183);—*Четля* (Chettle), который послѣ смерти Грина извинялся печатно въ томъ, что напечаталъ этотъ недостойный памфлетъ; Четль въ то же время указываетъ на извѣстность Шекспира и на его писательскую честность („Kind—Hearth's dream", 1592; приведена тамъ же);—*Геминджа и Конделя* (Heminges and Condell), товарищей Шекспира, издавшихъ его сочиненія въ 1623 году (первое in-folio) и написавшихъ къ этому изданію пре-

Digitized by Google

ства не были подвергаемы ни малѣйшему сомнѣнію. И вдругъ, въ одно прекрасное утро является взбалмошная женщина, страдающая галлюцинаціями, съ болѣзненно расшатанной фантазіей и заявляетъ, что авторъ шекспировскихъ произведеній не Шекспиръ, а Бэконъ! На это заявленіе обращаютъ вниманіе, находятся послѣдователи взбалмошной миссъ; они съ неумѣреннымъ усердіемъ пропагандируютъ бредни душевно-больной женщины; эти бредни раздуваются въ quasi-научную теорію, съ которой въ концѣ концовъ должна считаться наука, потому что теорія, раздутая всѣми возможными средствами, встрѣчаетъ сочувствіе въ средѣ людей незнакомыхъ съ научными пріемами въ исторической критикѣ, слѣдовательно, легко обманываемыхъ!.. Не странно ли это?

Какое основаніе имѣла миссъ Бэконъ сдѣлать подобное предположеніе? Ровно никакого. Ее поразилъ контрастъ научныхъ свѣдѣній автора драмъ съ положеніемъ бѣднаго актера, получившаго лишь самое элементарное образованіе. Съ другой стороны, скудость свѣдѣній, имѣющихся у насъ о жизни Шекспира, точно также, по ея мнѣнію, не позволяла допустить, чтобы необыкновенный геній, которому поклоняется человѣчество, былъ такъ мало извѣстенъ при жизни. Отъ него не осталось ни рукописей, ни писемъ; многіе факты его жизни намъ извѣстны лишь по устному преданію, другіе—темны и не поддаются никакимъ объясненіямъ (напр., сонеты); въ своемъ завѣщаніи онъ ничего не говоритъ о своихъ сочиненіяхъ и т. д. Все это навело миссъ Бэконъ на мысль, что, можетъ быть, Шекспиръ есть не болѣе, какъ подставное лицо кого-то другаго, сочинявшаго драмы и выпускавшаго ихъ подъ именемъ Шекспира; этотъ другой, по ея соображенію, есть лордъ Бэконъ. Таковъ, въ общихъ чертахъ, психическій процессъ, породившій этотъ чудовищный парадоксъ, почти небывалый въ исторіи литературъ,—парадоксъ, порожденный совершенно не научнымъ умомъ, тѣмъ болѣе странный, что таинственность, окружающая жизнь великихъ людей прошлаго—фактъ достаточно извѣстный въ исторіи. Что мы знаемъ о Гомерѣ? Абсолютно ничего. Почти то же самое можно сказать и о Данте; отъ него не осталось ни рукописей, ни писемъ,—вообще не осталось никакого вещественнаго факта; неизвѣстно, существовала ли въ дѣйствительности пресловутая Беатриче, или же она—не болѣе, какъ

дисловіе, имѣющее огромную біографическую цѣнность;—*Френсиса Мереса* (Meres), критика, оставившаго драгоцѣнныя указанія относительно пьесъ Шекспира, которыя игрались въ его время, до 1598 г. („Palladis Tamia“);—наконецъ *Бена Джонсона* (Ben Jonson), извѣстнаго драматическаго писателя классической школы, написавшаго не только знаменитое стихотвореніе въ честь Шекспира, помѣщенное въ in-folio 1623 года, но въ своихъ „Discoveries“ нѣсколько разъ высказавшаго свое мнѣніе о талантѣ Шекспира и сообщившаго тамъ же нѣсколько цѣнныхъ указаній о немъ.

Digitized by Google

плодъ фантазіи поэта; съ портретами итальянскаго поэта случилось буквально то же самое, что случилось съ портретами Шекспира; даже относительно орѳографіи его имени существуетъ разноголосица, какъ она существуетъ относительно орѳографіи имени Шекспира. Рафаэль—почти современникъ Шекспира, онъ умеръ за 44 года до рожденія великаго поэта, а что мы о немъ знаемъ? нѣсколько анекдотовъ столь же сомнительнаго свойства. Рафаэль не получилъ никакого образованія, мальчикомъ онъ работалъ въ мастерской своего отца, потомъ—въ мастерской Перуджино, а по выходѣ оттуда еще совсѣмъ юношей, онъ уже является художникомъ, о которомъ говорятъ съ изумленіемъ, какъ о необыкновенномъ геніѣ; какъ объяснить фактъ, что изъ-подъ кисти молодаго человѣка, умершаго на тридцать седьмомъ году жизни, вышли такія великія произведенія, какъ Парнасъ, Аѳинская школа, Лоджіи Ватикана, Сивиллы, Пророки, Галатея, Сраженіе Константина, Мадонны,—и всѣ эти произведенія поражаютъ даже профана, не только величіемъ и глубиной творческой мысли, но также и самымъ широкимъ образованіемъ, изумительнымъ знакомствомъ съ греческой литературой и философіей. Такой фактъ, можетъ быть, труднѣе объяснить, чѣмъ творчество Шекспира. Почему же не заключить, что Рафаэль — подставное лицо какого нибудь Макіавели, его современника? Къ счастью, въ Италіи не нашлось другой миссъ Бэконъ и Рафаэль уцѣлѣлъ. О Мольерѣ мы знаемъ, можетъ быть, еще меньше, чѣмъ о Шекспирѣ, а контрастъ между произведеніями Мольера и этимъ tapissier du roi также великъ (въ этомъ отношеніи любопытны новѣйшія изслѣдованія о Мольерѣ; во Франціи продѣлываютъ теперь, по отношенію къ Мольеру, тотъ же самый фарсъ, какой продѣлывается въ Англіи относительно Шекспира, съ легкой руки миссъ Бэконъ). Наконецъ, въ болѣе близкія къ намъ времена, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, цѣлая полоса въ жизни лорда Байрона,—его бракъ и его разводъ съ женой,—покрыты таинственнымъ мракомъ, разсѣять который, со смертью главныхъ дѣйсувующихъ лицъ въ этомъ дѣлѣ, не представляется ни малѣйшей возможности.

Эта таинственность, окружающая жизнь великихъ людей прошлаго—дѣло извѣстное и встрѣчается на каждомъ шагу. Это, можетъ быть, печально, но самый фактъ объясняется просто. Намъ, въ наше время газетной «литературы» и широкой общественной жизни, трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ жизнь человѣка, игравшаго хотя бы незначительную общественную роль, могла быть неизвѣстна современникамъ. Но мы обыкновенно не принимаемъ во вниманіе разницу въ условіяхъ общественной жизни; обособленная, строго замкнутая семейная жизнь уступила мѣсто частому общенію между людьми, благодаря которому жизнь болѣе или менѣе выдающихся людей перестаетъ быть тайной ихъ близкихъ и становится достояніемъ всего общества. Да мы и сами заботимся о томъ, что-

Digitized by Google

бы потомство насъ не забывало. Съ заботливостью, по временамъ смѣшной и нелѣпой, мы собираемъ всякаго рода мелочи, документы, записки, письма, факты; пишемъ мемуары, въ которыхъ прославляемъ по большей части самихъ себя; газеты ежедневно сообщаютъ намъ самыя мелочныя свѣдѣнія о лицахъ, такъ или иначе заинтересовавшихъ собою общество. Въ этомъ выражается наше тщеславіе. Не такъ было въ эпоху жизни Шекспира. Тогда даже письма извѣстныхъ, прославленныхъ дѣятелей не сохранялись, если не имѣли спеціальнаго политическаго интереса или не уцѣлѣли случайно въ семейныхъ архивахъ; не существовало моды на мемуары,—изъ чего можно заключить, что великіе люди того времени были скромнѣе насъ и не хотѣли занимать общество своею личностью; не было періодической печати, которая бы «увѣковѣчивала» память великихъ и не великихъ людей ежедневной рекламой. Произведенія ихъ читались, обращали на себя вниманіе, если того заслуживали, но личность ихъ авторовъ никого не интересовала, за исключеніемъ, конечно, тѣснаго кружка людей близкихъ. Такимъ образомъ, тогда случалось, что писатель умиралъ въ неизвѣстности, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда. Произведенія его, упраздняемыя новой модой, забывались, а такъ какъ и самъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, не заботился о сохраненіи ихъ для потомства, то случалось, что и они погибали безвозвратно.

Нелѣпая мысль, пущенная въ ходъ миссъ Бэконъ, нашла себѣ послѣдователей. Для этихъ послѣдователей главное дѣло заключалось въ томъ, чтобы обставить ее доказательствами, историческими фактами,—словомъ, сдѣлать вѣроятнымъ и допустимымъ первоначальное голословное предположеніе. При нѣкоторомъ стараніи, это, конечно, возможно было сдѣлать: нѣтъ такой нелѣпости, которую нельзя было бы представить вѣроятной и возможной путемъ извѣстной ловкой аргументаціи. И это было сдѣлано чрезвычайно добросовѣстно: чисто по англійски, методично, послѣдовательно, съ изумительной изворотливостью практическаго ума. Читая Смита или Гольмса, Поттъ или Моргана, невольно удивляешься, сколько ума, проницательности, практической сметки, трудолюбія, энергіи, настойчивости было потрачено на такое безплодное дѣло!

Задача предстояла двоякая: во-первыхъ, приходилось доказать, что произведенія, извѣстныя подъ названіемъ шекспировскихъ, не могли быть написаны Шекспиромъ; во-вторыхъ, нужно было доказать ихъ принадлежность Бэкону. Разумѣется, какъ относительно одного, такъ и относительно другаго нѣтъ никакихъ прямыхъ фактическихъ доказательствъ. Отсюда, является необходимость доказать несостоятельность свидѣтельскихъ показаній современниковъ и такимъ отрицательнымъ путемъ разрушить старый «предразсудокъ». Разумѣется, такое доказательство не есть доказательство, это—прежде всего; а потомъ, къ чему сводятся толкованія бэконьянцевъ? Къ тому, что свидѣтельства современниковъ доказываютъ

Digitized by Google

не то, что Шекспиръ былъ драматическій писатель, а лишь то, что онъ былъ актеръ и одинъ изъ видныхъ антрепренеровъ театра, что всѣ нападки на Шекспира, или похвалы ему относятся не къ драматическому писателю, а къ антрепренеру театра, что выраженіе: «Shakespeare's Plays» означаетъ не: «пьеса, написанная Шекспиромъ», а «пьеса, поставленная въ театрѣ Шекспира». Такое толкованіе совершенно голословно и противорѣчитъ прямому смыслу всѣхъ свидѣтельствъ. — Главное, самое важное свидѣтельство принадлежитъ Бену Джонсону; на него-то, главнымъ образомъ, и были направлены всѣ усилія бэконьянцевъ. Въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи въ честь Шекспира, Джонсонъ, между прочимъ, говоритъ: «Еслибы я былъ въ состояніи правильно оцѣнить твое достоинство, я сравнилъ бы тебя только съ равными тебѣ и показалъ бы, какъ далеко превосходишь ты нашего Лилли или игриваго Кида, или могучаго порывистаго Марло; пусть малосвѣдущъ ты въ латыни и еще меньше въ греческомъ языкѣ,—я не затруднюсь вспомнить славныя имена для твоего возвеличенія и воззову къ новой жизни громоносного Эсхила, Эврипида и Софокла, Паккувія, Акція и Сенеку, чтобы внимали они, какъ побѣдоносно потрясаешь ты котурномъ сцену. Въ сравненіи со всѣми славными людьми, которыхъ нѣкогда выставила надменная Греція или гордый Римъ (insolent Greece of houghty Rome), ты стоишь одинокій». По мнѣнію бэконьянцевъ, всѣ эти похвалы и восторги ровно ничего не доказываютъ. Бенъ Джонсонъ былъ человѣкъ двуличный; онъ порицалъ или хвалилъ, смотря по обстоятельствамъ, когда это было нужно. И дѣйствительно, онъ хвалилъ Шекспира въ изданіи 1623 года, а въ своихъ «Discoveries», писанныхъ подъ конецъ жизни и изданныхъ уже послѣ его смерти, Бенъ Джонсонъ, перечисляя всѣхъ ученыхъ и писателей своего времени, о Шекспирѣ не упоминаетъ ни однимъ словомъ, между тѣмъ какъ о Бэконѣ онъ разсыпается въ величайшихъ похвалахъ, сравниваетъ его съ великими греческими и римскими писателями и заканчиваетъ буквально тѣмъ же самымъ выраженіемъ, которое онъ употребилъ по отношенію къ Шекспиру въ своемъ стихотвореніи: «надменная Греція или гордый Римъ»; а въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же «Discoveries» онъ пишетъ: «Я помню, что актеры часто говорили въ видѣ особенной похвалы Шекспиру: онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ никогда не вычеркивалъ ни строчки. Мой отвѣтъ былъ: пусть бы онъ вычеркнулъ ихъ тысячи! Это было принято за выраженіе недоброжелательства. Я же говорю это только противъ тѣхъ, которые хотѣли зарекомендовать своего друга именно тѣмъ, что составляло его недостатокъ». Такія противорѣчивыя свидѣтельства одного и того же человѣка,—говорятъ бэконьянцы,—уничтожаются сами собой: нельзя вѣрить человѣку, который сегодня говоритъ одно, а завтра — діаметрально противоположное. До извѣстной степени возраженіе справедливо, но они касаются *мнѣнія* о Шекспирѣ, а не того, что Шекспиръ не былъ

Digitized by Google

драматическимъ писателемъ: Бенъ Джонсонъ могъ мѣнять свое мнѣніе относительно таланта своего соперника, но тѣмъ самымъ онъ всякій разъ подтверждалъ, что Шекспиръ былъ писатель. Вообще, въ этомъ отношеніи, какъ ни изворачивались бэконьянцы, они не могли доказать, что Шекспиръ не писалъ произведеній, извѣстныхъ подъ его именемъ. Они, однако, были счастливѣе въ аналогіяхъ жизни Шекспира съ жизнью лорда Бекона.

Бэконъ,—говорятъ они,—былъ однихъ лѣтъ съ Шекспиромъ. (Онъ родился въ 1561 году, умеръ въ 1626; слѣдовательно, Бэконъ былъ старше Шекспира на три года, но умеръ онъ спустя десять лѣтъ послѣ смерти поэта). Въ своей молодости Бэконъ любилъ театръ и несомнѣнно, въ эту эпоху своей жизни написалъ двѣ театральныя пьесы; это,—такъ называемыя «маски», пьесы, писанныя на какой нибудь торжественный случай, съ пантомимами (шекспировская «Буря»—тоже маска). Спеддингъ, извѣстный біографъ Бэкона, отыскалъ и напечаталъ отрывки этихъ пьесъ. Читая эти отрывки невольно спрашиваешь себя: почему Бэконъ открыто признавался въ томъ, что написалъ эти плоскія пьески, и такъ тщательно скрывалъ, что онъ—авторъ «Юлія Цезаря» и «Гамлета»? На этотъ простой вопросъ бэконьянцы ничего не отвѣчаютъ. Для нихъ важно только то, что будущій философъ былъ въ дни своей юности театраломъ. Его мать, леди Анна, строптивая и чопорная протестантка, горевала о такихъ наклонностяхъ своего сына. «Френсисъ, — пишетъ она, — вѣчно боленъ вслѣдствіе привычки ложиться спать очень поздно и мечтать, nescio quid, въ такіе часы, когда нужно спать». Ей также не нравилось и то, что ея сынъ водитъ дружбу съ молодыми, богатыми повѣсами и посѣщаетъ театры «для удовольствія,—прибавляетъ она,—Эссекса и его веселой компаніи, но къ гибели души моего сына». У Бэкона несомнѣнно была поэтическая жилка, на которую указываетъ, между прочимъ, и Маколей. Бэконьянцы сильно напираютъ на выраженіе Бэкона: «театръ есть средство развитія для толпы"; однако они тщательно умалчиваютъ о мнѣніи Бэкона относительно поэзіи, мнѣніе, которое онъ высказываетъ нѣсколько разъ и которому даже посвятилъ одно изъ своихъ сочиненій: «De sapientia veterum». Въ поэзіи Бэконъ видитъ лишь одну фикцію. Онъ отличаетъ выраженіе отъ содержанія и, считая выраженіе простой внѣшностью, подраздѣляетъ поэзію, по содержанію, на описательную, драматическую и параболическую. Онъ, какъ по всему видно, совершенно не знаетъ, что поэзія заключается не столько въ содержаніи, сколько въ извѣстной манерѣ чувствовать и изображать. Онъ однако прибавляетъ, что какова бы она ни была,—описательная или героическая, она надѣляетъ человѣческую натуру тѣмъ, въ чемъ отказываетъ ей исторія. Она украшаетъ и возвышаетъ дѣйствительность. Что же касается драматической поэзіи, то онъ знаетъ только то, что она была бы весьма полезна, еслибы была трезвѣе. Парабола больше всего встрѣчаетъ сочувствіе Бэкона: онъ восторгается

Digitized by Google

истиной, скрытой подъ фабулой, и миѳологія является для него скрытой философіей. Могъ ли человѣкъ, имѣвшій такое мнѣніе о поэзіи, написать шекспировскія произведенія?

Во всякомъ случаѣ, поэтическая жилка у него была, но эта жилка проявлялась только въ его прозаическихъ сочиненіяхъ; его же стихотворенія, дошедшія до насъ (переводы нѣсколькихъ псалмовъ), — очень плохи. Въ молодости,—продолжаютъ бэконьянцы,—Бэконъ велъ жизнь довольно странную; эта жизнь совершенно не соотвѣтствовала его общественному положенію. На двадцать восьмомъ году жизни онъ былъ уже членомъ парламента и попалъ въ общество золотой молодежи того времени,—Соутгэмптоновъ, Эссексовъ, Рутлэндовъ, Монгомери.—Эти молодые люди любили театръ, поощряли литературу. Бэконъ, не имѣвшій большого состоянія, былъ вовлеченъ въ кутежи, надѣлалъ долговъ и въ 1592 году,—въ тотъ годъ, когда появилась на сценѣ первая историческая драма Шекспира,—будущій канцлеръ «обнищалый и больной, работалъ, чтобы жить». Какого рода были эти вынужденныя занятія? Біографія Бэкона не даетъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ, что̀ позволяетъ бэконьянцамъ предположить, что онъ писалъ театральныя пьесы тайкомъ; Шекспиръ, тогда еще начинающій актеръ, человѣкъ бѣдный, выдавалъ ихъ за свои и за это получалъ часть дохода съ представленій. Никакого доказательства въ подтвержденіе такого предположенія бэконьянцы не представляютъ, а указываютъ только, что именно въ это время Бэконъ имѣлъ полный досугъ писать пьесы, потому что его странное поведеніе во время процесса Эссекса вызвало немилость Елизаветы, и въ послѣдніе годы ея царствованія онъ не имѣлъ никакой должности ни при дворѣ, ни въ правительствѣ. Въ 1613 году,—въ тотъ самый годъ, когда, по предположенію, Шекспиръ оставилъ театръ, пересталъ писать и переселился на покой въ Стратфордъ, Бэконъ былъ назначечъ генеральнымъ атторнеемъ и, естественно,—прибавляютъ бэконьянцы,—новыя тяжелыя занятія помѣшали ему заниматься литературой. Это совпаденіе дѣйствительно любопытное:—прекращеніе появленія шекспировскихъ пьесъ на сценѣ и въ печати и должность, полученная Бэкономъ, составляютъ одинъ изъ главныхъ аргументовъ бэконистовъ; по ихъ мнѣнію, это совпаденіе вполнѣ раскрываетъ тайну, такъ долго смущавшую критиковъ: почему Шекспиръ пересталъ писать въ послѣдніе годы своей жизни, отъ 1613 по 1616 годъ? Но въ дѣйствительности это по прежнему остается тайной, даже если и принять помянутую теорію, потому что и Бэконъ, подобно Шекспиру, провелъ послѣдніи годы жизни на покоѣ и никто еще не утверждалъ, что онъ что-либо писалъ въ періодъ времени между 1621 и 1626 годами. Съ другой стороны, замѣчательно то, что хотя Бэконъ умеръ черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Шекспира,—но не извѣстно ни одной новой шек-

Digitized by Google

спировской пьесы, которая бы появилась на сценѣ или въ печати въ этотъ десятокъ лѣтъ.

Г-жа Поттъ приходитъ однако на помощь Смиту и Гольмсу, и утверждаетъ, что она нашла 32 доказательства того, что Бэконъ—авторъ шекспировскихъ драмъ. Это напоминаетъ рекламы, гласящія: «Нѣтъ больше сѣдыхъ волосъ!» или: «Нѣтъ больше плѣшивыхъ!» Какъ и слѣдовало ожидать, доказательства г-жи Поттъ сводятся къ нулю, но между ними есть и любопытныя. Такъ напр., извѣстно, что въ шекспировскихъ пьесахъ упоминается всего два раза объ Аристотелѣ: въ «Усмиреніи своенравной» и въ пьесѣ: «Троилъ и Крессида». Въ особенности любопытно упоминаніе греческаго философа въ послѣдней пьесѣ. У Пріама—военный совѣтъ; необходимо рѣшить вопросъ: будетъ ли Елена возвращена грекамъ, или нѣтъ? Троилъ и Парисъ подаютъ голосъ за продолженіе войны, т. е. за удержаніе въ Троѣ Елены. Но Гекторъ другаго мнѣнія; онъ—приверженецъ мира и находитъ политичнымъ и справедливымъ возвратить Елену ея законному супругу: «Парисъ и Троилъ,—говоритъ онъ:—вы оба говорите прекрасно, коснулись и настоящаго положенія дѣла, но поверхностно, подобно молодымъ людямъ, *которыхъ Аристотель почитаетъ неспособными понимать нравственную философію*». (Whom Aristotle thought unfit to hear moral philosophy *). Въ этой ссылкѣ на Аристотеля есть и невѣрность и анахронизмъ. Анахронизмъ очевиденъ: Гекторъ—герой троянской войны—ссылается на авторитетъ Аристотеля, философа временъ Александра Македонскаго! Трудно рѣшить, сдѣлано ли это было Шекспиромъ по недосмотру или намѣренно; послѣднѣе—вѣрнѣе, если принять во вниманіе юмористическій характеръ сцены. Гёте заставилъ же своего Фауста говорить о Лютерѣ. Во всякомъ случаѣ странное заключать, какъ это дѣлаетъ Гервинусъ, что Шекспиръ былъ знакомъ съ «Этикой» Аристотеля; но любопытно, что и Бэконъ въ своемъ сочиненіи «De Augmentis» цитируетъ то же самое мнѣніе Аристотеля и дѣлаетъ такую же точно ошибку: оба утверждаютъ, что Аристотель считалъ молодыхъ людей неспособными понимать нравственную философію, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности Аристотель говорилъ не о нравственной философіи, а о политикѣ! Такого рода совпаденіе можетъ быть доказательствомъ не того, что «De Augmentis» и «Троилъ и Крессида» принадлежатъ одному и тому же автору, а лишь того, что или Шекспиръ заимствовалъ ссылку на Аристофеля у Бэкона, или Бэконъ заимствовалъ ее у Шекспира, или же наконецъ, что оба они—и Бэконъ, и Шекспиръ—читали Аристотеля въ какомъ нибудь безобразномъ англійскомъ переводѣ.

---

*) Въ переводѣ г. Соколовскаго:—„которыхъ Аристотель не признавалъ способными понять уроки философіи“. Въ переводѣ выпущено слово—„нравственный“, вслѣдствіе чего теряется вся соль замѣчанія.

Digitized by Google

Вообще, любопытно мнѣніе Шекспира о философахъ; объ этомъ никогда не упоминаютъ бэконьянцы, а между тѣмъ это прямо касается нашего предмета. Профессоръ бернскаго университета Геблеръ *) посвятилъ цѣлую главу своей книги цитатамъ, въ которыхъ Шекспиръ высказываетъ свое мнѣніе о томъ или другомъ философѣ. Замѣчательно, что Шекспиръ всякій разъ, когда упоминаетъ имя того или другаго философа, дѣлаетъ это съ ироническою цѣлью. Такъ, въ «Много шуму изъ ничего», Леонардо заключаетъ, что еще не было видано такого философа, который бы терпѣливо выносилъ зубную боль. Констанція, погруженная въ горе смерьк своего сына, говоритъ: «Говорите мнѣ о философіи, чтобъ я потеряла разсудокъ» («Король Джонъ»). Король Лиръ называетъ Эдгара, который переодѣлся шутомъ, своимъ философомъ. Шекспиръ въ особенности любитъ издѣваться надъ тѣми философскими трюизмами, которыми прославились семь греческихъ мудрецовъ. Вся рѣчь клоуна въ пьесѣ «Какъ вамъ угодно» наполнена этими трюизмами. Онъ, между прочимъ, говоритъ: «Языческій философъ, когда ему приходилось класть въ ротъ кисть винограда, имѣлъ привычку говорить, что виноградъ созданъ на то, чтобъ его ѣли, а ротъ —затѣмъ, чтобы открываться при видѣ винограда». Эвансъ въ «Виндзорскихъ кумушкахъ», справедливо думая, что «уста суть часть рта», прибавляетъ, что этого мнѣнія «придерживаются многіе философы». Фальстафъ не менѣе глубокомысленъ, когда, передразнивая англійскаго короля, онъ говоритъ его сыну, принцу Гарри: «Есть вещь, Гарри, о которой ты часто слыхалъ, вещь, извѣстная многимъ изъ нашихъ гражданъ, которая называется дегтемъ; этотъ деготь, какъ повѣствуютъ древніе писатели, маретъ, точно также, какъ и то общество, въ которомъ ты вращаешься». Такое ироническое отношеніе къ философамъ едва ли умѣстно въ устахъ Бэкона, который былъ самъ философъ и вовсе не относился отрицательно или насмѣшливо къ своимъ предшественникамъ.

Преслѣдуя свою цѣль, г-жа Поттъ дѣйствительно нашла любопытныя мѣста въ перепискѣ Бэкона. Въ его перепискѣ отчасти попадаются какія-то непонятныя намъ фразы, таинственные намеки. Въ одномъ письмѣ, напр., онъ говоритъ о какихъ-то скрытыхъ поэтахъ. Его корреспондентъ, извѣстный Тобій Матью, въ письмѣ играетъ словами «мѣра за мѣру»; а извѣстно, что этими словами названа одна изъ лучшихъ пьесъ Шекспира. Сэру Тобію Матью Бэконъ имѣлъ привычку посылать всѣ свои сочиненія по мѣрѣ ихъ выхода въ свѣтъ; къ серьезному сочиненію онъ по временамъ присоединялъ «отдохновеніе» (recreation). Какія это могли быть рекреаціи? По мнѣнію бэконьянцевъ, это были театральныя пьесы, писанныя имъ въ часы досуга. Въ особенности замѣчательно одно письмо сэра Тобія Матью

*) Hebler, – „Aufsätze über Shaekspeare".

Digitized by Google

къ Бэкону. Еслибы сэръ Тобій могъ предполагать, что своимъ таинственнымъ post-scriptum'омъ къ письму онъ вызоветъ такой раздоръ въ средѣ будущихъ критиковъ, то, конечно, сдѣлалъ бы его болѣе понятнымъ и яснымъ. Къ сожалѣнію, онъ этого не зналъ, и въ настоящую минуту, этотъ post-scriptum составляетъ главнѣйшій аргументъ бэконьянцевъ. Вотъ онъ въ буквальномъ переводѣ: «Замѣчательнѣйшій умъ, который я когда либо зналъ изъ моего народа и по сю сторону моря, носитъ имя вашего лордства, хотя онъ извѣстенъ подъ другимъ именемъ» (The most prodigious wit that ever I knew, of my nation, and of this side of the sea, is your lordship's name, though he be known by another).— Нѣтъ ничего яснѣе этой фразы,—восклицаютъ въ восторгѣ бэконьянцы:— замѣчательнѣйшій умъ своего времени былъ, конечно, авторъ шекспировскихъ произведеній,—кто въ этомъ можетъ сомнѣваться? — для толпы этотъ умъ носилъ имя Шекспира, но сэръ Тобій зналъ, что это Бэконъ!— Читатель видитъ, какъ смѣлы въ своихъ выводахъ бэконьянцы. Объяснить исторически фразу Матью, конечно, трудно; очень можетъ быть, что сэръ Тобій, по своей всегдашней привычкѣ, и здѣсь играетъ словами, но только на этотъ разъ намекаетъ на другія фамиліи, которыя Бэконъ имѣлъ право носить и носилъ,—лорда Верулама или виконта Сентъ-Альбанса. По нѣкоторымъ намекамъ писемъ можно заключить, что Бэконъ и сэръ Тобій Матью очень часто прибѣгали къ условному языку, даже къ шифрованному письму, ключа къ которымъ у насъ нѣтъ; но все это не даетъ еще намъ никакого права рѣшать, что Бэконъ есть авторъ шекспировскихъ произведеній, даже въ томъ случаѣ, еслибы былъ установленъ исторически фактъ, что Бэконъ писалъ иногда подъ чужимъ именемъ. Всѣ эти нелѣпые выводы, очевидно, имѣютъ въ своемъ основаніи логическую и историческую ошибку. Въ наше время совершенно незыблемо, какъ кажется, установилось убѣжденіе, что Шекспиръ—величайшій геній, глубочайшій умъ, когда либо бывшій въ человѣчествѣ, caput sacrum новѣйшаго времени. Для насъ это — несомнѣнная истина, своего рода очевидность, поколебать которую невозможно; но весьма сомнительно, чтобы современники поэта считали его таковымъ; напротивъ того, мы имѣемъ полное право заключить, что Шекспиръ вовсе не поражалъ современниковъ своимъ геніемъ и умомъ; его произведенія могли нравиться, онъ могъ пользоваться большей или меньшей популярностью, но считать его величайшимъ изъ драматическихъ поэтовъ современники не могли потому уже, что онъ былъ для нихъ своимъ человѣкомъ, какъ и всѣ, съ извѣстными наклонностями, съ извѣстными страстями и слабостями; все это заслоняло величіе его ума и необъятность его творчества; своими произведеніями онъ скорѣе забавлялъ, чѣмъ удивлялъ. И это понятно. Судъ современниковъ всегда неправиленъ; онъ или переоцѣниваетъ, или недоцѣниваетъ заслугъ. Переоцѣниваетъ онъ писателей сравнительно мелкихъ,

Digitized by Google

не возвышающихся особенно надъ уровнемъ массы, но умѣющихъ схватить и живо воспроизвести внѣшность жизни, характеръ времени; недоцѣниваетъ онъ великихъ геніевъ, которые никогда не бываютъ по плечу толпѣ; толпа не понимаетъ ихъ и часто, не замѣчая, проходитъ мимо ихъ. Въ тридцатыхъ годахъ, въ Россіи популярнѣйшимъ романистомъ былъ Загоскинъ; имъ зачитывались и чуть не считали геніальнымъ писателемъ, между тѣмъ какъ «Борисъ Годуновъ» Пушкина возбудилъ, при появленіи своемъ, недоумѣніе общества: геніальной драмы не поняли. Точно также и во времена Шекспира героемъ дня былъ не Шекспиръ, даже не Бэконъ, а Лилли, авторъ романа «Euphues». Не обративъ вниманія на это постоянное историческое явленіе, бэконьянцы ошибочно думаютъ, что, подобно намъ, и современники Шекспира считали его величайшимъ умомъ. При такихъ условіяхъ, фраза Матью объяснима: въ ней говорится о величайшемъ умѣ своего времени; но кто же этотъ умъ, если не авторъ шекспировскихъ произведеній? Тѣмъ не менѣе, Матью прибавляетъ, что этотъ умъ носилъ имя Бэкона, значитъ Бэконъ есть авторъ шекспировскихъ произведеній! Вотъ образчикъ «научнаго» метода господъ беконьянцевъ.

Они, кромѣ того, утверждаютъ, что, вслѣдствіе своего положенія въ свѣтѣ, Бэконъ не могъ сдѣлаться открыто драматическимъ писателемъ, и потому принужденъ былъ прибѣгнуть къ подставному лицу, которымъ оказался Шекспиръ. Опять утвержденіе ровно ни на чемъ не основанное. Оно имѣло бы нѣкоторый смыслъ, еслибы въ эпоху королевы Елизаветы драматическое авторство считалось чѣмъ-то неприличнымъ. Но этого не было; вѣдь могъ же Томасъ Сэквиль, графъ Дорсетъ, близкій родственникъ королевы, быть драматическимъ писателемъ, имя котораго осталось въ исторіи; такъ онъ сочинилъ драму «Гордобукъ»,—первую правильную англійскую драму, и вслѣдствіе этого считается предшественникомъ Шекспира.

II.

Какъ могло случиться,—спрашиваютъ дальше бэконьянцы,—что два знаменитѣйшіе писателя своего времени, Шекспиръ и Бэконъ, никогда не упоминали въ своихъ произведеніяхъ или въ своей перепискѣ другъ о другѣ? Когда читаешь «Essays» Бэкона и пьесы Шекспира, то невольно поражаешься сходствомъ идей и формъ языка, встрѣчаешь тѣ же ошибки и тѣ же цитаты. А частое употребленіе юридическихъ выраженій, совершенно естественное у Бэкона, который былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и извѣстнымъ юристомъ,—не поражаетъ ли у простаго, дюжиннаго актера? Затѣмъ, уваженіе къ сословнымъ привилегіямъ не приличнѣе ли въ канцлерѣ, чѣмъ въ бѣдномъ актерѣ, который могъ только страдать отъ этихъ привилегій? И, наконецъ, какъ объяснить, что

Digitized by Google

простой актеръ, вышедшій изъ народной среды, не получившій систематическаго образованія, такъ глубоко проникъ въ тайны политики?

Здѣсь опять мы встрѣчаемся съ контрастомъ, такъ сильно поразившимъ миссъ Бэконъ,—контрастомъ громадныхъ знаній, усматриваемыхъ въ шекспировскихъ произведеніяхъ, съ положеніемъ актера, не получившаго никакого образованія. Контрастъ этотъ возникъ, благодаря нѣмецкой метафизической школѣ, которая съ легкой руки Шлегеля, еще съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, стала представлять Шекспира не только какъ величайшаго творческаго генія, но и какъ величайшій умъ безпредѣльнаго всевѣдѣнія. Нѣмецкая критика, до Гервинуса включительно, всегда представляла англійскаго поэта загадочнымъ пророкомъ, превращавшимъ абстрактныя формулы въ художественные образы; она надѣляла его орудіемъ и принципами современной науки, навязывала ему знаніе всевозможныхъ философскихъ системъ и превращала, такимъ образомъ, его драмы и комедіи въ безграничный синтезъ, охватывающій всѣ стремленія прошлаго, настоящаго и будущаго. Спиритуалисты, идеалисты, пантеисты, реалисты, матерьялисты, позитивисты находили въ немъ подтвержденіе своихъ доктринъ и ученій, какъ это видно, между прочимъ, изъ сочиненій Розенкранца, Фишера, Рётшера, Ульрици, Гервинуса.

Англичане, менѣе мечтательные, чѣмъ нѣмцы, предпочитающіе къ тому же факты метафизическимъ абстрактностямъ, задумали подтвердить фактами нѣмецкій пародоксъ о всевѣдѣніи Шекспира. Благодаря этому обстоятельству, образовалась престранная литература, имѣющая характеръ какого-то слѣдствія или экзамена. Геній Шекспира былъ подраздѣленъ на различныя научныя клѣтки, въ которыхъ укладывались тѣ или другія знанія. Лордъ Кемпбель провѣрилъ юридическія знанія Шекспира и былъ удивленъ, найдя вполнѣ ученаго юриста, знакомаго съ юридическими тонкостями. Бэкниль, Келлогъ, Стирнсъ показали его знаніе въ медицинѣ и, въ особенности, въ психіатріи. Р. Смитъ считаетъ поэта спеціалистомъ въ сельскомъ хозяйствѣ; другіе замѣтили, что онъ былъ знакомъ съ садоводствомъ, съ ботаникой, что онъ искусился въ придворномъ этикетѣ, что верховая ѣзда не имѣла никакихъ тайнъ для поэта. Томсъ видитъ въ немъ спеціалиста по военному искусству. Блэдсъ доказываетъ, что онъ обстоятельно зналъ типографское дѣло. Епископъ Водсвортъ указываетъ на его прекрасное знакомство со священнымъ писаніемъ. Патерсонъ написалъ объемистую «шекспировскую энтомологію» и т. д. Понятно, что если все это правда, то Бэконъ былъ способнѣе написать шекспировскія произведенія, чѣмъ Шекспиръ, невѣжественный актеръ, хотя и тутъ можетъ явиться вопросъ, довольно затруднительный для рѣшенія: откуда могъ научиться Бэконъ военному искусству? какимъ образомъ онъ могъ познакомиться съ типографскимъ дѣломъ? И такъ дальше. Громадное большинство образованной публики не знакомо съ этой литературой: она слишкомъ

Digitized by Google

спеціальна. Тѣмъ не менѣе, въ небольшой дозѣ, она очень любопытна и къ тому же прямо касается нашего предмета.

Нѣкто мистеръ Рисъ (Rees), написавшій цѣлую книгу подъ заглавіемъ: «Shakespeare and the Bible», очень много распространяется о знаніяхъ Шекспира въ библіи, приводитъ множество цитатъ, дѣлаетъ сопоставленія, но изъ всего этого оказывается только, что Шекспиръ былъ знакомъ съ библіей, вѣрнѣе—читалъ ее, подобно всякому поэту, въ особенности въ протестантской странѣ, но о спеціальномъ знаніи этого предмета не можетъ быть и рѣчи. Нѣкоторыя сопоставленія любопытны. Рисъ указываетъ, между прочимъ, на слѣдующія строки «Бури» (1, 2): «Ни волоска не погибло, ни даже пятнышка, на поддерживающей ихъ одеждѣ,—она свѣжѣе еще, чѣмъ была». Слова эти,—прибавляетъ авторъ, — заимствованы изъ «Дѣяній Апостоловъ» (глава 27, стихъ 34): «Ибо ни у кого изъ васъ не пропадетъ и волоса съ головы». Для всякаго не предупрежденнаго читателя совершенно ясно, что все сходство этихъ двухъ мѣстъ заключается въ словѣ *волосы*. Послѣ такого дебюта можно, конечно, потерять всякую охоту углубляться, вмѣстѣ съ мистеромъ Рисомъ или епископомъ Водсвортомъ, въ богословскія познанія поэта. Перейдемъ лучше къ юриспруденціи. Въ поэмѣ «Венера и Адонисъ», лордъ Кемпбель находитъ слѣдующіе стихи: «Но какъ только *адвокатъ* сердца замолчитъ, *кліентъ* уничтоженъ молчаніемъ». Если эта фраза доказываетъ, какъ думаетъ ученый лордъ, юридическія познанія Шекспира, то почему не утверждать, что Шекспиръ былъ зеркальныхъ дѣлъ мастеромъ, основываясь на словахъ Гамлета, что «цѣль театра — быть зеркаломъ природы»? Въ сущности, аналогія та же самая. Конечно, не всѣ указанія лорда Кемпбеля такъ наивны. Въ пьесѣ: «Мѣра за мѣру» (1, 2), онъ находитъ слѣдующее: нѣкая старая леди, содержащая извѣстнаго рода домъ, приходитъ въ ужасъ, узнавъ о распоряженіи правительства закрыть всѣ подобнаго рода дома въ предмѣстіи. Клоунъ утѣшаетъ ее слѣдующими словами: «Не бойтесь, сударыня: хорошіе стряпчіе никогда не имѣютъ недостатка въ кліентахъ».—«Это сравненіе, — говоритъ лордъ Кемпбель, не особенно лестное для сословія адвокатовъ, доказываетъ ихъ знакомство съ обѣими профессіями, на которыя здѣсь намекается». Больше интереса представляетъ выдержка изъ «Короля Лира». Въ третьемъ дѣйствіи помѣшанный король устраиваетъ импровизированное судьбище надъ Гонерильей и Реганой. «Лиръ,—говоритъ лордъ Кемпбель,—сажаетъ двухъ судей, т. е. Эдгара и шута на скамейку. Къ первому онъ прямо обращается: «Ты, облеченный въ мантію судьи», но хотя послѣдній (шутъ) принадлежитъ тоже къ суду, я не вполнѣ понимаю, почему Лиръ находитъ его «спàреннымъ съ нимъ (т. е. съ Эдгаромъ) ярмомъ правосудія» (yorkcfellow), если только мы не предположимъ, что, по мысли Лира, этотъ судъ есть нѣчто въ родѣ спеціальнаго суда надъ Маріей Стюартъ, королевой Шотландіи, въ которомъ участвовалъ и лордъ

Digitized by Google

канцлеръ Одли. Лиръ требуетъ суда прежде всего надъ Гонерильей и свое свидѣтельское показаніе такъ составляетъ, что оно прямо является доказательствомъ акта открытой государственной измѣны: «Передъ лицомъ почтеннаго собранія клянусь, что она вытолкала бѣднаго короля, отца своего». Но судъ не можетъ быть правильно продолжаемъ вслѣдствіе помѣшательства Лира, и, не дожидаясь вердикта, онъ самъ присуждаетъ Регану къ растерзанію: «Такъ вскройте же грудь Реганы, посмотрите, что зарождаетъ ея сердце». — Не смотря на юридическое искусство разбора этой сцены, лордъ Кемпбель упустилъ изъ виду другое мѣсто въ томъ же «Королѣ Лирѣ», дѣйствительно доказывающее, что Шекспиръ зналъ отлично если не юридическую премудрость, то, по крайней мѣрѣ, судебные порядки и нравы старой Англіи. Король говоритъ Глостеру: «Гляди ушами; смотри, какъ вонъ тотъ судья издѣвается надъ этимъ глупымъ воромъ. Скажу тебѣ на ушко: перемѣстите ихъ и тогда попробуй отгадать, который судья, который воръ?» И нѣсколько дальше: «Сквозь дырявую одежду видны и маленькія продѣлки; богатая, подбитая мѣхомъ, все скрываетъ. Облеки преступленіе въ золото, и крѣпкое копье правосудія переломится, не поранивъ; облеки его въ рубище—пронзитъ и соломенка пигмея. Никто не виновенъ; никто, говорю я, никто; всѣхъ защищу. Узнай это, любезный другъ, отъ меня, имѣющаго власть замыкать уста обвинителю». Конечно, ни въ сценѣ суда, приведенной лордомъ Кемпбелемъ, ни въ грозномъ обвинительномъ актѣ, только что указанномъ мною, не видно особеннаго знанія юриспруденціи, но замѣчается нѣчто значительно большее—великій умъ, который питался не сухой теоріей, а живымъ, глубокимъ наблюденіемъ самой жизни. Въ этихъ словахъ говоритъ не юридическая ученость поэта, которой у него не было,—что бы тамъ ни говорилъ лордъ Кемпбель,—а его негодующее сердце. Все то незначительное знаніе юридической терминологіи, которое обнаруживается при внимательномъ чтеніи произведеній Шекспира, объясняется очень просто, не прибѣгая ни къ предположенію Пена Кольера, будто бы Шекспиръ одно время былъ писцомъ у адвоката, ни къ теоріи бэконьянцевъ. Въ Лондонѣ Шекспиръ постоянно бывалъ въ тавернѣ Сирены (у насъ на это есть свидѣтельскія показанія), которая была чѣмъ-то въ родѣ клуба лондонскихъ beaux-esprits, гдѣ онъ встрѣчалъ не только художниковъ, писателей, молодыхъ аристократовъ, но также и юристовъ, между которыми, конечно, не малую роль игралъ Бэконъ. Частыя бесѣды съ ними были достаточны, чтобы познакомить великаго драматурга съ юридической терминологіей и судебной процедурой, тѣмъ болѣе, что его познанія въ этомъ отношеніи, въ концѣ концовъ, сводятся на самое поверхностное знаніе терминовъ. Вездѣ, гдѣ Шекспиръ идетъ дальше терминологіи, онъ дѣлаетъ ошибку за ошибкой,—въ «Венеціанскомъ купцѣ», въ «Мѣрѣ за мѣру», въ «Зимней сказкѣ». Но намъ нѣтъ никакого дѣла до этихъ ошибокъ или до его спеціальныхъ знаній,

Digitized by Google

если таковыя оказались бы; великій поэтъ пользуется нѣкоторыми юридическими терминами, потому что при извѣстномъ строѣ общественной жизни, при извѣстной культурѣ, эти термины входятъ въ самую жизнь; но ни людей, ни жизнь, ни міръ онъ никогда не судилъ съ точки зрѣнія педанта-юриста. Для Шекспира формальный законъ есть лишь внѣшность, маска, подъ которой скрывается дѣйствительная сущность жизни. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить замѣчаніе Уильки, относящееся къ бэкоповской теоріи: оказывается, что Бэконъ въ своихъ «Essayś» гораздо рѣже прибѣгаетъ къ юридической терминологіи, чѣмъ Шекспиръ въ своихъ пьесахъ!

Англійскіе археологи и ученые идутъ еще дальше: Шекспиръ,—говорятъ они,—превзошелъ не только всѣ науки; онъ, кромѣ того, дѣлалъ настоящія открытія, которыя являлись достояніемъ науки лишь послѣ его смерти. И дѣйствительно, это справедливо, по крайней мѣрѣ, отчасти. Возьмемъ, напримѣръ, обращеніе крови. Извѣстно, что открытіе обращенія крови, создавшее настоящій переворотъ въ физіологіи, принадлежитъ Гарвею, который сдѣлалъ его въ 1619 году, спустя три года послѣ смерти Шекспира, но обнародовалъ его значительно позже—въ 1628 году. Такимъ образомъ, открытіе было сдѣлано уже послѣ смерти Шекспира, но оно могло быть извѣстно частнымъ путемъ Бэкону, который умеръ только въ 1626 году. Между тѣмъ, поэтъ въ *семидесяти восьми* мѣстахъ своихъ пьесъ говоритъ объ обращеніи крови, какъ о фактѣ самомъ обычномъ. Это то же самое, какъ еслибы мы предположили, что Пушкинъ неоднократно упоминаетъ въ своихъ поэмахъ о механической теоріи теплоты, сдѣлавшейся достояніемъ науки въ шестидесятыхъ годахъ. Фактъ совершенно невѣроятный, невозможный, нелѣпый, а между тѣмъ по отношенію къ Шекспиру онъ буквально вѣренъ. Въ «Коріоланѣ» (I, 1): «Я разсылаю ее (пищу) по рѣкамъ вашей крови ко дворцу—сердцу, къ сенату—мозгу и во всѣ члены и органы человѣка; такимъ образомъ, и величайшій нервъ, и малѣйшая жилка получаютъ отъ меня все, требуемое природой для ихъ жизни». Въ «Юліи Цезарѣ» (II, 1): «Красныя капли, движущіяся въ моемъ грустномъ сердцѣ». Въ «Королѣ Джонѣ» (III, 5): «...Лишивъ движенія твою кровь, которая безъ того пробѣгаетъ по жиламъ», и т. д. Говорятъ, впрочемъ, что обращеніе крови въ своихъ существенныхъ чертахъ было извѣстно Галену, Парацельсу, Гиппократу; объ немъ упоминаетъ Раблэ, и къ тому же оно было довольно ясно формулировано Серветусомъ въ 1553 году. Возможно ли предполагать,—спрашиваютъ бэконьянцы:—чтобы простой актеръ, съ утра до ночи занятый своимъ лицедѣйствомъ, былъ такъ хорошо знакомъ съ сочиненіями Галена, Парацельса, Гиппократа, Раблэ, чтобы онъ слыхалъ о Серветусѣ? А что авторъ шекспировскихъ пьесъ былъ знакомъ съ ихъ сочиненіями—опять явствуетъ изъ пьессъ. Въ пьесѣ «Все хорошо, что хорошо кончается» (II, 4): «*Пароль*: тоже

Digitized by Google

и я говорю: и Галеномъ, и Парацельсомъ... — *Лафе*: Всѣми учеными и опытными врачами». Въ «Виндзорскихъ Кумушкахъ» (II, 3): «Что скажешь, мой Эскулапіусъ, мой Галенъ?». Думаю, однако, что не нужно прибѣгать къ бэконовской теоріи, чтобы удовлетворительно объяснить этотъ фактъ, дѣйствительно кажущійся чѣмъ-то непонятнымъ на первый взглядъ. Время Шекспира есть время англійскаго возрожденія,—возрожденія античной цивилизаціи на сѣверной европейской почвѣ; античный міръ предсталъ, послѣ продолжительнаго мрака среднихъ вѣковъ, въ такихъ обаятельныхъ формахъ, что на него набросились, имъ жили, изучали его; классическая литература вошла въ моду, въ разговорѣ то и дѣло ссылались на Платона, Аристотеля, Софокла, Сенеку. Стоитъ открыть модный тогда романъ Лилли: «Euphues», чтобы увидѣть, до какой степени были обычными формы мысли и факты греческой и римской цивилизаціи. Латинскій языкъ былъ въ Англіи также распространенъ, какъ теперь французскій, можетъ быть, даже и больше; греческій языкъ входилъ въ преподаваніе, какъ обязательный предметъ; многіе на немъ говорили и писали. Елизавета, Марія Стюартъ свободно говорили на этихъ двухъ языкахъ. Они преподавались даже въ сельскихъ школахъ, и мы знаемъ, что Шекспиръ мальчикомъ учился этимъ языкамъ въ стратфордской свободной грамматической школѣ. Мудрено ли послѣ этого, что онъ зналъ кое-что о Галенѣ, Парацельсѣ, Эскулапѣ? въ особенности если мы вспомнимъ, что, поселившись въ Лондонѣ, сдѣлавшись драматическимъ писателемъ, онъ попалъ въ общество свѣтскихъ, дѣйствительно образованныхъ людей, какъ Эссексъ, Соутгемптонъ, или такихъ солидныхъ ученыхъ, какъ Ралей, Бенъ Джонсонъ, Бэконъ.

Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ Ньютонъ, родившійся въ 1642 г., т. е. черезъ двадцать восемь лѣтъ послѣ смерти Шекспира, открылъ законъ тяготѣнія; но ему не нужно было прибѣгать къ наблюденію надъ падающимъ съ дерева яблокомъ, чтобы открыть этотъ законъ: онъ вполнѣ ясно формулированъ Шекспиромъ въ пьесѣ «Троилъ и Крессида» (IV, 2): «Основа зданія моей любви,—говоритъ Крессида,—прочна, какъ самый центръ земли, все къ себѣ притягивающій». Дѣйствительно, фактъ невѣроятный: представьте себѣ, что Лермонтовъ въ «Демонѣ», говоря о неотразимомъ вліяніи, которое производитъ демонъ на Тамару, упомянулъ бы о гипнозѣ и гипнотическомъ внушеніи! Подобный фактъ, встрѣчаемый нами у Шекспира, невозможно объяснить ссылкой на то, что законъ тяготѣнія могъ быть извѣстенъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, при жизни Шекспира. Но слѣдуетъ прибавить, что онъ остается столь же непонятнымъ и при бэконовской теоріи, даже болѣе непонятнымъ. У Шекспира, какъ у поэта, эта мысль могла возникнуть просто какъ образъ, случайно совпавшій съ закономъ тяготѣнія, лишь впослѣдствіи открытымъ; но Бэконъ, умъ положительный, методичный, чрезвычайно сознательный и осторожный, не могъ,

Digitized by Google

по свойству своего ума, даже въ сравненіи, высказать предположенье столь большой научной важности, не имѣя на то солидныхъ резоновъ.

Тѣ же поразительные факты встрѣчаемъ мы и въ области медицинскихъ наукъ. Докторъ Бэкниль («Medical Knowlegde of Shakespeare», 1860) утверждаетъ въ своей любопытной книгѣ, что знанія Шекспира въ медицинѣ можно сравнить только съ современнымъ состояніемъ этой науки. Не будучи докторомъ, я не имѣю возможности судить объ этомъ предметѣ, но такое мнѣніе кажется мнѣ весьма преувеличеннымъ; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ судебной медицинѣ Шекспиръ можетъ считаться экспертомъ. Броунъ («The Forum», 1856), разсказываетъ, что въ процессѣ Фроста (убійство) защита пыталась доказать, что жертва покончила жизнь самоубійствомъ. Когда предсѣдатель суда спросилъ извѣстнѣйшаго въ Америкѣ доктора-эксперта: въ чемъ заключаются признаки насильственной смерти? Онъ отвѣчалъ, что современное состояніе знанія не позволяетъ ему отвѣчать на этотъ предметъ категорически, но прибавилъ, что лучшее перечисленіе признаковъ смерти отъ задушенія находится у Шекспира, и привелъ слѣдующее мѣсто изъ второй части «Генриха VI» (III, 2): «Посмотрите, какъ остановилась кровь на лицѣ его; часто видалъ я умершихъ естественной смертью; ихъ лица—цвѣта пепельнаго, блѣдны, впалы, безкровны, потому что въ борьбѣ со смертью сердце привлекаетъ всю кровь къ себѣ на помощь, и она застываетъ вмѣстѣ съ нимъ, и не возвращается уже румянить и украшать щеки. Но тутъ, посмотрите,—лицо его черно, налито кровью, глаза раскрыты болѣе обыкновеннаго, какъ у человѣка, который въ борьбѣ за жизнь боролся сильно и умерщвленъ насильственно. Взгляните на простыню: къ ней пристали клочки волосъ его, всегда расчесанная борода его всклочена въ безпорядкѣ, какъ жатва, прибитая бурей. Онъ умерщвленъ; въ доказательство—достаточно и малѣйшаго изъ этихъ признаковъ». Не напоминаетъ ли это монологъ судебно-медицинскаго протокола даже по формѣ изложенія?

Всякое дѣйствующее лицо Шекспира имѣетъ свой опредѣленный, точно обозначенный темпераментъ, въ зависимости отъ котораго находятся всѣ душевные процессы; герой у Шекспира не только живетъ и дѣйствуетъ согласно своему темпераменту, но сохраняетъ его даже въ болѣзни и въ самомъ актѣ смерти; въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, великій поэтъ никогда не жертвуетъ правдой ради сценическаго эффекта, какъ это дѣлаютъ Шиллеръ и Викторъ Гюго. Возьмемъ одинъ лишь примѣръ. Толстый и жирный Фальстафъ, развратникъ и пьяница, страдаетъ подагрой и во время припадковъ болѣзни впадаетъ въ меланхолическій тонъ, мизантропничаетъ; извѣстно, какую слабость онъ имѣлъ къ женщинамъ, а между тѣмъ, по словамъ Куикли, «онъ иногда дѣйствительно нападалъ на женщинъ, но тогда онъ былъ въ хандрѣ и говорилъ о вавилонской блудницѣ». Подобно большинству пьяницъ, онъ умираетъ

Digitized by Google

отъ прилива крови къ мозгу и отъ воспаленія мозговыхъ оболочекъ (менингитисъ). «Когда я увидала,—разсказываетъ Куикли,—что онъ началъ ощупывать и дергать одѣяло, играть цвѣтами и улыбаться, глядя на кончики пальцевъ, — я тотчасъ догадалась, что ему одна уже дорога». Эти автоматическія, безсознательныя движенія рукъ и пальцевъ, называемыя въ медицинѣ *карфологіей*, являются вѣрнымъ признакомъ приближающейся смерти и чаще всего встрѣчаются при воспаленіи мозговыхъ оболочекъ. Въ то же время, по описанію Шекспира, у Фальстафа «носъ заострился», кровь отлила отъ оконечностей, температура понижается отъ оконечностей къ центру. «Тогда, — разсказываетъ Куикли, присутствовавшая при агоніи Фальстафа,—онъ попросилъ меня положить побольше одѣялъ на ноги; я подсунула руку подъ одѣяло и пощупала его ноги,—холодненько, какъ камень, пощупала потомъ колѣни, и такъ все выше и выше,—и все холодно, какъ камень».—Здѣсь, въ каждомъ словѣ—живое, непосредственное наблюденіе, но наблюденіе чрезвычайно сознательное,—научное, если можно такъ выразиться,—удерживающее въ памяти только тѣ черты, которыя наиболѣе важны, наиболѣе существенны для характеристики явленія. И такихъ наблюденій въ шекспировскихъ пьесахъ встрѣчаются тысячи, такъ что не знаешь, чему больше удивляться,—великому ли творчеству поэта, создающему самый роскошный міръ фантазіи, или величью его ума?

И, однако, не всегда Шекспиръ былъ такъ точенъ; ему приходилось дѣлать довольно крупныя ошибки. Одну изъ такихъ ошибокъ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, въ катастрофѣ смерти Дездемоны. Отелло не убиваетъ ее какимъ нибудь острымъ оружіемъ, онъ только сдавливаетъ ей горло и душитъ, такъ что смерть является исключительно вслѣдствіе асфиксіи. Еслибы эта механическая причина сдавливанія горла и недостатка въ воздухѣ была удалена во время, то жизнь, конечно, возвратилась бы къ ней,—другими словами, Дездемона не умерла бы, еслибы послѣ задушенія она могла дышать. Но Дездемона, уже послѣ насилья, произноситъ нѣсколько словъ и умираетъ. Слѣдовательно, если она говорила, то дышала, а если дышала, то невозможно, чтобы она умерла отъ асфиксіи. Если уже необходимо было, чтобы Дездемона умерла отъ асфиксіи,—то прощальныя слова ея должны быть вычеркнуты. Другую ошибку мы находимъ въ «Гамлетѣ». Токсическое дѣйствіе бѣлены далеко не таково, какимъ его описываетъ тѣнь отца Гамлета. Онмюсъ утверждаетъ, что бѣлена, влитая въ ухо спящаго человѣка, не можетъ причинить смерти.

Эти двѣ ошибки (насколько мнѣ извѣстно, другихъ медицинскихъ ошибокъ у Шекспира не было замѣчено) съ лихвой выкупаются поразительнымъ знаніемъ характера, темперамента, механизма воли, эмоцій, всѣхъ самыхъ сложныхъ умственныхъ и эмоціональныхъ процессовъ,—словомъ—психологіей, составляющей неизбѣжный матеріалъ для всякаго дра-

Digitized by Google

матурга. Но Шекспиръ, вопреки всѣмъ другимъ драматургамъ, почти всегда выходитъ за предѣлы психологіи и вторгается въ область психіатріи. Теорія галлюцинацій разработана у него чрезвычайно обстоятельно, со всевозможной полнотой, во всѣхъ своихъ формахъ, у Гамлета, Макбета, Ричарда III, Брута; меланхолическій темпераментъ въ чистомъ видѣ онъ изучалъ на Жакѣ («Какъ вамъ угодно») и въ припадкахъ первичныхъ формъ умопомѣшательства у Гамлета и Тимона Афинскаго, наконецъ, полное умопомѣшательство—у короля Лира и Офеліи. Мнѣ бы пришлось написать цѣлую книгу, еслибы я вздумалъ резюмировать заключенія медицинскихъ авторитетовъ объ этихъ сторонахъ творчества Шекспира. За невозможностью этого сдѣлать, мнѣ остается только отослать читателя, интересующагося этимъ предметомъ, къ Моудсли, Бэкнилю, Келлогу, Стирнсу, Онюсу. Эту экскурсію въ область науки я окончу однимъ только замѣчаніемъ. Шекспиру не нужно было быть ученымъ энциклопедистомъ, подобно Бэкону; даже, напротивъ, ученость повредила бы его творчеству, ослабила бы его, развивая въ умѣ рефлексію и привычку къ отвлеченному мышленію. Изъ того, что̀ мы *несомнѣнно* знаемъ, — Бэконъ былъ великій ученый, но самый посредственный поэтъ. Творческій умъ не нуждается въ знаніи, чтобы угадывать мѣру. Гомеръ, можетъ быть, не умѣлъ читать и писать, а его «Иліада» и «Одиссея» поражаютъ глубиной наблюдательности; то же самое можно сказать о «Нибелунгахъ», о «Беовульфѣ», о нашихъ народныхъ былинахъ. Какимъ образомъ, эти первобытные люди—творцы этихъ великихъ произведеній—такъ глубоко проникали въ тайники человѣческой натуры? Это—тайна творческаго генія, которая, вѣроятно, никогда не будетъ раскрыта наукой.

III.

Но возвратимся, собственно, къ бэконьянцамъ и къ ихъ пресловутой теоріи.

Главнѣйшій аргументъ бэконьянцевъ заключается въ сличеніяхъ сочиненій Бэкона съ сочиненіями Шекспира; множество мѣстъ, совершенно тожественныхъ, какъ у того, такъ и у другаго, доказываютъ, по ихъ мнѣнію, что бэконовскія сочиненія и шекспировскія могли быть писаны однимъ человѣкомъ. Такъ какъ было бы нелѣпостью предположить, что Шекспиръ могъ написать «Novum organum», то приходится по необходимости заключить, что авторъ шекспировскихъ произведеній—Бэконъ.

Напримѣръ, они берутъ «Essay on Gardens» Бэкона и такъ называемую «cottage scene» въ «Зимней сказкѣ» (IV, 3) и находятъ удивительныя совпаденія. У Бэкона, напримѣръ, встрѣчается мысль: «Въ декабрѣ, январѣ и послѣдней части ноября вы должны брать такія расте-

Digitized by Google

нія, которыя бываютъ зелены зимой... размаринъ... лаванда... душица». Въ «Зимней сказкѣ»: «Позвольте предложить вамъ, почтенные господа, размаринъ и руту,—они и зимой не утрачиваютъ ни зелени, ни благоуханія». У Бэкона: «Первинками въ мартѣ являются фіалки, въ особенности голубыя, желтый нарцисъ; въ апрѣлѣ слѣдуютъ бѣлая двойная фіалка, бѣлая буквица, касатникъ и лиліи всѣхъ сортовъ, блѣдный нарцисъ». Въ «Зимней сказкѣ»: «Нарцисы, являющіеся еще до прилета жаворонковъ, и очаровывающіе красой своей даже и непостоянные вѣтры марта... фіалки темныя... блѣдныя первинки... гордыя буквицы и царскіе вѣнцы, и лиліи всѣхъ возможныхъ родовъ»... У Бэкона: «Въ маѣ и іюнѣ являются, гвоздика всѣхъ сортовъ, французскіе ноготки, цвѣтущая лаванда; въ іюлѣ—гвоздика всѣхъ сортовъ». Въ «Зимней Сказкѣ»: «Годъ, почтенный господинъ, близится уже къ старости; въ это время, когда лѣто не умерло, а дрожащая зима не родилась еще, лучшіе цвѣты, конечно, гвоздика и махровые левкои... вотъ благоухающая лаванда, мята, чебёръ, майоранъ, ноготки засыпающіе и, слезясь, пробуждающіеся вмѣстѣ съ солнцемъ; все это цвѣты середины лѣта»... Дѣлая эти и подобныя сличенія, бэконьянцы спрашиваютъ: не являются ли выраженія, приводимыя у Бэкона, какъ бы первымъ, черновымъ наброскамъ того, что̀ разцвѣтаетъ въ такую роскошную поэзію въ «Зимней Сказкѣ»? И когда мы узнаемъ, прибавляютъ они, что «Essay on Gardens» Бэкона было напечатано не раньше 1625 года, спустя девять лѣтъ послѣ смерти Вильяма Шекспира, то является почти очевиднымъ, что авторъ «Essay on Gardens» и «Зимней Сказки»—одно и то же лицо, а именно Бэконъ. Такую очевидность могутъ усматривать одни только бэконьянцы. Въ мѣстахъ, приведенныхъ нами, нѣтъ ничего своеобразнаго, исключительнаго: это не болѣе, какъ сообщеніе самыхъ обыденныхъ свѣдѣній, извѣстныхъ всякому англійскому крестьянину, имѣющему дѣло съ садоводствомъ. Шекспиръ, воспитанный въ деревнѣ, въ зажиточной семьѣ крестьянъ, конечно, до мелочей зналъ все это, точно также, какъ и Бэконъ, который любилъ цвѣты и занимался ими. Что̀ удивительнаго, что, говоря объ однихъ и тѣхъ же явленіяхъ, они указываютъ на одни и тѣ же растенія? Наконецъ, развѣ не могло существовать въ то время какого нибудь популярнаго руководства къ садоводству, которымъ пользовались какъ Шекспиръ, такъ и Бэконъ? Очевидно, что такими сличеніями невозможно что либо доказать. Г-жа Поттъ это почувствовала и принялась, какъ мы уже знаемъ, за «Промусъ» Бэкона. Была ли она счастливѣе?

Мы даже приблизительно не можемъ прослѣдить всей аргументаціи г-жи Поттъ; на это потребовалось бы слишкомъ много мѣста. Поэтому намъ приходится ограничиться нѣсколькими примѣрами. Эти примѣры мы беремъ на удачу, безъ всякаго желанія выбирать лишь самые слабые. Подъ нумеромъ 653 мы встрѣчаемъ въ «Промусѣ» выраженіе: «Thought

Digitized by Google

is free». (Мысль свободна). Вѣроятно, выраженіе это, не имѣющее, впрочемъ, ничего особеннаго, было встрѣчено Бэкономъ въ какой нибудъ книгѣ и отмѣчено имъ для какой либо цѣли, которая теперь ускользаетъ отъ насъ. Г-жа Поттъ находитъ подходящія выраженія въ нѣсколькихъ мѣстахъ шекспировскихъ пьесъ: въ «Бурѣ» (III, II)—«Мысль свободна»; въ «Двѣнадцатой ночи» (I, III)—то же самое; въ «Мѣрѣ за мѣру» (V, 1)—также точно.—Подъ № 751 находимъ переводъ изъ Эразма: «To stumble at the threshold. (In limine offendere, т. е. споткнуться на порогѣ). Въ параллель къ этому выраженію, мы видимъ въ третьей части Генриха VI (IV, 7): «кто споткнулся, вступая въ дверь,—не жди добра по входѣ». Подъ № 639 Бэконъ отмѣчаетъ поговорку: «The cat would eat fish bat she will not wett her foote», т. е. кошка желала бы съѣсть рыбу, но не хочетъ замочить своихъ лапокъ. Въ «Макбетѣ» (I, 7): «Подчиняя «хочу» слабодушному «не смѣю», какъ жалкая кошка пословицы». Указывая на это мѣсто, г-жа Поттъ забываетъ однако прибавить, что эта поговорка взята Бэкономъ изъ сборника пословицъ Гейвуда, очень распространеннаго въ Англіи во времена Шекспира. Впрочемъ, англійская пословица есть, вѣроятно, не болѣе, какъ переводъ слѣдующей латинской поговорки: «Catus amat pisces, sed non vult tingere plantas». Вообще слѣдуетъ замѣтить, что самыя любопытныя сближенія можно найти въ отдѣлѣ англійскихъ пословицъ «Промуса», а англійскія пословицы, конечно, должны были быть гораздо лучше извѣстны Шекспиру, чѣмъ Бэкону. Въ «Промусѣ» встрѣчается выраженіе, изъ котораго можно заключить, что сборникъ Гейвуда ходилъ въ шекспировское время изъ рукъ въ руки и служилъ какъ бы общей добычей всѣхъ писателей, прославившихъ вѣкъ Елизаветы. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, что и Шекспиръ почерпалъ изъ него сырой матеріалъ, какъ почерпалъ его и изъ другихъ книгъ, попадавшихся ему. Тѣмъ не менѣе, противорѣча себѣ, г-жа Поттъ въ предисловіи старается убѣдить читателя, что пословицы, выраженія, фразы, вошедшія въ «Промусъ» и въ шекспировскія пьесы, почти совершенно не употреблялись въ тогдашней (и прежней) литературѣ и, слѣдовательно, были какъ бы личнымъ достояніемъ Бэкона. Такое утвержденіе вполнѣ несостоятельно и совершенно теряетъ всякое значеніе, когда мы внимательно станемъ читать Лилли, Марло, Пиля, Кида, Бенъ Джонсона.

Воспользуемся еще однимъ сличеніемъ, которое представляется болѣе интереснымъ. Подъ № 1496 «Промуса» стоитъ слѣдующая старо-французская пословица: «Homme rouge et femme barbue de cinquante ans pas de salue». Въ переводѣ г-жи Поттъ эта пословица звучитъ такъ: «Красный мужчина и бородатая женщина пятидесяти лѣтъ,— ничего хорошаго не жди отъ нихъ». На какихъ соображеніяхъ основываетъ г-жа Поттъ свой переводъ—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, въ той редак-

Digitized by Google

ціи, въ которой пословица является у Бэкона, — до смысла пословицы трудно добраться. Очевидно, текстъ перевранъ или испорченъ; такъ, напримѣръ, слово «salue» поставлено въ глагольной формѣ, хотя по смыслу оно должно бы имѣть форму существительнаго. Самая фраза до такой степени отличается отъ смысла общеизвѣстной пословицы того времени, что никакая поправка не можетъ быть сдѣлана безъ изслѣдованія рукописи «Промуса». Необходимо также прибавить, что форма пословицы—эллиптическая и этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, объясняется промахъ въ переводѣ. Вѣроятно, своей загадочностью пословица обязана тому, что попала въ «Промусъ» Бэкона. А между тѣмъ, пословица эта—одна изъ самыхъ любопытныхъ пословицъ въ литературномъ отношеніи. Во Франціи, Италіи и Испаніи очень распространено повѣрье, что «красный человѣкъ» и бородатая женщина—колдуны. Ассоціація краснаго цвѣта и чертовщины—весьма древняго происхожденія. Въ словарѣ французской академіи, подъ выраженіемъ: «homme rouge» описано сверхъестественное существо, которое, по повѣрьямъ нижней Бретани, посѣщаетъ берега этой мѣстности и таскаетъ въ море одинокихъ путешественниковъ. Но очевидно, что здѣсь слово rouge скорѣе относится къ цвѣту платья, чѣмъ къ цвѣту лица или волосъ (рыжихъ). Такъ, королевскихъ мушкетеровъ называли «enfants rouges»; во Франціи и теперь еще англійскихъ солдатъ въ красныхъ пантолонахъ называютъ «красными дьяволами». Касательно волосъ или лица эпитетъ скорѣе будетъ «roux» (рыжіе), что ведетъ за собой обнаруженіе другой ошибки въ текстѣ Бэкона. Въ Италіи и въ Испаніи, точно также, какъ и во Франціи, встрѣчаются различные варьянты этой пословицы, изъ сопоставленія которыхъ можно добраться до истиннаго ея смысла. Ясно, что замѣтка въ «Промусѣ» указываетъ на кристаллизацію суевѣрія. Суевѣріе это утверждаетъ, что опасно встрѣчаться съ краснымъ колдуномъ и бородатой женщиной (колдуньей) въ закрытомъ мѣстѣ, на разстояніи меньшемъ, чѣмъ пятьдесятъ шаговъ, изъ чего можно заключить, что въ замѣткѣ Бэкона стоитъ: de cinquante pas on ne les salue». Между тѣмъ, г-жа Поттъ въ своемъ переводѣ превращаетъ мужчину въ краснолицаго, а женщину въ пятидесятилѣтнюю, и затѣмъ безъ всякихъ сомнѣній приступаетъ къ отысканію параллельныхъ мѣстъ у Шекспира.

Какъ и всегда, она ихъ находитъ и на этотъ разъ даже въ довольно большомъ количествѣ. Четыре цитаты изъ «Генриха IV» доказываютъ, что у хвастуна, архибезбожника Бардольфа, отъ котораго ничего добраго, очевидно, ждать нельзя,—красное лицо, а носъ похожъ на «адское пламя». Затѣмъ, собственно ради пятидесятилѣтней женщины, приводится выдержка изъ «Короля Лира» (Ш, 7): «*Регана*: это что такое? собака?—*Служитель*: Будь у васъ борода на подбородкѣ, вытеребилъ бы я ее теперь». И затѣмъ, въ томъ же «Королѣ Лирѣ» (IV, 6):

Digitized by Google

«А! Гонерилья! съ сѣдой бородой!» Такимъ образомъ, если вѣрить г-жѣ Поттъ, то у Гонерильи была борода и поэтому отъ нея нельзя было ожидать ничего хорошаго,—недаромъ же она изображена такой вѣдьмой! Къ несчастью для г-жи Поттъ, текстъ указываетъ только на бредъ безумнаго старика и къ тому же «сѣдая борода» принадлежитъ Глостеру, котораго безумный король принимаетъ за Гонерилью. Итакъ, оба примѣра ничего не доказываютъ, такъ какъ ни одинъ не относится къ бородатой женщинѣ.—Изъ семи цитатъ, приведенныхъ г-жею Поттъ, только двѣ болѣе или менѣе подходятъ къ пословицѣ. Въ «Виндзорскихъ кумушкахъ» (IV, 2) Эвансъ говоритъ: «По моему соображенію, эта женщина (т. е. переодѣтый въ женщину Фальстафъ) дѣйствительно—колдунья. Я не люблю, когда у женщины большая борода, а у этой изъ подъ головнаго платка я усмотрѣлъ большую бороду». Затѣмъ, въ «Макбетѣ» (I, 3) вѣдьмы также бородаты: «Вы, должно быть, женщины, хотя ваши бороды и заставляютъ меня сомнѣваться въ этомъ». Но приводя эти цитаты, г-жа Поттъ забываетъ, что Шекспиръ чувствовалъ какую-то слабость къ средневѣковымъ суевѣріямъ, которыя были извѣстны ему, можетъ быть, лучше, чѣмъ кому либо въ его время; она забываетъ также и театральныя традиціи его времени. Въ послѣдней цитатѣ, напримѣръ,—очень можетъ быть,—скрытъ намекъ на актера, игравшаго вѣдьму. Извѣстно, что тогда женскія роли исполнялись молодыми мужчинами; правда, имъ вмѣнялось въ обязанность брить бороды, но это не всегда могло быть выполняемо, въ особенности, когда приходилось спѣшить съ выходомъ на сцену. Еслибъ г-жа Поттъ помнила все это, то ей бы не было ни малѣйшей нужды для объясненія этихъ мѣстъ прибѣгать къ «Промусу» Бэкона.

Этихъ примѣровъ, я думаю, будетъ совершенно достаточно, чтобы прійти къ заключенію, что ссылкамъ и выводамъ г-жи Поттъ, ни въ какомъ случаѣ, не приходится довѣрять. Ея трудъ, безъ сомнѣнія, почтенъ, но выводы совершенно легкомысленны, не только по недостатку настоящаго критическаго ума и метода, но и благодаря начальной цѣли, къ которой она стремится. Непріятно прійти къ заключенію, что это громадное «Усиліе любви» («Love's labour») совершенно «безплодно» («Lost»;—извѣстно, что одна изъ комедій Шекспира называется Love's Labour's lost). Безъ конца можно было бы указывать на ошибки г-жи Поттъ, на ея непониманіе смысла и текста, на ея неумѣнье приняться за критическій разборъ. И тотъ, кто предпринялъ бы неблагодарный трудъ провѣрить ея книгу, въ сущности послѣдовалъ бы пословицѣ, которая также вошла въ «Промусъ», но аналогическаго мѣста у Шекспира не указано г-жею Поттъ: A laver la teste d'un asne on ne perd que le temps et la lexive».

Digitized by Google

Остается ли еще что нибудь въ бэконовской теоріи, на что слѣдовало бы указать? Едва ли. Я указалъ, если не ошибаюсь, на все, что̀ имѣетъ какой либо интересъ, — историческій или критическій. Въ общемъ, аргументація бэконьянцевъ сводится къ слѣдующему: Бэконъ, а не Шекспиръ *долженъ быть* авторомъ шекспировскихъ произведеній; всѣ свѣдѣнія о томъ, что Шекспиръ былъ драматическимъ писателемъ, сбивчивы, темны, или не заслуживаютъ вѣры (я уже указалъ, что это положеніе совершенно несостоятельно и противорѣчитъ историческимъ фактамъ). По мнѣнію бэконьянцевъ, Шекспиръ былъ только актеръ и антрепренеръ театра. Нѣкоторые изъ бэконьянцевъ, между прочимъ и Смитъ, думаютъ, что этотъ актеръ не умѣлъ даже писать; но другіе бэконьянцы (Морганъ) возстаютъ противъ такого утвержденія, ссылаясь на завѣщаніе. Предполагается, что Шекспиръ въ качествѣ антрепренера или Iohanes factotum (слѣдуя выраженію Грина) переписывалъ только пьесы для актеровъ и, вслѣдствіе этого, рукописи назывались шекспировскими. Отъ такого смѣшенія пьесъ, сочиняемыхъ Шекспиромъ или только переписываемыхъ имъ, и произошелъ весь сумбуръ «правовѣрной» шекспировской критики. Въ подтвержденіе этого, указывается на одно обстоятельство, дѣйствительно довольно любопытное: въ изданіи 1623 года, предпринятомъ актерами Гемanджемъ и Конделемъ, товарищами Шекспира,—встрѣчается очень много ошибокъ, несообразностей, небрежностей; между прочимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого изданія имена дѣйствующихъ лицъ, напр., «Balthazar», «Dogberry», «Verges» замѣнены другими «Jacques Wilson», «Andrew», «Cowley», «Kempe»,—дѣйствительными фамиліями актеровъ, игравшихъ въ театрѣ «Глобусъ» въ шекспировскихъ пьесахъ. Замѣчаніе это, однако, нисколько не говоритъ въ пользу бэконьянцевъ: Гемanджъ и Кондель несомнѣнно имѣли *сценическія* рукописи самого Шекспира,—это они и сами утверждаютъ въ своемъ предисловіи,—но изъ того, что въ этихъ рукописяхъ нѣкоторыя имена дѣйствующихъ лицъ замѣнялись фамиліями актеровъ, игравшихъ эти роли, — еще ровно ничего не слѣдуетъ, Шекспиръ не только могъ, но и во всякомъ случаѣ самъ исполнялъ работу переписчика и для удобства сценической постановки иногда, а можетъ быть и всегда, писалъ фамиліи актеровъ, вмѣсто именъ дѣйствующихъ лицъ, но это онъ могъ продѣлывать надъ своими собственными пьесами, какъ и надъ пьесами другихъ лицъ. Главный аргументъ бэконьянцевъ, разумѣется, находится не тутъ, а въ сличеніяхъ и сопоставленіяхъ бэконовскихъ сочиненій съ шекспировскими произведеніями. Этотъ аргументъ, если слѣдовать строгому и правильному критическому методу, доказываетъ лишь одно: что какъ Шекспиръ, такъ и Бэконъ жили въ одно время (въ чемъ никто никогда не сомнѣвался), приблизительно въ одномъ обществѣ, питались одною и тою же умственной пищей и поэтому очень часто сталкивались въ пьесахъ и даже въ

Digitized by Google

формахъ языка. Съ людьми одной литературной эпохи это всегда бываетъ. Возьмите, напр., Пушкина и князя Вяземскаго. Если мы устранимъ вопросъ о размѣрахъ таланта этихъ двухъ русскихъ поэтовъ, если мы остановимся только на формальной сторонѣ языка, стихосложеніи и идей, то, несомнѣнно, увидимъ много общаго; слѣдовало ли бы изъ этого, что Вяземскій есть Пушкинъ, а Пушкинъ есть Вяземскій?

Наконецъ, переписка Бэкона даетъ послѣдній и самый важный аргументъ бэконьянцамъ. Извѣстно, что Бэконъ любилъ переписываться шифромъ; можетъ быть, на это были свои причины. Въ его перепискѣ есть много темнаго, непонятнаго; встрѣчаются таинственныя фразы, говорится о какихъ-то произведеніяхъ Бэкона, которыя выходили будто бы подъ чужимъ именемъ или подъ псевдонимомъ. Можетъ быть, все это такъ и было, но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что эти произведенія Бэкона, выходившія подъ чужимъ именемъ, суть шекспировскія пьесы? Къ сожалѣнію, на этомъ именно пунктѣ, какъ кажется, остановились бэконьянцы; и теперь прилагаютъ всѣ свои усилія, чтобы его доказать. Нѣкто г. Игнатіусъ Доннели на предполагаемомъ шифрѣ Бэкона не только построилъ цѣлую теорію, но увѣренъ, что окончательно разрушилъ шекспировское «суевѣріе», доказавъ, какъ дважды два четыре, что въ самихъ шекскировскихъ пьесахъ существуетъ доказательство ихъ принадлежности Бэкону. Книга его (два тома), о которой пускались газетныя рекламы въ теченіе цѣлаго года,—еще не вышла, хотя по обѣщанію издателя должна были выйти въ концѣ 1887 года. Какъ только она появится, мы дадимъ о ней отчетъ, который, такимъ образомъ, послужитъ финаломъ для нашей статьи о томъ, кто написалъ «шекспировскія драмы».

В. Чуйко.

Digitized by Google

Изъ дневника.

Несутся музыки чарующіе звуки,
Мелькаютъ предо мной и локоны, и руки,
И плечи бѣлыя красавицъ молодыхъ;
На шумномъ праздникѣ, скользя усталымъ взглядомъ
По лицамъ юныхъ паръ, по дорогимъ нарядамъ—
Свободною мечтой далеко я отъ нихъ.

И, нарисованный моимъ воображеньемъ,
Твой юный ликъ предсталъ съ недѣтскимъ выраженьемъ
Всегда задумчивыхъ, ласкающихъ очей;
Мнѣ шопотъ чудится невольнаго признанья,
И чувствуется жаръ горячаго дыханья,
И легкій ароматъ кокетливыхъ кудрей.

Я вновь на родинѣ. Въ такой же свѣтлой залѣ,
При звукахъ музыки, на чьемъ-то шумномъ балѣ—
Я, помню, встрѣтился съ тобой въ послѣдній разъ.
Чиста, какъ херувимъ, свѣжа, какъ утро мая,
Ты тихо молвила, мнѣ руку подавая:
„Скажите—почему вы позабыли насъ?“

И если твой вопросъ былъ нѣсколько небреженъ,
То взглядъ прекрасныхъ глазъ такъ ласковъ былъ и нѣженъ,
Что тайну мнѣ твою открылъ онъ, все равно...
Ты поняла сама, что все разоблачилось,
И, покраснѣвши вдругъ, умолкла и смутилась,
И устремила взоръ въ открытое окно.

Изъ увядавшаго, запущеннаго сада
Вливалась въ комнату осенняя прохлада,
Роняла блѣдный лучъ печальная луна;
И долго я молчалъ, любуяся тобою,
Волнуемъ страстію, охваченный борьбою...
О, еслибъ для меня въ тотъ мигъ была ясна

Digitized by Google

Судьба грядущая съ ужасною ошибкой,
Съ холодно-напускной, насмѣшливой улыбкой,
Я не отвѣтилъ бы на нѣжный твой вопросъ...
Но любы были мнѣ опасность и ненастье,
И рвался я туда, гдѣ есть иное счастье—
Не въ тихой радости, а въ вихрѣ бурь и грозъ!

Но, затаивъ мечты, прибѣгнулъ я къ обману,
И сердцу твоему нанесъ тогда я рану,—
Неправды словъ моихъ понять ты не могла;
Хотя ты искренно и горячо любила,
Но, оскорбленная, то чувство подавила,
И съ блѣдностью въ лицѣ поспѣшно отошла.

А въ жаркомъ воздухѣ лилися вальса звуки...
И былъ,—я помню,—мигъ, когда, исполненъ муки,
Хотѣлъ я кинуться, тебя остановить,
И все открыть тебѣ,—всѣ грезы и сомнѣнья,
И вымолить себѣ изъ милыхъ устъ прощенье,
Чтобъ ты могла меня, какъ другъ, благословить!

Но, увлеченная веселымъ вихремъ свѣта,—
Едва касаяся ногой своей паркета,
Съ красавцемъ-юношей ты въ вальсѣ понеслась;
За вами я слѣдилъ съ невольною тоскою,
Но прежде чѣмъ опять я встрѣтился съ тобою,
Душевная борьба во мнѣ ужь улеглась.

Ничтожной фразою съ тобой мы обмѣнялись,
И снова разошлись, и вновь съ толпой смѣшались,
Съ веселой, праздною, бѣгущей отъ труда...
Но пустота ея мнѣ сердце волновала;
Въ разгарѣ праздникъ былъ, но я уѣхалъ съ бала,
Уѣхалъ—и съ тобой разстался навсегда.

Не знаю я—въ часы губернскаго досуга
Ты вспоминала ли когда нибудь про друга
И уносилась ли тоскливой думой вдаль?
Иль отъ своей любви ты скоро излѣчилась
И увлеклась другимъ, о немъ уже молилась,
О немъ была твоя забота и печаль?

О, если долго ты жила воспоминаньемъ
И въ тишинѣ ночей томилася страданьемъ—
Прости, что другъ успѣлъ такъ скоро позабыть
Твой милый ликъ, твой взоръ задумчивый и нѣжный,—
Кумиру новому своей душой мятежной
Готовый пламенно молиться и служить!

Digitized by Google

И несъ онъ на алтарь излюбленнаго бога
И силы юныя, которыхъ было много,
И радостной весны роскошные цвѣты;
На этотъ же алтарь, въ угарѣ увлеченья,
Въ сознаньѣ правоты и съ жаждой отреченья,
Была принесена твоя любовь—и ты!

За годомъ мчался годъ, и вотъ она настала,
Минута страшная: завѣса вдругъ упала
Съ глазъ очарованныхъ, не видѣвшихъ вокругъ
Того, чего они и видѣть не хотѣли...
Разсѣялся миражъ, и грезы отлетѣли,—
Но былъ уже разбитъ и утомленъ твой другъ.

Бойцы иныхъ дружинъ, чело поднявши гордо,
Путями новыми шли радостно и твердо,
Съ глубокой вѣрою, что близокъ рай земной...
Къ однимъ изъ ратниковъ, дышавшимъ злобной местью,
Я не хотѣлъ пристать; къ другимъ почелъ бы честью
Примкнуть,—но въ ихъ ряды не могъ я стать больной!

И вотъ, когда опять мнѣ вспомнились впервые
Твой голосъ ласковый и очи голубыя,
И сердца юнаго наивныя мечты...
И захотѣлось мнѣ, разбитому ненастьемъ,
Пожить осмѣяннымъ когда-то мною счастьемъ;—
Но это счастіе дала другому ты!

Усталый инвалидъ, на праздникѣ шумливомъ,
Среди ликующихъ, въ сознаніи тоскливомъ,
Какъ гость непрошенный—я въ уголокъ сажусь
И, чуждъ веселія, забытъ совсѣмъ толпою,
Подъ звуки музыки, свободною мечтою
Въ давно минувшее—къ тебѣ переношусь.

Ты та же предо мной—съ прекрасными очами,
Съ улыбкой ласковой и нѣжными рѣчами,
Какою ты была въ далекіе года...
И плачу я безъ слезъ, поникши головою,
О тихомъ счастіи, о счастьѣ томъ, что̀ мною
Въ погонѣ за другимъ—отвергнуто тогда!

А. Кругловъ.

Digitized by Google

ВЛАДѢЛЕЦЪ ОРЛОВА.

Повѣсть **Паулины Вильчинской.**

I.

На балконѣ, украшенномъ великолѣпными цвѣтами и растеніями, живописно вьющимися по мраморнымъ колоннамъ, стояли двое—дѣвушка и молодой мужчина. Заходящее солнце обливало мѣстность багрянымъ свѣтомъ, и послѣдніе лучи его весело играли въ синихъ волнахъ рѣки, протекающей у подножія виллы.

Дѣвушка перегнулась черезъ перила, словно желая заглянуть въ почернѣвшія лица каріатидъ, поддерживавшихъ балконъ, и сорвала виноградную вѣтку, которую присоединила къ своему букету. Прелестна была эта женская фигура—высокая и стройная. Черты лица, классически правильныя, напоминали греческихъ богинь: невысокій лобъ, небольшой и прямой носикъ. На румяныхъ губахъ, тонкихъ, но полныхъ, свѣтилась улыбка, обнаруживая рядъ прозрачныхъ жемчужинъ. Матовую бѣлизну лица оживлялъ легкій отблескъ вечерней зари. Глаза—черные, большіе, лучезарные, обрамленные длинными, темными рѣсницами; брови—ровныя и темныя; густые и мягкіе волосы, заплетенные въ толстыя косы, блестѣли золотистымъ отливомъ, какой можно увидѣть на картинахъ венціанскихъ художниковъ. Розовое платье не доходило до шеи, открывая бѣлыя, красиво округленныя плечи, а рукава изъ легкаго, прозрачнаго газа позволяли восхищаться великолѣпными ручками.

Молодой человѣкъ, стоявшій рядомъ, высокій и стройный, тонкій, но крѣпкій, былъ въ изящномъ, темномъ костюмѣ. Черты его лица не отличались правильной красотой, зато дышали благородствомъ, прямотою и интеллигентностью; лобъ у него былъ высокій и открытый; глаза большіе, синіе, выразительные; волосы и усы—темнокаштановые.

— Дельфина! шепталъ онъ, склоняясь къ дѣвушкѣ:—одно только слово. Ты знаешь вѣдь, какъ безумно люблю я тебя!..

Digitized by Google

— Ахъ, кузенъ! прошептала дѣвушка:—что же сказать тебѣ? Ты—хорошій человѣкъ, и я люблю тебя... какъ родственника, какъ милаго и добраго Густава...

— Но я жду инаго чувства! страстно воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Это иное чувство... отвѣтила она еще тише:—оно... можетъ быть... послѣ найдется...

— Ахъ, Дельфина! воскликнулъ Густавъ со сверкающими глазами и схватилъ ея бѣлую руку.

— Терпѣніе! Потише! Безъ порывовъ!.. Сперва ты долженъ заслужить мою любовь. Вѣдь ты знаешь, какая я требовательная—тутъ она гордо выпрямилась—а ваши клятвы всегда однѣ и тѣ же, обыкновенныя избитыя формулы. Всѣ вы одинаково клянетесь, а это—давно вышло изъ моды. Для меня нужны ясныя доказательства, потому что я хочу быть любимой съ самоотверженіемъ...

— Безпредѣльно! воскликнулъ Густавъ и, сложивъ руки, нагнулся къ ней:—съ безграничною преданностью!

— Самоотверженіе, преданность, любовь безъ границъ!.. все это ничего не значащія фразы, пустые звуки, которые при первомъ вѣтрѣ разсѣются... гдѣ доказательства?

— Вся моя жизнь, посвященная только тебѣ!

— Опять то же!.. Энтузіазмъ... горячка въ словахъ... Прыгай за этимъ букетомъ! и она бросила въ рѣку пучокъ цвѣтовъ, которымъ играла.

Лицо Густава вспыхнуло. Онъ взглянулъ на красивые цвѣты, медленно уносимые водою; они, казалось, манили его къ себѣ.

— Читала ты „Перчатку“ Шиллера? спросилъ онъ чуть слышно.

— Читала.

— Помнишь отвѣтъ рыцаря де-Лоржа?

— Это была грубость!—Молодая дѣвушка сильно покраснѣла.

— Женщина, которая, для удовлетворенія пустаго тщеславія, хотѣла, чтобы обожающій ее рисковалъ своею жизнью, была женщина безъ души и сердца и... заслужила такой отвѣтъ. Мнѣ, еслибъ я исполнилъ твое желаніе, грозитъ только порча одежды и... насмѣшки, такъ какъ плаваю я хорошо; въ отвагѣ и смѣлости у меня недостатка тоже нѣтъ; доказательствомъ могутъ служить прострѣленная рука и вотъ этотъ знакъ—онъ откинулъ волосы и показалъ глубокій шрамъ надъ вискомъ,—но шутомъ я,

Digitized by Google

никогда не буду!.. Для защиты тебя я охотно отдамъ жизнь, но для фантазіи и каприза даже руки не замочу!—Лицо его омрачилось и онъ продолжалъ слѣдить взглядомъ за букетомъ, медленно плававшимъ по синимъ волнамъ.

Дельфина взглянула на него; усилившійся румянецъ придалъ еще больше прелести ея чертамъ; глаза заискрились, а по лицу скользнуло выраженіе нерѣшительности,—должно быть, она подумала: „я зашла слишкомъ далеко“.

— Холодно! произнесла она, стягивая кружевную накидку и забрасывая одинъ конецъ ея на голову,—это было ей очень къ лицу. Она еще разъ взглянула на Густава. Тотъ по прежнему стоялъ неподвижно, со взглядомъ, устремленнымъ на рѣку. Приблизившись къ нему, она положила на его плечо свою выхоленную ручку; лицо ея озаряла улыбка.

— Густавъ! прошептала она.

Тотъ обернулся, но выраженіе лица его оставалось холоднымъ.

— Густавъ!.. кузенъ! голосъ ея сталъ мягкимъ и нѣжнымъ:—я уже не хочу, чтобы ты прыгалъ за тонущимъ букетомъ. Она граціозно покачала головой.—Это была только шутка!—и она весело улыбнулась.

Густавъ тоже улыбнулся, но улыбка его не была искренна.

— Ты сердишься?—кокетливо спросила она.

— Нѣтъ, нисколько.

— Но ты такой пасмурный!...

— Замечтался!

— О чемъ?

— О непрочности земнаго счастья,—отвѣтилъ онъ и принужденно улыбнулся.

— О! Дельфина сдѣлала некрасивую гримасу, которой, впрочемъ, Густавъ не замѣтилъ.

— Знаешь что, Густавъ?—начала она съ прежнею мягкостью:—поплывемъ завтра къ этому островку, который, какъ...—букетъ, хотѣла она сказать, но, вспомнивъ недавнюю сцену, остановилась и прибавила:—который, какъ вѣнокъ, виденъ отсюда.

— Съ удовольствіемъ, если ты этого желаешь,—медленно отвѣтилъ Густавъ.

— Я хочу срисовать Геную... и нашу виллу. Поплывемъ утромъ или, пожалуй, вечеромъ. Нужно посмотрѣть, какое освѣщеніе будетъ лучше. Ты посовѣтуешь мнѣ... Такъ завтра?

— Какъ прикажешь.

— Который теперь часъ?

Digitized by Google

— Половина девятаго.

— Когда королева Марія Антуанета спросила принца де-Линь, какая разница между нею и часами, онъ отвѣтилъ: „часы напоминаютъ намъ время, а ваше величество заставляете забывать объ немъ“. Тебѣ же, кузенъ, кажется, что время тянется безъ конца.

— Потому что мое солнце омрачили тучи.

Дѣвушка удовольствовалась этимъ отвѣтомъ и начала весело болтать. Густавъ тоже пришелъ въ лучшее расположеніе духа и охотно поддерживалъ разговоръ.

Въ залѣ сидѣли мужчина и дама—и играли вдвоемъвъ шахматы. Дама съ искусственными челюстями, съ легкимъ слоемъ румянъ на увядшихъ щекахъ, когда-то, должно быть, очень красивая, была въ свѣтлосинемъ шелковомъ платьѣ; бѣлый фаншонъ украшалъ пунцовый цвѣтокъ. Мужчина былъ однихъ съ нею лѣтъ, пожалуй, и старше, носилъ рыжеватый парикъ и темнозеленый фракъ, такъ какъ этотъ цвѣтъ былъ ему къ лицу. Гладко выбритый, съ правильными чертами лица, и онъ, должно быть, въ молодости былъ красавцемъ. Отъ обоихъ несло аромтаомъ модныхъ духовъ. Дама была графиня Боручинская, мать Дельфины, а шахматный партнеръ—ея родной братъ, Прокофій Коморовичъ. Опытная шахматистка неожиданно дала ему матъ.

— Это Густаву „матъ“... а, можетъ быть, и князю Мирону,— улыбнулся братецъ.

— Тсс! остановила его графиня, указывая на балконъ.

Коморовичъ замолчалъ, и они снова начали устанавливать фигуры. Между тѣмъ наступили сумерки. Молодые на балконѣ продолжали бесѣдовать, и временами въ залу доносился отголосокъ веселаго смѣха Дельфины. Однако Густавъ, хотя и поддавался обаянію, но былъ въ этотъ день нѣсколько серьезнѣе обыкновеннаго.

— Кого же это сегодня ожидаютъ? спросилъ онъ послѣ небольшаго молчанія.

— Княгиню Венуччи.

— Разумѣется, съ адьютантами?...

— Съ какими адьютантами? Кто же это такіе?

— Во-первыхъ, кузенъ ея мужа, маркизъ Удо-ди-Талендози, потомъ сэръ Арундель Упрейтъ, виконтъ Грасъ де-Мон-Бюиссо́нъ и фрейеръ фонъ-Шмальгабенъ...

— И князь Миронъ тоже? добавила Дельфина, покраснѣвъ слегка:—и его тоже причисляешь ты къ адьютантамъ?

— Можетъ быть! отвѣтилъ Густавъ нѣсколько рѣзко: — но, Дельфина, хочешь послушать хорошаго дружескаго совѣта?

Digitized by Google

— Отчего же? тутъ дѣвушка сорвала пышную розу: — въ чемъ дѣло?

— Держи себя подальше отъ княгини Венуччи, подальше отъ всякаго сближенія съ нею.

— Это почему? Я тебя совсѣмъ не понимаю: она особа высшаго круга, съ прекрасными манерами, обворожительная, умная, дѣлающая честь намъ, полькамъ.—Было, впрочемъ, что-то въ голосѣ молодой красавицы, не отзывавшееся безусловною похвалою: княгиня Венуччи дѣйствительно начала уже отцвѣтать.

— Знакомство съ княгиней еще не богъ знаетъ, какая честь, отвѣчалъ Густавъ:—ты хорошо знаешь—почему. На женской добродѣтели, какъ на стали, всякое пятно оставляетъ неизгладимый слѣдъ, а прошлое княгини извѣстно.

— Странный ты человѣкъ! Къ чему выкапывать и вспоминать прошлое?.. Княгиня служитъ украшеніемъ лучшихъ гостинныхъ.— Молодая дѣвушка оторвала вѣточку померанцеваго деревца и присоединила ее къ розѣ.

Густавъ, молча, глядѣлъ на цвѣты.

— Впрочемъ, продолжала Дельфина:—порвать знакомство съ ней невозможно, такъ какъ тогда пришлось бы со всѣми раззнакомиться. Черезъ нѣсколько недѣль мы уѣдемъ въ Виши, тогда и разстанемся. А въ Парижѣ зимою она навѣрно не будетъ, такъ какъ князь Венуччи хочетъ прожить во Флоренціи.

Въ комнатахъ уже зажгли огни; на молодыхъ людей, стоявшихъ на балконѣ, съ темносиняго свода глядѣли звѣзды и мѣсяцъ. Въ дверяхъ появился Коморовичъ.

— Доложили о князѣ Миронѣ, проговорилъ онъ:—пойдемте въ залъ.

Дельфина слегка зарумянилась и торопливо вложила въ золотистыя косы розу и померанцевую вѣтку. Густавъ снова нахмурился.

Въ залу они вошли почти одновременно съ княземъ Мирономъ. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 23, средняго роста, блондинъ, бѣлый, розовый, съ янтарными усами. Вскорѣ явилась и княгиня Венуччи, въ сопровожденіи перечисленныхъ Густавомъ адьютантовъ. Зала оживилась: разговоры, смѣхъ, шутки раздавались въ разныхъ концахъ. Князь Миронъ разговаривалъ съ сіяющею отъ удовольствія Дельфиною; княгиня Венуччи что-то оживленно разсказывала Коморовичу. Густавъ разслышалъ, какъ кузина спросила молодаго князя, долго ли онъ будетъ еще гостить подъ итальянскимъ небомъ.

— J'adore le midi, отвѣтилъ тотъ:—le soleil, les fleurs et puis...

Digitized by Google

Густаву не нужно было знать окончанія фразы; онъ незамѣтно вышелъ изъ залы и больше туда не возвращался.

— Куда это дѣвался Густавъ? спрашивала, полчаса спустя, графиня Боручинская Дельфину.

— Не знаю... онъ мнѣ ничего не говорилъ, отвѣчала дѣвушка.

— Неосторожная, ты опять его обидѣла!

— Э! встряхнула головой красавица:—завтра вернется. Можетъ быть, ревность терзала его при видѣ Мирона.

— Не шути!—напомнила мамаша.

— Дельфина только засмѣялась. Когда гости разъѣхались уже послѣ полуночи, графиня еще разъ начала:

— Скажи, Прокофій, простился съ тобою Густавъ?

— Нѣтъ, я даже не знаю, когда онъ ушелъ.

— Дельфина опять обидѣла его.

— Ну, вотъ! Mauvais genre — прощаться всякій разъ, точно въ гостинныхъ чиновниковъ или мелкопомѣстныхъ дворянъ. Я только удивлюсь, что онъ не остался подольше.

— Дельфина насмѣхается надъ нимъ, и это повторяется ежедневно.

— Я не оттолкну его, мама, отозвалась дѣвушка:—будьте спокойны.

— Онъ влюбленъ до безумія!—прибавилъ дядюшка.

— Но онъ не мальчишка, не дитя! Ты его постоянно дразнишь и раздражаешь... Это надоѣстъ въ концѣ концовъ!

— Напротивъ, тѣмъ болѣе я притягиваю его къ себѣ, улыбнулась молодая дѣвушка;—впрочемъ, признаюсь, я предпочитаю князя: это лучше звучитъ!

— Madame la princesse? поклонился дядюшка.

— Конечно, если князь сдѣлаетъ предложеніе... а вдругъ нѣтъ? сказала мать:—Густавъ очень хорошая партія.

— Вѣрно. Домбровицы—имѣніе прекрасное, безъ долговъ, замѣтилъ Коморовичъ:—кромѣ того, послѣ отца остались и деньги, а Густавъ акуратный и достойный молодой человѣкъ.

— Я люблю его и цѣню, но все таки предпочитаю княжескій титулъ,—упорно стояла на своемъ Дельфина,—къ тому же Миронъ вѣдь богаче.

— Конечно!... Только держи Густава на всякій случай въ резервѣ! прибавила мамаша.

— Ахъ, мамаша!—пожимая плечами, произнесла Дельфина: — Густавъ не уступитъ, развѣ только когда я сама этого захочу.

— Мы тоже будемъ его держать, пока не кончится дѣло съ Мирономъ, добавилъ дядюшка.

Digitized by Google

— Охъ, скорѣе бы только это кончилось! вздохнула графиня:—ты вѣдь знаешь, въ какомъ положеніи наши дѣла. Я дѣлаю все возможное, только бы хорошо выдать замужъ Дельфину. Густавъ былъ бы нашимъ спасеніемъ.

— Piano, piano!—замѣтилъ дядюшка:—все сдѣлается, и Густавъ не уйдетъ отъ насъ.

— Но сегодня она сильнѣе задѣла его, чѣмъ когда-либо.

— Завтра я это разъясню,—успокоивалъ сестру Коморовичъ, увѣренный въ своей ловкости:—усмирю, приласкаю, и онъ забудетъ обиду. Все это пустяки!

Графиня удалилась къ себѣ, а Дельфина съ дядюшкой еще долго оставались на балконѣ и разговаривали. Ночь была чудная—свѣтлая, тихая и благоухающая.

На слѣдующій день Дельфина, полулежа на кушеткѣ, читала какой-то французскій романъ, но довольно невнимательно, такъ какъ дулась на кузена за то, что онъ до сихъ поръ не являлся: вѣдь она вчера предложила ему пріятную прогулку вдвоемъ на островокъ... и вдругъ онъ медлитъ явиться за окончательными распоряженіями. Она взглянула на часы, стоявшіе въ углу будуара: приближался полдень. Тутъ слуха ея коснулся шелестъ шолковаго платья, стукъ башмачковъ, и вошла графиня Боручинская, держа въ рукахъ визитную карточку, а за ней дядюшка Прокофій, тоже съ какою-то бумагой.

— Вотъ тебѣ! съ гнѣвомъ воскликнула мамаша:—ты оттолкнула его! Развѣ я не предсказывала, что такъ будетъ? Онъ уѣхалъ и даже не простился!

— Да вѣдь у него времени не было! старался убѣдить ее дядюшка, указывая на письмо, которое держалъ въ рукѣ.

— А все таки не хорошо! Онъ здѣсь могъ бы получить телеграмму и...

— Кто? И что такое случилось? Я положительно ничего не понимаю. Въ чемъ дѣло? спрашивала удивленная Дельфина, поднимаясь съ кушетки.

Маменька бросила ей визитный билетъ: „Густавъ Орловецкій съ прощальнымъ визитомъ“. Дѣвушка вспыхнула.

— Онъ получилъ телеграмму, объяснялъ дяденька Прокофій:—вызывающую его въ Дрезденъ, гдѣ опасно заболѣлъ графъ Казиміръ Орловецкій изъ Орлова.

— Двоюродный дядя Густава,—человѣкъ очень богатый. Дѣтей у него нѣтъ, и наслѣдникомъ навѣрно будетъ Густавъ, объяснила мать.

— Да, да, безъ сомнѣнія! подтвердилъ Коморовичъ: — онъ

Digitized by Google

его всегда любилъ... а, кромѣ того, было тамъ еще что-то — чудакъ, нелюдимъ!.. Вотъ что пишетъ мнѣ Густавъ: „только что получилъ телеграмму изъ Дрездена. Тамъ опасно захворалъ дядя Казиміръ Орловецкій и призываетъ меня къ себѣ. Выѣзжаю тотчасъ же. Дамамъ передайте мое почтеніе. Уважающій васъ Густавъ. Генуя. 12 апрѣля 1884 года".

— Казиміръ самъ вызвалъ его къ себѣ и навѣрно назначитъ своимъ наслѣдникомъ!—снова произнесла графиня.

— Есть у него, правда, и другіе родственники: сестра родная и племянники,—прибавилъ Коморовичъ:—но... очевидно, Густаву онъ отдастъ предпочтеніе, такъ какъ... онъ всегда его очень любилъ.

— Ты поступила безумно, если оттолкнула его!—воскликнула маменька съ новымъ порывомъ гнѣва, обращаясь къ дочери: имѣніе Орлово, вмѣстѣ съ имѣніемъ Домбровицами, сдѣлаетъ Густава однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ.

— Но, мама, Густавъ еще не потерянъ для меня! Одно мое слово, и онъ будетъ у моихъ ногъ!.. Онъ говорилъ о зимнемъ сезонѣ въ Парижѣ..

— А тѣмъ временемъ уладится дѣло съ княземъ Мирономъ,— замѣтилъ лукаво дяденька.

— Это глупости! рѣзко оборвала графиня, раскраснѣвшаяся отъ гнѣва:—Густавъ будетъ лучшею партіей, и къ тому же этотъ князь ненадеженъ. Il ne faut pas courir deux lièvres à la fois!— закончила она французской пословицей.

Спустя нѣсколько дней, княгиня Венуччи-ди-Торре получила изъ Дрездена извѣстіе, что графъ Казиміръ Орловецкій скончался, назначивъ своимъ полнымъ наслѣдникомъ Густава Орловецкаго. Это извѣстіе было причиною новыхъ бурныхъ сценъ и упрековъ между матерью и дочерью Боручинскими. А дядюшка Прокофій тотчасъ же отправилъ къ новому графу поздравительное и очень чувствительное письмо.

II.

Покойный графъ Казиміръ Орловецкій, дѣйствительно, былъ чудакъ. Молодость онъ провелъ въ великосвѣтскомъ кругу и жилъ, что называется, въ свое удовольствіе: нѣсколько разъ влюблялся и любилъ недозволенною любовью, но это оставляло въ его сердцѣ одну горечь. Возвратившись однажды изъ поѣздки по Европѣ, онъ познакомился съ молоденькой дѣвушкою, Элизой Войницкой. Хотя она не была красавица и ничѣмъ особеннымъ не отлича-

Digitized by Google

лась, тѣмъ не менѣе произвела на него сильное впечатлѣніе; онъ почувствовалъ въ себѣ что-то такое, чего до сихъ поръ не испытывалъ даже въ присутствіи замѣчательныхъ красавицъ. Мягкая характеромъ, добрая сердцемъ и полная истинной женственности, дѣвушка окончательно овладѣла его сердцемъ. Но, къ несчастью, она уже была невѣстою Ивана Орловецкаго, его двоюроднаго брата, и осталась ему вѣрна. Казиміръ страдалъ, но уважалъ и любилъ Элизу еще сильнѣе. Впослѣдствіи онъ бывалъ въ Домбровицахъ и продолжалъ любить Элизу, какъ жену своего брата и мать маленькаго Густава, искренно ненавидя въ то же время Ивана. Затѣмъ онъ внезапно уѣхалъ въ Швецію, продолжая любить жену своего родственника. Нѣсколько лѣтъ онъ не возвращался, посѣтилъ всѣ столицы Европы и въ Дрезденѣ вдругъ получилъ извѣстіе о смерти Элизы Орловецкой. Онъ заплакалъ и поспѣшилъ на похороны, потомъ снова отправился путешествовать.

Съ братомъ Иваномъ онъ остался въ натянутыхъ отношеніяхъ и даже дѣлалъ намеки, что тотъ былъ недостаточно нѣжнымъ и внимательнымъ мужемъ обожаемой Элизы. Уѣзжая послѣ похоронъ изъ Домбровицъ, онъ нѣжно и съ чувствомъ поцѣловалъ маленькаго Густава, и снова въ его глазахъ блеснули слезы. Сорока пяти лѣтъ отъ роду онъ окончательно поселился въ своемъ родовомъ Орловѣ и заперся въ немъ, какъ улитка въ раковинѣ, измученный и пресыщенный жизнью до отвращенія. Любитель цвѣтовъ и вообще растеній, онъ занимался своимъ садомъ, обширнымъ и роскошнымъ, соединилъ его съ лѣсомъ и лугомъ, и сдѣлалъ изъ него настоящій англійскій паркъ. Онъ выписывалъ всѣ мѣстные журналы и нѣсколько заграничныхъ, и оставилъ послѣ себя богатую библіотеку, но знакомства не велъ ни съ кѣмъ и никуда не выѣзжалъ. Въ первое время еще навѣщали его старые знакомые, но и тѣ скоро отстранились, называя его оригиналомъ и старымъ, бездушнымъ эгоистомъ. Кромѣ родныхъ, съ тѣхъ поръ никто не бывалъ въ Орловѣ.

— Разсчитываютъ на наслѣдство! ворчалъ онъ въ такихъ случаяхъ:—будь я бѣденъ, и не подумали бы обо мнѣ.

Рѣже всѣхъ бывалъ въ Орловѣ Густавъ; оказывая всегда дядѣ уваженіе и привязанность, онъ не старался поддѣлываться и никогда не льстилъ ему. Бывалъ онъ раза два въ году, оставаясь каждый разъ однимъ или двумя днями дольше предполагаемаго срока, всякій разъ удерживаемый дядею, что̀ уже много значило.

Въ гимназіи Густавъ былъ примѣрнымъ ученикомъ, затѣмъ

Digitized by Google

онъ кончилъ курсъ въ университетѣ. Въ дѣтствѣ лишившись матери, онъ три года тому назадъ потерялъ отца, котораго сильно любилъ и который съумѣлъ сдѣлать изъ него достойнаго и честнаго человѣка. Послѣ смерти брата Ивана, Казиміръ внимательно слѣдилъ за каждымъ шагомъ молодаго племянника, но дѣлалъ это такъ осторожно, что никто не замѣчалъ. Только сдѣлавшись владѣльцемъ Орлова, Густавъ узналъ объ этомъ изъ разсказовъ стараго и вѣрнаго камердинера графа. Для бѣдныхъ, для нуждающихся ремесленниковъ и мелкихъ землевладѣльцевъ—были ли это обѣднѣвшіе дворяне, или простые крестьяне,—покойный графъ дѣлалъ очень много, но также сохраняя это въ строгой тайнѣ. Такимъ образомъ, онъ вовсе не заслуживалъ прозвища „бездушнаго чудака".

Когда Густавъ прибылъ въ Дрезденъ, то засталъ дядю очень слабымъ. Больной привѣтствовалъ его съ радостью, и Густавъ удивился, не найдя при немъ никого изъ родныхъ: даже сестру не пригласилъ онъ, ни ея сына.

— Его сіятельство положительно запретили,—объяснилъ ему старикъ Христоферъ, вѣрный, еще съ дѣтскихъ лѣтъ, камердинеръ графа Казиміра.

— Однако, нужно же ихъ увѣдомить!

— Увѣдомить можно, но пусть лучше не пріѣзжаютъ, такъ какъ графъ не желаютъ этого.

Густавъ поговорилъ съ докторами и, узнавъ отъ нихъ, что выздоровленіе немыслимо, хотя больной можетъ еще протянуть нѣсколько недѣль, написалъ сестрѣ его Ростиславской и своимъ родственникамъ, сыновьямъ Матвѣя Орловецкаго, двоюроднаго брата Казиміра. Черезъ нѣсколько дней больному стало хуже, и онъ съ каждымъ часомъ слабѣлъ все больше. Когда пріѣхала Ростиславская съ сыномъ, онъ лишился уже сознанія и на слѣдующій день скончался. Станиславъ и Карлъ Орловецкіе прибыли только на похороны. На другой день послѣ смерти графа Казиміра Орловецкаго, къ Густаву вошелъ заплаканный Христоферъ и передалъ ему письмо и сафьяновую шкатулку, окованную серебромъ.

— Покойный графъ поручилъ мнѣ,—произнесъ онъ:—передать это послѣ его смерти вашему сіятельству въ собственныя руки.

Густавъ распечаталъ письмо и въ сильномъ волненіи прочелъ слѣдующее:

„Когда ты будешь читать эти строки, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ты былъ для меня всегда милъ и дорогъ, какъ сынъ вѣчно обожаемой Элизы Войницкой. Я старался узнать тебя

Digitized by Google

и оцѣнить твое благородное и честное сердце. Благословляю тебя! Будь всегда такимъ, какъ я тебя зналъ: добрымъ, достойнымъ человѣкомъ, полезнымъ для общества. Назначаю тебя владѣльцемъ Орлова, такъ какъ знаю, что передаю его въ хорошія руки.

„При выборѣ подруги жизни, пусть твоя мать послужитъ тебѣ примѣромъ. Ищи женщину съ сердцемъ, лучшимъ украшеніемъ которой будутъ: скромность, доброта, правдивость и истинная женственность. Пусть она будетъ образована, но безъ наружныхъ блестокъ и мишуры. Женщина безъ сердца—это фарфоровая кукла или, что еще хуже, ядовитая змѣя. Женщина свѣтская, блестящая—это мыльный пузырь или комедіантка. Да хранитъ тебя Богъ!—Орлово. 10 мая, 1883 г. Казиміръ Орловецкій".

Въ шкатулкѣ была прелестная миньятюра матери Густава, осыпанная брилліантами. Густавъ взглянулъ на дорогія черты, поцѣловалъ, и слезы блеснули въ его глазахъ. Старикъ Христоферъ зарыдалъ и вышелъ изъ комнаты.

Завѣщаніе покойнаго назначало Густава Орловецкаго полнымъ наслѣдникомъ. Графъ желалъ, чтобы Орлово сохранилось въ фамиліи Орловецкихъ, причемъ достойнымъ владѣльцемъ его призналъ Густава, сына покойнаго Ивана Орловецкаго; сестрѣ оставилъ 400,000 золотыхъ; Станиславъ и Карлъ Орловецкіе получили по 200,000 каждый; Христоферъ—20,000; кромѣ того, не были забыты бѣдные и нуждающіеся.

III.

Шесть дѣвушекъ, изъ которыхъ старшей было лѣтъ 20, а младшей лѣтъ 10, сидѣли на верандѣ замка въ Коржевѣ. Сходство между ними было поразительное: всѣ хорошенькія, розовыя блондинки, съ голубыми глазками и ровными зубками. У однихъ глаза были темные, у другихъ—какъ бирюза; у однихъ волосы свѣтлорусые, у другихъ—какъ ленъ; у этой носикъ, вздернутый немножко, у той—прямой; но видно было, что это птенчики одного гнѣзда. На всѣхъ были свѣженькія кисейныя платьица—розовыя, голубыя, зеленыя и лиловыя. Двѣ старшія были въ шиньонахъ, третья, еще не взрослая,—безъ этихъ модныхъ прибавленій, отчего, впрочемъ, она нисколько не была въ проигрышѣ. У четвертой платье доходило до ботинокъ, а платьица пятой и шестой были совсѣмъ коротенькія. Эти шесть дѣвушекъ представляли прелестный букетъ. У каждой была какая-нибудь работа въ рукахъ, но въ то же время онѣ весело болтали и смѣялись. Эти дѣвушки—

Digitized by Google

Ливія, Ада, Этелька, Стельця, Эдита и Ольга были дочери графа и графини Вѣрушовскихъ.

Нѣсколько поодаль отъ кружка сидѣли двѣ гувернантки: рыжекудрая англичанка и черноволосая полька, миссъ Таллоу и панна Гейзлеровичъ. Передъ верандой замка красиво разстилался садъ и цвѣтники. Въ цвѣтникахъ не было ни одной сухой вѣтки, а дорожки, усыпанныя пескомъ, были чисто подметены.

Графиня Вѣрушовская во всемъ любила образцовой порядокъ: на дочеряхъ ея всегда были свѣжія платья, садъ поражалъ чистотой и порядкомъ, также было и во всемъ домѣ. Нужно прибавить, что имѣніе графовъ Вѣрушовскихъ далеко не соотвѣтствовало нуждамъ такого многочисленнаго семейства и ихъ графскому положенію, но, не смотря на это, опытная хозяйка съ удивительнымъ искусствомъ умѣла удовлетворить всѣмъ свѣтскимъ требованіямъ. Домъ содержался по графски, хоть и съ большою разсчетливостью: комфортъ шелъ рука объ руку съ осмотрительной бережливостью. Графъ Вѣрушовскій воспитаніе дочерей, какъ и управленіе домомъ, вполнѣ предоставилъ женѣ, признавая ея умѣлость, а самъ, слѣдуя ея примѣру, велъ остальное хозяйство, сводя концы съ концами и не дѣлая долговъ. Дѣвушки подростали; онѣ были миленькія, добрыя, образованныя, хорошія хозяйки. Любовь и согласіе царили въ семьѣ. Одна оставалась забота у родителей—это хорошо выдать ихъ замужъ, забота тѣмъ болѣе трудная, что, кромѣ приданаго, которое, очевидно, должно быть графскимъ, денегъ за дочерьми они дать не могли. Нужно согласиться, что забота эта была не маленькая, въ особенности для такой матери, какъ графиня.

Дѣвушки на верандѣ весело смѣялись и оживленно разговаривали, очевидно, нисколько не безпокоясь о своей будущей судьбѣ. Миссъ Таллоу толковала имъ о своей гордой отчизнѣ. Со стороны флигелей приближалась графиня Вѣрушовская, въ сопровожденіи высокаго, худаго и сѣдоволосаго мужчины въ сѣренькомъ костюмѣ. Графиня была еще молодая женщина съ свѣжимъ лицомъ, съ котораго никогда не сходила привѣтливая улыбка. Полная и стройная, она одѣвалась со вкусомъ, но всегда очень скромно. И теперь на русыхъ волосахъ ея былъ чепчикъ съ лентой, которую изъ бѣлой она сама выкрасила въ голубой цвѣтъ.

— Панъ Бржостекъ! воскликнули Стельця и Эдзя.

— Ахъ, Бржостекъ! повторила Ада.

— Мнѣ нуженъ карандашъ и мѣлъ, прибавила Этелька.

— А мнѣ иголки и стальныя перья.

— А мнѣ вязальный крючокъ.

Digitized by Google

— А я обѣщала Касѣ образокъ св. Іосифа.

И посыпались разныя требованія, которыя Бржостекъ долженъ былъ удовлетворить. Правда, все это были очень скромныя желанія, но вѣдь онѣ знали, что не могутъ просить многаго, а потому и довольствовались малымъ.

Бржостекъ происходилъ изъ незначительныхъ дворянъ, служилъ когда-то въ военной службѣ, потомъ былъ чиновникомъ, письмоводителемъ у мироваго судьи, а теперь велъ небольшую торговлю развозомъ.

Обыкновенно онъ являлся каждые три мѣсяца, а иногда и чаще, если проѣзжалъ мимо Коржева. Онъ разъѣзжалъ по всему уѣзду, случалось, заѣзжалъ и въ сосѣдніе, и всюду его встрѣчали съ радостью. Для дѣвушекъ въ Коржевѣ, и въ особенности для младшихъ, появленіе его было настоящимъ праздникомъ, такъ какъ онѣ очень любили разсматривать картинки, которыя тотъ возилъ съ собою. Онѣ встрѣтили его дружески и закидали бѣднаго вопросами, что̀ дѣлается на свѣтѣ и какія онъ привезъ новости. Даже у гувернантокъ оказались разныя необходимыя покупки.

— Сперва напьемся чаю,—произнесла хозяйка дома:—скоро 8 часовъ, сейчасъ отецъ вернется съ поля, да и панъ Бржостекъ, вѣрно, проголодался. Пусть накроютъ здѣсь, на верандѣ, а мы тѣмъ временемъ пройдемся по саду. Я покажу вамъ мою черную вербу, которую мнѣ прислалъ предсѣдатель. Они отправились по одной изъ аллей сада.

— Не были вы въ Орловѣ?—спросила графиня послѣ того, какъ показала ему вербу съ темной корой и свернутыми листьями; теперь они повернули въ грабиновую аллею.

— Нѣтъ, графиня, да и зачѣмъ?

— У новаго владѣльца.

— Можетъ быть, онъ такой же чудакъ, какимъ былъ покойный.

— Совсѣмъ нѣтъ! Нисколько! Онъ молодой, привѣтливый... Загляните къ нему.

— Онъ былъ уже въ Коржевѣ?

— Нѣтъ, пока онъ никому еще не дѣлалъ визитовъ.

— А между тѣмъ уже нѣсколько мѣсяцевъ сидитъ въ Орловѣ.

— Съ мая.

— Май, іюнь, іюль, августъ—четыре мѣсяца.

— Три едва: онъ прибылъ въ концѣ мая только. Нужно же ему устроиться, оглядѣться... Поѣзжайте къ нему, такъ какъ, при-

Digitized by Google

знаюсь—тутъ она улыбнулась—я немножко любопытна. Нужно его пріохотить къ сближенію съ сосѣдями.

— Покойный меня такъ обидѣлъ... то есть, онъ велѣлъ принять меня во флигелѣ и угостить. И ужинъ, и ночлегъ были прекрасны, но его сіятельства я такъ и не видѣлъ. Гордый это былъ человѣкъ. Съ тѣхъ поръ я сказалъ себѣ: довольно, Бржостекъ!—Да и въ самомъ дѣлѣ, кто мнѣ прикажетъ выносить чье нибудь пренебреженіе, разъ мой заработокъ честный? Съ тѣхъ поръ я проѣзжаю мимо и только издали гляжу на величественный замокъ на горѣ, съ башнями и колоннами, и на высокія ели и сосны, окружающія его. Погоняя тощую лошаденку, я чувствовалъ себя счастливѣе нелюдима, утопавшаго въ богатствѣ.

— Но онъ и добра много дѣлалъ, какъ это теперь оказывается.

— Пусть Богъ наградитъ его за это!.. Все же это былъ странный человѣкъ.

— Теперь, навѣрно, все тамъ измѣнилось; нужно туда заглянуть, уважаемый Бржостекъ!

— Ну, если вы, графиня, совѣтуете...

— Да, да, милый Бржостекъ! А потомъ снова заверните въ Коржево и разскажите намъ, что и какъ... меня очень интересуетъ это сосѣдство. Когда-то я была знакома съ Элизой Орловецкой—славная и достойная женщина!

Бржостекъ покрутилъ сѣдой усъ, такъ какъ сообразилъ, о чемъ хлопочетъ заботливая мать.

— Такъ я послѣ завтра же и поѣду, проговорилъ онъ.

— Можете сказать, что ѣдете изъ Коржева.

— Разумѣется... я буду знать, что говорить.

— Такъ какъ, видите ли, милый Бржостекъ, меня просили собирать пожертвованія на больницу въ городкѣ, то я навѣрно буду и въ Орловѣ. Можете предупредить его объ этомъ.

— Скажу, непремѣнно скажу.

— Только ловко, осторожно: для меня интересно получить хорошее пожертвованіе.

— О, я понимаю, отлично понимаю!

Тѣмъ временамъ прислуга накрыла на верандѣ длинный столъ. На бѣлой скатерти стояли фарфоровыя корзинки съ фруктами, на тарелочкахъ—акуратно нарѣзанное холодное жаркое, свѣжее масло и сыръ домашняго приготовленія, бѣлый и черный хлѣбъ. Больше ничего не было, но все, что встрѣчалъ глазъ, возбуждало апетитъ. Разставили стаканы, чашки, серебряную сахарницу, а на маленькомъ столикѣ зашипѣлъ большой самоваръ.

Digitized by Google

— Что, баринъ вернулся?—спросила подошедшая хозяйка у лакея въ сѣренькомъ лѣтнемъ пиджакѣ.

— Господинъ графъ отправились къ себѣ.

Въ это время раздался стукъ подъѣзжающаго экипажа.

— Ваше сіятельство! панъ предсѣдатель съ семействомъ, доложилъ вбѣжавшій лакей.

— Пойдемъ принять ихъ... Этелька!—мать подала ей ключи:— а ты, Ольга, сходи и предупреди папу!—Сама она, въ сопровожденіи двухъ старшихъ дочерей, отправилась привѣтствовать гостей.

На столѣ въ это время появился паштетъ изъ куропатокъ, превосходные сухари въ серебряной корзинкѣ, въ другой—виноградъ и персики, а на хрустальныхъ блюдечкахъ—варенье, конфекты, пряники и пирожное. Слуга переодѣлся въ синюю ливрею, а свѣчи были вставлены въ большіе серебряные канделябры. Все это дѣлалось безъ всякаго замѣшательства и бѣготни.

Между тѣмъ, въ залѣ съ роскошной обстановкой хозяйка дома принимала прибывшихъ; ихъ было четверо: предсѣдатель—низенькій, худенькій и сѣдой, его жена, маленькая и кругленькая старушка съ сѣдыми локончиками; m-lle Теодора, ихъ дочь, сильная брюнетка, считающая уже пятый десятокъ, высокая и гордо держащаяся, въ шолковомъ зеленомъ платьѣ и маленькой шляпкѣ съ цвѣтами, и, наконецъ m-lle Изельда, внучка ихъ отъ сына, дѣвушка лѣтъ 20-ти, высокая и тоже сильная брюнетка, некрасивая и въ веснушкахъ, въ розовомъ барежевомъ платьѣ и бѣлой накидкѣ. Изельда была единственной наслѣдницей предсѣдателя и предсѣдательши и баловнемъ дѣдушки, бабушки и тети.

Вошелъ графъ. Это былъ высокій, сильный мужчина, съ загорѣлымъ лицомъ. Наскоро переодѣвшись въ изящный костюмъ, онъ держалъ въ рукахъ послѣдній номеръ „Indépendance Belge“. Вскорѣ отправились всѣ къ столу на веранду. Графъ подалъ руку предсѣдательшѣ, предсѣдатель—графинѣ; Ливія шла съ m-lle Теодорой, а Ада вела Изельду. Этелька, къ великому удовольствію матери, сдѣлала все, какъ слѣдуетъ, даже ваза съ цвѣтами украшала столъ. Бржостекъ поклонился вошедшимъ. Предсѣдатель слегка кивнулъ головой.

— А-а!—произнесла m-lle Теодора, бросая на него величественный взглядъ:—когда панъ будетъ въ Щитникахъ?

— Не знаю, панна.

— Мнѣ нужны нѣкоторыя вещи,—прибавила Изельда нѣсколько привѣтливѣе.

Бржостекъ покраснѣлъ немного. На любезное приглашеніе графа онъ занялъ мѣсто въ концѣ стола, рядомъ съ Эдитой. Дѣ-

Digitized by Google

вица Теодора удивленно взглянула и многозначительно переглянулась съ Изельдой. Бржостекъ понялъ эту гримасу и закрутилъ усъ.

— Вы еще не знакомы съ новымъ сосѣдомъ въ Орловѣ?—спросила, нѣсколько спустя, графиня.

— До сихъ поръ еще нѣтъ, но...

— На дняхъ онъ собирается въ Щитники,—вмѣшалась Теодора, прерывая отца:—мнѣ говорилъ это священникъ изъ Заціонжа... Онъ думаетъ быть еще на этой недѣлѣ,—прибавила она съ удареніемъ:—c'est un jeune homme incomparablement bien.

— Такое ужь счастье!—закачала головой предсѣдательша.

— Ты еще не видѣла его?—спросила Изельда Ливію.

— Даже тѣни его не видала.

— Мы съ тетей разъ проѣзжали чрезъ Орлово и встрѣтили его: онъ ѣхалъ верхомъ. Красивый мужчина и отлично сидитъ на конѣ—à l'anglais. Но что онъ тамъ дѣлаетъ по цѣлымъ днямъ? Je m'y perds. Навѣрно скучаетъ. Развѣ только онъ homme de lettres, или поэтъ—тогда онъ, должно быть, мечтаетъ въ своемъ solitude.

Послѣ чаю общество отправилось въ освѣщенную залу; на верандѣ осталась только Этелька, чтобы присмотрѣть за уборкою стола и чтобы все было поставлено на свое мѣсто. Годъ тому назадъ, это было обязанностью Ады, а черезъ два года эта обязанность должна была перейти къ Стельцѣ. Когда Этелька вернулась въ залу отдать матери потихоньку ключи, Изельда сѣла за рояль и очень чувствительно пропѣла нѣсколько французскихъ романсовъ; послѣ нея отличались Ливія и Ада, и достойная мать съ трудомъ скрывала радость, какую доставляли ей дочери. Бржостекъ скромно сидѣлъ у дверей и тоже слушалъ.

IV.

Въ замкѣ Орловецкаго была длинная и свѣтлая зала. Пять оконъ выходило на обширный въѣздной дворъ, а два боковыя въ садъ, съ открытымъ видомъ на далекое пространство. Вдали виднѣлась деревня; зеленыя полосы полей переливались всевозможными оттѣнками, а далеко на горизонтѣ темный лѣсъ, какъ черная лента, окаймлялъ поля и луга.

Въ двухъ концахъ залы стояли два высокіе шкафа, наполненные книгами. Передняя стѣна, напротивъ оконъ, была увѣшана картинами. Были тутъ произведенія Рембрандта, Гверчино, Суходольскаго, Семирадскаго, Матейки и двѣ акварели Коссана. Ме-

Digitized by Google

жду оконъ стояли бюсты знаменитыхъ людей, нѣсколько столиковъ, кушетки, диваны и кресла, покрытыя дорогою матеріей.

У одного изъ оконъ сидѣлъ за мольбертомъ Густавъ и рисовалъ видъ родной деревни Домбровицъ. Картина представляла красивый бѣлый замокъ, среди густой зелени сада; въ сторонѣ—старый костелъ и крестьянскія избы; въ глубинѣ—какія-то развалины. Онъ опустилъ руку съ кистью и говорилъ съ оживленіемъ, а лицо его имѣло угрюмое выраженіе.

На одной изъ ближайшихъ къ нему кушетокъ, передъ которой стоялъ столъ, заваленный журналами и газетами, полулежалъ мужчина среднихъ лѣтъ, въ нанковомъ костюмѣ, съ сигарой въ зубахъ. Онъ былъ средняго роста и порядочно полонъ; черты его лица были выразительны, нѣсколько крупны; глаза—темные и живые, улыбка нѣсколько ироническая; бакенбарды были пробриты по англійски, а на головѣ свѣтилась большая лысина. Это былъ Людовикъ Рембовичъ, другъ Густава. Графъ пригласилъ его погостить, и Людовикъ пріѣхалъ, чѣмъ очень обрадовалъ одинокаго пріятеля.

— Ну, а дядюшка Прокофій переписывается съ тобою? спросилъ Людовикъ, продолжая разговоръ.

— И очень акуратно; каждыя двѣ недѣли я получаю очень нѣжныя посланія.

— И отвѣчаешь ему?

— Также акуратно.

— Гдѣ они теперь?

— Въ Спа.

— Что же будетъ дальше?

— Должно быть, ничего!.. Нѣтъ другой женщины такой красавицы, какъ Дельфина. Подъ ея обаяніемъ я останусь вѣчно... Она испортила мнѣ всю жизнь.

— Э! нетерпѣливо замѣтилъ пріятель:—брось и позабудь! Почему это она испортила твою жизнь?

— Я могу жить безъ нея, пораженный въ своемъ святомъ чувствѣ и въ чувствѣ собственнаго достоинства, но... другой женщины я уже не полюблю.

— Влюбленъ до безумія, что и говорить! Однако, что же дядюшка тебѣ пишетъ?

— Однѣ любезности и нѣжности.

— Ну, а объ ней?

— Многое... всегда она что нибудь велитъ передать мнѣ... всегда шуточки, заигрыванія, напоминанія. — Въ послѣднемъ

Digitized by Google

письмѣ онъ непремѣнно приглашаетъ меня на зиму въ Парижъ... такъ какъ и они тамъ будутъ.

— Ага! Но ты, разумѣется, не поѣдешь?

— И не думаю! Игрушкою я не хочу быть... Я страстно полюбилъ ее, но у меня есть гордость, самолюбіе, и потому шутомъ я не буду никогда, еслибы даже она отдала мнѣ любовь свою.

— Потому что и въ любовь бы ты не повѣрилъ! Когда женщина полюбитъ истинно, она скорѣе сдѣлается невольницею, но никогда не будетъ деспотическою повелительницею.

— Я понимаю это и согласенъ съ тѣмъ, что женщина съ сердцемъ и душою никогда не сдѣлаетъ изъ любящаго человѣка раба.

— А, можетъ быть, это только маленькая женская хитрость, чтобы сильнѣе привязать тебя?... Можетъ быть, со временемъ твоя обольстительная красавица пойметъ свою ошибку и несправедливость; можетъ быть, только временно сбили ее съ толку всеобщее восхищеніе, поклоненіе и льстивыя рѣчи... А когда она взглянетъ ласково, прошепчетъ сладкое словечко, ты снова будешь у ногъ ея!

Густавъ нетерпѣливо встряхнулъ головой и опять взялся за кисть.

— А какъ же тамъ съ княземъ Мирономъ? снова началъ Людовикъ.

— Ничего не знаю; кузенъ о немъ не пишетъ, а я, разумѣется, не спрашиваю.

— Должно быть, князекъ-то тю-тю!.. а ты такой богатый помѣщикъ, вотъ и стараются тебя задобрить!

— Вотъ эта мысль и не даетъ мнѣ покоя... но неужели все это ради Орлова?.. О, это невозможно! Маменька и дядюшка,—согласенъ, но не она! горячился Густавъ.

— Прелестныя созданія тоже умѣютъ разсчитывать.

— Я полюбилъ ее съ беззавѣтною вѣрою, видѣлъ въ ней ангела, а не женщину...

— А развѣ она никогда не кокетничала съ тобой, не прельщала свѣтлою улыбкой?...

Густавъ молчалъ.

— Или ласковымъ, поощряющимъ обращеніемъ?...

— Но вѣдь она моя родственница...

— Ахъ, да! И потому вы были близки другъ къ другу.

— Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы были постоянно вмѣстѣ.

— И затѣмъ ты уѣхалъ, не простившись?

Digitized by Google

— Я былъ сильно возмущенъ въ тотъ вечеръ, разозлился тогда... возненавидѣлъ... а послѣ принужденъ былъ уѣхать безъ замедленія.

— И не можешь забыть, несчастный! Но вотъ гость какой-то подъѣхалъ!... прервалъ пріятель.

Густавъ взглянулъ въ окно: по дорожкѣ двора катился возокъ, покрытый черною клеенкой; мальчишка въ шапкѣ съ козырькомъ погонялъ высокую, рыжаго цвѣта, лошадь. Возокъ свернулъ въ сторону и остановился за клумбами. Вошелъ лакей.

— Ваше сіятельство! пріѣхалъ какой-то торговецъ и желаетъ видѣть господина графа.

— Какіе же у него товары? вскочилъ Людовикъ.

— Разныя мелочи: бумага, перья, духи, мыло... онъ разъѣзжаетъ по всему уѣзду.

— Прими его, Густавъ!

— Проси сюда, да давай закусить.

Лакей ввелъ знакомаго уже намъ Бржостека, который шелъ на цыпочкахъ, хотя и съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Поклонившись почтительно, онъ перечислилъ всѣ свои титулы.

Хозяинъ попросилъ садиться. Бржостекъ откашлялся и сѣлъ.

— Не нужно ли чего нибудь пану графу? спросилъ онъ: есть у меня—и онъ перечислилъ всѣ свои пожитки.—Можетъ быть, и вы что нибудь выберете? обратился онъ къ Рембовичу.

— О, разумѣется, намъ нужно многое! отвѣтилъ тотъ.

— Но вы отдохните немного.—Густавъ позвонилъ.—Прикажи отвести лошадь пана Бржостека въ конюшню, обратился онъ къ вошедшему лакею, а вы оставайтесь, прошу васъ!

— Съ благодарностью воспользуюсь вашимъ любезнымъ приглашеніемъ.

— Сегодня вы издалека? спросилъ Людовикъ, чтобы тоже что нибудь сказать.

— Изъ Заціонжа, отъ приходскаго священника, а вчера былъ въ Коржевѣ.

— Кто же тамъ живетъ?

— Графъ Вѣрушовскій. У него шесть прелестныхъ дочерей.

— Шесть?!

— Но только двѣ взрослыя.

— И вы говорите, хорошенькія? спросилъ Людовикъ.

— Красавицы!.. и какъ образованы, какъ воспитаны, какіе таланты!.. и какой вообще это домъ! восхищался Бржостекъ.

— Да, я слышалъ, что это очень почтенное семейство, замѣтилъ Густавъ.

Digitized by Google

— И какое еще! Графъ Вѣрушовскій образецъ помѣщика, а графиня?.. нѣтъ ей равной! И какіе они благотворительные!.. Никогда не упустятъ случая помочь бѣднымъ, даже теперь— тутъ онъ откашлялся—графиня собираетъ пожертвованія въ пользу больницы въ городѣ. Ее просили, и она сейчасъ же согласилась. Все таки это трудъ, и довольно непріятный.

— Разумѣется, непріятный, согласился Людовикъ:—не всякій съ удовольствіемъ встрѣчаетъ благотворителей, хоть такая жертва дѣлаетъ честь, особенно женщинѣ.

— Вотъ поэтому-то графиня и пользуется всеобщимъ уваженіемъ и любовью.

— И она уже начала свою благотворительную поѣздку? спросилъ Людовикъ.

— Кажется, что сегодня.

— Можетъ быть, и сюда заглянетъ?

— Не знаю... мнѣ ничего не говорили.

— Тебѣ нужно отправиться къ нимъ съ визитомъ, обратился Людовикъ къ Густаву.

— Да, я собираюсь.

Лакеи внесли закуску, хозяинъ любезно пригласилъ Бржостека къ столу.

— Былъ тамъ и предсѣдатель съ семействомъ изъ Щитника, началъ снова Бржостекъ послѣ паузы.

— И у него тоже дочери? спросилъ Людовикъ.

— Есть одна дочь и внучка отъ сына. Дочь уже не одинъ десятокъ прожила на свѣтѣ. Внучка на всѣхъ глядитъ свысока и говоритъ въ третьемъ лицѣ.

Послѣ закуски, Бржостекъ отправился за товарами.

— Не разспрашивай его ни о комъ, обратился Людовикъ къ пріятелю:—это смахиваетъ на сплетни.

Пріятели накупили массу разныхъ вещей, и Бржостекъ оставилъ гостепріимное Орлово. Направился онъ прямо въ Коржево, довольный пріемомъ, какой его встрѣтилъ у графа Орловецкаго, и услугою, которую, по его мнѣнію, онъ оказалъ семейству Вѣрушовскихъ. На другой день, когда Густавъ и Людовикъ послѣ обѣда были въ саду, лакей доложилъ о пріѣздѣ предсѣдателя изъ Щитника; Густавъ вмѣстѣ съ пріятелемъ поспѣшилъ принять гостя.

— Уважаемый сосѣдъ извинитъ меня, заговорилъ прибывшій послѣ первыхъ привѣтственныхъ церемоній:—что я являюсь, какъ снѣгъ на голову.

— Вы дѣлаете мнѣ честь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пристыдили ме-

Digitized by Google

ня:—мнѣ совѣстно, что я до сихъ поръ не познакомился съ своими сосѣдями, отвѣтилъ хозяинъ, усаживая гостя на диванъ.

— Я знаю и понимаю, что разныя занятія на новоселъѣ отнимали у васъ возможность заглянуть къ доброжелательнымъ сосѣдямъ, но все таки мы разсчитываемъ не ваше вниманіе и любезность,—произнесъ предсѣдатель, пожимая руку графа:—Я заѣхалъ къ вамъ по дѣлу, касающемуся всѣхъ насъ, здѣшнихъ помѣщиковъ. Мы сообща рѣшили, чтобы желѣзная дорога шла черезъ наши земли, и думаемъ выпустить акціи. Банкъ нашъ согласился стать во главѣ предпріятія. Вотъ мы и васъ, графъ, приглашаемъ.

— Я всегда готовъ принять участье въ общемъ дѣлѣ и благодарю васъ за то, что не забыли обо мнѣ, отвѣчалъ Густавъ.

— Я былъ увѣренъ, что уважаемый сосѣдъ не откажется, любезничалъ предсѣдатель:—Въ четвергъ по этому дѣлу собирается ко мнѣ нѣсколько человѣкъ, не будете ли и вы такъ любезны пожаловать ко мнѣ отобѣдать?

— Съ удовольствіемъ принимаю ваше любезное приглашеніе!

— Премного обязали, благодарю васъ! И предсѣдатель обѣими руками пожалъ руку Густава; затѣмъ, обратившись къ Людовику, прибавилъ:—надѣюсь, и вы не откажете пріѣхать съ пріятелемъ?

Рембовичъ поклономъ поблагодарилъ его, но послѣ отъѣзда предсѣдателя сказалъ Густаву:

— Поѣзжай одинъ обѣдать. Мнѣ нужно написать много писемъ, которыя до сихъ поръ я все откладывалъ со дня на день, благодаря своей лѣности; оставшись же одинъ въ Орловѣ, я принужденъ буду дѣлать что нибудь съ своею особой и навѣрно напишу ихъ.

На слѣдующій день Густавъ снова рисовалъ, а Людовикъ вслухъ читалъ газету, когда со двора послышался стукъ подъѣзжавшго экипажа. Четверка воронихъ подкатила къ подъѣзду. Въ блестящей коляскѣ сидѣли двѣ дамы.

— Должно быть, графиня Вѣрушовская! воскликнулъ Густавъ, бросая кисть и спѣша встрѣтить прибывшихъ. Рембовичъ тоже поднялся и отправился въ залу, куда хозяинъ дома уже ввелъ графиню и барышню въ коротенькомъ платьицѣ, хорошенькую. розовую Эдзю. Обѣ были одѣты скромно, но изящно. На графинѣ, впрочемъ, была настоящая шаль. Густавъ представилъ пріятеля. Графиня въ нѣсколькихъ словахъ объяснила цѣль своего посѣщенія, и Густавъ вручилъ ей значительную сумму.

— Благодарю васъ, графъ, отъ имени нуждающихся и не-

Digitized by Google

счастныхъ!—произнесла она, подавая ему руку въ парижской перчаткѣ и поднялась, собираясь уѣхать. Въ ту же минуту открылись двери, и два лакея внесли на серебряныхъ блюдахъ шоколадъ, пирожное, мороженое, фрукты, конфекты и сельтерскую воду. Дамы остались.

При прощаніи, графиня еще разъ благодарила за щедрое пожертвованіе. Густавъ сказалъ что-то о желаніи и обязанности представиться въ Коржевѣ. Графиня привѣтливо склонила голову, но не пригласила его. Когда коляска выѣхала на дорогу, мать и дочь накинули сѣренькіе плащи отъ пыли; Эдзя расхваливала мороженое, превкусное пирожное и великолѣпные фрукты. Хотя графиня Вѣрушовская сильно желала познакомиться съ владѣльцемъ Орлова и у нея были извѣстные тайные планы, тѣмъ не менѣе въ ней было столько такта, что даже подростка Стельцю не взяла она съ собой, какъ ассистентку, а только 12-лѣтнюю Эдзю. Она осталась очень довольна этимъ посѣщеніемъ.

Въ четвергъ Густавъ отправился въ Щитники. Домъ, залы, прислуга съ галунами—все здѣсь было по барски; но еслибы кто заглянулъ за кулисы, то легко замѣтилъ бы отсутствіе порядка и благоустройства, которыми блисталъ домъ ихъ сосѣдей, графовъ Вѣрушовскихъ. Хозяева привѣтствовали молодаго сосѣда съ радостью, нѣсколько даже преувеличенною. Теодора, полная серьезности и достоинства, старалась блеснуть умомъ и постоянно заводила научный разговоръ; зато Изельда, одѣтая въ платье изъ газа и вся въ живыхъ цвѣтахъ, была ребячески наивна и до приторности нѣжна, что производило непріятное впечатлѣніе. Гостей было человѣкъ шесть, въ числѣ ихъ и графъ Вѣрушовскій, понравившійся Густаву.

Послѣ роскошнаго обѣда, общество отправилось въ садъ. Теодора шла рядомъ съ Густавомъ, разсказывая что-то о римской республикѣ. Изельда наивничала, но временами тоже вмѣшивалась въ разговоръ, выказывая также свои знанія. Затѣмъ она побѣжала и скрылась.

— Посмотрите!—произнесла между тѣмъ Теодора—на эти тучки. Однѣ словно снѣжныя горы, гигантскія Альпы, а эти маленькія кажутся крестьянскими хижинами, разбросанными у подножія горъ.

Въ это время подбѣжала Изельда съ пучкомъ душистыхъ цвѣтовъ и, граціозно присѣдая, подала ихъ Теодорѣ:

— Обожаемой тетенькѣ отъ любящей племянницы! пролепетала она съ улыбкой, которая должна была показаться очаровательной.

Digitized by Google

Теодора нѣжно обняла ее и поцѣловала въ голову.

— Развѣ всѣ они не знаютъ, что она некрасива? Развѣ сама она не видитъ этого? подумалъ Густавъ:—Такое ломанье еще увеличиваетъ ея непривлекательность. Даже красавица, и та потеряла бы много отъ этого.

Тѣмъ временемъ подошли другіе и присоединились къ нимъ, что̀ очень обрадовало Густава, утомленнаго напыщенностью тетеньки и отталкивающею наивностью племянницы. Вечеромъ занимались музыкой. Изельда играла и пѣла при шумныхъ овиціяхъ. Но Густавъ радъ былъ, когда вернулся домой.

Спустя нѣсколько дней, онъ съ пріятелемъ собрался съ визитомъ въ Коржево, откуда вернулся только поздно вечеромъ. Очевидно, они провели время весело.

— Это, дѣйствительно, очень милое семейство, произнесъ Людовикъ, когда они выѣхали на дорогу:—Родители привѣтливые, умные, барышни хорошенькія, гувернантки тоже вполнѣ приличныя.

— Это вѣрно!

— Женись тамъ, дружище! Я тебѣ искренно совѣтую.

— Вотъ чудакъ! засмѣялся Густавъ.

— Я говорю серьезно, честное слово! У Лидіи, кажется, уже есть кто-то:—когда заговорили о какомъ-то Францѣ, я замѣтилъ, что она покраснѣла; Аду мы высватаемъ другимъ, а ты женись на Этелькѣ, хоть черезъ годъ. Развѣ она не прелестна?

— Дѣйствительно, она очень красива,—согласился Густавъ.

Людовикъ много еще говорилъ на эту тему и былъ въ замѣчательно хорошомъ расположеніи духа. Густавъ не слушалъ—онъ мечталъ: ему представлялся чарующій образъ дѣвушки, которую въ послѣдній разъ видѣлъ онъ на балконѣ итальянской виллы, закутанную въ кружевную накидку.

V.

„За песками лѣсокъ, а за лѣсомъ снова песокъ“, воскликнулъ бы нетерпѣливый путешественникъ, ѣдущій отъ Заціонжа до Сосницы; песокъ и унылые сосновые лѣса, дѣйствительно, тянулись на протяженіи цѣлой мили, а за Сосницей опять то же самое.

Деревню, расположенную среди песковъ, окружали лѣса. Нѣсколько дворовъ, огороженныхъ живою изгородью, тянулись въ одну линію, прилегая съ одной стороны къ большому пруду, берега котораго, заросшіе тростникомъ, представляли болѣе при-

Digitized by Google

влекательный уголокъ. За лѣсомъ, на холмѣ, стоялъ большой каменный домъ, красивый, съ зеленой рѣшеткою: это была усадьба Горинскаго, управляющаго обширными казенными лѣсами. Вокругъ дома тянулся обширный садъ, который, не смотря на усиленныя старанія, представлялъ очень бѣдную картину: пышныя травы и растенія засохли, деревья выросли плохо, цвѣты—блѣдные и слабые. Стеклянное крыльцо съ зеленою жестяною крышею и окна съ бѣлыми занавѣсками и цвѣточными горшками придавали дому пріятный видъ. Изъ передней, устроенной на подобіе грота въ скалѣ, вело четверо дверей: налѣво былъ кабинетъ хозяина дома и лѣсное управленіе, направо—маленькая прихожая, столовая, кабинетъ съ библіотекой, зала и другія комнаты. Стеклянныя двери залы выходили въ садъ. Залу украшали нѣсколько настоящихъ картинъ, большое зеркало, ковры и много цвѣтовъ.

На удобной кушеткѣ, лицомъ къ саду, полулежала Горинская, женщина среднихъ лѣтъ, блѣдная, съ выраженіемъ страданія и доброты на симпатичномъ лицѣ. Она была въ сѣромъ платьѣ и въ бѣломъ кружевномъ чепчикѣ; розовое одѣяло покрывало ея ноги, въ рукахъ она держала какую-то работу. Сторы на окнахъ были полуопущены. У окна въ садъ стоялъ столикъ, на немъ—корзинка съ вышиваньемъ и нѣсколько книжекъ. Въ открытыхъ стеклянныхъ дверяхъ стояла дѣвушка средняго роста, замѣчательно граціозная. Прикрывъ глаза рукою, она смотрѣла на дорогу къ лѣсу.

— Вотъ и папочка ѣдетъ, какъ разъ показался изъ лѣсу,— произнесла дѣвушка, возвращаясь въ комнату. Тонкія черты хорошенькаго личика ясно говорили, что она дочь лежащей на кушеткѣ женщины: носикъ совершенно такой же, какъ и у матери, губы такія же, только свѣжія и красненькія, какъ вишня. Темные волосы подъ прямымъ, довольно высокимъ лбомъ, гладко причесанные и ловко собранные сзади въ одну толстую косу, придавали ея маленькой головкѣ особенную миловидность. Глаза темно-сѣрые, большіе, съ выраженіемъ мысли и чувства; черныя брови и длинныя рѣсницы еще больше увеличивали прелесть свѣжаго личика. На ней было платье въ полоскахъ съ бѣлымъ воротничкомъ и рукавчиками. Дѣвушка побѣжала по залѣ и скрылась за дверью.

Пролетка подъѣхала, и въ комнату вошелъ хозяинъ дома, лѣтъ пятидесяти, высокій, крѣпкаго сложенія, съ загорѣлымъ лицомъ и темною бородой. Положивъ на столъ соломенную шляпу, онъ вытеръ шолковымъ платкомъ потъ на лбу.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь, Анночка?—проговорилъ онъ, садясь возлѣ жены. Взявъ ея руку, онъ поцѣловалъ ее.

Digitized by Google

— Мнѣ совсѣмъ хорошо, Станиславъ, отвѣтила Горинская съ улыбкой; отложивъ работу, она нѣжно обняла мужа и поцѣловала въ лобъ.

— Что вы дѣлали?

— Габріэль читала мнѣ новую повѣсть Крашевскаго.

Въ это время вернулась молодая дѣвушка, а за ней лакей вносилъ кофе и закуски.

— Половина шестаго,—замѣтилъ Горинскій: я опоздалъ немножко—извиняюсь! Много было работы.

Габріэль разлила кофе, и завязался семейный разговоръ; такія минуты составляютъ истинное, ничѣмъ невозмутимое счастье для людей, соединенныхъ чувствомъ взаимной привязанности.

— Габріэль! обратилась Горинская къ дочери:—пройдись немного. Отецъ останется со мною, сегодня ты вовсе не выходила, а теперь не такъ ужь жарко.

— Чудный воздухъ! прибавилъ отецъ.

Габріэль поцѣловала мать и отца, и выбѣжала изъ комнаты.

— Бѣдная дѣвочка! проговорила Горинская, глядя ей вслѣдъ, и слеза блеснула въ ея глазахъ: — Въ этомъ уединеніи, безъ развлеченій она совсѣмъ не пользуется своею молодостью, а я прикована къ постели.

— Но вѣдь она счастлива подлѣ насъ, отозвался Горинскій.

— Да, она дитя доброе, любящее, но... что будетъ дальше? вздохнула мать.

Габріэль накинула соломенную шляпу съ широкими полями, натянула перчатки и направилась въ садъ. Она вышла на деревенскую дорогу; къ ней тотчасъ же поспѣшили изъ ближайшихъ крестьянскихъ домовъ три подростка-дѣвочки. Она остановилась, и дѣвочки радостно привѣтствовали ее, цѣлуя ей руки.

— Здравствуй. Маруся! А какъ твоя мамаша, Салька? спрашивала она то одну, то другую.

— Сегодня, слава Богу, уже встала.

— А ты, Польця, носила обѣдъ отцу? обратилась къ третьей.

— Носила, милая пани. Онъ тамъ при людяхъ, гдѣ вырываютъ пни,—отвѣчала дѣвочка съ черными; быстрыми глазками.

— А это далеко? спросила Габріэль.

— О, нѣтъ!

— Въ какой сторонѣ?

— Тамъ... что называютъ „Лысяки“.

— Пойдемъ со мной въ лѣсъ!—произнесла молодая дѣвушка и смѣло отправилась во главѣ компаніи къ лѣсу, зная, что тамъ есть работники.

Digitized by Google

Лѣсъ былъ сосновый, хотя попадались и другія деревья, даже величественные старые дубы. Габріэль больше всего любила эту прогулку. Собирая съ дѣтьми цвѣты и грибы, она при этомъ, въ разговорахъ, многому научала ихъ. Выучивъ ихъ въ свободное время читать и писать, она пеклась о нихъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ длинные зимніе вечера горничная Горинскихъ, кромѣ того, учила ихъ шить. Поэтому всѣ онѣ искренно привязались къ доброй барышнѣ. Солнце склонялось къ западу, когда Габріэль съ своей свитой вышла изъ лѣсу. Черезъ пески направились онѣ къ пруду.

— Польця! обратилась она къ черноглазой дѣвочкѣ:—пусть отецъ скорѣе кончаетъ лодку.

— Онъ уже началъ, и лодка скоро будетъ готова.

— Когда нибудь мы поплывемъ, а теперь прощайте! Можетъ быть, вы нужны дома.

— Дѣвочки простились и весело разбѣжались по домамъ. Медленно и задумчиво шла Габріэль къ лѣсничеству. Дымъ изъ трубъ высокими столбами поднимался къ ясному небу. Кругомъ царствовала тишина, нарушаемая только жужжаньемъ насѣкомыхъ да кваканьемъ лягушекъ. Молодая дѣвушка вошла во дворъ. Отца застала она еще при матери. Поставивъ цвѣты въ воду, она подсѣла къ матери, а Горинскій отправился въ канцелярію.

— Завтра вечеромъ пріѣдетъ священникъ,—замѣтила мать,—а послѣ завтра отслужитъ у насъ обѣдню.

Въ квартирѣ устроена была маленькая часовня, гдѣ разъ въ недѣлю священникъ служилъ обѣдню, такъ какъ Горинская вовсе не выѣзжала изъ дому. Станиславъ Горинскій происходилъ изъ хорошаго семейства. Кончивъ въ Парижѣ курсъ политехнической школы, онъ много путешествовалъ, послѣ чего занялся хозяйствомъ; въ это же время онъ женился по любви. Вскорѣ постигли его разныя неудачи и даже несчастья въ хозяйствѣ, такъ что онъ долженъ былъ бросить свое дѣло и поступить на службу. Благодаря своимъ способностямъ и вліятельнымъ знакомствамъ, онъ скоро получилъ настоящее мѣсто. Вступивъ въ должность, онъ временно оставилъ жену въ Варшавѣ, чтобы устроиться. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, у нихъ родилась дочь, но съ этого же времени здоровье Горинской разстроилось: она постояно хворала, страдала и, наконецъ, совершенно лишилась ногъ. Оба они безропотно встрѣтили постигшій ихъ ударъ: онъ старался угадывать и исполнять малѣйшее ея желаніе, а она съ трогательною благодарностью принимала его заботливость и терпѣливо перенося свое увѣчье.

Digitized by Google

Габріэль съ самыхъ малыхъ лѣтъ была для нихъ утѣшеніемъ. Воспитывалась она дома, подъ ихъ непосредственнымъ наблюденіемъ, при хорошихъ гувернанткахъ, а затѣмъ, для окончанія образованія, провела одинъ годъ у тетки въ Варшавѣ. По близости Сосницы не было сосѣдей, и Горинскіе почти ни съ кѣмъ не знакомились, благодаря болѣзни хозяйки дома; но Габріэль, воспитанная разумно, не привыкла къ шумнымъ свѣтскимъ развлеченіямъ и считала бы себя вполнѣ счастливой, еслибы сердце ея не болѣло при видѣ страданій горячо любимой матери.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня, молодая дѣвушка сѣла за письменный столъ, чтобы отвѣтить на письмо тетки, приглашавшей ее къ себѣ въ Варшаву, а оттуда въ Краковъ и Вѣну. Поблагодаривъ тетю за вниманіе, она наотрѣзъ отказалась отъ поѣздки, такъ какъ, несмотря на желаніе посѣтить всѣ эти мѣста, она положительно не можетъ и не хочетъ оставить мать въ ея настоящемъ положеніи. Окончивъ писать, она отправилась къ матери.

— Ты уже не спишь, дѣвочка? раздался мягкій, ласковый голосъ матери.

Габріэль быстро подошла къ кровати, нагнулась и обняла мать, которая нѣжно поцѣловала ее. За завтракомъ всѣ весело болтали, потомъ перевезли больную въ залу на ея обыкновенное мѣсто. Габріэль стала читать вслухъ, а Горинскій отправился въ лѣсъ, откуда возвращался только къ полудню. Вечеромъ пріѣхалъ священникъ изъ Заціонжа; въ залу подали чай и закуску и завязался разговоръ.

— Вы бываете въ Орловѣ? спросилъ Горинскій.

— Былъ уже нѣсколько разъ,—отвѣтилъ священникъ:—Новый владѣлецъ Орлова очень симпатичный молодой человѣкъ, образованный, съ честными убѣжденіями, гостепріимный и простой. Гостилъ у него въ послѣдне время его пріятель, Людовикъ Рембовичъ, тоже хорошій и веселый человѣкъ Много можно тамъ наслушаться и узнать. У Густава Орловецкаго есть одинъ планъ, не знаю, какъ онъ вамъ понравится.

— Что же такое?

— Онъ, видите ли, хочетъ положить основаніе колоніи ремесленниковъ и даже началъ уже свозить матеріялъ для постройки. До города, согласитесь, далеко, вотъ онъ и намѣренъ въ этой колоніи, кромѣ плотника, маляра и кузнеца, завести также столяра, слесаря, сапожника, портнаго, гончара, кожевника и т. п. Онъ хочетъ повести дѣло такъ, чтобы крестьяне Орлова учились разнымъ ремесламъ. Онъ хочетъ имѣть хорошихъ и добро-

Digitized by Google

совѣстныхъ ремесленниковъ. Каждый изъ нихъ получитъ удобную квартиру съ садомъ.

— Это будетъ благодѣяніммъ для окрестности, замѣтилъ Горинскій:—но выполнить этотъ планъ можетъ только истинный филантропъ и притомъ богатый. Немало встрѣтитъ онъ препятствій и затрудненій.

— Орловецкаго ничто не остановитъ. Онъ очень хорошо знаетъ, какія непріятности ожидаютъ его, но твердо увѣренъ, что со временемъ результатъ все таки будетъ благопріятный. И теперь уже многіе высказываются противъ этого плана.

— Какъ это обыкновенно бываетъ. Не было еще человѣка, который угодилъ бы всѣмъ, сказалъ Горинскій:—предсѣдатель, вѣрно, тоже принадлежитъ къ числу противниковъ этого плана?

— Въ глаза, кажется, онъ соглашается, поддакиваетъ, а за глазами качаетъ головой, пожимаетъ плечами и вздыхаетъ.

— Старая лисица! Давно я его знаю. Когда-то, еще холостымъ, я бывалъ у нихъ въ домѣ и за меня сватали Теодору.

Габріэль со вниманіемъ слушала этотъ разговоръ. Планъ устройства ремесленной колоніи приводилъ ее въ восторгъ. Она представляла уже себѣ длинный рядъ хорошенькихъ домиковъ и при каждомъ изъ нихъ огородъ и садикъ съ фруктовыми деревьями; всюду—опрятность, честный трудъ и полный достатокъ. Представлялись ей и работающій хозяинъ, и хлопотливая хозяйка, опрятно одѣтыя дѣвушки и ребятишки... и ей уже слышались веселыя пѣсни, раздающіяся оттуда.

VI.

— Съ почты, ваше сіятельство! доложилъ лакей, подавая журналы и нѣсколько писемъ. Одно изъ нихъ было отъ Рембовича. Густавъ распечаталъ его.

„*Варшава*, 10-го сентября 1884 г.

„Среди хаоса, бѣготни и толкотни не разъ вспоминаю я о блаженномъ „far niente“ въ Орловѣ. Что за роскошь, думаю себѣ, развалясь на кушеткѣ съ ароматическою сигарою, болтать съ тобою или пересматривать свѣжія газеты! А тутъ? бѣгай съ утра до ночи по городу: того не застанешь, этотъ занятъ; тотъ обѣщалъ прійти въ 9 часовъ, и ты просидишь цѣлый день дома, а все таки не дождешься его; этотъ поклялся сдѣлать дѣло и навѣрно позабылъ о немъ. Портной не сдѣлаетъ къ сроку, сапожникъ сошьетъ сапоги не по мѣркѣ, прачка подмѣнитъ бѣлье.

Digitized by Google

Перчатки покупай ежедневно... а въ гостинницѣ считаютъ да присчитываютъ и подносятъ ужасные счеты. Впрочемъ, развѣ можетъ интересовать тебя, деревенскій счастливецъ, проза городской жизни? Разскажу лучше, что очаровательная Дельфина производила фуроръ въ Спа и была прелестнѣе всѣхъ. Ее постоянно окружала толпа поклонниковъ всѣхъ народностей, въ числѣ ихъ былъ и какой-то князь азіатскій. Говорилъ мнѣ это Иванъ Залива, проведшій въ Спа нѣсколько недѣль. Спрашивалъ я про князя Мирона, но о немъ ничего не знаютъ.

„Ахъ, да! Узналъ я также, что въ Щитникахъ и Коржевѣ изъ-за тебя,—о, счастливый смертный!—образовались два враждебные лагеря. Въ Щитникахъ сказали себѣ: обворожительная Изельда должна сдѣлаться владѣтельницею Орлова. Въ Коржевѣ же полагаютъ, что ихъ бутончики болѣе достойны занять мѣсто повелительницы замка Орловецкихъ, и втихомолку подсмѣиваются надъ обворожительной невинностью, украшенной веснушками... Прости, не хмурь чела, достойный моралистъ, и не прозывай меня злостнымъ болтуномъ. Пусть Изельда будетъ даже очаровательною. Хотѣлось бы мнѣ еще сравнить дѣвицъ Вѣрушовскихъ съ граціями и сильфидами, а восхитительную Этельку—съ вышедшею изъ морской пѣны Афродитой... но не сдѣлаю этого. Всѣ эти свѣдѣнія сообщилъ мнѣ Викентій Бржостекъ, отставной поручикъ, бывшій письмоводитель суда... и т. д., котораго я встрѣтилъ на улицѣ. Но пора кончать, такъ какъ снова нужно бѣжать по дѣламъ, а потому будь здоровъ и пріятеля своего не забывай. Твой Людовикъ“.

Густавъ съ улыбкой отложилъ письмо и, взявъ другое, въ розовомъ конвертѣ, слегка покраснѣлъ и сталъ читать.

„Chèr cousin!

„Мы здѣсь уже вторую недѣлю. Правда, это не входило въ наши планы, но... человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Сестра все страдаетъ глазами, и намъ необходимо спѣшить въ Парижъ. Между тѣмъ Дельфинѣ нужны морскія ванны. Она, еще недавно такая здоровая, теперь впала въ какую-то апатію: ничто ее не интересуетъ, ничто не развлекаетъ. Она рада бы поскорѣе вернуться домой, но понимаетъ, что ради глазъ матери этого нельзя сдѣлать и охотно приноситъ эту жертву—она вѣдь такъ любитъ мать! Мы, впрочемъ, надѣемся, что морскія купанья будутъ ей очень полезны. А какая она красавица! мнѣ не слѣдовало бы говорить этого, какъ дядѣ, но вѣдь я пишу родственнику: plus belle que jamais! Бѣдная дѣвочка! Просила кланяться тебѣ. Правда, она и всегда спрашиваетъ, не пишу ли я къ тебѣ.

Digitized by Google

Она вспоминала еще что-то такое о какомъ-то букетѣ, чтобы ты не сердился и позабылъ о немъ. Не знаю, въ чемъ тутъ дѣло.

„Здѣсь мы пробудемъ недѣли три, а затѣмъ отправимся въ Парижъ, гдѣ надѣемся съ тобой встрѣтиться. Сестра тоже тебѣ кланяется. Adieu, chèr cousin, au revoir! Procop.

„Прилагаю фотографическую карточку Дельфины; самъ посуди, не похудѣла ли она, la pauvre enfant. Я боюсь за нее".

Густавъ развернулъ карточку, затѣмъ спряталъ ее въ ящикъ стола и сталъ быстро ходить по комнатѣ; потомъ онъ вышелъ въ садъ и, вернувшись, сѣлъ снова за письменный столъ.

„Не достаетъ мнѣ тебя, дорогой Людовикъ, всегда и вездѣ, а потому пріѣзжай скорѣе. За свѣдѣнія спасибо. Я прихожу къ убѣжденію, что сердце Дельфины еще не заговорило; желаю ей отъ всей души скорѣе сдѣлать хорошій выборъ и... чтобы она нашла другое такое сердце, какъ мое. На этомъ и кончу!

„Непріятно дѣйствуетъ на меня видъ матерей, желающихъ выдать замужъ своихъ дочерей, и барышень, старающихся сдѣлать хорошую партію. Какая ужасная мысль: купить себѣ жену цѣною Орлова и Домбровицъ! Быть предметомъ спекуляціи тамъ, гдѣ нужно искать только сердца! Какая горькая иронія!..

„Поговоримъ лучше о чемъ нибудь другомъ. Колонія ремесленниковъ уже начинаетъ жить: планы покончены и каменьщики уже приступили къ работѣ. Сегодня ѣду со священникомъ закупить строевой лѣсъ, такъ какъ вырубать своихъ лѣсовъ не хочу, пока не заведу въ нихъ правильнаго хозяйства..."

Въ это время, со двора донесся стукъ колесъ. Густавъ взглянулъ въ окно и узналъ въ прибывшемъ священника. Отложивъ письмо, онъ поспѣшилъ на встрѣчу гостю. Послѣ обѣда, въ коляскѣ они вдвоемъ отправились въ Сосницу. Проѣзжая мимо пруда, они увидѣли, какъ изъ причалившей къ берегу лодочки выскочила Габріель съ тремя крестьянскими дѣвушками.

— А это что за русалочка? спросилъ Густавъ, указывая на стройную дѣвушку въ лиловомъ платьѣ и соломенной шляпкѣ среди тростниковъ и зелени.

— Это Габріель, дочь Горинскихъ, объяснилъ священникъ:— должно быть, Горинская еще отдыхаетъ, такъ какъ только въ это время дѣвушка выходитъ изъ дому.

Коляска повернула къ лѣсничеству, а дѣвушка, простившись со своей свитой, пошла домой по боковой тропинкѣ. Прибывшіе, между тѣмъ, входили въ столовую. Горничная просила ихъ обождать въ кабинетѣ.

Digitized by Google

— Барыня сейчасъ будутъ, прибавила она: — а вотъ и барышня идутъ.

Габріэль входила, нѣсколько запыхавшись. Священникъ представилъ ей графа Густава Орловецкаго.

— Извините меня, — обратилась она къ гостямъ:—батюшка, мнѣ нужно къ мамѣ, прибавила она вполголоса и вышла изъ комнаты.

Голосъ у Габріэли былъ замѣчательно пріятный, по крайней мѣрѣ, такъ показалось Густаву, который сталъ разсматривать книги и журналы на столѣ. Спустя нѣсколько минутъ, горничная попросила гостей въ залу, гдѣ они застали уже Горинскую въ удобномъ креслѣ. Габріэль покрыла ей коврикомъ ноги и придвинула маленькую скамеечку.

Священникъ объяснилъ цѣль прибытія Густава, который вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ и познакомиться съ сосѣдями. Горинская произнесла нѣсколько привѣтливыхъ словъ и замѣтила, что мужъ долженъ скоро вернуться. Габріэль съ работой сѣла вблизи матери и вмѣстѣ съ ней поддерживала разговоръ. Спустя полчаса, вернулся Горинскій и очень любезно привѣтствовалъ гостей. Густавъ объяснилъ ему, чту пріѣхалъ, между прочимъ, закупить строевой лѣсъ, и тутъ же они порѣшили, когда должны прибыть архитекторъ и плотники. Затѣмъ заговорили о колоніи. Густавъ высказалъ всѣ свои взгляды, планы и надежды. Горинскій слушалъ со вниманіемъ, дѣлая время отъ времени замѣчанія, которыя молодой помѣщикъ принималъ съ благодарностью. Послѣ чаю мужчины отправились въ канцелярію.

Солнце уже скрылось за сосновымъ лѣсомъ; кое-гдѣ тянулись легкія бѣловатыя и свѣтлолиловыя облака, а надъ ними разстилалась ясная лазурь. Двери въ садъ оставались открытыми; вечеръ былъ теплый и тихій. Габріэль на порогѣ задумчиво глядѣла въ пространство. Изъ лѣсу потянулись стада; все ближе доносились звуки маленькихъ колокольчиковъ. Когда мужчины вернулись въ залу, Густавъ подошелъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Были мы въ саду, и меня поразила неусыпная заботливость, съ которой вы успѣли добиться многаго на этой безплодной землѣ, сказалъ онъ.

— Все таки здѣшняя растительность жалкая! замѣтила дѣвушка.

— Однако, много значитъ уже и то, что сохранились нѣкоторыя деревья и даже есть цвѣты.

— Они тѣмъ дороже, что выращены съ такимъ трудомъ.

— Вы здѣсь вѣрно очень скучаете? спросилъ Густавъ.

Digitized by Google

— Никогда!—съ полной откровенностью отвѣтила молодая дѣвушка.

— Но вѣдь у васъ, какъ я слышалъ, нѣтъ по близости знакомыхъ?

— Это правда, потому что по случаю болѣзни моей матери мы не можемъ выѣзжать.

— Но вѣдь развлеченія, удовольствія для молодой дѣвушки необходимы.

— Мы много читаемъ, музыка тоже занимаетъ у меня немало времени, да и вообще... мы умѣемъ сдѣлать пріятнымъ для себя время.

— И вы никогда не жалѣете о свѣтскихъ удовольствіяхъ?

— Я вовсе о нихъ не думаю, улыбнулась Габріэль.

— Но вѣдь вы были въ Варшавѣ?

— Я жила тамъ цѣлый годъ для окончанія образованія.

— И бывали въ обществѣ, познакомились съ тамошними удовольствіями?

— Вполнѣ. Я бывала въ концертахъ, въ театрѣ, на вечерахъ... очень весело проводила время и много танцовала.

— И хотѣли бы снова испытать эти удовольствія?

— Разумѣется, еслибы это было возможно; теперь же я о нихъ и не думаю! съ выраженіемъ искренности проговорила Габріэль. Мнѣ здѣсь хорошо, и я чувствую себя вполнѣ счастливою.

— Вы говорили, что много читаете... если позволите,—обратился онъ къ матери и дочери:—у меня тоже много интересныхъ новинокъ...

— Очень вамъ будемъ благодарны!—сказала Горинская. Молодая дѣвушка поблагодарила легкимъ наклоненіемъ головы.

Было уже очень поздно, когда гости оставили гостепріимную Сосницу. Полный мѣсяцъ обливалъ окрестность мягкимъ свѣтомъ. Габріэль набросила легкую накидку и вышла въ садъ. Гуляя по дорожкамъ, она удивлялась, что сегодня все представляется ей и красивѣе, и дороже — можетъ быть, причина такой перемѣны крылась въ этомъ серебристомъ освѣщеніи мѣсяца, разливавшаго вокругъ таинственное очарованіе.

Вернувшись домой, Густавъ снова сѣлъ за письменный столъ и написалъ своему другу слѣдующее:

„Только что вернулся изъ Сосницы. Въ Горинскомъ я нашелъ честнаго и умнаго человѣка и, вообще, очень радъ, что познакомился съ этимъ семействомъ: жена—калѣка, но привѣтливая и добрая; мужъ преданъ ей всецѣло, безъ мысли, что приноситъ какую бы то ни было жертву, а дочь, полная самоотверженія,

Digitized by Google

веселая, ничего не требующая и не желающая—счастлива своимъ самоотверженіемъ. Для нея отецъ и мать — все; она для нихъ—ангелъ хранитель и утѣшитель, ихъ надежда и гордость.

„Возвращайся скорѣе, чтобы наполнить несносную пустоту. Твой Густавъ".

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня, Густавъ отправился въ городъ, переговорить съ архитекторомъ. Его новое предпріятіе, основать колонію ремесленниковъ, съ каждымъ днемъ охватывало его сильнѣе и принимало все бо́льшіе размѣры; временами это казалось ему новою жизнью, онъ видѣлъ въ этомъ цѣль своего будущаго. Каменщики уже клали фундаменты домовъ и строеній. Всюду лежали кучи камней, стояли бочки съ известью, горы глины, бревна и доски, а рабочіе свозили новые и новые матеріалы. При видѣ этого движенія и жизни, радостно билось сердце молодаго предпринимателя,— въ умѣ складывались заманчивыя картины.

VII.

Необыкновенное движеніе происходило въ Сосницѣ: приготовили двѣ удобныя комнаты; поваръ готовилъ праздничныя кушанья и разныя лакомства; на всѣхъ лицахъ отражалось ожиданіе радостное, но въ то же время и нетерпѣливое:—сегодня должна была пріѣхать Держимірова, сестра Горинской.

— Что-то долго ея не видно; пріѣдетъ ли еще сегодня? замѣтилъ Горинскій, входя въ залу.

— Навѣрно пріѣдетъ! воскликнула Габріэль: — тетя всегда держитъ слово.

Погода была печальная; небо заволокли свинцовыя тучи; деревья и кусты, лишенные зелени, уныло торчали, а осенній вѣтеръ продолжалъ терзать ихъ, срывая послѣдніе пожелтѣвшіе и грязные листья и кружа ихъ по землѣ. Полиняли берега, лѣсъ порыжѣлъ и даже пески, казалось, сдѣлались темнѣе и грязнѣе. Въ комнатѣ наступила тишина, которую внезапно нарушилъ звукъ почтоваго рожка. Спустя нѣсколько минутъ, хозяинъ дома вводилъ въ залу уже не молодую, но симпатичную даму. Послѣ первыхъ привѣтствій, въ этомъ небольшомъ родственномъ кружкѣ завязался дружескій разговоръ.

— Вы, конечно, не знаете, начала Держимірова:—какое у меня здѣсь есть дѣло, кромѣ, разумѣется, того, чтобы повидаться съ вами? Племянникъ моего мужа, Францъ Заленжовскій, сдѣлалъ предложеніе дочери Вѣрушовскихъ въ Коржевѣ. Его мать, по нездоровью,

Digitized by Google

не въ состояніи сама пріѣхать и обнять дѣвушку, какъ будущую свою невѣстку: вотъ она и просила меня замѣнить ее въ этомъ случаѣ. На дняхъ я думаю отправиться въ Коржево.

И, дѣйствительно, на третій день Держимірова собралась къ Вѣрушовскимъ, захвативъ съ собой и Габріэль. Дорога шла черезъ Орлово. Видѣли онѣ прелестный замокъ на горѣ и обширный паркъ; когда же проѣзжали мимо зарождающейся колоніи, Габріэль съ интересомъ разсматривала все и съ увлеченіемъ разсказывала теткѣ о благородныхъ намѣреніяхъ и планахъ молодаго помѣщика. Въ Коржевѣ застали онѣ Франца Заленжовскаго. Барышни приняли Габріэль, какъ старую подругу. И тетку, и племянницу любезно и радушно приглашали въ Коржево погостить. Габріэль была въ нерѣшимости, но за нее отвѣтила тетя, обѣщая непремѣнно привести ее 3-го ноября. Держимірова съ племянницей пріѣхали опять въ Коржево. Въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ и братъ Франца, Эдмундъ Заленжовскій, очевидно ухаживавшій за Адой, но медленно стремившійся къ достиженію желанной цѣли.

Габріэль была прелестна въ бѣломъ платьѣ съ сѣрыми полосками, отдѣланномъ кружевами и малиновыми лентами; въ волосахъ красовались маргаритки; серьги, брошка и браслетъ были осыпаны жемчугомъ.

Послѣ полудня начали съѣзжаться гости, и въ числѣ первыхъ—предсѣдатель съ семействомъ. Теодора была украшена перьями, а Изельда изображала изъ себя махровую розу. Когда имъ представили Габріэль, старая дѣва сдѣлала довольно замѣтную гримасу, задирая носъ и прищуривая глаза; Изельда же, обращаясь къ Адѣ, замахала ручками и наивно произнесла вполголоса:

— Je la trouve charmante и буду ее любить!

Сѣвши рядомъ съ ней, она стала разспрашивать Габріэль, въ какомъ пансіонѣ та воспитывалась, какія у нея были гувернантки, бывала ли она на балахъ?.. и вдругъ воскликнула:—Нашъ новый сосѣдъ, un jeune homme, очень distingué и вполнѣ aimable!..

Габріэль подняла глаза и встрѣтилась со взглядомъ Густава, поклонившагося ей. Темныя рѣсницы дѣвушки невольно опустились.

— Вы знакомы?.. спросила Изельда.

— Онъ былъ у насъ.

— Должно быть, по дѣлу?

— Да.

Теодора, между тѣмъ, тотчасъ же завладѣла прибывшимъ, завязавши разговоръ, въ которомъ такъ и сыпала высокопарными

Digitized by Google

словами: мученикъ науки, героическій духъ... а затѣмъ—Юлій Цезарь, Порцій, Катилина... Съ трудомъ отдѣлавшись отъ своей собесѣдницы, Густавъ поспѣшилъ къ Габріэли и представилъ ей своего друга, Людовика Рембовича.

Когда приблизилась обѣденная пора, Теодора снова очутилась возлѣ Густава, и снова отборныя, цвѣтистыя фразы посыпались на него градомъ; когда же пригласили къ столу, она сама подала ему руку. Изельда, разумѣется, старалась быть ближе къ обожаемой тетенькѣ. Людовикъ предложилъ руку Габріэли, и они заняли мѣсто противъ Густава. Столовая была залита свѣтомъ. Среди общаго разговора, раздавался криклывй голосъ старой дѣвы: она разсказывала что-то о черной похлебкѣ спартанцевъ, объ Аѳинахъ, Алкивіадѣ...

Передъ Изельдой стояла ваза съ цвѣтами. Глядя на нее, она съ восторгомъ замахала ручками и воскликнула:—Какъ было бы хорошо на свѣтѣ, еслибы и на деревьяхъ росли розы и гвоздики!

— N'est ce pas?—обратилась она къ Густаву:—это было бы очаровательно!

— Зельця умѣетъ схватить красоту природы, заговорила тетя:—ее восхищаетъ l'art de la nature. Она совсѣмъ дитя, во всемъ находитъ новую прелесть.

Густавъ не зналъ, что̀ сказать. Людовикъ завелъ разговоръ на вѣчную, неизсякаемую тему: о любви и женщинахъ.

— Каждая женщина бываетъ ангеломъ-хранителемъ для тѣхъ, кого любитъ, замѣтила Изельда.

— Женщина можетъ быть и демономъ для тѣхъ, кто ее любитъ! воскликнулъ Людовикъ.

— Ахъ! всплеснула барышня руками и закрыла лицо.

— Изельда вѣритъ только въ любовь святую, чистую! торжественно произнесла Теодора.

— А развѣ можетъ быть какая нибудь другая? наивно спросила племянница.

— Simple fleur! il vous eût fallu la prairie! продекламировала тетенька.

— Что̀, по вашему, составляетъ любовь для женщины? спросилъ Людовикъ у Габріэли.

— Можетъ быть, жизнь.

— А мнѣ кажется, что для женщины любовь бываетъ иногда—забавой, игрушкой, разсчетомъ, комедіей!.. для мужчины же — препятствіемъ, преградой, потерей времени и своего *я*!..

— Ахъ, ахъ! воскликнула Теодора:—какое это кощунство, профанація!.. Вы, должно быть, никогда не любили.

Digitized by Google

— Напротивъ: j'ai passionnément aimé! напыщенно проговорилъ Людовикъ:—но теперь я уже гарантированъ отъ этого вполнѣ. Любовь сожгла мое сердце, превратила его въ уголь.

— А вы ничего не скажете? обратилась Теодора къ Густаву.

— У него сердце говоритъ, отозвался его другъ: — а тогда обыкновенно уста молчатъ.

— Спасибо, что выручилъ меня,—улыбнулся Густавъ.

Обѣдъ кончился. Общество отправилось въ залу, устроенную для танцевъ. Музыка заиграла ритурнель кадрили. Теодора снова очутилась возлѣ Густава и произнесла:

— Господа, нѣжные звуки призываютъ васъ! Барышни ждутъ, m-eur Густавъ!.. И она указала на сидящихъ барышень, изъ которыхъ Изельда находилась ближе другихъ.

Пары начали занимать мѣста. Густавъ подалъ руку Габріэли. Тетенька Теодора даже посинѣла отъ досады, а племянница въ ту же минуту съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ стояла уже vis à vis Габріэли и Густава. Танцы продолжались до утра, но Густавъ не принималъ въ нихъ большаго участья.

— Замучили тебя, милочку, сегодня! говорила Держимірова племянницѣ съ выраженіемъ искренняго удовольствія, когда онѣ остались однѣ въ своей комнатѣ.

Зато другая тетенька и племянница были не въ очень хорошемъ расположеніи духа. Слѣдующій день прошелъ также весело; на третій—отправились на охоту, а вечеромъ—опять танцы, игры, музыка, пѣніе.

— Ну, Густавъ! началъ Людовикъ, когда они выѣхали, наконецъ, изъ Коржева:—доволенъ ли ты этимъ трехдневнымъ весельемъ?

— Время прошло незамѣтно, только я, очевидно, старъ сталъ, а потому очень доволенъ, что возвращаюсь въ свое тихое Орлово. Я чувствую себя очень усталымъ.

— Однако, нужно согласиться, что Вѣрушовскіе умѣютъ принимать и занимать гостей. Барышни тоже были недурны!

— Знаешь ли, которая изъ нихъ обворожила меня?

— Должно быть, Этелька?

— Какъ цвѣточекъ, какъ головка херувима—да, но, какъ дѣвушка, какъ женщина—Габріэль Горинская.

— Ты правъ.

— Чрезвычайно милая и во всѣхъ отношеніяхъ умная дѣвушка...

— Въ особенности голосъ у нея замѣчательно пріятный, по крайней мѣрѣ, для меня.

Digitized by Google

— Это—перлъ въ золотой оправѣ! Она не такъ красива, какъ Этелька, но въ тысячу разъ привлекательнѣе, такъ какъ у нея есть душа... и какая еще!..

Людовикъ продолжалъ болтать: разсказывалъ подслушанные разговоры, отпускалъ злыя шутки насчетъ Теодоры и ея племянницы. Густавъ не отзывался.

— Та, прежняя, снова терзаетъ его сердце,—подумалъ Людовикъ и пожалъ плечами:—нѣтъ спасенія или—вѣрнѣе—должно быть спасеніе! И онъ встряхнулъ головой, словно принялъ какое нибудь рѣшеніе.

— Прелестный замокъ! замѣтила Держимірова, когда онѣ, часъ спустя, проѣзжали мимо Орлова. Габріэль тоже смотрѣла, задумавшись.—А Густавъ Орловецкій очень милый и умный молодой человѣкъ, говорила тетя.

На лицѣ Габріэли появилась легкая краска. Добрая тетя замѣтила это и не хотѣла больше смущать племянницу, но что-то сообразила. Она провела еще нѣсколько недѣль въ Сосницѣ. За это время побывали тамъ и Густавъ съ Людовикомъ, правда—по дѣлу, но остались и провели тамъ вечеръ.

VIII.

Зимою жизнь въ Сосницѣ текла, по обыкновенію, тихо и однообразно. Вѣрушовскіе нѣсколько разъ приглашали Горинскаго съ дочерью на „воскресныя“ вечеринки, проходившіе всегда очень оживленно. Габріэль даже просили погостить недѣльки двѣ, но она, поблагодаривъ за вниманіе, отказалась наотрѣзъ. Въ послѣднее январьское воскресенье, въ день морозный и свѣтлый, Горинскій, уступая настоятельнымъ просьбамъ жены, отправился съ дочерью въ Коржево. Густавъ помогъ выйти Габріэли, выручая хозяина дома, который въ это время цѣловался съ Горинскимъ. Густавъ представилъ потомъ Габріэли своего родственника, Станислава Орловецкаго, очень красиваго молодаго человѣка. Послѣ обѣда, занялись музыкой. Барышни играли и пѣли.

— Какой чистый, серебристый голосокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сколько въ немъ души, чувства! шепталъ Густаву Людовикъ, когда Габріэль пѣла одну изъ пѣсенъ Монюшки.

Разъѣхались уже послѣ полуночи. Гости изъ Сосницы и Орлова уѣзжали одновременно. Никакія просьбы барышень не могли удержать на ночь Габріэли и Горинскаго. Тотъ даже самъ уговаривалъ дочь остаться, но она и слышать не хотѣла, спѣша къ больной матери.

Digitized by Google

У Орловецкихъ были маленькія сани; четверка горячихъ коней понеслась стрѣлой, такъ что въ одну минуту звонки и бубенчики раздавались гдѣ-то далеко. Карета Горинскихъ подвигалась медленнѣе. Ночь была морозная, но тихая и лунная; небо—усѣяно миріадами звѣздъ. Когда доѣхали до Орлова, Габріэль взглянула на замокъ: нѣсколько оконъ было освѣщено.

— Они опередили насъ, по крайней мѣрѣ, на полчаса, замѣтилъ Горинскій. Карета вдругъ остановилась.

— Что это? спросилъ онъ, опуская окно.

— Это мы!—отозвался владѣлецъ Орлова. Тутъ же стояли Людовикъ, Станиславъ и лакей съ заставленнымъ подносомъ:— позвольте предложить вамъ чай и вино. Ночь—морозная, а до Сосницы еще 14 верстъ.

— Ахъ, что вы, уважаемый графъ! воскликнулъ Горинскій:— Это слишкомъ большая любезность. Вы, господа, озябнете!

— Мы въ шубахъ.

— А молодость на что? шутилъ Людовикъ.

— Мы шли скоро и согрѣлись, прибавилъ Станиславъ.

Горинскій выпилъ рюмку стараго вина, а Габріэль взяла стаканъ чаю.

— Сердечное спасибо! Убѣгайте, господа, чтобы не схватить насморка. Спокойной ночи! и карета тронулась.

— Рѣдкая любезность и предусмотрительность, произнесъ Горинскій.—Я, признаюсь, съ удовольствіемъ выпилъ рюмку вина, да еще такого хорошаго. И эти бездѣльники тоже его отвѣдали!— съ улыбкой указалъ онъ на козлы.

— Я тоже охотно выпила чай, прибавила Габріэль.

Оба затѣмъ умолкли. Отецъ скоро задремалъ, а дочь задумалась. Безъ сомнѣнія, не малое мѣсто въ ея мечтахъ занялъ и послѣдній эпизодъ. Вернувшись домой и простившись съ матерью, Габріэль сѣла за письменный столъ и стала писать:

„Дорогая и милая тетенька!

„Вотъ и вся моя исповѣдь! Вырываю ее со дна души, изъ глубины сердца, и довѣряю только тебѣ, дорогая моя, такъ какъ ты этого желаешь и имѣешь на то право! Предъ мамой открыться я не смѣю, напротивъ: я старательно скрываю отъ нея все, чтобы не причинить ей ни малѣйшаго безпокойства. Читала я когда-то одну греческую повѣсть, въ которой разсказывается, что истинная любовь есть соединеніе двухъ душъ, первоначально составлявшихъ одну. Злой рокъ разорвалъ пополамъ эту душу и бросилъ части въ разныя стороны. Блуждая наугадъ по свѣту, въ тоскѣ и стремленіи соединиться, эти части иногда счастливо

Digitized by Google

сталкиваются во-время, но иногда... встрѣчаются и слишкомъ поздно! Это славная повѣсть, тетя!... И мнѣ кажется, что я встрѣтила свою братнюю душу, я почувствовала это въ первую же минуту нашей встрѣчи. Что будетъ дальше, дорогая моя, одному Богу извѣстно"...

Она описала тетѣ и ночной эпизодъ, имѣвшій въ ея глазахъ столько чарующей прелести.

„Вчера, писала она дальше:—были у насъ гости изъ Орлова, а съ ними и Станиславъ Орловецкій. На этотъ разъ они были съ визитомъ и просидѣли до поздняго вечера. Болѣе опредѣленнаго, болѣе важнаго я ничего не умѣю и не могу сказать. Онъ всегда очень внимателенъ, какъ будто отличаетъ меня среди другихъ, много говоритъ и какъ будто... находитъ въ этомъ особенное удовольствіе. А вѣдь по предмету разговора женщина легко можетъ узнать, какъ цѣнитъ ее тотъ, съ кѣмъ она говоритъ. Но ни однимъ словомъ, ни выраженіемъ лица или глазъ до сихъ поръ не выказывалъ онъ того, что и онъ встрѣтилъ свою братнюю душу. Родители поэтому видятъ въ немъ только достойнаго и любезнаго сосѣда, а я?... и сама не знаю: обманываюсь я или нѣтъ! Людовикъ Рембовичъ оказываетъ мнѣ большое вниманіе, за что я ему очень благодарна. Очевидно, онъ искренній и лучшій другъ Густава Орловецкаго".

Въ тотъ поздній вечеръ, о которомъ писала Габріэль, Орловецкіе уѣзжали изъ Сосницы въ замѣчательно хорошемъ расположеніи духа. Людовикъ бо́льшую часть дороги распѣвалъ отрывки изъ оперетокъ и разсыпался въ похвалахъ женщинамъ вообще и Габріэли—въ частности. Когда, по возвращеніи домой, они стали расходиться по своимъ комнатамъ, Людовикъ еще разъ шепнулъ своему другу:

— Вѣрь мнѣ, Густавъ, что Габріэль—это настоящій перлъ!

Густавъ съ улыбкой кивнулъ головой.

На третій день послѣ этого пришло письмо отъ Коморовича изъ Парижа. Густавъ покраснѣлъ и удалился въ свою комнату. Людовикъ замѣтилъ краску на лицѣ друга, насупилъ брови и сталъ ходить возлѣ открытыхъ дверей его комнаты. Густавъ сѣлъ за письменный столъ и разорвалъ конвертъ; въ письмѣ оказалась фотографическая карточка Дельфины. Она была вся въ бѣломъ, съ бѣлымъ кружевнымъ покрываломъ, падающимъ на лобъ. Густавъ слегка поблѣднѣлъ. Людовикъ все видѣлъ и прикусилъ губы.

Коморовичъ писалъ:

„Глазамъ сестры гораздо лучше, grâce à Dieu! Но Дельфина

Digitized by Google

сильно насъ безпокоитъ: что-то особенное съ ней творится: апатія ко всему продолжается и съ каждымъ днемъ все больше усиливается. Это еще счастье, если когда нибудь удастся вытащить ее въ общество или оперу. Представь себѣ, она непремѣнно хочетъ идти въ монастырь. Мать сильно опечалена, а я... я лучше не кончу. C'est plus fort que moi!

„Постоянно молится, бѣгаетъ по всѣмъ костеламъ—только и думаетъ, что о монастырѣ. Мы хотимъ какъ можно скорѣе увезти ее изъ Парижа и вернуться домой. Жаль только, что раньше весны это невозможно. Есть здѣсь нѣкая княжна Изидоръ, которая уговаривала ее непремѣнно сняться у знаменитаго фотографа. Долго Дельфина упорствовала, наконецъ согласилась снялась почти въ монашескомъ костюмѣ. Я протестовалъ, сколько возможно, но напрасно. Посылаю поэтому и тебѣ, милый Густавъ, нашу монахиню. Повѣрь, у меня и терпѣнія не хватаетъ! Случались здѣсь даже очень хорошія партіи, но она и слушать не хотѣла. Je ne comprends rien!

„А тебя все нѣтъ, хотя мы такъ разсчитывали, что проведемъ зиму вмѣстѣ въ новомъ Вавилонѣ. Что тебя задерживаетъ? Мы все таки еще ожидаемъ. Сестра проситъ передать тебѣ ея сердечный привѣтъ, Дельфина—тоже. Пріѣзжай же! Цѣлую тебя.

Ргосор".

Прочитавъ письмо, Густавъ задумался.

— Что тамъ такое?.. Что случилось? спрашивалъ Людовикъ, положивъ руку на его плечо.

— Не знаю, что и сказать...—Онъ передалъ Людовику письмо и сталъ ходить по комнатѣ.

Людовикъ со вниманіемъ прочелъ письмо и нахмурился.

Густавъ взялъ письмо и карточку и спряталъ въ столъ. Молча, вышли они въ залу, да и что имъ было говорить?... Священникъ изъ Заціонжа и Станиславъ, увлеченные разговоромъ о политикѣ, не обратили на нихъ вниманія. Съ этого дня измѣнилось расположеніе духа Густава, а Людовикъ былъ страшно золъ и постоянно искалъ случая нападать на женщинъ: называлъ ихъ комедіантками, фокусницами. Станиславъ ровно ничего не понималъ.

Въ февралѣ, въ Коржевѣ отпразновали свадьбу Лидіи съ Францомъ Заленжовскимъ въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ. Приглашали Держимірову, но та отказалась, боясь зимняго путешествія среди мороза и снѣжныхъ мятелей.

IX.

Съ весною, въ колоніи ремесленниковъ работа была въ пол-

Digitized by Google

номъ ходу: сотни рукъ умѣло и охотно дѣлали свое дѣло, лошади были въ постоянномъ движеніи. Къ маю надѣялись вполнѣ окончить десять первыхъ домовъ, и Людовикъ разсказывалъ всѣмъ, что владѣлецъ Орлова намѣренъ отпраздновать этотъ день. На освященіе будутъ приглашены всѣ сосѣди, а послѣ того будутъ забавы и угощеніе для крестьянъ Орлова.

Столяръ Матвѣй Зремба, одинъ изъ первыхъ мастеровъ будущей колоніи, былъ женихомъ горничной Каси, съ ранняго дѣтства служившей въ домѣ Горинскихъ. Свадьба должна была состояться въ скоромъ времени, и Габріэль уже приготовила для своей Каси приданое. Каждое воскресеніе женихъ навѣщалъ невѣсту, и въ Сосницѣ знали все, что происходитъ въ колоніи. Въ одно изъ воскресеній, Горинскій съ дочерью отправились въ Заціонжъ къ обѣднѣ. Было прелестное апрѣльское утро. Солнце обливало лучами сосновый лѣсъ и ярко изумрудную, сочную зелень полей. Габріэль съ восторгомъ упивалась свѣжимъ смолистымъ ароматомъ лѣса, съ радостью глядѣла на молодую растительность, и ея сердце наполнялось радостью. Возлѣ церковнаго кладбища отдѣльными группами стояли крестьяне и крестьянскія дѣвушки, весело болтая. Обѣдню Габріэль простояла на колѣняхъ у главнаго алтаря. Еще легче и радостнѣе стало у нея на сердцѣ послѣ горячей молитвы. При выходѣ изъ костела, къ нимъ подошли Густавъ и Людовикъ.

— А вы это откуда, господа? спросилъ Горинскій: — я васъ не видѣлъ въ костелѣ.

— Мы были на хорахъ, отвѣтилъ Густавъ:—Людовикъ обыкновенно тащитъ меня туда, такъ какъ любитъ играть на органѣ.

Къ нимъ присоединился священникъ и пригласилъ всѣхъ къ себѣ пить чай. Въ разговорѣ Рембовичъ, между прочимъ, замѣтилъ, что первую хозяйку новая колонія получитъ изъ Сосницы. Габріэль отозвалась о ней очень хорошо.

— И столяръ Матвѣй хорошій мастеръ и тоже славный малый. Однако, знаешь ли что, Густавъ? обратился Людовикъ къ своему другу:—проводимъ нашихъ сосѣдей до дому!

— Съ удовольствіемъ, если только мы не помѣшаемъ! обратился Густавъ къ Габріэли и Горинскому.

— Напротивъ, намъ будетъ очень пріятно, да и жена будетъ очень рада, отвѣтилъ Горинскій, пожимая имъ руки.

— Кстати, захватимъ съ собою и счастливаго жениха, продолжалъ Рембовичъ,—и поздравимъ невѣсту.

Дня два спустя, Густавъ прохаживался по залѣ. На лицѣ его не было слѣдовъ недавней грусти и мучительныхъ думъ, глаза

Digitized by Google

прояснились. Людовикъ, лежа на кушеткѣ и пуская кольцами дымъ, разсказывалъ что-то веселенькое. Онъ замѣтилъ перемѣну въ расположеніи духа своего пріятеля и былъ этимъ искренно доволенъ. Время отъ времени, онъ вспоминалъ о Габріэли, и ему казалось, что Густавъ съ удовольствіемъ слушаетъ его и охотно говоритъ о ней.

— Признаюсь, проговорилъ онъ, останавливаясь:—ея волненіе во время обѣдни въ прошлое воскресенье тронуло меня... я слѣдилъ за нею... Правдивость и искреннее чувство видны въ каждой чертѣ ея лица.

Густава тянуло къ Габріэли; при ней онъ чувствовалъ себя какъ будто счастливѣе, при видѣ ея и сердце молодаго человѣка сильнѣе билось, ея разговоръ оживлялъ его, мысленно повторялъ онъ ея выраженія, фразы, но... образъ Дельфины тотчасъ же являлся во всеоружіи своего очарованія и онъ снова чувствовалъ себя несчастнымъ. Людовикъ былъ убѣжденъ, что одна Габріэль можетъ сдѣлать Густава счастливымъ и старался передать это убѣжденіе своему другу. Теперь онъ радъ былъ обороту, какой принялъ ихъ разговоръ, и уже готовъ былъ рѣшительно приступить къ выполненію задуманнаго плана, какъ вдругъ вошелъ лакей съ письмами. Густавъ схватилъ первое изъ нихъ и слегка поблѣднѣлъ. Распечатавъ порывисто, онъ быстро пробѣжалъ его. Лицо его внезапно омрачилось.

— Что тамъ опять такое? поднялся Людовикъ съ кушетки, узнавъ по почерку, отъ кого это письмо.

Густавъ молча передалъ его.

„Мы сильно опечалены. Дельфина уже три дня въ монастырѣ! Сестра утопаетъ въ слезахъ. Не могу понять, что̀ дѣлается съ этой несчастной дѣвочкой! Блѣдная, comme un lys, она все молчитъ, груститъ и молится. Нужно во что бы то ни стало вырвать ее изъ этихъ стѣнъ и скорѣе ѣхать домой. Можетъ быть, путешествіе развлечетъ ее и излѣчитъ отъ этой manie monastique. Давно намъ слѣдовало бы это сдѣлать! Сегодня мало пишу, мнѣ кажется, que j'ai des rats dans la tête. Что случилось съ нашей бѣдной дѣвочкой!

„Когда будемъ въ Варшавѣ—сообщу. Навѣрно, ты захочешь тотчасъ же повидаться съ нами?...

Цѣлую тебя, cher cousin. До свиданія à bientôt!

Procop".

Людовикъ иронически улыбнулся, сложилъ письмо и бросилъ его на столъ. Густавъ схватилъ шляпу и вышелъ. Рембовичъ подошелъ къ окну и видѣлъ, какъ онъ быстро удалялся въ глубь

Digitized by Google

парка. Насвистывая пѣсенку, Людовикъ медленно послѣдовалъ за нимъ.

— Не поѣдетъ онъ въ Варшаву—нѣтъ!—бормоталъ онъ себѣ сквозь зубы:—онъ останется вдали отъ опасной сирены!

Съ этого дня расположеніе духа Густава снова измѣнилось къ худшему. Людовикъ выбивался изъ силъ, чтобы какъ нибудь разсѣять его: каждый день ѣздили они въ колонію ремесленниковъ и собрались даже какъ-то въ Сосницу, гдѣ пробыли до полуночи. Густавъ возвратился возбужденнымъ болѣе, чѣмъ когда нибудь.

— Только бы устранить воспоминаніе о той, и онъ будетъ счастливъ! твердилъ Людовикъ:—вѣдь эта—перлъ!.. а та... лучше и не говорить! той нуженъ только богатый мужъ—вотъ они и ловятъ владѣльца Орлова. Это ясно, какъ день. Этотъ демонъ очаровалъ его: онъ глядѣлъ на это солнце, и оно ослѣпило его, но... придетъ время—и онъ снова прозрѣетъ!

Между тѣмъ разнесся слухъ, что Эдмундъ Заленжовскій сдѣлалъ предложеніе второй дочери Вѣрушовскихъ. Обрученіе было назначено въ маѣ, въ день именинъ графини Вѣрушовской. На этотъ день были приглашены всѣ сосѣди, обѣщала пріѣхать и Держимірова. Густавъ также объявилъ о торжественномъ освященіи колоніи, приглашая всѣхъ. Въ этотъ же день онъ долженъ былъ дать и названіе своей колоніи, а это обстоятельство многихъ сильно интересовало.

Свадьба Каси съ Матвѣемъ прошла весело. Были на ней и Людовикъ съ Густавомъ. Густавъ велъ къ алтарю невѣсту, а изъ костела всѣ отправились въ Сосницу. За недѣлю до освященія колоніи, пріѣхали въ Орлово: Вацлавъ Ростиславскій, племянникъ покойнаго графа Казиміра, Станиславъ и Карлъ Орловецкіе. Всѣ трое—молодые и веселые люди. Благодаря этому, въ тихомъ до сихъ поръ замкѣ явилось движеніе и оживленіе.

— Знаешь ли, Густавъ, сказалъ на слѣдующій день за завтракомъ Станиславъ:—графиня Боручинская съ дочерью и братомъ уже въ Варшавѣ.

— Да, я получилъ отъ Коморовича письмо: онъ пишетъ объ этомъ.

— Я видѣлъ ихъ недѣлю тому назадъ. Дельфина по обыкновенію прелестна, къ тому же въ парижскомъ костюмѣ! Она приковываетъ къ себѣ всѣ взоры, производитъ фуроръ. Одинъ князь изъ-за Урала выразился про нее: c'est plus une femme de l'empire, и Коморовичъ съ восторгомъ повторяетъ эту фразу всѣмъ и каждому.

Digitized by Google

Густавъ поблѣднѣлъ и отвернулся, отдавая какое-то приказаніе лакею.

— Я видѣлъ ихъ въ Дрезденѣ, вмѣшался въ разговоръ Вацлавъ Ростиславскій:—и тамъ окружалъ Дельфину рой поклонниковъ. Улыбка ея—очарованіе, а взглядъ!...

— А не знаете ли вы чего нибудь о князѣ Миронѣ? спросилъ Людовикъ.

— Князь женится въ Галиціи на какой-то княжнѣ. Они въ Краковѣ.

— Дельфина восхитительна! воскликнулъ Карлъ:—но и опасна!

— Я слышалъ, будто она хочетъ сдѣлаться монахиней? замѣтилъ Людовикъ, искоса поглядывая на Густава.

— Прелестная Дельфина Боручинская—монахиней?! воскликнули всѣ вмѣстѣ съ неподдѣльнымъ изумленіемъ и разразились громкимъ смѣхомъ.

— Людовикъ подшутилъ надъ нами! произнесъ Станиславъ.

— Даю вамъ слово, что это извѣстіе мнѣ передали, какъ истину!

— Въ такомъ случаѣ, эта шутка вышла изъ другаго источника: Дельфина столько же похожа на монахиню, сколько я... ну, хоть на прачку! и Вацлавъ расхохотался:—Графиня и ея милѣйшій братецъ только и думаютъ, какъ бы барышня сдѣлала богатую и блестящую партію—это очевидно! И вдругъ... монастырь... монахиня! да это ѣдкая насмѣшка!

— И прелестная барышня тоже ищетъ только богатства,— прибавилъ Карлъ.

— Барышня... восхитительная... ослѣпительная... обворожительная... тянулъ Ростиславскій:—она привыкла къ роскоши, къ излишеству, къ поклоненію, къ блеску свѣтской жизни, къ Италіи и Парижу...

Людовикъ замѣтилъ блѣдность Густава, незамѣтно удалившагося изъ комнаты. Остальную часть дня онъ оставался въ возбужденномъ состояніи, хотя настолько владѣлъ собою, что гости ничего не замѣтили, кромѣ, разумѣется, его друга, обмануть котораго было трудно.

Когда стали расходиться, Людовикъ послѣдовалъ за Густавомъ въ его спальню.

— Я пришелъ поговорить съ тобой, началъ онъ:—такъ какъ отъ меня не ускользнуло твое возбужденіе и болѣзненное настроеніе. Стряхни, наконецъ, съ себя это несчастное очарованіе!

— Я и самъ говорю себѣ это, мой другъ, и стараюсь побѣдить себя. Но трудно отдѣлаться отъ того, что срослось съ моею

Digitized by Google

натурой. Она—первая моя любовь, любовь сильная, страстная, чистая... я вѣрилъ въ нее, какъ въ ангела. Потомъ, когда слетѣлъ окружающій ее свѣтлый ореолъ, я чуть съ ума не сошелъ отъ отчаянія... я испытывалъ адскія муки, хотя продолжалъ еще любить!.. Я долженъ былъ осуждать, а въ сердцѣ кипѣла страсть... борьба была ужасна!.. Наконецъ, я перестрадалъ, отрезвился, пришелъ въ себя... но и теперь я все еще страдаю!

— Потому, что ты слишкомъ добръ и благороденъ... и все еще остаешься подъ вліяніемъ ея чаръ.

— Да, но это только одно воспоминаніе и сожалѣніе о томъ, что мой ангелъ, моя святыня... обратилась въ ничто!

— Это сентиментальность, своего рода летаргія! Сбрось съ себя эти цѣпи, порви эти недостойные путы—и ты будешь счастливъ! Твое сердце, повѣрь мнѣ, стремится къ другой женщинѣ. Слѣдуй его указанію, довѣрься ему, и оно дастъ тебѣ утраченный покой и счастье! Для нея ты не будешь владѣльцемъ Орлова, а благороднымъ и дорогимъ Густавомъ, которому всецѣло отдастъ она свое дѣвственное сердце и свою чистую душу. Ты догадываешься, о комъ я говорю?

— Догадываюсь... и соглашаюсь съ тобою вполнѣ, но я узналъ ее слишкомъ поздно!

— Вздоръ! Разъ ты пришелъ къ подобному заключенію, не можетъ быть поздно: нужно только разсѣять проклятыя чары.

— Развѣ я не доказалъ, что умѣю владѣть собою? Я убѣжалъ... и не позволилъ привлечь себя ничѣмъ!

— Признаю и сознаю.

— Игрушкой я не былъ и никогда не буду. Не былъ я ею даже тогда, когда любилъ безумно... когда еще вѣрилъ... обольщалъ себя надеждою взаимной любви!..

— Это твое счастье, иначе ты бы погибъ. Однако, спокойной ночи! Мечтай о сосновомъ лѣсѣ, о доброй лѣсной феѣ. Это самое лучшее средство отдѣлаться отъ мучительныхъ думъ и сердечныхъ страданій.

X.

Съ роскошной лѣстницы Европейской гостинницы въ Варшавѣ граціозно сходила прелестная дѣвушка въ бѣлой кашемировой накидкѣ. Съ бѣлой шляпки спускалась на лобъ пунцовая роза; бѣлыя кружева, подвязанныя подъ подбородкомъ, какъ легкое облако, окружали ея лицо; изъ подъ шляпки выглядывали толстыя косы съ золотистымъ отливомъ. Длинное платье изъ дорогой матеріи,

Digitized by Google

въ бѣлыхъ и коричневыхъ полоскахъ, плотно и живописно облегало стройную фигуру. За нею слѣдовала степенная, румяная маменька. Молодая красавица обернулась къ ней, какъ бы недовольная, когда внизу лѣстницы показались другія двѣ дамы: розовая, вся въ веснушкахъ, Изельда и, одѣтая въ старомодный муаръ, Теодора.

— Дельфина! воскликнула первая, торопливо взбѣгая на встрѣчу бѣлой красавицѣ:—quel bonheur!

— Здравствуй, Иза!—отвѣтила та съ очаровательной улыбкой, но холодно.

Привѣтствіе старшихъ было изысканно-церемонно.

— Какъ я рада этой встрѣчѣ! снова воскликнула Изельда.

— Да, мы не видѣлись больше двухъ лѣтъ, отвѣчала Дельфина.

— Куда вы идете?

— Мы хотимъ пройтись немного по Саксонскому саду.

— Такъ и мы пойдемъ. Тетенька, милая, allons! Пойдемъ вмѣстѣ. Я въ восторгѣ, что встрѣтила дорогую, обожаемую Дельфиночку!

— Bien volontiers. Мнѣ столько доставляетъ удовольствія общество графини... И Теодора сдѣлала реверансъ.

— Пріятная встрѣча. Je suis charmée, отвѣчала графиня.

— Дельфина, Procop зайдетъ за нами? Въ такомъ случаѣ, идемъ.

Барышни взялись за руки по институтски и отправились впередъ. Прохожіе останавливались при видѣ бѣлой красавицы, а розовая Изельда принимала всѣ эти взгляды на свой счетъ. Когда онѣ досыта наговорились о Парижѣ, Дрезденѣ, Варшавѣ, театрахъ, балахъ, модныхъ костюмахъ и шляпкахъ, Дельфина спросила бывшую подругу:

— Что, Щитникъ далеко отъ города?

— Въ 14 верстахъ.

— Знаешь, Иза, что мы, вѣроятно, будемъ въ тѣхъ мѣстахъ. У насъ есть тамъ родственникъ, сынъ двоюродной сестры моего отца: вотъ, мы, можетъ быть, и навѣстимъ его.

— Кто же это?

— Густавъ Орловецкій въ Орловѣ.

— Графъ Густавъ Орловецкій?—воскликнула Изельда и покраснѣла.

— Ты его знаешь?

— И какъ еще! Онъ бываетъ у насъ... и у сосѣдей встрѣчаемся.

— Такъ онъ бываетъ у сосѣдей? съ удивленіемъ воскликнула Дельфина.

— Разумѣется, бываетъ.

Digitized by Google

— Какъ онъ тебѣ нравится?

— Очень!... Человѣкъ образованный, свѣтскій, parfaitement accomplì.

— Такъ онъ бываетъ въ Щитникѣ? Я очень этому рада, значитъ, будемъ видѣться, Et vous savez, chère Iza, comme je vous aime!

— Et moi, je vous adore!

— А у кого еще бываетъ мой кузенъ?

— Въ Коржевѣ у графовъ Вѣрушовскихъ,—Изельда состроила гримасу,—а тамъ шесть барышень!...

— И хорошенькія?

— Бѣло-розовыя, съ бирюзовыми глазками: настоящія куколки, какъ говоритъ тетенька. Графиня,—прибавила она интимно:—обладаетъ особеннымъ искусствомъ ловить мужей для своихъ дочерей. Для двухъ старшихъ уже поймали.

— А третью, должно быть, предназначаютъ для Густава?—замѣтила Дельфина съ ироническою улыбкой.

— Ты угадала! И эта третья—самая красивая.

— Ну, а что же Густавъ на это?

— Бываетъ у нихъ, развлекается... Да, нужно тебѣ еще знать, что эти барышни въ домашней жизни — настоящія горничныя. Безъ постороннихъ, тамъ бережливость поразительная, а на показъ—все по графски.

— И Густавъ часто тамъ бываетъ?

— Кажется, часто... потому что его постоянно приглашаютъ.

— Что тамъ разсказываетъ моя дѣвочка? спросила тетя Теодора, разслышавъ часть разговора, и вмѣстѣ съ графиней Боручинской присоединилась къ молодымъ дѣвушкамъ. Онѣ проходили по главной аллеѣ Саксонскаго сада.

— Ахъ, тетенька! Imaginez vous, Густавъ Орловецкій—близкій родственникъ Дельфины. Я разсказываю, что онъ бываетъ въ Коржевѣ, что его тамъ стараются поймать для Этельки...

— Этелька! Что такое Этелька? это куколка, форфоровая фигурка на этажерку. Личико красивое, но безъ всякаго выраженія: нѣтъ ничего интеллигентнаго.

— Но Густаву оно, можетъ быть, нравится...

— О, эта прельстить не можетъ! Такая кукла не заинтересуетъ Густава. Но тамъ есть другія, разставленныя ему, сѣти...

Боручинская бросила на дочь многозначительный взглядъ.

— Гораздо опаснѣе бирюзовыхъ глазокъ Этельки Вѣрушовской... продолжала тетя.

— Я была бы очень рада, вмѣшалась Дельфина:—еслибы

Digitized by Google

кузенъ влюбился и женился на дѣвушкѣ, подходящей къ нему по своему положенію.

— Но это вовсе не подходящая для него партія!

— Кто же это такая? спросила сильно заинтересованная графиня.

— Ея отецъ—управляющій казенными лѣсами... Онъ изъ хорошаго семейства, раньше жилъ въ свѣтѣ. Затѣмъ женился и у него одна дочь. Дѣвушка недурна собою...

— И мнѣ Габріэль больше нравится, чѣмъ Этелька! прервала ее Изельда.

— Прекрасно образованная, des bonnes manières, но опасная кокетка! заволновалась тетенька:—Ея мать разбита параличемъ уже нѣсколько лѣтъ, и дѣвушка приняла на себя роль жертвы, позируетъ въ роли дочери полной самоотверженія, представляетъ изъ себя олицетворенную скромность и непоколебимую добродѣтель; слезы всегда наготовѣ, а на губахъ—вѣчная ангельская улыбка. Ее окружаетъ ореолъ самоотверженія и безграничной любви къ безпомощной калѣкѣ-матери. Все это хоть кого можетъ заинтересовать; а у Густава, насколько мы его знаемъ, душа мягкая, возвышенная; онъ impressionable и немножко rêveur... Вѣдь я не ошиблась?

— Нисколько! воскликнула графиня, покраснѣвшая отъ внутренняго волненія.

— Вы его отлично разгадали, прибавила Дельфина невозмутимо и съ улыбкой на устахъ:—онъ, кромѣ того, сантименталенъ. Такъ онъ влюбился въ эту дѣвушку?

— Не знаю... вѣрно, немного заинтересовался.

— Что же тутъ такого, если бы онъ и дѣйствительно влюбился? Она изъ хорошаго семейства, образована и воспитана...

— Въ эту интриганку?.. чуть не взвизгнула старая дѣва, забывая даже, что онѣ идутъ по главной аллеѣ сада:—Всѣ ея движенія, всѣ фразы, всѣ поступки заранѣе обдуманы и разсчитаны на эффектъ; еще разъ повторяю, что это комедіантка, какихъ мало!... Густавъ достоинъ лучшаго!

— И онъ бываетъ у нихъ?

— У Горинскихъ? Бываетъ. Завлекаютъ его... къ тому же, у него есть дѣло въ этихъ лѣсахъ, такъ какъ онъ закупилъ тамъ строительный матеріялъ, задумавъ обширную колонію ремесленниковъ. Это громадное общественное благодѣяніе.

— Я узнаю его въ этомъ! засмѣялась Дельфина: — утопія! онъ всегда былъ оригинальнымъ мечтателемъ. Благородное сердце, но фантазеръ.

Digitized by Google

— Моему отцу это тоже не нравится, интимно произнесла Теодора, понижая голосъ:—да и къ чему это?... Цѣль—въ облакахъ!—сказалъ мой отецъ.

— Филантропическія фантазіи не покидаютъ его, прошептала Дельфина съ выраженіемъ явной иронiи.

— Des phantaisies ou des... bêtises, прибавила мамаша:—которыя стоятъ большихъ денегъ... впрочемъ, у него ихъ довольно, а потому пусть его дѣлаетъ, что хочетъ,—тутъ же спохватилась она.

Между тѣмъ подошелъ Procop въ своемъ неизмѣнномъ зеленомъ фракѣ и рыжемъ парикѣ, въ бѣлой шляпѣ и палевыхъ перчаткахъ.

— Мой братъ, Procop Коморовичъ, представила его графиня. Тотъ отвѣтилъ комплиментомъ, сталъ разсказывать о князѣ Х..., о княгинѣ У..., съ которыми только что разстался, сообщилъ парижскія новости, передалъ сестрѣ и племянницѣ сердечный привѣтъ княгини Венуччи-де-Торре. Выходя изъ сада, дамы простились. Боручинская съ Дельфиной и братомъ направились чрезъ Саксонскую площадь, а Теодора съ Изельдой пошли по направленію къ Театральной.

— Какъ только Боручинская вернется въ отель, сказала тетка, мы отправимся къ нимъ съ визитомъ, пригласимъ къ себѣ на чашку чая, проведемъ вечеръ вмѣстѣ, потомъ—въ Щитникъ. Можетъ быть, онѣ съ нами вмѣстѣ и поѣдутъ, такъ какъ, очевидно, у нихъ нѣтъ никакого плана.

— Это было бы великолѣпно! Разумѣется, мы вмѣстѣ отправились бы въ Коржево на обрученіе Ады.

— Только patience et persévérance! Никому ни слова! Всѣмъ сдѣлаемъ сюрпризъ.

— Вотъ видишь, неосторожная! въ то же самое время говорила Боручинская своей дочери:—ты оттолкнула Густава, и все теперь пропало. А между тѣмъ это была такая партія, какой не найти!

— Не пропало, еще! отозвался братъ:—у насъ еще всѣ шансы на успѣхъ. Я знаю, что Густавъ по прежнему влюбленъ, вижу это по его письмамъ,—я умѣю читать между строкъ. Стоитъ только мнѣ явиться къ нему, и я безъ особеннаго труда приведу его къ ногамъ его Беатриче.

— Такъ ли это? То же самое ты говорилъ и про Мирона.

— О покойникахъ не будемъ говорить.

— И Густавъ будетъ такимъ же покойникомъ: полюбитъ другую... Не пріѣхалъ онъ ни въ Парижъ, ни въ Варшаву, не смо-

Digitized by Google

тря на то, что ты такъ усердно приглашалъ его, сказала графиня.

— Par ambition! Но онъ страдалъ и страдаетъ. Все поправится.

Въ эту минуту мимо нихъ промчался модный экипажъ.

— Le prince!—вполголоса произнесъ дядя.

Сидящій въ экипажѣ молодой мужчина низко поклонился. Дельфина отвѣтила очаровательной улыбкой. Проѣхавшій съ видимымъ интересомъ обернулся, чтобы еще разъ взглянуть на бѣлую красавицу.

— Только снова не наглупите! кинулась графиня, позабывъ въ эту минуту даже свое графское достоинство:—это тоже комедія à la Miron. Ея цѣлью долженъ быть только одинъ Густавъ...

Когда они вернулись въ отель, лакей доложилъ о предсѣдательшѣ съ дочерью и внучкой. Разумѣется, ихъ встрѣтили очень любезно. Вечеромъ всѣ пили чай у предсѣдательши. Сближеніе между двумя семействами произошло полное. Дядя Procop былъ въ зенитѣ великосвѣтской любезности и сыпалъ тысячами лестныхъ комплиментовъ по адресу Теодоры. Между прочимъ, послѣдовало приглашеніе въ Щитникъ. Глазки графини засіяли отъ внутренняго удовольствія, но она заставила упрашивать себя. Въ концѣ концовъ порѣшили на томъ, что поѣдутъ всѣ вмѣстѣ.

— Да и зачѣмъ намъ оставаться здѣсь? замѣтилъ Коморовичъ:—теперь въ Варшавѣ скука!

— Ахъ, какъ я счастлива! лепетала Изельда, осыпая поцѣлуями свою обожаемую Дельфиночку.

На третій день они выѣхали изъ Варшавы.

XI.

Въ Коржевѣ собрались уже почти всѣ гости, а изъ Щитника, откуда обыкновенно являлись въ числѣ первыхъ, до сихъ поръ никого не было.

— Теодора написала вчера мамѣ, разсказывала Габріэли Ада:—что къ нимъ пріѣхали милые и дорогіе гости, и потому, не смотря на искреннее желаніе, онѣ не могутъ быть у насъ. Тогда мама очень любезно послала приглашеніе и для гостей. Изъ Щитника благодарили и обѣщали непремѣнно быть. Странно только, что Теодора не объявила, какіе у нихъ гости.

Подбѣжала Этелька и отозвала Аду. Въ то же время сѣлъ за рояль молодой артистъ, и изъ-подъ его пальцевъ полились тро-

Digitized by Google

гательные звуки знаменитой „L'inquiétude“ Дрейшока. Габріэль сидѣла возлѣ окна со стороны сада и, слушая музыку, въ задумчивости глядѣла на зелень мая. Румянецъ на ея лицѣ былъ сильнѣе обыкновеннаго; большіе сѣрые глаза свѣтились внутреннимъ огнемъ; полныя губки смѣло могли соперничать со спѣлой вишней. Счастье и миръ отражались на ея дѣвственномъ челѣ. Въ темныхъ волосахъ были вплетены нѣжные цвѣты яблони, съ легкимъ розовымъ оттѣнкомъ. На дѣвушкѣ было бѣлое легкое платье, розовый корсажъ съ бѣлыми и розовыми лентами на рукавахъ, на шеѣ и на рукахъ чешскіе гранаты.

Трогательно-грустные звуки вызвали въ душѣ дѣвушки разнообразныя чувства, которыя отразились и въ ея милыхъ чертахъ. Она продолжала глядѣть въ садъ, но какъ будто все дальше и глубже. Съ противоположной стороны слѣдила за ней пара синихъ глазъ: они все время глядѣли на свѣтлое выраженіе ея лица и тотчасъ же замѣтили на немъ перемѣну. Раздались послѣдніе аккорды произведенія Дрейшока. Со всѣхъ сторонъ посыпалось: „bravo“!—а молодая дѣвушка, еще не очнувшаяся, по прежнему смотрѣла вдаль.

— Вы такъ сильно углубились въ эти звуки, раздался возлѣ нея знакомый голосъ,—что до сихъ поръ остаетесь подъ ихъ впечатлѣніемъ...

Дѣвушка слегка вздрогнула, румянецъ сильнѣй выступилъ на щекахъ.

— Я люблю музыку, а молодой артистъ превосходно передалъ эту вещь, съ большимъ чувствомъ, съ тонкими оттѣнками.

— Васъ эти звуки даже унесли куда-то далеко: вы не были съ нами.

— Я слушала.

— Но душа ваша улетѣла, вы утонули гдѣ-то мечтою.—И Густавъ сѣлъ рядомъ съ Габріэлью. Въ залѣ было шумно. Одни окружили артиста, другіе о чемъ-то спорили. Барышни раздѣлились на двѣ группы, окруженныя молодежью. Нѣкоторыя вышли пройтись по саду.

Нѣсколько въ сторонѣ, Людовикъ началъ разсказывать группѣ молодежи что-то очень забавное, чтобы отвлечь вниманіе отъ пары, сидѣвшей у окна.

— Но вы не были мыслью въ этихъ мѣстахъ, упорно продолжалъ Густавъ.

— Мыслью... я была въ Сосницѣ, даже дальше... Уже одни описанія и картины береговъ Рейна, Швейцаріи и Италіи доставляютъ мнѣ большое удовольствіе.

Digitized by Google

— А между тѣмъ вы не хотѣли ѣхать туда съ вашей тетушкой.

— Потому что не могла, простодушно отвѣтила дѣвушка.

— И предпочли остаться въ бѣдной красотами Сосницѣ?

— А развѣ могло быть иначе?

— Вѣрьте мнѣ, произнесъ Густавъ, понижая голосъ:—что и для меня Сосница имѣетъ большую прелесть.

Сердце Габріэли сильно забилось: она, видимо, смутилась.

— Какъ былъ бы я счастливъ, продолжалъ Густавъ:—если-бы и ваша матушка могла присутствовать при освященіи моей колоніи.

— Но это невозможно!

— Вашъ папа былъ такъ добръ! сдѣлалъ мнѣ нѣкоторыя замѣчанія. Я послѣдовалъ его указаніямъ, которыя, дѣйствительно, оказались спасительными. Вѣдь это первые мои шаги, а опытности у меня слишкомъ мало.

— Вы много путешествовали, много видѣли...

— Да... но мало воспользовался этимъ. Не хотите ли и вы помочь мнѣ?

— Я?.. Да что же я могу сдѣлать?

— Въ васъ есть любовь къ людямъ, и вы понимаете ихъ нужды, угадываете ихъ. Въ особенности, что̀ касается сельской школы, пріюта, больницы. Выскажите мнѣ ваши взгляды, и я вамъ буду сердечно благодаренъ. Вы не знаете еще теперешней квартиры вашей Каси?

— Нѣтъ... я желала быть у нея...

— Хотите навѣстить ее послѣ завтра? Катерина Зремба, очень умѣлая хозяйка. Ея садикъ чище и красивѣе прочихъ... кажется, это будетъ счастливое супружество.

— Она въ восторгѣ отъ своего хозяйства. Недавно она была у насъ въ Сосницѣ и много разсказывала о своемъ домикѣ и разныхъ предположеніяхъ.... Вдругъ Габріэль замѣтила, что Густавъ внезапно поблѣднѣлъ, а глаза его, широко раскрытые, уставились въ одну точку. Она обернулась и увидѣла восхитительную женскую фигуру, только что прибывшую. Она стояла въ полъоборота. Бѣлое платье изъ матовой матеріи, обшитое перлами, живописно облегало ея высокую и стройную фигуру. Корсажъ изъ пурпуроваго бархата, въ волосахъ—темнопунцовые цвѣты съ черными листьями, на шеѣ и рукахъ перлы съ брилліантовыми застежками—завершали туалетъ красавицы. Все это Габріэль окинула однимъ взглядомъ. Незнакомка была чудо какъ хороша, а костюмъ ея выдѣлялся между всѣми...

Густавъ поднялся. Габріэль не смѣла взглянуть на него, ис-

Digitized by Google

пытывая какое-то незнакомое ей чувство. Она увидѣла Теодору въ гребенкѣ съ бриллiантами, Изельду въ розахъ и лиліяхъ; слышала шелестъ платьевъ, привѣтствія, поклоны, громкіе комплименты—все это дѣйствовало на нее крайне непріятно: въ ушахъ у нея шумѣло, въ глазахъ—рябило. Она подняла глаза: Густавъ по прежнему стоялъ блѣдный, измѣнившійся; сердце ея сжалось,—она все поняла!

Ливія и Ада, сопровождая прибывшую красавицу, представляли ей присутствующихъ, и Габріэль разслышала фамилію: графиня Дельфина Боручинская. Она слѣдила за ней взглядомъ, восхищалась ея красотою, а сердце ея все больше сжималось. Пришла очередь и до нея. Она поднялась и поклонилась. Прелестная графиня только кивнула головой и, протягивая руку Густаву, воскликнула съ очаровательной улыбкой:

— Здравствуй, Густавъ! Вотъ неожиданная встрѣча!

Густавъ отвѣтилъ что-то, но Габріэль не разслышала—голова ея кружилась.

— Что ты подѣлываешь? Давно мы съ тобой не видѣлись!

— Да, давно, кузина!—отвѣтилъ Густавъ, и Габріэли показалось, что его глухой голосъ дрожалъ.

— Въ прекрасной, но скучной Италіи! весело проговорила Дельфина:—Со всѣми своими прелестями она мнѣ ужасно надоѣла... Но иди же, поздоровайся съ мамашею! Она очень обрадуется. А вотъ и твой дядя!

Къ нимъ направлялся Коморовичъ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, облитый духами. Густавъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу. Коморовичъ заключилъ молодаго родственника въ объятія. Затѣмъ они вмѣстѣ подошли къ немолодой уже, но одѣтой по модѣ дамѣ, которая подала ему обѣ руки. Больше Габріэль уже ничего не видѣла.

Къ ней подошла Ливія, затѣмъ подбѣжала Этелька. Онѣ что-то говорили, о чемъ-то разсказывали, она улыбалась, хотя ничего не понимала. Только спустя нѣсколько минутъ, она пришла, наконецъ, въ себя. Подошелъ Рембовичъ и сѣлъ возлѣ нихъ.

— Откуда взялись эти графини Боручинскія? спросилъ онъ, съ трудомъ скрывая дурное расположеніе духа.

— Онѣ пріѣхали съ семействомъ предсѣдателя,—отвѣтила Ливія:—у котораго гостятъ уже нѣсколько дней.

— А!... Должно быть, онѣ еще прогостятъ у нихъ.

— Какъ вамъ понравилась молодая графиня? обратился онъ къ Габріэли.

— Она прелестна! произнесла Габріэль, стараясь улыбнуться.

Digitized by Google

— Красавица замѣчательная! воскликнула Ливія.

— Красавица!.. Видѣлъ я когда-то „Цыганъ“ Корженевскаго. Вы знаете эту драму?

— Читала.

— Не знаю, одновременно отвѣтили Ливія и Этелька.

— Я видѣлъ ее на сценѣ. Играли превосходно, и я никогда не забуду того выраженія, съ какимъ Ная говоритъ о Гульдѣ: „Она красавица, но страшная“.

— Разумѣется, вы этого не относите къ графинѣ? спросила удивленнаи Ливія.

— Нѣтъ, но... при словѣ „красавица“ я только вспомнилъ знаменитую артистку, которая съ такимъ неподражаемымъ удареніемъ произнесла: „красавица, но страшная!“

— M-lle Дельфина, гдѣ бы ни явилась, вездѣ производитъ фуроръ.

— Громадный!.. А сегодня па ней такой костюмъ, какъ будто она собралась на балъ въ Тюльери.

Графиня Боручинская удержала при себѣ Густава, разспрашивая его и, въ свою очередь, разсказывая разныя разности. Нѣсколько въ сторонѣ, въ классической позѣ стояла Дельфина. Изельда восторженно вертѣлась возлѣ нея, а она принимала это поклоненье съ легкою улыбкой, полной очарованія.

— Какъ жарко! прошептала Габріэль, поднося платокъ къ пылающему лицу.

— Не пройтись ли намъ немного по саду? и Ливія подала ей руку.

— Да, въ саду теперь прелестно! воскликнулъ Рембовичъ:— Я къ вашимъ услугамъ.

И они втроемъ отправились въ садъ. Габріэли казалось, что все вмѣстѣ съ ней кружится, все измѣнило видъ и краски, такъ что чарующей прелести во всемъ, чѣмъ еще такъ недавно она восхищалась, какъ не бывало.

Къ обѣду велъ ее Францъ Заленжовскій. Напротивъ сидѣли Ливія и Людовикъ, немного подальше—Дельфина, а Густавъ былъ еще дальше. Когда провозгласили здоровье жениха и невѣсты, музыка грянула тушъ, и мужчины съ бокалами спѣшили поздравить молодыхъ. Габріэль встрѣтилась взглядомъ съ Густавомъ. Лицо его горѣло.

— Ты такая блѣдная, Габріэль! нагнулась къ ней Ливія: — вѣрно у тебя голова болитъ?

— Немного,—тихо отвѣтила Габріэль.

— Выпей вина, можетъ быть, будетъ лучше.

Digitized by Google

— Пройдетъ!

Послѣ обѣда начались танцы. Держимірова подошла къ племянницѣ и, съ выраженіемъ материнской заботливости, спросила:

— Что съ тобою? Ты такъ блѣдна... Я еще за обѣдомъ замѣтила.

— Ничего, тетя! Жарко... и голова немножко болитъ, но это пройдетъ.

Габріэль даже танцовала, но иногда ей казалось, что вихрь стремительно уноситъ ее и все съ нею кружится, а иногда,—что ея маленькія ножки отяжелѣли и точно прирастаютъ къ паркету. Дельфина, все время окруженная и приглашаемая на расхватъ, танцовала почти безъ отдыха. Густавъ не танцовалъ вовсе. Послѣ мазурки онъ подошелъ къ Габріэли.

— Вы такъ много танцуете, развѣ это не утомительно?

— Я люблю танцы.

— Въ особенности мазурку, не правда ли?

— Да, мазурку больше другихъ... А вы вовсе не танцуете?

— Не особенно люблю, а сегодня къ тому же и не расположенъ.

Къ Густаву подошелъ Прокопъ и, взявъ его подъ руку, увелъ съ собою. Людовикъ, бывшій по близости, сжалъ кулаки.

— Я съ удовольствіемъ услышалъ о послѣзавтрашнемъ торжественномъ освященіи твоей колоніи, на которое ты пригласилъ сосѣдей,—заговорилъ дядюшка Дельфины:—мы тоже пріѣдемъ къ тебѣ всѣ, en masse, изъ Щитника.

— Разсчитываю на эту честь, отвѣтилъ молодой помѣщикъ довольно холодно.

— Непремѣнно! А мы очень счастливы, что Дельфина снова приходитъ въ нормальное состоянье. Вотъ что значитъ—быть въ родномъ краю! Однако, намъ едва удалось вырвать ее изъ монастыря: непремѣнно хотѣла остаться... Зато и бѣжали же мы оттуда, что называется, на всѣхъ парахъ. Теперь она совсѣмъ другая стала. Снова все стало ее интересовать, она ожила, и ее даже занимаютъ костюмы, цвѣточки, кружева! Счастливый случай столкнулъ насъ въ Варшавѣ съ семействомъ предсѣдателя: это старая дружба, еще изъ Дрездена, гдѣ дѣвушки вмѣстѣ воспитывались. Вотъ они и пригласили насъ къ себѣ. Да вѣдь и ты бываешь въ Щитникѣ?

— Былъ...

— Такъ пріѣзжай же теперь почаще. Это очень достойное семейство. Предсѣдатель—настоящій grand seigneur, она—почтенная дама; Теодора замѣчательно умная женщина, а Изельда—

Digitized by Google

une charmante demoiselle... Но скажи мнѣ, пожалуйста, кто та барышня, съ которой ты только что разговаривалъ?

— M-lle Горинская.

— А, Габріэль Горинская! Недурна, но есть въ ней что-то вульгарное.

— Отчего же не сказать прямо — противное? Густавъ покраснѣлъ.

— Cher cousin! Ты во всемъ видишь только хорошее. У тебя очень доброе сердце!.. Признаюсь, мнѣ очень хотѣлось увидѣть ее, такъ какъ я много наслышался о ней.

— Долго вы пробыли въ Варшавѣ? заговорилъ Густавъ, не желая слушать того, о чемъ наслышался его родственникъ.

— Нѣсколько дней. Мнѣ разсказывали...

— Ну, какъ же тамъ въ Варшавѣ?

— Провели время очень весело. Но мнѣ говорили о ней, что это замѣчательно опытная комедіантка....

— Были вы въ театрѣ? порывисто прервалъ его Густавъ.

— Были, но я говорю объ этой Горонской, или Горинской, какъ ее тамъ зовутъ: она—une comédienne assommée...

— Извините, кузенъ, но я замѣчаю, что хозяйка хочетъ говорить со мной... и Густавъ поспѣшно удалился. Прокопъ сѣлъ возлѣ Теодоры.

Гости стали разъѣзжаться только утромъ. Габріэль съ удовольствіемъ тоже поѣхала бы домой, но должна была остаться съ Держиміровой, уступившей настоятельнымъ просьбамъ хозяевъ. Горинскій обѣщалъ пріѣхать на освященіе колоніи и оттуда забрать ихъ домой. Пришлось согласиться, тѣмъ болѣе, что это было уже рѣшено раньше.

— Ты очень блѣдна, милочка!—снова начала тетя, когда онѣ уже были въ своей комнатѣ:—Что съ тобою? Не больна ли ты?

— Ничего! Я только утомлена, да и этотъ блѣдный свѣтъ утра мало способствуетъ оживленію лица, прибавила она, желая успокоить добрую тетю.

Горничная плотно закрыла ставни. Габріэль легла, притворилась засыпающею, но не могла уснуть. Все время преслѣдовала ее очаровательная фигура Дельфины и образъ Густава, блѣднаго, съ помутившимся взглядомъ, съ печатью борьбы и душевной муки на лицѣ. Бѣдное сердце болѣзненно билось въ ея груди.

Густавъ ѣхалъ со Станиславомъ въ пролеткѣ, а Людовикъ, Вацлавъ и Карлъ сѣли въ коляску.

— Графиня Дельфина всѣмъ сдѣлала сюрпризъ своимъ появленіемъ въ Коржевѣ, началъ Станиславъ.

Digitized by Google

— Однако, это не спроста. Тутъ что нибудь да есть: навѣрно, у нихъ какой нибудь планъ, если онѣ поселились въ Щитникѣ.

— Дѣвушки вмѣстѣ воспитывались.

— Ну, этого мало!—Станиславъ, можетъ быть, догадывался, что Густавъ былъ притягательной силой, только не хотѣлъ высказать этого прямо.

Вацлавъ и Карлъ наперерывъ восторгались красотой прелестной Дельфины, въ особенности Карлъ.

— Вижу, что она окончательно очаровала тебя, засмѣялся Людовикъ:—„Уже окунулся, уже исчезаешь въ пучинѣ!“ прибавилъ онъ шутливо.

— Поэтому-то и бѣгу отсюда какъ можно скорѣе. Буду еще только на завтрашнемъ торжествѣ. Дельфина слишкомъ опасна, а мой девизъ: „съ огнемъ—осторожно!“ Не для меня она, и отравила бы мнѣ каждую минуту жизни!

— Я тоже въ Аркадіи родился, шутилъ Вацлавъ:—и я годъ тому назадъ съ ума сходилъ по ней. Но... у меня нѣтъ милліоновъ, и потому все прошло и все исчезло!

Въ такомъ духѣ проболтали они всю дорогу.

Когда они были уже дома, Людовикъ сказалъ Густаву:

— Вотъ и пріѣхала!

— Да, пріѣхала! отвѣтилъ тотъ и пожалъ плечами.

Людовикъ заглянулъ въ его глаза и, успокоенный, удалился въ свою комнату.

XII.

Хорошенькіе бѣлые домики съ большими окнами, съ дверьми и ставнями зеленаго цвѣта были украшены свѣжею зеленью, вѣнками и разноцвѣтными флагами. Каждое зданіе въ отдѣльности,—сараи, конюшни, хлѣвы,—все было убрано различно. Передъ каждымъ домомъ красовался садикъ, огороженный заборомъ, а на грядкахъ зеленѣли овощи. Нѣсколько въ сторонѣ, на холмѣ, былъ поставленъ крестъ, окруженный кустами и деревьями. По близости кузницы, въ готическомъ стилѣ, стоялъ столбъ, а къ нему были прикрѣплены, какъ подходящія арматуры, всевозможныя ремесленныя орудія, украшенныя тоже вѣнками, лентами и флагами.

Во всемъ видны были симметрія и искусство. Посрединѣ—большая полляна, покрытая свѣжей травой, вокругъ которой вбиты колья, соединенные между собою гирляндами изъ дубовыхъ листьевъ. На столбикахъ стояли фонари, а къ гирляндамъ были подвѣ-

Digitized by Google

шены цвѣтные шкалики. На полянѣ—скамейки и столы заставленные кушаньями и напитками. Пирамиды изъ лампъ и плошекъ между домами, по данному сигналу, должны были освѣтить всю колонію.

Недалеко отъ поляны была эстрада для музыкантовъ, привезенныхъ изъ города. Среди всего этого хлопотала Катерина Зремба, въ качествѣ первой хозяйки, а съ нею и другія жены и сестры ремесленниковъ. Гости изъ Орлова, вмѣстѣ со священникомъ изъ Заціонжа, прибыли раньше, чтобы осмотрѣть, все ли сдѣлано, какъ нужно. Съ ними прибыло нѣсколько чиновниковъ въ полупарадной формѣ. Прислуга замка привезла обильный запасъ закусокъ, кушаній и винъ, серебро, фарфоръ и хрусталь. Раньше другихъ гостей прибылъ Горинскій, а вслѣдъ за нимъ пять колясокъ изъ Коржева. Мужчины поспѣшили помочь дамамъ выйти изъ экипажей; молодой помѣщикъ привѣтствовалъ ихъ. Габріэль была очень хороша собой, только лицо ея, блѣднѣе обыкновеннаго, выражало утомленіе. На ней было лиловое платье, соломенная шляпка, украшенная фіалками, и накидка. Обрадованная Кася подбѣжала привѣтствовать дорогую барышню и повела ее въ свой домикъ. Габріэль съ удовольствіемъ присматривалась къ чистотѣ и порядку въ ея уютной квартиркѣ. Мужъ, столяръ, самъ сдѣлалъ хорошенькую мебель. Кася повѣсила на стѣнахъ образа и фотографическія карточки Габріэли и Горинскихъ; въ стеклянномъ шкафѣ разставила стаканы и чашечки, на комодѣ и окнахъ—букеты лѣсныхъ цвѣтовъ. Окна украшали чистыя занавѣски. Молодая хозяйка съ радостью показала бы и свою корову, которой не могла достаточно нахвалиться, но та еще не вернулась съ поля. Когда Габріэль выходила изъ домика, на встрѣчу ей шелъ владѣлецъ Орлова.

— Довольны вы осмотромъ хозяйства вашей бывшей горничной? спросилъ онъ.

— Очень! отвѣтила Габріэль:—да и вообще здѣсь все такъ хорошо.

Никто не зналъ, какъ назоветъ молодой помѣщикъ свою новую колонію. На всѣ разспросы, обращенные къ Людовику по этому поводу, онъ отвѣчалъ, что это останется въ тайнѣ до дня освященія колоніи.

Приближалось нѣсколько колясокъ, и кто-то крикнулъ: „изъ Щитника!“

Габріэль невольно взглянула на Густава, замѣтила, какъ онъ покраснѣлъ, и сердце ея снова болѣзненно сжалось.

Коляска остановилась, и владѣлецъ Орлова поспѣшилъ къ

Digitized by Google

гостямъ. Онъ былъ блѣденъ, и Габріэль замѣтила это. Онъ повелъ подъ руку графиню Боручинскую, а рядомъ шла Дельфина съ Карломъ Орловецкимъ. При бѣломъ платьѣ на ней была голубая накидка; круглую бѣлую шляпку украшало малиновое перо. Она все время заговаривала съ Густавомъ.

— Сатана! прошепталъ сквозь зубы Людовикъ.

Графъ Вѣрушовскій велъ предсѣдательшу, а возлѣ него жестикулировалъ предсѣдатель. Дальше слѣдовали Теодора съ Прокопомъ и рѣзвящаяся Изельда, въ сопровожденіи Вацлава. Когда всѣ уже были въ сборѣ: и гости, и хозяева новой колоніи, и большая толпа крестьянъ, священникъ въ облаченіи сталъ на холмикѣ, возлѣ креста, обратился къ собравшимся и сказалъ небольшую рѣчь, послѣ чего произнесъ коротенькую молитву, которую повторили присутствующіе. Затѣмъ подошелъ причетникъ со святой водой, и священникъ окропилъ колонію, названную „Казиміровою Волей". Все общество, со священникомъ во главѣ, обошло колонію вокругъ.

— Отчего, дорогой Густавъ, ты не назвалъ иначе твоей колоніи? спросила графиня Боручинская, все еще опиравшаяся на его руку.

— Дядя мой былъ Казиміръ, а устроить эту колонію было его желаніемъ, его волею.

— Но вѣдь теперь это твоя воля!

— Я только продолжаю его дѣло, привожу въ исполненіе *его* волю.

— Скорѣе нужно было назвать „Густавова Воля", или же, прибавила она съ улыбкой:—по имени избранницы твоего сердца, твоей будущей жены.

— У меня нѣтъ еще невѣсты.

— Но, можетъ быть, и даже очень скоро, замѣтила она съ Удареніемъ, понижая голосъ:—положись только на меня... прибавила она еще тише и пожала ему руку.

Прокопъ продолжалъ вести подъ руку Теодору, которая разсказывала что-то о Монпансье, о Версалѣ и Тріанонѣ.

— Какъ вамъ нравится это деревенское торжество? спрашивалъ Дельфину ея кавалеръ, Карлъ Орловецкій.

— Немножко скучновато... и чувствительно...

— Но вы одобряете планъ Густава?

— Вы меня захватили врасплохъ, и я, право, не знаю, что вамъ отвѣтить.

— Вы? Трудно этому повѣрить!

— Вѣрьте. На нѣкоторые вопросы у меня не достаетъ умѣнья.

Digitized by Google

Когда начался обходъ, Людовикъ подошелъ къ Габріэли и подалъ ей руку.

— Что вы скажете насчетъ названія колоніи?

— Мнѣ оно очень понравилось, трудно подъискать болѣе подходящее!.. Оно дѣлаетъ честь благодарному племяннику, почтившему такимъ образомъ память покойнаго, произнесла она взволнованнымъ голосомъ.

Началось угощеніе, и дружное „вивать!“ и „ура!“ то и дѣло оглашало воздухъ. Когда стало смеркаться, зажгли лампы, плошки и фонари. Кузница буквально была залита огнями, а на домахъ загорѣлись транспаранты. Это былъ маленькій сюрпризъ молодому помѣщику. На одномъ изъ нихъ свѣтились его иниціалы; на другомъ: „честь основателю“; на третьемъ: „Боже благослови“! Затѣмъ слѣдовали: „Счастье и удача!“ „Признательность и благодарность!“ „Вѣра и Трудъ!“

Изъ-за стола общество тронулось для обозрѣнія транспарантовъ.

— Кузенъ, дай мнѣ руку! Я слишкомъ устала, а тутъ такая тѣснота, проговорила Дельфина. Изельда подхватила Габріэль.

— Славный праздникъ, не правда ли? Только немножко скучный... будутъ ли танцы?

— Должно быть, нѣтъ, замѣтила Габріэль:—но крестьяне вѣрно потанцуютъ.

— А я хотѣла бы немножко попрыгать. Дельфина должна бы устроить это... Ахъ, ты, можетъ быть, не знаешь, что она будетъ нашей сосѣдкой?

Габріэль чувствовала, что ея сердце перестаетъ биться.

— Нѣтъ, не знаю, съ трудомъ выговорила она.

— Нужно тебѣ сказать, что Густавъ уже болѣе двухъ лѣтъ влюбленъ въ нее, влюбленъ безумно, страстно... Дельфина постоянно отталкивала эту любовь и онъ par rancune заперся въ своемъ Орловѣ, но увидѣлъ ее здѣсь случайно, и страсть овладѣла имъ съ прежнею силою... не правда ли, это совсѣмъ, какъ въ романахъ.

Габріэль не могла выговорить ни слова.

— Par hasard столкнулись мы съ Боручинскими въ Варшавѣ; съ Дельфиной мы всегда были очень дружны... мы съ ней вмѣстѣ воспитывались въ Дрезденѣ. Желая доставить мнѣ удовольствіе, бабушка и тетя пригласили ихъ въ Щитникъ. Разумѣется, Дельфина не знала, что это въ сосѣдствѣ съ Орловымъ, иначе она ни за что не поѣхала бы. Но теперь все какъ-то уладилось. Тетя даже утверждаетъ, что она съ расчетомъ отклоняла его любовь, чтобы вѣрнѣе овладѣть имъ. Вѣдь это такая прекрасная, блестящая

Digitized by Google

партія! Графиня и дядя всегда стояли за него. А славные это будутъ сосѣди!.. Да и Вацлавъ очень интересный молодой человѣкъ... Мнѣ онъ даже больше нравится, чѣмъ le grand héritier. Правда, и онъ влюбленъ по уши и къ тому же страдаетъ.

Габріэль молчала, у нея дыханіе спиралось въ груди. Въ это время прошелъ мимо Густавъ подъ руку съ Дельфиной.

— Voilà! Видишь? L'affaire est faite!

Бѣдная, обманутая въ своихъ надеждахъ Габріэль чуть не споткнулась; у нея подкашивались ноги. Прошла мимо и Теодора, опиравшаяся на руку Вацлава, и вечерній вѣтерокъ подхватилъ произнесенное ею имя: Эпаминондъ...

— Вамъ холодно? обратился Людовикъ къ Габріэли:—я сбѣгаю къ колясками и принесу что нибудь потеплѣе.

— Нѣтъ, благодарю! Мнѣ совсѣмъ не холодно, произнесла Габріэль.

Осмотрѣвъ транспаранты, общество вернулось на поляну. Пустили нѣсколько десятковъ ракетъ, музыка играла, не умолкая. Изельда присоединилась къ Дельфинѣ, а къ Габріэли подошла Этелька съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ на прелестномъ личикѣ.

— Ахъ! шепнула она:—что мнѣ говорилъ Карлъ, будто... будто Густавъ женится на Дельфинѣ Боручинской!

— Мнѣ говорила объ этомъ Изельда, отозвалась Габріэль.

Сигналъ къ отъѣзду подала графиня Вѣрушовская.

— Ужь десять часовъ! произнесла она:—тутъ вѣрно захотятъ потанцовать, и мы только мѣшаемъ.

Все общество направилось къ колясками.

— У васъ есть что нибудь потеплѣе? обратился къ Габріэли Густавъ.

— Есть, благодарю васъ!

— Ночь холодна, а вамъ далеко до дому.

Онъ усадилъ Держимірову, потомъ помогъ сѣсть и ей.

— Хорошо повеселилась? спросилъ отецъ у Габріэли.

— Отлично! и сердце бѣдной дѣвушки разрывалось отъ страданій.

По возвращеніи домой, къ Габріели вошла встревоженная тетка.

— Ты была такъ блѣдна весь день, а глаза твои затуманены. Что съ тобой?

По тѣлу дѣвушки пробѣгала дрожь.

— Разскажи мнѣ все! и она усадила ее на диванъ.

И Габріэль разсказала все, начиная съ того, какъ поблѣднѣлъ Густавъ при видѣ Дельфины.

Digitized by Google

— Можетъ быть, все это только пустые разговоры, неосновательныя предположенія!

— Нѣтъ, это слишкомъ очевидно! Со времени той встрѣчи, онъ измѣнился до неузнаваемости. Онъ ее любитъ безумно! Я замѣтила, какую бурю производитъ въ немъ одинъ видъ Дельфины!

— А съ какимъ жаромъ говорилъ онъ съ тобою у окна, въ день именинъ!.. Я глядѣла на васъ и читала въ его глазахъ.

— Должно быть, онъ бѣжалъ отъ самого себя, искалъ только забвенія... дѣлалъ все, чтобы забыть свою любовь.

— И грѣшилъ въ отношеніи тебя! Это неблагородно, нечестно!

— Обо мнѣ онъ и не думалъ, не предполагалъ, что увлекаетъ меня несбыточными надеждами!.. а вѣрнѣе, я сама себя обольщала, неосторожная! Его я не виню!

— А ее?

— Она!.. О!..—и болѣзненно сложились поблѣднѣвшія губы дѣвушки:—она будетъ его женой, чтобы сдѣлаться владѣтельницей Орлова!.. Бѣдный жестоко ошибется, такъ какъ она не умѣетъ любить и никогда никого не полюбитъ!

— Бѣдная ты моя!..

— И онъ бѣдный, тетя! Я еще верну утраченный миръ съ помощью молитвы, при дорогой мамѣ... Ты тоже будешь стараться утѣшить меня. Мои желанія всегда были скромны. Чудныя мечты дали мнѣ минуты счастья: воспоминанія о нихъ будутъ для меня всегда дороги... и этого для меня достаточно... Я съумѣю быть довольной своею судьбой. Хорошій это былъ сонъ — но все исчезло. Снова Сосница будетъ для меня единственнымъ раемъ!.. ласки матери и разговоръ съ хорошимъ, нѣжно любящимъ отцомъ—моимъ единственнымъ счастьемъ! Я верну спокойствіе,—утѣшала себя Габріель:—снова буду такою же, какъ прежде... пробужденная отъ золотыхъ сновидѣній, отрезвленная дѣйствительностью и дорогими обязанностями!.. Но онъ, бѣдный, достоинъ сожалѣнія! Любить всѣмъ сердцемъ, всею душей, всѣмъ существомъ—и безъ взаимности! Быть предметомъ разсчета, быть обманутымъ... но настанетъ время, спадетъ съ его глазъ завѣса... и онъ увидитъ себя одинокимъ и несчастнымъ!—Габріэль уже не въ состояніи была крѣпиться, и горячія слезы ручьемъ потекли по бѣдному, измученному лицу.

Долго онѣ еще говорили. Долго еще Габріэль изливала свое наболѣвшее сердце и не столько страдала за себя, надъ своей горькой долей, сколько за участь любимаго человѣка, которому отдала и душу, и сердце. Тетка не перебивала ея, въ на-

Digitized by Google

деждѣ, что эта исповѣдь, вырвавшаяся изъ глубины души, изъ сокровенныхъ тайниковъ сердца, облегчитъ и успокоитъ бѣдную. Она могла утѣшать ее только самыми обыкновенными, обыденными фразами, но не рѣшалась подать дѣвушкѣ ни малѣйшаго луча надежды, не хотѣла увѣрять ее, что всѣ разсказы и сообщенія—только пустая болтовня и неосновательныя предположенія, какъ это часто случается въ свѣтѣ. Не рѣшалась она утѣшать Габріэли подобнымъ образомъ, опасаясь подвергнуть ее новому разочарованію. Обѣ онѣ мало спали въ эту ночь, и на слѣдующій день Габріэль была еще блѣднѣе. Родители безпокоились, но она улыбкой старалась разсѣять ихъ опасенія.

XIII.

Подъ тѣнью развѣсистаго каштана, по близости замка, сидѣли: Вацлавъ, Станиславъ, Карлъ, Людовикъ и хозяинъ дома. Передъ ними стояли зельтерская вода, вино и лондонскіе muffin'ы. Часъ былъ послѣобѣденный, а обѣдали въ Орловѣ всегда въ два часа. Они весело болтали. Людовикъ былъ въ замѣчательно хорошемъ расположеніи духа и только что собирался разсказать что-то веселенькое, какъ Вацлавъ прервалъ его возгласомъ:

— Поздравляю тебя, Густавъ, съ гостемъ!

Всѣ оглянулись и увидѣли подходящаго со стороны замка Прокопа, въ пальто цвѣта „гаванны“, въ сѣрой шляпѣ съ малиновой ленточкой.

Густавъ поднялся и поспѣшилъ на встрѣчу гостю.

— Bon jour! какъ поживаешь? вопрошалъ прибывшій, пожимая его руку:—соскучился по тебѣ... mille compliments ото всѣхъ нашихъ!... Что новенькаго? обратился онъ къ поднявшейся изъза стола компаніи:—какъ вижу, вы тутъ хорошо проводите время— и онъ сѣлъ въ кресло.—А славная у тебя резиденція, Густавъ!

— Вы здѣсь первый разъ? спросилъ Станиславъ.

— Первый въ жизни. У старика никогда не былъ, хотя и встрѣчался съ нимъ въ обществѣ. Чудакъ онъ былъ и...

— Чѣмъ же угощать дорогаго гостя? заговорилъ Густавъ, перебивая его:—можетъ быть, рюмочку вина? Кофе сейчасъ подадутъ.

— Кофейку? Вотъ это хорошо. Только теперь, въ достопочтенномъ Щитникѣ, мы, шатающіеся по Италіи и Франціи, живемъ по нашему, по польски... а что можетъ быть лучше своего, роднаго?.. и Дельфина снова расцвѣла.

Digitized by Google

Послѣ кофе, Коморовичъ повелъ Густава къ цвѣтникамъ, словно хотѣлъ посмотрѣть рѣдкія растенія.

— А я прибылъ съ цѣлью захватить тебя въ Щитникъ на часокъ, заговорилъ онъ.

— Но у меня гости, кузенъ!

— Пусть и они ѣдутъ: всѣмъ будутъ рады.

— Не знаю, захотятъ ли. Они завтра уѣзжаютъ: Карлъ и Станиславъ даже очень рано, такъ какъ спѣшатъ на именины, а Вацлавъ—послѣ обѣда. Впрочемъ, узнаемъ, что они скажутъ. Людовикъ, поди сюда на минутку! подозвалъ онъ пріятеля и просилъ его переговорить съ молодыми людьми:—пойми, что я ни въ чемъ не хочу стѣснять своихъ гостей.

Людовикъ подошелъ къ столу и черезъ минуту возвратился.

— Благодарятъ за приглашеніе, но принять не могутъ. Завтра они уѣзжаютъ, и вещи уже уложены. Къ тому же, въ Щитникѣ они еще не были.

— Однако, Коморовичъ остался сильно недоволенъ тѣмъ, что вы отказались отъ поѣздки въ Щитникъ,—замѣтилъ Людовикъ, когда дяденька простился съ молодыми людьми.

— Я сказалъ себѣ: съ огнемъ осторожно! отозвался Карлъ:— и держу свое слово,

— А меня пугаетъ высокопарно-ученая трескотня тетеньки и наивно поэтическій лепетъ племянницы. Въ „Казиміровой Волѣ“ я досыта наслушался о всякихъ Эпаминондахъ, Аристидахъ, Ѳемистоклахъ, розахъ и гіацинтахъ...

Карлъ и Станиславъ Орловецкіе выѣхали изъ Орлова раннимъ утромъ слѣдующаго дня, а Вацлавъ Ростиславскій — въ четыре часа пополудни.

— Что же мы теперь будемъ дѣлать? спросилъ Людовикъ, когда они, проводивъ гостей, вернулись въ комнаты: — поѣдемъ въ Сосницу!

— Я съ удовольствіемъ поѣхалъ бы... только ужь поздно. Отложимъ до завтра.

Вошелъ лакей съ письмомъ.

— Откуда?—спросилъ хозяинъ.

— Изъ Щитника! Привезъ верховой.

— А!.. отъ Коморовича! произнесъ Густавъ и распечаталъ письмо:—слушай, Людовикъ!

„Chèr cousin!

Я расхвалилъ votre belle résidence, и любопытство дамъ не имѣетъ границъ. Правда, онѣ давно собирались принести тебѣ en personne свои добрыя пожеланія, и мои описанія только уско-

Digitized by Google

рили ихъ рѣшимость. Завтра, дорогой Густавъ, всѣ собираются къ тебѣ обѣдать, а вечеръ вмѣстѣ проведемъ въ Щитникѣ, чѣмъ ты доставишь большое удовольствіе досточтимому семейству. Хотя я вполнѣ увѣренъ, что нашъ набѣгъ не причинитъ въ Орловѣ лишнихъ хлопотъ и заботъ, но все же счелъ своимъ долгомъ предупредить тебя. M-eur Людовику и гостямъ передай мое глубокое почтеніе. Au revoir, cher cousin!

Procop".

— Вотъ такъ сюрпризъ! Рембовичъ съ досады хруснулъ пальцами.

— Людовикъ! Прошу тебя, напиши: „въ отсутствіи Густава Орловецкаго письмо получилъ. Л. Рембовичъ".

Людовикъ сѣлъ за письменный столъ.

— Написалъ.

Густавъ позвонилъ. Вошелъ лакей.

— Отдай посланному эту карточку. Меня нѣтъ дома — понимаешь? Пусть Матвѣй тотчасъ же подастъ коляску.

Лакей удалился.

— Куда же ты поѣдешь? спросилъ Людовикъ.

— Въ Сосницу... сдѣлаю предложеніе Габріэли.

— Ты шутишь?

— Честное слово!

— Ура! воскликнулъ Людовикъ и подскочилъ:—за 20 лѣтъ это первое антраша. Позволь обнять и расцѣловать тебя за это!

— Завтра, если гости изъ Щитника пріѣдутъ, я представлюсь имъ, какъ женихъ Габріэли Горинской. Надо кончить все разомъ и обезпечить себя ото всего.

— Пріѣдутъ, непремѣнно пріѣдутъ, не смотря на то, что письмо не застало тебя дома.

— Тѣмъ необходимѣе мнѣ ѣхать въ Сосницу.

— Онѣ подумаютъ, что ты ѣздилъ въ одинъ изъ фольварковъ или въ Казиміровую Волю и, пожалуй, будутъ ожидать приглашенія.

— И не дождутся.

Четверть часа спустя, Густавъ былъ уже на пути въ Сосницу. Людовикъ, проводивъ его до коляски, пошелъ къ себѣ, сѣлъ и сказалъ: „отправился за противоядіемъ противъ мученій, которыя сжигаютъ бѣднягу". А затѣмъ, что будетъ дальше?... — Онъ задумался.—„Только бы они были счастливы!.."—Онъ испугался даже мысли, которая возникла въ его головѣ, и настойчиво преслѣдовала его. „Если онъ рѣшился на этотъ шагъ только наперекоръ той, въ отместку!.. А кто можетъ похвалиться, что изу-

Digitized by Google

чилъ человѣческую натуру?.. Развѣ можно угадать участь благородной дѣвушки, если онъ не вылѣчился отъ несчастной, безумной страсти, не освободился отъ дьявольскаго очарованія? А это легко можетъ быть, потому что та—настоящая сирена и, кажется, до сихъ поръ владѣетъ его сердцемъ. — Онъ почесалъ лысину, надвинулъ феску на глаза и вышелъ въ паркъ, чтобы отогнать эти мысли.

Габріэль цѣлыми днями читала вслухъ матери, желая забыться, изнурить себя физически и нравственно. Она была блѣдна, а подъ глазами, горѣвшими лихорадочнымъ огнемъ, показались темные круги. Держимірова нѣсколько разъ съ участіемъ взглядывала на нее. Мать повѣрила, что это только послѣдствія физическаго утомленія, и успокоилась. Наконецъ, тетка замѣтила:

— Брось читать, Габріэль! Пройдись немножко: уже половина седьмаго, и на дворѣ не такъ жарко... Выдь на свѣжій воздухъ.

— Да, сдѣлай это непремѣнно. Освѣжишься немного.

— Я останусь при матери, прибавила Держимірова.

Габріэль поднялась, нагнулась къ матери и поцѣловала ее. Мать крѣпко прижала ее къ груди. Тетка проводила ее до дверей и поцѣловала ея блѣдное личико. Молодая дѣвушка медленно вышла въ садъ, прошла его и, стараясь не быть замѣченной крестьянскими дѣвушками, направилась къ пруду. На берегу она остановилась и въ задумчивости стала глядѣть на слегка колыхавшуюся воду, затѣмъ медленно пошла вдоль берега. Подъ ногами ея пестрѣли розовыя и бѣлыя маргаритки, золотистый лютикъ и ромашка; межъ тростникомъ, ближе къ водѣ, скромно выглядывала незабудка. Весна даже Сосницу надѣлила частью своихъ сокровищъ. Но грустная, углубившаяся въ свои думы, дѣвушка ничего не замѣчала: пусто было у нея на сердцѣ и безцвѣтно. Первые ростки, распустившіеся въ немъ, убилъ суровый иней, не давъ имъ развиться.

Въ это время, изъ лѣсу показалась коляска Густава. Четверка сѣрыхъ даже по пескамъ неслась на полныхъ рысяхъ. Молодой человѣкъ издали, среди прибрежной зелени, замѣтилъ бѣлое платье.

— Стой! крикнулъ онъ кучеру. Колеса врѣзались въ песокъ. Владѣлецъ Орлова выскочилъ и направился къ пруду.

Габріэль все видѣла; хотѣла бѣжать и не могла. Она почувствовала, что блѣднѣетъ, и провела платкомъ по холодному лицу.

— Здравствуйте! привѣтствовалъ Густавъ.

— Здравствуйте! отвѣтила она съ наружнымъ спокойствіемъ.

— Я васъ еще издали замѣтилъ...

Digitized by Google

— Я вышла немножко пройтись, говорила она, увязая въ пескѣ своими маленькими ножками въ черныхъ ботинкахъ.

— Габріэль! воскликнулъ Густавъ и взялъ ея руку: — одно только слово! Одна только просьба! Я давно отдалъ вамъ свое сердце, захотите ли вы принять его? Хотите раздѣлить со мною жизнь, быть моей подругой до гроба?..

— Нѣтъ, нѣтъ!.. потому что мы не дали бы другъ другу счастья, быстро произнесла она, освобождая свою руку. Смертельно поблѣднѣвшій Густавъ не удерживалъ ея.

— Неужели у васъ нѣтъ для меня инаго слова? съ трудомъ выговорилъ онъ.

— Я глубоко уважаю васъ, могу принять вашу дружбу... но мы не созданы другъ для друга.—Она поклонилась и направилась дальше по песку.

Густавъ стоялъ въ какомъ-то одурѣніи, глядѣлъ на удаляющуюся бѣлую лилію, на легкіе слѣды ея маленькой ножки. Она исчезла, какъ въ туманѣ. Тутъ онъ почувствовалъ сильную боль въ груди... Затѣмъ, гордо выпрямившись, онъ направился къ колоскѣ, вскочилъ и крикнулъ:

— Назадъ! и больше не оборачивался.

Габріэль никогда еще не ходила такъ шибко по песку, какъ сегодня; ей казалось, что она даже не касается земли, что ее уноситъ вѣтеръ. Только очутившись въ саду, она почувствовала, что силы ее оставляютъ; съ трудомъ добралась она до своей комнаты и на порогѣ упала безъ чувствъ. Въ такомъ состояніи нашла ее горничная. Поднявъ и уложивъ ее на диванѣ, она осторожно вызвала Держимірову, чтобы не напугать больную госпожу. Заботливыя попеченія скоро привели Габріэль въ чувство: она глубоко вздохнула, а на лицѣ выступилъ легкій румянецъ, который скоро исчезъ.

— Чашку чаю! приказала Держимірова больше для того, чтобы удалить горничную изъ комнаты.

— Что съ тобою? Что такое случилось? со слезами на глазахъ спрашивала она, держа Габріэль въ объятіяхъ.

— Ахъ, тетя, тетя!.. Я ходила у пруда... Онъ подъѣхалъ... подошелъ ко мнѣ... сдѣлалъ предложеніе... просилъ быть его женой...

— Дорогая! Что же дальше?

— Я ему отказала!.. Мы не созданы другъ для друга... не дали бы другъ другу счастья!

— Но, Габріэль!

— Онъ любитъ ту... безумно! И только наперекоръ ей, же-

Digitized by Google

лая забыться,.. предложилъ мнѣ руку!.. Могла ли я дать ему счастье, если страсть къ другой такъ сильна въ немъ?

Тетка ничего не могла отвѣтить на это.

— А мнѣ развѣ бы принесъ счастье такой союзъ? Нѣтъ и нѣтъ... Только слезы, слезы и слезы!.. Завидная партія!.. — Она вздрогнула, а на лицѣ ея отразилось отвращеніе. — Богатство, титулъ и положеніе въ свѣтѣ... но облитыя горькими, жгучими слезами!—И она заломила руки.

— Габріэль, дитя мое!

— Я не хочу барства и богатства! Не хочу Орлова, купленнаго цѣною душевнаго спокойствія. Это было бы для меня позоромъ и вѣчнымъ упрекомъ! Я положила бы пятно на доброе и честное имя моихъ дорогихъ родителей!

— Ты слишкомъ преувеличиваешь.

— Нѣтъ! Я говорю, что̀ чувствую въ глубинѣ души и что диктуетъ разсудокъ. Я не могла принять его жертвы, потому что не сердце свое предлагалъ онъ мнѣ, а только титулъ жены... тогда какъ сердце его принадлежитъ другой... Вѣрю, что онъ старался бы дать мнѣ возможное счастье, потому что онъ человѣкъ благородный, честный и добрый, но вся его жизнь была бы борьбою!.. Это ужасно!.. Я ни секунды не задумалась, но по инстинкту сердца, инстинкту женщины, отвѣтила тотчасъ же, какъ должна была отвѣтить... Разскажи, тетя, родителямъ все, что̀ произошло, умолчи только о томъ, какъ страдаетъ мое сердце...

— Это будетъ для нихъ тяжелымъ горемъ.

— Но они должны знать, что̀ произошло.

— Я разскажу имъ все съ большою осторожностью. Только ты успокойся немного!

Бѣдная дѣвушка съ трудомъ сдерживала подступавшія къ горлу слезы. Тетка тоже плакала. Затѣмъ она отправилась къ Горинскимъ и разсказала имъ о случившемся: что Густавъ, обманутый въ любви къ Дельфинѣ Боручинской, сдѣлалъ предложеніе Габріэли, которая однако не приняла его, въ увѣренности, что, предлагая ей руку, сердца своего онъ дать ей не могъ. Родители выслушали все спокойно.

— Но сердце Габріэли?.. воскликнула тревожно Горинская.

— Оно спокойно, отвѣтила Держимірова.

— Очевидно, она его не любитъ, иначе она не отказала бы, замѣтилъ отецъ:—а жаль достойнаго человѣка, не изъ-за его Орлова, а оттого, что онъ дѣйствительно благородный человѣкъ.

Спустя нѣсколько времени, вошла Габріэль съ сильнымъ ру-

Digitized by Google

мянцемъ на щекахъ, но для матери нашлась у нея даже нѣжная улыбка. О Густавѣ не было произнесено ни одного слова.

Людовикъ прогулялъ въ паркѣ часа два. Вернувшись въ комнату, онъ взялъ газету; не успѣлъ онъ прочесть и половины, какъ услышалъ, что кто-то подъѣхалъ.

— Кто это? спросилъ онъ садовника, проходившаго съ ведромъ воды.

— Его сіятельство вернулись.

— Что ты вздоръ мелешь! проворчалъ Рембовичъ и направился въ замокъ.

Густава онъ засталъ въ кабинетѣ.

— Уже?.. Ты вернулся? Ну, что же? воскликнулъ онъ.

Густавъ обернулся—на немъ лица не было.

— Что съ тобою? Ради Бога! подбѣжалъ къ нему Людовикъ и схватилъ его за руку, которая была холодна, какъ ледъ.—Что случилось?

— Габріэль Горинская отказала мнѣ.

— Что ты говоришь? Это невозможно!

— А между тѣмъ это такъ. Густавъ кинулся въ кресло и отеръ лобъ платкомъ.

Людовикъ сѣлъ рядомъ и глядѣлъ на него съ участіемъ.

— Но что̀ и какъ? допрашивалъ онъ.

Густавъ съ какимъ-то страннымъ спокойствіемъ, дѣлавшимъ его похожимъ на мраморную статую, разсказалъ свой разговоръ съ Габріэлью.

— Я не предполагалъ ничего подобнаго! воскликнулъ Людовикъ.

— Я не чувствую къ ней никакой злобы или обиды. Честная дѣвушка, она не хотѣла отдать руку безъ сердца, а сердца ея я не съумѣлъ пріобрѣсти. Скажу тебѣ даже... слова ея дышали негодованіемъ, когда я просилъ ее быть моей женой... Она вздрогнула, отшатнулась, поблѣднѣла... А я такъ былъ увѣренъ, что она не откажетъ, что сердце ея откликнулось... Назови это излишнею самоувѣренностью!

— Не понимаю! Я тоже обманулся.

— Можетъ быть, она любитъ другаго?..

— Кого же?

— Мнѣ казалось, я былъ увѣренъ, что читаю въ ея душѣ... но я обманывалъ себя... Слушай, Людовикъ! Густавъ поднялся и взялъ его за руку,—пока я былъ увѣренъ въ ея любви, я думалъ, что она интересуетъ меня только какъ дѣвушка привлекательная, съ высшимъ умственнымъ развитіемъ, какъ женщина

Digitized by Google

съ сердцемъ и благородною душою. Когда же она меня оттолкнула, тутъ только я почувствовалъ, насколько она мнѣ дорога: любовь и отчаяніе наполняютъ теперь мое сердце!.. Одна минута тамъ у пруда дала мнѣ возможность все понять... Она мнѣ нравилась съ первой же встрѣчи... но мой душевный покой нарушалъ призракъ юношества, идеалъ женщины, который когда-то олицетворялся въ образѣ Дельфины... Потомъ я полагалъ, что не трудно будетъ овладѣть сердцемъ молодой, скромной дѣвушки. Я думалъ, что заинтересовалъ ее... что за меня все говоритъ, что я могу быть увѣренъ въ ея согласіи... но случилось иначе, и я жестоко обманулся! Габріэль Горинскую не прельщаетъ Орлово, и навѣрно ни за какія сокровища ее не купишь!

— И я также думаю.

— За это убѣжденіе я, страдая, преклоняю предъ ней колѣни... Какая громадная разница между этой и той! и онъ провелъ рукою по волосамъ.

Людовикъ угрюмо молчалъ, да и что ему было говорить!

— Завтра ѣду въ Варшаву или куда нибудь въ другое мѣсто, заговорилъ снова Густавъ:—недѣли на три, на четыре. Завтра же утромъ уѣду!

— Въ такомъ случаѣ, нужно увѣдомить Коморовича.

— Къ чему? Пусть пріѣзжаютъ!

— Въ пустой домъ?

— Вѣдь они Орлово хотѣли видѣть! иронически засмѣялся Густавъ:—Орлово для нихъ—все! Я же только прибавленіе къ нему... Ты примешь ихъ.

— И что же мнѣ сказать про тебя?

— Скажи, что я забылъ написать... говори, что хочешь! Скажи имъ, что сегодня я сдѣлалъ предложеніе Габріэли Горинской, но она не приняла его, и я съ отчаяніемъ въ сердцѣ, влюбленный, уѣхалъ, куда глаза глядятъ.

— Это я долженъ имъ сказать?.. Дельфинѣ?

— Я прошу тебя объ этомъ! произнесъ Густавъ съ удареніемъ.

— Вотъ такъ месть! проворчалъ Людовикъ.

— Коморовичъ, продолжалъ Густавъ: — какъ-то въ Коржевѣ сталъ отзываться о ней оскорбительно, и я тогда прервалъ его... Такъ сдѣлай это ради нея, а для меня это будетъ пріятно. И, наконецъ, вѣдь это правда!

— Ты хорошій человѣкъ! воскликнулъ Рембовичъ, кидаясь на шею пріятелю,—другаго такого не найти.

— Я дѣлаю только то, къ чему обязываетъ меня честь и со-

Digitized by Google

вѣсть... Побывай также въ Коржевѣ и тоже скажи, что я дѣлалъ предложеніе, но мнѣ отказали.

— Непремѣнно! Сдѣлай это, еще разъ повторяю, для нея... а вмѣстѣ съ тѣмъ и для меня.

— Чортъ возьми! У меня духу на это не хватитъ! И что тамъ у нея въ сердцѣ и головѣ?

— Дѣло очень простое: она не любитъ меня, и въ то же время слишкомъ благородна и честна, чтобы продать себя.

На слѣдующій день, утромъ, Густавъ уѣхалъ. Людовикъ съ грустью простился съ нимъ, проклиная въ душѣ слишкомъ мягкое сердце своего друга и всѣхъ женщинъ, не смотря на свое глубокое уваженіе и искреннюю привязанность къ Габріэли.

XIV.

Людовикъ все приготовилъ къ принятію назвавшихся гостей; одѣлся въ нанковый костюмъ, словно никого не ожидалъ, надвинулъ на затылокъ малиновую феску и усѣлся подъ маркизой на верандѣ замка, со стороны выѣзда. Кругомъ были южныя растенія, на столѣ—разложены журналы и газеты. Но Людовикъ не читалъ, онъ весь былъ подъ впечатлѣніемъ случившагося и поминутно взглядывалъ на закрытыя ворота. Тишина и пустота царствовали вокругъ.

Около полудня, на дорогѣ показалось облако пыли. Рембовичъ направилъ въ эту сторону зрительную трубу и различилъ коляску, запряженную четверней.

— Вотъ и они! Готовься, братъ, къ комедіи! — произнесъ онъ, поглаживая подъ феской лысину.

Спустя нѣсколько минутъ, заскрипѣли ворота. Къ подъѣзду подкатила коляска. Людовикъ спустился внизъ. Изъ коляски вышли: Коморовичъ, графиня, Теодора въ тѣлеснаго цвѣта шолковомъ платьѣ; послѣднею выпорхнула прелестная Дельфина. Она была одѣта, какъ въ памятный вечеръ на балконѣ итальянской виллы. Даже черная кружевная накидка также живописно окружала хорошенькую головку. Въ рукахъ была бѣлая шляпка, украшенная розами.

— А хозяинъ? спросилъ Коморовичъ.

— Уѣхалъ, отвѣтилъ Людовикъ, приглашая гостей въ комнаты.

— Уѣхалъ?! Какъ же это! воскликнула или, вѣрнѣе, вскрикнула Боручинская.

Digitized by Google

— Уѣхалъ?! повторилъ Коморовичъ:—когда же?

— Сегодня утромъ.

Теодора выпрямилась, Дельфина слегка покраснѣла.

— Куда же это онъ уѣхалъ?

— Не знаю навѣрно...

— Отчего же онъ не увѣдомилъ насъ?

— Это легкомысліе или оскорбленіе! вспыхнула графиня, забываясь.

— Я былъ увѣренъ, что онъ предупредилъ васъ, что онъ извинился... онъ даже говорилъ объ этомъ, но, должно быть, позабылъ...

Теодора занялась разсматриваніемъ лежащихъ на столѣ альбомовъ, желая этимъ выказать свѣтскій тактъ, и будто не обращала ни на что вниманія.

— Забылъ! повторила графиня и злобно разсмѣялась.

— Онъ былъ такъ разстроенъ... огорченъ.

— Чѣмъ же это?

— О, измученъ, истерзанъ...

— Развѣ ему грозитъ какая нибудь опасность?

Дельфина молчала, позируя у окна, спокойная и невозмутимая, въ то время какъ маменька и дядюшка увлекались все больше и больше.

— Но вѣдь вы должны же знать, что̀ случилось? обратилась къ Людовику разгнѣванная графиня:—невозможно, чтобы это оставалось для васъ тайной!

— Вы правы, графиня...

— Что же это такое? Какое же это горе?

Въ прелестныхъ глазахъ Дельфины, обращенныхъ на него, былъ тоже нѣмой вопросъ.

— Вчера встрѣтила его неожиданная непріятность... вѣрнѣе, горе. Онъ заинтересовался дѣвицею Горинской... влюбился въ нее...

— Что?!

— Какъ?!

Графиня Боручинская посинѣла; Дельфина слегка поблѣднѣла; Теодора какъ-то особенно съежилась и еще больше приблизила свой носъ къ картинкамъ альбомовъ; на головѣ Прокопа скривился рыжій парикъ.

— Вчера онъ поѣхалъ сдѣлать ей предложеніе... но дѣвушка отказала ему.

— Отказала?! impossible! кинулся дядюшка.

— Jncroyable! тихимъ шепотомъ вторила Теодора, склонившись надъ колонною Траяна.

Digitized by Google

— Отказала!... и бѣдный Густавъ, съ растерзаннымъ сердцемъ, въ сильномъ отчаяньѣ, уѣхалъ отсюда.

Лицо графини исказилось, губы дрожали; Дельфина перешла къ другому окну и глядѣла въ садъ, а Теодора стала осматривать развѣшенныя на стѣнахъ картины.

— Это непонятная вещь, неслыханное дѣло! восклицалъ Прокопъ, разводя руками и начиная быстро ходить по комнатѣ.

— Все это очень похоже на фарсъ! отозвалась графиня, вставая:—комедія!

— Кому же нуженъ такой фарсъ? съ удареніемъ замѣтилъ Людовикъ:—и кто же играетъ комедію?

— Нѣтъ, нѣтъ, разумѣется, нѣтъ, старался примирить ихъ Коморовичъ:—скорѣе это фатализмъ...

— И мой другъ такъ страдаетъ, прибавилъ Рембовичъ.

— Разумѣется... Только нужно же ему было влюбиться богъ знаетъ въ кого!

— Это во всѣхъ отношеніяхъ достойная дѣвушка, произнесъ Людовикъ, возвышая голосъ,—въ высшей степени благородная и честная: ее не прельстили богатство, титулъ и положеніе въ свѣтѣ, она не хотѣла отдать руки безъ сердца.

— Вздоръ!.. графиня снова опустилась въ кресло:—Не понимаю я Густава... онъ, должно быть, съ ума сошелъ! А вѣрнѣе всего, это дѣло хитрой интриги. Это все недостойная интрига!

— Правда, мы знаемъ, что эта дѣвушка—кокетка и...

— Извините меня! остановилъ ее Людовикъ:—но я не могу позволить, чтобы въ моемъ присутствіи хоть однимъ словомъ оскорбили дѣвицу Горинскую.

— Когда она нанесла нашему родственнику такую тяжелую рану, вы ее защищаете? прошептала графиня.

— Густавъ, не смотря на то, что страдаетъ отъ ея отказа, сохранилъ къ ней глубокое уваженіе. Онъ убѣдительно просилъ меня не оставлять въ тайнѣ, что дѣвушка ему отказала.

— Этого еще не доставало! истерически засмѣялась графиня.

— Mais, ma soeuer! подошелъ къ ней Коморовичъ.

Дельфина, блѣдная, въ замѣтномъ волненіи, стала прохаживаться по комнатѣ.

— Когда же, однако, онъ вернется?

— Неизвѣстно.

— И вы будто не знаете, куда онъ уѣхалъ?

— Онъ самъ не зналъ этого и сказалъ только: „поѣду куда нибудь!“

— Вотъ такъ исторія! Скандалъ!.. Такой близкій родственникъ

Digitized by Google

моего мужа... Et quels cancans! Позволяетъ провести себя, какъ безхарактерный мальчишка.

— Напротивъ, графиня! замѣтилъ Людовикъ:—Густавъ далъ въ этомъ случаѣ доказательство характера сильнаго...

— Я полагаю, что намъ тутъ нечего дольше оставаться, отозвалась Дельфина, останавливаясь передъ матерью:—если хозяина нѣтъ дома.

— Дельфина права! поддержалъ дяденька:—à quoi bon станемъ васъ безпокоить?—вѣжливо обратился онъ къ Людовику.

— Нисколько! для меня будетъ большимъ удовольствіемъ. Лакеи въ это время вносили роскошный завтракъ.

— Ѣдемъ! воскликнула графиня, метая молніеносные взгляды.

— Вы не позволите просить васъ?

— Mercі! графиня взяла брата подъ руку.

— Mercі! повторилъ за ней Коморовичъ.—Mercі и adieu!.

— До свиданія! Мое нижайшее почтеніе! поклонился вице-хозяинъ. Дельфина надѣла шляпку.

Коляска тронулась. Людовикъ простоялъ еще нѣсколько времени на крыльцѣ, на губахъ его была улыбка, а въ глазахъ выраженіе грусти.

На четвертый день онъ получилъ письмо отъ Густава.

„Варшава, 1-го іюня.

„Я тоскую по всему, что̀ срослось съ моимъ сердцемъ, значитъ и по тебѣ, мой добрый другъ! Я поднялъ всѣ дѣла, какія только есть въ Орловѣ и Домбровицахъ, чтобы въ работѣ забыться хоть немного, и нахожусь въ постоянномъ движеніи. Убѣжалъ бы на нѣсколько мѣсяцевъ за границу, еслибы не обязанности, которыя принялъ на себя добровольно и въ которыя вложилъ душу и сердце. Поэтому я никуда не поѣду и скоро вернусь въ Орлово... Поймешь ли ты меня?.. Въ груди моей—буря и полный разладъ съ собою и окружающимъ. Я убѣжалъ бы отъ себя самого, отъ своего сердца и страданій—вотъ и вся моя исповѣдь!

„Вспоминаю, какъ въ памятный вечеръ съ горечью разочарованія, съ болью въ сердцѣ выходилъ я изъ виллы Гандольфо, съ твердымъ рѣшеніемъ покончить навсегда съ Дельфиной... Я страдалъ отъ этого, съ ума сходилъ отъ горя, въ чемъ не разъ старался увѣрить себя и тебя. Но какъ ничтожно было то страданіе въ сравненіи съ настоящимъ, всю глубину котораго и описать я не въ состояніи!.. Другъ мой! Теперь только узналъ я истинную любовь!.. Безумное влеченіе страсти къ Дельфинѣ никогда не было любовью, не было тѣмъ чистымъ, святымъ пламе-

Digitized by Google

немъ. Къ Дельфинѣ, когда она отвергла меня, я почувствовалъ презрѣніе и ненависть; къ Габріэли, не смотря на нанесенную ею тяжелую рану, я сохранилъ глубокое уваженіе. Она не обманывала меня, не обольщала надеждою, и я не могу упрекнуть ее ни въ чемъ. Дельфина возмутила покой моей жизни; насмѣявшись надъ моею юношескою, чистою любовью, она пошатнула во мнѣ вѣру въ это святое чувство. Испытывая горечь разочарованія, я чувствовалъ и оскорбленіе, а въ груди моей боролись двѣ силы: огонь не улегшейся страсти и... презрѣніе! Откажи она мнѣ только во взаимности, я сохранилъ бы къ ней добрую память, но... Она недостойно завлекала меня, поддерживала во мнѣ и укрѣпляла надежду. Когда я удалялся, она дѣлалась особенно внимательною, любезною и даже нѣжною ко мнѣ... и въ то же время расточала другимъ очаровательныя улыбки и пламенные взгляды... Какъ бы отвѣчая мнѣ взаимностью, она заботилась только о томъ, чтобы держать меня на всякій случай—про запасъ!.. Такъ, впрочемъ, ее воспитали, въ такихъ именно правилахъ. Она всегда была и теперь остается подъ руководствомъ спекулянтки-матери и дядюшки, человѣка безхарактернаго. Общее поклоненіе въ конецъ испортило ее, сдѣлавъ бездушною кокеткой. Впрочемъ зло, должно быть, уже было у нея въ крови, она родилась уже съ такими задатками, а свѣтское воспитаніе, дурные примѣры и вліянія сдѣлали остальное.

„Совсѣмъ не то—Габріэль! Въ первую же минуту встрѣчи она произвела на меня сильное впечатлѣніе и не наружнымъ блескомъ, не красотою, а тою невыразимою прелестью женственности, которая видна въ каждомъ ея движеньѣ, въ каждомъ взглядѣ и поступкѣ. Скромная, дѣтски-привѣтливая, она живетъ только сердцемъ. Правдивость, доброта, любовь и чистая вѣра—вотъ лучшія ея украшенія. Потомъ только я сталъ восхищаться взглядомъ ея, улыбкою—спокойной, искренней и доброй. Я зналъ, что дни ея текли мирно и безцвѣтно. Я видѣлъ мать-калѣку и Габріэль, заботливо склоненную надъ нею. Слезы подступали мнѣ къ горлу. Мнѣ все нравилось, что только попадалось на глаза въ домѣ ея родителей... Потомъ я сталъ съ удовольствіемъ глядѣть на ея милое лицо, гибкій и стройный станъ; ловилъ каждое ея движенье, полное граціи, восхищался маленькою ручкой и ножкой, изрѣдка выглядывавшей изъ-подъ длиннаго платья, но больше всего восхищалъ меня ея голосъ, проникающій въ душу.

„Медленно свыкался я съ мыслью, что на ней слѣдуетъ остановиться при выборѣ подруги жизни, и охотно слушалъ твои замѣчанія. Я льстилъ себѣ, утѣшаясь, что мнѣ отказа не будетъ.

Digitized by Google

Волновало меня только воспоминаніе о Дельфинѣ... и, признаюсь, я опасался вліянія ея чаръ... хаосъ былъ въ моей душѣ, котораго я и самъ не понималъ и отъ котораго не въ состояніи былъ отдѣлаться. При Габріэли я чувствовалъ себя счастливымъ: тихо и отрадно было на сердцѣ. Безъ нея меня волновали постоянныя письма Коморовича, извѣстія о Дельфинѣ и присылаемыя карточки... Такая борьба постоянно кипѣла въ моей груди. И только въ ту памятную минуту, когда Габріэль отказала мнѣ, я понялъ, что она для мени—все, а та исчезла, какъ вражеское навожденіе при свѣтѣ дня. Нужно же было, чтобы я узналъ наконецъ себя, чтобы я понялъ свое сердце!

„Мнѣ необходимо было высказаться передъ тобою, чтобы ты хоть отчасти могъ понять меня. Теперь вся моя надежда—ты и занятія. Поэтому, по возвращеніи, я съ еще бо́льшимъ жаромъ и рвеніемъ примусь за начатое мною. Я чувствую въ себѣ удесятеренную энергію. Пусть и она узнаетъ, что я не трачу жизни понапрасну.

„Увѣдомь меня обо всемъ, не забудь также сообщить, когда Боручинскіе уѣдутъ изъ Щитникъ, гдѣ имъ, въ сущности, незачѣмъ больше оставаться. Пока онѣ тамъ, я не вернусь въ Орлово.

„Былъ ли ты въ Коржевѣ?

Всегда твой Густавъ".

Людовикъ задумался надъ письмомъ, а на слѣдующій день отправился въ Коржево. Приняли его, по обыкновенію, очень любезно и, между прочимъ, спросили про Густава.

— Онъ уѣхалъ въ Варшаву.

Въ свою очередь, онъ спросилъ, что́ слышно изъ Щитника.

— Были у насъ позавчера, отвѣтила графиня:—Боручинскіе заѣзжали прощаться.

— Такъ онѣ уѣзжаютъ?.. не знаете, куда?

— Кажется, въ Варшаву,

Это извѣстіе непріятно подѣйствовало на Людовика: онъ испугался за Густава. Зная его слабость, онъ боялся новыхъ чаръ Дельфины. Когда они вышли въ садъ, Людовикъ разсказалъ графинѣ, что Густавъ дѣлалъ предложеніе Габріэли Горинской, но та его не приняла.

— Отказала?! прошептала изумленная графиня.

— Да... это и было причиною его внезапнаго отъѣзда.

— Не понимаю! Она такъ его цѣнитъ, я замѣтила въ ней столько искренняго расположенія къ нему... Густавъ такая блестящая партія.

— Но Габріэль не желала отдать руку безъ сердца.

Digitized by Google

— Графъ Густавъ Орловецкій достоинъ ея любви, а сердцемъ Габріэли до сихъ поръ никто не владѣетъ, насколько это намъ извѣстно. Я думаю, она была увѣрена, что Густавъ отдалъ свое сердце Дельфинѣ до безумія, а въ такомъ случаѣ Габріэль, дѣйствительно, не желала быть избранной только за отказомъ соперницы.

— Вы подаете мнѣ блестящую мысль! воскликнулъ Людовикъ и покраснѣлъ:—это, очевидно, такъ и было. А я то ломалъ столько времени свою голову. Что значитъ женская прозорливость!

— Скажите лучше: инстинктъ, чувство, пониманіе другаго сердца, улыбнулась графиня,—а, вѣрнѣе, самое простое сопоставленіе одного факта съ другимъ и заключеніе изъ разныхъ разговоровъ.

Никогда еще Рембовичъ не былъ въ такомъ безпокойствѣ. Уѣхалъ онъ сейчасъ же послѣ чаю и, вернувшись домой, отправилъ Густаву телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Возвращайся сейчасъ же. Твое присутствіе необходимо, Людовикъ".

Тутъ только онъ вздохнулъ свободнѣе. На другой день послѣ посѣщенія Рембовича, въ Коржево пріѣхала Держимірова съ Габріэлью. Передъ отъѣздомъ она желала проститься съ своими новыми родственниками. Во время общаго разговора, Вѣрушовская взяла Габріэль подъ руку и увела въ сторону.

— Милочка! проговорила она: ты отказала Густаву?

Дѣвушка поблѣднѣла, какъ батистовый платокъ, который былъ у нея въ рукахъ.

— Кто вамъ сказалъ это? спросила она съ удивленіемъ.

— Рембовичъ былъ вчера у насъ и разсказывалъ. Густавъ не дѣлаетъ изъ этого тайны.

Внезапный румянецъ покрылъ опущенное лицо дѣвушки, но вскорѣ она снова поблѣднѣла.

— И почему ты отказала?—Графиня обняла ея тонкій станъ и поцѣловала ее.

— Мы не дали бы другъ другу счастья, беззвучно отвѣтила дѣвушка.

— Онъ такой честный, достойный человѣкъ.

— Вполнѣ честный!

— Онъ даже не чувствуетъ къ тебѣ никакой обиды...

Габріэль слегка покачала головой и подумала: „еслибы онъ любилъ, онъ бы чувствовалъ ее... можетъ быть, онъ даже благодаренъ мнѣ за то, что я не согласилась удовлетворить его минутнаго порыва".

Digitized by Google

— О, Габріэль! отчего ты отказала Густаву? обратилась къ ней съ тѣмъ же вопросомъ Ада:—такая прекрасная партія!

— Сердцу нельзя приказать, едва слышно прошептала Габріэль.

— Правда! И я никогда не вышла бы замужъ, не любя, а всѣ говорятъ, что онъ влюбленъ въ Дельфину.

Габріэль молчала.

— Я не вѣрила всѣмъ этимъ разговорамъ... А странныя, все таки, эти графини Боручинскія—и она покачала головой.

XV.

Держимірова уѣхала. Габріэль со слезами простилась съ нею—и еще грустнѣе, и тише стало въ пустынной Сосницѣ. Габріэль по обыкновенію читала матери вслухъ. Горинскій возвращался домой около пяти часовъ. Иногда онъ уговаривалъ Габріэль прокатиться. Она по прежнему выходила съ крестьянскими дѣвушками, но теперь все было иначе, и даже дѣвушки замѣтили, что ихъ дорогая барышня измѣнилась. Она по прежнему разсказывала имъ, поучала, но при этомъ всегда была грустна, и имъ очень было жаль милой барышни.

Черезъ нѣсколько дней послѣ высылки телеграммы, Людовикъ получилъ отъ Густава письмо:

„Спасибо тебѣ за твою заботливость, дорогой Людовикъ! Боручинская остановилась тоже въ Европейской гостинницѣ. Я встрѣтился съ ними на улицѣ на другой же день послѣ ихъ пріѣзда. Поздоровался съ ними, какъ всегда, и даже прошелся немного".

Людовикъ встряхнулъ головой и почесалъ лысину.

„Но вѣрь мнѣ", читалъ онъ дальше:—„что Дельфина не произвела на меня ровно никакого впечатлѣнія! Подъ вечеръ я столкнулся у дверей адвоката Лысевича съ Прокопомъ, и онъ затащилъ меня къ нимъ пить чай..."

Людовикъ съ досады ударилъ кулакомъ по столу.

„...Вечеръ прошелъ въ самыхъ обыкновенныхъ разговорахъ. На слѣдующій день мы отправились съ Лысевичемъ въ ботаническій садъ. Тотъ весь день корпѣлъ надъ пыльными бумагами, а я бѣгалъ съ одного конца города на другой. Нужно было немного провѣтриться и освѣжиться. Тутъ опять столкнулись мы съ Боручинскими и Прокопомъ. Мы подошли, я поздоровался и представилъ адвоката; погуляли вмѣстѣ немного и затѣмъ уѣхали, оставивъ ихъ еще въ саду.

Digitized by Google

„— Какая красавица! воскликнулъ Лысевичъ: —я еще не встрѣчалъ такой.

„Съ Дельфиной встрѣчаюсь по нѣскольку разъ въ день, но при этомъ чувствую себя свободнымъ, какъ птица на деревѣ. О Габріэль никто изъ нихъ не намекаетъ ни однимъ словомъ. А я, мой дорогой Людовикъ, не могу не вспоминать о ней и не страдать при этомъ! Печаль, тоска и сожалѣніе о потерянномъ счастьѣ не покидаютъ меня. Временами я прихожу въ отчаянье, представляя себѣ картину безцвѣтнаго будущаго. Я постоянно вижу передъ собою взглядъ ея большихъ сѣрыхъ глазъ съ длинными рѣсницами и словно нарисованными бровями, а въ ушахъ постоянно звучитъ мелодичный голосъ, какимъ только она одна обладаетъ.

„Вскорѣ возвращусь, чтобы въ дѣловой жизни забыться и освѣжиться...“ Густавъ оборвалъ свои воспоминанія и далѣе писалъ о разныхъ дѣлахъ. Прочитавъ письмо, Людовикъ задумался.

Только бы онъ хорошо зналъ себя..., и не слишкомъ на себя надѣялся?—затѣмъ онъ прочелъ длинную приписку, помѣченную слѣдующимъ числомъ.

„Шли мы сегодня съ Лысевичемъ по Краковскому предмѣстью. У костела Св. Креста стояло много роскошныхъ каретъ.

„— Войдемъ!—предложилъ Лысевичъ: — посмотримъ вѣнчаніе богача съ красавицей.

„Я согласился. У алтаря стояли женихъ и невѣста: она—красавица, стройная, свѣженькая, какъ весна; онъ—горбатый, хромой, блѣдный, изнуренный, съ жиденькими рыжими волосами—а одѣтъ, несчастный, какъ модная картинка.

„— Женихъ, должно быть, богатъ?—спросилъ я.

„— Даже очень! Мать невѣсты—урожденная княгиня, но разорившаяся.

„Сама невѣста была замѣчательно спокойна, пожалуй, даже равнодушна.—Жертва продажи, или же сама себя продающая?!

„Этотъ блѣдный, изнуренный женихъ навѣрно думаетъ, что красавица изъ любви къ нему стоитъ рядомъ съ нимъ у алтаря—въ этомъ, по крайней мѣрѣ, старались увѣрить его устраивавшіе этотъ союзъ. Иначе, развѣ захотѣлъ бы онъ оплачивать свое будущее страданіе?! А она, должно быть, мечтаетъ въ эту минуту о поѣздкѣ на парижскую выставку, на Эмскія воды, о путешествіи по Италіи... Несчастный купилъ себѣ горе на всю жизнь, а она продалась, не подумавъ даже, что это безнравственно. И такіе союзы совершаются ежедневно! Продаютъ себя юноши и продаются дѣвушки.

„Честь и слава Габріели Горинской, не захотѣвшей продать

Digitized by Google

себя! Я такъ скоро выбѣжалъ изъ костела, что Лысевичъ едва поспѣвалъ за мной".

На другой день послѣ полученія этого письма, Рембовичъ отправился въ Сосницу.

Горинскіе, какъ всегда, приняли его очень радушно, но Габріэль не выходила: сказали, что она больна. Рембовичъ рѣшилъ, что она избѣгаетъ его, а это ему было крайне непріятно, тѣмъ болѣе, что онъ пріѣхалъ съ намѣреніемъ поговорить съ ней откровенно. Уѣзжалъ онъ печальный и съ убѣжденіемъ, что случившагося не поправить. Габріэль, однако, дѣйствительно была больна и нѣсколько дней не выходила изъ комнаты. Мать даже приказала перенести себя къ ней въ креслѣ.

Прошло нѣсколько недѣль со дня отъѣзда Держиміровой, и Габріэль собралась, наконецъ, написать ей письмо:

„Тяжело у меня на сердцѣ, дорогая тетя, точно совѣсть упрекаетъ меня, точно я провинилась въ чемъ нибудь. Я сама себя укоряю—а это ужасное состояніе: боль и сожалѣніе о потерянномъ счастьѣ!

„Вчера была у насъ Ада и разсказывала мнѣ, что Густавъ въ Варшавѣ ежедневно встрѣчался съ Дельфиной, но былъ къ ней равнодушенъ, холоденъ, безъ малѣйшей тѣни неудовольствія или непріязненнаго чувства къ ней. Посѣщалъ ихъ, какъ родственникъ, былъ вѣжливъ, любезенъ, но не больше—а это-то и сердило ихъ. Сообщила имъ это ихъ родственница, живущая въ Варшавѣ, съ которой Боручинскія въ близкихъ отношеніяхъ. Графиню Боручинскую также положительно выводило изъ себя ничѣмъ не возмутимое равнодушіе Густава — свободное, какъ она выражается,—она теряла всякое самообладаніе. Дельфина лучше умѣла скрывать свои чувства, но видно было, что и она разочаровалась. А Прокопъ такъ по-простуу гонялся за нимъ... Но, тетя, я сплетничаю, кажется, впервые въ своей жизни!

„Неужели я ошиблась? Неужели я сама себя обманула, предположивши, что онъ любитъ ту, и только наперекоръ ей предложилъ мнѣ руку?! Охъ, кажется, я ошиблась... а ему и себѣ принесла столько страданія!... Да, я должна упрекать себя!... Я сама уничтожила свое счастье, испортила его жизнь и потеряла его навсегда, безвозвратно!... Все кончилось! Видно, такъ Богу угодно. Но случившагося назадъ не вернуть.

„Я ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ не могу обнаружить, что происходитъ въ моей душѣ... потому что всякій вправѣ былъ бы сказать, что я, передумавъ и разсудивъ, оказалась побѣжденною Орловымъ и Домбровицами, что меня уговорили

Digitized by Google

родители, мои честные, благородные родители! При одной мысли, что меня могутъ заподозрить въ продажѣ себя, краска стыда жжетъ мои щеки!

„И онъ, отвергнутый и оскорбленный, навсегда будетъ далекъ отъ меня. Я оттолкнула его, неосторожная—и все кончилось! Тетя, еслибы ты знала, какъ я страдаю.

Габріэль".

XVI.

Понадобилось раздвижное кресло для матери Горинской; рѣшили поговорить съ мастеромъ Зрембою, не возьмется ли онъ сдѣлать его? Онъ хорошо зналъ свое дѣло, а главное, чего добивалась Габріэль, это какъ можно скорѣе доставить матери удобство. Поэтому Габріэль съ горничной собрались въ Казимірову Волю. Она рѣшилась на эту поѣздку, увѣренная въ отсутствіи Густава; онъ поѣхалъ въ Домбровицы, и она не опасалась встрѣчи съ нимъ.

Выѣхали онѣ въ 4 часа пополудни. День былъ тихій, солнечный. При выѣздѣ изъ лѣса, глазамъ ихъ представились безконечныя скошенныя поля—грустный видъ приближающейся осени. Но вотъ и луга, покрытые еще густою, яркою зеленью. Габріэль заглядѣлась въ даль, насколько глазъ могъ охватить, и задумалась... Какая громадная разница была между теперешнимъ ея душевнымъ состояніемъ и ощущеніями въ то апрѣльское воскресенье, когда она ѣхала въ костелъ...

Въ мѣстѣ, съ котораго расходятся дороги на Коржево, Заціонжъ и Казимірову Волю, онѣ встрѣтились съ одноконной повозкой, покрытой клеенкой.

— Панъ Бржостекъ! воскликнула горничная Маша.

Габріэль обернулась. Возокъ остановился, и странствующій торговецъ соскочилъ на землю.

— Куда это вы изволите направляться? спросилъ онъ.

— Въ Казимірову Волю, къ столяру Зрембѣ. Хочу заказать ему кресло для мамы.

— Сдѣлаетъ, сдѣлаетъ! Я былъ тамъ вчера.

— А теперь вы откуда?

— Изъ Коржева, ѣду къ священнику въ Заціонжъ.

— Въ Коржевѣ всѣ здоровы?

— Всѣ! Засталъ тамъ гостей изъ Щитника,—Теодору и молодую трещотку Изельду. Не обошлось, разумѣется, безъ разныхъ: „mon Dieu," такъ что даже тошно стало. Говорили о молодомъ помѣщикѣ, будто онъ поѣхалъ за прелестной Дельфиной, кото-

Digitized by Google

рая находится гдѣ-то по близости Домбровицъ... дали понять, что Теодора протежируетъ этому соединенію.

Разрумянившееся на свѣжемъ воздухѣ лицо Габріэли слегка поблѣднѣло.

— Однако, намъ пора въ дорогу, произнесла она:—до свиданія Бржостекъ! счастливый путь!

Казимірова Воля, со времени освященія, значительно увеличилась: прибавилось еще нѣсколько новыхъ домовъ и хозяйскихъ строеній; огородъ и садики тѣшили взоръ образцовымъ порядкомъ; всюду виденъ былъ трудъ и забота.

Габріэль объяснила Касѣ главную цѣль своего посѣщенія и показала ей рисунокъ.

— О, онъ съумѣетъ это сдѣлать, дорогая барышня!.. воскликнула Кася:—и будетъ стараться по возможности.

Габріель сняла шляпку и задумалась. Темносинее платье изъ тонкаго тибета обхватывало ея стройную фигуру. Бѣлый стоячій воротничекъ былъ застегнутъ большой рубиновой запонкой. Свѣжій вѣтерокъ снова вызвалъ краску на ея щоки.

— Это кресло для дорогой барыни должно быть образцомъ его работы! говорила Кася:—нашъ баринъ еще сегодня снова повторилъ ему, чтобы онъ не бросалъ тонкой работы и...

— Сегодня? спросила Габріэль, у которой духъ захватило.

— Онѣ были сегодня здѣсь съ попомъ и Рембовичемъ.

— Но вѣдь они уѣхали въ Домбровицы?

— Уѣхали. Только выбрались они въ такой неудачный день, что несчастья встрѣчали ихъ на каждомъ шагу. Во-первыхъ, лопнуло колесо у совсѣмъ новой коляски; исправивъ его, они поѣхали дальше. Затѣмъ пала лошадь... и на это они не обратили вниманія. Только, когда архитекторъ, съ которымъ они хотѣли ѣхать въ Домбровицы, оказался больнымъ, тогда только Рембовичъ воскликнулъ:

— Вернемся домой и отложимъ на время поѣздку.—Баринъ, разумѣется, не сопротивлялся: что имъ было дѣлать тамъ безъ архитектора? Вотъ они и вернулись домой въ Орлово.

— И сегодня были здѣсь?

— Да, утромъ были оба.

Габріэль свободно вздохнула, рѣшивъ, что во второй разъ имъ незачѣмъ сюда пріѣзжать.

— Они же и разсказывали свои приключенія, продолжала Кася:—ахъ, да! Рембовичъ еще потерялъ свою феску; у нашего барина пропалъ портсигаръ, лакей исцарапалъ руку, а у кучера сломался новый кнутъ.

Digitized by Google

— Правда, приключеній было немало, замѣтила Габріэль: — но самое печальное произошло съ конемъ.

— И это былъ любимый конь барина. Однако, я сбѣгаю за мужемъ, чтобы онъ поторопился.

— Хорошо! А то мнѣ нельзя долго оставаться.

Кася убѣжала, а Габріэль, опершись головой на руку, продолжала смотрѣть чертежъ; но мысли ея были далеко: вспомнила она памятный день въ Казиміровой Волѣ... очаровательную Дельфину... и все это болѣзненно отозвалось въ ея сердцѣ.

Повернувъ на дорогу къ Заціонжу, Бржостекъ полулежалъ неподвижно, упиваясь свѣжимъ воздухомъ безоблачнаго дня, затѣмъ закурилъ трубку: надъ нимъ и впереди вились роемъ комары.

Въ это время поровнялись съ нимъ два всадника на прекрасныхъ, породистыхъ коняхъ. Возокъ остановился, и Бржостекъ радостно привѣтствовалъ Густава и Людовика.

— Вотъ такъ счастливая встрѣча!—воскликнулъ онъ, подбрасывая фуражку:—и это уже вторая на протяженіи трехъ верстъ.

— А кого же вы еще встрѣтили? спросилъ Людовикъ:—не Теодору ли?

— Спаси, Господи, и помилуй! перекрестился Бржостекъ:—это я счелъ бы дурнымъ предзнаменованіемъ. Нѣтъ, я встрѣтилъ ангельски добрую Габріэль Горинскую.

Сѣрый конь Густава неспокойно заходилъ на мѣстѣ.

— Гдѣ же вы ее встрѣтили? Она такъ мало выѣзжаетъ.

— Потому-то и счастье, что встрѣтилъ. Она ѣхала въ Казимірову Волю къ столяру Зрембѣ, заказать ему какое-то кресло для матери.

— А-а!

— Она теперь проѣхала? спросилъ Густавъ и покраснѣлъ.

— Только что! Провожаетъ ее горничная. Въ Коржево пріѣхалъ Эдмундъ и проситъ ускорить свадьбу. Вотъ тамъ такъ свадьба за свадьбой. Ну, да помогай имъ Богъ! Барышни подростаютъ, какъ цвѣточки!.. Встрѣтилъ я у нихъ и дамъ изъ Щитника.

— Пріѣзжайте-ка къ намъ завтра и разскажите всѣ новости, а то лошади не хотятъ стоять на мѣстѣ.

— Вѣрно, вѣрно! Мнѣ тоже нужно торопиться въ Заціонжъ, а завтра я къ вашимъ услугамъ.

Всадники направились въ противоположную сторону.

Габріэль все еще сидѣла, задумавшись. Грустныя воспоминанія дошли, наконецъ, до того памятнаго свиданія у пруда, и сле-

Digitized by Google

зы наполнили ея большіе сѣрые глаза. Вдругъ ея слуха коснулся шумъ приближающихся шаговъ, и, поднявъ голову, она увидѣла передъ собою Густава. Вся кровь прилила къ сердцу; она вздрогнула, чуть не упала со скамейки и, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, порывисто встала.

— Габріэль! произнесъ онъ, схвативъ ея руку:—простите, что я воспользовался случаемъ... Я очень несчастливъ... Возьмите назадъ свое рѣшеніе, свой отказъ! Выслушайте меня! страстно умолялъ онъ, опускаясь на колѣни.

— Ради Бога! что вы дѣлаете! воскликнула растерявшаяся дѣвушка, оглядываясь на всѣ стороны:—Оставьте!.. И блѣдная, обезсиленная отъ внутренняго волненія, она опустилась на скамейку.

— Простите меня! произнесъ онъ, поднимаясь, но не выпуская ея дрожащей руки: — вы предположили, что я осмѣлился просить вашей руки, любя другую.

— Я думаю... такъ говорили... чуть слышно прошептала дѣвушка.

— Габріэль! возьмите назадъ свое рѣшеніе! Примите это сердце, которое только для васъ бьется!

— Но, можетъ быть, вы сами себя обманываете!

— Я раньше ошибался и обманывалъ себя, но теперь я узналъ истинное, святое чувство! Не смотря на нанесенную мнѣ рану, по прежнему... нѣтъ, я еще сильнѣе люблю васъ! Габріэль! вѣрите ли вы мнѣ?

— Вѣрю! тихо произнесла дѣвушка.

— Скажите же мнѣ, любите ли вы меня хоть немножко? спросилъ Густавъ дрожащимъ голосомъ и снова опустился на колѣни:—неужели ваше сердце ничего не говоритъ за меня?

— О, Господи! и двѣ прозрачныя слезы скатились по ея пылающему лицу.

— Оно давно уже заговорило— сорвалось съ ея губъ, и она закрыла рукою глаза.

— О! всю жизнь за это слово!—и онъ прижалъ къ губамъ обѣ ея руки:—а какъ я страдалъ!

— И я страдала, со слезами на глазахъ произнесла дѣвушка.

— Габріэль, радость моя! Мое счастье и жизнь! Навѣки моя!— страстно шепталъ Густавъ, и безграничное счастье звучало въ этихъ словахъ.

Затѣмъ онъ сѣлъ подлѣ нея, не выпуская ея рукъ, разсказалъ ей все, что пережилъ, перечувствовалъ и перестрадалъ со дня ихъ встрѣчи и до настоящей минуты. Она, въ свою очередь, передала ему свои впечатлѣнія, чувства и терзанія.

Digitized by Google

Долго проговорили бы они, еслибъ не подошли Кася съ мужемъ и горничная; мастеръ и жена его удивились, увидя помѣщика. Въ это же время подошелъ и Людовикъ и привѣтствовалъ смущенную барышню; но смущеніе ея было непродолжительно, и вскорѣ всѣ искренно смѣялись и чувствовали себя вполнѣ свободно. Габріэль переговорила съ мастеромъ, и онъ обѣщалъ скоро сдѣлать работу.

Солнце склонялось къ западу, напоминая, что пора возвращаться домой. Габріэль простилась съ Касей, и съ румянцемъ на лицѣ подала руку Густаву, которую тотъ крѣпко поцѣловалъ; затѣмъ она подала руку Рембовичу.

— А развѣ вы не позволите, чтобы мы проводили васъ? спросилъ онъ.

— Это утомитъ васъ, въ смущеніи прошептала Габріэль.

— Видитъ Богъ, какъ я счастливъ!—тихо произнесъ Густавъ, усаживая ее въ коляску. Рядомъ съ ней, легкою рысью бѣжали кони всадниковъ. Для счастливыхъ влюбленныхъ все окружающее представлялось теперь въ совершенно иномъ видѣ: и голыя поля, и сосновый лѣсъ обратились въ очаровательную картину. По синему небу катились облака. Ароматъ полей, луговъ и лѣсовъ смѣшался со свѣжимъ оживляющимъ воздухомъ чуднаго вечера. Кавалькада подвигалась шумно, весело. Когда они проѣзжали Сосницкій лѣсъ, вечерняя заря уже блѣднѣла.

Изъ-за лѣсу выплылъ полный мѣсяцъ, незамѣтно поднимаясь все выше. Густавъ и Людовикъ сопровождали коляску до самой Сосницы. Затѣмъ молодые люди простились. Коляска повернула къ лѣсничеству. Въ залѣ уже былъ огонь. Габріэль вошла съ выраженіемъ радости и счастья. Она подошла къ матери, стала на колѣни и крѣпко прижалась къ ней.

— Что, дитя мое?... воскликнула Горинская:—слезы!.. Ты плачешь?..

— Мама, милая, дорогая! Я такъ счастлива! и тихимъ голосомъ она разсказала матери всю исторію своей любви.

— Вскорѣ вернулся отецъ и съ радостью узналъ о случившемся. На другой день еще стрѣлка не дошла до двѣнадцати, когда къ крыльцу подкатила четверка горячихъ взмыленныхъ лошадей. Изъ коляски выскочили Густавъ и Людовикъ.

Счастье и радость поселились въ тихомъ, уединенномъ домѣ. Родители благословили жениха и невѣсту. Рембовичъ, поглаживая лысину, самодовольно повторялъ: „есть тоже и моя копѣечка въ этомъ дѣлѣ“, въ то время какъ Густавъ говорилъ: „колонія принесла мнѣ счастье!“

Digitized by Google

На слѣдующій день Габріэль отправила тетѣ длинное письмо

Быстро разнеслась по всей окрестности вѣсть о помолвкѣ графа Густава Орловецкаго съ Габріэлью Горинской. Изъ Коржева прислали въ Сосницу искреннія поздравленія и сердечныя пожеланія. Теодора съ Изельдой тотчасъ же отправились въ Варшаву, побуждаемыя чувствомъ дружбы: Боручинскія еще были въ Варшавѣ и имъ хотѣлось пораньше сообщить это важное извѣстіе. Онѣ остановились въ той же гостинницѣ и тотчасъ же спросили. дома ли графиня. Боручинскія были на вечерѣ, такъ что только на слѣдующій день, утромъ, онѣ отправились къ нимъ. Благодаря близкому знакомству, ихъ встрѣтили съ радостью.

Боручинскія пили чай. Дельфина была въ роскошномъ утреннемъ костюмѣ. Послѣ первыхъ общепринятыхъ фразъ, прибывшія разсказали важную Орлово-Сосницкую новость.

Графиня Боручинская посинѣла, губы ея дрожали, а пальцы, которые она протянула за булкой, какъ-то странно искривились. Коморовичъ вскочилъ, при чемъ опрокинулъ чашку съ чаемъ, а его рыжій парикъ граціозно наклонился къ лѣвому уху. Дельфина сложила губки въ ироническую улыбку и поблѣднѣла; бантикъ изъ голубой ленты на груди замѣтно заколыхался, но она спокойно доѣла сухарикъ, хотя тотъ какъ будто застрялъ въ горлѣ: должно быть, былъ слишкомъ сухъ. На другой день графиня сдѣлала новый заемъ подъ залогъ имѣній, а на третій—они уѣхали въ Вѣну.

Эти подробности дамы изъ Щитника разсказывали всѣмъ, кто только хотѣлъ слушать, а вскорѣ послѣ того распустили слухъ, будто руки Дельфины добивается какой-то венгерскій магнатъ. Соболѣзновали при этомъ съ истинно дружескимъ чувствомъ, что всѣ эти ухаживанія и поклоненія обыкновенно оканчиваются ничѣмъ.

— C'est triste! вздыхала Теодора, пожимая плечами.

— А я такъ ее люблю! прибавляла Изельда.

— Прелестна, какъ Клеопатра!

— Какъ мои розы!.. жаль, что она не сдѣлалась владѣтельницею Орлова.

— Онъ ее никогда не забудетъ!

— А между тѣмъ забылъ окончательно и даже хуже, чѣмъ забылъ.

Свадьба Густава и Габріэли была въ сентябрѣ. Все предсказываетъ имъ счастливую жизнь, а если и слеза когда нибудь на вернется, такъ вѣдь и ту они раздѣлятъ пополамъ.

Конецъ.

Digitized by Google

Въ бору.

Разсѣянъ въ воздухѣ туманъ голубоватый.
И слабо чуется въ дыханіи паровъ—
То будто вялый листъ, то будто гарь лѣсовъ...
Вхожу я въ дикій боръ, недвижный и мохнатый:
Въ немъ солнце дымное сквозитъ изъ-за вѣтвей
И смутны очерки просвѣтовъ и тѣней
Вдоль мшистаго ковра подъ темными стволами;
Все иглы бурыя разсѣяны пластами,
Да корни старые пересѣкаютъ путь...
Но крѣпкимъ воздухомъ упиться хочетъ грудь
И бодрость чуется и странная тревога,
Какъ будто счастіе виднѣется съ порога
Живое, близкое, и шлетъ привѣтный зовъ—
На трудъ, на радости, на свѣтлый рядъ годовъ,
И окрыленный шагъ ужь васъ торопитъ къ цѣли...
И вдругъ вы видите: прямыя вѣтви ели
Такъ хмуро замерли съ ихъ темной бахромой,
Такъ явственно исчезъ крылатый міръ лѣсной—
Что въ этой тишинѣ и ясности красивой
Душа смущается печалью молчаливой,
Нѣмой и сладостной какъ будто нѣжный хоръ
Напѣвы юности приноситъ въ тихій боръ,
И тѣни прошлаго при блескѣ паутины
Витаютъ, свѣтлыя, съ улыбкою кончины.

Д. Мережковскій.

Digitized by Google

ФОРМЫ ПОДВОРНАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВЪ РОССІИ.

III.

Кромѣ центральной Россіи, малороссы населяютъ еще степи. Однако, мы не станемъ разсматривать организацію ихъ землевладѣнія въ этой мѣстности, такъ какъ за немногими исключеніями (когда вся пахотная земля нарѣзывается собственнику въ одномъ участкѣ) здѣсь господствуетъ та же черезполосица, съ какою мы познакомились выше. Гораздо интереснѣе примѣръ иностранныхъ поселенцевъ въ той же степной полосѣ, и по преимуществу нѣмцевъ. Эти послѣдніе явились къ намъ изъ страны, гдѣ они жили при совершенно иныхъ условіяхъ, выработали индивидуалистическій взглядъ на собственность и принесли съ собой довольно высокую земледѣльческую культуру, требующую, какъ говорятъ, полной свободы сельско-хозяйственной дѣятельности. Съ своей стороны, приглашая иностранцевъ въ Россію и обѣщая имъ всякія льготы, правительство имѣло въ виду ихъ культурное вліяніе на крестьянское производство, а, для обезпеченія постояннаго прогрессивнаго развитія хозяйства колонистовъ, оно приняло слѣдующія мѣры. Отдавая землю въ общинную собственность поселенцевъ, оно въ то же время вводило подворно-наслѣдственное пользованіе 60-десятиннымъ надѣломъ семьи, который не долженъ былъ дробиться между наслѣдниками, а цѣликомъ переходить къ одному изъ нихъ. Если при этомъ имѣть еще въ виду, что «основная мысль законодателя состояла въ томъ, чтобы каждая семья получила всѣ угодья нормальнаго надѣла въ одномъ отрубѣ» (Клаусъ), то сдѣлается яснымъ, что вновь нарождаемымъ культуртрегерамъ обезпечивались наилучшія условія для свободной сельско-хозяйственной дѣятельности, столь необходимой для выполненія ихъ высокой миссіи. Но вышло нѣчто, совершенно неожиданное. Первые же шаги новаго существованія нѣмцевъ заключались въ томъ, что они переняли господствующее въ русскомъ крестьянствѣ распланированіе угодій. Поволжскія колоніи «усвоили даже себѣ окончательно крестьянскій общинный порядокъ пользованія землями съ его срочными передѣлами угодій на наличное число душъ». Другія хотя не настолько подчинились вліянію тѣхъ, кого они призваны были научить хозяйству, а слѣдовательно и цѣлесообразному распредѣленію сельско-хо-

Digitized by Google

зяйственныхъ угодій,—нашли тѣмъ не менѣе необходимымъ принять ту систему этого распредѣленія, какая была выработана продолжительной практикой туземнаго населенія. Такъ поступили даже колоніи петербургской губерніи, которыя находились на глазахъ у высшаго начальства и по мысли правительства «должны были служить примѣромъ въ благоустройствѣ и сельскомъ домоводствѣ для колонизацій прочихъ мѣстностей имперіи» и гдѣ, поэтому, оно стремилось дать возможно строгое примѣненіе закону. «Отводъ всѣхъ угодій надѣла каждой семьѣ въ одномъ отрубѣ встрѣтилъ непреодолимыя препятствія, съ одной стороны, въ разнообразіи мѣстныхъ почвенныхъ условій, съ другой—въ разныхъ весьма существенныхъ неудобствахъ по вопросамъ внѣшней безопасности, общественнаго благочинія и т. д. Ни одно поселенческое общество не согласилось основать свою усадебную осѣдлость въ разбивку, каждому двору на своемъ отрубномъ участкѣ... а распорядились они своимъ надѣломъ такимъ образомъ. Изъ общаго пространства были вырѣзаны: 1) сплошная усадьба для цѣлаго поселенія, изъ которой каждая семья получила дворовое мѣсто съ огородомъ, садомъ и т. д. по уравнительному раздѣлу; 2) общій выгонъ; 3) лѣсное угодье въ общее же пользованіе цѣлой колоніи. Затѣмъ оставались сѣнокосы и пахотныя поля. Эти угодья, соображаясь съ качествомъ почвы, разстояніемъ полей отъ усадьбы и другими мѣстными условіями, были разбиты на болѣе или менѣе значительное число полей; въ каждомъ полѣ, а также изъ сѣнокоса всякій отдѣльный дворъ получалъ свой пай по уравнительному передѣлу. Самая система хозяйствованія установлялась по усмотрѣнію не отдѣльныхъ хозяевъ, а общества или схода». оже самое произошло и въ степныхъ колоніяхъ. «Меноннтскія общества, основываясь въ степяхъ, имѣющихъ слишкомъ мало общаго съ угодьями петербургской губерніи, распредѣлили тѣмъ не менѣе свой надѣлъ совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ и петербургскіе колонисты». Прибавимъ, что и принципъ нераздѣльности хозяйства примѣнялся сравнительно въ немногихъ поселеніяхъ *).

Этотъ урокъ не пропалъ даромъ. Въ дальнѣйшихъ правительственныхъ узаконеніяхъ о колонистахъ принятое ими общинное распредѣленіе угодій признается, какъ исходный пунктъ организаціи землепользованія. Посмотримъ же на современное положеніе иностранныхъ колоній въ Россіи, какъ оно рисуется земскими статистическо-экономическими изслѣдованіями.

Въ Одесскомъ уѣздѣ насчитывается 29 колоній съ населеніемъ около 5,000 дворовъ и среднимъ надѣломъ 25,7 дес. на семью. Хотя нормальный дворовый участокъ, полученный первыми поселенцами, равнялся 60 десят. на семью и по закону этотъ участокъ долженъ, не раздѣляясь, пе-

*) Клаусъ.—„Наши колоніи“.

Digitized by Google

реходить къ одному наслѣднику, тѣмъ не менѣе, это правило не соблюдается и участки сильно дробятся. Такъ, изъ 1,970 земельныхъ дворовъ одиннадцати колоній нормальные участки сохранились у 306 семей, увеличенные—у 69; у остальныхъ участки меньше нормы, причемъ у 76% они колеблятся отъ $^1/_2$ до $^1/_8$ нормальнаго и ниже. Толока у всѣхъ членовъ общая, пахотное поле разбивается на участки и гоны, число которыхъ доходитъ до 20—30, и каждый хозяинъ получаетъ во всѣхъ нихъ по полосѣ. Зная, что нѣкоторые дворы владѣютъ 10—14 дес. и меньше, и что величины гоновъ въ той же колоніи далеко не одинаковы, мы легко сообразимъ, до какой дробности доходитъ землевладѣніе колонистовъ. Такъ какъ въ колоніяхъ ведется правильное переложное хозяйство, то черезполосность владѣнія ведетъ и къ обязательному сѣвообороту. Періодически происходитъ смѣна истощеннаго пахотнаго поля на толоку, изъ засѣваемыхъ смѣнъ одна предназначается подъ картофель, другая—подъ кукурузу и т. д.

Въ 34 колоніяхъ Мелитопольскаго уѣзда Таврической губерніи встрѣчается два типа хозяйствъ: большеземельныя, получившія по 60 дес. на дворъ, и малоземельныя, образовавшіяся изъ безземельныхъ надѣленіемъ ихъ 12 десятинами въ 60-хъ годахъ текущаго столѣтія. Пахотная земля тѣхъ и другихъ находится въ разныхъ мѣстахъ, толока же у всѣхъ общая Пахотная земля большеземельныхъ состоитъ въ сильнѣйшей черезполосицѣ. сравнительно съ малоземельными; въ среднемъ выводѣ по всѣмъ колоніямъ каждое хозяйство получаетъ пашню (31 — 47 дес.) въ 28 мѣстахъ; но есть поселенія, гдѣ она разбита на 40 черезполоснымъ участковъ. Величина полосы мѣстами доходитъ до 400 кв. саж. Пахотное поле малоземельныхъ дворовъ разбито на 4—12 черезполосныхъ частей. Пріобрѣтая участокъ общественника, колонистъ беретъ его со всей черезполосицей и, такимъ образомъ, чѣмъ богаче онъ становится, тѣмъ больше у него и черезполосныхъ участковъ. Сѣвооборотъ въ колоніяхъ Мелитопольскаго уѣзда (въ противоположность Бердянскому) свободенъ, за исключеніемъ обязательства сѣять кукурузу на опредѣленномъ мѣстѣ.

Въ пользованіи сѣнокосомъ (гдѣ таковой существуетъ) замѣчается еще больше общинныхъ чертъ. Ежегодно лугъ, смотря по качеству травы, раздѣляется на нѣсколько участковъ, и всякій хозяинъ по жребію получаетъ свою долю въ каждомъ изъ нихъ. Впрочемъ, многіе колонисты, ради качественнаго уравненія всѣхъ членовъ въ пользованіи пахотной землей, по временамъ переверстываютъ и эту послѣднюю. Въ заключеніе однако прибавимъ, что «въ послѣднее время среди колонистовъ Мелитопольскаго уѣзда, особенно у владѣльцевъ нѣсколькихъ хозяйствъ (страдающихъ, какъ мы видѣли, особенной черезполосицей) происходитъ сильное движеніе противъ общаго владѣнія черезполосными участками; многіе желаютъ нарѣзать 50-десятинные участки въ одинъ отрубъ, уничтожить

Digitized by Google

обязательный сѣвооборотъ, общій выгонъ и сѣнокосъ, словомъ, перейти къ полной частной собственности».

Въ Поволжскихъ колоніяхъ, какъ это видно изъ вышеприведеннаго заключенія г. Клауса и указаній г. Трирогова *), приняты даже передѣлы и переверстка полей. Къ сожалѣнію, земельное изслѣдованіе Самарской и Саратовской губ. пока еще не коснулось мѣстностей, населенныхъ колонистами, и потому мы не можемъ познакомить читателя съ господствующими здѣсь порядками. Впрочемъ, въ сборникѣ по Самарскому уѣзду имѣется описаніе 10 маленькихъ поселеній колонистовъ, составляющихъ всего 127 дворовъ и возникшихъ здѣсь 30 лѣтъ назадъ на отрубныхъ участкахъ. Половина изъ нихъ имѣютъ больше 67 дес. на дворъ, въ томъ числѣ большинство владѣетъ 100—200 дес. на семью. Это скорѣе помѣщики, нежели крестьяне, тѣмъ болѣе, что и земледѣлье у нихъ ведется наемнымъ трудомъ, безъ непосредственнаго участія хозяевъ, ограничивающихся надзоромъ и руководствомъ. Затѣмъ, они были поселены на готовые участки, пахотная земля которыхъ была нарѣзана каждому въ одномъ мѣстѣ близъ усадьбы; выгонъ же находится у нихъ въ общемъ пользованіи.

Черезполосную распланировку угодій находимъ мы въ болгарскихъ колоніяхъ Одесскаго уѣзда, равно какъ и среди болгаръ и другихъ выходцевъ изъ Бессарабіи, въ послѣднія 20 лѣтъ поселившихся въ Таврической губерніи. Получивъ по 50—60 десятинъ въ подворно-наслѣдственное владѣніе, они разбили весь участокъ, отведенный поселенію, на нѣсколько полей, эти послѣдніе—на столбы, и въ концѣ концовъ оказалось, что каждый домохозяинъ получаетъ землю въ 20—30 кускахъ.

Такое же расположеніе угодій мы встрѣчаемъ и въ Бессарабіи. Обращаясь для выясненія вопроса къ Хотинскому уѣзду, обстоятельно изслѣдованному мѣстнымъ земствомъ, мы узнаёмъ, что онъ населенъ русинами и молдованами, до 1868 года не имѣвшими собственной земли, а жившими на частно-владѣльческой, на извѣстныхъ, регулируемыхъ государствомъ, условіяхъ. Въ 1868 г. вышло «Положеніе о царанахъ», по которому послѣдніе получали землю въ постоянное пользованіе (съ возможностью выкупа) за опредѣленный оброкъ владѣльцу. Земля давалась въ подворно-наслѣдственное владѣніе, съ надѣленіемъ всѣхъ дворовъ поровну; количество земли, поступившей такимъ образомъ въ пользованіе царанъ, увеличивалось на 50%. Отводъ земли каждому домохозяину въ натурѣ предоставлялся самимъ обществамъ, и вотъ какъ они ею распорядились.

«Приступая къ разверсткѣ земли, общество прежде всего условливалось, какое пространство получаемаго надѣла должно быть отведено подъ толоку, которая почти вездѣ находится въ общинномъ пользованіи всѣхъ

*) „Община и подать“, стр 50.

Digitized by Google

надѣльныхъ хозяевъ и не раздѣляется межами на отдѣльные участки. Остающаяся земля, по качеству почвы и по разстоянію отъ усадьбы, разбивалась на то или иное число большихъ участковъ, каждый изъ которыхъ раздѣлялся поровну между всѣми хозяевами, такъ что каждый изъ нихъ получалъ свою пашню въ столькихъ мѣстахъ, насколько участковъ разбивалось поле». Количество и размѣръ этихъ полосъ зависѣли отъ величины надѣла и однообразія въ качествѣ почвы. Въ большеземельныхъ обществахъ и съ однокачественными полями каждый участокъ семьи равняется $^1/_2$—1 дес. При разнообразіи почвы, ея величина отпускается до 460 кв. саж. и ниже. Всего два общества царанъ нарѣзали пашню каждому хозяину въ одномъ мѣстѣ. Въ остальныхъ, при надобности, допускаются даже переверстки. Несмотря на указанную черезполосность, сѣвооборотъ свободенъ, за исключеніемъ посѣва кукурузы, для которой отводится особый участокъ. Это дѣлается потому, что еслибы кукуруза была посѣяна черезполосно съ прочимъ хлѣбомъ, то, поспѣвая двумя мѣсяцами позже другихъ, она затрудняла бы пользованіе убраннымъ полемъ какъ пастбищемъ. Изъ этого же примѣра видно, что свобода сѣвооборота допускается обществомъ только потому, что, при однообразіи культуры, общество не испытываетъ отъ того никакихъ неудобствъ. Но еслибы отдѣльные крестьяне приступили къ преобразованіямъ хозяйства, требующимъ рѣзкихъ перемѣнъ высѣваемыхъ растеній, общество вѣроятно бы вмѣшалось со своимъ veto, какъ оно вмѣшивается въ настоящее время по отношенію къ посѣву кукурузы, а также запрещая кому бы то ни было распахивать свою долю толоки *).

Описанная форма распланированія угодій господствуетъ и среди другихъ иностранныхъ или инородческихъ поселеній Россіи. Такъ, финны Петербургской губерніи, если не перешли къ общинному землевладѣнію, отводятъ каждому хозяину по участку во всѣхъ угодьяхъ. Земля четвертныхъ владѣльцевъ—татаръ Саратовской губ.—характеризуется такой же черезполосицей, какъ и община, и т. д.

Итакъ, не только русскіе, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій находившіеся подъ вліяніемъ идеи общиннаго землевладѣнія, но и иностранные выходцы, развивавшіеся при другихъ условіяхъ, выработавшіе иной взглядъ на земельную собственность и принесшіе съ собою иную культуру, поселяясь въ Россіи, принимаютъ организацію землевладѣнія, построенную по общинному типу, организацію, ведущую къ такимъ хозяйственнымъ неудобствамъ, какъ раздробленіе и черезполосность владѣнія, отдаленность полей отъ усадьбы, иногда подчиненіе въ большей или меньшей степени обязательному сѣвообороту и т. п. Очевидно, что стремленіе отклониться отъ господ-

*) Сборникъ стат. свѣд. по Хотинскому уѣзду Бессарабской губ.

Digitized by Google

ствующихъ сельско-хозяйственныхъ распорядковъ и для того обезпечить себѣ полную свободу дѣйствій, если таковое у нихъ существуетъ, уступаетъ другимъ удобствамъ, вытекающимъ изъ системы, построенной на общинномъ принципѣ взаимной зависимости.

IV.

Бо́льшая часть разсмотрѣнныхъ нами поселеній съ черезполоснымъ распредѣленіемъ угодій образовалась давно, и земля получена ими не путемъ покупки, а по надѣлу отъ государства, слѣдовательно, безъ личныхъ пожертвованій каждаго; можно поэтому предположить, что, устраиваясь на новыхъ мѣстахъ, поселенцы вначалѣ не относились къ землѣ съ ревностью, присущей настоящимъ собственникамъ, не очень настаивали на личномъ интересѣ каждаго, а разъ принятая, хотя и неудобная, система держится потомъ уже по инерціи. Гораздо интереснѣе поэтому посмотрѣть, какъ устраиваются крестьяне на купленныхъ земляхъ, въ особенности въ случаяхъ, когда они разрываютъ съ родиной и поселяются заново, перебираясь иногда въ другой климатъ, въ незнакомую обстановку. Здѣсь крестьянинъ, заплативъ за землю кровныя денежки и будучи свободенъ отъ традиціонныхъ формъ, тяготѣвшихъ надъ нимъ на надѣльной землѣ, можетъ распорядиться собственностью по своей волѣ: т. е. стремиться удовлетворить требованіямъ союзной жизни и дѣятельности, если преобладаютъ таковыя, или обезпечить себѣ свободу сельско-хозяйственнаго распоряженія землей, если въ немъ уже зародилось сознаніе неудобствъ зависимости отъ другихъ и стремленіе къ измѣненіямъ земледѣльческой культуры, къ полной и самостоятельной сельско-хозяйственной дѣятельности. Благодаря главнымъ образомъ дѣятельности крестьянскаго банка, у насъ есть возможность познакомиться съ организаціей мелкаго землевладѣнія на купленныхъ земляхъ, пользуясь для этого описаніями такихъ покупокъ въ изданіи земско-статистическихъ бюро, а также отчетами членовъ правленія банка, лично посѣщавшихъ вновь образованныя поселенія и наблюдавшихъ собственными глазами поземельные распорядки.

Просматривая съ этой цѣлью труды земскихъ статистическихъ бюро мы узнаёмъ, что лишь въ рѣдкихъ случаяхъ товарищество крестьянъ, пріобрѣтая имѣніе, раздѣляло его между членами отрубными участками. Въ Одесскомъ и Елизаветградскомъ уѣздахъ Херсонской губерніи, напримѣръ, купленная земля есть у русскихъ, нѣмцевъ и болгаръ, у крестьянъ и мѣщанъ, и находится она въ подворно-наслѣдственномъ владѣніи. Не смотря на это, «способы землевладѣнія, по словамъ хсрсонскихъ статистиковъ, должны сильно разочаровать защитниковъ и покровителей хуторскаго (фермерскаго) землевладѣнія и хозяйства, такъ какъ здѣсь участки това-

Digitized by Google

рищей-собственниковъ прирѣзаны каждому не въ отрубѣ, а черезполосно». «Черезполосная форма владѣнія теперь только начинаетъ нарождаться (въ Елизаветградскомъ уѣздѣ) среди владѣнія товариществъ нѣмцевъ или крестьянъ, которые, купивъ на собственныя средства или при помощи крестьянскаго банка имѣніе, разбиваютъ существовавшія въ немъ крупныя клѣтки на болѣе мелкіе участки и полоски, лежащія черезполосно». «Для наглядности мы опишемъ пользованіе землею въ с. Еремѣевкѣ, купленномъ три года тому назадъ 43 нѣмцами. Послѣ покупки этого села, заключающаго около 2000 десятинъ, нѣмцы стали устраиваться въ немъ какъ можно удобнѣе и справедливѣе. Для осуществленія этого, по ихъ понятіямъ, не надо каждому строить себѣ отдѣльный хуторъ, копать отдѣльную криницу, имѣть свою собственную толоку и т. п. Напротивъ, они первымъ долгомъ выбрали себѣ мѣста подъ усадьбу, отрѣзали общую толоку, почистили общіе колодцы, словомъ, сдѣлали все, чтобы жить селомъ, по сосѣдски, а не въ одиночку. Относительно полевой земли они порѣшили, что нарѣзывать каждому участокъ въ отрубѣ будетъ несправедливо, потому что, хотя почва полей почти одинаковая, но зато дождь будетъ идти не у всѣхъ одинаково—у одного больше, а у другаго меньше—и нашли много подобныхъ доказательствъ, имѣющихъ для нихъ значеніе аксіомъ. Для уравненія же всѣхъ, они подѣлили пахотную землю на 9 участковъ», и всякій долженъ получить свою часть въ каждомъ изъ нихъ *).

Тоже самое наблюдается въ Екатеринославской губерніи. «При покупкѣ товариществомъ,—говоритъ г. Пругавинъ о Славяносербскомъ уѣздѣ,—земля отводится крестьянамъ въ общее владѣніе по числу наличныхъ душъ домохозяйства», какъ значится въ купчихъ крѣпостяхъ, т. е. въ такихъ случаяхъ устанавливается закономъ строго опредѣленное, наслѣдственное подворное владѣніе землей. Но жизнь и хозяйственныя условія заставляютъ вскорѣ существеннымъ образомъ видоизмѣнить такую форму землевладѣнія. При дѣлежѣ купленной земли, крестьяне, имѣя въ виду возможно уравнительное въ качественномъ отношеніи распредѣленіе земли, разбиваютъ ее на болѣе или менѣе значительное число пайковъ и полосъ, т. е. придаютъ ей тотъ черезполосный видъ, какой обыкновенно имѣетъ земля при общинной формѣ земельныхъ отношеній... Черезполосность, пережеребьевки и другіе признаки общиннаго владѣнія наблюдаются даже въ тѣхъ случаяхъ, когда земля куплена всего 2—3 домохозяевами». При этомъ указывается примѣръ двухъ крестьянъ, купившихъ участокъ въ 368 десятинъ, изъ котораго одному принадлежитъ 123 дес., другому 245. Не смотря на величину владѣнія, превращающую покупщиковъ въ маленькихъ помѣщиковъ, они не раздѣлились совершенно, а установили черезполосное

*) Мат. для оцѣнки земель, Херсонск. г. Т. I, стр. 81; т. II, стр. 177.

Digitized by Google

владѣніе: длина полосъ у каждаго одна и та же (160 саж.), ширина—у перваго 20 саженей, у втораго—40. Первое время ежегодно мѣнялись полосами, толока у нихъ общая.

Въ Полтавской губерніи, гдѣ сплошь да рядомъ покупки совершаются небольшимъ числомъ хозяевъ и небольшаго размѣра (3—2 дес. на каждаго и меньше), товарищи очень часто распредѣляютъ землю такимъ образомъ, что каждый получаетъ ее въ одномъ кускѣ. Впрочемъ, они заботятся при этомъ, чтобы, въ случаѣ разнокачественности земли, каждому досталось въ одинаковой пропорціи и худшей и лучшей, а если уравненія нельзя достигнуть, нарѣзая участокъ въ отрубѣ,—доля каждаго отводится въ двухъ мѣстахъ и болѣе. Нѣкоторыя товарищества дѣлятъ пахотную землю на 2—3 поля и устанавливаютъ обязательный сѣвооборотъ. Слѣдуетъ однако прибавить, что покупателей большими компаніями и, слѣдовательно, большими участками, представляющими разнокачественность почвы, здѣсь мало; поэтому легче уравняться землей, не прибѣгая къ раздробленію участковъ. И затѣмъ, при отсутствіи переселенія на купленную землю, при сохраненіи усадьбы и главнаго хозяйства на старомъ мѣстѣ, меньше ощущается потребности въ созданіи новаго поземельнаго союза, новой зависимости, приносящей вмѣстѣ съ неудобствами и много выгоды, ибо такой союзъ уже существуетъ.

Управляющимъ и членами правленія крестьянскаго банка были, въ теченіи послѣднихъ 3-хъ лѣтъ, осмотрѣно около полусотни имѣній, купленныхъ крестьянскими обществами и товариществами въ южной степной полосѣ Россіи. Половина этихъ покупокъ относится къ переселенцамъ, другая—къ землямъ, смежнымъ съ надѣлами пріобрѣтателей. Покупщиками являлись крестьяне, великороссы и малороссы.

Хотя нѣкоторыя изъ пріобрѣтеній сдѣланы такъ недавно, что пока еще не успѣли достаточно выясниться порядки землепользованія, тѣмъ не менѣе и теперь уже ясно виденъ преобладающій характеръ послѣдняго. Лишь въ одномъ случаѣ сдѣлалось извѣстно, что пахотную землю крестьяне думаютъ подѣлить отрубными участками по 9 дес. въ каждомъ; въ большинствѣ же принята та же система раздробленія и черезполосности, какая вообще свойственна мелкому землевладѣнію въ Россіи. Разверстка земли въ случаяхъ, гдѣ она описана подробно, производилась обыкновенно такимъ образомъ, чтобы каждому домохозяину досталось земли и худшей, и лучшей по естественнымъ качествамъ, близкой и отдаленной отъ усадьбы, цѣлинной и выпаханной и т. д., въ 5—8 мѣстахъ и больше. Въ нѣкоторыхъ обществахъ установленъ обязательный сѣвооборотъ съ періодическимъ обмѣномъ толоки на пашню; въ другихъ найдено возможнымъ избавить хозяевъ отъ какихъ либо стѣсненій въ ихъ дѣятельности. Нѣкоторыя общества намѣрены производить переверстки для качественнаго уравненія земли и т. д. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Digitized by Google

Времьевское общество Маріупольскаго уѣзда Екатеринославской губерніи отвело землю каждому члену въ 6 мѣстахъ. Въ степи нарѣзано было по 3 участка: на старой залежи, перелогѣ (земля, не пахавшаяся нѣсколько лѣтъ) и на мягкой распаханной землѣ. Въ лучныхъ (заливаемые весенними водами) земляхъ тоже по 3 участка: «одинъ въ той части луки, которая распахивалась у помѣщицы, другой на вѣковѣчной цѣлинѣ, лишь иногда заливаемой водою, и третій—въ ближайшей къ рѣкѣ части, которая заливается водою ежегодно. Забота о равномѣрности распредѣленія земли каждаго качества доходила до того, что въ ближайшей къ рѣкѣ части есть полосы въ $2^1/_2$ сажени ширины при длинѣ 80 саж.». Чайковско-Ѳедоровское товарищество Кременчугскаго уѣзда Полтавской губерніи отвело участокъ каждому домохозяину въ $3^1/_2$ дес., кромѣ усадьбы, въ 8 разныхъ мѣстахъ: въ пахоти—въ 2-хъ участкахъ по $^1/_2$ дес., въ третьемъ по цѣлой; въ сѣнокосѣ $^1/_2$ дес.; въ очеретахъ и лозникахъ: на сухомъ мѣстѣ $^1/_2$ дес., въ постоянно подтапливаемомъ водою столько же; подъ конопли 150 кв. саж.; лѣсу—столько же. Больше-Екатериновское общество Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи отвело въ степи участки многоземельнымъ хозяевамъ въ 5 разныхъ мѣстахъ, малоземельнымъ—въ 3-хъ. Въ плавняхъ (на душу 8 саж. ширины и 80 длины) каждый получилъ въ 4-хъ мѣстахъ: на возвышенности, въ болѣе низкомъ мѣстѣ, годномъ однако для сѣнокоса, въ болотныхъ частяхъ, покрытыхъ лозой или камышемъ, и въ мѣстахъ, покрытыхъ почти всегда водой и лишь изрѣдка доставляющихъ камышъ или лозу, и т. д.

Въ перечисленныкъ случаяхъ, раздробленіе участка объясняется разнокачественностью земли и стремленіемъ крестьянъ уравнять въ этомъ отношеніи доли всѣхъ соучастниковъ. Но черезполосное расположеніе угодій имѣетъ и другое основаніе. Урожаи въ степной полосѣ, частью вслѣдствіе атмосферическихъ, частью—другихъ, неизвѣстныхъ причинъ, нерѣдко располагаются полосами. Оттого, при отрубныхъ владѣніяхъ можетъ случиться, что на всѣхъ земляхъ одного собственника хорошій урожай, у другаго—плохой. При черезполосномъ же расположеніи участковъ, у обоихъ владѣльцевъ плохой сборъ на одной части земли вознаградится хорошимъ на другой. Поэтому, даже при однокачественности земли нѣсколькихъ владѣльцевъ, существуютъ извѣстныя основанія для разверстанья неотрубами, а черезполосно. Все это до того узаконяетъ въ общественномъ мнѣніи крестьянской массы раздробленіе и черезполосность участковъ, что случаи отступленія отъ названнаго начала или даже неполнаго его примѣненія требуютъ спеціальнаго толкованія. Такъ, управляющій крестьянскимъ банкомъ, г. Картавцевъ, при своемъ объѣздѣ купленныхъ при помощи банка имѣній, встрѣтилъ общество (Павловское, Александровскаго уѣзда), гдѣ пахотная земля отводится каждому домохозяину всего въ двухъ мѣстахъ (въ твердомъ и мягкомъ полѣ), несмотря на то, что ея разстояніе

Digitized by Google

отъ села измѣняется отъ 1/2 до 9 верстъ. «Павловское общество не увеличило числа участковъ, что̀ очень уравняло бы условія хозяйства, потому что у каждаго была бы земля и близкая къ селу, и отдаленная отъ него; оно и не установило такого порядка, при которо̀ъ каждый участокъ засѣвается одновременно вызрѣвающими хлѣбами, такъ что выпускъ скота на стерню возможенъ для Павловцевъ лишь поздней осенью. Общество ясно понимаетъ оба эти неудобства, многіе не хотѣли принятаго дѣленія земли, но оно установлено потому, что при настоящемъ порядкѣ радивые хозяева болѣе обезпечены отъ овражковъ и кузьки. При малыхъ немногочисленныхъ участкахъ, трудъ истребленія овражковъ и кузьки не пропадалъ бы ни у кого даромъ въ томъ лишь случаѣ, еслибы всѣ работали одинаково усердно». Иначе: поля нерадиваго хозяина представляли бы пріютъ для животныхъ, откуда имъ удобно дѣлать набѣги на участки, очищенныя отъ нихъ. При большихъ сплошныхъ пространствахъ, принадлежащихъ одному собственнику, указанное неудобство до извѣстной степени избѣгается *).

Кромѣ описанныхъ видовъ подворнаго крестьянскаго землевладѣнія, въ Россіи встрѣчается еще нѣсколько малораспространенныхъ формъ, каковы: землевладѣніе вольныхъ хлѣбопашцевъ, бывшихъ питомцевъ воспитательнаго дома и т. п. Для примѣра организаціи землепользованія у вольныхъ хлѣбопашцевъ, обратимся къ Московской губерніи, для которой есть описанія всѣхъ селеній разсматриваемаго разряда. По закону крестьяне, превращаемые въ вольныхъ хлѣбопашцевъ, получали землю въ подворно-наслѣдственное владѣніе. Между собой же они ее разверстали такимъ точно образомъ, какъ разверстываются общинныя угодья: выгонъ дѣлаютъ общій, пашню разбиваютъ на поля, послѣднія на ярусы, которые и раздѣляютъ между семьями черезполосно; сѣнокосы передѣляютъ ежегодно; многіе по временамъ переверстываютъ и пахотную землю для устраненія слишкомъ мелкой черезполосности и т. д. **).

Въ Саратовскомъ уѣздѣ есть общество бывшихъ питомцевъ воспитательнаго дома, поселенныхъ здѣсь 50 лѣтъ назадъ и надѣленныхъ землей въ подворно-наслѣдственное владѣніе. Однако и у нихъ введены общинные распорядки: выгонъ и лѣсъ находятся въ общинномъ пользованіи, пашня получена каждой семьей въ трехъ мѣстахъ. Переверстокъ, правда нѣтъ, но многіе на нихъ настаиваютъ и даже требуютъ уравнительнаго передѣла.

Въ Самарскомъ уѣздѣ находятся 103 общества крестьянъ, надѣленныхъ также на подворно-наслѣдственномъ правѣ. Это—переселенцы изъ

---

*) Вѣстн. Финанс., промышл. и торговл. 1884 г. № 37—39.
**) Сб. ст. св. по Москов. г., Т. IV, в. I.

Digitized by Google

внутренней Россіи, водворенные здѣсь въ теченіе промежутка времени съ половины 40-хъ годовъ до конца 60-хъ. «Правительство хотѣло испытать, какъ привьется къ переселяющимся крестьянамъ подворно-участковая форма землевладѣнія, и оно тѣмъ больше имѣло шансовъ разсчитывать на успѣхъ, что въ сосѣдствѣ съ ними почти бокъ о бокъ поселились такіе энергичные, трудолюбивые земледѣльцы, какъ меноніты, которые собственно затѣмъ и допущены были въ Россію, чтобы служить образцомъ хозяйства для другихъ земледѣльческихъ сословій». Переселенцы получили по 39 дес. на семью, причемъ «пахотные участки еще до момента водворенія на нихъ крестьянъ разбиты были на различное количество картъ, въ видѣ болѣе или менѣе правильныхъ четырехъугольниковъ». Эта система распланированія земли не нравилась переселенцамъ и масса ихъ, узнавъ въ чемъ дѣло, отказывалась отъ водворенія, предпочитая душевую землю. Такимъ образомъ, крестьяне явились на готовые отрубные участки, которые не могли быть измѣнены безъ согласія владѣльца. Этимъ было положено огромное препятствіе къ какимъ либо переверстаніямъ угодій, для котораго требовалось уже согласіе всѣхъ членовъ общества. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ нихъ уже передѣлали подворную распланировку пашни въ общинную. Что касается остальныхъ, то, при запросѣ земско-статистическаго бюро, 69 деревень выразили желаніе передѣлить или переверстать землю по душамъ. Причины, заставляющія крестьянъ желать разверстанія земли по общинному принципу, выражены ими самими такимъ образомъ: «много стало безземельныхъ; пьяницы и лѣнивые хозяева землю продаютъ; другъ у друга полосы запахиваютъ, и на это обществу нельзя жаловаться; сильные домохозяева отбираютъ землю у слабыхъ». Прибавимъ въ заключеніе, что, не смотря на большіе надѣлы, подворники Самарскаго уѣзда, въ среднемъ, живутъ хуже общинниковъ: по крайней мѣрѣ, процентъ бездомовыхъ и безхозяйныхъ семей у нихъ выше. Это тѣмъ интереснѣе, что вскорѣ послѣ образованія колоній благосостояніе ихъ было такъ высоко, что они приводились въ доказательство преимущества разсматриваемой формы землевладѣнія надъ общинной. (См. «Отеч. Зап.» 1858 г., № 2, ст. Соловьева).

Послѣ всѣхъ тѣхъ фактовъ, какіе приведены на предъидущихъ страницахъ, мы считаемъ излишнимъ останавливаться на случаяхъ превращенія общиннаго землевладѣнія въ личное, имѣвшихъ мѣсто послѣ 19 февраля. Читатель и безъ того догадается, что это превращеніе обыкновенно ничѣмъ не отражалось на распланированіи угодій: черезполосность и дробность участковъ сохранялась по прежнему и даже иногда вызывала переверстку пашни; сѣнокосъ въ большинствѣ случаевъ не подвергался раздѣлу, разъ навсегда распредѣляясь между владѣльцами ежегодно передъ началомъ уборки; выгонъ оставался въ общинномъ пользованіи и т. д. Словомъ, юридическія измѣненія формы собственности не коснулись фак-

Digitized by Google

тическаго ея состоянія, а оно-то и играетъ первую роль въ сельско-хозяйственномъ отношеніи *).

V.

Мы видимъ, что частная крестьянская собственность въ Россіи распланирована по типу общинной,—вѣрнѣе сказать, та и другая, въ отношеніи расположенія угодій, организованы по одному образцу. Отсюда естественно заключить, что причины, вызвавшія расположеніе отдѣльныхъ участковъ, считаемое характернымъ для общины, заключаются не въ мірской формѣ землевладѣнія, по крайней мѣрѣ, не въ ней одной. Нужно допустить существованіе условій, общихъ всему населенію страны и способствующихъ описанному распланированію угодій. Въ числѣ этихъ условій не послѣднюю роль играетъ правительственное вліяніе, такъ какъ государство, отводя землю поселенцамъ и иностранцамъ и даже надѣляя ихъ на правѣ подворнаго владѣнія, нерѣдко нарѣзывало цѣлому обществу землю въ нѣсколькихъ поляхъ, въ видахъ правильнаго сѣвооборота, и тѣмъ какъ бы предрѣшало черезполосное расположеніе отдѣльныхъ владѣній. Но если вліянію этого фактора можно приписать раздѣленіе подворнаго участка пахотной земли на 3 несомкнутыхъ поля, то очевидно, что не этой причинѣ обязаны своимъ существованіемъ 30 и больше кусковъ, на какіе разбитъ каждый участокъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ колоній, напримѣръ, Мелитопольскаго уѣзда. Кромѣ того, указанная правительственная регламентація сельско-хозяйственныхъ распорядковъ поселенцевъ практиковалась далеко не всегда. Въ прошломъ вѣкѣ и въ у послѣднія десятилѣтія текущаго, при отводѣ новыхъ земель на правѣ подворнаго владѣнія, группа переселенцевъ получала лишь участокъ извѣст-

*) Скажемъ кстати, что порядки подворнаго землевладѣнія въ сѣверо-западномъ краю Россіи, населенномъ другимъ племенемъ и развивавшемся подъ иными вліяніями, въ общемъ одинаковы съ тѣми, съ какими мы познакомились на предъидущихъ страницахъ. Здѣсь также „крестьянскій надѣлъ дѣлится между хозяевами на шнуры не только по тремъ полямъ, но и по всѣмъ видоизмѣненіямъ качества почвы. Шнуры эти узкими лентами тянутся по всѣмъ направленіямъ. Весьма поучительно и интересно взглянуть на планъ крестьянскаго надѣла въ западномъ краѣ: участокъ домохозяина, средняя величина котораго простирается до 15 десятинъ, состоитъ изъ 20 и болѣе разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ шнуровъ. Такимъ образомъ, крестьянскій надѣлъ каждаго селенія, не связанный общиннымъ началомъ, представляетъ поражающую черезполосность, которая со временемъ должна достигнуть такихъ размѣровъ, что всякое улучшеніе въ сельскомъ хозяйствѣ станетъ невозможнымъ“. Цитировано по А. Посникову: „Общинное землевладѣніе“, вып. 2, с. 7. См. также статью Клауса, „Вѣстникъ Европы“ 1880 года.

Digitized by Google

ныхъ размѣровъ, который она уже сама разверстывала, какъ находила удобнѣе. И, тѣмъ не менѣе, менониты-переселенцы прошлаго вѣка и болгарскія колоніи, образовавшіяся въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, получивъ по 50—60 десятинъ земли на дворъ, сдѣлали изъ нея такую же пеструю мозаику, какая характезируетъ и общинныя поля. Намъ также извѣстно, что правительство одно время само желало, чтобы поселенцы садились на отрубные участки, и тѣмъ не менѣе, если только оно само не нарѣзало ихъ въ такомъ видѣ (какъ въ примѣрѣ менонитовъ Самарскаго уѣзда), колонія распланировывала угодья по типу великорусской общины. Такимъ образомъ, даже принявъ во вниманіе правительственное вліяніе, остается все таки нерѣшеннымъ вопросъ о причинахъ, заставляющихъ мелкихъ земледѣльцевъ Россіи предпочитать черезполосное расположеніе участковъ отрубному.

Указанное явленіе нельзя относить всецѣло и на счетъ вліянія другаго соціальнаго фактора—общиннаго землевладѣнія массы русскаго народа. Мы знаемъ, что четвертное землевладѣніе Великороссіи выросло изъ помѣстнаго, а не общиннаго, и что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ оно значительно преобладаетъ надъ послѣднимъ; а потому врядъ ли можно утверждать, что въ теченіе процесса превращенія служилаго сословія четвертниковъ въ крестьянское, помѣстная форма владѣнія подверглась стихійному вліянію общинной, а скорѣе позволительно ожидать въ нѣкоторыхъ, покрайней мѣрѣ, случаяхъ—обратнаго явленія. Въ Малороссіи опять таки сомнительно, чтобы преобладающая группа населенія—казачество прибѣгало въ 18 вѣкѣ къ передѣламъ угодій, а въ послѣднія сто лѣтъ оно несомнѣнно владѣло землей на частномъ правѣ, и потому имѣло время освободиться отъ общинныхъ традицій, если онѣ не соотвѣтствовали обстоятельствамъ мѣста и времени, и организовать свое землевладѣніе по образцу типическаго подворнаго. Однако мы видимъ, что и послѣ размежеванія казацкая собственность сохраняетъ тотъ же характеръ дробности и черезполосности, какъ и до него.

Наконецъ, что касается иностранныхъ поселенцевъ въ Россіи—они явились сюда при такихъ обстоятельствахъ, которыя обезпечивали имъ полную независимость отъ общинныхъ вліяній. Они приходили тысячами семействъ, селились вмѣстѣ въ областяхъ, только что освобожденныхъ отъ кочеваго населенія; областяхъ, гдѣ русскіе крестьяне сами были новопоселенцами, гдѣ ихъ, кромѣ того, было немного, почему они не могли оказывать на сосѣдей вліянія своей массой. Формы жизни не имѣли здѣсь прочности, пріобрѣтенной продолжительнымъ существованіемъ; онѣ еще только складывались, и иностранцы по своей численности составляли одинъ изъ немаловажныхъ факторовъ этого процесса. И если, не смотря на сказанное, побѣда осталась за извѣстными началами, которыя и получили всеобщее распространеніе,—этотъ результатъ нельзя всецѣло при-

Digitized by Google

писывать какому-то темному вліянію одной формы землевладѣнія, какъ таковой, на другую, а слѣдуетъ отнести что нибудь и на долю цѣлесообразности и соотвѣтствія уцѣлѣвшей формы условіямъ окружающей дѣйствительности. Правда, община должна была прійтись по сердцу послѣдователямъ ученія Мюнцера и его продолжателей; но въ такомъ случаѣ естественнѣе ожидать, что меноните заимствуютъ у русской общины принципъ количественнаго уравненія совладѣльцевъ, между тѣмъ какъ въ большинствѣ случаевъ они восприняли внѣшнія формы, имѣющія по преимуществу сельско-хозяйственное значеніе. Кромѣ того, меноните поселились въ Россіи въ такое время, когда религіозный пылъ ихъ остылъ; а отношенія, сложившіяся въ ихъ средѣ между многоземельными и безземельными членами общества, показали, что они очень далеки отъ принципа равенства и братства, проповѣдываемаго христіанствомъ. Если же, не смотря на сказанное, они все таки удержали общинную распланировку угодій—это, значитъ, что послѣдняя, кромѣ своей репутаціи, имѣла въ ихъ глазахъ какія либо реальныя преимущества, что она находится въ соотвѣтствіи съ условіями, которыми опредѣлялся бытъ и сельско-хозяйственная дѣятельность населенія. Каковы же въ такомъ случаѣ причины господствующей организаціи мелкой собственности въ Россіи?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, прежде всего обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что, наряду съ извѣстной распланировкой угодій, у насъ господствуетъ и характеръ поселенія деревнями, а не хуторами. Такой характеръ дѣлаетъ невозможнымъ форму владѣнія, считающуюся наиболѣе выгодной въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, форму, при которой усадьба собственника помѣщается въ центрѣ, а вокругъ нея располагаются всѣ его угодья. Такимъ образомъ, уже характеръ поселеній до извѣстной степени предрѣшаетъ вопросъ сельско-хозяйственнаго расположенія угодій, и потому не лишнимъ будетъ посмотрѣть, насколько этотъ характеръ поддерживается по традиціи или въ какой мѣрѣ онъ удовлетворяетъ важнымъ требованіямъ общежитія и окружающихъ внѣшнихъ условій.

Собственно говоря, образованіе селъ, равно какъ и другихъ формъ общественнаго союза, не преслѣдующихъ какой либо спеціальной цѣли, не требуетъ объясненій, какъ скоро признано, что человѣкъ—«общественное животное», что общество отвѣчаетъ его склонностямъ и обезпечиваетъ лучшее удовлетвореніе его потребностей. Съ этой точки зрѣнія, объясненіе требуется скорѣе для тѣхъ случаевъ, когда населеніе раскидывается мелкими однодворными поселками, лишая этимъ себя многихъ выгодъ совмѣстной жизни. И, наоборотъ, требованіе такого разселенія можетъ основываться лишь на особенно важныхъ удобствахъ, проистекающихъ изъ него,—удобствахъ, перевѣшивающихъ тѣ разнообразныя выгоды, какія несетъ за собой поселеніе группами. Поэтому-то, когда наше правительство

Digitized by Google

предложило вызваннымъ имъ менонитамъ въ интересахъ сельско-хозяйственной культуры разселиться въ разбивку на отрубныхъ участкахъ, колонисты противопоставили этому требованію такую массу ожидаемыхъ неудобствъ, которая совершенно затопила пользу, проистекающую отъ близости поля къ усадьбѣ и свободы земледѣльческой дѣятельности, обезпечиваемой хуторнымъ поселеніемъ. «Противъ такого порядка поселенцы приводили, между прочимъ, неодинаковость почвенныхъ условій, отсутствіе или дальность воды, неудобства посѣщенія школы и церкви; затрудительность взаимной защиты и огражденія полей отъ потравъ; рискованность для хозяина разомъ терять весь урожай отъ градобитія и случайныхъ бѣдствій. Наконецъ, надѣлъ собственно петербургскихъ колонистовъ, получившихъ по 30—35 дес. на семейство, состоялъ по преимуществу изъ угодій, требовавшихъ такихъ трудовъ и пожертвованій, которые не были по плечу отдѣльнымъ хозяевамъ, уступая только дружнымъ усиліямъ цѣлой общины, и то не сразу. Приходилось вырубать сплошные лѣса, очищать поля отъ пней, высушивать болота и т. д.» *).

Въ степной полосѣ выдающуюся роль въ этомъ отношеніи играетъ маловодье, побуждающее земледѣльцевъ скучиваться огромными селами по рѣчкамъ, которыхъ здѣсь немного, и предпринимать работы по устройству прудовъ, недоступныя силамъ одиночки-хуторянина. Что значитъ указанное здѣсь обстоятельство, можно судить по примѣру тѣхъ поселеній подворныхъ владѣльцевъ, которыя устраивало правительство въ Самарскомъ уѣздѣ и о которыхъ мы говорили нѣсколькими страницами раньше. Нѣкоторыя изъ этихъ поселеній попали на совершенно безводные участки «и такихъ деревень оказалось 22 (изъ 103). Попытка вырыть колодцы въ нѣкоторыхъ деревняхъ окончилась неудачей, въ другихъ воду могли достать только на глубинѣ 7—8 саженей. Поэтому, волей-неволей, пришлось подумать о переселеніи на новое мѣсто, гдѣ есть вода, хотя бы въ перспективѣ это стоило громадныхъ матерьяльныхъ и нравственныхъ лишеній и жертвъ. Крестьяне д. Мордвиновки, напримѣръ, первоначально пользовались водой изъ своего маленькаго ключа, лѣтъ 16 назадъ совершенно высохшаго. Это послѣднее обстоятельство побудило ихъ переселиться въ сосѣднюю деревню Чикановку», и такимъ образомъ послѣднее поселеніе разрослось вдвое. «То же самое случилось и съ крестьянами д. Зеленовки, которые, по безводности своихъ участковъ, переселились въ д. Правый Салаванъ; туда же переселились и крестьяне д. Покровки. Крестьяне д. Нижней Константиновки, по тѣмъ же самымъ причинамъ, въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ трижды переселялись съ одного мѣста на другое. Еще болѣе трагичной оказалась судьба крестьянъ д. Студенки. Поселенные на

*) Клаусъ—„Наши колоніи“, стр. 128.

Digitized by Google

совершенно безводныхъ участкахъ, крестьяне оставались здѣсь не болѣе 2—3 лѣтъ, потомъ переселились въ д. Подсолнечную, гдѣ вскорѣ поссорились съ мѣстными крестьянами изъ-за огородовъ и ушли въ д. Ключъ. Здѣсь они встрѣтили неудобство въ томъ, что, по отдаленности своихъ участковъ, не могли пасти скотъ на парахъ. Въ настоящее время всѣ они скитаются, какъ израильтяне въ пустынѣ, по разнымъ деревнямъ, отыскивая воду» *).

Историческія условія, съ своей стороны, способствовали образованію въ средней и южной Россіи большихъ селъ, ибо указанная мѣстность понемногу отвоевывалась отъ населявшихъ ее воинственныхъ племенъ, и безопасность земледѣльцевъ, селившихся близъ границъ государства, которыя постоянно подвигались дальше къ югу и востоку, могла быть обезпечена только разселеніемъ большими группами. Хуторное разселеніе, затѣмъ, не соотвѣтствуетъ аграрнымъ и культурнымъ условіямъ Россіи.

Хуторомъ можетъ жить земледѣлецъ настолько сильный и самостоятельный, что онъ можетъ обходиться въ хозяйствѣ собственными силами и предпринять тѣ спеціальныя затраты, какія вызываются его уединеннымъ положеніемъ. Такъ, ему нужно обезпечить свой скотъ отъ нападенія дикихъ звѣрей, расчищать усадьбу отъ снѣжныхъ заносовъ, поддерживать, что особенно трудно зимою, пути сообщенія съ сосѣдями и т. д. Затѣмъ, для выпаса скота ему нужно отвести довольно большой участокъ, огородить его для предупрежденія потравы своего и чужаго поля или отдать подъ присмотръ пастуха, или, наконецъ, держать скотъ въ стойлѣ. Для того, другаго и третьяго требуется уровень зажиточности, необычный среди нашего крестьянства. Достаточно сказать, что, при экстенсивномъ хозяйствѣ Россіи, для полной независимости хозяина отъ своихъ ближнихъ требуется обладаніе участкомъ земли, вѣроятно, не меньшимъ 25—30 десятинъ, а въ степной полосѣ и вдвое большимъ. Средній же нашъ крестьянинъ надѣленъ 6—15, много 20 дес., смотря по мѣстности; а большинство ихъ въ центральной полосѣ не имѣетъ и 10 дес. на дворъ. Удѣлить изъ этой площади подъ выгонъ крестьянинъ можетъ лишь небольшой клочекъ, далеко недостаточный для прокормленія скотины, которая по этому во всей Россіи пасется и на пару, и на лугу, и по жнивьямъ. При такихъ условіяхъ, предупредить потраву своихъ и чужихъ угодій оградами уже невозможно; держать скотину въ стойлѣ—нѣтъ корму; остается пасти ее подъ присмотромъ, т. е. отряжать для 3—4 штукъ скота человѣка, хотя бы то и несовершеннолѣтняго. Затѣмъ, извѣстно, что крестьяне въ большинствѣ случаевъ не обходятся своими пастбищами и снимаютъ таковыя у частныхъ владѣльцевъ. И вотъ является необхо-

*) Сб. стат. свѣд. по Самар. г. В. I, стр. 33—4.

Digitized by Google

димость соединиться съ сосѣдями, дабы сообща обезпечить скоту прокормленіе. Итакъ, одни условія скотоводства, при господствующей у насъ системѣ хозяйства и величинѣ надѣла, побуждаютъ крестьянъ такимъ образомъ пригонять другъ къ другу свои участки, чтобы каждое изъ угодій (выгонъ, лугъ, озимое, паровое и яровое поля) составляло у всѣхъ одну сплошную площадь, на которыя послѣдовательно перегонялось бы общее стадо подъ присмотромъ спеціально нанятыхъ для того лицъ. А этимъ соединеніемъ угодій въ корнѣ подрывается хуторъ, смыслъ котораго именно и заключается въ томъ, что эта форма поселенія ведетъ за собой измѣненіе сельско-хозяйственнаго расположенія угодій.

Но есть цѣлая масса другихъ требованій хозяйства, удовлетвореніе которыхъ возможно только при совмѣстной жизни, въ особенности если имѣть въ виду составъ нашего крестьянства, преобладающую долю котораго образуетъ слабый, маломощный хозяинъ—по своему ли семейному составу, по содержанію рабочаго скота и т. д. На этомъ основаніи нѣкоторые изслѣдователи думаютъ даже, что не только хуторъ, но и маленькая деревня не обезпечиваетъ правильнаго теченія хозяйственной дѣятельности, и доказательство сказаннаго находятъ въ фактахъ, открытыхъ земско-статистическими изслѣдованіями. Такъ, Екатеринославскій земскій статистикъ, г. Кузнецовъ, именно въ мелкости нѣкоторыхъ поселеній Бахмутскаго уѣзда ищетъ причинъ низкаго уровня ихъ благосостоянія. «Насколько приходилось намъ наблюдать,—говоритъ этотъ изслѣдователь,—сравнительная бѣдность мелкихъ общинъ много зависитъ отъ того, что большинство ихъ, именно вслѣдствіе своей дробности, не обладаетъ достаточными матерьяльными и духовными средствами для успѣшной борьбы съ немалочисленными внутренними и внѣшними явленіями, подрывающими благосостояніе отдѣльныхъ семей. Если въ маломъ поселеніи, отъ неурожая, пожара и другихъ неблагопріятныхъ причинъ пострадаетъ два-три домохозяина, имъ трудно найти необходимую поддержку со стороны остальныхъ немногихъ членовъ своей общины, въ видѣ ли хлѣбной ссуды на сѣмена и продовольствіе, въ видѣ ли денежнаго займа на покупку лошади или коровы и т. д. Для этого, у остальныхъ немногихъ членовъ поселка чаще всего не оказывается достаточныхъ запасовъ, въ особенности при повтореніи несчастія. Даже наняться въ работники въ своемъ поселкѣ нуждающемуся бываетъ обыкновенно невозможно, а необходимо уходить для этого въ болѣе или менѣе отдаленное мѣсто (и, прибавимъ, совсѣмъ забросить собственное хозяйство). Спорныя дѣла между сосѣдями малаго поселка часто не могутъ удовлетворительно разрѣшиться, опять таки, благодаря малочисленности его членовъ. При столкновеніи интересовъ 2—3 семей, обыкновенно спорятъ 5—6, т. е. иногда весь поселокъ; перессорившись взаимно, члены поселка обыкновенно не приходятъ ни къ какому результату, и споръ остается не рѣшеннымъ, интересы не примиренными... Однажды нарушенное, доброе

Digitized by Google

согласіе между членами общины рѣдко и съ трудомъ возстановляется вполнѣ; обыкновенно же это ведетъ къ частымъ и вреднымъ столкновеніямъ. Интересы отдѣльныхъ семей и всей общины страдаютъ все болѣе и болѣе, хозяйства многихъ приходятъ въ упадокъ, люди идутъ въ разбродъ, а разъ дѣла доходятъ до такого состоянія—общинѣ грозитъ серьезная опасность застоя и распаденія» *).

Итакъ, выгоды скученія земледѣльческаго населенія въ Россіи, кромѣ условій, свойственныхъ общественному союзу вообще, имѣютъ свои спеціальныя основанія. Тамъ, гдѣ климатъ мягокъ, зима не суровая и не обильно снѣжная; гдѣ высокое состояніе культуры вооружило человѣка дѣйствительными средствами для борьбы съ природой, а интенсивное хозяйство позволяетъ крестьянину довольствоваться 10—15-десятиннымъ надѣломъ, тамъ даже хуторное поселеніе земледѣльцевъ не отдаляетъ ихъ значительно другъ отъ друга, а хорошіе пути сообщенія еще больше сокращаютъ разстояніе между ними. Здѣсь хозяева могутъ считать для себя удобнымъ принести земледѣлію небольшую жертву, нѣсколько отодвинуться другъ отъ друга. Но гдѣ, какъ въ Россіи, внѣшняя природа со всею силою стихіи давитъ на человѣка, вооруженнаго крайне примитивными орудіями для борьбы; гдѣ условія земледѣлія требуютъ большихъ подворныхъ участковъ и, слѣдовательно (при хуторномъ хозяйствѣ), просторнаго размѣщенія жителей, между тѣмъ какъ огромное большинство населенія владѣетъ небольшими надѣлами; гдѣ крестьянинъ бѣденъ и слабъ и ежеминутно нуждается въ помощи сосѣдей—тамъ хуторное разселеніе является несообразностью; оно можетъ привести только къ одичанію, разрушивъ и тѣ зачатки культуры (въ видѣ школъ и т. п.), которые наконецъ проявляются въ жизни нашего народа. Хуторъ въ Россіи, это—форма поселенія, удобная для землевладѣльца и для крестьянина, по своей зажиточности приближающагося къ послѣднему, но не для типическаго русскаго пахаря.

Итакъ, скученіе земледѣльческаго населенія Россіи въ большія группы вызывается историческими, естественными, аграрными и культурными условіями страны. А это скученіе въ совокупности съ другими обстоятельствами приводитъ къ черезполосности владѣній. Бѣдность главной массы нашего крестьянства и его малоземелье требуютъ совмѣстнаго пользованія общими угодьями (для выпаса скота), для чего отдѣльные участки не должны быть оторванными другъ отъ друга, а соединенными между собою такимъ образомъ, чтобы каждое угодье деревни образовало сплошное пространство. Если требующуюся для этого фигуру общаго владѣнія вывести на бумагѣ, то, конечно, при этомъ можно избѣжать черезполосицы и приблизить всѣ угодья каждаго на минимальное разстояніе къ

*) Сб. стат. св. по Екатер. г., Т. II, стр. 116—117.

Digitized by Google

его усадьбѣ. Но если принять во вниманіе, что въ дѣйствительности поселеніе уже является фиксированнымъ, а при устройствѣ новаго далеко не всегда можно расположить его по произволу; что площадь, принадлежащая извѣстной группѣ собственниковъ, не образуетъ правильной фигуры, а ограничивается самыми разнообразными линіями, вытягивается лентами, расходится треугольниками, вдается клиномъ въ чужую землю и въ свою очередь разрѣзывается послѣднею; что качество почвы на всемъ пространствѣ площади далеко не одинаково, равно какъ и свойство ея поверхности; что эти естественныя свойства почвы,—при экстенсивномъ хозяйствѣ, гдѣ весь успѣхъ дѣла зависитъ именно отъ природной производительности земли, такъ какъ искусство очень мало сглаживаетъ ея естественныя различія—составляютъ главную надежду земледѣльца; если говоримъ, принять все это во вниманіе, то окажется, что, кромѣ скученности усадьбъ, русское поселеніе должно характеризоваться и черезполосностью участковъ разныхъ владѣльцевъ.

Дѣйствительно, есть два способа уравнять землепользованіе всѣхъ совладѣльцевъ при наличности условій, только что нами перечисленныхъ; это — такая правильная и точная расцѣнка каждаго клочка всѣхъ угодій, чтобы землю можно было распредѣлить между собственниками сплошными участками, восполняя качественные недостатки участка прирѣзкою земли; во 2-хъ, раздѣленіе угодья по качеству и положенію на нѣсколько большихъ частей, въ каждомъ изъ которыхъ и должны получить свою долю всѣ совладѣльцы. Второй способъ значительно легче, ибо расцѣнка земли простирается здѣсь лишь до установленія очевиднаго различія составныхъ частей угодья по ихъ качеству и положенію; при первомъ же не только названная расцѣнка должна производиться тщательнѣе,—такъ какъ, получая свою долю въ одномъ мѣстѣ, крестьянинъ много потеряетъ, если земля окажется неподходящей,—но и приходится отыскать общую мѣру производительности различныхъ частей угодья, безъ которой невозможно и уравнительное распредѣленіе ихъ цѣльными участками между собственниками. Въ виду трудности достиженія этого результата, послѣднимъ способомъ далеко не всегда можно удовлетворить цѣли уравненія землепользованія всѣхъ совладѣльцевъ, но зато онъ имѣетъ преимущества въ томъ отношеніи, что не несетъ за собой черезполосицы. Другимъ же способомъ достигается уравнительное распредѣленіе, но подъ условіемъ черезполосности владѣній. Какая изъ названныхъ системъ разверстанія заслуживаетъ предпочтенія—зависитъ отъ разнообразія почвы надѣла и степени неудобства, чувствуемаго земледѣльцами отъ черезполосицы. Что касается Россіи, то черезполосица составляетъ до того привычное явленіе, повидимому, такъ мало стѣсняющее хозяевъ, что даже иностранные поселенцы, не колеблясь, соглашаются на него, ради выгодъ уравнительнаго землепользованія. Русскіе же крестьяне, при сравнительной одно-

Digitized by Google

качественности почвы, еще готовы распредѣлить землю между совладѣльцами сплошными участками; въ противномъ же случаѣ, они прибѣгаютъ иногда къ очень дробной черезполосицѣ, мирясь съ нею даже ради уравненія атмосферическихъ вліяній. «Введеніе черезполосицы,—говорятъ херсонскіе статистики,—объясняется и разнымъ качествомъ земли, и неодинаковостью разстоянія полей отъ поселеній, и стремленіемъ крестьянъ имѣть посѣвы въ разныхъ мѣстахъ, въ той надеждѣ,—если не то, такъ другое мѣсто зацѣпитъ дождикъ и все же ровнѣе будетъ урожай. Если же надѣлъ въ одномъ отрубѣ, то урожай хлѣба будетъ сильно колебаться, а этого наиболѣе боится здѣшній крестьянинъ, любящій больше всего постоянный средній урожай, который хотя и не поднимаетъ его въ гору, но и не даетъ разориться». «Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ обыкновенно дождь идетъ полосами; нерѣдко одна половина мірскихъ полей страдаетъ отъ полной засухи, а другая въ то же время вымокаетъ отъ проливныхъ и частыхъ дождей. Поэтому, даже при одинаковомъ качествѣ почвы, оказывается необходимымъ разбивать пашню на большое число столбовъ». Даже благоразумные и осмотрительные нѣмцы, въ числѣ разныхъ причинъ заведенной ими черезполосицы, называютъ желаніе достигнуть уравнительности въ отношеніи атмосферическихъ вліяній на хозяйство *).

Мы познакомились съ одной системой черезполосности владѣній, системой цѣлесообразной, правильно построенной, преслѣдующей ясно сознанныя задачи. Но есть и другой ея видъ, происшедшій, такъ сказать, случайно, безъ всякой связи съ хозяйственными цѣлями извѣстной группы земледѣльцевъ; это — черезполосность, свойственная чистому подворному землевладѣнію. До чего она составляетъ всеобщій результатъ послѣдняго и имѣетъ широкое распространеніе тамъ, гдѣ этотъ видъ мелкой собственности признаётся закономъ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Территорія Франціи, состоящая изъ 58 мил. гектаровъ, раздѣляется на $124^{1}/_{4}$ мил. частицъ, принадлежащихъ $5^{1}/_{2}$ мил. собственникамъ, что̀ даетъ 25 участковъ на 1 владѣльца; въ западной Фландріи на него приходится 7 участковъ, восточной—6, въ нижнемъ Франконѣ 21, въ Верхнемъ Пфальцѣ—18, во всей Баваріи 14 и т. д. **). Указанная черезполосица явилась результатомъ свободнаго перехода собственности и привела къ слѣдующимъ хозяйственнымъ неудобствамъ. «На такихъ черезполосно лежащихъ земляхъ отдѣльныхъ владѣльцевъ мало обращалось вниманія на полевыя дороги; въ періодахъ же сѣва, жатвы или вывоза удобренія на поля—тотъ, чья полоса лежала внутри поля и кто не могъ пробраться къ ней ника-

*) Мат. для оцѣнки земель Херс. г. II, с. 211. Сб. Стат. свѣд. по Таврич. губ. Т. I, в. II, ч. 2, стр. 87. Клаусъ, id., стр. 128.

**) Посниковъ. Общин. Зем., в. II, стр. 6.

Digitized by Google

кимъ другимъ болѣе удобнымъ способомъ, обыкновенно переходилъ или переѣзжалъ черезъ полосы сосѣдей. Мало по малу, путемъ долгаго существованія, эта практика обращается въ обычный и даже писаный законъ... Изъ этихъ отношеній развилось еще одно важное зло: тѣ владѣльцы, полосы которыхъ не прилегаютъ къ дорогѣ, слѣдовательно, которые не могутъ оборачивать плуга на дорогѣ, оборачиваютъ его на прилегающей полосѣ сосѣда», что̀ опять таки признается закономъ. «Часто случается и такъ: если одинъ оборачиваетъ свой плугъ на нижеприлегающей полосѣ, то онъ въ свою очередь долженъ терпѣть ту же участь отъ владѣльца вышележащей полосы; и такимъ образомъ почти всѣ владѣльцы округа пользуются взаимно правомъ оборота плуговъ и взаимно наносятъ себѣ ущербъ». Кромѣ послѣдняго, развившіеся сервитуты ведутъ къ необходимости принудительной обработки и обязательнаго сѣвооборота, такъ какъ иначе имѣло бы мѣсто уничтоженіе чужихъ посѣвовъ проходомъ, проѣздомъ, оборотомъ плуга и т. д. Проф. Посниковъ приводитъ одну нѣмецкую деревню, гдѣ лишь 400 полосъ изъ 1100 соприкасаются съ дорогами; на остальныя же 700 можно попасть не иначе, какъ проѣхавъ по полосамъ сосѣдей *).

Вотъ другой видъ черезполосицы, съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія не имѣющей никакого смысла, не оправдываемой никакими другими солидными соображеніями, кромѣ того, что она составляетъ естественный результатъ полной частной собственности на землю. Разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ хозяйства и хозяевъ, врядъ ли можно сомнѣваться, что черезполосица, съ какой мы познакомились раньше,—установленная сознательно, ради опредѣленной цѣли, съ возможнымъ устраненіемъ неудобствъ, свойственныхъ черезполосицѣ такъ сказать, западноевропейской (проведеніемъ дорогъ и межниковъ, обезпечивающихъ доступъ ко всѣмъ полосамъ и т. д.)—заслуживаетъ предпочтенія передъ послѣдней, образовавшейся только потому, что сегодня я купилъ клочекъ земли, завтра продалъ, послѣ завтра получилъ наслѣдство и т. д.

Итакъ, система черезполосицы, присущая мелкому землевладѣнію въ Россіи, имѣетъ ту выгодную сторону, что ею обезпечивается каждому владѣльцу пользованіе всѣми частями земли, представляющими какія либо преимущества въ отношеніи ихъ положенія или качества почвы. А при системѣ хозяйства, основанной по преимуществу на эксплуатаціи естественныхъ свойствъ земли, это обстоятельство играетъ важнѣйшую роль въ доходахъ собственника. Нельзя поэтому сказать, что описанная распланировка угодій мелкаго подворнаго землевладѣнія въ Россіи есть печальное наслѣдіе общиннаго вліянія и держится только по инерціи. Но съ другой стороны

*) Id., стр. 22—23, 94.

Digitized by Google

лить между всѣми какъ хорошіе, такъ и плохіе части участка; и потому, при намѣреніи государства игнорировать *эту* черезполосицу, крестьяне многихъ мѣстностей Германіи противились межеванію. Поэтому, въ настоящее время, нассауская система стремится лишь къ исправленію спеціальной черезполосицы, вызывающей сервитуты проѣзда, оборота плуга и принудительную обработку земли. Оставляя число полосъ почти не тронутымъ, межеваніе стремится лишь расположить ихъ такимъ образомъ, чтобы къ каждой былъ свободный доступъ со стороны дороги или межника.

Но межеваніе лишь исправляетъ главнѣйшіе недостатки черезполосицы, а не предупреждаетъ ихъ дальнѣйшаго развитія. Проходятъ 2—3 десятилѣтія, и свободное распоряженіе собственностью приводитъ къ тому же положенію, которое были причиной размежеванія. «И вотъ, въ виду несомнѣнной возможности такого уничтоженія всѣхъ предпринятыхъ усилій,— говоритъ проф. Постниковъ, — теперь признается, что, при господствѣ частной собственности на землю, необходимо время отъ времени, періодически, повторять разверстаніе».

Итакъ, если западные ученые признаютъ необходимость періодически исправлять распланированіе мелкой подворной собственности, т. е. подражаютъ въ этомъ случаѣ нашему общинному землевладѣнію; если система межеванія (нассауская) основана на признаніи того основнаго плана расположенія угодій, какой господствуетъ въ нашей общинѣ и переданъ общинною формой владѣнія какъ западной, такъ и русской мелкой личной собственности; если, наконецъ, эта система правительственнаго размежеванія почти не измѣняетъ числа полосъ и въ этомъ отношеніи уступаетъ общинѣ, которая при переверсткѣ соединяетъ всѣ клочки владѣльца, находящіеся въ томъ же кону или жеребьѣ, въ одинъ,—то спрашивается, какія сельско-хозяйственныя преимущества связаны съ уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія въ Россіи? Даже неподвижность участка въ натурѣ,—иначе говоря, постоянство владѣнія каждаго собственника, нарушаемое общиной при передѣлѣ, когда всѣ члены союза получаютъ свои доли по жребію, гдѣ придется,—даже эта неподвижность почти уничтожается прусской системой разверстанія, основанной на соединеніи бо̀льшаго числа полосъ собственника въ одну—двѣ, и въ значительной степени нарушается нассауской. За исключеніемъ же этого обстоятельства, подворное землевладѣніе описываемаго типа во всемъ уступаетъ общинному. Черезполосность здѣсь дробнѣе, ибо частный собственникъ властенъ по произволу распорядиться участкомъ, чего лишенъ общинникъ; она и неправильнѣе, такъ какъ нѣтъ органа, слѣдящаго за соблюденіемъ установленнаго плана расположенія угодій подобнаго общинному «міру»; она развивается быстрѣе, ибо владѣлецъ, какъ мы сказали, свободенъ въ распоряженіи своимъ участкомъ, и при полной собственности затруднительно прибѣгать къ частной переверсткѣ или обмѣну полосъ между двумя владѣльцами, который выработ-

Digitized by Google

тался въ общинѣ и служитъ для исправленія слишкомъ ужь неудобной дробности и черезполосицы въ случаяхъ, когда общая переверстка считается преждевременной. Наконецъ, само размежеваніе частной собственности при помощи правительства, долженствующее, какъ мы видѣли, повторяться періодически, при условіи удовлетворить по возможности интересы всѣхъ совладѣльцевъ, составляетъ такой трудный актъ, что онъ тянется очень долго, требуетъ огромныхъ затратъ, вызываетъ всеобщее недовольство (напр. послѣднее размежеваніе въ Малороссіи) и въ концѣ концовъ оставляетъ за собой массу правонарушеній. Въ общинѣ же, которая прекрасно знакома съ мельчайшими особенностями своихъ почвъ и сама ведетъ разверстанье, не прибѣгая къ чиновникамъ,—весь этотъ трудный процессъ можетъ быть законченъ въ нѣсколько дней и совершается артистически правильно.—Перестанемъ же взваливать на общину недостатки, несвойственные ей спеціально; будемъ изучать способы, какими она пытается избавиться отъ неудобствъ, несомнѣнно присущихъ этой формѣ владѣнія и постараемся оказать посильную поддержку всюду проявившемуся стремленію крестьянъ поднять культуру земли, въ той формѣ, какую оно принимаетъ по естественному ходу дѣлъ. Вмѣсто того, чтобы мечтать о хуторахъ и другихъ сельско-хозяйственныхъ утопіяхъ—гораздо раціональнѣе и практичнѣе отдать наши силы и знанія на разрѣшеніе вопросовъ, уже поставленныхъ жизнью.

В. В.

Digitized by Google

ИМЕНИННИКЪ.

Романъ.

X.

Открытіе первой школы въ Теребиловкѣ было назначено въ воскресенье послѣ Крещенья. Школа открывалась на частныя средства, съ небольшимъ пособіемъ отъ земства. Всѣ хлопоты по устройству помѣщенія взялъ на себя Пружинкинъ и постарался не ударить лицомъ въ грязь. Новая школа стояла на углу Малой и Большой Дрекольной улицъ, гдѣ прежде былъ кабакъ. Большой старый домъ былъ прилично отдѣланъ снаружи; стѣны внутри оклеены дешевенькими обоями, поставлена новая школьная мебель, въ окнахъ появились жестяные вентиляторы, а надъ крылечкомъ блестѣла простая бѣлая вывѣска: „Начальная школа“. Каждый гвоздь, каждая мелочь были обдуманы сотню разъ. Внутри школа дѣлилась на четыре комнаты: передняя, изъ передней направо—мужское отдѣленіе, налѣво—женское, а между ними пріютилась маленькая учительская комнатка, которую Пружинкинъ облаживалъ съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что въ числѣ учительницъ будутъ Анна Ивановна и генеральша.

Въ день открытія, Пружинкинъ съ ранняго утра не находилъ себѣ мѣста отъ волненія, хотя все было въ исправности. Онъ десять разъ обошелъ всѣ комнаты, пощупалъ каждую вещь и постоянно выскакивалъ на крыльцо, около котораго толпились любопытные теребиловцы. Шелъ легкій снѣжокъ, и Пружинкинъ былъ очень доволенъ: хорошая примѣта.

— Барышни будутъ учить!.. объяснилъ онъ съ крыльца собравшейся публикѣ:—въ будни ребятишки будутъ ходить, а въ праздники большіе... кто хочетъ грамотнымъ быть, тотъ и придетъ. Поняли? Прежде водку ходили сюда пить, а теперь пора ума набираться... Конецъ, видно, пришелъ вашей темнотѣ!

Теребиловцевъ больше всего смущало то, что будутъ учить

Digitized by Google

„барышни". Что̀ нибудь да не такъ!.. Объясненія Пружинкина только затемняли вопросъ. Но послѣ обѣдни, дѣйствительно, пріѣхали господа и барышни. Былъ отслуженъ молебенъ, и сейчасъ же открыты классы. Генеральша, Анна Ивановна, Клейнгаузъ, Володина и Прасковья Львовна отбивали другъ у друга работу. Сажинъ сказалъ коротенькую прочувствованную рѣчь, въ которой объяснилъ всю важность именно начальной школы, и потомъ значеніе перваго „общественнаго почина". Народу въ комнатахъ набралось много, а съ улицы все напирали, и начиналась уже давка. Докторъ Вертеповъ брезгливо нюхалъ воздухъ, дамы сбились въ одну кучку и смотрѣли на теребиловскій „народъ" съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ чувствомъ невольнаго страха. Молодой священникъ съ короткими волосами и мочальной бородой сидѣлъ съ Сажинымъ въ учительской. Пружинкинъ выбивался изъ силъ, выталкивая ротозѣевъ за дверь и разсаживая будущихъ учениковъ на парты. Мужское отдѣленіе было совсѣмъ полно, а въ женскомъ столпились дѣвочки-подростки; бабъ и взрослыхъ дѣвушекъ не было.

— Я буду заниматься въ мужскомъ отдѣленіи,—заявила Прасковья Львовна въ учительской:—вы, Володина, со мной будете, а съ бабами пусть остальные возятся...

— А я куда? спрашивала Софья Сергѣевна, безпомощно разводя руками:—лучше будетъ, кажется, если я останусь тоже въ мужскомъ отдѣленіи... Не правда ли, о. Евграфъ?.. обратилась она за разрѣшеніемъ къ священнику.

— Я совѣтую заняться съ мужчинами: они развитѣе, посовѣтовалъ батюшка, разглаживая свою бородку.

— Вы сначала займитесь въ мужскомъ, а потомъ перейдете въ женское, совѣтовалъ Сажинъ:—нужно пользоваться указаніемъ опыта...

— По моему, вы будете только мѣшать другимъ, Софья Сергѣевна,—пошутилъ Вертеповъ, дразнившій генеральшу съ утра.

Генеральша вдругъ разсердилась... Сегодня точно всѣ сговорились, чтобы ее бѣсить: утромъ она бранилась съ Ефимовымъ и Петровымъ, которые наотрѣзъ отказались заниматься въ школѣ, потому что одна грамота является палятивнымъ средствомъ; теперь этотъ докторъ пристаетъ къ ней съ своими глупыми шуточками. На зло, всѣмъ она ушла въ женское отдѣленіе къ Аннѣ Ивановнѣ. Человѣкъ пятнадцать дѣвочекъ сидѣли за партами съ какими-то убитыми лицами и только переглядывались, когда учительницы предлагали имъ вопросы. Посидѣвъ здѣсь съ четверть часа, Софья Сергѣевна вдругъ почувствовала себя такой

Digitized by Google

лишней и никому ненужной... Она тихонько вышла въ переднюю, надѣла свою шубу и тихонько вышла на крыльцо, гдѣ Пружинкинъ унималъ галдѣвшую толпу.

— Куда это вы, ваше превосходительство? удивился старикъ, угадавшій по выраженію лица генеральши, что дѣло не ладно:— какъ же это такъ-съ...

— Домой, Егоръ Андреевичъ... Здѣсь и безъ меня обойдутся, съ ласковой улыбкой печально отвѣтила Софья Сергѣевна. Она была тронута вниманіемъ Пружинкина.—Такія глупыя женщины должны сидѣть дома...

— Ваше превосходительство... какъ же это такъ-съ?

Кучеръ подалъ лошадь, и генеральша легко порхнула въ сани. Пружинкинъ едва успѣлъ застегнуть мѣховую полость. Проводивъ глазами сани, старикъ покачалъ головой и, вернувшись въ школу, покашливаньемъ вызвалъ Анну Ивановну въ переднюю.

— Софья-то Сергѣевна уѣхали... шопотомъ сообщилъ онъ, разводя руками:—весьма огорчены-съ...

— Чѣмъ?

— Не могу знать-съ, Анна Ивановна, только дѣло не ладно-съ... Потихоньку собрались—и сейчасъ домой.

Къ нимъ подошелъ Сажинъ, провожавшій о. Евграфа.

— Это вы, Павелъ Васильевичъ, чѣмъ нибудь огорчили Софью Сергѣевну?.. заговорила Анна Ивановна съ удивившей Сажина смѣлостью:—она уѣхала.

— Я? Позвольте... Можно объяснить все гораздо проще,— отвѣтилъ Сажинъ довольно развязно:—Софья Сергѣевна немножко капризничаетъ... Впрочемъ, я сейчасъ могу заѣхать къ ней и постараюсь разъяснить дѣло. Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, особенно страшнаго ничего не случилось.

Аннѣ Ивановнѣ не понравился тонъ, какимъ все это говорилось, и она простилась съ Сажинымъ довольно холодно. Отецъ Евграфъ былъ свидѣтелемъ этой маленькой сцены, но отнесся къ ней совершенно безучастно, какъ и ко всему остальному. Онъ намоталъ на шею толстый, вязанный изъ красной шерсти, шарфъ; запахнулъ потертую бѣличью шубу и неторопливо пошелъ за Сажинымъ, который предложилъ увезти его въ городъ. Докторъ Вертеповъ уѣхалъ за ними на своей лошади.

Первый день новой школы сошелъ почти неудачно. Учительницы устали и были недовольны собой. Когда пробило три часа, онѣ были рады, что все кончилось. Прасковья Львовна устало зѣвала, а бодрѣе всѣхъ оказалась Володина. Теребиловцы возвращались изъ школы, нагруженные новыми тетрадками и дешевень-

Digitized by Google

кими школьными книжками. Дѣвочки по дорогѣ разбирали всѣ мелочи въ костюмахъ учительницъ и были вообще довольны. Провожая учительницъ, Пружинкинъ съ особенной нѣжностью посмотрѣлъ на сѣрое лицо Володиной. „Вотъ эта возъ повезетъ... думалъ онъ:—да развѣ еще Анна Ивановна, ежели мамынька пуститъ". Въ общемъ, старикъ былъ, какъ и другіе, несовсѣмъ доволенъ, хотя и не могъ дать отчета самому себѣ, чѣмъ именно: все шло какъ будто хорошо и какъ будто чего-то не достаетъ.

Къ своему удивленію, когда Анна Ивановна вечеромъ пріѣхала къ генеральшѣ, она нашла ее веселой и довольной; Сажинъ сидѣлъ въ гостинной съ Прасковьей Львовной, и его голосъ слышенъ было въ передней.

— У меня давеча въ этой школѣ такъ голова разболѣлась, объясняла Софья Сергѣевна, предупреждая вопросъ:—вѣроятно, отъ спертаго воздуха.

Когда Сажинъ появлялся въ салонѣ генеральши, это было настоящимъ торжествомъ. Всѣ ухаживали за нимъ, а дамы преслѣдовали тѣмъ вниманіемъ, которое самымъ умнымъ людямъ кружитъ голову. Это идолопоклонство всегда дѣйствовало на Анну Ивановну самымъ непріятнымъ образомъ, и ей становилось какъ-то совѣстно, особенно когда Софья Сергѣевна заглядывала прямо въ ротъ своему божку, какъ это дѣлаютъ оставшіяся безъ гувернатки дѣти.

— А тѣ гуси, Ефимовъ и Петровъ, и носу не показываютъ, говорила Софья Сергѣевна, когда всѣ сидѣли въ гостинной.

— Что же, они совершенно правы, вступился Сажинъ, вытягивая подъ столомъ свои длинныя ноги,—первоначальное образованіе само по себѣ...

— Вѣдь онъ противъ эмансипаціи женщинъ! перебила его Прасковья Львовна, очевидно продолжая прерванный разговоръ.

— Нѣтъ, вы меня просто не хотите понять, съ шутливой увѣренностью возражалъ Сажинъ:—я не врагъ ни эмансипаціи, ни образованія—объ этомъ даже странно говорить въ наше время. Я говорю не о принципѣ... но есть нѣкоторыя практическія противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, немного странно ратовать за женскій трудъ, когда русская баба работаетъ какъ разъ вдвое больше русскаго мужика... Если дѣло идетъ о ничтожной кучкѣ женщинъ привилегированнаго класса, то для этого не стоитъ огородъ городить. Остается, правда, наше tiers état—мелкое чиновничество, прасолы, купцы, попы и мѣщане, но и тутъ дѣло сведется какъ разъ не въ пользу женскаго свободнаго труда. Могу сослаться въ этомъ случаѣ на краснорѣчивый примѣръ изъ практики фаб-

Digitized by Google

ричнаго труда. Здѣсь мертвой петлей затянутъ не только мужской трудъ, но женскій и дѣтскій, а въ общей суммѣ вся семья заработываетъ едва столько, чтобы не умереть съ голоду. Дешевый женскій трудъ является здѣсь страшнымъ конкурентомъ и обездоливаетъ какъ себя, такъ и мужчину. То же самое будетъ съ эмансипаціей поповенъ и мѣщанокъ. Теперь самый крошечный человѣкъ изъ этого круга можетъ, напримѣръ, жениться, разсчитывая исключительно на свою личную трудоспособность, а когда женскій трудъ подорветъ его заработную плату, онъ можетъ жениться только при томъ условіи, чтобы и жена была работница. Въ результатѣ такая пара заработаетъ какъ разъ столько, сколько раньше мужчина заработывалъ одинъ, и въ выигрышѣ останутся тѣ же капиталисты.

— Вы забываете, Павелъ Васильевичъ, что не всѣ дѣвушки выходятъ замужъ! азартно спорила Прасковья Львовна:—потомъ остаются вдовы съ семьями на рукахъ... А самое главное: трудъ дастъ женщинѣ независимость и нравственную крѣпость.

— Ваши вдовы и христовы невѣсты все равно будутъ сидѣть голодныя, а нравственное удовлетвореніе, конечно, вещь очень почтенная...

— Это возмутительно!.. онъ разсуждаетъ, какъ плантаторъ!.. какъ чиновникъ!.. какъ старый крѣпостникъ!.. возмущалась генеральша.

— Значитъ, никакого выхода для привилегированной женщины нѣтъ? спрашивала Анна Ивановна.

— Нѣтъ, я этого не говорилъ... Выходъ долженъ быть, но я спорю только противъ скороспѣлыхъ построеній. Не слѣдуетъ увлекаться, игнорируя всю путаницу общественнаго строя.

— Это онъ зубы начинаетъ заговаривать! объясняла Прасковья Львовна, бросая папиросу на полъ:—всѣ мужчины одинаковы... По моему, Владиміръ Аркадьевичъ гораздо васъ послѣдовательнѣе: онъ прямо проповѣдуетъ мусульманство. И есть свой резонъ: у мусульманъ нѣтъ старыхъ дѣвъ и нѣтъ проституціи...

Когда у генеральши бывалъ Сажинъ, Хановъ рѣдко показывался, а если приходилъ, то усаживался куда нибудь подальше въ темный уголъ и здѣсь хихикалъ. Теперь онъ вышелъ изъ своей комнаты уже послѣ разговора, и Сажинъ, чтобы повернуть все въ шутку, обратился къ нему за разрѣшеніемъ спора.

— Я стою за воинскую повинность для женщинъ... отвѣтилъ Хановъ съ серьезнымъ видомъ:—но прежде всего костюмъ... Это самая великая задача нашего девятнадцатаго вѣка: костюмъ дѣ-

Digitized by Google

лаетъ нашу женщину, а не женщина костюмъ. Чтобы поставить вопросъ на раціональную почву, нужно произвести вторую великую революцію.

Часовъ около восьми пришли Володина и Клейнгаузъ, а потомъ Курносовъ. Спорили о фребелевской системѣ воспитанія, которой противопоставляли родную бурсу. Потомъ заставили Ханова спѣть: „Спится мнѣ, младешенькѣ, дремлется!...“ Сажинъ долго разговаривалъ съ Анной Ивановной, разспрашивая ее про войну съ Марѳой Петровной.

— По моему, нужно прежде всего установить свою домашнюю маленькую правду, развивала дѣвушка свои мысли: — внѣшнія формы придутъ сами...

— Маленькую правду? задумчиво повторялъ Сажинъ и смотрѣлъ Аннѣ Ивановнѣ въ глаза: — это недурно сказано... Да, я согласенъ съ вами... Намъ всѣмъ именно этой маленькой правды и не достаетъ.

Послѣ ужина, Прасковья Львовна поѣхала проводить Анну Ивановну. Она сердилась сегодня весь вечеръ и жгла одну папиросу за другой.

— Это возмутительно!.. ворчала она, усаживаясь въ злобинскія сани.

— Что возмутительно?..

— Да бабы возмутительны!.. всѣ раскисли... Вы замѣчаете, что всѣ онѣ влюблены въ этого Павла Васильевича? Увѣряю васъ... Толстуха Клейнгаузъ такъ и покраснѣетъ, какъ свекла, когда съ ней заговоритъ нашъ идолъ. И генеральша тоже... Даже Володина, и та зеленѣетъ еще больше... Ха-ха!..

— Я не замѣчаю, Прасковья Львовна... Вамъ просто показалось!..

— Мнѣ?.. Нѣтъ, голубчикъ, стара я стала, чтобы блазнило... Кстати, вы не замѣчаете, голубчикъ, что этотъ плутишка-божекъ немножко ухаживаетъ за вами?.. Есть грѣхъ... гмъ...

— Перестаньте, Прасковья Львовна!.. Мнѣ совѣстно...

— Э, матушка, дѣло самое житейское!.. Отчего это Вертеповъ не былъ?.. А тѣ прощалыги хороши: школа—пальтивъ... Еще и слово какое мудреное придумали... да.

Этотъ разговоръ заставилъ Анну Ивановну покраснѣть, и она была рада, что ночью этого не было видно. Холодный вѣтеръ жегъ ей лицо; по сторонамъ мигали желтыми точками фонари, въ одномъ мѣстѣ дорогу загородилъ цѣлый обозъ. Анна Ивановна завезла свою спутницу въ городскую больницу, гдѣ у Глюкозовыхъ была казенная квартира. Выходя изъ саней, Прасковья Львовна зѣвнула и лѣниво проговорила:

Digitized by Google

— У меня сегодня отъ этой школы поясницу такъ и ломитъ...

Не смотря на свои рѣзкія выходки, докторша Глюкозова была добрѣйшая и глубоко честная душа, и Анна Ивановна очень ее любила, какъ и всѣ другіе. Чтобы отогнать отъ себя впечатлѣніе послѣдняго разговора съ Прасковьей Львовной, Анна Ивановна всю дорогу думала о новой школѣ и радовалась за Володину, которая съ перваго раза оказалось такой хорошей учительницей.

XI.

Въ серединѣ великаго поста, у Марѳы Петровны были всегда большія хлопоты съ рыбой: дѣлалась заготовка на цѣлый годъ. Осетрина, нельмина, максуны и судаки засаливались впрокъ, причемъ „головня", хвосты и „ребровина" шли „людямъ". Эту операцію старуха всегда производила собственноручно: кучеръ рубилъ мерзлую рыбу, кухарка дѣлала засолъ, Агаша выдирала икру и клей, а сама Марѳа Петровна сортировала отдѣльные куски, бранилась и тыкала мерзлой рыбой кухарку и Агашу прямо въ лицо. Сознаніе, что она дѣлаетъ настоящее хозяйственное дѣло, придавало старухѣ необыкновенную энергію.

— Куда это Пружинкинъ запропостился? нѣсколько разъ вспоминала Марѳа Петровна, останавливаясь въ кухнѣ передъ громаднымъ столомъ, заваленнымъ всевозможной рыбой:—онъ хорошо осетровую икру дѣлалъ, или тоже вотъ рыбій клей мнѣ всегда сушилъ.

— Онъ теперь у генеральши днюетъ и ночуетъ... наушничала вкрадчиво Агаша.

— Самая ему каппанія!..

Наиболѣе трогательный моментъ наступилъ тогда, когда кадочки съ рыбой устанавливали въ погребъ и сверху накладывали „гнётъ"—чуть крышка искривилась или кадушка дала течь, хоть бросай все. Тронутую „душкомъ" рыбу приходилось „травить прислугѣ". Нынче, какъ и всегда, Марѳа Петровна свирѣпствовала въ погребу собственноручно и успѣла обругать разъ десять кучера, ставившаго кадочки. Когда нужно было класть гнётъ, прибѣжала Агаша и заявила, что пришелъ Павелъ Васильевичъ и спрашиваетъ „самоё".

— Въ самую пору пришелъ, именинникъ... ворчала Марѳа Петровна, отправляясь въ горницы: — теперь рыбой отъ меня воняетъ на всю улицу. А еще умный человѣкъ называется...

Нужно было пріодѣться, вымыть руки, поправить голову, а

Digitized by Google

кучеръ тамъ какъ повернетъ гнётъ на кадушкѣ — вотъ тебѣ и соленая рыбка! Гостя приняла Анна Ивановна, а Марѳа Петровна велѣла Агашѣ подслушивать въ дверь, о чемъ они будутъ говорить. Этотъ визитъ очень польстилъ старухѣ, и притомъ она сейчасъ же сдѣлала ему соотвѣтствующее истолкованіе: „Ишь, какой любопытный сталъ до старухъ, пёсъ... Раньше небось, лѣтъ съ восемь, и глазъ не показывалъ!“ Въ гостинную она вошла честь-честью, съ низкимъ поклономъ и разными раскольничьими приговорами.

— Давненько тебя не видать что-то, Павелъ Васильичъ!.. говорила Марѳа Петровна, неловко усаживаясь въ кресло: — съ покойничкомъ-родителемъ хлѣбъ-соль важивали, а вотъ ты, какъ будто, даже зазнался... Пожалуй, этакъ ужь совсѣмъ и на улицѣ не будешь узнавать.

— Виноватъ, Марѳа Петровна...

— И то виноватъ, а побранить некому. Наслушилъ ты, Павелъ Васильевичъ, всю губернію... Губернаторъ-то, сказываютъ, злится на тебя!..

— Нѣтъ, губернаторъ не можетъ очень сердиться... объяснялъ Сажинъ съ серьезнымъ лицомъ:—помните, у моего отца въ огородѣ на грядкѣ стояло чучело, которое онъ потряхивалъ за шнурокъ? Такъ и нашъ губернаторъ: тряхнутъ его, онъ и замашетъ руками, затрясетъ головой, а самъ по себѣ все таки ничего не можетъ сдѣлать,

— Ишь ты, востеръ больно!.. Этакого человѣка да съ чучелой сравнялъ... Охъ, не сносить тебѣ головы, Павелъ Васильичъ!

Анна Ивановна, по раскольничьему этикету, посидѣла немножко и ушла въ свою комнату, какъ это и слѣдуетъ барышнѣ. Марѳа Петровна осталась этимъ очень довольна и разговорилась съ Сажинымъ очень весело, не стѣсняясь выраженіями.

— А я ужь хотѣла совсѣмъ разсердиться на тебя, что забылъ старуху, да все какъ-то некогда!.. язвила Марѳа Петровна:—а ты вотъ и пришелъ... Знаешь поговорку: честь завсегда лучше безчестья. Можетъ, еще вамъ въ земство-то и мы, старухи, понадобимся на какую нибудь причину.

Сажинъ старался отшучиваться въ томъ же тонѣ, но подъ конецъ спасовалъ передъ ядовитой старухой и неловко замолчалъ.

— А я тебѣ вотъ что скажу, Павелъ Васильичъ, говорила Марѳа Петровна на прощанье:—чего твоя-то Василиса Ивановна смотритъ?.. Земство—земствомъ, а первымъ дѣломъ тебя женить надо, чтобы телячью-то бодрость оставилъ. Всѣ вы на словахъ-то, какъ

Digitized by Google

гуси на водѣ, а настоящаго чтобы дѣла—и нѣту. Поди, вотъ, не знаешь, что добрые люди сейчасъ рыбу впрокъ солятъ?

— Нѣтъ, это Василиса Ивановна знаетъ...

— Такъ, такъ!.. Деньги только задаромъ съ Василисой-то Ивановной переводите... Да вотъ еще что я тебѣ скажу: пріѣзжалъ какъ-то съ генеральшей этотъ дохтуръ, котораго ты выписалъ въ земство. Ну, поглядѣла я на него: вертоватъ паренекъ...

— Нѣтъ, онъ славный, защищалъ Сажинъ товарища:—мы съ нимъ вмѣстѣ въ университетѣ были, хорошій и надежный человѣкъ вообще...

— Такъ... Это хорошо, когда надежные люди все у тебя кружатся. А ты бы все таки самъ рыбки-то присолилъ, оно надежнѣе: лѣто придетъ, сейчасъ ботвиньица съ соленой рыбкой и на столѣ. Вотъ Софья Сергѣевна любитъ ее; бываетъ по времю и у меня, такая ласковая бабочка—какъ пріѣдетъ, такъ и обойдетъ старуху. Надо бы въ другой разъ словечко покруче выговорить ей, а у меня сердце не поднимается на нее. Теперь разобрать, какую она себѣ кампанію подобрала?.. Ровно въ городѣ и людей не стало... Отъ ея-то ума и мнѣ немало горя.

Простилась съ гостемъ Марѳа Петровна очень дружелюбно и даже пригласила какъ нибудь завернуть лѣтомъ, когда въ петровки добрые люди ботвинью будутъ ѣсть. Анна Ивановна такъ и не показалась, а Сажинъ уѣхалъ недовольный, что Марѳа Петровна позволяетъ себѣ ужь слишкомъ много. Ему не слѣдовало дѣлать этого визита, который старуха навѣрно перетолкуетъ по своему. Эти «ветхіе люди» не понимаютъ самыхъ обыкновенныхъ человѣческихъ отношеній... Сажинъ пріѣзжалъ собственно только затѣмъ, чтобы подарить Аннѣ Ивановнѣ первый номеръ своей газеты: «Моховскій листокъ». Первое мѣсто въ газетѣ было отведено, конечно, земству, причемъ Щипцовъ постарался и разгромилъ всѣ партіи. Сажину въ номерѣ принадлежала только одна замѣтка объ открытіи первой начальной школы въ Теребиловкѣ. Онъ теперь припоминалъ счастливое выраженіе лица дѣвушки, когда она просматривала номеръ, и какъ она улыбнулась, пробѣгая замѣтку о школѣ.

— Это вы писали о школѣ? спросила она, свертывая номеръ трубочкой.

— Почему это вы думаете?

— Да такъ... замѣтно по языку, и есть нѣсколько вашихъ любимыхъ выраженій.

Это подстрекнуло самолюбіе Сажина, и онъ былъ совсѣмъ счастливъ, что у него есть наконецъ своя газета, въ которой можно

Digitized by Google

сказать свое слово. Куткевичъ готовилъ рядъ передовыхъ статей о профессіональномъ образованіи, Бѣлошеевъ обѣщалъ какой-то трактатъ по «философіи неравенства»; затѣмъ въ редакцію явились новые люди, существованіе которыхъ въ глухомъ провинціальномъ городѣ трудно было бы даже предполагать: какой-то отставной подпоручикъ корпуса флотскихъ штурмановъ, Окуневъ; потомъ отставной архиваріусъ какого-то «сосредоточеннаго архива», Корольковъ, и т. д. Даже о. Евграфъ и тотъ обѣщалъ статейку: «Черты неумытнаго споспѣшествованія благому начинанію». Однимъ словомъ, газета съ первыхъ-же шаговъ явилась связующимъ началомъ, организовавшимъ общественное мнѣніе.

— Почему это старуха такъ нападаетъ на Вертепова? раздумывалъ Сажинъ, возвращаясь домой пѣшкомъ и припоминая фельетонъ доктора въ листкѣ: у этихъ непосредственныхъ натуръ есть свое чутье...

По странной ассоціаціи идей, онъ припомнилъ, что грѣзовская генеральша называетъ Анну Ивановну «недотрогой»,—дѣйствительно, недотрога. Зачѣмъ она вышла и скрылась?.. Сажинъ опять припомнилъ выраженіе лица дѣвушки, когда она просматривала газету, и улыбнулся. Какое у нея милое лицо, когда она задумывается. Недѣли черезъ двѣ, Сажинъ опять явился въ злобинскій домъ. Это вышло какъ-то совсѣмъ случайно; онъ чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ, вышелъ на улицу подышать свѣжимъ воздухомъ и опомнился только тогда, когда взялся за ручку звонка. Ему припомнился послѣдній непріятный разговоръ со старухой, но возвращаться было уже поздно. На его счастье, Маріы Петровны дома не оказалось: она уѣхала въ свою молельню.

— Барышня дома... лукаво говорила Агаша, стаскивая шубу съ гостя.

— Ага... отвѣтилъ Сажинъ и сунулъ бойкой дѣвушкѣ кредитку.

Анна Ивановна сильно смутилась и вышла къ гостю съ серьезнымъ лицомъ, но онъ, кажется, не хотѣлъ замѣчать настроенія молодой хозяйки и прошелъ изъ залы безъ приглашенія прямо въ гостинную, какъ свой человѣкъ въ домѣ.

— А я, знаете, зашелъ отдохнуть къ вамъ, Анна Ивановна, разсѣянно объяснялъ Сажинъ, перекладывая свою шапку на третье мѣсто: —усталъ... однимъ словомъ, я начинаю старѣться и хандрю, какъ всѣ старики.

— Можетъ быть, случилось что нибудь?

— Нѣтъ, ничего особеннаго... Просто усталъ! Знаете, на всякаго нападаютъ такіе моменты безсилія, а тутъ еще эта война

Digitized by Google

мышей и лягушекъ... Въ самомъ дѣлѣ, что̀ за удовольствіе вести препирательства и сражаться съ какими-то волостными писарями, кабачиками и вообще головоногими!..

— Да, но вѣдь вы работаете не для этихъ людей, а для извѣстнаго дѣла... нерѣшительно замѣтила Анна Ивановна, чтобы сказать что нибудь.

Этотъ неожиданный визитъ поставилъ дѣвушку въ самое неловкое положеніе, и она начинала сердиться, что Сажинъ не хочетъ этого понять. Что̀ подумаетъ Марѳа Петровна, когда вернется изъ молельни?.. Анна Ивановна чутко прислушивалась къ каждому шороху и впередъ переживала непріятное объясненіе съ матерью. Въ окна смотрѣло уже апрѣльское солнце, гдѣ-то трещали неугомонныя канарейки; въ отворенной двери показалась пестрая кошка, посмотрѣла большими зелеными глазами на гостя и на хозяйку, облизала ротъ и ушла назадъ.

— Какъ у васъ славно въ этихъ комнатахъ, говорилъ Сажинъ, оглядывая обстановку, точно былъ здѣсь въ первый разъ:— мнѣ онѣ напоминаютъ дѣтство, когда отецъ таскалъ меня по молельнямъ... У васъ и воздухъ какой-то церковный... Виноватъ, я не отвѣтилъ на вашъ вопросъ. Дѣло—хорошая вещь въ принципѣ, только на практикѣ оно распадается на разныхъ Петровъ Ивановичей и Ивановъ Петровичей, сильныхъ уже простой численностью. Извольте карабкаться и перелѣзать черезъ этотъ тынъ!.. А тутъ еще приходится считаться съ микроскопическими самолюбіями, желаніемъ непремѣнно отстоять свое мнѣніе и разными другими каверзами. Помните, Гейне сказалъ, что самая ужасная изъ всѣхъ войнъ—это война съ клопомъ?.. Лично я меньше всего желаю разыгрывать роль какого-то героя, но согласитесь, что эта мелюзга отравитъ жизнь кому угодно... Вы мнѣ позволите закурить сигару?..

— Пожалуйста...

— А что̀ ваша маленькая правда? уже съ улыбкой спрашивалъ Сажинъ, пуская струйку синяго дыма.

Въ своихъ разговорахъ съ Анной Ивановной онъ часто возвращался къ этой темѣ и незамѣтно входилъ въ подробности ея жизни. Его все интересовало, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это любопытство было проникнуто такой задушевностью и простотой, точно онъ говорилъ съ сестрой, встрѣтившись послѣ долгой разлуки. Иногда онъ давалъ совѣты, иногда возмущался домашней политикой Марѳы Петровны и даже предлагалъ переговорить съ ней, что такъ жить нельзя и что теперь совсѣмъ другія условія. Теперь, по выраженію лица Сажина, Анна Ивановна видѣла, что

Digitized by Google

ему хочется заговорить именно на эту тему и что онъ не рѣшается. Между ними уже установилась извѣстная тонкость пониманія, которая не требовала словъ.

Когда Сажинъ ушелъ, Анна Ивановна пошла въ свою комнату и, отворяя дверь гостинной, кого-то больно ударила половинкой по головѣ: это была Марѳа Петровна, въ однихъ чулкахъ подслушивавшая у двери.

— Мама, развѣ вы были дома? удивилась Анна Ивановна:— отчего вы не вышли къ Павлу Васильевичу?

— Ладно, ладно... Не твое дѣло мать учить. Чуть было глазъ не вышибла.

— Я просто не могу понять, мама, какъ ваша голова очутилась у самой ручки?

— Убирайся!..

Марѳа Петровна, охая, побрела въ свою каморку и по дорогѣ бормотала:

— Ишь, краснобай... небось, даже не спросилъ, какъ, молъ, Марѳа Петровна поживаетъ, точно я имъ кошка какая въ дому. Надо ужъ крестомъ потереть лобъ-то, а то какъ разъ шишка вскочитъ... тьфу!.. И примѣта нехорошая...

Въ сущности, Марѳа Петровна была очень довольна и по своему перетолковала сажинскіе визиты.

— Что же, отъ своей судьбы не уйдешь! размышляла она, перебирая свои узлы въ каморкѣ:—только вотъ что Софья Сергѣевна скажетъ?.. Охъ-хо-хо!.. Согрѣшили мы, грѣшныя...

Анна Ивановна была удивлена, что обыкновенныхъ непріятныхъ объясненій съ матерью не послѣдовало и она могла оставаться въ своей комнатѣ совершенно одна, охваченная нахлынувшей волной того счастья, которое даже пугаетъ.

XII.

— Ты, Пружинкинъ, дуракъ... съ особеннымъ чувствомъ говорилъ Хановъ, наслаждаясь послѣобѣденнымъ кейфомъ.

— Позвольте-съ, въ какомъ это смыслѣ дуракъ? спросилъ Пружинкинъ, уже успѣвшій привыкнуть къ рѣзкимъ выходкамъ повихнувшагося старика.

— Во всякомъ... начиная съ того, что ты меня считаешь сумашедшимъ.

— Дѣйствительно, Владиміръ Аркадьичъ, у васъ есть свой стихъ: все говорите, какъ слѣдуетъ, а потомъ и накатитъ отсут-

Digitized by Google

ствіе ума... Такъ полагаю, что это отъ вашей прежней развратности происходитъ. Силы-то прежней ужь не стало въ васъ, а свинство остается...

Хановъ любилъ, когда его бранили, и хохоталъ настоящимъ сумашедшимъ хохотомъ, какъ и сейчасъ. Слова Пружинкина пріятно щекотали его притупившіеся нервы, вызывая воспоминанія о прошломъ, когда онъ могъ кутить и развратничать на пропалую.

— И все таки дуракъ... продолжалъ Хановъ, повертываясь на спину—онъ лежалъ на кушеткѣ въ гостинной Софьи Сергѣевны:— знаешь ли ты, что̀ такое женщины?.. Нѣтъ, тебѣ твоимъ мужицкимъ умомъ этого и не понять, а у меня настоящая дворянская плоть. Что сіе значитъ? А значитъ сіе то, что въ теченіе трехсотъ лѣтъ родъ Хановыхъ пользовался особыми преимуществами по части безобразія и къ женскому полу имѣлъ большое прилежаніе... Да! Это нужно чувствовать, а умъ, какъ холопъ, идетъ туда, куда его посылаютъ. Такъ что̀ же такое женщина?.. До двѣнадцати лѣтъ она нахально любопытна, въ шестнадцать недотрога—это лучшая пора, когда ею нужно пользоваться... Потомъ она ловитъ жениховъ и любовниковъ. Впрочемъ, ты меня не поймешь своимъ мочальнымъ умомъ, а я скажу тебѣ загадку: кого считаютъ простой и глупенькой, та всѣхъ перехитрила, умная остается въ дурахъ; мужчина сначала съ глупенькой цвѣточки рветъ, потому что очень ужь это просто и безопасно, а потомъ доберется и до умной... ха-ха!..

Такіе разговоры съ притчами, загадками и дикими выходками происходили въ квартирѣ Мѣшковой довольно часто, когда Пружинкинъ дежурилъ здѣсь въ ожиданіи Софьи Сергѣевны. Генеральша окончательно завладѣла старикомъ и съумѣла настолько его обезвредить, что ему дохнуть было некогда: и то нужно, и это нужно, и пятое-десятое. Пружинкинъ въ пылу усердія не замѣчалъ, что, исполняя порученія генеральши, онъ безъ отдыха вертится, какъ бѣлка въ колесѣ.

— Рабъ вашъ, Софья Сергѣевна... совершенный рабъ-съ! восторженно признавался онъ, когда генеральша протягивала ему свою бѣленькую ручку.

Эта послѣдняя церемонія, конечно, продѣлывалась съ глазу на глазъ. Ни Петровъ, ни Ефимовъ, ни Курносовъ даже не подозрѣвали о существованіи такой формы рабства. Они третировали Пружинкина свысока, хотя въ свою очередь не брезгали пользоваться его мѣщанскими услугами.

— Старику движеніе необходимо, объясняли нигилисты:— это полируетъ кровь и придаетъ живость воображенію.

Digitized by Google

Пружинкинъ не замѣчалъ ничего, счастливый своимъ рабствомъ. Что̀ онъ такое, въ самомъ дѣлѣ?.. червь, козявка, пыль,—а съ какими людьми сообщеніе имѣетъ!.. Генеральшу даже провожалъ два раза въ театръ и въ саняхъ съ ней рядкомъ ѣхалъ. И красивая эта Софья Сергѣевна, не въ примѣръ другимъ барынямъ, особенно когда пріодѣнется. Все на ней точно приклеено, и каждая штучка на своемъ мѣстѣ,—оборочки, рюшечки, бантики, ленточки, какъ цвѣтики на кустѣ. Весьма хорошо-съ... И сама генеральша всегда такая веселая да свѣжая, какъ птица. Конечно, къ умнымъ людямъ она большое пристрастіе имѣетъ и даже позволяетъ имъ дерзкія слова говорить... но здѣсь мысли Пружинкина совпадали съ генеральской философіей Марѳы Петровны: охотку тѣшить, не бѣда платить.

Въ теченіе зимы, Пружинкинъ вошелъ окончательно во всѣ распорядки генеральской жизни. Софья Сергѣевна отказалась отъ большаго свѣта и его соблазновъ, погрузившись съ головой въ мірокъ умныхъ людей. Про нее ходили по городу слухи и очень некрасивые разсказы, но она не обращала вниманія на это неизбѣжное дополненіе всякаго провинціальнаго существованія. Ей нравилось жить такъ, какъ она жила. Кромѣ уже извѣстныхъ намъ умныхъ моховскихъ людей, Софья Сергѣевна открыла существованіе новыхъ: гимназисты Коврижко и Оконцевъ, семинаристы—четыре брата Поповыхъ и т. д. Попадались и среди гимназистокъ „очень развитые экземпляры“, но про себя Софья Сергѣевна все таки отдавала преимущество мужчинамъ. Да, она часто бывала несправедлива и добродушно каялась въ своихъ недостаткахъ: была пристрастна къ людямъ, любила плотно покушать, немножко кокетничала, носила слишкомъ тонкое бѣлье, а на шеѣ какую-то ладонку, держала двухъ горничныхъ, плакала отъ любимыхъ шопеновскихъ вальсовъ, была не прочь смастерить бракъ по любви и т. д. За глаза ее бранили ея же знакомые и разсказывали пикантные анекдоты, но вслѣдъ затѣмъ шли къ ней же, потому что Софья Сергѣевна самой природой была создана съ нарочитой цѣлью угощать другихъ, поить, кормить и вообще устраивать разныя маленькія одолженія. Въ уплату, какъ это водится на бѣломъ свѣтѣ, она получала самую черную неблагодарность и горькія истины.

— Вы насъ извините, мы люди прямые, говорили Петровъ и Ефимовъ послѣ эпизода со школой:—въ васъ одно прекраснодушіе и пустота... Вы держите двухъ горничныхъ, у васъ гнусныя привычки къ роскоши, вы вообще живете паразитомъ на здоровомъ народномъ тѣлѣ.

Digitized by Google

— Неправда: у меня сейчасъ одна горничная, Дарьица, а Пашицѣ я отказала!.. отчаянно защищалась генеральша.

— Это все равно... А этого дармоѣда, Ханова, для чего вы кормите?..

Побѣжденная грѣзовская генеральша—ее всегда побѣждали—грустно умолкала, потому что въ этомъ единственномъ случаѣ считала себя совершенно правой. Ее защищала одна Прасковья Львовна, чувствовавшая къ ея беззащитной красотѣ самую непростительную слабость, и Софья Сергѣевна платила докторшѣ самой восторженной нѣжностью, почему Прасковья Львовна даже часто оставалась ночевать у генеральши. Съ глазу на глазъ они говорили на ты: „Ты, Сонька, въ сущности самая пустая бабенка“... Въ минуты душевнаго разслабленія, Прасковья Львовна съ большимъ паѳосомъ говорила о несправедливости къ женщинѣ самой природы. Да, природа несправедлива, отпуская мимолетную красоту за такую длинную лѣстницу испытаній, житейской горечи и разочарованій. Какъ хотите, а женщина связана по рукамъ и ногамъ уже своими физическими особенностями и сравнительной слабостью. Возьмите весь тотъ ужасъ положенія женщины у дикарей и нашихъ инородцевъ, гдѣ она является нечистымъ скотомъ, одно прикосновеніе котораго оскверняетъ. Полуцивилизованныя расы сдѣлали изъ женщины вьючное животное и самку-производительницу. Древнія европейскія цивилизаціи создали культъ только красивой женщины. Прогрессъ, конечно, сдѣлалъ большой шагъ впередъ, но женщина все таки остается женщиной, и самыя лучшія святыя чувства идутъ къ ней въ душу на собственную погибель. „Подлецъ“-мужчина дѣлаетъ уступки только изъ вѣжливости, а умъ и образованіе раскрываютъ предъ ней страницу за страницей неисчислимыхъ страданій и вѣчно неудовлетворенной жажды жизни. Выхода нѣтъ, и Прасковья Львовна со слезами на глазахъ говорила:

— Еслибы у меня родилась дочь, я ее задушила бы, какъ это дѣлаютъ дикари. Природа нахально несправедлива, и, дѣйствительно, Богъ въ минуты гнѣва сотворилъ первую женщину... Птицы и низшія животныя, къ своему счастью, не знаютъ нашихъ преимуществъ. Каждая хорошенькая женщина дѣлаетъ своей красивой рожицей несчастными сотни другихъ женщинъ, родившихся въ обыкновенномъ человѣческомъ видѣ, какъ имѣютъ право родиться одни мужчины.

Послѣ такихъ разговоровъ, Софья Сергѣевна вставала на другой день съ опухшими красными глазами и грустила до обѣда. Пружинкинъ обвинялъ Прасковью Львовну въ дурномъ вліяніи

Digitized by Google

на генеральшу и старался придумать какое нибудь развлеченіе.— Софья Сергѣевна утѣшалась скоро и входила въ свою обычную колею.

Чему удивлялся Пружинкинъ, такъ это недостатку времени— некогда, и конецъ дѣлу! Проэкты лежали въ забросѣ, а Моховъ со всѣхъ сторонъ обкладывался навозомъ все плотнѣе и плотнѣе. Старику некогда было даже завернуть къ Маѳѣ Петровнѣ, чтобы принять на свою повинную голову необходимую грозу. Разъ только встрѣтилъ онъ старуху на Черномъ рынкѣ, и она его остановила:

— Послушай, Егоръ Андреичъ, да ты, кажется, рехнулся?

— Приду, Маѳа Петровна, непремѣнно приду... Вотъ только чуточку опростаюсь!..

— Ты посмотри на себя-то: какой у тебя видъ!..

— Какой-съ, Маѳа Петровна?..

— А такой... Точно съ печи упалъ.

Маѳа Петровна даже погрозила ему пальцемъ, а Пружинкинъ обманулъ ее и на этотъ разъ не пришелъ. Тутъ школа, тамъ генеральша—хоть не дыши. Надо бы къ Павлу Васильевичу завернуть и поговорить насчетъ навоза, но и подумать некогда. Свободнаго времени едва удалось урвать на собственныя именины, которыя Пружинкинъ справлялъ 23 апрѣля на Егора-запрягальника. Изъ гостей въ избушкѣ Пружинкина на лицо былъ одинъ неизмѣнный Чалко, усиленно плевавшій на полъ. На письменномъ столѣ красовался именинный пирогъ съ соленой осетриной, графинчикъ съ водкой, бутылка рябиновки, мадера и нѣсколько тарелокъ съ разными закусками — рыжики въ уксусѣ, копчушка, огурцы. Самъ Пружинкинъ никакого вина не пилъ и, въ виду этого печальнаго обстоятельства, Чалко выпивалъ по двѣ рюмки за разъ.

— У меня натура особенная... объяснялъ онъ, набивая ротъ закуской:—теперь одному человѣку одно, другому—другое, а третьему...

Оглушительный лай Орлика на дворѣ заставилъ Пружинкина подскочить къ окну. У его воротъ остановилась щегольская пролетка Софьи Сергѣевны, и сама она, Софья Сергѣевна, своей собственной персоной шла по двору, прямо въ избушку, а за ней— Анна Ивановна. Чалко подавился остановившимся въ горлѣ рыжикомъ и хотѣлъ спрятать свою „особенную“ фигуру за печкой, но Пружинкинъ его удержалъ:

— Перестань дичиться! ты такой же гость. Это генеральша съ злобинской барышней.

Старикъ выскочилъ встрѣчать нежданныхъ гостей въ сѣни застегивая по дорогѣ свой сюртукъ и жилетъ.

Digitized by Google

— Ваше превосходительство, вотъ, можно сказать, осчастливили... бормоталъ онъ, распахивая двери.

Чалко, со слезами на глазахъ отъ душившей его перхоты, униженно раскланялся съ дамами и по необъяснимой причинѣ спряталъ свою шапку подъ печку, какъ предметъ весьма недостойный, компрометирующій высокихъ посѣтительницъ однимъ своимъ видомъ.

— Мы пріѣхали васъ поздравить, Егоръ Андреичъ, говорила Софья Сергѣевна, снимая пальто.

— Ваше превосходительство... да я... ахъ, Боже мой... Анна Ивановна, позвольте пальтецо принять.

Когда дамы взглядывали въ сторону Чалки, онъ судорожно закрывалъ ротъ и начиналъ пятиться къ дверямъ.

— Позвольте представить вамъ моего пріятеля: фельдшеръ Сушковъ, отрекомендовалъ Пружинкинъ своего гостя: — онъ у насъ въ Теребиловкѣ за всю медико-хирургическую академію отвѣчаетъ...

— Очень пріятно... протянула генеральша, подавая Чалкѣ свою ручку, и милостиво улыбнулась:—очень пріятно!..

Анна Ивановна въ это время успѣла положить на окно два таинственныхъ свертка и потомъ занялась разговоромъ съ Чалкой: давно ли онъ лѣчитъ въ Теребиловкѣ, сколько у него больныхъ, какія болѣзни преобладаютъ въ школьномъ возрастѣ и т. д. Чалко сначала говорилъ только „да-съ“ и „нѣтъ-съ“, но потомъ оправился и началъ говорить почти толково. Генеральша въ это время успѣла осмотрѣть избушку, приласкала Орлика и объяснила мимоходомъ, что не прочь закусить.

— Что же это я дуракомъ стою предъ вашимъ превосходительствомъ? возмущался Пружинкинъ, кидаясь за занавѣску, чтобы подать тарелки и ножи съ вилками.

Вернувшись съ необходимыми снарядами, онъ проговорилъ:

— Ужь если на то пошло, ваше превосходительство, такъ не откажите чести имениннику... настоящимъ образомъ поздравить...

Расхрабрившійся старикъ налилъ двѣ рюмки мадеры. Анна Ивановна отказалась, но генеральша, счастливая своимъ милостивымъ присутствіемъ въ этой избенкѣ, „пригубила“ рюмку и, сдѣлавши маленькій глотокъ, закашлялась.

— Осчастливили на вѣкъ жизни... бормоталъ Пружинкинъ, пока дамы ѣли по куску именинаго пирога.

Гости посидѣли съ полчаса, поболтали о разныхъ разностяхъ и уѣхали. Пружинкинъ проводилъ ихъ до воротъ и вернулся въ избушку съ восторженнымъ лицомъ.

Digitized by Google

— Изъ которой рюмки генеральша пила?.. спрашивалъ онъ, недовѣрчиво разсматривая двѣ полныхъ рюмки.

— Вотъ изъ этой... пояснилъ Чалко, указывая на рюмку съ золотыми разводами:—еще поперхнулась...

— Да, братъ... это называется: люди! Не погнушались старикомъ...

— Надо развернуть гостинцы-то... посовѣтовалъ Чалко, мучимый любопытствомъ.

— Какіе гостинцы?..

— А на окно барышня положила...

Гостинцы были развернуты дрожавшими руками: въ одномъ сверткѣ были двѣ книжки съ надписью: „отъ Анны Злобиной"; въ другомъ—вышитыя шерстями и шолкомъ туфли со сложенною въ нихъ записочкой: „Отъ генеральши. Собственная работа". Пружинкинъ поцѣловалъ и книги, и туфли, и положилъ ихъ на письменный столъ, рядомъ съ пирогомъ.

— Удостоился... шепталъ онъ: — собственными ручками генеральша вышивала... Нѣтъ, Чалко, позволь: что же это такое, въ самомъ дѣлѣ?..

„Особенная натура" безмолвствовала, потому что требовался новый зарядъ изъ двухъ рюмокъ. Пружинкинъ нѣсколько разъ принимался разсматривать подарки, перекладывая ихъ съ мѣста на мѣсто и, наконецъ, въ какомъ-то отчаяніи проговорилъ:

— Чалко, которая по твоему лучше: генеральша или Анна Ивановна?..

Чалко вытаращилъ глаза и только развелъ руками: обѣ хороши... Но Пружинкина это не удовлетворило. По его мнѣнію, которая нибудь изъ двухъ должна же быть лучше, а сдѣлать выборъ самому было выше его силъ. Въ подтвержденіе своей мысли, что обѣ хороши, Чалко еще разъ выпилъ двѣ рюмки.

Туфли генеральши съ этихъ поръ красовались постоянно на письменномъ столѣ Пружинкина, а недопитая рюмка хранилась въ особой коробочкѣ изъ подъ сигаръ, прибитой къ стѣнѣ. Книжки Анны Ивановны были поставлены въ числѣ другихъ рѣдкостей на полочку, оклеенную по этому случаю золотой бумагой. Возвращаясь домой, Пружинкинъ все таки думалъ, что которая нибудь лучше, и эта мысль постоянно его огорчала.

XIII.

Теребиловская школа для Анны Ивановны являлась своего рода Америкой, гдѣ она дѣлала постоянныя открытія, хотя могла

Digitized by Google

заниматься въ ней только урывками, когда позволяли время и обстоятельства. Первый пылъ увлеченья школьнымъ дѣломъ, въ теченіе перваго же полугода, замѣтно поутихъ. Первой отстала отъ школы генеральша, за ней Прасковья Львовна. Послѣдняя объяснила свое отступленіе недостаткомъ педагогической подготовки и, вообще, педагогическихъ способностей, а первая не пыталась даже оправдывать себя. Такимъ образомъ, въ школѣ занимались только Клейнгаузъ и Володина: первая въ женскомъ отдѣленіи, вторая—въ мужскомъ. Школа шла понемногу впередъ, причемъ основной силой являлась Володина. Эта сѣрая, невидная дѣвушка съ чахоточной грудью обнаружила большую настойчивость, умѣнье вести дѣло, а главное—тотъ особенный педагогическій тактъ, которому нельзя выучиться.

— Это святая дѣвушка! восторженно отзывалась о ней генеральша:—ей цѣны нѣтъ... вотъ какихъ женщинъ намъ нужно.

На нѣкоторое время Володина сдѣлалась даже героиней дня, что̀ ее сильно конфузило, какъ невольную конкурентку Клейнгаузъ. Неумѣренные восторги и похвалы вслухъ сдѣлали наконецъ то, что обѣ дѣвушки замѣтно охладѣли другъ къ другу: Клейнгаузъ была обижена, Володина чувствовала себя въ фальшивомъ положеніи. Анна Ивановна особенно внимательно присматривалась къ этой школьной знаменитости и чувствовала лично, по отношенію къ себѣ, тоже какой-то скрытый антагонизмъ со стороны Володиной, что̀ ее очень огорчало. Онѣ вмѣстѣ занимались, встрѣчались въ салонѣ генеральши и все таки мало знали другъ друга.

— Что это, Володина какъ будто дуется на меня? спрашивала Анна Ивановна Прасковью Львовну.

— Володина?

— Да... Можетъ быть, мнѣ это такъ кажется, или я просто не понимаю людей.

— Ахъ, голубчикъ, какъ вы просты! удивлялась Прасковья Львовна, покачивая своей стриженой головою:—что̀ вы такое, если разобрать серьезно: богатая и красивая дѣвушка, которой пришла блажь заниматься въ народной школѣ и которая не сегодня-завтра выберетъ себѣ любаго жениха. Извините, я выражаюсь откровенно... Да. А Володина—бѣдная, некрасивая дѣвушка, у которой эта школа, можетъ быть, единственный ресурсъ въ жизни и больше ничего. Понимаете вы? ровно ничего! Вѣдь это страшно, когда вамъ двадцать лѣтъ и когда вамъ мозолитъ глаза какая-то богатая раскольница... Люди, очень хорошіе сами по себѣ, часто могутъ быть несправедливы къ другимъ, какъ и въ данномъ случаѣ.

Digitized by Google

Это откровенное объясненіе обидѣло Анну Ивановну, тѣмъ болѣе, что отъ своего богатства она, кромѣ зла, пока еще ничего не видѣла. Если она не занималась въ школѣ наряду съ Володиной, то опять этому мѣшали разныя семейныя обстоятельства и просто дрязги, о какихъ не говорятъ. Достаточно сказать одно то, что каждый урокъ въ школѣ стоилъ Аннѣ Ивановнѣ большихъ непріятностей. Марѳа Петровна придиралась къ ней, пилила походя и дѣлала тѣ мелочныя, жалкія сцены, о которыхъ даже говорить не хочется. Волей обстоятельствъ дѣвушка сдѣлалась тоже отступницей отъ школы, и это постоянно ее угнетало, а тутъ еще—стоявшая нѣмымъ упрекомъ Володина. Иногда Аннѣ Ивановнѣ хотѣлось открыть душу этой сѣрой дѣвушкѣ, но ее удерживалъ ложный стыдъ: какъ она отнесется къ этой исповѣди и не оттолкнетъ ли ее съ ея избалованной блажью? Можетъ быть, Володина совсѣмъ не желаетъ съ ней сходиться изъ законнаго самолюбія всѣхъ бѣдныхъ людей, заработывающихъ свой кусокъ хлѣба тяжелымъ и неблагодарнымъ трудомъ.

Благодаря этимъ обстоятельствамъ, Анна Ивановна каждый разъ ѣхала въ школу съ тяжелымъ сердцемъ и забывала свои личныя невзгоды только тогда, когда начинала заниматься. Она помогала Клейнгаузъ въ женскомъ отдѣленіи, и это опять имѣло свои неудобства. Клейнгаузъ могла подумать: развѣ я занимаюсь хуже Володиной, если ко мнѣ является помощница?.. Но Клейнгаузъ была слишкомъ толста, чтобы безпокоиться такими соображеніями, и относилась къ Аннѣ Ивановнѣ какъ-то равнодушно. Женское отдѣленіе нравилось Аннѣ Ивановнѣ больше, а бойкихъ теребиловскихъ мальчишекъ она просто боялась:—какъ это Володина умѣетъ справляться съ такими сорванцами? Среди ученицъ Анна Ивановна чувствовала себя совершенно свободно и входила душой въ тотъ теребиловскій міръ, который стоялъ за этими босоножками. Черезъ нихъ она училась понимать невѣдомую для нея жизнь окраины и приходила въ ужасъ отъ одной мысли, что вотъ изъ этихъ дѣтскихъ лицъ, еще полныхъ утренней свѣжести, выдутъ впослѣдствіи отчаянныя теребиловскія бабы и еще болѣе отчаянныя дѣвицы, пользовавшіяся въ Моховѣ настолько плохой репутаціей, что изъ Теребиловки совсѣмъ даже не брали женской прислуги. Раскрывалась какая-то ужасная жизнь, причемъ люди служили только мертвымъ выраженіемъ для извѣстныхъ „желѣзныхъ законовъ“ всего уклада общественной жизни.

На этой почвѣ Анна Ивановна особенно хорошо поняла Пружинкина и его „темноту“. Она его полюбила, какъ и несбыточность пружинкинскихъ мечтаній. Зло слишкомъ было велико,

Digitized by Google

чтобы могла быть организована настоящая реальная помощь. Даже безотвѣтный Чалко, и тотъ начиналъ казаться Аннѣ Ивановнѣ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ въ первый разъ, когда она познакомилась съ нимъ на именинахъ Пружинкина. Мысленно она рисовала себѣ всѣхъ этихъ больныхъ, лежавшихъ по теребиловскимъ избушкамъ и, въ лицѣ Чалки, имѣвшихъ единственную помощь. Онъ, этотъ простой фельдшеръ, являлся предъ ней великимъ человѣкомъ. Когда встрѣчался на дорогѣ экипажъ Чалки, Анна Ивановна очень вѣжливо раскланивалась съ его хозяиномъ и нѣсколько разъ пыталась вступить въ разговоръ, хотя не особенно успѣшно.

— Напрасно вы безпокоитесь, Анна Ивановна, объяснилъ Пружинкинъ по этому поводу:—такой онъ человѣкъ... т. е. Чалко.. лишенъ всякой словесности, а только онъ добрый и не фыркаетъ на больныхъ.

Ученицы тоже называли фельдшера Чалкой, и въ этой кличкѣ чувствовалась ихъ органическая связь.

Да, Теребиловка являлась для Мохова чѣмъ-то въ родѣ помойной ямы, а тамъ въ большихъ каменныхъ домахъ шла своя привилегированная жизнь, свои интересы и свои мысли. При одномъ имени Теребиловки, мужчины иронически улыбались и пожимали плечами, а дамы приходили въ ужасъ и отмахивались руками.

Возвращаясь домой, дѣвушка думала о Теребиловкѣ, которая своимъ грѣшнымъ существованіемъ начинала отравлять ей даже тотъ покой и удобства, какими она пользовалась. Каждый день садиться за столъ и ѣсть свои разносолы, когда тамъ нѣтъ хлѣба у дѣтей, нѣтъ лѣкарства больнымъ... и помочь теребиловцамъ нельзя: нужно было воспитать совсѣмъ другихъ людей, т. е. измѣнить въ основаніи весь строй городской жизни, создавшій, какъ свое неизбѣжное слѣдствіе, „Теребиловку“. Прежде люди успокоивались благотворительностью и нищенскими подачками, но эту систему поправленія теребиловскаго зла даже Пружинкинъ называлъ пальятивной мѣрой. Скажемъ въ скобкахъ, что старикъ, какъ всѣ самоучки, питалъ большое пристрастіе къ ученымъ иностраннымъ словечкамъ и частенько употреблялъ ихъ несовсѣмъ кстати. Въ данный моментъ, всякая благотворительность была особенно въ загонѣ, и всѣ говорили, что зло устранимо только съ устраненіемъ причинъ—все остальное составляетъ бирюльки и дамскую блажь.

Въ этомъ упорствѣ мысли богатой невѣсты сказывались неудовлетворенные позывы къ другой жизни и къ широкой дѣя-

Digitized by Google

тельности. Дѣвушка вносила сюда всю страстность пробудившагося сознанія и съ мучительной болью наталкивалась на разраставшіяся препятствія. Минуты просвѣтленія и вѣры въ себя смѣнялись полной безнадежностью и апатіей человѣка, заживо похороненнаго въ четырехъ стѣнахъ. Въ Аннѣ Ивановнѣ сказывалась чисто раскольничья энергія, выработанная рядомъ поколѣній.

Въ одну изъ такихъ скверныхъ минутъ, Анна Ивановна однажды сидѣла въ учительской каморкѣ теребиловской школы и перебирала ученическія тетрадки. Осторожные шаги вошедшаго о. Евграфа заставили ее оторваться отъ работы. Она по особенной антипатіи, воспитанной съ дѣтства къ православному духовенству, относилась къ о. Евграфу съ полнымъ пренебреженіемъ: всѣ попы, молъ,—взяточники и попрошайки, которые дерутъ съ живаго и съ мертваго. Если о. Евграфа терпѣли въ школѣ, то только потому, что нельзя же было обойтись безъ законоучителя. Даже отношенія Пружинкина къ этому попу возмущали Анну Ивановну: старикъ дѣлалъ глупое лицо, подходилъ подъ благословеніе и бѣжалъ отворять двери. Что-то такое нехорошее было въ этихъ отношеніяхъ — подобострастное и унижающее, хотя Пружинкинъ нѣсколько разъ говорилъ Аннѣ Ивановнѣ:

— Я и попа особеннаго приспособилъ для школы-съ...

Въ чемъ состояла эта особенность о. Евграфа, Анна Ивановна совсѣмъ не желала разузнавать. Она кланялась ему издали и старалась по возможности избѣгать, какъ хотѣла сдѣлать и теперь.

— Вы это куда же такъ заторопились, Анна Ивановна? заворилъ о. Евграфъ, разглаживая свою мочальную бородку:— можно предположить, что этому невольной виной послужилъ я... могу уйти.

— Нѣтъ, я кончила... твердо отвѣчала дѣвушка и, только солгавъ, поняла, что поступила нехорошо.

О. Евграфъ неловко замолчалъ, крякнулъ и какъ-то смущенно потупилъ глаза. Онъ былъ въ своей будничной, выцвѣтшей люстриновой рясѣ, которая у ворота совсѣмъ засалилась отъ падавшихъ на плечи косицъ.

— У васъ, батюшка, сегодня въ которомъ отдѣленіи урокъ? спросила Анна Ивановна, чтобы загладить свою необдуманную ложь.

— Въ мужскомъ... сейчасъ напутствовалъ умирающаго, совершенно просто проговорилъ онъ, усаживаясь на стулъ: — бѣдность и нищета... И что же: такъ спокойно умираетъ. Прости-

Digitized by Google

лась со всѣми, благословила ребятишекъ... Даже, знаете, со стороны неловко смотрѣть: и живой человѣкъ, и какъ будто не живой.

— Не о чемъ жалѣть, вотъ и умираетъ спокойно.

— Вы думаете?

— Кажется, ясно...

О. Евграфъ немного поморщился, пожевалъ губами и въ другомъ тонѣ заговорилъ:

— Нѣтъ, тутъ другое, сударыня. Конечно, есть умные и очень богатые люди, однимъ словомъ, князи міра сего, но есть и совѣсть... Теперь вотъ вы, напримѣръ, такъ полагаете: будетъ у всѣхъ хлѣбъ, будетъ кровъ, будетъ необходимое одѣяніе, однимъ словомъ, насущныя земныя блага, и сейчасъ будутъ всѣ счастливы?.. Не такъ ли, сударыня?

— Положимъ, что такъ...

— И въ этомъ вы видите цѣль своей дѣятельности, а просвѣщеніе косвенно или прямо ведетъ къ тому же. Если человѣкъ сытъ, онъ не пойдетъ воровать; если у человѣка тепло и уютно, онъ не пойдетъ въ праздничное время по кабакамъ — другими словами, сытая и довольная жизнь сама устранитъ всякія преступленія. Такъ гласитъ наука о цивилизаціи и такъ говоритъ г. Бокль... Прогрессируютъ научныя истины, а нравственность одна и та же отъ самыхъ глубокихъ временъ, и ни одной іоты никто еще не прибавилъ въ ея кодексъ. Не правда ли?..

— Несовсѣмъ такъ, но я не спорю.

— Хорошо-съ... Отчего же теперь въ хорошихъ домахъ, гдѣ и сыто, и одѣто—отчего туда вкрадывается скорбь и льются напрасныя слезы? Человѣкъ нажилъ рубль—ему ужь нужно нажить два; онъ, этотъ человѣкъ, нажившій два рубля, для наживы третьяго, давитъ своего сосѣда и если поучился грамотѣ, то называетъ свой поступокъ „борьбой за существованіе“. Слабый гибнетъ, а сильный торжествуетъ... Ни правды, ни неправды нѣтъ, а есть борьба за существованіе, половой подборъ и полная невмѣняемость, ибо каждый, при данныхъ обстоятельствахъ, обстановкѣ, воспитаніи, темпераментѣ и расположеніи духа, и поступить иначе не могъ. Докторъ Круповъ называетъ всѣхъ людей сумашедшими... да?

— Что же изъ этого всего слѣдуетъ?.. спрашивала Анна Ивановна, удивленная начитанностью батюшки, который зналъ даже г. Бокля и доктора Крупова.

— А слѣдуетъ то, съ чего мы начали: бѣдная и простая женщина умираетъ со спокойной совѣстью, а мы будемъ думать, что

Digitized by Google

если у всѣхъ будетъ тепло, то и хорошо. Внѣшнее еще не даетъ внутренняго, и, можетъ быть, мы идемъ помогать людямъ, у которыхъ намъ самимъ слѣдовало бы просить помощи... Есть своя философія нищеты и злоключеній.

— Слѣдовательно, по вашему, бѣдные счастливѣе насъ, богатыхъ, и мы не должны выводить ихъ изъ этого блаженнаго состоянія?..

— Нѣтъ, я этого еще не сказалъ... Полагаю только, что одно развитіе умственное, какъ утверждаетъ г. Бокль, еще не дѣлаетъ *всего* человѣка. Вы, напримѣръ, образованная и воспитанная дѣвушка, больше всего смущены тѣмъ, что настоящія слова говоритъ человѣкъ, одѣтый въ рясу. Васъ уже отталкиваетъ одна внѣшность, съ которой въ своемъ умѣ вы соединили извѣстныя мысли. Точно такъ и въ другихъ случаяхъ жизни вы будете руководствоваться указаніемъ этой мысли, которая, какъ обоюдоострый ножъ, можетъ служить и на великую пользу, и на великій вредъ.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ кончившимся урокомъ, и Анна Ивановна была рада случаю отвязаться отъ попа-іезуита, какъ она назвала его про себя. Зачѣмъ онъ присталъ къ ней? По его словамъ, не нужно даже учить дѣтей... Теперь въ школѣ одной непріятностью больше. За разрѣшеніемъ своихъ неразумѣній Анна Ивановна иногда обращалась къ Прасковьѣ Львовнѣ, какъ сдѣлала и теперь. Та даже расхохоталась.

— Это отецъ-то Евграфъ іезуитъ? повторяла она, хлопая себя по бедрамъ, какъ торговка: — ну, матушка, попала пальцемъ въ небо... Я не особенно поповъ жалую, а этотъ — исключеніе: философъ какой-то и чудакъ. Онъ часто у моего супруга бываетъ, потому что они вмѣстѣ учились въ бурсѣ. Однако, чортъ возьми, дорого бы я дала, чтобы посмотрѣть, какъ это вы объяснялись въ учительской... и поняли одинъ другаго.

XIV.

Лѣто прошло очень весело. Салонъ грѣзовской генеральши и „молодой Моховъ“ соединились на время для общихъ развлеченій. Устраивались пикники, поѣздки въ лѣсъ и другія parties de plaisir. Было нѣсколько спектаклей съ благотворительной цѣлью, гулянья въ городскомъ саду съ неизбѣжными аллегри, дававшими моховскимъ красавицамъ случай показать себя. Софья Сергѣевна тоже не отказывалась съ благотворительной цѣлью повер-

Digitized by Google

тѣться на открытой эстрадѣ, гдѣ моховская публика осаждала ее. Она являлась какъ бы примиряющимъ элементомъ, и всѣ партіи на время смѣшивались въ одну безразличную кучку. Моховскій губернаторъ, прихрамывающій на лѣвую ногу, особенно ухаживалъ за хорошенькой вдовушкой и говорилъ ей тѣ любезности и комплименты, какіе были въ ходу полвѣка назадъ. По своей наружности, онъ ничѣмъ не отличался, особенно когда надѣвалъ партикулярный костюмъ: высокій, плотный старикъ съ свѣжимъ лицомъ и большимъ носомъ, — вотъ и все. Лѣтомъ губернаторъ любилъ ходить по-просту, въ парѣ изъ китайскаго шолку и немного фантастической „крылаткѣ".

— Мы васъ подозрѣваемъ, наша дорогая Софья Сергѣевна, говорилъ обыкновенно губернаторъ и сладко прищуривалъ одинъ глазъ, какъ пообѣдавшій старый котъ: — да... вы устраиваете у себя очагъ революціи.

— Представьте, а я и не подозрѣвала, что это такъ опасно! кокетничала генеральша.

— Но вы сами по себѣ опаснѣе всякой революціи...

Губернаторская свита, состоявшая изъ разныхъ совѣтниковъ и чиновниковъ особыхъ порученій, расцвѣтала одной улыбкой: начальство изволитъ шутить... Прибавимъ отъ себя, что это очень льстило суетнымъ чувствамъ Софьи Сергѣевны, и она принимала самыя обворожительныя позы, по институтски прижимая локотки къ таліи. Старикъ-губернаторъ пользовался репутаціей большаго ловеласа, и поэтому всѣ чиновники старались изо всѣхъ силъ ухаживать за дамами, что̀ зачислялось имъ въ исполненіе ихъ прямыхъ обязанностей. Сажинъ обыкновенно появлялся тоже на эстрадѣ, гдѣ царила Софья Сергѣевна, и это служило поводомъ къ очень пикантнымъ сценамъ.

— Мы всѣ вращаемся около васъ, Софья Сергѣевна, какъ отдѣльныя созвѣздія около центральнаго свѣтила, сказалъ однажды губернаторъ въ присутствіи Сажина, который сидѣлъ у рулетки молча:—есть въ вашей орбитѣ даже кометы...

— Ваше превосходительство, по моему самая маленькая комета лучше тѣхъ подозрительныхъ планетъ, которыя свѣтятъ чужимъ свѣтомъ, отвѣтилъ Сажинъ, парируя ударъ.

— Но солнце все таки остается солнцемъ, не правда ли? А самая темная планета можетъ гордиться, что и на нее упалъ золотой солнечный лучъ...

Собственно говоря, времена были самыя либеральныя, и предержащая власть даже снисходительно заигрывала съ протестовавшими элементами. Притомъ, губернаторъ отъ природы былъ

Digitized by Google

добродушный малый и больше всего на свѣтѣ интересовался театральными дѣлами, гдѣ у него велись легкія интрижки. Это было въ порядкѣ вещей, когда вылетѣвшая на сцену оперетка увлекала и сановныя головы. За моховскимъ губернаторомъ даже установилась спеціальная кличка опереточнаго губернатора, и онъ первый аплодировалъ изъ своей ложи, когда въ „Пѣвчихъ птичкахъ“ губернаторскій кучеръ кричалъ изъ-за газеты: „Vive le gouverneur“! Либерализмъ этого моховскаго губернатора простирался до того, что онъ подавалъ руку даже Щипцову, когда тотъ сдѣлался редакторомъ „Моховскаго листка,“ и милостиво выслушивалъ скабрезные анекдоты Ханова, когда тотъ являлся на гулянье въ своемъ офиціальномъ званіи „дяди“.

— Какъ гнусно коверкается наша генеральша! возмущались нигилисты, попивая пиво гдѣ нибудь за отдѣльнымъ столикомъ:— пропащая бабенка!

Съ нигилистами сидѣлъ обыкновенно Курносовъ и мрачно наблюдалъ публику своими бѣлыми глазами. Докторъ Вертеповъ, по свойственному фельетонистамъ легкомыслію, перебѣгалъ отъ одной партіи къ другой и разносилъ городскія вѣсти. „Милый докторъ“ пользовался особенной популярностью въ дамскомъ обществѣ.

Въ качествѣ излюбленнаго земскаго человѣка, Сажинъ пользовался особеннымъ вниманіемъ публики, и это послѣднее непріятно его стѣсняло. Сидя на эстрадѣ, онъ долго выжидалъ удобнаго момента, чтобы скрыться въ публику незамѣтно и, не встрѣчаясь со знакомыми, добраться до того мѣста, гдѣ гуляла Анна Ивановна съ Глюкозовой или Клейнгаузъ. Онъ чувствовалъ себя хорошо въ ея обществѣ. Прасковья Львовна подъ какимъ нибудь предлогомъ исчезала, и Сажинъ вдвоемъ съ Анной Ивановной уходили куда нибудь въ уединенную аллею, разговаривая о своихъ дѣлахъ. Между ними уже успѣла установиться извѣстная короткость отношеній, и Анна Ивановна больше не стѣснялась своего кавалера. Ей дѣлалось скучно, когда его не было. Сажинъ по прежнему держалъ себя съ подкупающей простотой и незамѣтно вошелъ въ мірокъ сдержанной, серьезной дѣвушки. Онъ интересовался ея гимназическими воспоминаніями, семейной обстановкой, школой, планами будущаго и въ то же время разсказывалъ о себѣ, какъ слушалъ лекціи съ докторомъ Вертеповымъ въ университетѣ, какъ путешествовалъ за границей, и повѣрялъ ей свои задушевныя мечты и желанія. Иногда Анна Ивановна удивлялась самой себѣ, какъ она могла разсказывать Сажину все то, что̀ имѣло такой исключительно личный интересъ, но это не мѣшало быть разговорамъ задушевнѣе, и дѣвушка начала жить

Digitized by Google

только отъ одной такой встрѣчи до другой. Она не пыталась даже дать себѣ отчетъ въ томъ увлекающемъ и манящемъ чувствѣ, которое такъ неудержимо тянуло ее впередъ.

Плохая военная музыка изъ захолустныхъ горнистовъ зудила надоѣвшій всѣмъ персидскій маршъ; сквозь просвѣты липъ косыми лучами рѣзало воздухъ закатывавшееся солнце, а они шли по любимой липовой аллеѣ, гдѣ было совсѣмъ пусто.

— Не правда ли, въ нашей судьбѣ есть много общаго? говорилъ Сажинъ, дѣлая вольтъ своею тростью:—взять хоть семьи, изъ которыхъ мы вышли... Это такая мелкая и несчастная жизнь, придавленная собственными плутнями. Помню, какъ въ первый разъ мальчикомъ я попалъ на исповѣдь къ какому-то начетчику,—вотъ было ужасное впечатлѣніе! Я припомнилъ этотъ случай, какъ лучшую характеристику нашихъ нравовъ, хотя собственно раскольничья среда гораздо лучше и выше по своему развитію.

Сажинъ неловко замолчалъ, припомнивъ, что раскольничья неприличная исповѣдь всей своей тяжестью обрушивается главнымъ образомъ на женщинъ, и несчастныя дѣвушки выходятъ отъ исповѣдниковъ съ заплаканными и испуганными лицами. Этотъ намекъ заставилъ Анну Ивановну вспыхнуть: съ ней чуть не сдѣлался обморокъ въ первый разъ послѣ исповѣди, а потомъ она всегда съ ужасомъ думала объ этомъ испытаніи.

— Да, вотъ даже и такая обстановка не въ состояніи заглушить въ людяхъ лучшіе инстинкты и порядокъ извѣстныхъ идей, продолжалъ Сажинъ, стараясь поправиться:—меня больше всего радуютъ наши русскія женщины... Вѣдь въ нихъ все наше будущее, потому что онѣ сдѣлаются воспитательницами будущихъ поколѣній. Какъ хотите, а первыя дѣтскія впечатлѣнія—это святая святыхъ человѣческой души. Будущее свѣтло, и стоитъ жить. Не правда ли?..

Она ничего не отвѣчала, наблюдая кривую линію, которую оставлялъ на пескѣ дорожки ея волочившійся по землѣ зонтикъ. Звуки доносившейся музыки замирали. Впереди аллея дѣлалась свѣтлѣе. Узорчатыя тѣни прихотливо бродили подъ деревьями, обрисовывая силуэты сучьевъ и скученной листвы. Отдѣльныя солнечныя пятна, пронизывавшія листву, точно приковывали эти тѣни къ землѣ золотыми гвоздями. Онъ взялъ ее за руку; она повиновалась и шла по прежнему молча.

— Не правда ли, какой сегодня отличный вечеръ? шопотомъ проговорилъ онъ, чувствуя, что у него пересохло въ горлѣ.

— Да...

Онъ тихо засмѣялся, а она взглянула на него потемнѣвшими

Digitized by Google

счастливыми глазами. Глупая и банальная фраза говорила имъ о другомъ, что̀ понимается и чувствуется безъ словъ. Звуки музыки едва доносились. Аллея кончилась, и нужно было возвращаться. Зачѣмъ такія счастливыя аллеи всегда слишкомъ коротки и не продолжаются до безконечности, какъ это дѣлаютъ въ гимназическихъ учебникахъ всѣ параллельныя линіи!.. На поворотѣ Анна Ивановна вдругъ выдернула свою руку изъ руки Сажина и сдѣлала торопливое движеніе. Изъ боковой аллеи къ нимъ на встрѣчу шли подъ ручку Пружинкинъ и Хановъ. Послѣдній былъ сильно пьянъ и выдѣлывалъ ногами вензеля.

— Владиміръ Аркадьичъ, вы этакъ маленичко попрямѣе держите свою личность... уговаривалъ Пружинкинъ, замѣтивъ подходившаго Сажина и Анну Ивановну: — не хорошо-съ, Владиміръ Аркадьичъ... ей Богу-съ!.. Только конфузите Софью Сергѣевну...

— Я?.. Что-о такое-е?.. мычалъ Хановъ, не узнавая проходившаго Сажина:—да я... Э... э... кто это прошелъ? Она въ брачномъ опереніи.

— Пойдемте, сударь... напрасно тащилъ Пружинкинъ пьянаго старика.

Но съ Хановымъ трудно было ладить; онъ остановилъ Сажина, протеръ глаза и улыбнулся.

— Удивительный Павелъ Васильевичъ... бормоталъ онъ, сильно накреняясь на бокъ:—э... э... вонъ оно куда пошло!.. Нѣ-ѣтъ, позвольте-съ... Я къ вамъ, млстивый сдарь, секундантовъ...

— Пожалуйста, оставьте... сухо отвѣтилъ Сажинъ, отталкивая пьяницу:—вы забываетесь!

— Я?.. Слышишь, Пружинкинъ? Забываетесь...

— Ради Христа, пойдемте своей дорогой! уговаривалъ его Пружинкинъ.

Но Хановъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, провожая глазами догонявшаго Анну Ивановну Сажина и своимъ хриплымъ голосомъ пѣлъ:

Мой совѣтъ: до обрученья
Две-е-ерь не отво-о-оряй!..
Ха-ха-ха...

Сажинъ былъ взбѣшенъ и жалѣлъ, что не далъ пощечины этому старому мерзавцу, который испортилъ своимъ появленіемъ всю поэзію чуднаго вечера. Анна Ивановна шла молча, блѣдная, съ опущенными глазами. Музыка больше не играла, и съ каждымъ шагомъ впередъ все увеличивался приливавшій шумъ гуляющей толпы. Въ вершинѣ старой березы каркнула ворона. Аннѣ Ивановнѣ вдругъ сдѣлалось страшно, какъ это иногда слу-

Digitized by Google

чается въ дѣтствѣ—безотчетно страшно. Ей захотѣлось вернуться, чтобы уйти отъ всѣхъ. Онъ угадалъ ея мысль, но, не желая компрометировать дѣвушку, твердой походкой направился впередъ, къ центральной площадкѣ, надъ которой, какъ крылья подстрѣленной птицы, неподвижно висѣли полинялые пестрые флаги, и публика сбилась кучками за отдѣльными столиками.

— Когда мы увидимся, Анна Ивановна? спросилъ Сажинъ, дѣлая усиліе надъ собой.

— Когда хотите... Впрочемъ, я не знаю, что говорю,—тихо отвѣтила дѣвушка и пошла на встрѣчу показавшейся впереди Прасковьѣ Львовнѣ.

Докторша сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ Сажина, который неловко постарался уйти въ толпу, гдѣ опять наткнулся на Ханова, который, къ счастью, не узналъ его. Зато навязался Вертеповъ, который непремѣнно хотѣлъ затащить Сажина на эстраду Софьи Сергѣевны.

— Представь себѣ, она меня прогнала... жаловался онъ съ своей обычной развязностью:—такъ таки прямо и прогнала, да еще прибавила, что вообще ненавидитъ меня. Рѣшительно не пон-нимаю!..

На эстраду къ генеральшѣ Сажинъ не пошелъ: тамъ сидѣлъ губернаторъ. При выходѣ изъ сада, онъ встрѣтился съ Куткевичемъ и Бѣлошеевымъ, которые о чемъ-то оживленно спорили. Сажинъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ, и прошелъ мимо. Онъ былъ доволенъ, что такъ счастливо выбрался изъ сада, и могъ остаться совершенно одинъ. Какое это счастье быть одному, когда никто не мѣшаетъ ни одной вашей мысли... Быстрыя лѣтнія сумерки окутывали городъ темнымъ покровомъ. Въ домахъ зажигались огни. На тротуарахъ попадались таинственныя парочки, искавшія уединенія. Отъ городскаго сада, выходившаго на Наземку, Сажину нужно было сначала пройти по шоссированной набережной, а потомъ повернуть въ Консисторскую. Онъ шелъ бодрой, веселой походкой, помахивая палкой. На поворотѣ съ набережной его обогналъ злобинскій экипажъ—онъ узналъ и лошадь, и кучера, и Анну Ивановну, которую провожала Прасковья Львовна. Сажинъ остановился, проводилъ глазами экипажъ и почувствовалъ себя необыкновенно хорошо. Не вернуться ли ему опять въ садъ? Нѣтъ, тамъ опять начнутъ приставать къ нему... Сажинъ пошелъ прямо домой и очень былъ доволенъ, что у Василисы Ивановны еще горѣлъ огонь. Онъ прошелъ прямо къ ней и попросилъ чаю.

— Можно и чаю... отвѣтила старушка и пытливо посмотрѣла на неожиданнаго гостя.

Digitized by Google

— Вы что это, Василиса Ивановна, все дома сидите?.. спрашивалъ Сажинъ, когда отхлебывалъ изъ стакана горячій душистый чай.

— А такъ... Куда мнѣ ходить-то?..

Старушка печально вздохнула. Сажинъ посидѣлъ съ ней, старался разсказать что то смѣшное, а потомъ ушелъ къ себѣ на верхъ. Какъ это тяжело, когда человѣку даже идти некуда и никому до него нѣтъ дѣла... вѣдь это живая смерть!.. И сколько такихъ людей дотягиваетъ свой вѣкъ по печальной необходимости, а онъ, Сажинъ, еще такъ полонъ жизни, и будущее для него открыто. Да, онъ будетъ счастливъ, какъ никто другой, и счастливъ уже теперь, потому что вотъ сейчасъ чувствуетъ въ себѣ біеніе этого необъятнаго чувства, которое творитъ чудеса.

Увлеченный внутреннимъ радостнымъ настроеніемъ, Сажинъ даже попробовалъ что-то запѣть, но потомъ самъ засмѣялся отъ фальшивой рулады: у него былъ хорошій, свѣжій голосъ и полное отсутствіе музыкальнаго слуха. Въ кабинетѣ на столѣ лежалъ знакомый сѣрый конвертъ съ тонкимъ почеркомъ Софьи Сергѣевны. Сажинъ поморщился и, разорвавъ непрочитанное письмо на четыре части, бросилъ его въ корзину. Ему припомнилась встрѣча въ саду съ пьянымъ Хановымъ, потомъ широкая губернаторская спина, наклоненная къ Софьѣ Сергѣевнѣ.

— Какъ все это, однако, глупо! вслухъ проговорилъ Сажинъ, проводя рукой по лбу, точно онъ хотѣлъ стереть какія-то тяжелыя воспоминанія.

Ни читать, ни писать онъ сегодня не могъ и поэтому бродилъ по пустымъ комнатамъ, разсматривая обстановку, точно онъ вернулся въ свою квартиру изъ какого-то очень далекаго путешествія. Да, было порядочно таки пусто, и вездѣ такой безпорядокъ... Изъ его кабинета окно выходило въ садъ, который сростался со злобинскимъ садомъ. Сажинъ распахнулъ раму и, заложивъ руки за спину, долго смотрѣлъ туда, гдѣ, какъ свѣтляки въ травѣ, теплились два пятна—это горѣлъ огонь въ комнатѣ Анны Ивановны. Что-то она теперь дѣлаетъ?... Сцена въ саду встала передъ нимъ живьемъ: она его тоже любитъ и, можетъ быть, думаетъ сейчасъ о немъ... О, милая, милая дѣвушка, стоитъ жить для одной тебя!... Да, жить серьезно, работать, приносить пользу другимъ и такъ дойти рука объ руку до могилы. Ему припомнились первыя встрѣчи съ Анной Ивановной у генеральши, потомъ—въ земскомъ собраніи, въ школѣ, опять у генеральши... Да, онъ полюбилъ ее съ перваго раза и только не могъ дать себѣ отчета въ собственномъ чувствѣ. А она... неужели и она переживаетъ то же, что чувствуетъ

Digitized by Google

сейчасъ онъ? Какая отличная ночь, и какъ тяжело сидѣть теперь одной Василисѣ Ивановнѣ, которой даже идти некуда!...

Эти любовныя грезы и воспоминанія омрачались какой-то тайной мыслью, и Сажинъ опять проводилъ рукой по лбу, широко, всей грудью вбирая свѣжій ночной воздухъ.

— Да, бываетъ очень скверная „маленькая правда“... думалъ онъ, заглядывая въ стоявшую подъ столомъ корзину съ бумагами, гдѣ валялось разорванное письмо генеральши.

XV.

Отношенія между Анной Ивановной и генеральшей вдругъ измѣнились какъ-то безъ всякой видимой причины, что̀ непріятно поразило дѣвушку. Софья Сергѣевна видимо тяготилась ея присутствіемъ въ своемъ салонѣ, а къ Маріѣ Петровнѣ совсѣмъ не заглядывала уже цѣлый мѣсяцъ.

— Что̀ я такое сдѣлала? спрашивала дѣвушка Прасковью Львовну.

— Э, глупости... уклончиво отвѣчала докторша и начинала бранить Сажина.

Выходило самое фальшивое положеніе, и Анна Ивановна провела конецъ лѣта у себя дома. Она была слишкомъ счастлива, чтобы обращать вниманіе на все, что̀ дѣлалось кругомъ. Сажинъ бывалъ въ злобинскомъ домѣ почти каждый день. Марѳа Петровна встрѣчала его радушно, но какъ-то странно: она точно сердилась на него. Но онъ медлилъ предложеніемъ просто потому, что слишкомъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Да и къ чему эти глупыя формальности, когда они не говорили другъ другу о своей любви—имъ было слишкомъ хорошо безъ словъ. Читать вмѣстѣ, бродить по аллеямъ запущеннаго злобинскаго сада и мечтать о будущемъ—что̀ могло быть лучше?... Она сама опиралась на его руку и прижималась головой къ его плечу. Такой славный былъ этотъ злобинскій садъ, особенно по угламъ, гдѣ зелеными шатрами раскинулись черемухи и рябины. Песокъ на дорожкахъ давно проросъ зеленой травой, неподрѣзанныя акаціи хватали своими мягкими вѣтками прямо за лицо; пахло левкоями и резедой. По вечерамъ Марѳа Петровна любила напиться чайку на садовой террасѣ, обмахиваясь платочкомъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ (стоялъ уже августъ), когда Марѳа Петровна ушла въ комнаты по своимъ хозяйскимъ дѣламъ, а бойкая Агаша съ лукаво потупленными глазами убирала чай-

Digitized by Google

ную посуду, — они сидѣли на этой террасѣ и говорили о наступающей сессіи осенних земскихъ собраній, о школѣ и другихъ занятіяхъ, какія приходятъ вмѣстѣ съ осенью.

— Да, скоро зима... съ какой-то грустью замѣтила Анна Ивановна.

— Изъ моего кабинета черезъ садъ видно, какъ горитъ въ вашей комнатѣ огонь... проговорилъ Сажинъ:—вы, должно быть, долго занимаетесь по вечерамъ?...

— Какъ случится...

Анна Ивановна такъ хорошо покраснѣла и опустила глаза. Она изъ своего окна тоже наблюдала огонь въ сажинскомъ кабинетѣ и знала, когда онъ дома и занятъ. Эти два огонька служили имъ маяками.

Убиравшая посуду Агаша засмотрѣлась на садовую калитку со стороны двора и уронила чашку, которая разбилась съ жалобнымъ звономъ, какъ лопнувшая струна.

— Скажи, что я разбила, проговорила Анна Ивановна, желая спасти Агашу отъ непріятностей.

— Нѣтъ, пусть буду я виноватъ, вступился Сажинъ.

Но Агаша даже не обратила вниманія на это великодушіе и продолжала какъ-то растерянно смотрѣть на калитку. По двору въ садъ шла торопливыми маленькими шажками Софья Сергѣевна, одѣтая въ амазонку и черный цилиндръ съ откинутой назадъ длинной синей вуалью. Она небрежно поддерживала одной рукой волочившійся по землѣ шлейфъ и смотрѣла прямо на террасу. Анна Ивановна побѣжала къ ней на встрѣчу, а Сажинъ поднялся съ садоваго кресла и нетерпѣливо сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по террасѣ.

— Я, кажется, вамъ помѣшала?.. говорила Софья Сергѣевна, крѣпко пожимая руку Анны Ивановны.

— Какъ вамъ не стыдно говорить такія вещи... вспыхнувъ, проговорила дѣвушка.

— Ну, виновата, голубчикъ... Не всякое лыко въ строку.

Съ Сажинымъ она поздоровалась издали легкимъ кивкомъ головы и руки не подала. Сажинъ отвѣтилъ молчаливымъ поклономъ и только пробарабанилъ по ручкѣ кресла какой-то лихорадочный маршъ. Анна Ивановна съ недоумѣніемъ смотрѣла на нихъ и чувствовала себя въ самомъ глупомъ положеніи. Генеральша замѣтно старалась подавить свое волненіе, и на щекахъ у нея румянецъ выступилъ пятнами. Она болтала и смѣялась, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ молчавшаго Сажина, который то вытягивалъ свои длинныя ноги, то подбиралъ ихъ и какъ-то глупо

Digitized by Google

смотрѣлъ въ сторону, гдѣ у садовой стѣны уже съ часъ сѣрый котенокъ сторожилъ воробья. Среди разговора, генеральша какъ-то бѣгло вглядывалась въ выраженіе лица Анны Ивановны и нѣсколько разъ ударила маленькимъ хлыстомъ по валику диванчика.

— До свиданія, Анна Ивановна... неожиданно проговорилъ Сажинъ, поднимаясь съ мѣста.

— Куда же это вы, Павелъ Васильичъ?

— Извините, мнѣ некогда...

— Зачѣмъ вы его удерживаете, крошка? съ улыбкой замѣтила Софья Сергѣевна, не отвѣчая на поклонъ Сажина:—развѣ не видите, что онъ бѣжитъ?.. ха-ха!... Да, нашъ великій человѣкъ бѣжитъ.

— Я не понимаю, Софья Сергѣевна, что все это значитъ, спрашивала Анна Ивановна, съ трудомъ переводя духъ.

Генеральша провожала глазами уходившаго Сажина и только чуть замѣтно покачивала своей головкой, точно каждый сажинскій шагъ отдавался въ ея сердцѣ. Наступила неловкая пауза. Потомъ генеральша обняла Анну Ивановну за талію и ласково повела съ террасы въ садъ. Она задыхалась, и прежній румянецъ смѣнился смертельной блѣдностью. Агаша собрала перемытую посуду на подносъ и съ сердитымъ лицомъ потащила все въ комнаты: ей было жаль Сажина, который дарилъ ей деньги, когда былъ въ духѣ.

— Что̀ такое случилось? спрашивала Анна Ивановна, предчувствуя бѣду.

— Да, онъ бѣжалъ... повторяла Софья Сергѣевна какъ во снѣ, не отвѣчая на вопросъ: — великій человѣкъ бѣжалъ... Анненька, вы его любите? неожиданно, какъ-то въ упоръ, спросила она, останавливаясь: — впрочемъ, къ чему такой вопросъ! Ваши глаза, голубчикъ, отвѣчаютъ за васъ... нѣтъ, все это слишкомъ гадко, чтобы напрасно смущать вашу чистую душу. Будетъ... довольно.

Голосъ маленькой генеральши дрогнулъ, и она быстро закрыла свое лицо платкомъ. Другой рукой она безсильно схватилась за грудь, точно хотѣла удержать рвавшіяся слезы.

— Вотъ здѣсь его письма... бормотала она, путаясь рукой въ складкахъ амазонки:— прочтите... Можетъ быть, это откроетъ вамъ глаза на то, что̀ мы узнаемъ слишкомъ поздно.

Въ рукахъ Анны Ивановны очутилась цѣлая связка смятыхъ писемъ, по которымъ она сейчасъ же узнала сажинскій почеркъ. Да, это были его письма, полныя любви и желаній, еще не успѣвшія остыть отъ согрѣвавшаго ихъ безумнаго огня. „Моя ма-

Digitized by Google

ленькая фея"... „хорошенькій ребенокъ"... „крошка Зося"...—вотъ эпитеты, которые зарябили теперь въ глазахъ Анны Ивановны, точно она читала свой смертный приговоръ.

— Я вѣрю вамъ, Софья Сергѣевна... и благодарю... прошептала дѣвушка, возвращая недочитанныя письма и напрасно стараясь овладѣть собой:—да, это былъ сонъ, страшный сонъ... Вы меня спасли отъ послѣдней, непоправимой ошибки...

Генеральша рыдала, закрывъ лицо обѣими руками и тяжело вздрагивая всѣмъ маленькимъ тѣломъ. Потомъ она начала ломать руки и, бросивъ хлыстъ въ траву, въ ужасѣ проговорила:

— Я не должна была этого дѣлать... не должна!.. Все равно, прошлаго не воротишь, а зачѣмъ я разбила ваше счастье?... Онъ не злой человѣкъ и, повидимому, любитъ васъ... Голубчикъ, позабудьте все, что я говорила, а эти проклятыя письма...

— Софья Сергѣевна, предоставьте это моей совѣсти...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Это вычитанная фраза... Жизнь полна ошибокъ, и нужно умѣть жертвовать собой. Я не выдержала характера до конца... потомъ это бѣгство... Не правда ли, какъ онъ возмутительно держалъ себя сегодня?

Въ пылу охватившаго ее раскаянія, генеральша цѣловала руки Анны Ивановны и даже сдѣлала попытку опуститься передъ ней на колѣни.

— Вамъ гадко на меня смотрѣть? спрашивала она, опять принимаясь ломать свои руки:—да, я глупая, гадкая женщина... Я позволила увлечь себя этими разговорами... Анненька, забудьте нынѣшній день, а я уѣду отсюда, чтобы не мозолить вамъ глазъ.

— Мы объ этомъ поговоримъ послѣ, а теперь вамъ нужно успокоиться, уговаривала Анна Ивановна, поддерживая грѣзовскую генеральшу подъ руку:—Теперь я ничего не понимаю.

Софья Сергѣевна тащилась по дорожкѣ разслабленной походкою, убитая и несчастная: она то подбирала, то роняла свой шлейфъ, потеряла мокрый отъ слезъ платокъ и время отъ времени всхлипывала, какъ это дѣлаютъ капризныя дѣти.

— Конечно, нехорошо, когда дѣвушка дѣлаетъ партію, разсуждала она, тяжело дыша:—это возмутительно, какъ было и со мной... Но вѣдь еще хуже покупать ласки и поцѣлуи женщины цѣной своей популярности. О, это слишкомъ низко, въ тысячу разъ хуже того, какъ продаютъ себя кисейныя барышни старикамъ... А потомъ этотъ обманъ, мелкій и трусливый обманъ, которому нѣтъ названія... Я понимаю, что онъ въ тысячу разъ умнѣе меня... За что же я любила эту голову?.. Можетъ быть, онъ лучше меня, но это еще не даетъ права обманывать глу-

Digitized by Google

пенькую, довѣрчивую женщину. А онъ еще увѣрялъ меня и клялся, что такъ меня любитъ...

Въ это время, у воротъ происходила другая сцена. Пружинкинъ сидѣлъ на скамеечкѣ, приткнутой къ калиткѣ, и держалъ въ поводу двухъ верховыхъ лошадей,—онъ провожалъ генеральшу въ качествѣ грума. Въ пріотворенную половинку дверей подъѣзда выставлялась голова Марѳы Петровны.

— Ты это что, голубчикъ, на старости-то лѣтъ въ конюхà записался, спрашивала голова изъ подъѣзда:—арапомъ за генеральшей ѣздишь?..

— Ахъ, какая вы право, Марѳа Петровна!.. оправдывался Пружинкинъ, вытирая лицо платкомъ:—какъ же Софья Сергѣевна однѣ поѣдутъ: подпруга лопнетъ, лошадь испугается... Попросили меня проводить, ну, я и поѣхалъ, потому—отчего не проводить, ежели дама проситъ? Это ужь такъ принято у образованныхъ людей...

— Перестань дурака валять!.. сурово оборвала Марѳа Петровна и совсѣмъ другимъ тономъ прибавила:—а видѣлъ, какъ именинникъ-то прострѣлялъ изъ саду? Ловко его, надо полагать, твоята генеральша приняла... Ну, да таковскій, у самого въ зубахъ не завязнетъ; отъѣстся отъ семи волковъ. Бабенку-то жаль, совсѣмъ понапрасну только ее окружилъ... Она хоть и заправская генеральша, прямо сказать, а оно и съ генеральшами тоже бываетъ, какъ съ самыми провалющими бабами. Курицу кормомъ, а нашу сестру, бабу, словами обманываютъ...

— Не наше это дѣло, Марѳа Петровна-съ...

Прибѣжавшая впопыхахъ Агаша предупредила, что генеральша идетъ по двору, и хитрая старуха опять спряталась за дверь. Она посмотрѣла, какъ Софья Сергѣевна, при помощи Пружинкина, легко вскочила въ сѣдло, потянула поводья и курцъгалопомъ поскакала вдоль улицы, точно хотѣла улетѣть отъ самой себя. „Нечего сказать, прыткая бабенка“,—подумала Марѳа Петровна, затворила подъѣздъ и спросила вытянувшуюся Агашу, гдѣ барышня.

— Онѣ ушли къ себѣ въ комнату и дверь на ключъ заперли... Генеральша въ саду очень плакали.

— Дура, тебя кто объ этомъ спрашиваетъ?

Обругавъ горничную еще разъ, старуха поплелась на свою половину. По пути она прислушивалась у дверей въ комнату дочери, гдѣ было тихо, какъ въ могилѣ; покачала головой и пошла дальше.

— Лишнее, видно, сболтнула ихъ-то превосходительство, ду-

Digitized by Google

мала она, пробираясь по коридорчику:—оно, конечно, со всякимъ грѣхъ можетъ быть... Охъ-хо-хо, горе душамъ нашимъ!.. Только съ холостаго человѣка непокрытому мѣсту — вдовѣ нечего взять: прилетѣлъ, какъ вѣтеръ, поигралъ и былъ таковъ.

Анна Ивановна слышала, какъ подходила мать къ двери, и даже затаила дыханіе--ей и безъ того было слишкомъ тяжело. Да, теперь все погибло и навсегда... Самое чистое и дорогое чувство разбито, возврата нѣтъ. Ей было даже страшно думать о томъ счастливомъ обманѣ, какимъ она жила часъ назадъ. Потомъ ей начинало казаться, что все это былъ одинъ сонъ и что ничего подобнаго не могло случиться—вѣдь она такъ вѣрила въ этого человѣка, котораго выбрало ея сердце. И тутъ обманъ—самый худшій изъ всѣхъ обмановъ... Въ душѣ дѣвушки проносился быстрый рядъ самыхъ ревнивыхъ картинъ: какъ онъ писалъ свои письма „маленькой феѣ“, какъ цѣловалъ это улыбавшееся, счастливое дѣтское лицо, какъ говорилъ свои остроты для одной „крошки Зоси“ и какъ уходилъ домой, довольный и счастливый дешевой побѣдой.

— О, какъ это гадко... какъ это ничтожно!.. стонала дѣвушка, пряча голову въ подушки.

Осенняя ночь уже обложила городъ свинцовыми облаками. Моховъ засыпалъ, улицы пустѣли. Злобинскій садъ не видалъ уже двухъ огоньковъ, привѣтливо глядѣвшихъ черезъ него другъ на друга. Сажинъ не заходилъ домой и долго бродилъ по городу, не зная, куда дѣваться. Нѣсколько разъ онъ подходилъ къ квартирѣ генеральши, но не рѣшался позвонить. Развѣ она, эта грёзовская головка, любила его, могла любить, а между тѣмъ изъ-за минутной вспышки отравила всю жизнь двоимъ... Можетъ быть она удержалась!.. Вспомнивъ покрытое пятнами лицо Софьи Сергеѣвны и какъ она била своимъ хлыстомъ по дивану, онъ понималъ, что все потеряно и что возврата нѣтъ. Онъ видѣлъ, какъ живую, эту дѣвушку, глядѣвшую на него съ нѣмымъ укоромъ, и ему дѣлалось совѣстно за нее... Домой онъ вернулся только въ полночь, и Семенычъ передалъ ему маленькій конвертъ безъ адреса. Онъ прошелъ въ столовую и, при свѣтѣ стеариноваго огарка, прочиталъ:

„Вы понимаете мои чувства и мое положеніе, Павелъ Васильевичъ, поэтому, надѣюсь, избавите меня отъ ненужныхъ встрѣчъ. У меня въ душѣ остается еще настолько уваженія къ вамъ, что вы не унизите себя жалкими объясненіями и оправданіями. Прощайте навсегда. А. З-а“.

И только... Ни жалобъ, ни слезъ, ни кривлянья—все кончи-

Digitized by Google

лось также просто, какъ и началось. Сажинъ почувствовалъ себя въ положеніи того человѣка, который неожиданно попалъ въ темную комнату и въ ушахъ котораго еще стоитъ звонъ повернувшагося въ замкѣ ключа—выхода нѣтъ. Схвативъ себя за голову, Сажинъ глухо зарыдалъ...

Д. Сибирякъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ.

Романъ мистрисъ **Брэддонъ.**

VI.

На бастіонѣ.

И грозовая туча, наконецъ, разразилась: подъ стѣнами Парижа шла ожесточенная битва, а внутри Парижа играли въ солдатики. Когда громъ пушечныхъ выстрѣловъ доносился до парижанъ, они увѣряли, что этотъ громъ лучше музыки и что Парижъ переживаетъ „хорошее время". Обычное легкомыслiе не покинуло ихъ и въ эти страшныя минуты. Въ недостаткѣ храбрости ихъ нельзя было упрекнуть, но лѣнь и изнѣженность, продукты второй имперіи, сказывались ярко. Назначеніе на бастіонный караулъ считалось тяжелымъ подвигомъ, и парижане подчинялись ему неохотно.

Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Гастонъ Мортмаръ рѣзко отличался отъ товарищей: онъ готовъ былъ, какъ Флурансъ, одинъ командовать пятью батальонами сразу, еслибъ это понадобилось, и холодныя осеннія ночи на карауле были ему рѣшительно нипочемъ. Онъ кипѣлъ злобой и местью: эти ужасныя потери лучшихъ воиновъ Франціи, это униженіе, вынесенное Франціей, казались ему карающей Немезидой, наносившей ударъ за ударомъ павшему правительству; Франція отразитъ слѣдующіе удары и возродится обновленная, увѣнчанная славой. Седанъ оказалъ, по его мнѣнію, огромную услугу Франціи, развѣнчавъ ея императора, такую услугу, которую не могли оказать ни интернаціоналы, ни бланкисты. Имперія съ трескомъ рухнула, и воздвигнутая на ея мѣстѣ республика будетъ стойко и безустанно продолжать случайно начатую, святую миссію освобо-

Digitized by Google

дительницы цѣлаго міра: она всюду водворитъ братство и равенство, она изгонитъ рабство и невѣжество!

Гастонъ подробно развивалъ эту мысль въ горячихъ рѣчахъ, на сходкахъ и общественныхъ собраніяхъ. Общепонятно и толково излагалъ онъ доктрину труда, свободнаго отъ власти сосредоточеннаго въ однихъ рукахъ капитала, и поясняялъ, что всѣ орудія производства должны находиться въ рукахъ работника.

„Тогда прекратится—говорилъ онъ—эта растлѣвающая погоня за наживой, обогащеніе однихъ насчетъ другихъ. Цивилизація, уничтожившая рабство „черныхъ“ и не позаботившаяся о „бѣлыхъ“, никуда не годится; мы должны идти впереди этой показной цивилизаціи, должны вырвать полураздавленнаго рабочаго изъ-подъ тяжелаго копыта капитализма! Въ лексиконѣ человѣчества нѣтъ слова болѣе святаго, болѣе высокаго, какъ „справедливость“, и мы не будемъ щадить нашихъ силъ, чтобы добиться ея водворенія въ жизни!“

Дежуря на бастіонѣ, Гастонъ не видалъ, какъ идетъ время: думы и планы жгли его мозгъ. Онъ весь былъ живымъ воплощеніемъ патріотизма, и даже любовь къ женѣ, по прежнему нѣжная, отступила на второй планъ. Онъ нетерпѣливо ждалъ той минуты, когда пруссаки ворвутся въ Парижъ; ему хотѣлось броситься на нихъ и—прогнать ихъ, или пасть мертвымъ, защищая родной городъ. Но пруссаки медлили. Да и къ чему имъ было торопиться, терять силы, людей, когда они знали, что пройдетъ мѣсяцъ, другой—и Парижъ сдастся, измученный голодомъ?... Они были увѣрены, что онъ уже готовъ сдаться, и что только рѣчи Жюля Фавра, полныя огня и укоровъ, заставляютъ парижанъ держаться. Ихъ безпокоила горячая фраза знаменитаго народнаго оратора: „мы не уступимъ безъ боя ни одной пяди земли, ни одного камня крѣпостей нашихъ!“

Но вѣра Гастона Мортмара въ побѣду французовъ надъ пруссаками слабѣла съ каждымъ днемъ; зато крѣпла вѣра въ великую будущность французской націи, въ торжество соціализма надъ индивидуализмомъ. Да и какъ было не вѣрить въ нравственную силу этого народа, смѣло и отважно смотрящаго въ глаза подступившей опасности и всѣмъ, связаннымъ съ нею, лишеніямъ и тревогамъ? Находясь въ осадномъ

Digitized by Google

положеніи, французы не падали духомъ, не теряли ни своей обычной энергіи, ни бодраго настроенія. Не было больше ни разгула, ни пьянства, ни ссоръ и дрязгъ, нерѣдко являвшихся прежде на улицахъ и бульварахъ Парижа; всѣ какъ-то притихли, замерли; если и слышались иногда споры, то всѣ они носили характеръ патріотическаго энтузіазма. Но глубокая тишина недавно шумнаго Парижа вовсе не говорила за его подавленность: напротивъ, никогда еще въ немъ не развертывалась такъ широко духовная жизнь, никогда не сказывался такъ полно воинственный, геройскій духъ народа. На каждой улицѣ былъ раскинутъ лагерь національныхъ гвардейцевъ и оттуда доносился молодой, веселый, дружный смѣхъ; слышался онъ также и на бульварахъ, гдѣ толпами собиралась молодежь, готовая отдать всю кровь за освобожденіе родины отъ ненавистныхъ враговъ.

Да, это были герои, но они были людьми, и у нихъ были только человѣческія силы. Октябрь только что наступилъ, запасы продовольствія не были истощены, и ни холодъ, ни голодъ не давали еще себя чувствовать; а французы всегда жили настоящимъ и не любили заглядывать въ будущее, въ особенности когда оно представлялось имъ мрачнымъ. Правда, ни комфорта, ни роскоши не зналъ ни одинъ изъ жителей осажденнаго Парижа, но у каждаго было достаточно припасовъ, чтобы не голодать и, не живя подъ открытымъ небомъ, не отказывать дѣтямъ въ бульонѣ и кружкѣ молока.

Для Сусанны Мишель наступили прибыльные дни: лавка ея была съ утра до ночи набита народомъ и превратилась въ политическій клубъ: коммунисты, интернаціоналы и коллективисты назначали у нея свиданія другъ другу и вели длинныя пренія. Сливочная Сусанны стала любимымъ уголкомъ лучшихъ представителей политическихъ партій. Громкія ораторскія рѣчи не смолкали тамъ съ утра до ночи, и хорошенькая хозяйка, терпѣливо и любезно выносившая этотъ каждодневный гвалтъ, получила названіе „богини свободы“, „музы революціи“. Она прочла нѣсколько разсказовъ о госпожѣ Роланъ и стала считать себя героиней. Энергично и громко ораторствовала она среди ученыхъ, артистовъ, литераторовъ и вожаковъ различныхъ партій, собиравшихся въ ея сливочной; она заявляла, что могла бы умереть за идею,

Digitized by Google

что смѣло и гордо взошла бы на помостъ эшафота и не дрогнула бы отъ прикосновенія къ своей шеѣ холоднаго лезвія гильотины. Въ эти дни лихорадочныхъ волненій, Сусанна Мишель казалась еще красивѣе, чѣмъ прежде; глаза ея возбужденно блестѣли, щеки горѣли румянцемъ. Иногда она повязывала свои волнистые черные волосы ярко-краснымъ платкомъ, а ея огневые черные глаза сверкали, какъ искры. Ея энергія, оживленіе, и бойкій, легко приспособляющійся умъ—сдѣлали ее центромъ, около котораго группировалось все, что было въ Парижѣ выдающагося. Ея звучный голосъ дрожалъ отъ внутренняго волненія, какъ туго натянутая струна, а на яркихъ губахъ играла открытая, веселая улыбка. Подавая завтракъ своимъ гостямъ, она вѣчно напѣвала какую нибудь политическую пѣсенку, въ родѣ: „Я знаю планъ Трошю“.

Иногда патріотическое возбужденіе посѣтителей доходило до того, что они просили Сусанну спѣть имъ „Марсельезу“ или „Ça ira“. Она пѣла и то, и другое съ горячимъ, зажигающимъ акцентомъ и, подъ звуки ея сильнаго металлическаго голоса, звонъ вилокъ, ложекъ и ножей казался звономъ оружія. Не разъ старались товарищи затащить въ сливочную Гастона; но онъ помнилъ слово, данное женѣ—не ходить къ Сусаннѣ — и строго держалъ его, не смотря на то, что ему приходилось два раза въ день проходить мимо сливочной и до него доносился звонъ стакановъ, пѣсни и смѣхъ. Въ томъ, что онъ не ходилъ къ Сусаннѣ, разумѣется, не было подвига: у него было такъ мало свободныхъ минутъ, что онъ вовсе не желалъ отнимать ихъ у любимой жены, съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ожидавшей его прихода.

Въ одинъ изъ пасмурныхъ октябрьскихъ вечеровъ, Гастонъ стоялъ на часахъ у бастіона и, задумчиво опершись на ружье, любовался разстилающейся передъ его глазами картиной. Сквозь дымокъ блѣдно-сѣраго тумана блестѣли огоньки, освѣщавшіе парижскія улицы; тяжелое, свинцовое небо повисло надъ землей, точно грозило задавить ее; вдали высились синія горы, и между ними и темными тучами, облегавшими небо, розовѣла полоска зари. Мракъ надвигался все гуще. Тишина стояла невозмутимая. И вдругъ эту тишину прорѣзалъ звонкій женскій хохотъ и смѣшанный гулъ мужскихъ голосовъ.

Digitized by Google

Къ бастіону подходила женщина и за ней—человѣкъ двѣнадцать солдатъ національной гвардіи, съ ружьями за плечами. Ярко-пунцовый платокъ, небрежно накинутый на черныя косы женщины, казался издали какимъ-то кровавымъ пятномъ.

Это была Сусанна Мишель. Кокетливо одѣтая въ темную суконную жакетку, слегка напоминавшую военныя куртки, она была очень мила и граціозна; короткая черная юбка стройно обтягивала ея красивыя формы. Она шла быстрой, рѣшительной походкой, и ея рѣзкія движенія, громкій смѣхъ и рѣчь, полная дерзкой отваги, предвѣщали въ ней будущую петролейщицу. Подойдя ближе къ бастіону, товарищи наперерывъ объясняли ей смыслъ и цѣль укрѣпленій и тутъ же, не стѣсняясь ея присутствіемъ, начали бранить, въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ, Бисмарка, потомъ запѣли патріотическую пѣсню и, забывъ о Сусаннѣ, разбрелись по бастіону. Сусанна шла за ними и, проходя мимо Гастона, подняла на него глаза. Взглядъ ея вспыхнулъ, дрожь передернула плечи, и румянецъ исчезъ съ оживленнаго лица.

— Гражданинъ Мортмаръ! Вы — здѣсь, а не въ улицѣ Кёръ? Вотъ не ожидала! Неужели вы тоже числитесь солдатомъ національной гвардіи?

— Почему жъ бы и нѣтъ?

— Да потому, что такому нѣжному мужу, какъ вы, мѣсто не здѣсь, а у ногъ вашей англо-ирландки. Я полагала, что вы употребите всѣ усилія, чтобъ избавиться отъ вашихъ гражданскихъ обязанностей и, пока Парижъ будетъ страдать и томиться, вы преспокойно станете проводить въ жизнь сантиментальный романъ „Павелъ и Виргинія“.

— Вы ошиблись, какъ видите, невозмутимо отвѣчалъ Гастонъ, нимало не задѣтый колкими словами Сусанны: —любовь къ родинѣ не подавляется любовью къ женѣ, какъ бы велика ни была эта любовь. И Гекторъ покинулъ свою Андромаху, а моя Андромаха стала бы презирать мужа, еслибы онъ забылъ о своихъ гражданскихъ обязанностяхъ.

Они на минуту замолчали. Издали слышались громкіе голоса солдатъ, брань и ругательства по адресу Бисмарка, заглушаемыя торжественными строфами патріотической пѣсни. Сусанна придвинулась къ Гастону и прошептала ему на ухо:

Digitized by Google

— Итакъ, вы очень счастливы съ вашей молодой женой?

Гастонъ не подмѣтилъ въ ея тонѣ ревнивой злобы и отвѣчалъ искренно:

— Такъ счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ. Кеттлинъ не только мнѣ жена,—она мой другъ, моя опора, моя вдохновительница. Но мы переживаемъ теперь такое крутое время, что каждый изъ насъ не знаетъ сегодня, что̀ будетъ завтра. Я боюсь за свое безмятежное счастье. Испытанія уже начались; я вижу мою Кеттлинъ урывками. Судьба какъ будто хочетъ сказать мнѣ: въ эти дни смутъ и печали, твоя чаша переполнена счастьемъ; пей же изъ нея осторожно, по каплѣ.

— И, право, это хорошо, гражданинъ Мортмаръ! рѣзко и отрывисто сказала Сусанна:—иначе васъ стошнило бы отъ обилія этого счастія, и вы не знали бы, куда бѣжать отъ вашей куклы-жены.

— Эта „кукла“ не можетъ наскучить мнѣ. Напротивъ, съ каждымъ днемъ мы становимся ближе другъ къ другу, съ каждымъ днемъ я сильнѣе люблю ее. И какъ бы ни измѣнилось теченіе моей жизни, какъ бы ни сложились обстоятельства, Кеттлинъ всегда останется моимъ божествомъ, и нѣтъ силы, которая заставила бы меня измѣниться къ ней.

— Разсказывайте сказки! грубо оборвала его Сусанна:—вы влюблены въ нее, пока она молода и свѣжа, и вамъ кажется, что это навѣкъ. Погодите, поблекнетъ румянецъ у вашей Кеттлинъ, выцвѣтутъ и потухнутъ глаза, стянетъ въ морщины кожу, и вы сами станете смѣяться надъ тѣмъ, что̀ говорите сегодня. Ваша жена красива, даже очень, если хотите, но она скоро измѣнится: въ ея лицѣ мало выраженія. Вы говорите, что она вашъ „другъ“, ваша „вдохновительница“? Полноте! Это только смѣшно. Вы огонь, она льдина. Разумѣется, вы убѣжите отъ нея, когда убѣдитесь, что ей чужды ваши пылкія мечты, ваши огненныя рѣчи. Мнѣ ли не знать васъ? Я вѣдь помню все, что вы говорили мнѣ, когда были одиноки, бѣдны, когда любовь и слава еще не вскружила вамъ голову. Я умѣла быть тогда вашимъ другомъ, да и вы.... цѣнили меня, когда подлѣ васъ не было никого ближе меня. О, да! прибавила она съ горечью:—тогда вы меня цѣнили! Теперь же дѣло другое! Вы сдѣла-

Digitized by Google

лись извѣстностью, ваши громовыя статьи читаются на расхватъ, о васъ говорятъ, пишутъ, и вотъ вы подняли голову, у васъ нѣтъ ни добраго слова, ни добраго взгляда для прежнихъ друзей!

Она перевела дыханіе и снова заговорила съ той же горячею страстностью:

— Но я полюбила васъ, не справляясь, знамениты ли вы, или нѣтъ! Полюбила васъ за васъ самихъ, полюбила бѣднымъ, одинокимъ, безвѣстнымъ, и наградой мнѣ было—пренебреженіе!

— Я васъ не понимаю, робко заговорилъ Гастонъ, смущенный страстью Сусанны:—о какомъ пренебреженіи вы говорите? Вы всегда были моей доброй знакомой, я всегда уважалъ васъ и, надѣюсь, ничѣмъ не нарушилъ этого уваженія.

— Вы лжецъ! забываясь, крикнула Сусанна:—лжецъ, и лицемѣръ! Я была больше чѣмъ „знакомой“ для васъ, и вы пренебрегли мною, вы измѣнили мнѣ.

Гастонъ боялся взрыва страсти и ревности и, желая предупредить его, принялъ спокойный, вѣжливо холодный тонъ. Но онъ не зналъ женщинъ: именно это спокойствіе оскорбило Сусанну, какъ не оскорбила бы самая дикая вспышка. Ея глаза загорѣлись, какъ раскаленные угли, жилы на вискахъ напряглись, губы побѣлѣли отъ гнѣва и волненія. Она разучилась сдерживать свой пылкій нравъ за это время повальной распущенности страстей. Въ ея „сливочной“, обратившейся въ какой-то клубъ, о сдержанности и помину не было. Кромѣ того, Сусанна была царицей кружка; ей льстили, ее носили на рукахъ, и она почувствовала въ себѣ такой приливъ силы, прониклась такой самоувѣренностью, что начала считать себя непобѣдимой. Она свободна, она можетъ жить, какъ хочетъ, любить, кого хочетъ, не отдавая никому отчета въ своемъ поведеніи. Долгъ, честь, совѣсть—все это были, по ея мнѣнію, предразсудки, съ которыми, конечно, навсегда покончитъ человѣчество въ день своего освобожденія; это условныя понятія, выдуманныя старымъ обществомъ и перешедшія въ тѣ узкія традиціи, которыя обязательны только для узкихъ людей. А она хочетъ жить и будетъ жить... И вдругъ судьба сталкиваетъ ее лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, котораго она не умѣла забыть, не могла разлюбить.

Digitized by Google

— Вы сумашедшая! бросилъ онъ ей, возмущеннный ея наглостью:—я забываю ваши слова, какъ слова невмѣняемой женщины.

— Берегитесь! въ моихъ словахъ истина, и потому-то въ ихъ такъ боитесь. Вы увлекли меня, заставили полюбить такъ горячо, какъ ни одна женщина любить васъ не будетъ! Каждое слово ваше, каждый взглядъ открывали предо мною цѣлый міръ надеждъ, цѣлый рой счастья. А наши прогулки при лунѣ, въ тихія лѣтнія ночи? Или вы ужь и это забыли? Вы забыли, какъ смѣшивалось наше дыханіе, какъ сплетались, дрожа, мягкія руки? Вы были слишкомъ осторожны, чтобъ сказать, что любите меня, но вѣдь я не слѣпая, я видѣла, что любовь эта прорывается у васъ въ каждомъ словѣ. А когда мы сидѣли рядомъ въ театрѣ, голова моя почти лежала у васъ на плечѣ. Какія же тутъ слова нужны? Какія увѣренія? Каждый жестъ вашъ, каждое пожатіе руки заключали въ себѣ и увѣренія, и клятвы, и обѣщанія! Вы ихъ нарушили, вы измѣнили, вы насмѣялись надо мной—и наивны же вы, ожидая, что я оставлю это безъ отмщенія!... Я всю жизнь буду мстить вамъ, измучу васъ, волью отраву въ каждую минуту вашей жизни!

Гастонъ стоялъ передъ нею въ недоумѣніи. Она была искренна, она, дѣйствительно, считала себя оскорбленной. Передъ нимъ воскресли вызванныя ею подробности прошлаго. Она была почти права: онъ точно увлекался! Но онъ зналъ, что это увлеченіе нигогда не перейдетъ въ серьезное чувство, не давалъ себѣ воли и строго слѣдилъ за собой. Но для полюбившей женщины малѣйшаго намека на чувство было достаточно, чтобъ раздуть сомнѣніе въ увѣренность: легко вѣрится тому, чему хочется вѣрить. Она приняла за серьезное чувство обыкновенное, естественное влеченіе молодаго мужчины къ молодой, красивой и свободной женщинѣ; чѣмъ же онъ былъ виноватъ, что, находясь подлѣ нея въ лѣтнія ночи, подъ обаяніемъ разнѣживающей сердце природы, дольше, чѣмъ слѣдуетъ, заглядывался въ жгучіе черные глаза и задерживалъ въ рукахъ своихъ мягкую, теплую ручку Сусанны? Развѣ могъ онъ думать, что красивая лавочница, водившая за собой цѣлый полкъ поклонниковъ, привыкшая принимать любовныя объясненія, придастъ серьез-

Digitized by Google

ное значеніе тѣмъ невиннымъ любезностямъ, какія онъ позволялъ себѣ съ нею? Съ нимъ она отправлялась въ театръ, съ другимъ ѣхала въ клубъ, съ третьимъ шла на прогулку.

Нѣтъ! Гастонъ не чувствовалъ себя виноватымъ; онъ не обманывалъ Сусанну, не давалъ ей никакихъ обѣщаній. Полюбивъ Кеттлинъ, онъ не скрывалъ отъ Сусанны своего чувства и пересталъ ходить къ ней не потому, что считалъ ее опасной для своего спокойствія, а потому, что далъ слово Розѣ не видаться съ Сусанной. За что же теперь на него сыпались проклятія раздраженной женщины? Его совѣсть была чиста по отношенію къ ней и даже теперь, строго анализируя время своего знакомства съ ней, Гастонъ не могъ ни въ чемъ упрекнуть себя. Даже поцѣлуй, который онъ получилъ однажды отъ Сусанны, не казался ему преступнымъ: онъ назвалъ его „залогомъ дружбы“ и ничѣмъ не обнаружилъ Сусаннѣ, что этотъ поцѣлуй взволновалъ его кровь.

— Мнѣ очень жаль,—сказалъ онъ, что моя дружба подала вамъ поводъ къ невѣрнымъ толкованіямъ. Если даже въ нее вкрадывалось нѣкоторое ухаживаніе съ моей стороны, то вы, такая красавица, должны были привыкнуть къ тому, что за вами всѣ ухаживаютъ, и гораздо больше, чѣмъ я. Почему же другимъ вы не предъявляете такихъ серьезныхъ требованій, почему имъ не дѣлаете такихъ горькихъ упрековъ?

— Потому что ни съ однимъ изъ нихъ я не связана такъ, какъ съ вами! крикнула Сусанна:—ни къ одному изъ нихъ я не припадала на грудь; ни одинъ изъ нихъ не цѣловалъ меня, какъ цѣловали вы.

— Это былъ единственный поцѣлуй, „залогъ дружбы“, смущенно пробормоталъ Гастонъ:—я прошу за него прощенія. Бываютъ минуты, когда человѣкъ плохо отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлаетъ. Мы оба играли въ опасную игру, но опомнились во время и упрекать другъ друга не имѣемъ права.

— Однако мнѣ любопытно бы знать, чѣмъ лучше меня эта бѣлокурая ирландка, сдѣлавшаяся вашей женой?

— Нельзя ли избавить меня отъ этихъ сравненій? запальчиво крикнулъ Гастонъ:—я люблю ее, я ей обязанъ такимъ счастьемъ, о которомъ раньше не смѣлъ и мечтать.

Digitized by Google

Она открыла мнѣ новый міръ, въ которомъ нѣтъ мѣста старымъ пѣснямъ!

— Такъ! Я понимаю васъ, гражданинъ Мортмаръ. Вы поете теперь: „Adieu paniers, vendanges sont faites“.

Въ это время пробили часы: дежурство Гастона кончилось. Онъ вѣжливо приподнялъ кэпи и быстро сбѣжалъ съ бастіона. Сусанна долго и неподвижно стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ оставилъ ее, мрачно смотря ему въ слѣдъ.

— Гражданка Мишель! крикнули ей солдаты національной гвардіи! пойдемте съ нами осушить нѣсколько бутылокъ пети-блё.

Она вздрогнула, грозно сверкнула глазами и пошла за товарищами.

VII.

Осада Парижа.

Не весело встрѣтилъ Парижъ наступленіе новаго года; разрозненныя семьи, безвѣстная будущность, невозможность даже письменно сообщаться съ близкими, все это ложилось тяжелымъ гнетомъ на сердце; а тутъ еще присоединилась удручающая забота о насущномъ хлѣбѣ, такъ какъ запасы подходили къ концу, а о новыхъ можно было только мечтать въ осажденномъ городѣ. Вдали виднѣлась перспектива голода и эпидеміи. Но французы все таки не падали духомъ. Исчезли только веселость и легкомысліе. Они мерзли въ нетопленныхъ жилищахъ, сначала полубольные, полуголодные, потомъ уже совсѣмъ больные, совсѣмъ голодные. Осада, которую они выносили стоически, съ такимъ изумительнымъ геройствомъ, грозила затянуться до тѣхъ поръ, пока вымирающій отъ голода Парижъ не сложитъ оружія, не пойдетъ на вынужденныя уступки.

Грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ сталъ обычной музыкой столицы. Новобранцы и національная гвардія рѣшили умереть, но не сдаваться. Пруссаки бомбардировали Парижъ то съ той, то съ другой стороны. Люди падали, гибли покорно, безъ жалобъ и трусости. Снѣгъ покрывалъ мертвыхъ; живые отрывали ихъ и часто падали на ихъ мѣстѣ, отъ истощенія. Трошю, выносившій на своихъ плечахъ все горе

Digitized by Google

Парижа, ободрялъ народъ. Но кто поражалъ энергіей и стойкостью въ тяжелое время, это женщины: онѣ не только сами бодро выносили всѣ лишенія, но ободряли своихъ отцовъ, братьевъ, мужей и возлюбленныхъ. Ихъ геройство доходило до доблести, и исторія засвидѣтельствуетъ это. Онѣ вставали чуть свѣтъ и выстраивались въ рядъ у домовъ богатыхъ домовладѣльцевъ, выжидая часа, когда отворятся двери амбаровъ и ихъ начнутъ обдѣлять порціями мяса, муки и крупы. Порціи были такія микроскопическія, что нечего было и думать накормить ими досыта семью; но въ Парижѣ давно уже перестали мечтать о возможности наѣсться досыта; только бы не умереть съ голода —въ этомъ состояла задача. Барыни, служанки, артистки, прачки, аристократки, мѣщанки и крестьянки, всѣ съ одинаковой жадностью протягивали руки, чтобъ овладѣть подаваемой имъ порціей. Война уравняла всѣхъ. Блѣдныя, какъ смерть, дрожа отъ холода, подъ снѣгомъ, дождемъ и вѣтромъ, онѣ съ непостижимымъ терпѣніемъ ждали куска хлѣба, утѣшаясь тѣмъ, что и онѣ участвуютъ въ страданіяхъ, посланныхъ злымъ рокомъ ихъ дорогой родинѣ. Онѣ не могутъ сражаться за нее, не могутъ пролить за нее свою кровь: такъ пусть же ихъ тѣло знобитъ морозъ, пусть сѣчетъ его дождь, студитъ вѣтеръ; пусть желудки ихъ сжимаются отъ пустоты, и тошнота поднимается къ горлу. Онѣ все вынесутъ, онѣ умрутъ скорѣе, чѣмъ скажутъ своимъ мужьямъ и отцамъ позорную фразу: „сдайтесь ради насъ!“

И онѣ дѣйствительно не падали духомъ, хотя сердца ихъ рвались на части, слушая жалобный плачъ голодныхъ дѣтей, слѣдя за тѣмъ, какъ все блѣднѣе и прозрачнѣе становились маленькія личики, какъ хрупкія дѣтскія тѣльца превращались въ скелеты и, наконецъ, вытягивались холодными трупами на рукахъ матерей; несчастныя матери не смѣли даже рыдать надъ дѣтьми, чтобы не ослабить бодрость мужей и, съ конвульсіями въ лицѣ, говорили: „Неужели сдаваться теперь, когда въ нашемъ умершемъ ребенкѣ мы принесли такую страшную жертву родинѣ?“ Рядомъ страдали еще другія дѣти, и что грозитъ имъ, знаетъ одинъ Богъ!

„Переждемъ, говорили матери:—не сегодня, завтра сни-

Digitized by Google

мутъ осаду съ Парижа, и мы вздохнемъ свободно, не чувствуя угрызеній совѣсти.

Но дни идутъ; осада держится, и дѣти мрутъ одно за другимъ. Погребальныя процессіи съ маленькими гробиками тянутся одна за другой по холоднымъ, грязнымъ, неуютнымъ улицамъ. Около мясныхъ лавокъ и булочныхъ та же голодная отощавшая толпа женщинъ дрогнетъ отъ холода, ожидая, что имъ отпустятъ хоть немного хлѣба за много денегъ. Припасы и тамъ на исходѣ, а потому страшно дороги. Богачи, когда-то покупавшіе въ январѣ землянику, платятъ огромныя деньги за фунтъ сыру и масла, и набрасываются на нихъ, какъ на драгоцѣнное лакомство. На улицахъ тьма: газъ не горитъ, въ фонаряхъ нѣтъ керосина. Еще богатые люди держатся кое-какъ, а бѣдняки мрутъ съ голода и холода въ сырыхъ подвалахъ, гдѣ давно забыли о топкѣ. Но въ это голодное время къ нимъ относились все таки гуманнѣе, чѣмъ въ золотое время имперіи, и участь ихъ была немногимъ хуже прежняго; они знали, по крайней мѣрѣ, что теперь всѣ голодаютъ въ Парижѣ, а во время имперіи, пока бѣднякъ умиралъ на соломѣ, до ушей его доносился ликующій смѣхъ богача, и озлобленіе закипало въ холодѣющемъ сердцѣ, и уходилъ бѣднякъ въ лучшій міръ съ ненавистью и местью въ сердцѣ.

А сколько нравственныхъ смертей вынесъ въ это время несчастный Парижъ! Тамъ—проигранное сраженіе, тутъ—взятіе въ плѣнъ одного изъ полководцевъ, на котораго возлагались самыя блестящія надежды; народный бунтъ въ Бельвилѣ, начало революціи въ Монмартрѣ. Газета „Красное Знамя“ читалась на расхватъ: казалось, легче отказать себѣ въ кускѣ хлѣба, чѣмъ не заплатить два су за нумеръ газеты, разжигавшей чувство патріотизма. Это было своего рода пищей и поддерживало нравственную бодрость Парижа. Съ какимъ жгучимъ наслажденіемъ прислушивался городъ къ упрекамъ, сыпавшимся на головы Вильгельма, Бисмарка, Мольтке; но эти упреки были невинной бранью сравнительно съ тѣми раскатами громовыхъ проклятій, съ той страшной анаѳемой, которая обрушилась на продажныхъ героевъ Седана и Меца, на труса императора, предавшаго Францію, чтобы спастись самому; на измѣнника Базена, отдавшагося

Digitized by Google

въ руки враговъ съ двухсотътысячною арміею,—цвѣтомъ и гордостью французской земли.

Но подошло, наконецъ, такое событіе, передъ которымъ забылись неудачи Седана, Меца и Страсбурга. Это была—капитуляція, несмываемый, вѣчный позоръ, заставившій Францію низко склонить свою голову. Парижъ сдѣлалъ то, чего долго не могли добиться отъ него: онъ отворилъ ворота и впустилъ своихъ враговъ.

Франція покорилась; ей ли, опозоренной, держать по прежнему высоко голову? Она отдала свои провинціи и обязалась выплатить громадную контрибуцію въ пять милліардовъ. Побѣдоносная гвардія германскаго императора раскинула свой лагерь на Елисейскихъ Поляхъ; на Мон-Валерьянѣ развѣвался германскій флагъ. Какъ отъ чумы, сторонился народъ отъ незванныхъ гостей. Мрачные, блѣдные парижане смотрѣли выходцами съ того свѣта. Французы, пришедшіе съ пруссаками, какъ плѣнники, были заключены въ тюрьму. Театры и клубы закрылись, могильная тишина воцарилась въ городѣ. Пруссаки оставили его послѣ двадцатичетырехъчасоваго пребыванія въ немъ. Въ утро ихъ ухода, парижскіе мальчики бѣгали по улицамъ, держа раскаленныя до бѣла сковороды и наливали ихъ духами, чтобы очистить воздухъ, какъ послѣ пребыванія зачумленнаго скота.

Но это нашествіе новыхъ вандаловъ оставило въ Парижѣ слѣды еще болѣе ужасные. Съ открытіемъ воротъ, изъ Парижа ушли его лучшіе защитники: 100,000 гражданъ, членовъ національней гвардіи, отважныхъ, сильныхъ, эмигрировали въ другія провинціи; въ городѣ осталась одна грубая, развращенная лѣнью и пьянствомъ, чернь да немногіе изъ патріотовъ, которые не рѣшились покинуть Парижъ даже въ это чумное время. Во всей исторіи Франціи не найдется болѣе темныхъ страницъ, какъ разсказъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Парижѣ 18 марта 1871 года. Сумрачный день смѣнился непроглядною ночью; изъ темныхъ наръ и щелей выползли чудовища, носящія человѣческій образъ, паріи, до сихъ поръ прятавшіяся отъ свѣта. На каждой улицѣ, на каждомъ перекресткѣ появлялись они, вооруженные, свирѣпые, съ звѣрскими лицами, голодные, озлобленные, не знавшіе ни пощады, ни примиренія, долго страдавшіе и готовые отплатить за все.

Digitized by Google

Это были коммунары. Они захватили въ свои руки всѣ пушки, оставленныя на Монмартрѣ, составили армію и начали съ убійства генераловъ Лекомта и Тома, прогнавъ въ Версаль временное правительство и войско; они образовали федеративный центральный комитетъ,—и эта коммуна сдавила Парижъ желѣзнымъ кольцомъ. Большинство коммунаровъ не знало даже, что значитъ „федерація", какія ея цѣли и задачи. Они не знали тѣхъ, кто ими командовалъ, не понимали того, что на ихъ глазахъ, съ ихъ помощью, устанавливается господство террора. Центральный комитетъ, поддерживаемый могущественной, прекрасно организованной интернаціоналкой, почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобъ управлять полуразореннымъ городомъ. Риго, Ферре, Эдъ, Серизье объявлены правителями Парижа. Въ ихъ рукахъ были тюрьмы, они командовали національной арміей, создавали законы, устраивали сходки въ дворцахъ, храмахъ, присутственныхъ мѣстахъ. Парижане спрашивали себя: что̀ лучше—нашествіе пруссаковъ или владычество коммунаровъ?

Гастонъ Мортмаръ, этотъ ярый поборникъ коммунизма, всегда отстаивавшій права народа, былъ возмущенъ поведеніемъ разнузданной черни и въ особенности убійствомъ генераловъ, въ которыхъ онъ видѣлъ защитниковъ родины. Онъ видѣлъ, что люди безъ имени, безъ прошлаго, безъ всякихъ заслугъ, захватили въ свои руки власть и начали прямо съ злоупотребленія ею. Эсси, одинъ изъ лучшихъ людей въ этомъ случайно возникшемъ временномъ правительствѣ, возсталъ противъ насилій и грабежа, и былъ заключенъ въ тюрьму. Флурансъ, умный и честный фанатикъ, былъ убитъ въ схваткѣ съ версальской арміею.

Гастонъ не вѣрилъ въ носителей идеи коммунизма, подписывавшихъ въ ратушѣ смертные приговоры, но въ самую идею онъ продолжалъ вѣрить также горячо, какъ и прежде. Красный флагъ, развѣвающійся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ красовался трехцвѣтный, былъ, по его мнѣнію, символомъ уравненія правъ, знаменемъ независимости. Онъ проводилъ эту идею въ кружкахъ, писалъ о ней въ своей газетѣ съ жаромъ и искренностью, но въ то же время давалъ программу дѣйствій, нисколько не похожую на ту, какая проводилась представителями коммуны.

Digitized by Google

Арестъ архіепископа, 6-го апрѣля, окончательно оттолкнулъ Гастона отъ коммунаровъ. Онъ возмутилъ даже антиклерикаловъ, такъ какъ архіепископъ пользовался репутаціей человѣка добраго и честнаго. Кружки заволновались; вездѣ слышался ропотъ недовольства. Гастонъ не щадилъ красокъ и ярко отмѣчалъ событія, ронявшія новое правительство въ глазахъ народа. Особенно сильно громилъ онъ его за арестъ гражданина Бонжана, сначала выбраннаго президентомъ, а потомъ отставленнаго за протесты противъ произвола и насилія.

„Красное Знамя“ сдѣлалось подозрительной и опасной газетой въ глазахъ правительства коммуны. Человѣкъ, который не шелъ рука объ руку съ нею, считался вреднымъ, преступнымъ. А тутъ еще поступилъ доносъ на Густава Шодэ, издателя знаменитаго журнала „Отецъ Дюшенъ“, и Шодэ былъ заключенъ въ тюрьму. Гастонъ снова выступилъ съ громовою рѣчью протеста, разоблачая тиранію коммунаровъ, и газета „Красное Знамя“ была запрещена. Редактору и сотрудникамъ угрожали арестомъ, но пока оставили на свободѣ. У Гастона истощились послѣднія средства къ существованію. Но онъ былъ слишкомъ энергиченъ, чтобъ опустить руки, и началъ писать сатирическіе очерки, которые секретно печатались въ типографіи и продавались на улицѣ разнощиками. Народъ жадно бросался на нихъ, чувствуя, что только тутъ можетъ узнать, на чьей сторонѣ справедливость, на сторонѣ версальцевъ или коммунаровъ? Вскорѣ послѣ ареста архіепископа и многихъ священниковъ, Гастонъ вздумалъ посѣтить школу доминиканцевъ, гдѣ онъ воспитывался, и узнать, не совершили ли и надъ ними насилій. Онъ зналъ, что разнузданные тираны-коммунары, не станутъ церемониться ни съ кѣмъ.

Но гроза миновала монастырь и школу доминиканцевъ: тамъ все было спокойно. Возмущенные ужасами коммуны, святые отцы сдѣлали свой монастырь убѣжищемъ всѣхъ страдавшихъ, какъ во время осады Парижа, онъ былъ убѣжищемъ для раненыхъ. Доминиканцы не могли сочувствовать такому правительству, которое обращало церкви въ клубы, запрещало молебствія, и бросало въ тюрьмы священниковъ; но тамъ, гдѣ дѣло шло о помощи больнымъ или раненымъ, монахи забывали свою непріязнь и принимали всѣхъ подъ

Digitized by Google

свое покровительство, не входя въ разбирательство причинъ, отъ которыхъ пострадали несчастные. Не смотря на это, стоило доминиканскимъ монахамъ показаться на улицахъ, чтобы встрѣтить цѣлый рядъ грубыхъ оскорбленій. Коммунары подозрѣвали, что въ монастырѣ скрывается много богатствъ и что доминиканцы составляютъ заговоры противъ правительства, хотя они никогда ничѣмъ не проявляли своей оппозиціи; они положились на волю Божію и, избѣгая показываться на глаза толпы, смиренно сидѣли по своимъ кельямъ, никого не трогая, боясь только, чтобъ не тронули ихъ самихъ. Гастона Мортмара они встрѣтили радушно и съ признательностью приняли его предложеніе охранять ихъ отъ неистовства черни, насколько достанетъ его силъ. Поговоривъ о будущности Франціи и выразивъ надежду, что „вѣроятно, все скоро успокоится“, пріоръ Контье сообщилъ Гастону, что въ замкѣ, прилегающемъ къ монастырю, поселился командиръ 13-го легіона, Серизье, и сдѣлалъ изъ этого замка свою резиденцію. Недружелюбно смотрѣлъ Серизье на доминиканскія владѣнія изъ оконъ своей гостинной, выходившихъ въ густой доминиканскій садъ. Занятіе коммунарами форта Исси еще болѣе увеличило и безъ того опасное положеніе доминиканцевъ: стараясь расширить свои владѣнія, коммунары раскинулись лагеремъ близъ доминиканской школы, а 13-й батальонъ помѣстился о бокъ съ нею. Монахи испугались; вѣра въ защиту и могущество женевскаго краснаго креста начала колебаться въ нихъ. Время показало, что они не напрасно боялись: 17 мая огонь вспыхнулъ на крышѣ замка, занимаемаго Серизье; доминиканцы бросились на помощь, и имъ удалось отстоять замокъ отъ пожара. Но, вмѣсто благодарности, къ нимъ отнеслись, какъ къ шпіонамъ, и обвинили въ поджогѣ. Напрасно они клялись въ своей невинности: имъ не хотѣли вѣрить.

— Пора покончить съ этой сволочью,—сказалъ Серизье.

И 19 мая, Лео Мелье, командиръ Бисетра, получилъ приказъ арестовать всѣхъ доминиканцевъ, съ ихъ приближенными. Чтобы исполнить эту экспедицію, потребовались усилія двухъ батальоновъ; однимъ изъ нихъ командовалъ самъ Серизье. Гастонъ Мортмаръ узналъ наканунѣ объ опасности, грозящей его друзьямъ-доминиканцамъ. Онъ провелъ

Digitized by Google

всю ночь въ переходахъ отъ одного делегата къ другому, вымаливая у нихъ пощады монастырю, надѣясь, что, благодаря его знакомству и вліянію, исполнятъ его просьбу и оставятъ въ покоѣ священный пріютъ. Но его надежды не осуществились, и ему объявили, что начальникъ коммуны не допускаетъ никакихъ смягченій по отношенію къ монахамъ.

19 мая Гастонъ явился въ школу къ своимъ друзьямъ; если онъ не могъ защитить ихъ, то желалъ, по крайней мѣрѣ, раздѣлить съ ними опасность. Онъ присутствовалъ при обыскѣ монастыря 101-мъ батальономъ. Серизье узналъ оратора Фоли-Бержера, издателя запрещенной газеты, печатавшей о самомъ Серизье весьма нелестныя вещи, и приказалъ арестовать Гастона вмѣстѣ съ доминиканцами.

— Такъ вы воспитанникъ доминиканской школы?—спросилъ его Серизье:—достойный воспитанникъ! надо отдать вамъ справедливость. Теперь понятно, въ какой школѣ васъ выучили такъ хорошо шпіонить за честными людьми. Ну, вы можете утѣшиться тѣмъ, что васъ сварятъ съ ними въ одномъ котлѣ!

Доминиканцы не безъ протеста подчинились аресту. Пріоръ выпросилъ позволеніе наложить печати на наружныя двери монастыря; ему милостиво разрѣшили это. Въ 7 часовъ вечера арестанты прибыли въ Бисетръ, послѣ цѣлаго ряда всевозможныхъ оскорбленій, перенесенныхъ въ дорогѣ. Ихъ втолкнули во дворъ, какъ стадо барановъ, и заперли въ казематъ. На увѣренія доминиканцевъ, что они ни въ чемъ не виноваты, на просьбы объ освобожденіи, имъ отвѣчали насмѣшками и ругательствами.

VIII.

Городъ въ огнѣ.

Двадцать перваго мая, доминиканскій монахъ Капти былъ приведенъ въ судъ, учрежденный въ Бисетрѣ, и подвергнутъ формальному допросу. Двадцать втораго и двадцать третьяго мая, арестанты были лишены пищи и, пока ихъ морили голодомъ въ стѣнахъ тюрьмы, коммунары занимались взломомъ монастырскихъ замковъ. По распоряженію Леона Мелье, два

Digitized by Google

батальона солдатъ вошли въ доминиканскую школу, сломавъ печати и взломавъ двери, и забрали все, что было поцѣннѣе; взяли они также и акціи желѣзныхъ дорогъ, стоимостью въ 50,000 франковъ, скопившіяся изъ взносовъ монастырской прислуги. Деньги эти, признанныя „народнымъ достояніемъ", разошлись по карманамъ „честныхъ коммунаровъ". Потребовалось 13 вагоновъ и 8 телѣгъ, чтобъ увезти все захваченное. Зданіе не сожгли только потому, что тамъ были превосходно выстроенные погреба, съ такими прекрасными винами, что, разъ войдя въ нихъ, коммунары не хотѣли уйти, и, только благодаря этому, зданіе великаго Альберта уцѣлѣло отъ пламени.

На слѣдующій день разнесся слухъ, что къ форту Бисетръ приближается армія версальцевъ, и Мелье съ товарищами поняли, что имъ не безопасно оставаться здѣсь дольше; они рѣшили оставить фортъ и удалиться въ Парижъ, гдѣ была уже выстроена цѣлая группа баррикадъ, укрѣпляемыхъ боевыми снарядами. На баррикадахъ приняли всѣ мѣры предосторожности, останавливали экипажи, кареты и телѣги, предполагая, что въ нихъ сидятъ враги; даже пѣшеходамъ прохода не было, и волненіе города было до такой степени сильно, что о заключенныхъ въ тюрьмѣ доминаканцахъ совсѣмъ позабыли.

Радость охватила Гастона, при извѣстіи о приближеніи арміи. „Версальцы придутъ, и освободятъ насъ",—говорилъ онъ, и доминиканцы проникались его увѣренностью, и пѣли хвалебные гимны Богу въ своей душной тюрьмѣ. Но, увы, надеждамъ не суждено было осуществиться, и когда версальцы подошли къ укрѣпленіямъ Бисетра, ни доминиканцевъ, ни Гастона тамъ уже не было. Гастонъ Мортмаръ не зналъ Серизье, если могъ надѣяться, что тотъ выпуститъ изъ рукъ разъ пойманную добычу. Этотъ кровожадный коммунаръ еще въ дѣтствѣ умѣлъ внушать ужасъ всѣмъ своимъ близкимъ; юношею—онъ былъ грозою на фабрикѣ въ Бельвилѣ и въ революцію 48 года сталъ во главѣ черни, повѣсивъ своего бывшаго хозяина-фабриканта на воротахъ его фабрики. Осужденный на смерть во время второй имперіи, Серизье спасся бѣгствомъ въ Бельгію. Послѣ 4-го сентября онъ снова появился въ Парижѣ и игралъ важную роль во время осады города.

Digitized by Google

18 марта онъ сдѣлался секретаремъ Леона Мелье, а вслѣдъ затѣмъ командиромъ 13 легіона. Онъ начальствовалъ надъ двѣнадцатью батальонами, храбро сражавшимися въ Исси и Шантильи. Къ одному изъ этихъ батальоновъ, именно къ 101-му, Серизье относился особенно симпатично и называлъ его „своимъ собственнымъ батальономъ". Солдаты тамъ были изъ его старыхъ друзей, такихъ же головорѣзовъ, какъ онъ самъ. Серизье былъ воплощеніемъ всѣхъ пороковъ: лѣнтяй, воръ, пьяница, никогда и ни передъ чѣмъ не останавливающійся. Обладая тупымъ упрямствомъ вола и кровожадностью дикаго звѣря, Серизье имѣлъ неограниченное вліяніе на разнузданную толпу окружавшихъ его людей. 13-й легіонъ дрожалъ передъ нимъ, какъ передъ грозной стихійной силой. Его ненависть къ религіи обратилась въ манію; онъ совершалъ съ особеннымъ наслажденіемъ самыя утонченныя святотатства, глумился надъ церквями, оскорблялъ священниковъ. Только вступленіе версальскихъ войскъ помѣшало ему продать съ аукціоннаго торга сосуды и утварь изъ храмовъ. Убійства, грабежъ и поджигательства стали обычнымъ дѣломъ во Франціи въ періодъ владычества Серизье. Наружность его была свирѣпая и отталкивающая: средняго роста, широкоплечій, съ быстрыми глазами, низкимъ лбомъ и выдающимися скулами, онъ напоминалъ бульдога. Грубый голосъ, дыханье, пропитанное коньякомъ, дополняли этотъ непривлекательный портретъ. Серизье имѣлъ свою привилегированную тюрьму, отличавшуюся тѣмъ, что каждое утро она наполнялась заключенными и каждый вечеръ освобождалась отъ нихъ самыми звѣрскими убійствами. Тюрьма эта помѣщалась на Итальянской аллеѣ.

Гастонъ Мортмаръ напрасно надѣялся, что Серизье забылъ доминиканцевъ; Серизье никогда не забывалъ намѣченныхъ жертвъ. Узнавъ о приближеніи версальцевъ, онъ послалъ отрядъ солдатъ за заключенными, и несчастныхъ препроводили въ Парижъ, осыпая оскорбленіями и насмѣшками. Ихъ не вели, а гнали. Путаясь въ складкахъ длинныхъ рясъ, монахи не могли идти скоро; солдаты погоняли ихъ, били прикладами ружей и кричали: „ну, торопитесь, сороки!" Это прозвище дали доминиканцамъ за ихъ черныя и бѣлыя рясы. Новая тюрьма, куда ихъ засадили, бы-

Digitized by Google

ла переполнена: въ ней было уже 97 арестантовъ, когда туда привели Гастона съ доминиканцами. Тюремщикъ Бабешъ, утомившись составленіемъ списка именъ заключенныхъ, ушелъ въ трактиръ подкрѣпить свои силы. Во время его отсутствія, коммунары вошли въ тюрьму и предложили доминиканцамъ помочь имъ строить баррикады. Но тюремный депутатъ, сохранившій уваженіе къ священству, замѣнилъ доминиканцевъ солдатами національной гвардіи, заключенными въ тюрьму за нарушеніе дисциплины. Когда Бабешъ вернулся, его взорвало распоряженіе его помощника.

— Ты продалъ кровь патріотовъ, для того чтобы отстоять кровь этихъ монастырскихъ сорокъ, заревѣлъ онъ и приказалъ 101-му батальону, бывшему въ его распоряженіи, привести „этихъ мерзавцевъ“. Бертранъ, — такъ звали тюремнаго депутата,—послѣ робкаго протеста, открылъ дверь въ камеру, гдѣ были заключены доминиканцы.

— Сюда, сороки! заревѣлъ Бабешъ:—маршъ на баррикады!

Доминиканцы вышли и увидали отрядъ 101-го батальона, съ Серизье во главѣ. Они поняли, что нѣтъ никакой надежды на снисхожденіе.

— Мы не пойдемъ дальше, сказалъ одинъ изъ нихъ, отецъ Котрольдъ, остановившись на порогѣ тюрьмы:—мы мирные граждане, и наша религія запрещаетъ намъ принимать участіе въ кровопролитіяхъ. Мы не можемъ, мы не должны драться и не пойдемъ на баррикады. Мы будемъ помогать вашимъ раненымъ и готовы идти отыскивать ихъ въ огонь и въ воду.

Этотъ отвѣтъ былъ одобренъ даже Серизье, но солдаты кричали, что на баррикадахъ мало людей и что они не въ состояніи будутъ устоять противъ града выстрѣловъ версальцевъ.

— Мы не пойдемъ, мы не можемъ идти! стоялъ на своемъ отецъ Котрольдъ.

— Хорошо, перебилъ Серизье:—вы будете помогать нашимъ раненымъ. Обѣщаете вы это?

— Да, обѣщаемъ. Мы всегда такъ поступали и всегда будемъ такъ поступать.

Серизье далъ сигналъ Бабешу, и доминиканцевъ снова втолкнули въ тюрьму. Но несчастныхъ ненадолго оставили въ покоѣ; скоро до Серизье дошла вѣсть о томъ, что вер-

Digitized by Google

сальцы овладѣли Пантеономъ и заняли его раньше, чѣмъ коммунарамъ удалось поджечь мину, долженствовавшую взорвать Пантеонъ. Кромѣ того, Серизье узналъ, что граждане Латинскаго квартала собрали довольно значительныя силы для нападенія на тюрьму; что Мелье, взятый въ отрядѣ инсургентовъ, разстрѣлянъ, и версальскія войска заняли уже бо́льшую часть города. Число коммунаровъ 18-го участка все уменьшалось. Что было дѣлать? Бѣжать ли на встрѣчу опасности, или встрѣтить смерть на мѣстѣ? Серизье выбралъ послѣднее, но не хотѣлъ сдаться безъ боя.

Онъ бросился въ кабакъ и осушилъ нѣсколько стакановъ водки. Подъ вліяніемъ возбуждающаго напитка, глаза его разгорѣлись, кровь заклокотала въ жилахъ.

— Неужели все кончено? громко крикнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по выручкѣ:—такъ пусть же все будетъ кончено! Общая смерть! Общая гибель! Кто со мной?—рычалъ онъ.— Кто хочетъ помочь мнѣ развороти́ть скулы этимъ проклятымъ сорокамъ?

Горсть коммунаровъ отвѣтила на его вызовъ. Но прежде чѣмъ они успѣли подойти къ тюрьмѣ, имъ преградили дорогу двѣ женщины. Обѣ онѣ походили на фурій, но одна была замѣчательно красива, не смотря на то, что лицо ея почернѣло отъ дыма пороха и было забрызгано кровью. На ней былъ костюмъ маркитантки. Небрежно наброшенная на плечи кофта была обшита золотыми кружевами, залитыми кровью и грязью. Она несла на плечѣ ружье и протянула его Серизье, прося зарядить. Усталость и волненіе сказывались во всей ея фигурѣ; она едва дышала, губы ея запеклись.

— Надо покончить съ этими попами разомъ, не такъ ли гражданинъ Серизье? задыхаясь, спросила она.

— Непремѣнно. Некогда, да и незачѣмъ церемониться съ ними. Долго они морочили французскій народъ... пора перестать!

— Меня они никогда не морочили,—сказала маркитантка:— я съ дѣтства атеистка.

— Да, будь живъ Вольтеръ, онъ показалъ бы имъ, гдѣ раки зимуютъ, — пробормоталъ Серизье и отвернулся отъ нея, чтобъ сдѣлать распоряженіе.

Пока арестантовъ выстраивали въ линію передъ зданіемъ

Digitized by Google

тюрьмы, Серизье отвелъ въ сторону Бабеша и о чемъ-то тихо говорилъ съ нимъ. Женщина, въ костюмѣ маркитантки, стояла, опершись на ружье, подлѣ одной изъ баррикадъ и смотрѣла на улицу сквозь столбы огня и дыма.

Это происходило въ концѣ мая, въ 4 часа жаркаго, душнаго дня. Весь Парижъ былъ залитъ кровью, а густой дымъ отъ зажженныхъ зданій закрывалъ отъ глазъ горизонтъ; земля трескалась отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Маркитантка отерла рукавомъ своей кофты грязь и кровь съ лица, и съ гордымъ наслажденіемъ смотрѣла на страшную картину разрушенія.

— Немного радости выпало на вашу долю, милые новобрачные, думала она:—не длиненъ былъ вашъ медовый мѣсяцъ, зато горе будетъ долго тянуться и истомитъ васъ, надорветъ вамъ сердца. Теперь она и ея сестра сидитъ, запершись за дверями своихъ гнѣздъ, ожидая, что не сегодня—завтра ихъ изжарятъ живыми. Гастонъ—въ тюрьмѣ... но въ какой? вотъ что я желала бы знать.

Сусанна Мишель знала только, что Гастонъ арестованъ, но подробности ареста не были ей извѣстны. Друзья ея, коммунары, говорили,что Гастонъ въ тюрьмѣ за напечатанье въ газетѣ статей, оскорбительныхъ для коммуны. Больше они ничего не могли ей сказать: тюремъ было такъ много, всѣ онѣ были такъ переполнены, что не было возможности добиться, кто гдѣ и за что посаженъ.

Въ продолженіе цѣлой недѣли пожаровъ и кровопролитій, Сусанна ревностно исполняла свой долгъ гражданки, коммунарки и петролейщицы, и съ отвагой работницы таскала на головѣ кувшины съ петролемъ. Она поджигала, стрѣляла, какъ бравый солдатъ, и ни одной секунды не думала, что совершаетъ убійство или преступленіе: это было только „око за око, зубъ за зубъ“.

— Они не церемонятся, убивая нашихъ друзей,—говорила она, хладнокровно наблюдая за тѣмъ, какъ новыя жертвы валились подъ ея выстрѣлами. Пощада въ такое время казалась ей трусостью. Ее опьянила кровь, ослѣпилъ дымъ. Ее всегда осуждали за отсутствіе набожности,—и она возненавидѣла церковь. Разумѣется, она поможетъ перестрѣлять священниковъ; лично ей они ничего дурнаго не сдѣлали, но они „обманывали народъ, лицемѣрили, лгали“, и она

Digitized by Google

съумѣетъ съ ними расправиться, и всѣ силы свои, даже жизнь, если нужно, отдастъ святому дѣлу коммуны!

Земля дрожала отъ пушечныхъ выстрѣловъ, багровое солнце едва мелькало сквозь пелену дыма: точно и оно пропиталось кровью павшихъ дѣтей несчастной Франціи. Версальцы подходили все ближе; они были также безпощадны, какъ и коммунары, и рѣки крови разливались по улицамъ Парижа, отражая пламя пожаровъ.

— Мы начнемъ въ нихъ стрѣлять!—неистово крикнула Сусанна:—Мы встрѣтимъ ихъ цѣлымъ градомъ выстрѣловъ, мы выбьемъ ружья изъ ихъ рукъ, чтобъ имъ не пришлось отвѣчать намъ!

— Готовы ли вы?—спросилъ Серизье, отворяя тюремныя двери.

— Готовы, генералъ,—отвѣчала Сусанна:—будьте покойны, ни одному не удастся улизнуть!

Ея голосъ былъ рѣзокъ и грубъ, какъ голосъ мужчины, и ни одинъ мужчина не могъ сравниться съ ней въ энергіи, страстности и порывистости въ эти дни, когда злодѣйство называлось геройствомъ, кровожадность—отвагою. Ни одна изъ этихъ женщинъ, заливавшихъ петролемъ все, что не было на ихъ сторонѣ, не считала себя преступницей; напротивъ, онѣ искренно воображали себя Орлеанскими дѣвами, жертвующими всѣмъ для спасенія родины. Доминиканцы были выведены на улицу.

— Шагъ за шагомъ! Одинъ за другимъ! командовалъ тюремщикъ Бабешъ, держа за руку восьмилѣтняго сына. Онъ считалъ въ высшей степени полезнымъ показать своему ребенку, какъ падутъ мертвыми тѣ, кто не умѣли стоять за народъ. Доминиканцы, школьная прислуга и Гастонъ переступили порогъ. Первымъ прошелъ сквозь строй отецъ Котрольдъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упалъ мертвымъ отъ пули. Пріоръ обратился къ своимъ товарищамъ:

— Идемте, друзья, во славу Бога нашего, сказалъ онъ кроткимъ прочувствованнымъ голосомъ, и всѣ двинулись за нимъ покорно и безропотно въ пространство, гдѣ пули свистѣли и падали, какъ огненный дождь. Сусанна выбѣжала на средину улицы и крикнула:

Digitized by Google

— Трусы! Смотрите, одинъ изъ нихъ бѣжитъ! Ну, это ему не удастся!

И она бросилась въ погоню за человѣкомъ, отдѣлившимся отъ толпы заключенныхъ и быстро бѣжавшимъ отъ преслѣдованья. Но Сусанна бѣжала еще быстрѣе; къ ней присоединились двое изъ приближенныхъ Серизье; одушевленные желаніемъ настигнуть во что бы то ни стало ускользавшую добычу, они летѣли, какъ вихрь, свернули въ какую-то узкую улицу и около фонарнаго столба поймали бѣглеца. Одинъ изъ солдатъ выстрѣлилъ; Сусанна тоже подняла ружье, но рука ея вдругъ опустилась.

— Что это? Сонъ или галлюцинація? Сквозь облако дыма, передъ нею мелькнуло лицо ненавистнаго и, въ то же время, до сихъ поръ еще страстно любимаго человѣка. Но какое это было лицо! Смерть боролась въ немъ съ жизнью: пепельно-сѣрое, истомленное, съ дико блуждающими глазами. На лбу текла струя крови; пуля пробила ему черепъ.

Солдаты бросились на него. Одинъ изъ нихъ снова поднялъ ружье.

— Стойте! неистово заревѣла Сусанна:—не смѣйте стрѣлять!

Слишкомъ поздно! Другая пуля просвистѣла въ воздухѣ, и Гастонъ упалъ, не издавъ стона.

Сусанна металась, крича и ругаясь; умолять она не умѣла. Бросившись, какъ, разъяренный звѣрь на коммунаровъ, она начала бить ихъ прикладомъ ружья. Солдаты разразились хохотомъ, думая, что она пьяна. Въ такое время, когда воздухъ былъ пропитанъ кровью и водкой, пьяная женщина была явленіемъ обыденнымъ.

Солдаты громко смѣялись, предполагая, что Сусанна приняла ихъ за версальцевъ, и ушли къ своему отряду. Съ бѣглецомъ было покончено: имъ здѣсь нечего было больше дѣлать. Сусанна осталась одна. Рыдая, ломая руки, она упала на землю рядомъ съ окровавленнымъ трупомъ, не замѣчая, что кровь его пачкаетъ ей лицо и руки.

Горячіе лучи майскаго солнца падали на нее сквозь тучи пороховаго дыма. Вдругъ послышались мѣрные шаги и бряцанье оружія: версальская армія входила на Итальянскій бульваръ.

Digitized by Google

Покончивъ съ доминиканцами, Серизье возвратился въ тюрьму, держа въ рукахъ списокъ жертвъ, только что растрѣлянныхъ. Въ это время къ нему быстро подбѣжалъ его адъютантъ и что-то шепнулъ на ухо. Серизье побагровѣлъ: все было кончено, версальцы подошли. Быстро бросивъ на столъ бумаги, онъ выскочилъ изъ тюрьмы, бросился къ Итальянскому бульвару и, какъ кошка, пробрался въ домъ, изъ котораго былъ выходъ на бульваръ Шуази. Съ этихъ поръ его напрасно искали: онъ точно провалился сквозь землю.

Когда французскія войска подошли къ тюрьмѣ, они не нашли тамъ ничего, кромѣ труповъ.

IX.

На стражѣ убитыхъ.

Страшный день смѣнился полною ужасовъ ночью: Парижъ пылалъ и заливался кровью. Война обратилась въ бойню. Зданія общественныхъ учрежденій, запасные магазины, 800 частныхъ домовъ, Орсейскія казармы, Тюльери, Пале-Рояль, дворецъ Почетнаго Легіона, дворъ Архивовъ, городская ратуша, театры, фабрики, библіотеки,—все было сожжено, превращено въ развалины.

Въ первое время борьбы, войско безусловно, съ полной покорностью подчинялось своимъ командирамъ; но видъ развалинъ, пламени и валявшихся на улицахъ труповъ до того ожесточилъ солдатъ, что и они обратились въ звѣрей; въ сердцахъ ихъ пропала всякая жалость къ виновникамъ этого страшнаго, непоправимаго разгрома. При одномъ воспоминаніи о всѣхъ вынесенныхъ ужасахъ осады, болѣзней, голода, убійствъ и оскорбленій, при видѣ памятниковъ искусства, которыми такъ гордился Парижъ и которые валялись теперь обожженные, поломанные, разнесенные страшными взрывами,—кровь солдатъ волновалась и рука сурово сжимала оружіе. Они сидѣли въ кабакахъ, пили, чтобъ укрѣпить себя, закалиться въ своемъ ожесточеніи и клялись преслѣдовать коммунаровъ также безпощадно, какъ коммунары преслѣдо-

Digitized by Google

вали армію. Они говорили себѣ, что жестокость, какъ бы велика она ни была, будетъ только справедливымъ возмездіемъ, законной отплатой за все, что вынесла родина. Коммунары замучили и убили столько священниковъ и солдатъ; коммунары разрушили, сожгли и расхитили всѣ богатства Парижа. Генералы, судьи, сенаторы—пали жертвой кровавой рѣзни коммунаровъ.

Нѣтъ, въ сердцахъ солдатъ не было и не могло быть пощады этимъ извергамъ, и войско оправдывало свою жестокость тѣмъ же, чѣмъ оправдывались и коммунары: местью за родину, за французскій народъ.

Въ эту страшную ночь, Филиппъ Дюранъ сидѣлъ у постели своей больной жены, только что разрѣшившейся отъ бремени. Маленькая улица Кёръ уцѣлѣла во время общаго погрома, благодаря своему ничтожеству: коммунары нашли, что глупо тратить время на пустяки, когда передъ ними открыты лучшія улицы, богатѣйшіе дома и дворцы Парижа. Но всѣ эти ужасы происходили по близости улицы Кёръ, и ея обитатели вздрагивали отъ грохота пушечныхъ выстрѣловъ, отъ треска разрушавшихся въ пламени зданій, отъ грома взрывовъ; небо было покрыто алымъ заревомъ; крыши взлетали на воздухъ, стѣны рушились; запахъ петроля и ѣдкія, разъѣдающія волны дыма, доходили и до улицы Кёръ, врывались въ окна домовъ, въ щели.

Въ маленькомъ садикѣ, подъ окнами квартиры Дюранъ, собралась густая толпа народа. Необыкновенное оживленіе, смѣшанное съ ужасной паникой, виднѣлось на всѣхъ лицахъ. Всѣ шептались, подходили къ дверямъ и окнамъ, передавая находившимся въ домѣ послѣднія новости, часто перевирая ихъ, но всегда ручаясь за достовѣрность. Роза спала. Филиппъ вышелъ въ сосѣднюю комнату и, открывъ окно, высунулъ голову въ садъ.

— Они жгутъ теперь Соборъ Богоматери, сказалъ человѣкъ, стоявшій подъ окномъ, увидѣвъ Филиппа:—Они привезли цѣлыя бочки петроля, залили всю крышу и подожгли ее. Величественное зданіе, великолѣпное украшеніе Парижа, обратится въ обгорѣлыя руины и будетъ, какъ говорятъ, взорвано на воздухъ. Мы увидимъ, какъ полетятъ охваченные пламенемъ обломки. На это зрѣлище стоитъ посмотрѣть по-

Digitized by Google

ближе, — легкомысленно добавилъ онъ и быстро выбѣжалъ изъ сада, боясь пропустить такой спектакль.

— Посмотрите, это горитъ церковь святаго Евстафія, — сказалъ другой:—а потомъ они намѣреваются поджечь полицейскую префектуру. Риго и его товарищи великолѣпно закусили тамъ:—цѣлое море разныхъ винъ, цѣлыя горы самой отборной провизіи... Теперь они знаютъ, что ихъ пѣсенки спѣта, и рѣшили взорвать зданіе.

Дюранъ затворилъ окно. Однимъ дворцомъ, одной церковью меньше—это не составитъ видной разницы въ общей колоссальной руинѣ. Пруссаки и коммуна доказала, что Франція не умѣла отстоять себя, не умѣла защитить своихъ лучшихъ сыновъ отъ насилія и ужаса. Но они доказали также и вредное безсиліе, гибельную развращенность павшаго правительства, — и теперь уже оно не возродится. Энергичный и здравомыслящій, Филиппъ Дюранъ былъ и самъ подавленъ тяжестью, задавившею его любимую, несчастную родину. Обычная сообразительность измѣнила ему; онъ, который такъ умѣло создавалъ всякіе планы, теперь чувствовалъ свое полное безсиліе. Особенно сильно заботило его запустѣніе маленькой квартирки Гастона Мортмара, находившейся надъ ихъ квартирой. Зная горячность Гастона, Филиппъ всегда боялся за него и не ждалъ добра отъ его вмѣшательства въ политическую жизнь Парижа.

Три долгихъ дня прошло съ той поры, какъ исчезъ Гастонъ; теперь и Кеттлинъ ушла неизвѣстно куда: должно быть, отыскивать любимаго мужа. Она ускользнула такъ, что никто не видалъ ея; испарилась, какъ роса на зарѣ. Когда утромъ Филиппъ пошелъ къ ней наверхъ, сообщить о здоровьѣ сестры и утѣшить ее хоть немного,—онъ нашелъ опустѣвшимъ уютное гнѣздышко.

Филиппъ стоялъ, какъ потерянный; бѣгство Кеттлинъ было очевидно, да очевидны были и причины его. Задняя комната оказалась запертой на замокъ, и ключъ былъ вынутъ. Передняя комната—тщательно прибрана и вычищена. Бюро Гастона — заперто на замокъ, также какъ и маленькій кабинетъ, гдѣ хранилась коллекція его книгъ. Филиппъ стоялъ, ломая голову надъ вопросомъ: куда она могла пойти?—когда въ глаза ему бросился сложенный вчетверо

Digitized by Google

листикъ почтовой бумаги, лежавшій на письменномъ столѣ. Онъ быстро схватилъ его. Письмо было адресовано ему и заключало въ себѣ слѣдующее:

„Дорогой братъ Филиппъ! Я иду искать своего мужа. Не тревожьтесь за меня: Богъ поможетъ мнѣ и поддержитъ мои силы. Я буду бродить по улицамъ Парижа каждый день, съ утра до ночи; я буду возвращаться домой, если это будетъ возможно, чтобъ отдыхать отъ утомленія. Если же я не вернусь, вы все таки не безпокойтесь: это будетъ значить, что я зашла слишкомъ далеко. Въ одномъ вы можете быть совершенно увѣрены: пока разсудокъ не оставитъ меня, я не лишу себя жизни. Я твердо помню все, чему меня учили въ дѣтствѣ, и всецѣло отдаю себя въ руки божьи. Не тужите обо мнѣ, не бойтесь за меня. Берегите себя для жены и ребенка. Если Роза спроситъ обо мнѣ, скажите, что я внѣ всякой опасности, и въ хорошихъ, надежныхъ рукахъ.

Ваша любящая сестра

Кеттлинъ".

День прошелъ скучный, длинный; наступила ночь. Кеттлинъ не возвращалась. Филиппъ нѣсколько разъ поднимался въ теченіе дня наверхъ; квартира была пуста, и ничто не говорило въ ней о возвращеніи хозяевъ. Филиппъ отправился къ домовому хозяину. Онъ нашелъ тамъ двери на запорѣ и едва могъ достучаться; хозяинъ объяснилъ, что прожилъ взаперти эти дни страшной паники. Кеттлинъ онъ не видалъ и ничего не слыхалъ о ней.

Для Филлипа Дюрана этотъ день былъ днемъ испытанія: Розѣ сдѣлалось хуже, и она съ лихорадочнымъ страхомъ поминутно справлялась о Кеттлинъ, удивленная, что не видитъ ея. Почему Кеттлинъ, обыкновенно такая нѣжная и заботливая, сегодня не пришла даже навѣстить ее? Что это значитъ, что Гастонъ не заходилъ къ нимъ эти дни? Филиппа терзали всѣ эти вопросы. Сначала онъ говорилъ женѣ, что, можетъ быть, что нибудь задерживаетъ и Гастонъ, и Кеттлинъ; но когда жена настояла, чтобъ онъ справился, почему сестра нейдетъ къ ней, Филиппъ сказалъ:

— Гастонъ ушелъ въ редакцію: у нихъ теперь много работы.

— Но вѣдь его газета уже шесть недѣль какъ запрещена!

Digitized by Google

— Была запрещена, моя дорогая; но теперь они опять начинаютъ работать; подходятъ лучшія времена, и Гастону теперь много работы.

— Ну, а Кеттлинъ? Почему она нейдетъ?

— Она не здорова; положимъ, это пустяки,—легкая простуда, но ей все таки лучше посидѣть нѣсколько дней въ своей комнатѣ.

— Ахъ, какая досада, что я не могу встать и сходить за ней. Но ты увѣренъ, что нѣтъ ничего опаснаго?

— Совершенно увѣренъ, моя дорогая.

Но Роза все таки не была покойна; она любила Кеттлинъ скорѣе, какъ дочь, чѣмъ какъ сестру, и была озабочена ея болѣзнью. Ни нѣжность любимаго мужа, ни ухаживанья доброй Шубертъ, ни даже глубокая любовь къ крохотному существу, барахтавшемуся подлѣ нея на подушкѣ, ничто не могло заглушить въ ней тревоги и опасеній за обожаемую сестру.

— Я боюсь, Филиппъ, что ты успокоиваешь меня относительно Кеттлинъ,—сказала она мужу, всматриваясь пытливымъ, лихорадочнымъ взглядомъ въ выраженіе его лица:—Кеттлинъ навѣрно опасно больна, если не можетъ прійти ко мнѣ. Я помню, что всегда бранила ее за то, что она не придаетъ значенія своимъ маленькимъ простудамъ и заболѣваніямъ. А теперь, когда она знаетъ, какъ я тревожусь о ней и какъ вредно мнѣ волноваться,—она не утерпѣла бы, чтобъ не прійти.

— Хочешь, я пойду за ней? храбро предложилъ Филиппъ, направляясь къ дверямъ:—для ея здоровья, конечно, было бы лучше не вставать сегодня съ постели, но если ты такъ настойчиво желаешь видѣть ее, то я...

— Нѣтъ, Филиппъ, Боже избави безпокоить ее,—въ страхѣ вскричала Роза:—но ты все таки поди къ ней и расцѣлуй ее за меня и за нашего крошку. Я увѣрена, что это маленькое существо уже любитъ насъ всѣхъ, хоть инстинктивно, и отлично чувствуетъ себя у материнской груди. Онъ будетъ добрымъ и нѣжнымъ, хотя и родился въ годину бѣдъ, подъ громы выстрѣловъ.

— Да, онъ родился, какъ маленькій птенчикъ въ грозу, подъ вой вѣтра и громовые раскаты, прошепталъ Филиппъ

Digitized by Google

и, наклонившись къ дитяти, поцѣловалъ его маленькое сморщенное личико, нѣжное и мягкое.

Всегда отличавшійся строгой правдивостью, онъ чувствовалъ себя крайне смущеннымъ при мысли, что такъ ловко, съ такимъ невиннымъ видомъ обманывалъ жену. Но что же оставалось ему дѣлать, когда сказать истину—значило убить Розу? Докторъ строго приказалъ беречь ее отъ всякихъ волненій, пока не прошла лихорадка, и Филиппъ тщательно скрывалъ отъ нея все непріятное. Могъ ли онъ рѣшиться причинить ей такое глубокое горе, которое принесла бы ей вѣсть объ исчезновеніи Гастона и Кеттлинъ?

Все это онъ говорилъ себѣ сотни разъ и все таки мучился. Напрасно Шубертъ говорила ему, что такая ложь—спасеніе и что гораздо нравственнѣе солгать, нежели огорчить больную жену. Филиппъ соглашался, что все должно быть сдѣлано для спокойствія Розы, но въ глубинѣ души его все таки оставалось чувство неудовлетворенности и сознаніе, что онъ очень ужь „ловко“ лгалъ. Шубертъ превзошла себя въ уходѣ за больной Розой и вполнѣ замѣнила ей мать: она ходила и за ребенкомъ, бѣгала на рынокъ, варила обѣды Филиппу и супъ для больной, передавала Кеттлинъ порученія Розы и приносила ей выдуманные отвѣты. Все это дѣлалось такъ охотно и съ такимъ оживленнымъ, веселымъ видомъ, какъ будто до ушей ея не долетали съ каждымъ днемъ усиливающійся грохотъ пушекъ и шипѣнье митральезъ.

Но никогда Парижъ не слыхалъ такого страшнаго взрыва, какъ среди того дня, когда бѣдняжка Кеттлинъ ушла разыскивать мужа: взорвали Люксембургскій пороховой заводъ. Дома пошатнулись; съ потолка обвалилась штукатурка. Люди обмерли отъ испуга. Только Шубертъ, со своей неизмѣнной, бодрой улыбкой, утѣшала испуганную Розу, говоря, что теперь надо быть готовымъ ко всякимъ сюрпризамъ; что не сегодня—завтра также взорвутъ Пантеонъ.

— Но это все таки ничего не значитъ,—прибавляла она:—и вовсе не отнимаетъ у насъ надежды на лучшіе дни. Версальскимъ войскамъ удалось, почти безъ сопротивленія, захватить городъ въ свои руки, и еще недѣля, другая,—спокойствіе водворится въ Парижѣ.

Digitized by Google

— Въ слѣдующее воскресенье, весело болтала добрая женщина:—мы навѣрно услышимъ, какъ заблаговѣстятъ къ обѣднѣ, и мирные граждане, въ своихъ лучшихъ праздничныхъ платьяхъ, повалятъ въ церковь.—Роза вѣрила ея словамъ и успокоивалась, не зная того, что на самомъ дѣлѣ происходило въ Парижѣ.

Прошелъ вечеръ, такой же длинный и томительный для Филиппа Дюрана, какимъ былъ и день. Наступила полночь, а квартирка Мортмаровъ все оставалась пустой; о Кеттлинъ не было ни слуху, ни духу.

Между тѣмъ Кеттлинъ, надѣлавшая столько тревоги и заботы Филиппу, какъ разъ въ полночь была близь улицы Кёръ. Цѣлый день она странствовала по Парижу, перебѣгая изъ тюрьмы въ тюрьму, наводя справки о пропавшемъ мужѣ; она ко всѣмъ обращалась съ вопросами, надѣясь услышать хоть что нибудь, дающее выходъ изъ ужасной неизвѣстности. Она спрашивала, не было ли какихъ нибудь новыхъ арестовъ за эти послѣдніе три дня и не видалъ ли кто нибудь въ числѣ арестованныхъ высокаго, худощаваго брюнета, съ сѣрыми энергичными глазами. Ей хохотали въ лицо, но она не унывала и шла дальше съ тѣми же разспросами, навязываясь на новыя оскорбленія.

У воротъ Мазаса, Рокеты, Сентъ-Пелажи стояли толпами измученные, исхудалые люди, жадно смотря блуждающими взорами въ рѣшетчатыя окна мрачныхъ зданій; каждый надѣялся увидѣть тамъ дорогія лица безъ вѣсти пропавшихъ сыновей, мужей, отцовъ и братьевъ. У Кеттлинъ опускались руки, исчезала послѣдняя надежда.

Настала ночь. Она отошла отъ тюрьмы, гдѣ сидѣлъ генералъ Шанзи, и направилась къ Новому Мосту. Эта часть города была ей хорошо знакома. Сена катила мрачныя черныя воды, и высокая башня Собора Парижской Богоматери рѣзко очерчивалась на фонѣ темнаго неба. Изъ-за туманно-сѣрыхъ очертаній горы выплывалъ блѣдный серпъ мѣсяца, и звѣзды, мигая, загорѣлись фосфорическимъ свѣтомъ. Но вдругъ къ небу поползло что-то темное, мрачное, и изъ лазурнаго оно стало сѣрымъ; звѣзды померкли, мѣсяцъ потускнѣлъ. Ги-

Digitized by Google

гантская туча чернаго дыма расползлась надъ землей и потомъ снова спустилась внизъ, покрывая городъ непроницаемымъ мракомъ. А на мосту и на площади ратуши вспыхнулъ яркій, ослѣпительный свѣтъ: горѣлъ дворецъ какого-то милліонера. Но Кеттлинъ шла, останавливаясь только для того, чтобъ повторить той или другой группѣ людей свои обычные вопросы. Невдалекѣ отъ Риволи она натолкнулась на отчаянное сраженіе, и ей пришлось проходить подъ градомъ пуль. Но она шла спокойно и твердо, какъ спокойно и твердо встрѣтила бы смерть. Отъ времени до времени глаза ея встрѣчались съ недоумѣвающими, вопросительными взглядами сражавшихся; но они тотчасъ же отворачивались и забывали о ней. Часовые окликали ее, задавали вопросъ, и пропускали дальше: она была безвредна. Со своимъ разсѣяннымъ, убитымъ видомъ, она походила на безумную, мѣсто которой въ больницѣ умалишенныхъ.

Она остановилась подлѣ толпы праздношатающихся зѣвакъ, глазѣвшихъ на сраженіе, но участія въ немъ не принимавшихъ, и начала прислушиваться къ ихъ оживленной болтовнѣ.

— Не знаете вы, были новые аресты за послѣдніе три дня? спросила она у человѣка, подлѣ котораго стояла.

— За послѣдніе три дня! смѣясь отвѣчали ей:—Аресты производятся теперь каждый часъ. „Убитъ“, „сожженъ“, „замученъ“—это были обыкновенные отвѣты одушевленныхъ местью версальцевъ. А о коммунарахъ и говорить нечего. Несчастныхъ разстрѣливали въ тюрьмахъ, живьемъ жгли на кострахъ. Зато Риго, Серизье и другіе церемониться не будутъ, и затопятъ кровью Парижъ, прежде чѣмъ попадутся сами.

— Не слыхали ли чего новенькаго? спросилъ одинъ изъ толпы, любовавшейся съ моста, какъ горѣлъ театръ Лирической Оперы, и съ нетерпѣніемъ ожидавшей, когда загорятся Шатлэ и Соборъ Богородицы.

— Новенькаго? Вотъ странный вопросъ! „Новенькое“ является каждый часъ. Говорятъ, что версальцы овладѣли Пантеономъ, и коммунарамъ не удалось поджечь его. Мелье разстрѣлянъ, доминиканцы переестрѣляны, полковникъ Серизье, герой Исси и Шатильона, благополучно улизнулъ, и батальонъ его разбрелся,—вотъ тебѣ самыя свѣжія новости.

Digitized by Google

„Доминиканцы перестрѣляны!“ Эти два слова какъ будто толкнули Кеттлинъ, и она очутилась подлѣ говорившаго. Лицо ея было смертельно блѣдно, широко открытые глаза жадно, въ упоръ смотрѣли въ лицо человѣку, сообщившему эту ужасную новость. „Доминиканцы“... Это было послѣднее слово, произнесенное ея мужемъ, и она живо помнила ту скорбь и страданіе, съ которыми онъ передавалъ ей подробности жестокаго обращенія коммунаровъ съ этими добрыми монахами.

— Я пожертвую послѣдней каплей крови, говорилъ Гастонъ:—но не дамъ погибнуть такимъ людямъ, какъ отецъ Кантье.

Онъ сказалъ эту фразу за нѣсколько минутъ до ухода, и больше Кеттлинъ его не видала. Она подошла ближе къ человѣку, взволновавшему ее своей новостью. Онъ, повидимому, уже забылъ, о чемъ говорилъ, и стоялъ, разинувъ ротъ, съ удовольствіемъ глядя на пламя пожара. Кеттлинъ тихо дотронулась до его руки.

— Скажите мнѣ, начала она молящимъ голосомъ:—не знаете ли вы чего нибудь о доминиканцахъ школы великаго Альберта? Мой мужъ былъ съ ними и любилъ ихъ, какъ самыхъ родныхъ, самыхъ близкихъ людей.

— Ну, вашему мужу придется поискать другой школы для своихъ дѣтей, любезная гражданка,—цинично отвѣчалъ незнакомецъ:—школа великаго Альберта обратилась въ пепелъ, а святымъ отцамъ выданы паспорты въ царство небесное.

— Убиты?...

— Всѣ до одного. Сегодня послѣ обѣда вонъ тамъ, за Итальянскимъ бульваромъ, несчастныхъ сорокъ перестрѣляли, какъ фазановъ.

Кеттлинъ всплеснула руками и упала на землю. Никто не обратилъ на нее вниманія, никому не было дѣла до того, что у нея разрывалось сердце отъ смертельнаго отчаянія.

Рухнувшая съ страшнымъ трескомъ, крыша театра привела Кеттлинъ въ себя. Она встала и оглянулась кругомъ помутившимся взглядомъ. Искры сыпались, какъ огненный дождь; надъ рѣкой разстилались густые клубы дыма. Удушливый запахъ гари усиливался съ каждой минутой.

— Останется ли отъ Парижа что нибудь, кромѣ сора и пепла, когда завтра взойдетъ солнце? спросилъ одинъ изъ зѣвакъ.

Digitized by Google

Кеттлинъ стояла, облокотившись на перила моста. Мысли ея путались.

„Умру за нихъ, пролью кровь до послѣдней капли,—бормотала она, повторяя слова Гастона о доминиканцахъ:—Ихъ убили, а Гастонъ... онъ тоже, конечно, убитъ; иначе... какъ могъ бы онъ такъ долго оставлять меня въ неизвѣстности? Онъ такъ любилъ меня! Нѣтъ! Это невозможно, невозможно!"

— Скажите, былъ ли убитъ кто нибудь еще въ этой свалкѣ, кромѣ доминиканцевъ? спросила Кеттлинъ, подходя къ незнакомцу.

— Я полагаю, школьная прислуга.

— А кромѣ того?

— Почемъ я знаю! офиціальныхъ свѣдѣній быть не можетъ, коммунары не сообщаютъ своихъ секретовъ. То, что я передалъ вамъ, не больше, какъ слухъ.

Только слухъ!... Надежда зароилась въ измученномъ сердцѣ Кеттлинъ. Да развѣ можно вѣрить слухамъ въ такое время, когда ихъ распускаютъ нарочно и самые несообразные, невѣроятные, чудовищные, чтобы ожесточить народъ противъ коммуны?

— Какъ далеко отсюда Итальянскій бульваръ?.

Ей едва отвѣтили, поглощенные зрѣлищемъ пожара, равнодушные къ горю одного человѣка тамъ, гдѣ люди страдали, умирали и гибли тысячами.

На башнѣ собора ударило часъ. Кеттлинъ изнемогала отъ усталости; глаза ея горѣли, руки тряслись, во рту пересохло. Она взглянула внизъ: Сена показалась ей огненной лавой. Фонтана по близости не было. А воды надо было найти во что бы то ни стало, хотя бы для того, чтобы укрѣпить упавшія силы и дойти до Итальянскаго бульвара, гдѣ она непремѣнно узнаетъ, насколько справедлива сообщенная ей страшная вѣсть. Она перешла черезъ мостъ. Разстояніе было большое, но она пройдетъ его, чего бы это ни стоило.

На бульварѣ Сен-Мишель она встрѣтила цѣлую вереницу вагоновъ и телѣгъ, заваленныхъ трупами убитыхъ. Отъ времени до времени, путь ей преграждали баррикады, на которыхъ работали цѣлыя массы людей; между ними бѣлѣли сѣдыя головы стариковъ. Тротуары были залиты кровью, двери домовъ—обрызганы ею. Солдаты спали на голой землѣ, подлѣ

Digitized by Google

баррикадъ. Кеттлинъ съ недоумѣніемъ вглядывалась въ эти спящія спокойныя лица, освѣщенныя прояснившейся луной. Какъ могли они спать послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ? Она шла все дальше, подбирая платье, по врожденной, привычной аккуратности. Ноги ея были въ крови, застывшей на тротуарахъ и улицахъ.

Вотъ лежитъ, разметавшись, мертвое тѣло. Луна льетъ на него свой призрачный свѣтъ. Кеттлинъ подходитъ ближе и узнаетъ въ мертвецѣ молодаго артиллерійскаго поручика, котораго видѣла еще утромъ, задумчиво сидящимъ у окна, низко опустивъ голову. Кеттлинъ и тогда показалось, что на этомъ молодомъ, скорбномъ лицѣ какъ будто лежитъ предчувствіе смерти. Да, это онъ. Платье на немъ изодрано, грудь обнажена, и въ горячемъ юношескомъ сердцѣ зіяетъ большая кровавая рана. Навѣки замерли всѣ блестящія надежды, всѣ отважные, гордые замыслы!

По улицамъ тянется рядъ омнибусовъ, но они наполнены не живыми, а мертвыми пассажирами. Въ Парижѣ несмѣтное количество этихъ омнибусовъ, но даже ихъ оказалось недостаточно для перевозки мертвыхъ тѣлъ, и конножелѣзное общество было приглашено къ участію въ похоронныхъ процессіяхъ. Рабочіе, съ засученными рукавами, подбирали валяющіеся по улицамъ трупы: масса труповъ была еще не подобрана. Нѣтъ возможности уйти отъ этого ужаса, отвернуться отъ мертваго лица безъ того, чтобы не натолкнуться на другое. Одинъ изъ рабочихъ съ ужасомъ смотритъ на свои голыя окровавленныя руки.

— Нѣтъ ли здѣсь по близости какого нибудь бассейна, чтобы смыть эту кровь? спрашиваетъ онъ у толпы.

— Что тутъ бассейнъ! отвѣчаютъ ему:—океанъ нуженъ, чтобъ смыть всю кровь, пролитую Парижемъ.

Кеттлинъ идетъ дальше. Глубокая ночь, но тишина не воцаряется: Парижъ забылъ, что значитъ спать. Мужчины, женщины, дѣти толпятся у дверей домовъ. Никто не знаетъ—ни чѣмъ это кончится, ни къ чему приведетъ. Никто не смѣетъ поручиться, что онъ увидитъ сегодня разсвѣтъ.

Вотъ онъ, наконецъ, Итальянскій бульваръ. Пора... Кеттлинъ чуть не падаетъ отъ усталости. Передъ ней высится колоссальная крѣпость, выстроенная инсургентами, съ запу-

Digitized by Google

танными входами и выходами, съ мрачными тоннелями. Ее защищаютъ 800 человѣкъ. Впрочемъ, теперь это количество понизилось до пятисотъ, но эти пятьсотъ не пойдутъ уже ни на какія уступки и сдѣлки. Версальцы бомбардируютъ крѣпость-баррикаду. Сосѣдніе дома объяты пламенемъ. Но эти пятьсотъ не сдаются и не сдадутся, пока не лягутъ всѣ мертвыми. Тридцать девять часовъ тянулся бой, отчаянный, на смерть. Но по прошествіи этихъ тридцати девяти часовъ,— крѣпость была взята версальцами.

И надо всѣмъ этимъ развѣвался, освѣщенный луной, красный флагъ—символъ крови и смерти.

X.

Вдова.

Востокъ поблѣднѣлъ, потомъ окрасился слабымъ свѣтомъ зари, разгоравшимся все ярче, и, наконецъ, огненный шаръ выплылъ изъ-за окраины горъ и освѣтилъ ужасную картину разореннаго, полуразрушеннаго Парижа.

А Кеттлинъ все продолжала ходить взадъ и впередъ по Итальянскому бульвару, инстинктивно останавливаясь по временамъ передъ тюрьмой гражданина Серизье. Она не стѣсняясь разспрашивала встрѣчныхъ о томъ, насколько справедливъ разсказъ о доминиканцахъ, и утромъ знала также мало, какъ вчера вечеромъ: одинъ говорилъ такъ, другой—иначе. Но ей удалось однако сдѣлать изъ всѣхъ этихъ разсказовъ, иногда противорѣчивыхъ, одинъ общій печальный выводъ: доминиканцы были, дѣйствительно, разстрѣляны, какъ стадо безотвѣтныхъ, покорныхъ барановъ.

Наконецъ Кеттлинъ нашла то, чего искала, то есть, несомнѣнную, очевидную истину. Судьба натолкнула ее на женщину, жившую противъ тюрьмы, и та разсказала ей, какъ произошло это кровавое, святотатственное дѣло, со всѣми его ужасающими подробностями.

— Кромѣ доминиканцевъ и ихъ прислуги, говорила она.—жертвою коммунаровъ палъ красивый молодой человѣкъ, брюнетъ съ сѣрыми глазами. Онъ могъ бы легко убѣжать въ этомъ общемъ хаосѣ, еслибъ не дѣлалъ отчаянныхъ по-

Digitized by Google

пытокъ спасти одного изъ доминиканцевъ, отца Кантье. Когда доминиканцы были разстрѣляны, онъ пустился бѣжать, но было уже поздно: его замѣтила красивая петролейщица, дравшаяся на баррикадахъ, какъ мужчина,—чортъ въ образѣ женщины, какъ можно ее назвать. Она дала сигналъ и пустилась съ шестью разбойниками въ погоню за бѣглецомъ. Имъ удалось догнать его, дать по немъ залпъ, и онъ упалъ вонъ тамъ, на углу той улицы, у фонаря.

Съ напряженнымъ вниманіемъ слушала Кеттлинъ разсказчицу, иногда прерывая ее короткими вопросами, съ такимъ спокойствіемъ, съ такой силой воли, что никто не догадался бы о томъ, какъ отзывалось въ ея сердцѣ каждое слово, каждая подробность разсказа. Но, должно быть, въ ея смертельно блѣдномъ лицѣ все таки отразилась большая мука, потому что, окончивъ разсказъ, добрая женщина спросила ее:

— Ужь не находите ли вы сходства между этимъ молодымъ человѣкомъ и кѣмъ нибудь изъ вашихъ близкихъ? Ваше лицо блѣдно, какъ смерть.

— Мой мужъ пропалъ безъ вѣсти, и я имѣю всѣ основанія думать, что это онъ.

— Боже мой, какое несчастье!

Въ тонѣ этой доброй женщины слышалось искреннее участіе. Она не принадлежала ни къ какой партіи и жила тихо, никого не трогая, перебиваясь со дня на день поденной роботой у маленькаго окна на чердакѣ, откуда и были видны ей всѣ ужасы бойни, совершавшейся надъ несчастными доминиканцами. Она всегда была на сторонѣ страдающаго, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ.

— Можетъ быть, вы знаете, чьихъ рукъ это дѣло? спросила Кеттлинъ.

— Да всѣ говорятъ, что это сдѣлано полковникомъ Серизье, начальникомъ 13-го легіона. Онъ приказалъ привести сюда доминиканцевъ и разстрѣлять ихъ. Онъ воодушевлялъ этихъ женщинъ-фурій, превосходившихъ кровожадностью самихъ коммунаровъ; наконецъ, онъ самъ, собственной рукою стрѣлялъ въ беззащитныхъ жертвъ, издѣваясь надъ ними и ругая ихъ самымъ грубымъ образомъ. Боже мой, вамъ, кажется, дурно? Вы такъ утомлены, такъ измучены! Не хоти-

Digitized by Google

те ли зайти ко мнѣ? Я могу угостить васъ кофе и хлѣбомъ. Теперь мы не голодаемъ такъ, какъ во время осады.

— Вы очень добры, отвѣчала Кеттлинъ:—я вамъ отъ души благодарна. Но мнѣ хочется скорѣе пойти туда, взглянуть на то мѣсто, гдѣ убитъ онъ. Скажите, вы не знаете, что̀ сдѣлали съ трупами?

— Версальцы убрали ихъ.

— Убрали? Но куда же, куда?

Отвѣта не было, да и не могло быть: такое количество вагоновъ съ трупами проѣзжало по улицамъ, что не было возможности указать, гдѣ зарывали однихъ, гдѣ другихъ. Собесѣдница Кеттлинъ была свидѣтельницей того, какъ 60 тѣлъ было выставлено, чтобы узнать, не найдутся ли у нихъ родственники. Но это было раньше, и мужа Кеттлинъ между ними не могло быть. Куда отвезли его,—никто, конечно, не скажетъ; можетъ быть, онъ похороненъ на кладбищѣ Лашезъ, гдѣ сваленъ въ общую яму...

Кеттлинъ отправилась къ узкой, грязной улицѣ. Двери и окна домовъ были затворены; на улицѣ—ни одного живаго человѣка; все точно замерло послѣ ужасовъ истекшей ночи. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Кеттлинъ остановилась у фонарнаго столба, чувствуя, что у нея подкашиваются ноги: она увидала на пескѣ засохшую лужу крови и слѣдъ человѣческаго тѣла, примявшій песокъ. Другаго слѣда не было; только одна жертва пала здѣсь, и эта жертва—онъ, ея любимый, навѣки потерянный мужъ!

Она упала на колѣни съ громкимъ рыданіемъ; за все время испытаній это были первыя ея слезы.

Церковные часы ударили четыре раза. Кеттлинъ вспомнила, что вышла изъ дому наканунѣ, въ шесть. Теперь конецъ ея странствованьямъ, теперь всему конецъ! Настало время физическаго отдыха и нравственной смерти. Она стояла на колѣняхъ, закрывъ руками лицо. Въ ея измученномъ сердцѣ волновались различныя чувства: то горячая любовь къ убитому мужу звала ее молиться за него, то страстная ненависть къ убійцѣ переполняла ее жаждою мести. Этотъ подлый убійца,—она его знаетъ теперь, она его найдетъ! Ни слѣпая толпа ожесточеннаго народа, ни эти фуріи, потерявшія человѣческій обликъ, не возбуждали ея ненависти; они были

Digitized by Google

слѣпыми орудіями въ рукахъ Серизье,—и онъ одинъ долженъ былъ за все поплатиться, онъ, ворвавшійся въ ихъ мирную жизнь, разбившій ихъ счастье и не пожалѣвшій даже этихъ монаховъ, которые не сдѣлали ни ему, ни кому другому ничего, кромѣ добра.

— Господи! убей его ударомъ грома, какъ онъ убилъ ихъ!— молилась эта незлобивая, кроткая женщина:—На томъ мѣстѣ, гдѣ умеръ мой мужъ, на колѣняхъ передъ тобою, Господи, я даю клятву, что не буду знать часа покоя, пока не накажу этого изверга!

Передъ нею открывалась цѣль: жизнь снова получила смыслъ, и бодрость сошла въ нее. Она встала съ колѣнъ и почувствовала, что изнемогаетъ отъ усталости. Надо было подкрѣпиться, для того чтобъ хорошенько обдумать предстоящую трудную задачу. Выдя на бульваръ, она увидала, что одинъ изъ ресторановъ открытъ. Она вошла туда, сѣла у стола близъ дверей и спросила себѣ кофе.

Легкій утренній вѣтерокъ набѣгалъ на ея лицо сквозь открытую дверь и какъ будто вдувалъ въ нее новыя силы. Ресторанъ наполнялся людьми, и Кеттлинъ начинало становиться неловко: первый разъ въ жизни она очутилась въ подобномъ мѣстѣ, въ подобномъ обществѣ: отецъ, няня Бидди, Роза, Гастонъ оберегали ее, какъ принцессу, отъ всего, что могло оскорбить ея эстетическое чувство. Сегодняшняя ночь познакомила ее съ такими явленіями и картинами, о которыхъ она не имѣла никакого представленія: грязныя блузы, обрызганные кровью мундиры, изувѣченные трупы, валяющіеся на тротуарахъ,—все это далеко превосходило все, что могло нарисовать ея воображеніе. Кофе и хлѣбъ нѣсколько оживили ее. Она начала внимательно прислушиваться къ разговорамъ и спорамъ посѣтителей; это были солдаты и рабочіе, ѣвшіе, пившіе и курившіе въ одно и то же время. Лицъ ихъ нельзя было разсмотрѣть за клубами дыма.

— Гарсонъ, рюмку абсента! послышалось изъ группы неподалеку отъ столика Кеттлинъ.

— Гарсонъ! Двѣ рюмки коньяку! раздалось изъ другой группы, сидѣвшей поодаль.

— Ужь не выпить ли намъ за здоровье Серизье? шутливо предложилъ кто-то изъ первой группы.

Digitized by Google

— А, кстати, не знаетъ ли кто нибудь, что съ нимъ сдѣлалось?—спросилъ другой:—говорятъ, будто онъ оставилъ Францію?

— И во-время, надо правду сказать,—вмѣшался третій:—наша кавалерія была въ концѣ улицы, когда эта скотина улизнула. Наши солдаты разыскиваютъ его по всему Парижу, но найдутъ ли — это вопросъ! Такая травленая крыса, какъ Серизье, съумѣетъ ловко спрятаться. Но отчаиваться никогда не нужно, и ему не миновать рукъ палача, если на свѣтѣ есть правосудіе. Не сегодня—завтра онъ намъ попадется. Такому палачу одна дорога—въ адъ.

— Это правда. Несчастные доминиканцы! Щадить Серизье значило бы оскорблять ихъ память. Нѣтъ, каналья, отъ насъ не уйдешь!

— А много онъ бѣдъ натворилъ. Вчерашній кровавый день—дѣло его рукъ.

— А 18-е марта? Развѣ не онъ состряпалъ его?

— Онъ первый коммунаръ. Я хорошо знакомъ съ его біографіей. Скомпрометированный во времена имперіи, онъ эмигрировалъ въ Бельгію, гдѣ и пробылъ до роковаго 4-го сентября. Это человѣкъ дьявольской силы. Онъ ненавидѣлъ священниковъ, кощунствовалъ надъ церквями, плевалъ на обряды и даже на самую религію. Онъ—звѣрь въ образѣ человѣка, настоящій тигръ. Но мы поймаемъ его, обрѣжемъ ему когти и выбьемъ зубы.

— Лишь бы найти его, а ужь мы ему покажемъ себя,—вставилъ свое замѣчаніе человѣкъ, до сихъ поръ молча пожиравшій свой завтракъ. Онъ сказалъ это съ такой энергіей, что Кеттлинъ невольно взглянула на него. Его руки и лицо были черны отъ пороха; платье и волосы—покрыты пылью и кровью. Побѣдители не нашли еще свободной минуты, чтобы привести въ порядокъ свой туалетъ.

— Вотъ то-то и есть, „лишь бы найти“. Я что-то не очень надѣюсь на это, замѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

— И я, вставилъ другой:—Серизье не такой человѣкъ, чтобъ ждать, когда трава выростетъ у него подъ ногами. Я думаю, онъ давно уже гуляетъ гдѣ нибудь за границей, или плыветъ въ Америку.

— Не такъ-то легко теперь улизнуть изъ Парижа, вмѣ-

Digitized by Google

шался въ разговоръ новый собесѣдникъ, до сихъ поръ упорно молчавшій:—не дальше, какъ вчера, мы убѣдились въ напрасныхъ попыткахъ Риго спрятаться отъ нашей мести; его достали изъ-подъ земли и поставили спиной къ стѣнѣ, какъ онъ любилъ ставить другихъ, во дни своей славы... И это Риго, котораго не всякій знаетъ..Серизье — дѣло другое. Онъ командовалъ 12-ю батальонами въ Шатильонѣ и въ Исси, и нѣтъ ни одного солдата изъ нашей арміи, который бы незналъ его въ лицо. Ему невозможно уйти незамѣченымъ. Говорятъ, что эти собаки-коммунары запаслись аэростатами, на которыхъ намѣрены летѣть въ Англію или Бельгію, предварительно спаливъ Парижъ, закончилъ разговоръ сидѣвшій неподалеку рабочій.

Всѣ засмѣялись, разговоръ перешелъ на другіе предметы, и пересталъ интересовать Кеттлинъ. Она расплатилась и вышла изъ ресторана.

Утро было ясное и свѣжее. Лучи солнца скользили по блѣднымъ лицамъ мертвецовъ, еще не убранныхъ съ улицъ и бульваровъ, гдѣ опавшіе листья деревьевъ покрыли ихъ золотымъ уборомъ. Фонари еще не были погашены, и ихъ тусклый умирающій свѣтъ безсильно боролся съ ярко разгоравшимся свѣтомъ наступающаго дня. Баррикадъ уже не было. Предмѣстья Парижа были заняты регулярной арміей,—и въ разрушенномъ городѣ воцарилось спокойствіе; но это было спокойствіе кладбища. Весь въ дыму и въ догоравшихъ развалинахъ, Парижъ напоминалъ собою только что потухшій вулканъ. Улицы Бокъ, Лиль и площадь министерства юстиціи дымились еще нѣсколько часовъ послѣ того, какъ пожаръ былъ затушенъ.

На половинѣ дороги къ дому, Кеттлинъ повстрѣчалась съ грустной процессіей: десятка четыре коммунаровъ, мужчинъ и женщинъ, закованныхъ въ цѣпи, покорно шли, окруженные конвоемъ, къ мѣсту казни. Суда надъ ними не было, да и быть не могло: ихъ схватили на мѣстѣ поджоговъ и примѣнили къ нимъ ту же систему, которой они сами держались, т. е. разстрѣляли ихъ, не слушая, не принимая никакихъ оправданій. И та же самая куча барановъ, которая во времена владычества коммуны покорно разстрѣливала всѣхъ, кого намѣчали коммунары, теперь съ такою же готовностью разстрѣливала ихъ самихъ.

Digitized by Google

Было десять часовъ, когда Кеттлинъ пришла, наконецъ, въ улицу Кёръ. Она съ трудомъ поднялась на лѣстницу и дрожащей рукой постучала въ дверь квартиры Дюрана. Утомленіе ея было такъ велико, что она почти не сознавала—ни гдѣ она, ни что съ нею. По дорогѣ Кеттлинъ шаталась изъ стороны въ сторону, натыкаясь на прохожихъ, ворчавшихъ, что она „хватила лишнее".

Когда Шубертъ отворила дверь, Кеттлинъ упала ей на руки въ полномъ изнеможеніи. Дверь въ комнату Розы была плотно притворена. М-me Шубертъ уложила Кеттлинъ на диванъ и отнеслась къ ней, какъ самый опытный врачъ. Смочивъ ей холодной водой голову и вливъ въ ротъ нѣсколько капель вина, Шубертъ прикрыла ее теплымъ одѣяломъ и вышла въ кухню, гдѣ лежалъ Филиппъ, наканунѣ контуженный въ руку на баррикадахъ. Шубертъ тихо разсказала ему о возвращеніи Кетлтинъ и о томъ, въ какомъ изнеможеніи она находилась. Филиппъ крѣпко пожалъ руку старухѣ.

— Добрая душа! Мы бы всѣ здѣсь перемерли, еслибъ не вы. Чѣмъ и когда отблагодаримъ мы васъ за все, что вы для насъ сдѣлали?

— Перестаньте, Филиппъ, какъ вамъ не стыдно! Я, одинокая, старая женщина, обезпеченная на всю жизнь рентой, не знала бы, куда дѣваться съ тоски, еслибъ у меня не было Розы и Кеттлинъ; я люблю ихъ, какъ родныхъ дочерей, и любила еще, когда вы ихъ не знали. Лежите спокойно и не волнуйтесь всякими пустяками. Я пойду теперь купать внука: малютка не любитъ воды и будетъ навѣрное громко протестовать. Но вы не обращайте на это вниманія. Когда я справлю тамъ всѣ дѣла, я приду перемѣнить вамъ компрессы.

Нѣсколько оправившись и собравшись съ силами, Кеттлинъ разсказала Шубертъ подробности своихъ мучительныхъ скитаній по Парижу. Но когда она заявила о своей увѣренности, что мужъ ея палъ жертвою ненависти Серизье, Шубертъ начала горячо опровергать ее, говоря, что пока въ рукахъ у нихъ нѣтъ явныхъ доказательствъ смерти Гастона, они не вправѣ его оплакивать.

— Развѣ у доминиканцевъ не могло быть друзей, кромѣ нашего Гастона? говорила она: — развѣ во Франціи нѣтъ высокихъ, красивыхъ брюнетовъ, кромѣ него? Нѣтъ, Кеттлинъ,

Digitized by Google

я рѣшительно не вижу ничего, что давало бы тебѣ серьезный поводъ считать себя вдовой.

— Однако, гдѣ же Гастонъ? Почему онъ не возвращается, почему не даетъ о себѣ вѣсти?

Добрая Шубертъ пожала плечами и грустно сказала:

— Мало ли какія причины могли задержать его. Подождемъ, не будемъ терять надежды.

— Онъ умеръ, сказала Кеттлинъ:—все равно, какъ и гдѣ, но онъ умеръ. Неужели вы думаете, что онъ могъ бы такъ долго оставлять меня въ неизвѣстности?

— Онъ, можетъ быть, арестованъ?

— Дай Богъ! Но я знаю, я увѣрена, я чувствую всѣмъ существомъ, что это онъ лежалъ въ той улицѣ, у фонаря, гдѣ я стояла на колѣняхъ.

— Кеттлинъ! послышался изъ сосѣдней комнаты голосъ Розы:—Кеттлинъ!

— Не ходи еще къ ней, быстро шепнула Шубертъ:—твое блѣдное лицо и запыленное платье напугаютъ ее, а ей предписанъ покой, пока не прошла слабость и лихорадка. Иди въ свою комнату, умойся, перемѣни платье и тогда уже приходи сюда. Она все время о тебѣ спрашивала. Мы лгали ей, говорили, что ты нездорова, и потому не можешь прійти.

— Кеттлинъ! снова послышался зовъ.

— Ея нѣтъ здѣсь, моя дорогая, громко отвѣтила Шубертъ, пріотворяя дверь:—но ей лучше, и когда я приберусь немножко, то схожу за ней.

— Ни слова о Гастонѣ и о томъ, что ты ходила искать его, снова зашептала она на ухо Кеттлинъ: — мы говорили, что онъ страшно занятъ теперь въ возродившемся журналѣ „Красное Знамя“. Затаи въ сердцѣ тревогу и старайся казаться беззаботной, разговаривая съ Розой.

— Хорошо, сказала Кеттлинъ, уходя: — я буду покойна, сколько могу.

Кеттлинъ сдержала слово, и когда черезъ четверть часа Роза увидалась съ ней, то, кромѣ худобы и блѣдности, легко объяснимыхъ болѣзнью, ничего не замѣтила въ лицѣ сестры. Кеттлинъ даже улыбалась, цѣлуя своего маленькаго племянника, и нѣжно качала его на рукахъ.

— Не находишь ли ты, что онъ выросъ? спросила Роза.

Digitized by Google

— Я, вообще, нахожу въ немъ большую перемѣну, отвѣтила Кеттлинъ: — подумай, вѣдь я не видала его три дня.

— Перемѣну? обиженно спросила Роза: — что же, къ лучшему или къ худшему?

— Конечно, къ лучшему, поспѣшила отвѣтить Кеттлинъ.

Но Розѣ и этотъ отвѣтъ былъ не по сердцу: ея крошка былъ такъ хорошъ, что не могъ измѣниться даже къ лучшему. Но она не выразила своего неудовольствія и продолжала по прежнему болтать съ сестрой, держа и нѣжно гладя ея руку. Она чувствовала себя вполнѣ счастливой теперь, когда исчезла тревога за Кеттлинъ, несмотря на то, что въ окна врывался свистъ ядеръ и грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ. Парижъ начиналъ привыкать къ этимъ ужасамъ, и не одна Роза относилась къ нимъ холоднѣе и безучастнѣе, чѣмъ вначалѣ. Находились даже люди, говорившіе, что эта „музыка Елисейскихъ полей напоминаетъ звуки органа". А Роза еще не знала и половины этихъ ужасовъ, тщательно скрываемыхъ отъ нея заботливыми друзьями.

— Филиппъ не пойдетъ больше на баррикады,—сказала она:—у него контужена рука; поврежденіе, благодаря Бога, не сильно, но онъ все таки не можетъ сражаться.

Кеттлинъ вздрогнула: передъ глазами ея снова прошла вереница блѣдныхъ тѣней, покорно идущихъ на казнь подъ конвоемъ, съ отчаяньемъ въ сердцѣ и мукой въ глазахъ. Она знала, что такая же судьба ждала всѣхъ, кто сражался противъ правительства и носитъ оружіе. „Мѣрнымъ шагомъ маршъ! Спиной къ стѣнѣ!"—и все кончено, и человѣкъ—трупъ.

— Гдѣ Гастонъ?—спросила Роза.—Шубертъ говорила мнѣ вчера, что онъ сидитъ теперь цѣлые дни въ редакціи. Воображаю, какъ ты рада, Кеттлинъ, что его газета опять пошла? Слава Богу, Парижъ успокоивается мало по малу. Надѣюсь, что Гастонъ не будетъ больше проповѣдывать необходимости революціи: довольно съ насъ ужасовъ коммуны.

— О да, довольно, слишкомъ довольно!—дрогнувшимъ голосомъ прошептала Кеттлинъ, сжимая холодныя руки.

Сестры провели вмѣстѣ весь день. Кеттлинъ укачивала маленькаго племянника и съ блѣдной улыбкой выслушивала радужныя мечты и надежды Розы.

Digitized by Google

Когда Роза уснула, Кеттлинъ вышла изъ комнаты, на порогѣ встрѣтилась съ Шубертъ, и, раньше чѣмъ та успѣла что нибудь сказать ей,—юркнула наверхъ въ свою квартиру. Тамъ она быстро надѣла шляпу, спустила на лицо густую вуаль и почти выбѣжала на улицу, гдѣ грохотали пушки и слышались свирѣпые крики: „остановись, или смерть тебѣ!“

Въ центральныхъ улицахъ Парижа наступило нѣкоторое успокоеніе; инсургенты разбрелись по окраинамъ, какъ, напр., кладбище Лашеза, улица Менильмонтанъ, Бельвилль, Бюръ и Шомонъ. Зданіе подгороднаго склада загорѣлось, и окрасило половину неба ярко багровымъ пламенемъ. Надъ величественными руинами ратуши парило огненное облако, заливая цвѣтомъ расплавленнаго золота почернѣвшія арки, башни, колонны и портики, надъ которыми красовалась когда-то легендарная надпись: „Свобода, братство и равенство“, сверкая своими золотыми буквами. Громовые раскаты пушечныхъ выстрѣловъ перемѣстились и раздавались теперь уже не съ центральныхъ улицъ Парижа, а съ высотъ Монмартра и Рокѐты.

— Не слыхали ли вы чего нибудь новаго о полковникѣ Серизье?—спросила Кеттлинъ, подойдя къ кучкѣ собравшихся женщинъ.

Но онѣ не знали даже, кто такой этотъ Серизье и, кромѣ того, были слишкомъ поглощены своимъ собственнымъ горемъ: одна изъ нихъ оплакивала мужа, безъ вѣсти пропавшаго нѣсколько дней тому назадъ; другія горевали о смерти своихъ близкихъ, о потерѣ имущества, сдѣлавшагося жертвою грабежа и пожара. Та, у которой пропалъ мужъ, разсказывала, горько плача, что его вызвали изъ семьи противъ воли; онъ былъ тихій, добрый мужъ и любящій, нѣжный отецъ бѣдныхъ, теперь осиротѣвшихъ, крошекъ.

— Его заставили идти сражаться и умереть на баррикадахъ, жаловалась бѣдная женщина.—Коммуна не знала пощады; будемъ надѣяться, что Тьеръ тоже не станетъ щадить ихъ, тѣмъ болѣе, что они разнесли въ куски его домъ.

Кеттлинъ побрела дальше. Никто изъ встрѣчавшихся ей на улицѣ ничего не зналъ о Серизье. Но что бы значило это волненіе на всѣхъ лицахъ? этотъ таинственный шопотъ,

Digitized by Google

перебѣгавшій отъ одного къ другому? Кеттлинъ вслушивается, и узнаётъ о новомъ страшномъ кровополитіи, разразившемся въ стѣнахъ тюрьмы Рокеты. Восемнадцать новыхъ жертвъ, и въ числѣ ихъ — архіепископъ парижскій, священникъ церкви Маделены и президентъ Бонжанъ.

Эти толки не были ложью; все произошло именно такъ, какъ разсказывали. А черезъ нѣсколько часовъ, на высотахъ Бельвиля, разъяренная чернь замучила до смерти священника, нѣсколько человѣкъ солдатъ, всего пятьдесятъ двѣ жертвы. Но объ этомъ пока еще не знали, и страшный слухъ не успѣлъ еще стать достояніемъ толпы.

Ровно въ полночь Кеттлинъ вернулась домой. Она все время бродила по Парижу, заходя то въ ту, то въ другую улицу, прислушиваясь къ разговорамъ, разспрашивая. Но никто не сказалъ ей ничего, что могло бы бросить хоть слабый лучъ свѣта на кровавую трагедію, разыгравшуюся у Итальянскаго бульвара, никто не могъ назвать имени того негодяя, отъ руки котораго погибъ Гастонъ.

XI.

Задача Кеттлинъ.

Подошелъ праздникъ Троицы. Конецъ мая считается обыкновено лучшимъ временамъ года во Франціи, но тутъ, какъ будто не желая освѣщать картину смерти и разрушенія, солнце упорно пряталось за тучи. Природа хмурилась; бурный вѣтеръ со свистомъ носился по улицамъ Парижа и такъ сильно рвалъ все на пути, что ветхіе домики въ улицѣ Кёръ едва выдерживали его натискъ. Разбушевавшаяся непогода какъ будто заключила договоръ съ человѣческими страстями: къ грому пушекъ присоединился небесный громъ, и непрерывный проливной дождь стучалъ въ окна.

А пушечные выстрѣлы не смолкали,—и съ высотъ Монмартра, Бельвиля и Менильмонтана войска продолжали громить Парижъ. Инсургенты утратили послѣдніе остатки разума; ихъ уже ничто не могло удержать: они рѣзали, стрѣляли и жгли безпощадно, направо и налѣво, какъ слѣпая

Digitized by Google

стихійная сила,—дико, ожесточенно, безъ разбора, съ остервенѣніемъ. Они не знали пощады. Вчера они схватили сто сорокъ восемь человѣкъ, и бросили ихъ въ Макзасъ. Сегодня, въ праздникъ Троицы, ихъ повели къ кладбищу Лашеза, не взирая на бурю и непогоду. Туда, къ мѣсту вѣчнаго покоя, цвѣтовъ, зелени и памятниковъ, приводятъ ихъ связанныхъ, ставятъ по десяти въ рядъ и разстрѣливаютъ, какъ дикихъ звѣрей, въ виду богатыхъ памятниковъ, подъ которыми спятъ вѣчнымъ сномъ знаменитые и славные люди своего времени, въ виду могилы замученнаго архіепископа и его товарищей по несчастію. Мудрено ли, что войско разстрѣливало коммунаровъ вездѣ, гдѣ захватывало ихъ: одни умирали, какъ герои, съ послѣднимъ крикомъ: „да здравствуетъ коммуна"! Другіе, видя передъ собой неизбѣжную смерть, просили пощады; они, безстрашные во время торжества коммуны, построившіе такія баррикады, которыя могли бы поспорить съ любой крѣпостью, струсили передъ казнью, но ихъ, конечно, не пощадили.

Численность инсургентовъ простиралась до тридцати тысячъ; это были больше пролетаріи, присягнувшіе коммунѣ на вѣрность; когда же побѣдило законное правительство—они готовы были точно также присягнуть и ему, охваченные жаждою жизни.

День клонился къ вечеру, а ужасы убійствъ и насилій не ослабѣвали, дома дрожали отъ грохота выстрѣловъ и свиста ядеръ. Но когда на землю спустились сумерки, Парижъ вдругъ затихъ, точно заснулъ мертвымъ сномъ. Могильная тишина! Непонятное, необъяснимое спокойствіе!

— Господи! Что же это такое? Вымерли всѣ, что ли? — съ недоумѣніемъ спрашивали себя рабочіе, отдыхавшіе въ этотъ праздничный день отъ своихъ тяжкихъ трудовъ. Они такъ привыкли къ паникѣ и шуму Парижа, что начали бояться его спокойствія. Парижъ точно праздновалъ въ этотъ день отдыхъ отъ своихъ кровавыхъ трудовъ. Только одинъ работникъ не зналъ устали, и имя ему было—смерть.

Это страшное, такъ внезапно наступившее, спокойствіе было дѣйствительно „мертвымъ" спокойствіемъ: смерть похищала свои жертвы тихо, незримо. Парижъ спалъ. Только колонна въ 6000 человѣкъ тянулась по бульвару, но она шла

Digitized by Google

тихо, робко, стыдясь самой себя: это были инсургенты, сдавшіеся въ Бельвилѣ. Конецъ кровавымъ расправамъ! Чаша отчаянья выпита до дна. Больше некого убивать, некого арестовать. Гроза разрѣшилась, и удары ея одинаково поразили и преступныхъ, и ни въ чемъ неповинныхъ.

Май подошелъ къ концу. Этотъ мѣсяцъ, считающійся священнымъ у французовъ, и вообще у католиковъ, называющійся „мѣсяцемъ Божіей Матери", записанъ кровавыми буквами на страницы исторіи и пріобрѣлъ печальное значеніе, омывшись кровью, крестившись огнемъ. Парижъ оживился, отворились городскія ворота, пропуская любопытныхъ, съѣхавшихся со всего свѣта взглянуть на развалины столицы.

Англичане и американцы подходили къ каждой развалинѣ, лорнировали ее, осматривали со всѣхъ сторонъ, какъ развалины Помпеи или Геркуланума, носившія слѣды классическаго міра,—и отходили разочарованные, жалѣя о томъ, что Парижъ не обратился въ одну сплошную руину: тогда зрѣлище было бы еще величественнѣй.

Въ пасмурный день 7-го іюня, мимо печальныхъ руинъ домовъ и дворцовъ, тянулась длинная похоронная процессія: везли въ жилище покоя и мира убитаго архіепископа. Не слышно было ни звуковъ похороннаго марша, ни барабаннаго боя; ничто не нарушало сонной, давящей тишины; слышался только топотъ копытъ, шаги солдатъ, да скрипъ артиллерійскихъ телѣгъ. Послѣ долгихъ странствованій изъ одной тюрьмы въ другую, мученикъ успокоился наконецъ, и бренные останки его везли въ вѣчный пріютъ, среди глубокой тишины, по пропитаннымъ кровью улицамъ разореннаго города. Съ кладбища Лашезъ, трупъ монсиньора Дарбуа, везли хоронить рядомъ съ знаменитыми людьми Франціи.

Горе Кеттлинъ не могло не встрѣтить горячаго отклика въ сердцѣ Розы; но личная жизнь жены Филиппа Дюрана была такъ полна довольства и счастія, что ихъ трудно было нарушить; кромѣ того, теперь у нея руки были полны дѣла: то она няньчилась со своимъ крошкой, то бѣгала въ рынокъ за провизіей, то прибирала свою квартирку. Окна тонули въ цвѣтахъ и зелени, также какъ и столъ, за которымъ работалъ Филиппъ. Онъ уже совершенно оправился, и снова принялся за отдѣлку своего знаменитаго буфета. Зато

Digitized by Google

жизнь бѣдняжки Кеттлинъ была еще тяжелѣе въ эти дни водворившагося общественнаго успокоенія. Ей казалось временами, что она сама умерла и кругомъ всѣ—мертвые. Ничѣмъ не выдавала она своей глубокой внутренней тоски, но лицо ея, исхудалое и безкровное, казалось безжизненнымъ, застывшимъ. Она не плакала, не жаловалась, но сама предпочла бы и то и другое этой деревянной апатіи; видно было, что для нея жизнь—тяжкое бремя. Остановившійся, растерянный взглядъ, медленная походка, молчаливая безропотность и апатичная покорность судьбѣ—служили признакомъ безнадежно, навѣки разбитаго сердца. Роза и Филиппъ дѣлали все, что было въ ихъ силахъ, чтобы чѣмъ нибудь развлечь ее, оторвать отъ убивающей ее мысли о потерянномъ мужѣ; они убѣждали Кеттлинъ отказаться отъ квартиры, полной отравляющихъ воспоминаній, и поселиться у нихъ, въ маленькой мастерской Филиппа.

— Милая моя—говорила ей Роза—согласись переѣхать къ намъ. Ты опять сдѣлаешься моей дочкой, а мой малютка скоро станетъ такимъ умнымъ и занимательнымъ, что не дастъ тебѣ задумываться.

— Ты и Филиппъ безмѣрно добры ко мнѣ, дорогая Роза,—отвѣчала Кеттлинъ на настойчивыя просьбы сестры.—Знаю, что мнѣ было бы у васъ и покойно, и удобно; но я не могу принять твоего предложенія, не могу бросить моего уголка до тѣхъ поръ, пока не получу полной увѣренности, что мой бѣдный мужъ дѣйствительно умеръ. Подумай сама, Роза,—прибавила она, тяжко вздыхая,—что̀ почувствуетъ Гастонъ, когда, вернувшись, найдетъ разоренными и сваленными въ кучу свои любимыя книги? Я думаю, что это будетъ плохимъ доказательствомъ моей любви къ нему, моей заботы о немъ.

Роза ничего не могла сказать противъ этой аргументаціи; видя отчаянье Кеттлинъ, трауръ, который носила осиротѣвшая женщина, и ея равнодушное отношеніе къ жизни, Роза была увѣрена, что въ сердцѣ сестры нѣтъ ни луча надежды. Сегодня Кеттлинъ въ первый разъ заговорила съ ней о Гастонѣ, и Роза убѣдилась,что надежда еще теплится; слабая, еле мерцающая, надежда эта все таки не угасала и, какъ̀ знать, не она ли давала силу жить? Съ этихъ поръ Роза не позволяла себѣ настаивать на переселеніи къ нимъ сестры.

Digitized by Google

— Слава Богу, что у нея еще есть хоть какая нибудь вѣра въ то, что Гастонъ можетъ вернуться,—говорила она мужу.—Теперь она живетъ этой надеждой, а тамъ..... что Богъ дастъ.—Посмотри, съ какой заботой она каждый день вытираетъ пыль съ его книгъ; тщательно убираетъ его рабочій кабинетъ. Я часто застаю ее перечитывающей его статьи; это—ея бесѣда съ нимъ. Такимъ образомъ она создаетъ себѣ внутреннюю жизнь и въ ней находитъ отвлеченіе отъ гнетущей тоски.

Кеттлинъ, дѣйствительно, нигдѣ не чувствовала себя такъ хорошо, какъ въ кабинетѣ мужа. Она перечитывала не только его статьи, но и книги, изъ которыхъ онъ черпалъ свои знанія. Между этими книгами ей попались стихотворенія Мюссе, которыя Гастонъ любилъ читать ей вслухъ; перечитывая ихъ одна, она какъ будто слышала голосъ мужа и чувствовала жгучее наслажденіе, растравляя этими воспоминаніями свою больную сердечную рану. Она жила имъ теперь еще больше, чѣмъ когда онъ былъ подлѣ нея. Каждое утро она ставила на его рабочій столъ свѣжій букетъ цвѣтовъ, со вздохомъ выбрасывая старый. Но между тѣмъ, въ глубинѣ души, она была убѣждена, что эта лужа крови, видѣнная ею въ глухомъ переулкѣ, была кровью Гастона.

Каждый день, съ наступленіемъ вечера, покончивъ съ домашними работами, Кеттлинъ надѣвала свое траурное платье, покрывала лицо чернымъ крепомъ, и шла бродить по улицамъ Парижа, прислушиваться къ говору праздной толпы и ждать отъ нея хоть косвенныхъ указаній къ разрѣшенію своей сложной и трудной задачи. Кеттлинъ привыкла къ толпѣ, и толпа привыкла къ ней, признавая ее одною изъ пострадавшихъ жертвъ страшнаго времени. Ея черное платье, креповая шляпка ограждали ее отъ наглости встрѣчныхъ; многіе молча любовались ея смертельно-блѣднымъ лицомъ, почтительно уступали ей дорогу и охотно отвѣчали на ея вопросы; не смотря на одиночество, молодость и красоту, никогда никто не позволилъ себѣ оскорбить ее даже любезностью, не только пошлостью. Она бестрашно бродила по самымъ глухимъ улицамъ, по самымъ пустыннымъ закоулкамъ. Было что-то величаво-спокойное въ ея медленной походкѣ, въ ея усталыхъ движеніяхъ, въ небрежной граціи поворота ея красивой головы.

Digitized by Google

Вся фигура ея, манеры, тихій голосъ, которымъ она предлагала вопросы,—внушали невольное уваженіе и участіе, и, при взглядѣ на нее, у отчаяннаго гуляки не шевельнулась бы грѣшная мысль, оскорбительная для этой чистой женщины.

Передъ нею вереницами проходили арестованные инсургенты, привязанные другъ къ другу, съ понуро склоненными головами и лицами, на которыхъ рѣзко отпечатывались гордость и ненависть. Водворившееся въ Парижѣ спокойствіе было только кажущимся: аресты и казни продолжались. Инсургентовъ конвоировали полки солдатъ. Разъяренная толпа бросалась на арестантовъ, готовая растерзать ихъ; женщины, въ особенности, выходили изъ себя и неистово кричали: „Смерть убійцамъ! Смерть поджигателямъ"! Когда который нибудь изъ этихъ несчастныхъ падалъ на землю отъ изнеможенія, солдаты поднимали его и сажали въ карету, слѣдовавшую за конвоемъ. Тогда поднимался шумъ и ропотъ толпы и дикіе крики: „Нѣтъ, не надо! Что за снисхожденіе! Разстрѣливайте на мѣстѣ!" Оскорбленія и поруганія сопровождали коммунаровъ по пути къ могилѣ и прекращались только когда ихъ приводили въ Саторійскій лагерь, гдѣ мѣстомъ успокоенія имъ служила сырая земля, покровомъ—безоблачный сводъ голубаго неба. Какъ знать, не были ли между этими горемыками, закованными въ кандалы и связанными веревками, участники въ процессіи 27 мая, когда Эмиль Гоа гналъ священниковъ на казнь въ улицу Гакса? Они не церемонились тогда,—и теперь съ ними поступали точно также. День мести насталъ; расправа была короткая и кровавая. Населеніе Парижа было ожесточено убійствами и страданіями.

Но всѣ странствованія Кеттлинъ по бульварамъ, набережнымъ, улицамъ и переулкамъ не приводили къ желанному результату: имя Серизье не упоминалось никѣмъ, и никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Кеттлинъ заглянула даже въ Елисейскія поля, но увидавъ, что тамъ уже воцарилось прежнее веселье,—рѣшила, что тамъ она ничего не узнаетъ, и больше уже не возвращалась туда. Но она не падала духомъ и все продолжала бродить, прислушиваться, разспрашивать. Никто не слыхалъ, куда дѣвался Серизье; нѣкоторые не знали даже его имени, другіе, слыхавшіе о немъ, предполагали,

Digitized by Google

что онъ убитъ на баррикадахъ въ Бельвилѣ или разстрѣлянъ въ Мазасѣ съ другими инсургентами. Все это было гадательно и очень сомнительно. Но Кеттлинъ все таки продолжала ходить, прислушиваться, разспрашивать, и настойчивость ея была, наконецъ, вознаграждена.

Это было въ чудный іюньскій вечеръ; звѣзды уже высыпали на небо и узенькій рогъ луны озарилъ Парижъ голубоватымъ свѣтомъ. Изъ оконъ Собора Богоматери лился яркій свѣтъ и разносились торжественные звуки органа. Кеттлинъ стояла на паперти, погруженная въ молитву, когда неподалеку отъ нея раздался говоръ двухъ незнакомыхъ людей, и одинъ изъ нихъ отчетливо и громко произнесъ имя Серизье. Кеттлинъ вся обратилась въ слухъ. Разговаривающіе не стѣснялись мѣстомъ, и говорили такъ громко, что до нея долетало каждое слово. Очевидно, это не были люди, расположенные къ Серизье, хотя по тону, которымъ они говорили, ихъ можно было принять за его приверженцевъ.

— Навѣрное ему удалось бѣжать, сказалъ одинъ.—Ума у него не меньше, если не больше, чѣмъ у Феррэ и Риго, и онъ не скоро дастся въ руки.

— Ты когда видѣлъ его въ послѣдній разъ?—спросилъ другой.

— 25-го мая вечеромъ я встрѣтился съ нимъ на площади Жанны Д'Аркъ. Видъ у него былъ ужасный: онъ дрожалъ съ головы до ногъ, его била лихорадка отъ страха быть пойманнымъ. Я никогда не думалъ, чтобъ этотъ негодяй былъ, къ довершенію всего, такимъ трусомъ. Онъ доказалъ, что „убивать“ — не то, что „быть убитымъ“. Серизье не сомнѣвался, что ему не миновать самой лютой казни, если его схватятъ, а спрятаться ему было трудно въ платьѣ, залитомъ кровью доминиканцевъ. Онъ обратился ко мнѣ съ просьбой выручить его.

— Ты ему отказалъ?

— Разумѣется, нѣтъ. Какъ бы ни былъ мерзокъ человѣкъ, но у кого достанетъ духу оттолкнуть его въ такую минуту? Я защитилъ бы всякое животное, еслибъ за нимъ гнались охотники. Я отвелъ Серизье къ моей замужней сестрѣ, въ улицу Шато-Рантье, и помѣстилъ у нея въ подвалѣ, имѣвшемъ два выхода; отличный уголокъ, гдѣ можно спрятать

Digitized by Google

кого хочешь. Я далъ ему поужинать и пожертвовалъ старый коверъ на постель.

На другой день Серизье переодѣлся въ мою блузу, сбрилъ усы, и на разсвѣтѣ ушелъ изъ дома моей сестры.

— И ты думаешь, что онъ ушелъ изъ Парижа?

— Онъ былъ бы большой дуракъ, еслибъ не сдѣлалъ этого, зная, что за нимъ охотятся по всему Парижу.

— Но вопросъ въ томъ, могъ ли онъ убѣжать? У него типичная рожа разъяреннаго бульдога и узнать его всегда можно, какъ онъ тамъ ни переодѣвайся. Кромѣ того, у него куча враговъ, всегда готовыхъ выдать его правительству. Послѣдняя выходка съ доминиканцами была такъ жестока и безцѣльна, что оттолкнула отъ него даже насъ, интернаціоналовъ.

— Да, онъ хватилъ черезъ край.

— Это сознаётъ всякій. Какой же чортъ поможетъ ему скрыться изъ Парижа? Нѣтъ, по моему, Серизье легче спрятаться въ Парижѣ, чѣмъ убѣжать изъ него.

— Я согласенъ, что тогда ему почти невозможно было бѣжать; но съ тѣхъ поръ прошло такъ много времени, что онъ ужь навѣрное скрылся. Я почти увѣренъ, что онъ переселился куда нибудь въ провинцію, и живетъ тамъ работой; онъ отличный скорнякъ, а съ ремесломъ за плечами въ наше время не пропадешь.

— Но у него навѣрное много денегъ? Онъ грабилъ, не стѣсняясь.

— Онъ ничего не успѣлъ захватить съ собой: застигнутый врасплохъ, онъ только спасалъ свою шкуру.

Разговоръ перешелъ на другіе предметы; но Кеттлинъ узнала главное, что ей было нужно: профессію Серизье. До сихъ поръ она знала только, что онъ былъ командиромъ 101 батальона и искать его теперь было очень трудно.

„Переселился куда нибудь въ провинцію и живетъ тамъ работой“, вспоминала она.—Но куда въ провинцію? Провинцій много. Вѣроятно, онъ выбралъ одинъ изъ большихъ городовъ, гдѣ товаръ его можетъ найти больше сбыта“. Руанъ, Гавръ, Ліонъ, Туръ и другіе города проносились пестрой вереницей въ воображеніи Кеттлинъ, когда она тихо брела домой. Задача ея облегчилась, но все таки была еще недостижима.

Digitized by Google

„Здоровье, силы, самую жизнь я отдамъ, лишь бы найти убійцу Гастона,—говорила она,—и своими руками отдамъ его правосудію, которое онъ такъ долго попиралъ!“

Всю эту ночь Кеттлинъ не сомкнула глазъ, и провела у раскрытаго окна, обдумывая планъ дѣйствій. Воздухъ дышалъ мягкой теплотой; плыла золотая луна по чистому, какъ хрусталь, небу, и заливала фосфорическимъ свѣтомъ черныя обугленныя развалины. Когда на востокѣ засеребрилась полоска пробуждающейся зари, и блѣдныя звѣзды, мигая, потухли,—Кеттлинъ отошла отъ окна и съ рѣшительнымъ видомъ начала одѣваться.

Планъ былъ готовъ, оставалось приступить къ выполненію. Разговоръ, подслушанный Кеттлинъ на паперти Собора Богоматери, по зрѣломъ обсужденіи его до мельчайшихъ подробностей, убѣдилъ ее въ томъ, что Серизье не могъ уйти изъ Парижа и искать его надо здѣсь: во-первыхъ—ему не безопасно было бѣгство, а во-вторыхъ—у него не было денегъ, необходимыхъ хотя бы для короткаго путешествія. Совершить это путешествіе пѣшкомъ,—какъ сдѣлали Кеттлинъ и Роза,—Серизье, разумѣется, не могъ, избалованный комфортомъ и роскошью за время своего неограниченнаго владычества надъ Парижемъ, развращенный лѣнью и пьянствомъ. Одѣвшись въ блузу рабочаго, онъ будетъ считать себя въ безопасности, вращаясь въ средѣ интернаціоналовъ, изъ которыхъ ни одинъ, конечно, не выдастъ его; кромѣ того, интернаціоналы, распространившіеся по всей Европѣ, имѣютъ съ нимъ больше общаго, чѣмъ съ новымъ правительствомъ, орудіями котораго служатъ версальцы.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

ВОПРОСЫ ДНЯ.

Земскія учрежденія.

Весьма недавно посѣтили мы земскія собранія,—губернское и уѣздное,—въ одной изъ центральныхъ и замѣчательнѣйшихъ нашихъ губерній, и находимся подъ самыми свѣжими ихъ впечатлѣніями. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, земская дѣятельность вызываетъ въ мыслящемъ человѣкѣ много размышленій. Она должна возбуждать въ каждомъ, еще невполнѣ погрязнувшемъ въ новѣйшей всеобщей апатіи, сильный интересъ. Но тѣ же обстоятельства времени обязываютъ всякаго совѣстливаго человѣка къ осторожности и сдержанности въ сужденіяхъ о земствѣ. Оно не оберется теперь враговъ. Однако правда, прямодушно высказанная, всегда ко времени. Когда-то горько ошибались тѣ мудрые государственные мужи стараго закала, которые, потому ли, что многое знали, чего не хотѣли сказать, или—скорѣе—потому, что не знали, что̀ сказать—ссылались, въ своемъ молчаніи, на старинную французскую поговорку: «toute vérité n'ést pas bonne à dire» (не всякую истину полезно высказывать). И правда и ложь, сколько бы онѣ ни замалчивались въ свое время, всплывутъ же наружу, рано или поздно; а тѣмъ долѣе *та и другая* затаиваются подъ спудомъ, т. е. передаются втихомолку между людьми, отъ одного къ другому (какъ иначе и быть не можетъ), тѣмъ болѣе позднѣйшее, неизбѣжное ихъ разоблаченіе производитъ въ обществѣ сильныя и неожиданныя ощущенія, которыя вредятъ постепенности развитія и правильности жизни. Это очень элементарная истина; но приходится въ иное время припоминать и такія истины.

Поэтому, даже при величайшемъ сочувствіи къ нашему земству, нѣтъ причины не говорить объ немъ и его несовершенствахъ, какъ бы ни было много враждебныхъ чувствъ, которыми оно окружено въ настоящее время. Изученіе его недостатковъ для исправленія ихъ есть лучшій путь добросовѣстнаго ему служенія, чтобы охранить прогрессивное развитіе земскихъ учрежденій въ будущемъ,—если только это возможно. Поэтому, мы и рѣшаемся сообщить нѣкоторыя наши впечатлѣнія и размышленія по поводу недавнихъ земскихъ собраній, въ связи съ непрерывными нашими наблюденіями относительно земскихъ учрежденій, съ самаго ихъ основанія, хотя въ летучихъ жур-

Digitized by Google

нальныхъ замѣткахъ мы вынуждены ограничиться весьма немногимъ и не можемъ коснуться многаго, даже существеннаго. Намъ казалось, что нельзя избрать лучшей темы для начала предполагаемыхъ нами бесѣдъ о «вопросахъ дня». Въ вопросахъ о земствѣ заключается самая острая злоба дня, если не именно текущаго, то ближайшаго будущаго, хотя бы наша такъ называемая «просвѣщенная» публика и интересовалась гораздо больше другими дѣлами и даже дрязгами,—преимущественно иностранными, которыми всего легче и пріятнѣе заниматься, не чувствуя на себѣ ни малѣйшей за нихъ отвѣтственности. Но кореннымъ условіемъ того или другаго теченія всѣхъ этихъ важныхъ и неважныхъ иностранныхъ дѣлъ все таки служитъ, прежде всего, то или другое теченіе внутренней жизни *).

Находясь подъ упомянутыми выше недавними нашими впечатлѣніями, не можемъ прежде всего не подумать о рѣзкомъ различіи характера губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній; сравнительныя впечатлѣнія въ этомъ отношеніи, когда посѣщаешь нервыя вслѣдъ за послѣдними, особенно сильны. Хотя бы личный составъ губернскихъ собраній былъ несравненно блистательнѣе уѣздныхъ—или, какъ у насъ любятъ выражаться, «интеллигентнѣе»,—но занятія послѣднихъ гораздо дѣльнѣе и, пожалуй, даже серьезнѣе. Уѣздное земское представительство ближе стоитъ къ дѣлу, имѣетъ въ своей средѣ гораздо бо̀льшее число людей дѣйствительно, а не на словахъ только, заинтересованныхъ дѣломъ и его знающихъ. Этого рода люди, занятые на своемъ мѣстѣ, не расположенные къ отлучкамъ и, наконецъ, мало способные къ «рѣчамъ», произносящимся въ губернскихъ собраніяхъ, избѣгаютъ должности губернскаго гласнаго. Сюда принадлежатъ по преимуществу крестьяне,—т. е. *настоящіе* (а не выродившіеся) крестьяне,—которые на уѣздныхъ собраніяхъ являются наиболѣе свѣдущими людьми и доставляютъ всего болѣе фактическихъ и къ тому же добросовѣстныхъ свѣдѣній, вообще чуждыхъ большинству земскихъ «ораторовъ». Изобилуютъ ораторами только губернскія собранія. Въ нихъ тратится по пустому много времени на говоренье. Однимъ словомъ, уѣздныя собранія и ихъ пренія гораздо производительнѣе для земскаго хозяйства, чѣмъ губернскія собранія, хотя бы формы послѣднихъ и были благообразнѣе и приличнѣе; на уѣздныхъ собраніяхъ, вслѣдствіе ихъ менѣе благовоспитаннаго состава, бываютъ слова и выходки рѣзкія, грубыя, что̀ называется первобытныя, рѣже встрѣчающіяся въ средѣ губернскихъ гласныхъ.

Это относительное благообразіе и благовоспитанность губернскихъ собраній,—имѣющія, впрочемъ, свои крупныя исключенія, — нисколько не мѣшаютъ тому, что въ нихъ гораздо чаще, чѣмъ въ уѣздныхъ собраніяхъ,

*) Это писано до опубликованія германо-австрійскаго договора.

Digitized by Google

рѣшеніе дѣлъ искажается личными своекорыстными интересами и темными интригами. Именно, вслѣдствіе меньшаго числа людей, близко знающихъ дѣло, практически имъ интересующихся и способныхъ распознать своекорыстный интересъ и интригу, тотъ и другая удобнѣе пролагаютъ себѣ путь въ губернскихъ собраніяхъ. При этомъ спѣшимъ замѣтить, что изо всего мною сказаннаго о дѣловомъ превосходствѣ уѣздныхъ собраній надъ губернскими бывали рѣзкія исключенія: въ иныхъ уѣздныхъ земствахъ,—и въ съѣздахъ избирателей, и въ собраніяхъ гласныхъ, и въ управахъ,—обнаруживалась крайняя неурядица, подъ вліяніемъ стачки личныхъ интересовъ, захватывавшей въ свое распоряженіе общіе интересы. Въ этихъ, всѣмъ извѣстныхъ случаяхъ происходили, — не только по формѣ, но и по существу,—безобразія, доходившія до такихъ крайнихъ предѣловъ, какіе невозможны въ губернскихъ собраніяхъ. Въ этихъ необыкновенныхъ случаяхъ являются, для отпора, въ губернской земской средѣ высшіе умственные элементы, *лучшія* общественныя силы, которыя гораздо слабѣе представлены въ уѣздныхъ земствахъ. Но эти случаи рѣдки. Я старался нарисовать здѣсь картину земской жизни съ тѣмъ безпристрастіемъ, котораго не любитъ большинство современныхъ русскихъ публицистовъ, бросающихся то въ ту, то въ другую односторонность сужденій.

Сравнивъ губернскія земскія собранія съ уѣздными, мы вслѣдъ за тѣмъ должны коснуться вопроса объ отношеніяхъ губернскаго земства и губернскаго земскаго хозяйства — къ уѣзднымъ. Это—одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ въ кругу нашихъ земскихъ учрежденій. По этому предмету мнѣ пришлось вынести изъ послѣднихъ земскихъ сессій особенно много наблюденій. Съ этимъ предметомъ, дающимъ поводъ къ разнымъ теоретическимъ спорамъ, связано много чисто практическихъ недоразумѣній въ нашей земской жизни. Подчинены или не подчинены уѣздныя земства губернскимъ,—уѣздныя земскія собранія, управы и ихъ органы губернскимъ? Вотъ вопросъ, который возбуждаетъ много недоумѣній. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, написанное вообще торопливо, подъ вліяніемъ безотлагательной минутной нужды и безъ строго обдуманной системы основныхъ началъ, не разрѣшаетъ этихъ недоумѣній, которыя болѣе и болѣе накоплялись съ развитіемъ земской дѣятельности. Это законоположеніе также точно не разрѣшаетъ и много другихъ недоумѣній. По его буквѣ, отношенія губернскихъ земскихъ учрежденій къ уѣзднымъ весьма неопредѣленны и даже во многихъ случаяхъ туманны. Эти отношенія сдѣлались еще болѣе запутанными съ дальнѣйшимъ распространеніемъ нѣкоторыхъ полномочій губернскихъ земскихъ органовъ, въ томъ числѣ права на изданіе обязательныхъ постановленій по разнымъ частямъ *для всей губерніи*. Тутъ вопросъ о степени подчиненности уѣздныхъ земскихъ органовъ губернскимъ дѣлается еще болѣе затруднительнымъ.

Безспорно, что, съ точки зрѣнія теоріи государственнаго права, ни-

Digitized by Google

какая самоуправляющаяся мѣстная государственно-общественная единица и ея административные органы не могутъ быть прямо подчинены другой высшей единицѣ и ея органамъ, подобно административнымъ инстанціямъ бюрократическаго типа. Такая подчиненность была бы не только коренным отрицаніемъ основныхъ принциповъ самоуправленія, которое подчиняется только закону и суду, но она и практически невыполнима. Это признаетъ и нашъ законъ; положеніе о земскихъ учрежденіяхъ весьма выразительно установило *самостоятельность* уѣзднаго земства и его органовъ относительно губернскихъ. Эта сторона, административная или, лучше, *государственно-юридическая* въ отношеніяхъ губернскихъ земскихъ учрежденій къ уѣзднымъ—довольно ясна, хотя и требуетъ болѣе точныхъ опредѣленій въ законѣ. Для осуществленія этихъ опредѣленій и для разрѣшенія всѣхъ мелкихъ пререканій между земскими учрежденіями, а также между ними и мѣстными (главнѣйше—уѣздными) бюрократическими властями, нужны новые *мѣстные судебно-административные* органы.

По административной юстиціи, мы имѣемъ въ лицѣ правительствующаго сената (преимущественно его перваго департамента и перваго общаго собранія) превосходное учрежденіе, которому завидуютъ даже передовыя западно-европейскія государства. Вопросъ объ административной юстиціи вступилъ въ сознаніе европейскаго общества весьма недавно; еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ былъ никому невѣдомъ, даже людямъ науки. Въ новѣйшее время, всюду сдѣлано много усилій къ созданію судебно-административныхъ органовъ, отличныхъ и по своему составу, и по процедурѣ отъ обыкновенныхъ судовъ. Этотъ вопросъ разработанъ главнымъ образомъ учеными Германіи (между прочимъ, Гнейстомъ и Л. Штейномъ) и вездѣ еще далекъ отъ своего полнаго разрѣшенія. Но одного верховнаго судебно-административнаго судилища для всего государства, каковъ нашъ сенатъ, недостаточно, какъ это и признано въ Пруссіи. Съ устройствомъ новѣйшихъ учрежденій мѣстнаго самоуправленія въ Пруссіи, весьма сходныхъ съ нашими земскими учрежденіями, тамъ были учреждены подлѣ нихъ мѣстные административные суды (Verwaltungs Gerichte). Чѣмъ самостоятельнѣе и чѣмъ дѣятельнѣе мѣстное самоуправленіе, тѣмъ болѣе требуются надзоръ и контроль надъ нимъ со стороны государства, но этотъ надзоръ и контроль, по самому существу самоуправленія, невозможны иначе, какъ черезъ посредство самостоятельной судебной власти, независимой отъ администраціи.

Разграниченіе губернскаго и уѣзднаго земства въ *хозяйственномъ* отношеніи гораздо затруднительнѣе и сложнѣе, чѣмъ въ государственно-юридическомъ, хотя и оно совершенно необходимо. Въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ границы между губернскимъ и уѣзднымъ хозяйствомъ почти не намѣчены. Это, какъ и многое другое неопредѣленное въ законѣ, было въ то время полезно, для того чтобы сама жизнь, на всей свободѣ,

Digitized by Google

выработала законныя нормы, которыя теперь стали необходимы. Въ однихъ губерніяхъ губернское хозяйство получило гораздо большее развитіе, въ другихъ гораздо меньшее, чѣмъ уѣздное; въ иныхъ губерніяхъ губернское хозяйство распространяется параллельно съ уѣзднымъ по однимъ и тѣмъ же частямъ: по медицинѣ, народному образованію, дорожнымъ сооруженіямъ, и проч., такъ что существуютъ параллельно, въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ, губернскія и уѣздныя больницы, школы, мосты и проч. Это послѣднее направленіе земскаго хозяйства нисколько не желательно, составляя напрасную трату силъ, и умственныхъ, и матерьяльныхъ. Земское хозяйство наилучшимъ образомъ можетъ быть сосредоточено только въ уѣздѣ; губернія для этого—слишкомъ обширная единица. Здѣсь земская работа получаетъ бюрократическій характеръ, приближающій хозяйство къ типу казеннаго со всѣмъ его недостатками. Здѣсь практическая и *личная* работа, вслѣдствіе обширности губерніи, легко превращается въ канцелярскую, посредствомъ кабинетныхъ соображеній, приказаній и поверхностнаго надзора начальствующихъ лицъ. Для практической пользы земскаго дѣла, можно даже желать такого сильнаго сокращенія губернскаго хозяйства, чтобы оно ограничивалось только нѣкоторыми исключительными предметами (какъ напр., большими губернскими трактатами, взаимнымъ страхованіемъ, статистикой и проч.) и чрезвычайными случаями. Въ губернскомъ земскомъ хозяйствѣ замѣчаются въ несравненно большей степени, чѣмъ въ уѣздномъ, наши общіе хозяйственные недуги,—небережливость въ тратѣ денегъ, прихотливое удовлетвореніе не необходимыхъ потребностей, вообще наша русская безхозяйственность. Весьма печально бываетъ видѣть, какъ уѣздное земство вынуждено отказывать въ десяткахъ рублей на самые нужные расходы, когда губернское земство съ весьма легкимъ сердцемъ отпускаетъ тысячи на предметы прихоти.

Съ сокращеніемъ губернскаго земскаго хозяйства, могутъ значительно сократиться и губернскія земскія учрежденія; отъ этого только выиграетъ настоящее дѣло, сберегутся земскія деньги, или расходованіе ихъ перейдетъ въ уѣзды, гдѣ онѣ тратятся гораздо болѣе производительнымъ и обдуманнымъ образомъ; тогда болѣе оживится и уѣздная земская жизнь. Тогда губернскія собранія могутъ даже происходить гораздо рѣже,—напр., разъ въ три года,—для обсужденія только самыхъ общихъ и важнѣйшихъ нуждъ губерній, для чрезвычайныхъ случаевъ, для заявленій и ходатайствъ передъ правительствомъ, или же они могутъ собираться ежегодно только на самое краткое время. Отъ всего этого, губернскія собранія пріобрѣтутъ только болѣе интереса и значенія.

Въ ряду явленій, обращающихъ на себя вниманіе въ кругу земской жизни, мы должны еще упомянуть о новѣйшихъ перемѣнахъ въ личномъ составѣ земства. Вновь народившаяся у насъ общественная группа *промышленныхъ дѣльцовъ*, нашъ новѣйшій «tiers état» всякихъ катего-

Digitized by Google

рій,—отъ дѣятелей «высшихъ финансовъ» (la haute finance) до мелкихъ сельскихъ спекулянтовъ, — захватили много мѣста и силы въ нашемъ земствѣ, и на избирательныхъ съѣздахъ и въ собраніяхъ. Значеніе этого общественнаго элемента, никому не сочувственнаго, на почвѣ общественнаго дѣла, вслѣдствіе его узко-эгоистическихъ и непросвѣщенныхъ инстинктовъ, постоянно возрастаетъ на счетъ высшаго землевладѣльческаго и низшаго крестьянскаго земскаго слоя. Образованный землевладѣльческій классъ, пока еще почти исключительно дворянскій, съ лучшими государственными традиціями, наиболѣе способный дать отпоръ противообщественнымъ поползновеніямъ этой новой силы, болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ. Это явленіе у насъ повсемѣстное. Но, хотя бы оно было весьма прискорбно, оно еще далеко не обрекаетъ на гибель земскихъ учрежденій,— какъ говорятъ иные,—и ему можно успѣшно противодѣйствовать.

Во-первыхъ, появленіе новой общественной группы въ земствѣ какъ нельзя болѣе естественно. Всякая государственно-общественная единица, организованная для мѣстнаго самоуправленія, должна отражать въ себѣ всѣ жизненные и реальные элементы общества, каковы бы они ни были. Не только новая общественная группа, сильно заинтересованная въ ходѣ мѣстныхъ административныхъ дѣлъ и несущая на себѣ наибольшую тяжесть земскихъ повинностей, имѣетъ неотъемлемое право на личное участіе въ органахъ мѣстнаго самоуправленія, но было бы несравненно вредоноснѣе и для административной, и для общественной жизни, еслибы она оставалась въ сторонѣ отъ этихъ органовъ. Участвуя въ нихъ, она несетъ свою долю отвѣтственности за ихъ дѣйствія, и, сверхъ того, неизбѣжно подвергаетъ гласности и открытой борьбѣ всѣ свои дурные инстинкты и противообщественные корыстные замыслы. Оставаясь въ сторонѣ отъ мѣстныхъ учрежденій и дѣлъ, эта общественная группа обладала бы, *при своей общественной силѣ*, гораздо большимъ могуществомъ подкапываться подъ эти учрежденія, противодѣйствовать ихъ правильному ходу и проводить свои интриги. Вотъ въ этомъ-то, между прочимъ, и заключается вообще превосходство самоуправленія сравнительно съ бюрократическимъ режимомъ.

Во-вторыхъ, преобразованія въ земскомъ цензѣ, который, по истеченіи четверти вѣка, отсталъ отъ общественной жизни, могли бы усилить умственную стихію въ земствѣ и ослабить въ немъ новѣйшіе меркантильные элементы.

Далѣе, противъ упадка въ земствѣ образованнаго землевладѣльческаго элемента, также возможны нѣкоторыя мѣры, какъ бы ни было трудно бороться съ абсентеизмомъ, изъ котораго возникло это печальное явленіе. Всего менѣе можно побороть это зло посредствомъ дарованія дворянству новыхъ привилегированныхъ правъ въ земствѣ. Не можемъ не напомнить здѣсь, что всѣ наилучшіе подвиги представителей нашихъ дво-

Digitized by Google

рянскихъ родовъ совершены были ими, когда они являлись не яко представители дворянской сословности и крови, а просто какъ передовые сыны Россіи. Это уже было замѣчено давно. Лица изъ дворянскаго сословія, въ особенности молодое поколѣніе, совершенно добровольно и по своей винѣ, устраняются отъ дѣятельности въ земской средѣ, въ которой они располагаютъ всесильнымъ вліяніемъ всегда, когда хотятъ. Самымъ могущественнымъ оружіемъ противъ абсентеизма въ земской жизни было бы установленіе *обязательности* земской службы во всѣхъ ея проявленіяхъ — въ избирательныхъ съѣздахъ, собраніяхъ, при выборахъ на должности. Мы хорошо знаемъ, что эта мѣра была бы у насъ крайне непопулярна, хотя она какъ нельзя болѣе справедлива, хотя обязательность службы по мѣстному самоуправленію существуетъ и въ другихъ странахъ (въ Англіи и Пруссіи). Безъ этого мѣстное самоуправленіе получаетъ,—по выраженію Гнейста,—несвойственный его органамъ, *какъ органамъ государственной власти,* характеръ *волунтаризма* (добровольничества), подобный должностямъ въ частныхъ компаніяхъ, клубахъ и проч.

Обязательность земской службы, какъ *повинности* передъ государствомъ (подобно повинности свидѣтелей и присяжныхъ засѣдателей въ судахъ), вооруженная денежными взысканіями, могла бы противодѣйствовать абсентеизму высшаго и обезпеченнаго общественнаго слоя не только этимъ насильственнымъ путемъ (т. е. черезъ штрафы), а также и нравственно. Она придала бы земскому самоуправленію тотъ внушительный, серьезный государственный характеръ въ глазахъ нашихъ высшихъ общественныхъ классовъ,—смотрящихъ на это дѣло большею частью, какъ на праздную забаву, какъ на болѣе или менѣе пріятное времяпровожденіе, — тотъ характеръ, который она имѣетъ теперь только въ глазахъ крестьянъ, всего усерднѣе исполняющихъ земскія обязанности. Обязательность земской службы привлекла бы къ ней много лучшихъ общественныхъ силъ, въ особенности изъ молодаго поколѣнія. Сверхъ того, она послужила бы новымъ, самымъ справедливымъ и необременительнымъ источникомъ земскихъ доходовъ.

Конечно, серьезности земскихъ учрежденій и привлеченію къ нимъ лучшихъ общественныхъ силъ всего болѣе могло бы содѣйствовать введеніе ихъ въ общій строй государственнаго организма, о бокъ съ которымъ они стоятъ нынѣ, какъ какія-то полугосударственныя и получастныя установленія. Само собою разумѣется, что такое сплоченіе этихъ мѣстныхъ административныхъ учрежденій съ общимъ организмомъ государственной власти желательно лишь при томъ условіи, чтобы за ними былъ сохраненъ нынѣшній ихъ *земскій типъ*, какъ органовъ самоуправленія, а не бюрократическаго или приказнаго порядка. Объ этомъ исправленіи *первороднаго* грѣха земскихъ учрежденій,—безъ чего невозможно исправленіе всѣхъ

Digitized by Google

ихъ частныхъ недостатковъ,—было достаточно у насъ писано искренними приверженцами самоуправленія *).

Наконецъ, упомянемъ еще о необходимости для земскаго хозяйства сократить (не упраздняя) элементы коллегіяльности и развитія личной или, лучше, самоличной дѣятельности распорядителей, столь важной для всякаго хозяйства; черезъ это усилилась бы и личная отвѣтственность. Коллегіяльные органы нужны только для совѣщаній и контроля, а никакъ не для распоряженій. Полезно было бы также, для привлеченія дѣльныхъ людей, удлиннить сроки земской службы.

Во всемъ вышесказанномъ мы только намѣтили нѣкоторыя,—и далеко не всѣ,—существенныя черты и недостатки нашихъ земскихъ учрежденій. Но мы нисколько не вознамѣривались писать трактатъ по этому предмету, а желали только сообщить нѣкоторый фактическій матеріалъ для размышленія надъ разными вопросами, носящимися въ нашей современной атмосферѣ, и въ особенности для одной цѣли, о которой мы скажемъ ниже.

Порицателей земской дѣятельности, какъ и всѣхъ учрежденій мѣстнаго самоуправленія, появилось нынѣ особенно много въ нашей печати. Они не задумались бы, еслибъ могли, нанести имъ смертельный ударъ. Мимоходомъ упомянемъ, что эти новѣйшіе писатели или не вѣдаютъ, или не хотятъ вѣдать громадной пользы, которую принесли Россіи земскія учрежденія, даже при всѣхъ своихъ недостаткахъ и погрѣшностяхъ, даже при всѣхъ препятствіяхъ, загораживавшихъ имъ ходъ **). До организаціи земства, мѣстное наше хозяйство, по всѣмъ его частямъ, не только было неизмѣримо хуже, чѣмъ теперь, но его совсѣмъ тогда не существовало. Каковы бы ни были недуги земскаго хозяйничанья, они въ наибольшей степени обусловлены не самыми свойствами самоуправленія, а скорѣе характеромъ русскаго человѣка и русскаго общества, исторически страдающихъ отъ своихъ хозяйственныхъ или, лучше, безхозяйственныхъ пороковъ. Тѣ же недуги присущи и нашимъ бюрократическимъ учрежденіямъ, и казенному хозяйству; только тамъ они болѣе скрыты, а здѣсь преданы гласности и критикѣ (хотя, можетъ быть, еще и не подчинены достаточному контролю) а вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо легче исправимы.

Къ нашему обществу до крайности примѣнима поговорка: „что имѣемъ, не хранимъ; потерявши, плачемъ“. Такъ было у насъ со многими учрежденіями, напр., съ мировыми посредниками.

---

*) См. книгу нашу: „Управленіе, самоуправленіе и судебная власть“. С.-Петербургъ, 1882. *Авт.*

**) Объ этихъ „препятствіяхъ“ достаточно говорилось въ нашемъ журналѣ въ статьяхъ: „Земское и городское самоуправленіе предъ лицомъ центральной власти“. (См. *Наблюдатель* №№ 6, 7 и 8 за прошлый годъ).

Ред.

Digitized by Google

Мы изложили достаточно фактическихъ наблюденій, чтобы доказать главную мысль, руководящую нами въ настоящемъ случаѣ. Многіе недостатки и погрѣшности земскихъ учрежденій требуютъ исправленія, и они исправимы. Но ихъ враги, какъ они высказываются въ печати, предпочитаютъ сломать ихъ съ основанія до самаго верха, и насадить вмѣсто нихъ нѣчто новое и небывалое. Легкомысленные проэкты, начертываемые этими новѣйшими публицистами, были бы не интересны, еслибы въ нихъ не сказывалась одна историческая (если не именно національная) черта, проходящая почти черезъ всю тысячелѣтнюю нашу государственную исторію. Эта черта сдѣлалась особенно ярка въ петербургскомъ періодѣ. При всемъ глубоко охранительномъ характерѣ нашего общества, мы всегда только и желаемъ одного: безпрерывно ломать и заново возводить всѣ наши государственныя зданія. Къ тому, чтобы ихъ органически исправлять, дополнять и развивать, соотвѣтственно требованіямъ времени,— мы всего менѣе расположены. Страннымъ образомъ, это направленіе заявляетъ себя теперь всего сильнѣе въ литературныхъ лагеряхъ, выступающихъ подъ псевдо-консервативнымъ знаменемъ.

Именно на долю нашего историческаго періода выпадала бы, казалось, благодарная и не слишкомъ трудная задача: исправить и дополнить реформы недавняго времени, съ сохраненіемъ ихъ основныхъ великихъ началъ и возвышенныхъ цѣлей. Это могло бы только содѣйствовать мирному, спокойному и вмѣстѣ съ тѣмъ поступательному теченію общественной жизни и устранило бы многіе ея толчки и шероховатостя. Когда мы указывали на разные недостатки земскихъ учрежденій и земской дѣятельности, то нашею главной побудительною цѣлью было высказать, что всѣ они могутъ быть исправлены, съ сохраненіемъ въ нашемъ мѣстномъ управленіи *типа самоуправленія* и съ усиленіемъ производительности его для мѣстнаго хозяйства. Передача этого хозяйства на отвѣтственность казеннаго управленія была бы перенесеніемъ на него тяжести непосильной. Мысль объ этомъ можетъ улыбаться только тѣмъ, которые позабыли или не знаютъ хаоса земскихъ повинностей въ дореформенное время.

Многое въ прошедшихъ реформахъ было, по обстоятельствамъ времени,— главнымъ образомъ, вслѣдствіе предшествовавшаго, продолжительнаго государственнаго застоя,—построено слишкомъ поспѣшно и недостаточно обдуманно. Многое, вмѣсто разрушенія, должно быть исправлено на основаніи какъ двадцатипятилѣтняго практическаго опыта, такъ и болѣе зрѣлой государственной мысли. Но еслибы, вмѣсто исправленія и органическаго развитія великихъ реформъ прошедшаго царствованія, мы обратились вспять отъ ихъ благодѣтельныхъ началъ,—о чемъ впрочемъ и помыслить нельзя,—то также точно можно было бы ожидать, что послѣ насъ, рано или поздно, настанетъ время, когда опять зачнется такая же спѣшная государственная работа, какая происходила четверть вѣка тому назадъ; когда наши по-

Digitized by Google

томки, увлекаясь „прогрессомъ“ и желая скорѣе нагнать потерянное до нихъ время, вынужденные тоже обстоятельствами (какъ люди конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ), станутъ опять быстро и опрометчиво созидать. А затѣмъ наступитъ еще другая эпоха, которая опять предастъ осужденію эти скороспѣлые прогрессивные труды, и такъ далѣе до безконечности...

Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, таковъ неизбѣжный роковой ходъ нашей государственной исторіи, заявившей себя особенно рѣзко съ конца XVII столѣтія,—этотъ порывистый спазмодическій ходъ съ постоянно перемежающимися періодами сангвиническаго возбужденія и апатичнаго унынія? Неужели вредоносность такого хода и для государства и для общества и причиняемая имъ непроизводительная трата народныхъ силъ еще недостаточно убѣдительны послѣ двухсотлѣтнихъ, весьма разительныхъ опытовъ этого теченія дѣлъ? Неужели, еслибы даже это теченіе могло быть признано *историческимъ*,—лучшія умственныя и нравственныя силы общества не обязаны ему противодѣйствовать? И неужели всякая борьба со зломъ, хотя бы историческимъ и закоренѣлымъ, должа быть безплодною? Мы видимъ однако въ жизни другихъ историческихъ народовъ, что многія ихъ историческія наклонности, предубѣжденія, предразсудки, даже многовѣковыя, измѣнялись и уступали успѣхамъ просвѣщенія, болѣе зрѣлымъ государственнымъ воззрѣніямъ и могущественному дѣйствію замѣчательныхъ историческихъ личностей *).

Вл. Безобразовъ.

---

*) Настоящая наша замѣтка о земскихъ учрежденіяхъ написана при безусловномъ нашемъ невѣдѣніи тѣхъ преобразованій, которыя, по газетнымъ слухамъ, въ нихъ предполагаются.

Авт.

Digitized by Google

Могила скитальца.

(Изъ **Сандора-Петёфи**).

Какъ раненый звѣрь передъ самой кончиной,—
Походкой неровной, къ родимымъ полямъ
Плетется въ лохмотьяхъ больной старичина,
Чтобъ мѣсто найти тамъ изнывшимъ костямъ.
Добрелъ, наконецъ, онъ... Бродягу жалѣя,
Такіе же нищіе тѣло его
Зарыли въ степи,—а взамѣнъ мавзолея
Поставили посохъ—и только всего...
Но виденъ далеко въ степи онъ безбрежной,
Гдѣ нѣтъ ни кусточка. И добрая мать
Природа такъ любитъ заботливо, нѣжно
Цвѣтами могилу его убирать.
Вотъ странная доля. При жизни бѣднягѣ
Ходить приходилось едва не нагимъ,
Теперь же коверъ на могилѣ бродяги
Поспоритъ съ персидскимъ ковромъ дорогимъ.
Скиталецъ былъ радъ опочить здѣсь спокойно...
И врядъ ли хоть кто нибудь знаетъ о немъ,
Какимъ онъ героемъ былъ въ юности знойной,
Какимъ былъ проникнутъ священнымъ огнемъ.
Той самой рукою, дрожащей, костлявой,
Что̀ старческій посохъ держала едва,
Сжималъ онъ свой мечъ передъ схваткой кровавой,
Когда еще сила была въ немъ жива!
И лилъ свою кровь, и сражался онъ люто,
Права защищая тѣхъ черствыхъ душой,
Кто, послѣ, бездомному не далъ пріюта,
Не бросилъ обглоданной корки сухой...
Онъ умеръ!.. И полнымъ забвеньемъ покрыты
Геройскіе подвиги, нищенскій путь...
Въ степи все молчитъ. Въ тѣсной ямѣ зарытый,
Онъ можетъ покойно теперь отдохнуть.
И только на посохѣ пташка порою
Зальется здѣсь пѣснею звонкой своей...
Да пѣть ей о чемъ надъ могилой сырою
Бродяги, не знавшаго радостныхъ дней?..

П. Быковъ.

Digitized by Google

О НЕОТЧУЖДАЕМОСТИ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

Какъ извѣстно, въ послѣднее время весьма дѣятельно разрабатывается законопроэктъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель. Привѣтствуя эту чрезвычайно важную мѣру, мы находимъ вполнѣ своевременнымъ обратить вниманіе на одну сторону этого вопроса—сдачу въ аренду крестьянами своихъ земель. Побужденіемъ для насъ служитъ то обстоятельство, что до сихъ поръ этотъ вопросъ не только не разработанъ въ должной полнотѣ по отношенію ко всей Россіи, но даже, можно сказать, не поставленъ; да и самыя данныя разбросаны въ многихъ газетахъ, журналахъ и спеціальныхъ изданіяхъ, мало доступныхъ для читателя. А между тѣмъ, сдача земель заслуживаетъ вниманія и не только по отношенію къ неотчуждаемости, но и съ другихъ сторонъ. Эти обстоятельства—неразработанность, такъ сказать, новизна вопроса и серьезное значеніе его—заставляютъ обратить главное вниманіе на полноту матеріала, дабы наши выводы не показались преувеличенными и неосновательными.

I.

Сдача надѣловъ, если она происходитъ вслѣдствіе нужды, представляетъ собой крайнюю мѣру, ведущую къ прекращенію собственнаго хозяйства или, по крайней мѣрѣ, хозяйства на собственной землѣ. Только полная безвыходность и безусловная необходимость въ деньгахъ заставляетъ бросить землю, на которой покоится все хозяйство и вся жизнь крестьянъ. Когда всѣ средства испытаны, всѣ пути пройдены, когда нѣтъ человѣку кредита, не можетъ онъ заложиться подъ будущій трудъ и вся живность распродана,—только тогда разстается крестьянинъ съ своей кормилицей. Понятна эта приверженность его къ землѣ. Сдавая или продавая надѣлъ, онъ долженъ взять въ аренду чужую землю или совсѣмъ ликвидировать собственное хозяйство и обратиться въ вѣчно бездомнаго, безземельнаго батрака. Но какъ бы ни было плохо свое хозяйство, крестьянинъ никогда не промѣняетъ его безъ полной необходимости на батрачество, столь несвойственное нашему пахарю, всегда бывшему хозяиномъ. Поэтому, въ большинствѣ случаевъ, сдавъ надѣлъ, если только

Digitized by Google

есть какая-либо возможность, онъ арендуетъ нерѣдко свою же землю по двойной, тройной цѣнѣ, или же достаетъ какую-либо частную землю, тоже по болѣе высокой цѣнѣ. Вслѣдствіе этого, сдача является лишь формой кредита, обезпеченнаго недвижимостью. Сдавая надѣлъ, крестьянинъ дѣлаетъ заемъ; затѣмъ, переснимая ту же землю у кредитора или арендуя частную взамѣнъ сданной, онъ уплачиваетъ долгъ, причемъ разница арендныхъ цѣнъ частной и надѣльной земли, приблизительно одного качества, при одинаковомъ размѣрѣ участковъ, будетъ процентомъ за ссуду,—покажетъ стоимость этого кредита.

Иное значеніе имѣетъ эта сдѣлка, если она происходитъ не по нуждѣ, но со спекулятивными цѣлями, столь выгодная въ рукахъ кулаковъ. Возможны, разумѣется, и другіе случаи отчужденія, безъ характера кредитной операціи,—напримѣръ, когда крестьянинъ бросаетъ хозяйство и становится полнымъ батракомъ, или по дальности надѣла, или при переселеніи, при продолжительныхъ отхожихъ промыслахъ, при недостаткѣ рабочихъ рукъ. Впрочемъ большинство, порывающее связь съ своимъ хозяйствомъ, не бросаетъ землю, а переходитъ изъ положенія земледѣльца-хозяина въ земледѣльца-батрака. Во многихъ случаяхъ, это люди, дошедшіе до крайней степени разоренія; они—«безхозяйные», скота у нихъ нѣтъ, избы «проѣдены».

Капиталистическая промышленность въ черноземной полосѣ—главнымъ образомъ земледѣльческая, и потому крестьяне, утратившіе положеніе хозяевъ въ земледѣліи, находятъ работу въ этой же отрасли промышленности, предъявляющей наибольшій спросъ на рабочія руки. Капиталистическія хозяйства, кромѣ работниковъ временныхъ, остающихся хозяевами на своемъ надѣлѣ, всегда требуютъ и постоянныхъ работниковъ-батраковъ; это батрачество круглый годъ или въ періодъ земледѣльческихъ работъ и составляетъ главный источникъ существованія крестьянъ «безхозяйныхъ», которые сдали надѣльную землю, или когда семья состоитъ не изъ одного работника, или есть разсчетъ произвести нѣкоторыя работы по хозяйству наймомъ. Только крестьяне селеній, сосѣднихъ съ городами и фабриками, оставляютъ совершенно хлѣбопашество для городскихъ промысловъ и фабричныхъ работъ. Наибольшее распространеніе сдача надѣловъ получила въ черноземной полосѣ, такъ какъ въ нечерноземной, гдѣ платежи до недавняго времени значительно превышали доходность ея, явленіе это не могло имѣть широкаго примѣненія.

Эта своеобразная кредитная операція является, безъ всякаго сомнѣнія, продуктомъ новѣйшаго времени, когда экономическое положеніе особенно обострилось, когда труженикъ, лишенный кредита, изыскиваетъ всевозможные пути, дабы выбиться изъ крайности. Статистическія бюро, казанское, саратовское и другія, прямо указываютъ на сдачу и продажу надѣльныхъ земель, какъ на явленіе новое; другія данныя тоже говорятъ, что «прежде

Digitized by Google

этого не было», или «теперь сдаютъ впятеро болѣе». По свѣдѣніямъ тамбовскаго бюро, напримѣръ, въ Липецкомъ уѣздѣ всѣ зарегистрированные случаи сдачи мірскихъ угодій, за «нѣкоторыми исключеніями,» относятся «къ ближайшимъ годамъ». Съ другой стороны, въ экономическихъ матеріалахъ даже начала 70-хъ годовъ («Труды хлѣбной экспедиціи», «Валуевской комисіи», «Нижегородскій Сборникъ» Гацискаго и т. д.) или совсѣмъ нѣтъ указаній на сдачу надѣльныхъ земель съ кредитнымъ характеромъ, или попадаются немногочисленные факты. Это позволяетъ утверждать, что означенное явленіе есть продуктъ конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ.

Переходя къ разсмотрѣнію данныхъ, мы прежде всего остановимся на Тамбовской губерніи, въ которой находимъ множество фактовъ, разработанныхъ въ трудахъ г. Романова по всѣмъ 12 уѣздамъ, хотя исчерпать вполнѣ этотъ матеріалъ не представляется возможнымъ въ размѣрахъ нашей статьи.

Въ *Тамбовскомъ* уѣздѣ [1]), когда начинается взысканіе платежей, крестьянамъ приходится прибѣгать къ займамъ, и „стало уже довольно обыкновеннымъ явленіемъ, что заемъ денегъ дѣлается посредствомъ отдачи въ пользованіе состоятельнаго односельца душевыхъ паевъ въ мірскомъ надѣлѣ цѣликомъ или десятинами. Сдатчики надѣльной земли бываютъ очень часто заемщиками у деревенскихъ ростовщиковъ“. Сдаютъ имъ землю дешево, потому что иначе тѣ, пользуясь нуждою заемщиковъ, не берутъ; сами же сдатчики или вполнѣ отдаются батрачеству, или „нанимаютъ на пропитаніе немного земли у помѣщиковъ въ долгъ подъ работу“. Относительно большинства сдатчиковъ“ самый фактъ сдачи необходимой имъ пашни свидѣтельствуетъ, что они нуждаются въ займѣ денегъ. А ссужать деньгами этихъ бѣдняковъ могутъ лишь немногіе ихъ односельцы, такъ что въ данномъ случаѣ не сдатчикъ можетъ предписывать свои условія съемщику, а наоборотъ“. Сдатчики земли нерѣдко бываютъ въ такомъ положеніи, что имъ, для пріобрѣтенія необходимой суммы денегъ, доводится забирать деньги за свои десятины за нѣсколько лѣтъ впередъ, и тогда они получаютъ отъ съемщиковъ по 6—7 р. за десятину. Необходимость же добывать хлѣбъ своему семейству заставляетъ этихъ сдатчиковъ нанимать землю гораздо дороже цѣны, полученной за свою, у тѣхъ землевладѣльцевъ, которые даютъ имъ въ своихъ имѣніяхъ работу.

Въ *Козловскомъ* уѣздѣ сдача господствуетъ въ пригородныхъ слободахъ; такъ, съ конца 70-хъ годовъ наибольшая часть надѣльной земли у крестьянъ 10 слободъ Градско-Стрѣлецкой волости находится въ долгосрочной арендѣ у мѣстныхъ купцовъ и разбогатѣвшихъ крестьянъ — съ

[1]) Сбор. стат. свѣд. по Тамбовской губ., т. XII, 1886 г.

Digitized by Google

платою не свыше 6—7 руб. за десятину. Контракты съ арендаторами заключены на 12 лѣтъ. „Единственно, что вовлекаетъ крестьянъ въ такія невыгодныя сдѣлки съ купцами, это предлагаемыя крестьянамъ деньги впередъ. Часть арендныхъ денегъ сдатчики земли получаютъ при заключеніи контрактовъ съ арендаторами на руки, а остальную сумму арендаторы вносятъ ежегодно въ подати. Перспектива обезпеченной уплаты податей заставляетъ бросать землю, т. е. сдавать купцамъ".

Осенью, при уплатѣ податей, крестьяне *Моршанскаго* уѣзда сдаютъ свои десятины,—«запродаютъ надѣлы» состоятельнымъ сосѣдямъ по низкимъ цѣнамъ, а весною столько же десятинъ снимаютъ за отработку у мѣстныхъ землевладѣльцевъ". Это обходится гораздо дороже пользованія своею надѣльною землей. Такіе факты довольно нерѣдки, по словамъ г. Романова. Въ селеніяхъ Верхней и Нижней Матчеркѣ и Партѣ, въ послѣднее время, завелись такіе домохозяева, которые осенью сдаютъ свою землю на уплату податей; весной для яроваго засѣва снимаютъ у землевладѣльцевъ подъ работу, затѣмъ надѣются снять землю и для посѣва ржи, но это имъ не удается, потому что паровой земли сдается мало. Тогда эти домохозяева умоляютъ міръ дозволить имъ посѣять немного ржи на тѣхъ своихъ десятинахъ, съ которыхъ только что снята рожь арендаторами и которыя должны были бы поступить слѣдующею весною подъ яровой посѣвъ. Такъ какъ поле тотчасъ по уборкѣ сноповъ поступаетъ подъ пастьбу скота, то общество только изъ сожалѣнія къ бѣднякамъ дозволяетъ имъ посѣять немного ржи на полосахъ смежныхъ съ озимымъ полемъ, куда скотина не допускается пастухами. «Разумѣется, у бѣдняковъ отъ такого посѣва ржи по ржищу, урожай получается очень плохой, но они довольны и тѣмъ, что получаютъ сѣмена на посѣвъ слѣдующаго года и немного хлѣба на квасъ».

У крестьянъ-сдатчиковъ *Усманскаго* уѣзда земля нанимается обыкновенно наиболѣе состоятельными домохозяевами того же общества или сосѣднихъ обществъ. Это происходитъ отъ того, что сдатчики принадлежатъ къ числу домохозяевъ особенно бѣдныхъ и для нихъ сдача земли есть заемъ денегъ. „Ссужать нуждающихся деньгами могутъ только богатые, и для нихъ давать ссуды бѣднымъ, пользуясь за это землею, особенно выгодно".

Въ *Липецкомъ* уѣздѣ съемка земли крестьянами у крестьянъ же не обходится безъ письменнаго документа. Расписка замѣняетъ самый договоръ о наймѣ земли, а—главное—удостовѣряетъ полученіе сдатчикомъ денегъ отъ съемщика. Необходимость этихъ расписокъ обусловливается тѣмъ, что крестьяне-сдатчики своей земли отдаютъ послѣднюю за годъ и даже за два впередъ до времени ея обработки подъ посѣвъ, и тогда же забираютъ деньги отъ съемщиковъ. Послѣдніе и опасаются, чтобы сдатчикъ не предложилъ той же земли еще и другому съемщику, въ видахъ вторич-

Digitized by Google

наго полученія денегъ. Изъ временныхъ, какъ бы случайныхъ сдатчиковъ земли, образуется постепенно болѣе и болѣе значительный контингентъ постоянныхъ, едва прокармливающихъ свои семьи стороннимъ земледѣлію промысломъ или батрачествомъ. Большинство ихъ не можетъ вовсе ждать надлежащаго времени для отдачи своей земли, не можетъ откладывать полученія денегъ отъ съемщика до сбора урожая и, вслѣдствіе этого, много теряетъ въ сдаточной цѣнѣ земли. А состоятельнымъ крестьянамъ очень выгодно снимать землю иногда за половинную цѣну. Полными надѣлами и на продолжительные сроки они снимаютъ еще дешевле, затрачивая единовременно нѣсколько десятковъ рублей.

По всѣмъ отзывамъ самихъ крестьянъ *Кирсановскаго* уѣзда, сдаютъ землю или отсутствующіе постоянно на заработкахъ домохозяева, или бѣдняки, вынужденные ежегодно дѣлать займы денегъ въ то время, когда требуется покупать хлѣбъ или платить подати. Сдаютъ почти всегда съ полученіемъ отъ съемщиковъ денегъ за годъ и за два впередъ, и потому не могутъ брать той цѣны за десятину, какъ помѣщики. Низкія цѣны сдачи крестьянской пашни въ *Лебедянскомъ* уѣздѣ обусловливаются стѣснительнымъ положеніемъ сдатчиковъ: „они сдаютъ свою землю не тому, кто дороже даетъ, а тому, кто требуетъ съ нихъ старый денежный долгъ или одолжаетъ ихъ деньгами на неотложную нужду, именно подъ тѣмъ условіемъ, чтобы взять у нихъ землю поцъ свой посѣвъ. Сдатчики большею частью вынуждаются къ сдачѣ необходимой имъ самимъ пашни тѣмъ обстоятельствомъ, что не имѣютъ денегъ на уплату податей или на покупку хлѣба для семьи“. На эти нужды деньги имъ требуются осенью; зимою они вовсе не могутъ отсрочивать съемщику уплату арендныхъ денегъ до уборки урожая, какъ дѣлаютъ помѣщики. Вслѣдствіе этого, пашни совершенно равнаго достоинства нанимаются у помѣщиковъ дорого, у крестьянъ дешево. „При плохихъ урожаяхъ, когда возрастаютъ нужды несостоятельныхъ крестьянъ, они сдаютъ земли особенно дешево, и это явленіе имѣло мѣсто въ Лебедянскомъ уѣздѣ въ 1882—83 гг.“. Въ Сядемской волости *Спасскаго* уѣзда сдаютъ свои надѣлы въ наемъ крестьяне, хозяйство которыхъ пришло въ разстройство, какъ выражаются они, только „до исправы“, т. е. до того времени, когда обѣднѣвшія семьи поправятъ свои матеріальныя средства и имъ можно будетъ вновь начать свое хлѣбопашество. „Сдавшіе землю обыкновенно проживаютъ у состоятельныхъ сосѣдей въ работникахъ, жены и дѣти у нѣкоторыхъ нищенствуютъ“.

Въ *Воронежскомъ* уѣздѣ [2]) двѣ формы арендъ крестьянскихъ земель: цѣлыми душами, а болѣе — десятинами. Аренда „душевыми надѣлами“

[2]) Сб. ст. св. по Воронежской губ., т. I, 1884 г.

Digitized by Google

практикуется въ тѣхъ общинахъ или преимущественно у тѣхъ хозяевъ, которые отбились отъ земледѣлія. Въ чисто земледѣльческихъ селеніяхъ преобладаютъ подесятинныя аренды. „Каковы бы ни были, по формамъ, аренды крестьянскихъ земель,—говоритъ г. Щербина,—они всегда крайне невыгодны для отдающихъ въ аренду надѣлы. Являясь слѣдствіемъ нужды, такія аренды тѣмъ ниже по цѣнѣ, чѣмъ назойливѣе нужда". Поэтому, аренды такого рода производятся, главнымъ образомъ, въ случаяхъ особенной важности—при уплатѣ податей, пополненіи недоимковъ, при необходимости купить хлѣбъ на продовольствіе и пр., почему онѣ попадаютъ исключительно въ руки деревенскихъ кулаковъ, которые даютъ взаймы деньги односельцамъ „подъ надѣлы", а при невозможности своевременной уплаты ссуды, забираютъ землю по баснословно низкимъ цѣнамъ. Часто надѣльная земля поступаетъ въ распоряженіе кулака за ссуду хлѣба на продовольствіе или обсѣмененіе полей. Нерѣдко деревенскій богачъ вноситъ за нуждающагося деньги въ уплату податей или въ погашеніе недоимки и беретъ соотвѣтственное количество земли на 40 и 50% по пониженной арендѣ. Арендаторъ, стянувши значительное количество надѣловъ, раздаетъ ихъ односельцамъ и даже тѣмъ самымъ крестьянамъ, у которыхъ раньше онъ снялъ, но сдаетъ уже по дѣйствительнымъ, высокимъ цѣнамъ. Въ 1883 г., въ *Воронежскомъ* уѣздѣ [3]) рабочія руки были особенно дешевы, потому что „многіе крестьяне, нуждаясь въ продовольствіи, сдали свои земли кулакамъ, и у себя на поляхъ имъ нечего было дѣлать". Въ *Павловскомъ* уѣздѣ [4]) многіе крестьяне въ 1886 г. не могли, при низкихъ заработныхъ цѣнахъ, скопить деньжонокъ для покупки сѣмянъ, почему „въ навязъ сдавали свою землю или предлагали сѣять ее исполу такими зернами, какія окажутся въ наличности".

Сдача надѣловъ широко практикуется въ Казанской губерніи. Въ *Тетюшскомъ* уѣздѣ [5]), напр., въ с. Алькѣево, изъ 145 дворовъ, треть бѣдныхъ домохозяевъ сдаетъ надѣлъ цѣликомъ или частію, главнымъ образомъ осенью и въ началѣ зимы, во время взысканія податей, богатымъ односельцамъ, снимающимъ въ разныхъ деревняхъ до 100 надѣловъ, а весною нанимаютъ у нихъ землю съ „значительною приплатою". Въ д. Байленгаръ, *Мамадышскаго* уѣзда, изъ 237 домохозяевъ, и въ Верхней-Юмьѣ не менѣе четвертой части сдаютъ надѣлъ состоятельнымъ крестьянамъ; „прежде надѣлы не сдавались". Въ деревнѣ Искіюртъ сдача надѣловъ увеличилась, а наемныя цѣны упали до 4—4½ руб. за надѣлъ; прежде платили 6 руб.; податей и сборовъ съ души сходитъ 7½ руб.

---

[3]) „Сельскохозяйст. обзоръ Воронеж. губ. за 1886 годъ".
[4]) Департаментъ земледѣлія и сельск. промышленности 1883 г., пер. I.
[5]) „Труды статистической экспедиціи Казанскаго губ. земства".

Digitized by Google

Въ 5 описанныхъ селеніяхъ *Лашшевскаго* района, 26% надѣльныхъ домохозяевъ сдаютъ свои надѣлы вполнѣ или отчасти; общее количество сдаваемой земли составляетъ 12% всей надѣльной пашни. Вѣроятно, въ дѣйствительности, цифры эти должны быть еще выше. Снимаютъ на сторонѣ землю татары описываемыхъ деревень, частью у крестьянъ другихъ деревень, частью казенную, но не прямо въ казнѣ, а отъ другихъ съемщиковъ съ извѣстною приплатою. Сдача надѣловъ сильно увеличилась съ 1877 г. и, по словамъ крестьянъ, растетъ съ каждымъ годомъ. „Теперь впятеро больше сдаютъ". Въ *Чистопольскомъ* уѣздѣ земли сдаются весьма дешево не вслѣдствіе плохаго качества почвы, а потому что сдѣлки совершаются „людьми крайне нуждающимися въ деньгахъ на подати". Цѣны эти подвержены еще большимъ колебаніямъ въ зависимости отъ урожая, отъ времени покупки и отъ срока, на который земля арендуется. Чѣмъ раньше „продается" земля до посѣва, тѣмъ дешевле цѣна, такъ какъ ранняя продажа—признакъ крайней нужды въ деньгахъ, и еще не выяснилось, какая будетъ цѣна, а потому скупщикъ даетъ такую, ниже которой нельзя предложить. Если земля сдается на большой срокъ, то цѣна еще болѣе падаетъ. Въ другихъ уѣздахъ—та же исторія.

„Нужно замѣтить",—говоритъ г. Трироговъ о *Саратовской* губерніи [6]),—„что не всѣ члены общины пользуются тѣми душами, даже въ самыхъ малыхъ числахъ, которыя приходятся на ихъ домохозяйство; бываютъ случаи, что они находятъ или невозможнымъ (перемѣна занятій) или безвыгоднымъ, какъ они выражаются, возиться со своими душами всякаго рода; это положеніе вынуждаетъ ихъ продавать свои души или, вѣрнѣе, сдавать ихъ въ аренду своимъ однообщественникамъ, а нерѣдко и постороннимъ лицамъ. Одни домохозяева, въ виду постоянныхъ заработковъ или избраннаго промысла, каждый годъ сдаютъ свои души, другіе же принуждены продавать ихъ по какому либо случаю на одинъ годъ; встрѣчаются и такіе домохозяева, которые продаютъ только часть своихъ душъ, нуждаясь въ деньгахъ для какого нибудь оборота, что они называютъ „на перевертъ"; впрочемъ, бываютъ случаи заклада всѣхъ душъ и частями, съ условіемъ выкупа передъ наступленіемъ паши. Земельныя души продаются иногда вмѣстѣ съ лѣсными, а иногда и врозь. Эти-то души, по отношенію къ продавцу, называются продажными душами. Души продаются, какъ всякій другой продуктъ, смотря по спросу и предложенію, съ аукціона и иначе, и составляютъ даже спеціальный предметъ наживы для кулаковъ, скупщиковъ душъ, которые скупаютъ ихъ въ нуждѣ и продаютъ, когда нуждается въ нихъ покупатель".

---

[6]) „Община и подать".

Digitized by Google

Въ *Саратовскомъ* уѣздѣ [7]), всей пахотной надѣльной земли въ 1883 году отдѣльными домохозяевами сдано въ аренду другъ другу 15,043 десятины, т. е. почти $^1/_6$ всей крестьянской надѣльной пашни. Но это число не показываетъ всей земли, выходящей изъ непосредственнаго пользованія ея владѣльцевъ: нерѣдко цѣлая крестьянская община временно отчуждаетъ часть или весь свой надѣлъ, причемъ лишаются надѣла или уменьшаютъ его всѣ члены общины, такъ что всего сдается болѣе $16^1/_2$ тыс. десятинъ, т. е. $18^1/_2{}^0/_0$ надѣльной пашни. Въ *Хвалынскомъ* уѣздѣ [8]) бѣдняки сдали зимою 1881 г. свои поля богачамъ. Нѣкоторые обнищавшіе отъ голода крестьяне продали богачамъ даже свои озимые посѣвы. Въ *Вольскомъ* уѣздѣ одинъ кулакъ продалъ крестьянамъ въ долгъ хлѣбъ по весьма высокой цѣнѣ, сравнительно съ рыночной, причемъ вмѣсто процентовъ за долгъ взялъ у нихъ 100 дес. земли, съ правомъ пользоваться ею до полной уплаты долга; весною онъ сдалъ эту землю въ аренду за 400 руб. Въ *Самарской* губерніи [9]) съ осени, когда „гонятъ подати“, крестьяне сдаютъ свои надѣлы болѣе богатымъ однодеревенцамъ за половинную цѣну, а весною снимаютъ свою же землю вдвое дороже. То же замѣчено и въ томъ же 1886 г. другимъ наблюдателемъ, когда вслѣдствіе безденежья „нѣкоторые крестьяне“ сдавали „даже“ часть своихъ надѣловъ [10]). Подесятинная сдача надѣльной земли въ *Бугурусланскомъ* уѣздѣ [11]), по большей части, производится осенью и зимой, во время наибольшей нужды въ деньгахъ на уплату различныхъ сборовъ, долговъ и другаго рода обязательствъ, уплата по которымъ пріурочивается всегда къ сбору хлѣба. „Зимой, когда малосильнымъ домохозяевамъ не хватаетъ на продовольствіе семьи хлѣба, единственнымъ рессурсомъ остается земля, которая и продается подъ будущій посѣвъ, конечно, по цѣнѣ гораздо низшей, чѣмъ во время“. Безхозяйные передаютъ всю свою землю другимъ, болѣе зажиточнымъ домохозяевамъ, а неимѣющіе рабочаго скота, передавая значительную часть душеваго надѣла въ аренду, оставляютъ обыкновенно $^1/_2$—1 десятину подъ собственную запашку яровымъ хлѣбомъ, нанимая у сосѣда лошадь и соху, сдавая надѣлъ исполу, или наконецъ, при наемкѣ въ батраки, выговаривая, кромѣ опредѣленной платы за трудъ деньгами, извѣстную часть необходимой для посѣва собственной десятины работы со стороны нанимателя-хозяина. Сдача земли въ *Бузулукскомъ* уѣздѣ [12]) производится обыкновенно осенью или зимою,

---

[7]) Сб. ст. св. „по Саратовской губ.“, т. III.
[8]) „Земство“ 1881 г., № 22.
[9]) „Самарская газета“ 1887 г., № 13.
[10]) Департ. земледѣл. и сельск. промышл. 1886 г., в. I.
[11]) Сб. ст. св. по Самарской губ., т. IV, 1886 г.
[12]) Сб. ст. св., т. III.

Digitized by Google

когда собираются подати, взыскиваются недоимки и т. п., и всегда за наличныя деньги.

По *Миенскому* уѣзду [13]), Орловской губерніи, крестьянскія земли сдаются въ аренду дешевле, чѣмъ пахотныя земли частныхъ владѣльцевъ, такъ какъ «сдача вызывается сильной нуждой въ деньгахъ на удовлетвореніе неотложныхъ нуждъ». Изъ *Рязанскаго* уѣзда пишутъ въ газету «Земство» (1881 г., № 22), что тамъ „у многихъ крестьянъ подъ уплату долговъ заложены, впередъ на годъ и даже на два, всѣ душевые сѣнокосы, такъ что мужику остается лѣтомъ только скосить свои сѣнокосныя души и отвезти заложенное сѣно кулаку-кредитору. Нѣкоторыя деревни повально въ долгу у своихъ же крестьянъ-кулаковъ или помѣщиковъ". «По словамъ непремѣннаго члена Полтавской губерніи *Лубенскаго* уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія [14]), довольно часты случаи, что крестьянинъ, идущій на переселеніе, передаетъ свой надѣлъ однообщественнику за плату съ согласія общества. Вообще же крестьянство крайне неохотно разстается съ землей, и, наоборотъ, стремится при всякомъ удобномъ случаѣ пріобрѣсти. Въ Гельмязовской волости *Золотоношскаго* уѣзда [15]) многіе крестьяне въ 1887 г., не имѣя на что купить хлѣба, запродали болѣе имущимъ свою землю пахотную и сѣнокосы на лѣто по самой низкой цѣнѣ. То же замѣчено въ *Хорольскомъ*, *Прилукскомъ* и *Лубенскомъ* уѣздахъ. Въ *Бахмутскомъ* уѣздѣ Екатеринославской губерніи [16]) крестьяне за невозможностью купить какихъ бы то ни было сѣмянъ (ибо заработки доставили пропитаніе только имъ самимъ и кормъ скоту) сдали пахать богатымъ крестьянамъ изъ половины урожая.

Весьма распространена сдача надѣловъ и въ *Подоліи* [17]). „Евреямъ безусловно запрещено арендованіе крестьянскихъ надѣловъ. Чтобы оформить эту аренду, они придумали въ послѣднее время самый легальный и упрощенный путь: покупаютъ посѣвы, яровые и озимые, на нѣсколько лѣтъ впередъ. Понятно само собою, что этотъ фиктивный покупщикъ посѣвовъ является въ дѣйствительности активнымъ собственникомъ крестьянскаго надѣла, пріобрѣтаемаго въ большинствѣ за долгъ по шинку. Сдѣлка совершается формальнымъ порядкомъ, въ волостномъ правленіи, и вносится въ книгу сдѣлокъ и договоровъ. Всѣ ближайшія крестьянскія власти отлично знаютъ и понимаютъ закулисную сторону этихъ сдѣлокъ,

---

[13]) Сб. ст. св. по Орлов. губ., т. I, 1886.

[14]) Доклады въ Москов. общест. сельс. хозяйства по вопросу о хуторахъ. 1881 г.

[15]) Обзоръ сельс. хозяйства въ Полтавской губ. 1887 г.

[16]) Департаментъ земледѣлія и сельской промышл. 1884 годъ, пер. I, весенній.

[17]) „Недѣля" 1883 г., № 41.

Digitized by Google

но смотрятъ на это сквозь пальцы. Большинство старшинъ находится въ рукахъ у евреевъ, писаря у нихъ на жалованьѣ, рѣдкій можевой посредникъ не долженъ евреямъ довольно крупныхъ суммъ, «на льготныхъ условіяхъ.» Акцизнымъ уставомъ воспрещается отпускъ водки въ долгъ и подъ заклады вещей, а между тѣмъ евреи спаиваютъ крестьянъ *именно въ домъ*, и крестьяне въ концѣ концовъ расплачиваются за эти долги всѣмъ своимъ движимымъ и даже недвижимымъ имуществомъ, т. е. земельнымъ надѣломъ."

Въ *Заславскомъ* уѣздѣ Волынской губерніи [18]), сдача крестьянами участковъ въ арендное содержаніе на нѣсколько лѣтъ совершается въ послѣднее время очень часто, какъ односельчанамъ, такъ и постороннимъ крестьянамъ.

Не рѣдкое явленіе представляетъ и сдача садовъ. Сбытъ всѣхъ садовыхъ фруктовъ, напр. въ *Хотинскомъ* уѣздѣ Бессарабской губерніи [19]), совершается при посредствѣ евреевъ. По переписи, въ 11 селеніяхъ района промышленнаго садоводства, проживаетъ болѣе 300 еврейскихъ семействъ. Деньги за фрукты почти всегда уплачиваютъ впередъ. Покупаются цѣлые урожаи садовъ или опредѣленное количество готоваго продукта. Въ первомъ случаѣ покупаются не непосредственно слѣдующіе другъ за другомъ урожаи, а такъ называемые выборные, по усмотрѣнію скупщика, который сохраняетъ право совсѣмъ не брать урожая въ неблагопріятный годъ, вслѣдствіе чего аренда растягивается на неопредѣленное время. Въ результатѣ въ самомъ благопріятномъ случаѣ, когда продается одинъ урожай, цѣна со 100 деревъ менѣе 22 руб.; когда же продается нѣсколько урожаевъ, цѣна вдвое ниже и колеблется между 13 и 9½ р. со 100 деревьевъ. „Поставленные въ необходимость сбывать продукты за безцѣнокъ изъ году въ годъ, поселяне теряютъ всякую охоту заботиться о садахъ, тѣмъ болѣе, что, часто сдавая ихъ по нѣскольку лѣтъ и на неопредѣленное время за долги, они перестаютъ даже быть фактически владѣльцами своихъ садовъ и почти совершенно ихъ забрасываютъ".

Повидимому, и въ *Днѣпровскомъ* уѣздѣ Таврической губерніи сдача имѣетъ мѣсто. Такъ, въ с. Каирахъ сдается „за подати" 208 душевыхъ надѣловъ. Отдѣльные домохозяева *Мелитопольскаго* уѣзда сдаютъ свою надѣльную землю либо цѣлыми надѣлами, либо подесятинно. „Въ первомъ случаѣ земля сдается обыкновенно за подати съ большей или меньшей доплатой, во второмъ случаѣ она сдается за деньги, за проценты по займамъ и пр. Денежная арендная плата подвержена чрез-

---

[18]) Доклады въ Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. Къ вопросу о хуторахъ.

[19]) „Сб. ст. св. по Бессарабской губ.", т. I. 1886.

Digitized by Google

вычайно большимъ колебаніямъ". Особенно распространена сдача надѣловъ въ *Бердянскомъ* уѣздѣ [20]).

Сдача крестьянскихъ надѣловъ констатируется и въ нечерноземной полосѣ. Какія формы приняла эта сдѣлка у башкиръ *Уфимской* губерніи [21]), можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: купцы Незабудкинъ и Злоказовъ, снимая подъ вырубку лѣса до 50 т. десятинъ земли у башкиръ Бѣлокатайской и Мурзалирской волостей, *Златоустовскаго* уѣзда, платятъ по разсчету за аренду земли: первый по 2, а второй по 5 коп. съ десятины. Недостатокъ посѣвныхъ сѣмянъ въ *Лужскомъ* уѣздѣ Петербургской губерніи [22]) заставилъ „нѣкоторыхъ крестьянъ" переуступить пахотную землю „болѣе состоятельнымъ односельцамъ за $^1/_5$ урожая или даже даромъ". По сообщеніямъ изъ уу. *Волковысскаго* и *Кобринскаго*, Гродненской губерніи, „кое-гдѣ, преимущественно у крестьянъ, уменьшился посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ за недостаткомъ сѣмянъ, причемъ нѣкоторые изъ крестьянъ сдавали свои участки исполу болѣе зажиточнымъ хозяевамъ".

Недостатокъ сѣмянъ и дороговизна ихъ, а также слабость рабочаго скота въ 1886 г., принудили многихъ крестьянъ въ *Опочецкомъ*, *Холмскомъ*, *Торопецкомъ* и кое-гдѣ въ *Великолуцкомъ* и *Новоржевскомъ* уѣздахъ Псковской губерніи [23]) уменьшить посѣвы яровыхъ хлѣбовъ. „По тѣмъ же причинамъ, нѣкоторые крестьяне съ весны по крайне низкимъ цѣнамъ продавали пашни, приготовленныя подъ яровой хлѣбъ, болѣе состоятельнымъ сосѣдямъ; такъ напр., въ Новоржевскомъ уѣздѣ на посѣвъ 1 мѣры льна отдавали приготовленную землю за 1 р., тогда какъ въ 1885 году за нее платили 5 и 7 р. Сверхъ того, весьма многіе отдавали свои участки, для которыхъ не хватило сѣмянъ, исполу, т. е. вся обработка, включая и пожинъ, ложились на владѣльца земли, а урожай долженъ дѣлиться пополамъ съ засѣвателемъ (т. е. собственникомъ сѣмянъ). Изъ *Новгородскаго* уѣзда сообщаютъ, что въ дер. Запольѣ у нѣкоторыхъ крестьянъ не хватило сѣмянъ, и потому обработанные участки они должны были отдать на посѣвъ болѣе зажиточнымъ крестьянамъ за половину урожая и за вычетомъ сѣмянъ въ пользу посѣявшаго.

Нѣкоторые крестьяне *Тверской* губерніи [24]) кортомятъ пахотную землю у крестьянъ же по 2—3 руб. за десятину въ годъ. Въ договорахъ это обыкновенно выражается такъ: такой-то Петръ помѣнялся съ Иваномъ на-

---

[20]) Сб. ст. св. по Таврической губ. т. II; I, вып. 2, 1887 г., V, 1887 г.
[21]) „Сѣверн. Вѣстникъ" 1887 г., № 10.
[22]) Департ. землед. и сельск. промышл. 1885 годъ, вып. I.
[23]) Департ. землед. и сельск. промыш. 1886 годъ, в. I.
[24]) Матер. по стат. Тверской губ., в. II.

Digitized by Google

дѣлами, съ тѣмъ чтобы онъ, Петръ, пользуясь надѣломъ Ивана, платилъ за этотъ надѣлъ всѣ повинности, которыя до того несъ Иванъ; а послѣдній, въ свою очередь, обязуется нести повинности Петра (Петръ имѣлъ надѣлы на одну душу, а Иванъ на двѣ). Сущность такихъ сдѣлокъ состоитъ въ томъ, что Иванъ, имѣвшій надѣлъ на двѣ души, на такой-то и такой-то годы, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ потерпѣлъ убытки (напр. у него скотъ палъ, посѣвы побило градомъ, или онъ лишился хорошаго работника). Вотъ Иванъ и вступаетъ въ сдѣлку съ Петромъ, который ведетъ дѣло при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, и съ Иванова надѣла можетъ выручить лишній рубль. Въ Тверской же губерніи [25]) въ 1886 году «мѣстами многія яровыя поля остались вовсе незасѣянными, и нѣкоторые бѣдные крестьяне сдавали ихъ односельчанамъ исполу, или же отдавая за сѣмена овса половину будущаго урожая». Въ *Верейскомъ* уѣздѣ Московской губерніи [26]) «болѣе сильные домохозяева снимаютъ въ аренду надѣлы у болѣе бѣдныхъ».

Изъ *Костромской* губерніи сообщали въ 1886 г.: «Площадь посѣва яровыхъ хлѣбовъ у крестьянъ почти повсемѣстно нѣсколько сократилась, вслѣдствіе недостатка сѣмянъ». Нѣкоторые крестьяне отдавали свои полосы подъ посѣвъ яровыхъ болѣе богатымъ односельчанамъ по очень дешевымъ цѣнамъ, и все-таки въ яровомъ клину осталось много незасѣянныхъ полосъ. Среди многочисленныхъ промысловъ, встрѣчающихся въ Мисковской волости, Костромской губерніи [27]), обращаютъ на себя особенное вниманіе барышничество предметами крестьянскаго обихода, особенно сѣномъ и даже покосами. Сѣномъ барышничаетъ человѣкъ до 20. Одни изъ нихъ снимаютъ пашни и берутъ на себя поставку сѣна въ городъ; другіе, снимая покосы у сосѣдей, передаютъ ихъ другимъ. Въ с. Красномъ бо̀льшая часть крестьянъ сдаютъ свою землю въ аренду, получая не болѣе 2 р. 50 к. за тягло (3 десятины).

Г. Сазоновъ.

(Окончаніе будетъ).

---

[25]) Департ. землед. и сельск. промыш. 1886 г., вып. III, 1887 г.
[26]) Сб. ст. св. по Московской губ. 1878 г., т. II.
[27]) „Правит. Вѣстникъ“ 1882 г., № 57.

Digitized by Google

ВЪ СѢТЯХЪ ЛЖИ.

Романъ **Поля Буржэ.**

VIII.

Каждое утро, въ исходѣ девятаго, Поль Моренъ являлся въ комнату своей жены къ тому времени, когда она успѣвала уже взять ванну. Ея бѣлыя ножки съ голубыми жилками прятались въ просторныхъ утреннихъ туфляхъ, стройныя плечи прикрывалъ щегольской капотъ, а золотистые волосы ниспадали тяжелой полураспущенной косой вдоль спины. Спальня, гдѣ на видномъ мѣстѣ стояла широкая кровать, была тщательно провѣтрена, и въ ея атмосферѣ разливался тонкій ароматъ духовъ. Три четверти часа, которыя Поль проводилъ за утреннимъ чаемъ наединѣ съ Сюзанной, были для него самымъ пріятнымъ временемъ въ продолженіе цѣлаго дня. Къ десяти часамъ ему приходилось уже спѣшить въ свою контору, и онъ не успѣвалъ вернуться домой даже къ завтраку. По примѣру всѣхъ крупныхъ дѣльцовъ въ Парижѣ, Моренъ уходилъ въ половинѣ перваго въ хорошій ресторанъ, наскоро спрашивалъ одно кушанье, полбутылки вина, чашку кофе и опять возвращался въ контору, истративъ въ модномъ кабачкѣ, по возможности, самую маленькую сумму. Полю было пріятно соперничать такимъ образомъ въ экономіи со своей обожаемой женой. Зато утреній чай вознаграждалъ его съ избыткомъ за всѣ лишенія и за шесть или за семь скучныхъ часовъ, ежедневно проводимыхъ въ страховомъ обществѣ. Мужъ ухаживалъ за Сюзанной, какъ влюбленный юноша, онъ намазывалъ масломъ поджаренные ломтики булки, которые она грызла своими бѣлыми зубами, и въ то же время не сводилъ съ жены внимательнаго взгляда, тревожась, если у г-жи Моренъ обнаруживались на лицѣ признаки утомленія. Такъ было съ ней и на другое утро послѣ визита Ренэ. Она, дѣйствительно, плохо спала, волнуясь непрошенными думами. Ея умъ отличался большою положительностью, какъ у практическаго дѣльца; не мудрено, что Сюзаннѣ удавалось осуществлять всѣ свои

Digitized by Google

капризы. Теперь, прежде всего, ей хотѣлось почаще видѣть Ренэ, но принимать его у себя оказывалось рискованнымъ, благодаря крайней наивности Поля. Это ясно обнаружилось въ то же утро.

— Кто былъ у тебя вчера въ твои пріемные часы до обѣда? спросилъ мужъ.

— Никого не было, отвѣчала г-жа Моренъ, но такъ какъ она приняла за правило никогда не лгать безъ надобности, то и прибавила:—приходилъ одинъ Деформъ да еще этотъ юноша, авторъ комедіи, которую играли третьяго дня у графини....

— Ренэ Венси, воскликнулъ Поль:—какъ жаль, что меня не было дома! Мнѣ такъ нравятся его стихи. Ну, каковъ онъ на видъ? Какъ себя держитъ? Можно ли принимать его?

— Въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, небрежно замѣтила жена.

— Венси встрѣтился съ Деформемъ?

— Да; а что?

— Баронъ навѣрно разгадалъ его съ перваго взгляда. Я разспрошу о немъ Фредерика... Онъ отлично понимаетъ людей.

„Я такъ и знала!“—съ досадой подумала про себя Сюзанна послѣ ухода мужа, который зацѣловалъ ее на прощанье“. „Поль взялъ глупѣйшую превычку совѣтоваться обо всемъ съ Фредерикомъ.

И въ ея душѣ закипѣло невольное озлобленіе противъ этого черезчуръ довѣрчиваго человѣка. Молодую женщину преслѣдовало, въ продолженіе цѣлаго утра, непріятное сознаніе зависимости отъ Деформа. Ей было скучно. Сначала она занялась провѣркой счетовъ, потомъ къ ней пришла г-жа Леру, пожилая особа съ миной ханжи и слащавой рѣчью. Ея спеціальностью былъ уходъ за самыми аристократическими ручками и ножками въ Парижѣ. Обыкновенно г-жа Моренъ обходилась съ ней очень любезно, а г-жа Леру, въ свою очередь, охотно пересказывала своей прекрасной кліенткѣ всѣ городскія новости и потомъ превозносила ее до небесъ въ другихъ домахъ: „Вотъ добрѣйшая, обходительная дама, г-жа Моренъ! Вотъ образцовая жена!“ Но сегодня Сюзанна упорно отмалчивалась на льстивыя рѣчи хитрой старухи и молча сѣла за довольно скудный завтракъ.

Свѣтская красавица не любила тратить лишняго на столъ, когда не было никого постороннихъ: не смотря на щедрость богатаго любовника, она съ трудомъ покрывала свой бюджетъ.

Сегодня ею овладѣло почти уныніе въ одиночествѣ. Образъ Ренэ такъ и стоялъ передъ глазами Сюзанны, а между тѣмъ Деформъ ожидалъ ее на условленное свиданіе. Покоряясь необходимости, она занялась своимъ туалетомъ: вмѣсто ботинокъ обула башмаки, которые легче сбросить съ ноги; вмѣсто корсета на-

Digitized by Google

дѣла широкій поясъ на костяхъ, выбрала самый несложный костюмъ и положила въ карманъ густую вуалетку. На углу улицы Мурильо, г-жа Моренъ увидала изъ окна кареты фигуру Венси. Онъ, очевидно, караулилъ ее. Они встрѣтились глазами: Ренэ поклонился, оба вспыхнули и смутились. Сюзанна вдругъ повеселѣла. „Онъ также любитъ меня!“ сказала она себѣ, испытывая приливъ радостнаго волненія, которое перешло вслѣдъ затѣмъ въ тихую задумчивость. Не смотря на сухость своего характера, молодая женщина замечталась не на шутку. Планъ смѣлой интриги, затѣянной на глазахъ подозрительнаго любовника, казался ей особенно заманчивымъ. Сюзанна даже перестала сердиться при мысли о постыломъ свиданіи съ Деформжемъ. Выйдя на обычномъ мѣстѣ изъ экипажа и приказавъ кучеру вернуться домой, она углубилась подъ аркады улицы Риволи. Домъ, гдѣ была нанята квартира для ея тайныхъ встрѣчъ съ барономъ, имѣлъ два выхода. Такія жилища представляютъ большія преимущества и потому цѣнятся дорого. Но Фредерикъ слишкомъ хорошо зналъ большинство такихъ притоновъ и остерегался взять помѣщеніе въ какомъ нибудь слишкомъ извѣстномъ мѣстѣ. Ему почти случайно удалось найти пріютъ такого рода въ одномъ домѣ на улицѣ Монъ-Таборъ. Это зданіе отличалось до того мрачнымъ видомъ, что жильцы тщательно избѣгали его. Здѣсь баронъ меблировалъ антресоль, состоявшій изъ прихожей и трехъ комнатъ; одну изъ нихъ обратили въ гостинную, другую въ спальню, третью въ уборную. Обстановка этой квартиры вполнѣ соотвѣтствовала ея назначенію: мягкая обивка мебели и толстыя занавѣси заглушали всякій шумъ; звѣриныя шкуры на коврахъ манили пройтись по нимъ босикомъ; зеркала въ альковѣ напоминали собой отчасти заурядные притоны разврата, а низкія кресла и диваны располагали къ долгимъ разговорамъ послѣ ласкъ. Уже однѣ мелочи въ убранствѣ этой квартиры доказывали утонченную чувственность барона; помѣщеніе было нанято на имя лакея Деформа, человѣка надежнаго, вѣрность котораго была обезпечена искусной комбинаціей вознагражденія. Сюзанна въ теченіе многихъ лѣтъ столько разъ являлась тайкомъ въ маленькій домикъ въ улицѣ Монъ-Таборъ, столько разъ надѣвала двойную вуалетку подъ воротами, выходившими на улицу Риволи, и потомъ проходила чрезъ помѣщеніе привратника, что теперь она исполняла все это почти машинально. Однако, поднимаясь по лѣстницѣ, г-жа Моренъ невольно представляла себѣ Ренэ Венси на мѣстѣ барона въ этомъ уединенномъ пріютѣ. Она заранѣе знала, что Деформъ приготовилъ все до мелочей къ ея приходу, начиная съ живыхъ цвѣтовъ на столѣ, до

Digitized by Google

тартинокъ къ закускѣ; она знала, что, поздоровавшись съ барономъ, тотчасъ отправится въ уборную, чтобы вернуться оттуда съ распущенными волосами, въ туфелькахъ на босую ногу и въ кружевномъ пеньюарѣ, готовая къ наслажденію, которое по большой части раздѣляла только на половину. Но баронъ былъ такъ признателенъ за ласки, такъ благодарилъ ее, выказывалъ столько остроумія и искренности во время послѣдующей бесѣды, что ему обыкновенно приходилось самому напоминать своей любовницѣ о минутѣ разставанія:

Однако, Сюзанна, тебѣ пора одѣваться, говорилъ онъ. Между тѣмъ, на этотъ разъ, Сюзанна сама сказала барону, послѣ первыхъ словъ привѣтствія:

— Мой бѣдный Фредерикъ, сегодня я останусь у тебя очень недолго.

— Значитъ, мы не будемъ умницы? замѣтилъ Деформъ, снимая съ нея шубу:—зачѣмъ же ты не написала мнѣ, что откладываешь наше свиданіе?

„Онъ право слишкомъ любезенъ“ подумала г-жа Моренъ съ невольнымъ раскаяніемъ. Она сняла шляпу передъ зеркаломъ; крупные брилліанты блеснули у нея въ ушахъ. Сюзанна вспомнила безчисленныя услуги и щедрость любовника, который требовалъ отъ нея взамѣнъ такъ немного, и въ ней заговорила совѣсть—ложныя положенія также имѣютъ свои парадоксальныя требованія чести. Молодая женщина сѣла на ручку кресла занятаго Де форжемъ, и шепнула ему на ухо:—Я сама не хотѣла отказаться отъ удовольствія видѣть васъ, хотя вы никогда не хотѣли повѣрить моей искренности...

И Сюзанна постаралась на этотъ разъ добросовѣстно выполнить свою роль; она была болѣе обыкновеннаго уступчива и дарила своего любовника опьяняющими ласками. Полтора часа спустя, г-жа Моренъ сидѣла въ гостинной, почти утонувъ въ одномъ изъ глубокихъ креселъ, и съ апетитомъ уничтожала тартинки съ икрой; передъ ней, въ маленькой рюмкѣ, искрилось великолѣпное испанское вино. Она ѣла съ кокетливой граціей, Деформъ любовался ею:

— Ахъ, Сюзанна! невольно воскликнулъ онъ:—какъ непростительно увлекаться такимъ образомъ въ мои годы! Что бы сказалъ на это Нуаро?

Нуаро былъ докторъ, приходившій каждое утро тщательно массировать барона и наблюдать за его гигіеной. Предаваясь систематическому сладострастію, Деформъ строго держался въ границахъ благоразумія, желая, по возможности, отдалить насту-

Digitized by Google

пленіе старости; у этого человѣка рѣшительно все было разсчитано и предусмотрѣно заранѣе. Онъ взялъ къ себѣ въ домъ бѣдную набожную родственницу, которая ежегодно получала отъ него порядочную сумму денегъ на дѣла благотворительности. Когда его хвалили за такое великодушіе, баронъ отвѣчалъ со свойственнымъ ему насмѣшливымъ цинизмомъ:

„Здѣсь нѣтъ никакого великодушія. Я только заблаговременно запасаюсь безкорыстной сестрой милосердія; добрая кузина будетъ отлично ухаживать за мной, когда я одряхлѣю".

Эти выходки показнаго эгоизма смѣшили г-жу Моренъ. Въ глубинѣ души она раздѣляла абсолютный матеріализмъ барона, но въ этотъ день, при имени доктора Нуаро, молодая женщина довольно пристально посмотрѣла на Деформа: онъ показался ей такимъ изможденнымъ при свѣтѣ единственной лампы. Лицо барона бороздили глубокія морщины, усы отвисли, вѣки отекли; Сюзаннѣ въ первый разъ пришло въ голову, что эта связь отвратительна. Для женщины молодой и красивой ужасно выносить ласки нелюбимаго человѣка, даже тогда, когда онъ молодъ, пылокъ и влюбленъ; что же сказать о близости съ развратнымъ старикомъ, когда эти отношенія основаны только на одномъ матеріальномъ разсчетѣ? Г-жѣ Моренъ невольно представился въ эту минуту Ренэ, съ его юношески свѣжимъ лицомъ и румяными губами. Какъ хорошо было бы обмѣниваться съ нимъ безумными поцѣлуями, отбросивъ скучную заботу о гигіенѣ! Молодая женщина рѣшила, во что бы то ни стало, осуществить свою мечту и тотчасъ принялась дѣйствовать.

Надѣвъ шляпку и застегнувъ перчатки, Сюзанна сказала Деформу, прежде чѣмъ закутаться вуалью:

— Почему вы никогда не придете позавтракать со мною? Прежде вы дѣлали это очень часто.

— Завтра я никакъ не могу, отвѣчалъ баронъ.—И послѣзавтра также; но дня черезъ два...

— Значитъ, во вторникъ? Хорошо. А сегодня вечеромъ мы увидимся у г-жи де-Сермуазъ, не правда ли?

„Прелестная женщина!" подумалъ баронъ, оставшись одинъ. Она могла бы завести столько интригъ, а вмѣсто того думаетъ только обо мнѣ. Между тѣмъ Сюзанна шла по тротуару улицы Монъ-Таборъ, осторожно оглядываясь по сторонамъ, но въ то же время дѣлая видъ, что не обращаетъ ни на кого вниманія. „Итакъ, послѣ завтра у меня свободный день", говорила она сама себѣ. Но подъ какимъ предлогомъ вызвать Ренэ? (Сюзанна уже мысленно называла его этимъ именемъ). Вотъ отличная мысль: я

Digitized by Google

попрошу его автографа на брошюрѣ „Чичисбея“, для подарка одной дамѣ. Проходя по улицѣ Кастильоне, она зашла въ книжный магазинъ, и купила пьесу Ренэ. Теперь оставалось одно затрудненіе—узнать его адресъ. Г-жа Моренъ взяла фіакръ и отправилась въ улицу Бель-Респиро, зная, что графиня Комова всегда принимала послѣ 6-ти часовъ вечера. Ей посчастливилось застать хозяйку одну; добрѣйшая женщина была въ восторгѣ отъ удачи своего вечера и сама навела разговоръ на молодаго поэта.

— Какое идеальное дарованіе! восклицала она. Какъ онъ восхитителенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скроменъ. Венси будетъ французскимъ Пушкинымъ конца этого столѣтія.

— Не знаете ли вы его адреса? спросила Сюзанна. Онъ былъ у насъ съ визитомъ и оставилъ карточку, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ имени.

Когда пригласительное письмо было отослано, молодая женщина впала въ лихорадку ожиданія, которая успѣшнѣе всего разжигаетъ любовь.

Въ прежнее время, когда молодые львы спеціально занимались обольщеніемъ женщинъ, возбудить эту лихорадку ожиданія считалось первымъ шагомъ къ побѣдѣ. Нерѣдко люди съ выдающимся умомъ предавались этому странному, чисто интеллектуальному пороку; онъ вошелъ въ моду какъ разъ въ эпоху байронизма.

Когда наступилъ часъ назначеннаго свиданія, и Ренэ вошелъ въ гостинную Сюзанны, въ сопровожденіи слуги, г-жа Моренъ была взволнована не меньше его. Она бросила на юношу пронзительный взглядъ и сразу убѣдилась, что наивный поэтъ по прежнему благоговѣетъ передъ ней. На этотъ разъ красота Сюзанны представилась Венси опять таки въ новомъ свѣтѣ; прелестная женщина сидѣла съ работой у окна. Изъ-за приподнятыхъ занавѣсей виднѣлся противъ дома паркъ Монсо съ обнаженными деревьями, пожелтѣлой травой и темной зеленью плюща со стороны развалинъ. Этотъ зимній пейзажъ освѣщался февральскимъ солнцемъ, сіявшимъ на блѣдномъ небѣ, и его лучи отливали матовымъ золотомъ на волосахъ г-жи Моренъ. На ней было бѣлое платье фантастическаго покроя, съ фіолетовой вышивкой и длинными разрѣзными рукавами; въ этомъ костюмѣ Сюзанна напоминала прекрасныхъ владѣлицъ средневѣковыхъ замковъ. Ея ножки, обутыя въ шолковые чулки того же цвѣта, какъ и отдѣлка платья, скромно скрещивались на табуретѣ. Кто могъ подумать, что третьяго дня онѣ бродили по ковру въ пріютѣ грязнаго адюльтера, что этими золотистыми волосами играла рука любовника, терпимаго только за деньги? Сама Сюзанна была, пожа-

Digitized by Google

луй, готова отрицать эту истину: до такой степени она вошла въ свою роль порядочной женщины изъ желанія нравиться Ренэ, но поэтъ былъ далекъ отъ всякихъ подозрѣній. Онъ провелъ три дня въ безпрерывной экзальтаціи, чувствуя, какъ разростается въ немъ любовь, и наслаждаясь этимъ.—Въ двадцать пять лѣтъ неожиданно налетѣвшая страсть не пугаетъ, а радуетъ человѣка. Записка Сюзанны доказывала Венси, что его ухаживаніе не оскорбило деликатности молодой женщины, но все таки онъ боялся, что его примутъ несовсѣмъ благосклонно и пришелъ въ совершенный восторгъ отъ ласковаго обращенія очаровательной хозяйки. Ренэ остановилъ восхищенный взглядъ на изящной фигурѣ г-жи Моренъ; въ разрѣзѣ длиннаго рукава виднѣлась полная рука съ двумя золотыми браслетами и золотистымъ пушкомъ на бѣлой кожѣ, прелестно отливавшимъ на солнцѣ, какъ и волосы Сюзанны.

Она не сказала ни слова о томъ, что замѣтила Ренэ въ оперѣ и на поворотѣ улицы Мурильо. Не выпуская изъ рукъ работы, молодая женщина заговорила съ гостемъ о своемъ визитѣ къ графинѣ Комовой, которая такъ сильно интересовалась будущностью талантливаго юноши. Не умѣя отличить Беранже отъ Гюго и Вольтера отъ Ламартина, Сюзанна пустилась разсуждать о литературѣ; она встрѣчала два или три раза Теофиля Готье, во времена имперіи, и онъ показался ей настолько неинтереснымъ, что она не обратила на него никакого вниманія. Но теперь, чутьемъ угадавъ энтузіазмъ Ренэ, г-жа Моренъ разсыпалась въ похвалахъ великому писателю, увѣряя даже, будто бы онъ состоялъ съ нею въ перепискѣ.

— Я поищу для васъ его письма, сказала она, и добавила:— вы не сердитесь на меня за то, что я побезпокоила васъ своимъ письмомъ. Мнѣ очень нуженъ вашъ автографъ для одной пріятельницы, которая завтра уѣзжаетъ въ Россію.

— Что же мнѣ написать ей? спросилъ молодой человѣкъ.

— Что хотите, отвѣчала г-жа Моренъ, вставая.

Она принесла брошюру и усадила гостя къ маленькому письменному столу, окруженному плющемъ. Сюзанна хлопотала вокругъ Ренэ, открывая серебряную крышку чернильницы, вставляя новое перо въ изящную ручку изъ черепахи съ золотомъ. Юноша слышалъ шелестъ ея рукавовъ, ощущалъ близость любимой женщины, упивался ароматомъ ея одежды. Голова у него пошла кругомъ и рука дрожала, пока онъ писалъ на оберткѣ брошюры отрывокъ изъ Чичисбея, тотъ самый, который г-жа Эторель назвала по ошибкѣ сонетомъ:

Digitized by Google

Милый призракъ разбитаго счастья
Съ бѣлой розой, поблекшей, въ рукѣ,
Предо мною нежданно явился
И шепталъ мнѣ въ глубокой тоскѣ:
Неужель разлюбилъ ты былое,
Неужели мечты схоронилъ
И о томъ, что лелѣялъ ты въ сердцѣ,
Навсегда безвозвратно забылъ?
Вспомни: вмѣстѣ съ весеннею розой
Упованья твои расцвѣли
И парилъ ты душою высоко
Надъ невзгодами грѣшной земли.

Когда эти строки были написаны, г-жа Моренъ взяла у Ренэ изъ рукъ брошюру и, остановившись за его стуломъ, прочитала вполголоса отрывокъ. Она не произнесла ни слова похвалы, не сдѣлала ни одного критическаго замѣчанія, а краснорѣчиво умолкла, какъ будто убаюканная музыкой стиха. Венси смотрѣлъ на нее, забывъ все на свѣтѣ. Какъ могъ онъ устоять передъ этимъ одобреніемъ, которое такъ льстило его тайному авторскому тщеславію?

— Держу пари, что вы написали эти стихи не для пьесы, замѣтила Сюзанна.

— Правда, отвѣчалъ Ренэ, невольно краснѣя.

Онъ не могъ лгать передъ той, которую считалъ идеаломъ правдивости и въ то же время ему было невозможно разсказать ей исторію своей недостойной любви къ Лизетѣ.

Г-жа Моренъ не стала добиваться отъ него признаній и только замѣтила, слегка вздыхая:

— Какой неограниченной свободой пользуетесь вы, мужчины! Не думайте однако, чтобы *я* жаловалась на свою судьбу... Долгъ женщины-христіанки требуетъ отъ насъ повиновенія мужу и, конечно, такъ выходитъ гораздо лучше... Мы рѣдко пользуемся свободой выбора, прибавила она послѣ короткой паузы, тономъ покорности, въ которомъ однако сказывалось гордое сознаніе своего достоинства.—Я такъ жалѣю, что до сихъ поръ не могла васъ познакомить съ моимъ мужемъ, продолжала Сюзанна. Вы увидите, это прелестный человѣкъ... Онъ мало толку знаетъ въ искусствѣ, зато у него большія способности къ комерческимъ дѣламъ... Къ несчастью, теперь въ финансовомъ мірѣ даютъ ходъ только евреямъ...

Въ дѣйствительности, г-жа Моренъ была совершенно чужда всякой вражды къ израильскому племени и, напротивъ, любила получать приглашенія на обѣды въ знакомые еврейскіе дома, от-

Digitized by Google

личавшіеся широкимъ гостепріимствомъ, но ей хотѣлось выказать себя передъ Венси строго-религіозной женщиной.

— Вы найдете моего мужа нѣсколько холоднымъ съ перваго взгляда, снова заговорила она:—я всегда мечтала о томъ, чтобы мою гостинную посѣщали писатели и художники... Но, знаете, свѣтскіе люди завидуютъ литераторамъ и артистамъ; кромѣ того, г-нъ Моренъ не любитъ общества. Помните, онъ не пріѣхалъ тогда къ графинѣ Комовой. Ему нравится бывать только въ самомъ интимномъ кругу.

Сюзанна высказывала это недовольнымъ тономъ, какъ будто ей приходилось быть жертвой домашняго деспотизма. Веселый, общительный Поль Моренъ невольно представился молодому поэту тираномъ, отравлявшимъ существованіе своей жены. Ренэ почувствовалъ жалость къ прелестной женщинѣ и невольно сказалъ:

— Еслибъ вы знали, сударыня, сколько разъ мнѣ случалось, во время прогулокъ въ Елисейскихъ поляхъ, замѣчать глубокую печаль на лицахъ людей, повидимому, щедро одаренныхъ судьбой. Я почти увѣренъ, что истинное несчастіе часто прикрывается матеріальнымъ благосостояніемъ, возбуждающимъ зависть бѣдняковъ.

Сюзанна взглянула на него, стараясь казаться растроганной.

— Мы, кажется, скоро сдѣлаемся друзьями,—сказала она,—потому что между нами много общаго. Вѣрите ли вы въ инстинктивную симпатію и антипатію? Догадываетесь ли о скрытой непріязни къ вамъ?.. Мнѣ, пожалуй, не слѣдовало бы говорить такимъ образомъ, но я чувствую къ вамъ довѣріе, какъ будто знакома съ вами много лѣтъ:—знаете, вашъ другъ Ларшэ ненавидитъ меня.

Сюзанна говорила теперь съ непритворнымъ волненіемъ; ей было важно убѣдиться, насколько Ренэ умѣетъ молчать. Если онъ до сихъ поръ не говорилъ съ Клодомъ о своей любви, значитъ этотъ юноша не изъ болтливыхъ, а скромность—важное качество въ любовникѣ. И Венси дѣйствительно отвѣтилъ:

— Мы не говорили съ Ларшэ о васъ; но вы совершенно правы: судьба, дѣйствительно, сводила Клода только съ дурными женщинами, и потому онъ сдѣлался такимъ пессимистомъ. Еслибъ вы знали, какъ возмутительно поступаетъ съ нимъ Коллета!

— Однако, это не даетъ ему права оскорблять другихъ женщинъ, позволяя себѣ ухаживать за ними ни съ того, ни съ сего. Мы чуть не поссорились однажды, когда намъ случайно пришлось сидѣть рядомъ за столомъ у знакомыхъ... До меня дошли

Digitized by Google

слухи, что онъ дурно отзывался обо мнѣ потомъ. Но Богъ съ нимъ! пусть говоритъ, что хочетъ!

Ренэ ушелъ, давъ слово прійти черезъ три дня въ тѣ же часы и захватить съ собою тетрадку ненапечатанныхъ стиховъ. Послѣ его ухода, Сюзанна самодовольно посмотрѣлась въ зеркало. Свиданіе вполнѣ удалось. Она намекнула Ренэ, что не можетъ принимать его у себя, внушила ему недовѣріе противъ Клода, и окончательно вскружила голову молодому человѣку. „Теперь онъ мой", сказала себѣ г-жа Моренъ, и на этотъ разъ ея радость была непритворна.

IX.

Сюзанна считала себя искусной дипломаткой, но иногда самые тонкіе люди пересаливаютъ въ своей хитрости; то же самое случилось и съ ней. Венси отправился прямо изъ улицы Мурильо въ отель Сентъ-Эвертъ. Онъ шелъ быстрой походкой, какъ будто его несли крылья. Бѣднаго юношу пожирала лихорадка любви, которая исключаетъ всякій анализъ чувства; ему не приходило въ голову, что его мадонна слишкомъ быстро и рѣшительно опутывала сѣтями свою жертву. Ренэ взбѣжалъ по лѣстницѣ черезъ двѣ ступеньки, точно школьникъ, возвращающійся домой съ хорошими отмѣтками.

Лакей Фердинандъ безпрепятственно впустилъ его въ квартиру. Ренэ, замѣтивъ, что у лакея очень озабоченный видъ, спросилъ, что съ нимъ,

— Баринъ вотъ уже двое сутокъ убивается за работой, отвѣчалъ лакей, качая головой: —я не знаю, когда онъ спитъ. Скажите ему, ради Бога, сударь, что это вредно для здоровья. Неужели баринъ не можетъ работать каждый день понемножку и въ свое время отдыхать?

Такіе періоды лихорадочной дѣятельности Клода были не новы для Ренэ. Теперь рабочій кабинетъ его друга представлялъ картину хаотическаго безпорядка. По дивану валялись исписанные листы; коверъ былъ усыпанъ обрывками скомканной бумаги; корректурные оттиски лежали на каминѣ. Растрепанный Ларшэ сидѣлъ у письменнаго стола, въ старой жакеткѣ съ оборванными пуговицами и въ стоптанныхъ туфляхъ. Онъ имѣлъ привычку запускать работу, а потомъ спѣшилъ наверстать потерянное время, когда нужда въ деньгахъ заставляла его взяться за перо. Связь съ Коллетой, которую онъ не содержалъ, ока-

Digitized by Google

зывалась тѣмъ не менѣе страшно разорительной. Молодая актриса, кромѣ театральнаго жалованья, имѣла двадцать тысячъ франковъ пожизненной ренты, оставленныхъ ей бывшимъ любовникомъ, русскимъ аристократомъ, убитымъ подъ Плевной. Но Клодъ бросалъ массу денегъ на экипажи, букеты, обѣды въ ресторанахъ и подарки. Деньги, вырученныя за драматическія произведенія, были давно прожиты, и ему приходилось усиленно заниматься въ періоды между изнурительными кутежами.

— Вотъ, видите, я опять принялся за спѣшную работу, сказалъ онъ, увидѣвъ пріятеля и пожимая его руку лихорадочно горѣвшей рукой:—мнѣ нужно написать за одинъ присѣстъ пятнадцать фельетоновъ. Кромѣ того, у меня выгодный заказъ изъ „Парижской Хроники". Это новая газета въ восемь странницъ, издаваемая Одри. На дняхъ редакція предложила мнѣ написать романъ по франку за строку; я сказалъ, что онъ у меня готовъ, стоитъ только его переписать. Навралъ безсовѣстно, но мнѣ пришла счастливая идея: я передѣлаю „Адольфа" на новый ладъ, придавъ ему современную окраску и прибавивъ, гдѣ слѣдуетъ, характерныя черты той или другой среды. Выдетъ конечно пачкотня на скорую руку; но не въ томъ дѣло; еслибъ вы знали, каково писать, терзаясь муками ревности! Только что округлишь какую нибудь фразу, только что уловишь мысль, какъ вдругъ тайный голосъ шепчетъ на ухо: „а что дѣлаетъ теперь Коллета?" И я бросаю перо и мнѣ становится такъ больно, такъ больно!.. Бальзакъ увѣрялъ, что въ одну ночь любви мы расходуемъ такое количество мозговой субстанціи, которой хватило бы на полъ-тома, и прибавлялъ при этомъ, что ни одна женщина не стоитъ двухъ томовъ въ годъ... Какая глупость! Насъ изнуряетъ не физическаая любовь, а горькая забота, неотвязная мысль, лихорадочное біеніе пульса. Развѣ можно одновременно мыслить и чувствовать? Нѣтъ, надо выбирать одно изъ двухъ. Гюго никогда ничего не чувствовалъ и Бальзакъ тоже. Еслибы онъ любилъ свою мадамъ Ганска, то объѣхалъ бы за ней всю Европу, также мало заботясь о своей „Comédie humaine", какъ я объ этомъ сорѣ, прибавилъ Клодъ, смахивая съ письменнаго стола обрывки бумаги.—Ахъ, мой милый Ренэ, продолжалъ онъ съ унылымъ видомъ:—не заводите романовъ въ своей жизни! Надѣюсь, что вы не станете отвѣчать на всѣ приглашенія, полученныя у графини Комовой?

— Я сдѣлалъ только одинъ визитъ, отвѣчалъ Ренэ.—Угадайте у кого я былъ?.. У г-жи Моренъ. Не правда ли, она удивительно

Digitized by Google

мила, любезна, и съ идеальными воззрѣніями? Неужели вы дурнаго мнѣнія даже о ней?

— Навѣрно она не лучше другихъ, отвѣчалъ Клодъ. И за нею водятся грѣшки; ни въ одной женщинѣ не найдешь правды.

— Такъ вы знаете о ней что нибудь? спросилъ поэтъ.

Голосъ Ренэ въ эту минуту поразилъ Клода. Ларшэ взглянулъ на пріятеля и понялъ все.

До него, конечно, доходили слухи о связи Деформа съ Сюзанной; въ первую минуту онъ былъ готовъ предупредить неопытнаго юнца, но удержался отъ этого. Можетъ быть, ему не хотѣлось вооружать противъ себя Деформа, или Клодъ боялся огорчить Ренэ, или, напротивъ, желалъ, чтобы Венси запутался въ сѣтяхъ кокотки и также страдалъ отъ ревности, какъ и онъ самъ. Сюзанна стоила Коллеты. Пожалуй, писателемъ-аналистомъ руководило въ данную минуту понятное любопытство, желаніе наблюдать развитіе страсти въ другомъ. Такъ или иначе, но Клодъ воздержался отъ рискованныхъ разоблаченій и уклончиво отвѣчалъ:

— Какъ вамъ сказать? Въ сущности я ничего не знаю о г-жѣ Моренъ; но вѣдь я ненавистникъ женщинъ по профессіи, какъ говорятъ англичане. Мы часто встрѣчались съ этой молодой женщиной въ свѣтѣ; г-жа Моренъ, дѣйствительно, очень красива и довольно умна. Поздравляю васъ,—прибавилъ Ларшэ, желая подразнить пріятеля.

— Вы, кажется, воображаете, что я влюбленъ въ нее? возразилъ Венси, краснѣя до ушей.

Насмѣшка Клода задѣла его за живое.

— А, такъ она вамъ не нравится? воскликнулъ тотъ, засмѣявшись.—Но не сердитесь!—прибавилъ онъ минуту спустя, и протянулъ гостю руку въ знакъ примиренія. Однако, увидѣвъ по глазамъ Ренэ, что тотъ готовъ высказаться откровенно, онъ остановилъ его.

— Нѣтъ, лучше не разсказывайте мнѣ сегодня ничего: я слишкомъ растроенъ и буду плохимъ собесѣдникомъ. Сердечное горе всегда доводитъ до озлобленія.

Судьба, очевидно, покровительствовала Сюзаннѣ: единственный человѣкъ, способный уронить ее въ глазахъ Ренэ, добровольно воздержался отъ удовольствія позлословить. Венси не оставалось ничего болѣе, какъ обратиться къ Эмиліи, чтобъ излить передъ нею полноту своихъ ощущеній.

Г-жа Френо давно подмѣтила, что Сюзанна произвела сильное впечатлѣніе на ея брата, при его первомъ выѣздѣ въ свѣтъ. Ма-

Digitized by Google

тери и сестры обладаютъ удивительною проницательностью въ этомъ отношеніи. Эмилія видѣла волненіе Ренэ за послѣдніе дни; ей стало ясно, что онъ влюбленъ, и эта нравственная мать семейства не возмутилась при мысли объ интригѣ брата съ замужнею женщиной; по ея мнѣнію, люди геніальные имѣли право устраивать свою жизнь, руководствуясь исключительною моралью. Г-жа Френо вполнѣ извиняла увлеченіе Ренэ аристократкой и даже не ревновала его къ г-жѣ Моренъ, тогда какъ Розалія была ей почти ненавистна, потому что скромная дѣвушка принадлежала къ ихъ собственному кругу, и любовь ихъ должна была кончиться бракомъ. Поэтому Эмилія съ тайной радостью слѣдила за развитіемъ новаго чувства въ сердцѣ Ренэ; она не вызывала его на признанія, предвидя, что онъ самъ выскажется въ минуту откровенности, тѣмъ болѣе, что братъ рѣдко бывалъ дома, избѣгая встрѣчъ съ Розаліей. Г-жа Оффарель два вечера сряду была у Френо съ обѣими дочерьми и, не заставъ дома молодаго человѣка, на котораго позволяла себѣ смотрѣть, какъ на будущаго зятя, не могла удержаться отъ ѣдкаго замѣчанія.

— Какъ видно, Ларшэ каждый вечеръ представляетъ господина Ренэ новой графинѣ? Его никогда не видно дома и у насъ онъ пересталъ бывать.

— Это правда, возразилъ Френо:—куда онъ ушелъ сегодня?

— Братъ снова принялся за свое сочиненіе „Саванарола", отвѣчала Эмилія:—онъ проводитъ вечера въ библіотекѣ.

На другое утро, сестра передала этотъ разговоръ Ренэ. Въ эту минуту онъ переписывалъ на японской бумагѣ стихи для г-жи Моренъ. Эмилія разсказала ему про свою невинную ложь, и повеселѣвшій Ренэ обнялъ ее, говоря:

— Какая же ты находчивая!

— А ты, дѣйствительно, намѣренъ напечатать свое сочиненіе? Ты разбираешь старыя бумаги?

— Нѣтъ, отвѣчалъ юноша. Я хочу прочитать нѣсколько стихотвореній знакомой дамѣ.

— Г-жѣ Моренъ? съ живостью подсказала Эмилія.

— Ты угадала, отвѣчалъ Ренэ, нѣсколько смутившись:—если-бы ты знала!..

И Ренэ пустился восторженно расхваливать Сюзанну, восхищаясь въ то же время каждой мелочью въ ея обстановкѣ; превознося высокій образъ мыслей этой женщины, онъ перескакивалъ къ ея маленькимъ ножкамъ въ изящныхъ башмачкахъ; похвалы необыкновенному уму г-жи Моренъ перемѣшивались у него съ похвалой тисненому бархату на ея бюварѣ. Эмилія нисколько

Digitized by Google

не удивлялась такой путаницѣ идей въ головѣ брата; она всегда мечтала о томъ, чтобы любовь Ренэ была обставлена рамкой изысканной роскоши. Г-жа Френо одинаково страстно желала, чтобы ея братъ обладалъ геніемъ и имѣлъ лошадей; чтобы онъ прославился, какъ авторъ Чайльдъ-Гарольда, и нажилъ четыре тысячи фунтовъ годоваго дохода, которыми располагалъ Байронъ.

Постороннему наблюдателю могло показаться, что Ренэ любилъ Сюзанну за ея обстановку, но Эмилія, съ чисто плебейской наивностью, раздѣляла его восторгъ передъ богатствомъ и не находила въ томъ ничего страннаго.

— Я никому не позволю безпокоить тебя, сказала она уходя изъ комнаты:—но ты долженъ показать мнѣ выбранные тобою стихи.

Переписка стиховъ нѣсколько успокоила молодого человѣка, и онъ могъ терпѣливо дожидаться новаго свиданія съ любимою женщиной. Образъ Сюзанны стоялъ неотступно передъ нимъ съ ея гибкими движеніями, съ граціознымъ поворотомъ головы; онъ видѣлъ передъ собой ея лицо нѣжно-розоваго оттѣнка и переливы свѣта на золотистыхъ волосахъ. Это видѣніе нельзя было сравнить съ безплотнымъ призракомъ; оно волновало чувства Ренэ слишкомъ сильно, и ему слѣдовало бы понять, что подъ изящной внѣшностью Сюзанны и ея артистическимъ кокетствомъ скрывается сладострастная куртизанка. Но Ренэ воображалъ, что онъ пылаетъ къ ней чистой любовью, хотя желаніе обладать этой сиреной доводило его порою до изступленія. Цѣломудренные люди часто увлекаются такимъ сантиментальнымъ миражемъ и тѣмъ легче попадаютъ въ сѣти.

Перебирая старыя бумаги, Ренэ находилъ то и дѣло между ними стихи, посвященные Розаліи; они относились къ тому отдаленному времени, когда онъ любилъ ее. Эти забытые листки вызывали цѣлый рой мучительныхъ воспоминаній. Венси видѣлъ передъ собой холодную, неуютную квартиру Оффарелей; старуху мать, окруженную любимыми кошками; Анжелику за англійскимъ лексикономъ и Розалію, смотрѣвшую на него съ глубокой грустью. Ренэ зналъ, что она терзается ревностью и давно угадала его тайну; ему хотѣлось объясниться съ ней откровенно, но такой рѣшительный шагъ требовалъ слишкомъ много усилій. Юноша догадывался, что Розалія проводитъ въ слезахъ цѣлыя ночи; онъ зналъ всѣ привычки этого наивнаго существа, отдавшаго ему свое сердце. Она часто говорила ему, что только ночью можетъ предаваться горю, если ея душа переполнялась страданіемъ.

При этой мысли, Ренэ опирался головой на руки и говорилъ себѣ: „Виноватъ ли я?“...

Digitized by Google

Эти упреки совѣсти, однако, еще болѣе разжигали его страсть къ г-жѣ Моренъ. Сюзанна, съ своей стороны, ожидала его почти съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, удивляясь сама тому, что̀ съ нею происходитъ. Выходя изъ дому, она осматривалась по сторонамъ, надѣясь увидѣть молодаго человѣка, но онъ нигдѣ не показывался ни на улицѣ, ни въ оперѣ. Обманутое ожиданіе заставило ее немного усомниться въ любви Ренэ; и тогда капризное желаніе видѣть его у своихъ ногъ совершенно овладѣло г-жею Моренъ. Ея мужъ ничего не зналъ о послѣднихъ визитахъ новаго знакомаго; но прислуга могла, наконецъ, догадаться о затѣянной интригѣ.

Однажды Поль сказалъ за обѣдомъ женѣ:

— Я говорилъ съ Дефоржемъ о Ренэ Венси; юноша не понравился ему; дѣйствительно, лучше не знакомиться съ авторами произведеній, которыя намъ нравятся.

Еслибъ эта фраза была сказана при лакеѣ, Сюзаннѣ пришлось бы откровенно признаться мужу, что она продолжаетъ принимать Ренэ. Слѣдовательно, дальнѣйшія свиданія въ улицѣ Мурильо сдѣлались для нихъ невозможными. Наконецъ, желанный день насталъ: юный поэтъ снова появился въ салонѣ Сюзанны; она только что вернулась со свадебной церемоніи, совершонной послѣ обѣдни, и не успѣла еще переодѣться. На ней было довольно нарядное платье, цвѣта мальвы, прекрасно облегавшее бюстъ молодой женщины и ея стройную талію. Послѣ обыкновенныхъ словъ привѣтствія, хозяйка опустилась на низенькое кресло, приготовляясь слушать стихи Ренэ. Ея серьезное лицо и большіе умные глаза выражали глубокое вниманіе, когда онъ читалъ; только изрѣздка и какъ будто противъ воли, у нея вырывались восклицанія:

— Какъ это прекрасно! или:—Повторите, пожалуйста, это стихотвореніе; оно мнѣ ужасно нравится.

Въ сущности, Сюзанна рѣшительно не знала толку въ поэзіи и не интересовалась ею; тѣмъ не менѣе она внимательно слушала, стараясь уловить какое нибудь слово, съ котораго она могла бы начать заранѣе подготовленный разговоръ. Но стихи слѣдовали за стихами, стансы смѣнялись сонетами, а г-жѣ Моренъ все не удавалось придать желаемаго оборота бесѣдѣ со своимъ гостемъ. Между тѣмъ, Ренэ ежеминутно поднималъ глаза на прекрасную слушательницу; его голосъ по временамъ прерывался, и онъ перевертывалъ страницы дрожащими пальцами. Притворное восхищеніе Сюзанны его талантомъ окончательно вскружило ему голову. Наконецъ онъ перешелъ къ послѣднему стихотворенію подъ заглавіемъ: „Глаза Фоконды“. Здѣсь, въ тридцати стро-

Digitized by Google

фахъ, Ренэ развилъ цѣлую философію природы и исторіи; онъ ставилъ это символическое попури выше „Чичисбея“, гдѣ каждая сцена дышала страстью и естественностью; можно представить себѣ восторгъ поэта, когда г-жа Моренъ сказала ему:

— Это стихотвореніе нравится мнѣ больше всѣхъ: какъ умѣете вы описывать великія произведенія художниковъ! Я бы желала отправиться съ вами въ музей; навѣрно вы указали бы мнѣ тамъ на картинахъ много такого, что я угадываю, но не могу хорошенько опредѣлить. Мнѣ случается иногда подолгу бродить въ луврскихъ галлереяхъ, но всегда одной.

Венси тотчасъ пришло въ голову предложить ей свои услуги, но онъ не рѣшился, и г-жа Моренъ, отгадавъ его борьбу, сказала сама:

— Еслибы я не боялась отнять у васъ дорогое время... Кромѣ того, мы еще такъ мало знакомы между собою, прибавила она со вздохомъ.

— Ахъ, сударыня, сказалъ молодой человѣкъ:—мнѣ кажется, что я уже давно вашъ другъ!

— Это потому, что вы видите, какъ мало во мнѣ кокетства, отвѣчала Сюзанна съ добродушной улыбкой.—И я сейчасъ докажу вамъ еще разъ свою безпритязательность. Хотите показать мнѣ Лувръ на будущей недѣлѣ?

Ренэ, конечно, согласился съ восхищеніемъ, и они рѣшили встрѣтиться, въ слѣдующій вторникъ, въ „Квадратной залѣ“. Сюзанна не безъ волненія отправилась въ старинный дворецъ, боясь, чтобы Деформъ или Поль случайно не узнали объ ея похожденіяхъ. Выйдя изъ галлереи Аполлона въ „Квадратную залу“, она увидѣла Ренэ, стоявшаго спиной къ превосходной декоративной картинѣ Веронеза: „Магдалина, умывающая ноги Спасителя“, напротивъ знаменитаго „Брака въ Канѣ Галилейской“. Наивный юноша счелъ своимъ долгомъ нарядиться и походилъ на модную картинку, что представляло забавный контрастъ съ его романической физіономіей. Однако Сюзанна не нашла въ этомъ ничего ни смѣшнаго, ни предосудительнаго; влюбленныя женщины способны слѣпо восхищаться предметомъ своей страсти.

Увидѣвъ г-жу Моренъ, Ренэ вспыхнулъ яркимъ румянцемъ и его глаза сверкнули огнемъ. „Какое счастье, что насъ никто не видитъ“, сказала себѣ молодая женщина. Дѣйствительно, въ залѣ не было никого, кромѣ живописцевъ, располагавшихся со своими принадлежностями, и туристовъ съ путеводителемъ въ рукѣ.

— Я потерялъ всякую надежду васъ дождаться, сказалъ Ренэ.

— Почему же это? возразила Сюзанна съ невиннымъ видомъ.

Digitized by Google

Вы думаете, что я привыкла долго спать? Когда я иду навѣщать своихъ бѣдныхъ, то бываю одѣта съ восьми часовъ утра.

Это было сказано такимъ естественнымъ и веселымъ тономъ, какъ будто дѣло шло о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, и Сюзанна не думала рисоваться своей благотворительностью. Но забавнѣе всего было то, что г-жа Моренъ никогда въ жизни не навѣстила ни одного бѣдняка; нищета пугала ее наравнѣ съ болѣзнью и старостью, и она почти никогда не подавала милостыни. Между тѣмъ, Ренэ повѣрилъ любимой женщинѣ на слово и посмотрѣлъ на нее съ нескрываемымъ благоговѣніемъ.

— Однако, не будемъ терять времени, поспѣшила сказать г-жа Моренъ.—Покажите мнѣ ваши любимыя картины. Я хочу знать, насколько сходятся наши вкусы.

Венси почувствовалъ невольное смущеніе; онъ боялся не угодить Сюзаннѣ своимъ выборомъ. Даже самая заурядная женщина обладаетъ удивительною способностью дать почувствовать влюбленному мужчинѣ свое мнимое превосходство надъ нимъ. Но колебаться было некогда, и молодые люди начали свой обходъ. Ренэ показалъ своей спутницѣ полныя благородства фрески Луини въ узенькой комнатѣ, рядомъ съ „Квадратной залой“.

Взглянувъ на „Распятіе“ Мантегна въ другой маленькой залѣ, при входѣ въ большую галлерею, и полюбовавшись лучшими картинами Рафаэля, они перешли къ портретамъ и остановились противъ изображенія таинственной красавицы съ шифромъ въ волосахъ; въ каталогѣ объ этой картинѣ говорится только, что она принадлежитъ къ венеціанской школѣ. Одинъ свѣдущій комментаторъ утверждалъ, будто бы загадочный вензель означаетъ имена: „Барбарелли и Цецилія“. Такъ звали Джіорджіоне и его возлюбленную. Преданіе говоритъ, что знаменитый живописецъ умеръ изъ-за женщины, увѣковѣченной имъ на полотнѣ.

— Художникъ любилъ ее, а она измѣнила ему, увлекшись однимъ изъ его друзей. На другой картинѣ, которая находится въ Вѣнѣ, Джіорджіоне представилъ самого себя; онъ съ грустью смотритъ на этого друга своими прекрасными глазами, а тотъ приближается къ нему, предательски пряча за спиною кинжалъ.

То же самое недавно разсказывалъ молодой поэтъ Розаліи, и она подняла на него глаза, которые ясно говорили: „Развѣ можно измѣнить тому, кто насъ любитъ“? Молодая дѣвушка ограничилась этимъ краснорѣчивымъ взглядомъ, между тѣмъ какъ Сюзанна довольно долго смотрѣла на загадочную красавицу съ тонкими губами и глубокимъ взглядомъ, а потомъ прибавила, подавляя вздохъ и тряхнувъ бѣлокурою головой:

Digitized by Google

— Она кажется такою кроткою и невинной. Неужели подобная наружность можетъ маскировать измѣну?

Съ этими словами г-жа Моренъ обратила къ Ренэ свои голубые глаза. Ему вспомнились при этомъ черные глаза Розаліи, и въ сердцѣ юноши шевельнулся невольный упрекъ. Но Сюзанна не подозрѣвала борьбы, происходившей въ душѣ ея спутника; она чувствовала, что онъ любуется ея красотой, и не заботилась объ остальномъ. Дѣйствительно, простой костюмъ молодой женщины отличался изяществомъ; золотистые волосы прикрывались круглой шляпкой; роскошный бюстъ облегала короткая кофточка изъ астраханской мерлушки; юбка сѣраго платья ниспадала мягкими складками вдоль красивыхъ бедръ. Сюзанна держала въ рукахъ небольшую муфту, откуда виднѣлся кончикъ вышитаго платка; молодая женщина по временамъ заслоняла ею отъ свѣта глаза, чтобы лучше видѣть картины.

И нѣжная красота, и свѣтская выдержка придавали ей особенную прелесть въ глазахъ поэта. Не мудрено, что этотъ граціозный образъ все больше и больше заслонялъ собою воспоминаніе о скромной дѣвушкѣ. Свѣтская красавица въ сущности не умѣла отличить Рембрандта отъ Перуджино, или Рибейро отъ Ватто, но она слушала объясненія своего спутника съ такимъ видомъ, что онъ и не подозрѣвалъ въ ней полнаго непониманія художественныхъ красотъ.

Ренэ былъ на верху блаженства; время проходило, и онъ испытывалъ неопредѣленное волненіе, къ которому примѣшивались и упреки совѣсти, и то нервное возбужденіе, какое овладѣваетъ знатокомъ передъ великими произведеніями искусства. Юноша сознавалъ, что онъ профанируетъ свое прошлое настоящимъ, а настоящее прошлымъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему такъ хотѣлось продлить эти блаженныя минуты. Такая восхитительная прогулка не повторится больше, онъ не посмѣетъ вторично просить у г-жи Моренъ подобной милости. Между тѣмъ, Сюзанна съ своей стороны упивалась сознаніемъ своей власти надъ влюбленнымъ Ренэ; она изучала его, не спѣша, испытывая при этомъ жгучее наслажденіе и не догадываясь о томъ, что происходило въ душѣ молодаго человѣка. Г-жа Моренъ успѣла узнать его характеръ, но она не знала прошлаго юноши, и ей даже не разъ приходило въ голову, что Ренэ еще не былъ близокъ ни съ одной женщиной. Не подлежало сомнѣнію только одно: Венси гораздо меньше смотрѣлъ теперь на картины, чѣмъ на свою спутницу, и его лицо становилось съ каждой минутой все грустнѣе. Сюзанна угадывала, что его волнуетъ страстная и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительная и робкая любовь. Это

Digitized by Google

цѣломудріе восхищало ее:—она привыкла встрѣчать въ своемъ обществѣ ловкихъ и опасныхъ соблазнителей, смотрѣвшихъ на нее безстыдно проницательнымъ взглядомъ; между тѣмъ въ глазахъ Ренэ свѣтилось столько наивнаго обожанія и столько сердечной муки!

— Боже мой! неожиданно воскликнула Сюзанна, схватываясь за барьеръ, идущій вдоль стѣны:—я оступилась на этомъ скользкомъ паркетѣ и у меня такъ больно подвернулась нога!

Ея прекрасное лицо выражало страданіе, которое она старалась замаскировать улыбкой. Ренэ не на шутку испугался.

— Это ничего, прибавила молодая женщина, замѣтивъ его волненіе:—отдохнемъ немного. Помогите мнѣ дойти до дивана.

И она взяла подъ руку поэта; онъ почти съ благоговѣніемъ поддерживалъ ее, не подозрѣвая искуснаго притворства; онъ совершенно добросовѣстно исполнялъ назначенную ему роль въ любовной комедіи, сочиненной г-жею Моренъ. Она шла, опираясь на его руку; ея бюстъ касался локтя молодаго человѣка, и Венси окончательно потерялъ голову. Онъ не смѣлъ выговорить ни слова; не смѣлъ поднять глазъ. Наконецъ, они усѣлись на диванъ въ залѣ съ картинами Лезюэра, гдѣ было совершенно тихо и довольно мрачно въ это зимнее утро.

— Какъ вы печальны, сказала Сюзанна съ притворнымъ участіемъ.—Сегодня въ васъ замѣтна какая-то перемѣна, но, конечно, я не смѣю настаивать на вашей откровенности.

— О, нѣтъ! съ жаромъ возразилъ Рене. Сегодня я совершенно счастливъ!

Г-жа Моренъ вопросительно взглянула на него, но юноша ни за что не рѣшился бы высказать ей своихъ чувствъ.

— Клодъ Ларшэ часто говорилъ мнѣ, началъ онъ,—что я переживаю теперь самую прекрасную эпоху своей литературной дѣятельности. По его словамъ, въ жизни писателя бываютъ четыре знаменательныхъ періода: неизвѣстность, слава, гоненіе со стороны собратій и, наконецъ, забвеніе. Мнѣ очень, жаль, что вы такъ мало знаете Клода; литература составляетъ для него божество.

— Я готова съ этимъ согласиться, отвѣчала Сюзанна, недовольная оборотомъ разговора.—Одна изъ моихъ пріятельницъ имѣла несчастіе полюбить художника, и она постоянно повторяетъ мнѣ, что подобная привязанность не можетъ дать женщинѣ счастья. Для каждаго артиста искусство стоитъ на первомъ планѣ.

Говоря это, г-жа Моренъ сдѣлалась печальна.

— Что съ вами? спросилъ Ренэ, пораженный такой внезапной перемѣной.

Digitized by Google

— Такъ, ничего, отвѣчала она:—васъ не могутъ интересовать мои горести.

— Неужели вы не допускаете, чтобы я могъ сочувствовать вамъ? возразилъ Ренэ.

— Сочувствовать?.. Да, пожалуй. Но это вамъ не помѣшаетъ очень скоро забыть обо мнѣ.

Еще никогда г-жа Моренъ не казалась Ренэ такою прелестной, какъ въ эту минуту. Ея рука, затянутая въ перчатку, лежала на зеленомъ бархатномъ диванѣ такъ близко отъ молодаго человѣка. Юноша осмѣлился взять ее; г-жа Моренъ не противилась. Нѣкоторыя женщины умѣютъ неподражаемо притворяться, какъ будто не замѣчаютъ фамильярности мужчинъ.

— Да, вы должны думать такимъ образомъ, началъ Венси, пожимая восхитительную маленькую ручку:—и я не имѣю права удивляться этому. Почему вы можете знать, что я питаю къ вамъ иныя чувства, чѣмъ другіе, которыхъ вы встрѣчаете въ свѣтѣ?.. А между тѣмъ, съ тѣхъ поръ какъ я встрѣтилъ васъ у графини Комовой, вся моя жизнь перемѣнилась, и навсегда! Не смѣйтесь, пожалуйста. Это былъ настоящій переломъ; съ тѣхъ поръ я мечталъ только о новой встрѣчѣ съ вами. Мое безуміе росло съ каждымъ днемъ, я пришелъ сюда съ восторгомъ, а теперь мнѣ такъ больно разстаться съ вами... Ахъ, вы не вѣрите мнѣ! Любовь на всю жизнь, съ перваго взгляда, допускается только въ романахъ... Но развѣ этого не бываетъ въ дѣйствительной жизни?

Ренэ замолкъ, испуганный собственнымъ признаніемъ. Сюзанна сидѣла молча, погруженная въ задумчивость, но ея вѣки мигали быстрѣе, дыханіе дѣлалось короче, а маленькая рука дрожала въ рукѣ молодого человѣка. Взволнованный Венси не смѣлъ вѣрить своему счастью и продолжалъ:

— Простите, что я осмѣлился говорить съ вами подобнымъ образомъ. Еслибъ вы знали!., Конечно, это ребячество и безуміе, но когда я васъ встрѣтилъ въ первый разъ, то мнѣ показалось, что мы давно знаемъ другъ друга. Вы воплотили въ себѣ тотъ идеалъ, который я давно ношу въ своемъ сердцѣ. До тѣхъ поръ я только воображалъ, что живу и чувствую. Ахъ, какой безумецъ я былъ! Какой безумецъ я теперь! Я погубилъ себя въ вашихъ глазахъ; но, по крайней мѣрѣ, вы знаете, что я васъ люблю. Дѣлайте теперь со мной, что хотите. Боже мой, какъ я васъ люблю! Какъ я васъ люблю!..

Ренэ съ обожаніемъ смотрѣлъ на Сюзанну, изливая въ этихъ словахъ пожиравшую его страсть. Вдругъ онъ увидѣлъ, что глаза

Digitized by Google

г-жи Моренъ наполнились слезами, которыя медленно полились по ея розовымъ щекамъ, оставляя на нихъ влажный слѣдъ.

— Ахъ! воскликнулъ онъ:—вы плачете! Вы...

— Замолчите! прервала Сюзанна, закрывая ему рукою ротъ. Въ ея взглядѣ отражалось смятеніе. Да, вы растрогали меня. Вы заставили меня открыть въ моемъ сердцѣ такія бездны, о которыхъ я и не подозрѣвала... Ахъ! я боюсь васъ, боюсь самой себя, боюсь оставаться здѣсь. Нѣтъ, мы не должны больше встрѣчаться. Я не свободна. Мнѣ не слѣдовало бы выслушивать того, что̀ вы мнѣ говорите...

Сюзанна замолкла, потомъ сама взяла руку Ренэ и продолжала:

— Къ чему лгать?.. Можетъ быть, я раздѣляю ваши чувства, хотя и не подозрѣвала объ этомъ до настоящей минуты, клянусь вамъ. Эта симпатія, которой я подчинялась невольно, привела меня сюда... Боже мой!.., Ахъ, теперь мнѣ все понятно... Какъ легко бѣдной женщинѣ увлечься и потерять свое сердце!..

На ея рѣсницахъ снова задрожали свѣтлыя капли слезъ. Венси былъ совершенно ошеломленъ.

— Скажите только одно: прощаете ли вы меня? съ трудомъ вымолвилъ онъ.

— Да, я васъ прощаю, отвѣчала г-жа Моренъ, до боли стискивая его руку.—Я сознаю, что полюбила васъ въ свою очередь, отвѣчала она серьезнымъ тономъ:—прощайте; я запрещаю вамъ слѣдовать за мною. Это наша послѣдняя встрѣча наединѣ.

Сюзанна поднялась съ мѣста, какъ будто очнувшись отъ сладкаго забытья. Ея лобъ былъ нахмуренъ; во взглядѣ выражалось оскорбленное достоинство. Она, повидимому, забыла и боль въ ногѣ, и усталость. Растерянный Ренэ смотрѣлъ ей вслѣдъ, не смѣя удерживать предметъ своей пылкой любви. Когда онъ пришелъ въ себя и бросился за нею, было слишкомъ поздно; г-жа Моренъ успѣла уже спуститься съ лѣстницы, пройти черезъ квадратный дворъ и сѣсть въ наемный фіакръ, чтобы вернуться въ улицу Мурильо. Прижавшись въ уголъ кареты, Сюзанна лукаво улыбалась и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала себя разстроенной.

Теперь наивный юноша будетъ изыскивать средства къ примиренію съ нею, и ему не придетъ въ голову спросить себя, какъ могла его непреступная мадонна такъ снисходительно выслушать его слова любви и отвѣтить на нихъ взаимнымъ признаніемъ.

Венси, конечно, примется преслѣдовать ее письмами. Она не отвѣтитъ на два, на три изъ нихъ, а потомъ сдѣлаетъ видъ, что повѣрила его угрозамъ наложить на себя руки съ отчаянья,

Digitized by Google

и придетъ къ нему, чтобъ отдаться любимому человѣку въ его тихомъ укромномъ жилищѣ, которое онъ описывалъ ей со всѣми подробностями. Сюзанна заранѣе продвкушала восторги ихъ пылкой любви, вспоминая лицо поэта, преображенное нѣжнымъ волненіемъ, и его дивные глаза, смотрѣвшіе на нее съ такимъ восторгомъ. Въ эту самую минуту, г-жа Моренъ увидала въ окно фіакра барона Деформа. Онъ переходилъ бульваръ Гаусмана, очевидно, направляясь къ ней завтракать. Молодая женщина взглянула на миньятюрные часы, висѣвшіе у нея на браслетѣ: они показывали только двадцать минутъ перваго. Сюзанна успокоилась: она успѣетъ вернуться домой раньше прихода гостя. Мысль о томъ, что ей удалось перехитрить подозрительнаго любовника и насладиться втихомолку запретнымъ удовольствіемъ, восхищала ее. Она улыбнулась и слегка задернула штору въ окнѣ кареты, чтобъ избѣжать проницательнаго взгляда Деформа. И онъ, дѣйствительно, не замѣтилъ ея.

X.

Оставшись одинъ у воротъ музея, Ренэ Венси долго не могъ прійти въ себя. Цѣлый вихрь противорѣчивыхъ идей проносился у него въ головѣ; юноша буквально былъ не въ силахъ сообразить, гдѣ онъ и что съ нимъ происходитъ. Разсчетъ Сюзанны оказался вѣренъ: юный поэтъ былъ совершенно неспособенъ здраво разсуждать въ настоящую минуту, и неожиданное признаніе въ любви съ ея стороны нисколько не уронило непорочную мадонну въ его глазахъ; онъ видѣлъ ее передъ собою съ выраженіемъ ужаса на прекрасномъ лицѣ, со слезами, повисшими на рѣсницахъ. „Она любитъ меня, и никогда не проститъ мнѣ того, что я заставилъ ее высказаться“, говорилъ себѣ Ренэ, совершенно увѣренный въ томъ, что г-жа Моренъ твердо рѣшилась прекратить опасное знакомство. Онъ машинально шелъ по улицамъ, поглощенный своими печальными думами. Въ такія минуты человѣкомъ обыкновенно овладѣваетъ жажда одиночества. Ренэ взялъ фіакръ и приказалъ везти себя за городъ, по направленію къ Сен-Клу; онъ выбралъ эту мѣстность наудачу, потому что Сюзанна однажды разсказывала ему о двухъ праздникахъ, на которыхъ она веселилась въ этомъ замкѣ въ юные годы. Отпустивъ экипажъ, Венси углубился въ обширный паркъ съ обнаженными деревьями; сухіе листья хрустѣли у него подъ ногами; голубое холодное небо разстилалось надъ окрестностью.

Digitized by Google

Иногда, межъ черныхъ древесныхъ стволовъ и голыхъ сучьевъ, мелькала печальная развалина стариннаго замка и зеленоватая вода въ пруду, гдѣ нѣсколько лѣтъ назадъ, передъ глазами г-жи Моренъ, катался въ лодкѣ несчастный благородный принцъ, убитый дикарями на знойномъ африканскомъ берегу.

Однако зимній пейзажъ и воспоминанія трагическаго прошлаго, осѣняющія Сен-Клу, не могли разсѣять Ренэ; его по прежнему неотступно терзала мысль, какимъ образомъ побѣдить упорство женщины, которая любила его и была любима имъ, какимъ образомъ увидѣться съ г-жею Моренъ? Прійти въ ея домъ, не смотря на запрещеніе? Искать съ ней встрѣчи въ свѣтскихъ салонахъ, въ театрѣ и на улицѣ? Нѣтъ, онъ не сдѣлаетъ ничего такого, что̀ могло бы оскорбить Сюзанну; она сама должна добровольно дать ему все, даже право любоваться ею. Ренэ былъ идеалистъ и мечтатель; онъ относился къ г-жѣ Моренъ съ тѣмъ почтительнымъ обожаніемъ, какое выказывалъ Дантъ своей Беатриче, Петрарка своей Лаурѣ, Цино Пистойскій—Сильвіи; эти великіе поэты питали къ своимъ возлюбленнымъ неземную любовь, состоявшую изъ самоотреченія и возвышенныхъ порывовъ. Но средніе вѣка съ ихъ мечтательною поэзіей давно отошли въ область прошедшаго. Чувство Ренэ къ Сюзаннѣ не могло принять такого монашескаго колорита; красота молодой женщины и окружавшая ее роскошь бесознательно будили въ немъ совершенно иные инстинкты. Онъ былъ не въ силахъ подчиниться ея рѣшенію: отказаться отъ необъятнаго блаженства, которое сулила ему любовь такой красавицы. Различные проэкты закружились у него въ головѣ, пока онъ бродилъ по лѣсу, стараясь успокоить мучительное возбужденіе нервовъ усиленнымъ моціономъ. Наступилъ вечеръ; печальныя зимнія сумерки окутали окрестность; Ренэ вдругъ почувствовалъ страшную усталость, онъ направился къ деревнѣ Сен-Клу и зашелъ въ кафе отдохнуть; дорогой сюда у него созрѣло рѣшеніе немедленно написать г-жѣ Моренъ. Ему подали какой-то ужасный бюваръ, скверное перо и невозможную бумагу. Влюбленный поэтъ принялся писать подъ звукъ бильярдныхъ шаровъ, въ облакахъ табачнаго дыма. Неопрятный гарсонъ насмѣшливо посматривалъ на страннаго посѣтителя. Ренси мучительно сознавалъ, что такая пошлая обстановка жестоко профанируетъ то чувство, которое онъ старался излить въ своемъ письмѣ; но съ другой стороны ему казалось невозможнымъ откладывать дольше необходимый шагъ. Баронъ Деформъ отъ души посмѣялся бы надъ этимъ посланіемъ, адресованнымъ его Сюзаннѣ, приходившей къ нему тайкомъ въ улицу

Digitized by Google

Монъ-Таборъ. Разорвавъ нѣсколько листковъ, Ренэ наконецъ сочинилъ слѣдующее:

„Я написалъ вамъ нѣсколько писемъ, сударыня, но уничтожилъ ихъ всѣ и теперь не знаю, пошлю ли и это. Боязнь быть вамъ непріятнымъ заставляетъ меня находить дерзкимъ выраженія чувствъ, которыя не оскорбили бы васъ, еслибы вы могли читать въ моемъ сердцѣ; но вы знаете меня такъ мало и въ ту минуту, когда я пишу эти строки, вы, пожалуй, навсегда вырвали изъ своего сердца то чувство, которое обнаружили передо мной съ божественной искренностью чистой души, недоступной ни малѣйшему лукавству. Ахъ, если это такъ, не отвѣчайте на мое письмо, не читайте его даже, я съумѣю понять ваше молчаніе и, покориться своей судьбѣ! Я буду жестоко страдать, питая къ вамъ въ то же время вѣчную благодарность за то, что вы доставили мнѣ ни съ чѣмъ несравнимое блаженство видѣть передъ собой воплощеніе идеала, взлелѣяннаго въ душѣ. Хотя бы мнѣ даже пришлось умереть отъ горя, я умру безъ сожалѣнія; какова бы не была моя послѣдующая жизнь,—дорогое, божественное воспоминаніе о васъ, послужитъ мнѣ спасительнымъ талисманомъ на жизненномъ пути.....

„Но хотя я и недостоинъ быть любимымъ вами, если ваши чувства, ваша симпатія не успѣли погаснуть, сжальтесь надо мною, отмѣните жестокое рѣшеніе не видѣться со мною больше! Я требую очень немногаго и буду покоренъ вамъ во всемъ. Выслушайте меня. Насколько мнѣ удалось замѣтить во время нашихъ недолгихъ бесѣдъ, въ вашей жизни, не смотря на кажущееся довольство, существуетъ немало пробѣловъ. Неужели вы никогда не испытывали потребности имѣть возлѣ себя преданнаго друга, который, не требуя никакихъ особыхъ правъ, раздѣлялъ бы ваши печали и радости? Вотъ чѣмъ мечталъ я быть до того роковаго свиданія, когда волненіе пересилило мою волю, и я не могъ скрывать своихъ чувствъ. Но я такъ безпредѣльно люблю васъ, что способенъ еще и теперь осуществить эту мечту; приблизьте меня къ себѣ; подумайте, чѣмъ вы рискуете? Я буду вашимъ покорнымъ рабомъ, и вы можете удалить меня, когда только захотите. Боже мой! какъ сжимается мое сердце при мысли о томъ, что вы будете читать эти строки. Каковъ-то будетъ вашъ отвѣтъ? Призовете ли вы меня опять въ свой завѣтный уголокъ, гдѣ я пережилъ столько блаженныхъ минутъ, и гдѣ вы были такъ добры ко мнѣ? Скажите мнѣ только одно слово: „я васъ прощаю“, скажите: „я вамъ позволяю видѣться со мною, постараемся быть друзьями.“ Вы произнесли бы это желанное слово, еслибы могли читать въ глубинѣ моей души; но если вы останетесь неумоли-

Digitized by Google

мой, то не услышите отъ меня ни ропота, ни упрека. Я остаюсь вѣчно благодаренъ вамъ. Сегодня мнѣ стало понятно, что человѣкъ можетъ быть счастливъ, даже страдая за любимое существо!"...

Ренэ бросилъ письмо въ почтовый ящикъ и, пообѣдавъ мимоходомъ въ первомъ попавшемся ресторанѣ, только въ половинѣ десятаго добрался до дому. Франсуаза чуть не выронила лампы изъ рукъ при видѣ его.

— Ахъ, баринъ! вскричала она:— еслибы вы знали, какъ безпокоилась о васъ г-жа Френо!

Эмилія бросилась въ прихожую на встрѣчу брату. Она не думала упрекать его и поспѣшила предупредить о присутствіи Оффарелей. Встрѣча съ Розаліей была новымъ ударомъ для Репэ; воспоминаніе о ней отравляло сегодня сладкіе часы, проведенные съ Сюзанной въ Луврѣ, а теперь ему предстояло столкнуться съ обманутой дѣвушкой лицомъ къ лицу. Вся компанія, по обыкновенію, сидѣла вокругъ стола; Розалія съ матерью вязали длинные шерстяные напульсники для старика Оффареля: этотъ мнительный человѣкъ вообразилъ за послѣднее время, что ему угрожаетъ ломота въ рукахъ, и ходилъ на службу не иначе, какъ вооруженный теплыми нарукавниками. Забавляясь игрою въ пикетъ съ хозяиномъ, онъ тянулъ крѣпкій грогъ, не смотря на мнимую подагру. Анжелика Оффарель помогала Эмиліи разматывать шолкъ. Эта мирная группа напомнила поэту его недавнее прошлое. Къ счастью, басистый голосъ учителя вывелъ юношу изъ задумчивости

— Ну, милѣйшій!,—сказалъ Френо:—ты можешь похвастаться тѣмъ, что у тебя необыкновенно благоразумная сестрица. Она не хотѣла совсѣмъ ложиться спать, пока ты не придешь. „Ахъ, Боже мой! навѣрно съ нимъ случилось какое нибудь несчастіе; иначе онъ послалъ бы депешу". Еще немного, и она прогнала бы меня за справками въ моргъ. Ужь я говорилъ ей, что тебя навѣрно задержали гдѣ нибудь..... Вамъ сдавать, господинъ Оффарель!

— Я ѣздилъ за городъ и пропустилъ поѣздъ. Вотъ и все, отвѣчалъ Ренэ.

— Вы немножко блѣдны. замѣтила г-жа Оффарель. Можетъ быть, вамъ нездоровится?....

— Садитесь сюда, господинъ Ренэ, перебила Розалія, робко улыбаясь:—я положу шляпу отца на другое мѣсто.

— Дай ее сюда, сказалъ старикъ, высматривая свободное мѣстечко на буфетѣ.—Тутъ она будетъ въ бо̀льшей безопасности. Вѣдь это мой нумеръ первый и жена разбранитъ меня, если со шляпой случится бѣда.

— Она уже такъ давно служитъ первымъ нумеромъ! задорно

Digitized by Google

воскликнула Анжелика.—Посмотри сюда, папа: вотъ настоящій первый нумеръ! прибавила насмѣшница, взявъ шляпу Ренэ и повертывая ее во всѣ стороны при свѣтѣ лампы, рядомъ съ поношеннымъ и побурѣвшимъ старомоднымъ цилиндромъ отца.

— Для господина Ренэ теперь нѣтъ ничего достаточно прекраснаго, замѣтила съ обычной язвительностью г-жа Оффарель. —А тебѣ стыдно смѣяться надъ роднымъ отцомъ, сердито отрѣзала старуха, обращаясь къ дочери.—Дай Богъ, чтобы твой будущій мужъ всегда одѣвался такъ прилично, какъ онъ...

Ренэ, между тѣмъ, сѣлъ на стулъ рядомъ съ Розаліей. Онъ не отвѣтилъ на колкость ея матери и не принялъ участія въ общемъ разговорѣ, которому благоразумная Эмилія постаралась дать другой оборотъ. Она свела рѣчь на хозяйство. Для г-жи Оффарель это былъ самый пріятный предметъ бесѣды, наравнѣ съ неистощимыми анекдотами о ея любимыхъ кошкахъ; у нея не только имѣлись въ запасѣ рецепты множества блюдъ, но она знала также, гдѣ можно выгодно достать ту или другую провизію. Для этой неутомимой хозяйки ничего не значило дѣлать страшные концы по городу пѣшкомъ или въ омнибусѣ, отъискивая какой нибудь особенно лакомый продуктъ. Кофе она брала непремѣнно въ одномъ излюбленномъ магазинѣ, итальянское печенье въ другомъ. Ей было въ точности извѣстно, въ какіе дни нѣкоторые купцы получаютъ свѣжую привозную колбасу, черные оливки и т. д. Мать Розаліи съ увлеченіемъ описывала свои экскурсіи по Парижу и новыя открытія въ этой области. Въ прежнее время, ея болтовня смѣшила Ренэ, но сегодня онъ видѣлъ въ ней одну пошлую сторону. Передъ нимъ неотступно стоялъ поэтическій образъ Сюзанны въ ореолѣ святости и утонченнаго аристократизма, и ему особенно претили мелочи мѣщанской среды, въ которой онъ до сихъ поръ вращался. Юный мечтатель не зналъ, что человѣческое существованіе во всѣхъ слояхъ общества имѣетъ свою неприглядную изнанку. Въ высшемъ свѣтѣ люди также не избавлены отъ зависти, унизительнаго разсчета и сдѣлокъ со своею совѣстью. Наряду со всѣмъ этимъ, буржуазная забота объ экономіи, пожалуй, отзывается самымъ милымъ добродушіемъ! Венси смотрѣлъ на Розалію, внутренно возмущаясь ея сходствомъ съ матерью, хотя молодая дѣвушка была красива. Ея продолговатое личико, поблѣднѣвшее отъ горя, казалось выточеннымъ изъ слоновой кости, а когда она подняла на Ренэ свой взглядъ, въ немъ свѣтилась такая искренняя любовь, что ему стало не по себѣ. Но зачѣмъ темные глаза Розаліи напоминали глаза противной г-жи Оффарель, зачѣмъ у нея былъ такой же овалъ лица, такія же

Digitized by Google

линіи рта и подбородка? Юноша ставилъ въ упрекъ своей бывшей возлюбленной и это родственное сходство, и блѣдность, и нѣмое горе, и даже кроткое молчаніе бѣдной дѣвушки. На самомъ же дѣлѣ она была виновата передъ нимъ только тѣмъ, что ея видъ вызывалъ въ немъ невольные упреки совѣсти. „Я долженъ откровенно объясниться съ Розаліей“ говорилъ себѣ Венси: „только тогда я буду вполнѣ достоинъ Сюзанны“. Образъ г-жи Моренъ воскресъ въ его памяти съ поразительной живостью: эта красота, казавшаяся ему небесной, имѣла магическое свойство дѣйствовать на чувства, погружая разсудокъ въ сладкое опьяненіе.

Между тѣмъ старикъ Оффарель добродушно говорилъ хозяину:

— Однако я обыгралъ васъ, милѣйшій, на цѣлыхъ четырнадцать су.... Хе! хе! вотъ мнѣ и хватитъ на сигары на всю недѣлю. Ну, что же? прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ:—вы готовы? Двинемтесь домой!

— Такъ какъ мы всѣ теперь въ сборѣ, замѣтила жена, искоса взглянувъ на Ренэ,—то назначьте день, когда вы придете къ намъ обѣдать. Желаете въ субботу? Г-ну Френо это будетъ удобнѣе... Ну а вы, г-нъ Ренэ?.. Будьте увѣрены, что я угощу васъ не хуже, чѣмъ тѣ графы и князья, у которыхъ лизоблюдничаетъ вашъ другъ Ларшэ.

— Сударыня!.. возразилъ обиженный юноша.

— Пожалуйста, не кипятитесь! безцеремонно прервала старуха. —Моя покойная бабушка всегда говорила: лучше съѣсть кусокъ чернаго хлѣба у себя дома, чѣмъ индѣйку съ трюфелями въ гостяхъ...

Обвиненіе Клода въ обжорствѣ было совершенной нелѣпостью: бѣдный Ларшэ при своемъ разстроенномъ здоровьѣ постоянно соблюдалъ строгую діэту. Въ другое время выходка г-жи Оффарель разсмѣшила бы Венси, но на этотъ разъ онъ принялъ ея колкость чуть не за кровную обиду и окончательно рѣшилъ порвать свои отношенія съ Розаліей. Не мудрено, что Ренэ, не смотря на усталость, долго не могъ заснуть по уходѣ гостей. Его мысли возвращались то къ письму, отосланному изъ Сен-Клу Сюзаннѣ, то къ предстоящему тяжелому объясненію съ мадмуазель Оффарель. Утромъ онъ принялся писать ей, но не могъ найти подходящихъ словъ.

Наконецъ вошла Эмилія съ газетами.

— Ты чѣмъ-то разстроенъ, милый Ренэ? встревоженно спросила она.

Безграничная преданность, свѣтившаяся въ ея глазахъ, придала бодрости молодому поэту, и онъ безъ утайки разсказалъ ей

Digitized by Google

исторію своей остывшей любви къ Розаліи. Прежде всего, г-жа Френо почуствовала себя оскорбленной скрытностью брата и тотчасъ перенесла свою досаду на неповинную дѣвушку.

— Я никогда бы не повѣрила, что она способна такъ обманывать родителей!

— Не осуждай ея, возразилъ пристыженный Ренэ.

Это я не позволялъ ей говорить никому о нашей помоловкѣ. Я одинъ виновать во всемъ...

— Ты! воскликнула Эмилія, обнимая брата:—ты слишкомъ добръ и мягокъ! Но я охотно возьму на себя объясниться съ Розаліей. Ты хорошо сдѣлалъ, что обратился ко мнѣ; тебѣ давно пора выйти изъ ложнаго положенія. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; я сегодня же отправлюсь въ улицу Баньё, и все будетъ рѣшено. Не бойся: женщины умѣютъ высказать, что угодно, самымъ безобиднымъ образомъ.

Однако, во время завтрака, г-жа Френо была грустна и озабочена. Мужъ встревожился этимъ, а Ренэ невольно краснѣлъ за свою трусость. Пожалуй, бѣдная Розалія будетъ оскорблена посредничествомъ сестры? Зачѣмъ прибавлять новую обиду къ ея неизбѣжному горю? Венси былъ готовъ остановить Эмилію, когда она, совсѣмъ одѣтая, пришла къ нему проститься, отправляясь къ Оффарелямъ. Однако молодой человѣкъ ничего не сказалъ. Послѣ ея ухода, онъ опять задумался о Сюзаннѣ, и эти мысли до того поглотили его, что Ренэ почти съ удивленіемъ встрѣтилъ сестру, вернувшуюся домой часа полтора спустя. Взволнованное лицо Эмиліи заставило его опомниться.

— Ну, что же? запинаясь, спросилъ онъ.

— Все покончено, отвѣчала вполголоса г-жа Френо:—ахъ Ренэ, только сегодня я вполнѣ узнала Розалію!..

— Что же она тебѣ говорила?

— Представь себѣ: ни одного упрека, но какъ бѣдняжка плакала!., Ахъ, какъ она любитъ тебя!.. Ея мать ушла изъ дому съ Анжеликой. Розалія отворила мнѣ дверь и такъ страшно поблѣднѣла, какъ будто была готова упасть въ обморокъ. Она догадалась о цѣли моего посѣщенія, прежде, чѣмъ я успѣла сказать одно слово. Мы заперлись въ ея комнатѣ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаешь твои портреты, засушенные цвѣты, собранные во время вашихъ прогулокъ, и гравюры изъ иллюстрацій къ твоей пьесѣ... Я осторожно приступила въ розговору, взволнованная не меньше бѣдной дѣвушки. Она мнѣ сказала: „какъ хорошо сдѣлалъ Ренэ, что выбралъ васъ посредницей. По крайней мѣрѣ, вы не осудите меня за мою безумную любовь...“

Digitized by Google

Потомъ Розалія прибавила: „я давно была готова къ разрыву, потому что никогда не вѣрила вполнѣ своему счастью... Мое прошедшее было слишкомъ прекрасно... Попросите только вашего брата, чтобъ онъ не требовалъ у меня обратно писемъ...“ То были ея послѣднія слова. Не спрашивай меня больше ни о чемъ: мнѣ тяжело говорить... Я боюсь, чтобы горе дѣвушки не принесло тебѣ несчастья...

XI.

На другой день послѣ прогулки въ Луврѣ, г-жа Моренъ получила письмо Венси. Ей принесли его вмѣстѣ съ другими письмами поутру, за нѣсколько минутъ до прихода Поля въ комнату жены. Сюзанна жадно перечитывала строки любовнаго посланія, когда на порогѣ спальни появилась фигура мужа.

— Здравствуй, Сюзанна! крикнулъ онъ своимъ звучнымъ, веселымъ голосомъ:—здорова ли ты, моя бѣлокурая роза?

За этимъ привѣтствіемъ, по обыкновенію, слѣдовали жаркіе поцѣлуи. Моренъ любилъ иногда обращаться съ женой, какъ съ любовницей. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ странныхъ мужей, которые считаютъ нужнымъ посвящать своихъ женъ во всѣ темныя стороны жизни, „чтобы онѣ перестали интересоваться запретнымъ плодомъ“. Увидѣвъ Сюзанну за чтеніемъ письма, Поль принялся цѣловать ее въ затылокъ.

— Отстань, дай мнѣ дочитать до конца, а потомъ я заварю чай! говорила она, отстраняя его.

Г-жа Моренъ знала заранѣе, что мужъ не интересуется ея перепиской, а потому, не спѣша, перечитала во второй разъ пламенныя фразы Ренэ, послѣ чего спрятала его письмо за корсажъ.

— Ты что-то необыкновенно весела сегодня, замѣтилъ Поль. Будь я ревнивъ, то заподозрилъ бы, что ты скрываешь отъ меня важную тайну. Пожалуй, таинственное письмо написано какимъ нибудь влюбленнымъ юношей. Но еслибъ ты знала, какъ тебѣ идетъ радостное оживленіе! прибавилъ онъ, цѣлуя обнаженную руку жены съ золотистымъ пушкомъ на влажной кожѣ, сохранившей еще теплоту и ароматъ душистой ванны.

— Ты правъ, я получила любовное посланіе! отвѣчала Сюзанна съ лукавой улыбкой.

Женщины любятъ такимъ образомъ шутить опасностью, высказывая игривымъ тономъ такія вещи, которыя могли бы погубить ихъ при иныхъ условіяхъ. Это пріятно щекочетъ имъ нервы.

Digitized by Google

— Интересенъ ли, по крайней мѣрѣ, твой поклонникъ? продолжалъ Моренъ, принимая все дѣло за пустую болтовню.

— Онъ очень милъ...

— Не могу ли я узнать его имя?

— Вы очень любопытны. Угадайте!

— О, я слишкомъ занятъ для этого! Ахъ, Сюзанна, прибавилъ Поль, перемѣняя тонъ и говоря съ глубокимъ чувствомъ:— какъ было бы ужасно усомниться въ тебѣ!.. Представь себѣ, еслибъ я терзался ревностью, просиживая по цѣлымъ днямъ въ своей конторѣ! Но вотъ мнѣ пришла въ голову отличная идея: я поручу Деформу шпіонить за тобою! заключилъ довѣрчивый мужъ, снова принимаясь шутить.

„Хорошо, что онъ сказалъ эту глупость безъ свидѣтелей", подумала г-жа Моренъ: „у него манія болтать вздоръ при посторонникъ!"

Къ счастію, письмо Ренэ заставило Сюзанну забыть всякую досаду на мужа. Невѣрныя жены удивительно ловко втираютъ очки своимъ мужьямъ, а потомъ сами же сердятся, когда тѣ заходятъ слишкомъ далеко въ своемъ ослѣпленіи. Сюзанна сладко замечталась о юномъ поэтѣ, представляя себѣ во всѣхъ подробностяхъ недавнюю встрѣчу въ Луврѣ; взволнованный взглядъ Ренэ, его мужественную красоту. Она страшно жаждала его ласкъ, но благоразуміе заставляло ее дѣйствовать осторожно: ей не слѣдовало отвѣчать ему ни на первое, ни на второе письмо. Однако молодая женщина прождала слѣдующаго письма цѣлыхъ три дня. Ея увѣренность въ любви Венси готова была поколебаться, но на слѣдующій день, катаясь въ каретѣ, Сюзанна увидѣла Ренэ на углу улицы Мурильо. Она сдѣлала видъ, что не замѣтила его, и прижалась въ уголокъ экипажа съ самымъ грустнымъ видомъ, способнымъ растрогать даже тигра, какъ будто комфортабельное купэ со всевозможными приспособленіями было тюремной повозкой, а сама г-жа Моренъ невинной жертвой— жертвой своего мужа, своей роскоши, своей любви и добродѣтели!... И она дѣйствительно страдала въ эту минуту; отъ нея не укрылась блѣдность Ренэ и отчаяніе въ его чертахъ; ей такъ хотѣлось остановить быстро мчавшійся экипажъ и подойти къ молодому человѣку или подозвать его къ себѣ и увезти съ собою, а потомъ шепнуть ему наединѣ: „Вѣдь я плачу тебѣ полной взаимностью". Но Сюзанна не поддалась малодушному влеченію; она спокойно отправилась бродить по магазинамъ и сдѣлала нѣсколько визитовъ, разсчитывая навѣрняка получить второе письмо. Оно пришло въ тотъ же вечеръ, но довольно некстати. Вер-

Digitized by Google

нувшись домой послѣ встрѣчи съ Сюзанной, Ренэ, пожираемый лихорадкой, настрочилъ длинное письмо, которое было отправлено имъ съ посыльнымъ. Г-жа Моренъ получила его изъ рукъ лакея въ присутствіи Деформа. Баронъ пришелъ къ ней передъ обѣдомъ, по обыкновенію, съ дорогимъ подаркомъ. На этотъ разъ онъ принесъ Сюзаннѣ хорошенькій ящичекъ изъ стариннаго золота, пріобрѣтенный имъ на аукціонѣ въ отелѣ Друо. Узнавъ почеркъ на адресѣ, молодая женщина постаралась ничѣмъ не обнаружить своего волненія; она разорвала конвертъ и наскоро пробѣжала глазами письмо, предварительно взглянувъ на подпись; потомъ она положила листокъ вмѣстѣ съ другими бумагами на столъ, обвитый плющемъ.

— Опять просьба о пособіи, замѣтила вскользь г-жа Моренъ:— за послѣднее время меня просто осаждаютъ просители. Какъ вы избавляетесь отъ нихъ, Фредерикъ?

— Очень просто, отвѣчалъ Деформъ:—на первый разъ даю пятьдесятъ франковъ, потомъ двадцать, а третья просьба остается безъ отвѣта. Мой секретарь получилъ на этотъ счетъ точныя инструкціи. Вотъ еще одна добродѣтель, которой я не вѣрю: благотворительность. Какъ будто бѣдные нуждаются потому, что у нихъ нѣтъ денегъ; они доходятъ до нищеты, благодаря своему характеру, а характера никогда не исправить. Готовъ держать пари на двадцать пять луидоровъ, что та личность, которая писала вамъ сегодня, имѣла случай десять разъ въ жизни пріобрѣсти себѣ состояніе или, по крайней мѣрѣ, обезпечить себя на черный день; стоитъ только навести о ней подробныя справки, чтобы убѣдиться въ этомъ. Вы можете подарить ей цѣлый капиталъ и все таки, нѣсколько лѣтъ спустя, она придетъ къ тому же результату. Я вовсе не скупъ и готовъ помочь нуждающемуся, но увѣренъ въ томъ, что деньги, раздаваемыя бѣднымъ, не приносятъ рѣшительно никакой пользы. Присяжные благотворители и благотворительницы занимаются этимъ дѣломъ ради рекламы и личныхъ выгодъ...

— Замолчите, неисправимый скептикъ! прервала Сюзанна:—вы только на словахъ такъ безсердечны, мы вѣдь знаемъ васъ! прибавила она, улыбнувшись.

Польщенный баронъ сдѣлался особенно разговорчивъ, и тревожное состояніе г-жи Моренъ ускользнуло на этотъ разъ отъ его проницательности.

Оставшись одна, молодая женщина принялась перечитывать письмо Ренэ. Оно было наполнено страстными мольбами. Грустный видъ Сюзанны во время прогулки въ каретѣ, очевидно, по-

Digitized by Google

дѣйствовалъ на юношу. Онъ не предлагалъ ей больше своей дружбы, но писалъ: „Такъ какъ вы меня любите, то пожалѣйте сами себя, если не хотите сжалиться надо мною...“ Подобная фраза, написанная другимъ, показалась бы г-жѣ Моренъ непростительнымъ фатовствомъ, между тѣмъ у Венси эти слова дышали правдой. „Какъ онъ любитъ меня!“ съ восторгомъ повторяла Сюзанна. Ее сильно искушало желаніе отвѣтить на милое письмо, однако она поборола себя и рѣшилась выжидать, когда Ренэ напишетъ ей въ третій разъ, чтобы имѣть предлогъ явиться къ нему, съ цѣлью удержать его отъ самоубійства. Онъ будетъ ошеломленъ ея неожиданнымъ появленіемъ и не устоитъ передъ напоромъ страсти. Онъ такъ неопытенъ, что не съумѣлъ бы овладѣть ею при другихъ условіяхъ. Венси живетъ не одинъ... Но что жь изъ этого? Чѣмъ больше препятствій, тѣмъ пріятнѣй упиться запретной любовью съ избранникомъ сердца, одновременно обманывая и мужа и любовника! Сюзанна окончательно рѣшила ждать третьяго письма и коротала время на званыхъ обѣдахъ, въ театрѣ, дѣлала визиты, пожираемая мыслью о затѣянной интригѣ. На ея счастье, Деформъ цѣлую недѣлю не приглашалъ свою „Сюзонъ“ въ улицу Монъ-Таборъ, вѣроятно, по настоянію доктора Нуаро. Она знала, что не избавилась отъ него окончательно, что, даже сойдясь съ Ренэ, ей нельзя было оттолкнуть отъ себя богатаго любовника.

Но г-жа Моренъ спокойно мирилась съ этимъ, какъ и съ необходимостью принадлежать мужу. Женщины замужнія или содержанки обыкновенно возмущаются сценами ревности со стороны мужчины, котораго любятъ безкорыстно: „что тебѣ за дѣло до другихъ, если я люблю только одного тебя?..“ возражаютъ онѣ въ такомъ случаѣ. Имъ хорошо извѣстно, что отдаваться по любви совсѣмъ не то, что отдаваться ради исполненія долга, ради денегъ или просто изъ шалости. Тѣмъ не менѣе, Сюзанна радовалась своей временной свободѣ. Поглощенная новымъ чувствомъ, она и здѣсь являлась настоящей куртизанкой, однимъ изъ тѣхъ созданій, которыя при искреннемъ увлеченіи становятся артистками въ дѣлѣ любви, настолько-же деликатными въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, насколько онѣ безнравственны въ другихъ.

„Только бы онъ не вздумалъ отправиться путешествовать!..“ это была первая мысль г-жи Моренъ, когда она получила наконецъ третье письмо. Ренэ въ самыхъ грустныхъ выраженіяхъ прощался съ нею, не прибавляя ни слова упрека. Очевидно, игра завязывалась не на шутку. Сюзанна поставила на карту слишкомъ много, чтобы отступить. Не смотря на свою опытность, она

Digitized by Google

порядочно струсила. Посланіе юноши было проникнуто мрачнымъ отчаяніемъ. „Ну что, если онъ въ самомъ дѣлѣ прибѣгнетъ къ самоубійству?“ Это опасеніе мучило молодую женщину, заслоняя собою всѣ доводы разсудка. Послѣ завтрака она отправилась въ улицу Коэтлогонъ. Видъ этого провинціальнаго уголка на окраинѣ Парижа удивилъ ее также, какъ и Клода Ларшэ. Былъ пасмурный день; голыя вѣтви деревьевъ печально покачивались отъ вѣтра, выступая на сѣромъ небѣ. Окружающая тишина нарушалась только крикомъ дѣтей, игравшихъ на пустырѣ. Сюзанна чувствовала себя взволнованной, насколько вообще была способна волноваться. Когда привратникъ сказалъ, что Ренэ дома, это удивило ее и вмѣстѣ съ тѣмъ придало бодрости. Все устраивалось, такимъ образомъ, по желанію г-жи Моренъ. Она позвонила у дверей. Въ прихожей раздались тяжелые шаги Франсуазы. Черезъ минуту Ренэ Венси, блѣдный какъ смерть, стоялъ передъ нежданной гостьей. Она проскользнула легкой поступью въ комнату поэта, который посторонился, чтобы дать ей дорогу. Наконецъ они остались вдвоемъ съ глазу на глазъ.

— Вы? Это вы!.. только и могъ произнести Ренэ, не сводя восхищенныхъ глазъ съ изящной фигуры Сюзанны, одѣтой въ темное платье.

Переходъ отъ отчаянья къ радости ошеломилъ его. Молодой человѣкъ изнемогалъ подъ бременемъ своего счастья; ноги подкашивались подъ нимъ, члены дрожали. Г-жа Моренъ была взволнована не меньше его: ея страсть слишкомъ сильно рвалась наружу, но она боялась сдѣлать промахъ, оскорбить цѣломудріе неопытнаго юноши.

Наконецъ, забывъ всякую осторожность, Сюзанна бросилась къ нему на шею и, прижавшись головой къ его плечу, прошептала:

— Мнѣ стало страшно за васъ послѣ вашего письма, и я пришла.... Я долго боролась съ собою... Боже мой, Боже мой, что вы подумаете обо мнѣ?..

Ренэ держалъ ее, трепещущую, въ своихъ объятіяхъ. Онъ приподнялъ руками эту милую головку и принялся цѣловать г-жу Моренъ сначала въ глаза, потомъ въ щеки и губы, которыя страстно раскрылись для отвѣтнаго поцѣлуя. Какимъ упоительнымъ показался онъ Сюзаннѣ! Насилуя себя ради долга и разсчета, она давно мечтала встрѣтить на своемъ пути беззавѣтную любовь, юную, свѣжую, живую!... Теперь молодая страсть Ренэ сообщалась ей вмѣстѣ съ его дыханіемъ, проникала въ глубину ея существа, доводя влюбленную женщину почти до обморока. Какъ сладко забыть въ такихъ объятіяхъ рѣшительно все, кромѣ этой минуты

Digitized by Google

блаженства, кромѣ этого неуловимаго ощущенія! Оно пройдетъ, но нашъ поцѣлуй впиваетъ въ себя его сладость. Г-жа Моренъ, развращенная до послѣдней степени циничнымъ старикомъ, купившимъ ее за деньги ради роскоши, наслаждалась въ продолженіе одной секунды неземнымъ счастьемъ. Но все таки она быстро отрезвилась и сказала, едва владѣя собою:

— Теперь пустите меня; я уѣду. Съ меня довольно, что вы живы, что я видѣла васъ. О, Ренэ, умоляю, не удерживайте меня! Не подходите ко мнѣ больше!

Венси сдѣлался смѣлѣе. Теперь онъ сознавалъ, что его любятъ.

— Сюзанна, сказалъ юноша:—не бойтесь меня! когда опять выдастся такая счастливая минута? Не спѣшите уходить, прошу васъ!

Онъ отступилъ отъ нея немного и прибавилъ:

— Вы видите, я вамъ повинуюсь, я повиновался вамъ, когда вы безжалостно отталкивали меня.

Видя, что г-жа Моренъ успокоилась, молодой человѣкъ продолжалъ шутливымъ и вкрадчивымъ тономъ избалованнаго ребенка.

— Хотите сдѣлать мнѣ большое удовольствіе, побаловать меня немного?.. Присядьте сюда на это кресло у письменнаго стола, гдѣ я провожу за работой столько отрадныхъ часовъ. Будьте милой хозяйкой въ моемъ уголку!

Онъ приблизился къ Сюзаннѣ, принуждая ее сѣсть, взялъ у нея изъ рукъ муфту и сталъ разстегивать пальто. Она покорялась ему съ печальной улыбкой, какъ будто сознавая безполезность сопротивленія; она развѣнчивала себя, роняла тотъ ореолъ непорочности, которымъ приворожила довѣрчивое молодое сердце. Венси снялъ съ гостьи шляпку и сталъ на колѣни передъ любимой женщиной, восхищаясь ею въ нѣмомъ экстазѣ.

— Какъ я счастливъ, что вы со мною, говорилъ онъ:—не бойтесь ничего, мы совершенно одни! Моей сестры нѣтъ дома, а Франсуаза занята по хозяйству... Я просто не вѣрю своему счастью!. Вотъ видите, эта комната составляетъ всѣ мои владѣнія; здѣсь такъ много пережито мною! Каждый уголокъ, каждая вещица могли бы разсказать вамъ, сколько я выстрадалъ въ эти дни... Я почти не касался ни пера, ни книгъ, а сидѣлъ неподвижно по цѣлымъ часамъ, безъ опредѣленной мысли, безъ надежды... Боже, какую недѣлю я провелъ!.. Но теперь прочь всѣ муки! вы здѣсь... я могу любоваться вами. Уже одно то, что вы позволяете мнѣ говорить о своихъ страданіяхъ, составляетъ громадное счастье.

Digitized by Google

Сюзанна слушала, полузакрывъ глаза и упиваясь музыкой этихъ рѣчей, но въ то же время не забывая о цѣли своего прихода.

— А мнѣ развѣ было легко? сказала она въ отвѣтъ:—зачѣмъ скрывать отъ васъ истину?.. Богъ свидѣтель, что я боролась до конца; я даже не хотѣла распечатывать вашихъ писемъ, чтобы не поддаться искушенію. Я рѣшилась забыть васъ, только боязнь за вашу жизнь...

Г-жа Моренъ обратила къ Ренэ свои небесные глаза и прибавила въ порывѣ беззавѣтной нѣжности:

— Теперь я погибла, но чтожъ изъ этого? Вы мнѣ слишкомъ дороги... Я не въ силахъ мучить васъ дольше!.. Я теряю разсудокъ...

Она конвульсивно зарыдала, снова припадая головкой къ плечу молодого человѣка. Ренэ сталъ осыпать ее поцѣлуями. Сюзанна съ дѣтской довѣрчивостью обвила руками его шею и прижалась грудью къ его груди, въ которой безумно билось сердце юноши. Ловкая сирена видѣла, какъ въ его глазахъ вспыхнулъ огонь страсти; она знала, что въ такія минуты самый цѣломудренный мужчина готовъ на все.

— Оставьте меня, пустите!

Г-жа Моренъ поднялась съ мѣста, стараясь освободиться, но на этотъ разъ она отступила по направленію къ кушеткѣ. Онъ не выпускалъ ее изъ объятій, прижимая къ себѣ все крѣпче и крѣпче это гибкое трепещущее тѣло. Наконецъ, юноша схватилъ Сюзанну на руки. Страсть удвоила его силы. Онъ опустилъ молодую женщину..... и припалъ къ ней, осыпая ее пылкими ласками, нашептывая слова безумной любви... Г-жа Моренъ достигла своей цѣли: Ренэ овладѣлъ ею въ ослѣпленіи страсти, не замѣчая, что попалъ въ ловко разставленныя сѣти. Между тѣмъ, болѣе опытный мужчина по однимъ подробностямъ интимнаго туалета г-жи Моренъ могъ бы догадаться, съ какимъ предвзятымъ намѣреніемъ она явилась на это свиданіе. На ней было платье изъ шерстяной ткани, не издающей ни малѣйшаго шелеста; вмѣсто корсета талію Сюзанны стягивалъ широкій поясъ на костяхъ; она не надѣла на себя никакихъ золотыхъ вещей; подъ платьемъ у нея былъ только мягкій шолкъ и тонкій батистъ. Въ такой одеждѣ женщину можно назвать раздѣтой. Ренэ могъ вполнѣ свободно упиваться красотой этого граціознаго, молодаго, ароматическаго тѣла, трепетавшаго въ его объятіяхъ, и, конечно, забылъ обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ блаженства настоящей минуты. Тишина комнаты нарушалась только прерывистымъ шопотомъ влюбленныхъ. Здѣсь царило полное, беззавѣтное счастье, и юный поэтъ не спрашивалъ себя о томъ, какой цѣной оно ему досталось!

Digitized by Google

XII.

Ренэ былъ на верху блаженства. Передъ своимъ уходомъ, Сюзанна условилась съ нимъ насчетъ того, гдѣ имъ удобнѣе встрѣчаться на будущее время. Она очень ловко повернула дѣло, взявъ съ молодого человѣка слово, что онъ не будетъ посѣщать свѣтскихъ салоновъ ради нея:—Вы должны работать, говорила она, я не хочу, чтобы вашъ великолѣпный талантъ измельчалъ среди пустыхъ развлеченій. Обѣщайте мнѣ не заводить новыхъ знакомствъ.—Она понизила голосъ и прибавила:—не дѣлайте визитовъ ни одной изъ тѣхъ дамъ, которыя увивались около васъ въ тотъ вечеръ у графини Комовой.

Ренэ нѣжно поцѣловалъ Сюзанну за эти слова, звучавшія ревностью, и робко спросилъ:

— Я не долженъ бывать и у васъ?

— Въ особенности у меня. Теперь я не могу допустить, чтобы вы встрѣчались съ моимъ мужемъ.—Ты долженъ меня понять,—прибавила она, разглаживая волосы молодого человѣка, который снова былъ у ея ногъ.—Ахъ! продолжала г-жа Моренъ со вздохомъ:—не заставляй меня говорить больше. Я желаю быть твоимъ другомъ и скрасить тебѣ жизнь, внести въ нее одно хорошее и благородное; я хочу любить и быть любимой втайнѣ, потому что безжалостный свѣтъ осмѣиваетъ самыя святыя чувства. Я поступила очень дурно,—на этотъ разъ Сюзанна закрыла лицо своими хорошенькими ручками,—но не хочу подвергать тебя необходимости лицемѣрить, не хочу профанировать нашей любви.

И Ренэ вполнѣ согласился съ нею. Между ними было рѣшено найти укромный уголокъ, гдѣ они могли видѣться безъ помѣхи. Уроки Деформа не пропали даромъ: его понятливая ученица снабдила Ренэ практическими совѣтами на этотъ счетъ. Молодой человѣкъ провелъ вечеръ въ самомъ восторженномъ состояніи; онъ не замѣтилъ даже, что его сестра была озабочена и печальна. Франсуаза разсказала хозяйкѣ о приходѣ незнакомой гостьи, которая оставалась у ея брата болѣе часу; служанка слышала, какъ они цѣловались. Эмиліи. все стало ясно; недаромъ Рене находился въ такомъ радостномъ волненіи! Она сама покровительствовала этой преступной любви, а теперь возмущалась при мысли, что г-жа Моренъ отдалась ея брату въ ея собственномъ домѣ. Святость домашняго очага была осквернена незаконной связью. „Не ошибся ли Ренэ въ своемъ выборѣ?“ спрашивала себя сестра съ горькимъ изумленіемъ. Ей вспомнились слезы Розаліи и на

Digitized by Google

душѣ у г-жи Френо становилось еще тяжелѣе. Между тѣмъ Ренэ до такой степени сіялъ восторгомъ, что у Эмиліи не хватило духа упрекнуть его, она любила брата до слабости, до малодушія; его счастливый видъ заставилъ ее забыть свою досаду. Она такъ изболѣла за него душой въ послѣдніе дни! Теперь онъ ожилъ, воскресъ; Эмилія не могла не радоваться, и эта радость даже заглушала въ ней голосъ чести. Однако, между ними не было сказано ни слова по поводу неожиданной перемѣны; юноша не могъ говорить о Сюзаннѣ; чувства, которыми переполнялась его душа, были выше словъ!

Ему удалось въ скоромъ времени найти маленькую квартиру въ тихой буржуазной улицѣ Дамъ, посреди квартала Батиньоль, указаннаго г-жей Моренъ. Кромѣ того, недѣлю спустя, единственный пріятель Ренэ, Клодъ Ларшэ, неожиданно собрался въ Италію; такимъ образомъ, Венси могъ всецѣло отдаться своей любви, потому что Клодъ былъ почти единственнымъ знакомымъ, у котораго бывалъ молодой поэтъ.

Однажды вечеромъ, когда семья Френо только что сѣла обѣдать, въ столовую вошелъ торопливой походкой Ларшэ, блѣдный и разстроенный.—Я къ вамъ только на одну минуту, сказалъ онъ, отклоняя приглашеніе садиться и поочередно пожимая всѣмъ руки. Въ девять часовъ вечера я долженъ уѣхать съ курьерскимъ поѣздомъ въ Монъ-Сенисъ. Обѣдать буду въ вокзалѣ.

— Вы надолго ѣдете? спросила Эмилія.

— Не знаю, уклончиво отвѣтилъ Клодъ:—завтра я буду въ Италіи.

— Завидую вамъ, воскликнулъ Френо;—гораздо пріятнѣе читать Виргилія въ его отечествѣ, чѣмъ переводить великаго поэта лѣнивымъ ученикамъ.

Ларшэ нервно разсмѣялся и вышелъ, сопровождаемый Ренэ. У воротъ стоялъ фіакръ съ чемоданами; Клодъ неожиданно разрыдался.

— Ахъ, еслибы вы знали, что сдѣлала со мной Коллета! сказалъ онъ:—помните тотъ день, когда вы видѣли ее у меня въ улицѣ Вареннъ? Боже, какъ она была тогда хороша! Она смѣялась надо мной, говоря, что я ревную ее къ женщинамъ. Представьте себѣ, эта дрянь дѣйствительно сошлась съ однимъ чудовищемъ, съ Алиной Реймонъ, извѣстной своимъ развратомъ цѣлому Парижу. Но нѣтъ, мнѣ слишкомъ противно говорить о ней; я не могъ вынести этой послѣдней мерзости и потому уѣзжаю.. У меня не было денегъ, я нашелъ ростовщика, ссудившаго мнѣ нужную сумму за шестьдесятъ процентовъ. Замѣчательный субъ-

Digitized by Google

ектъ! Онъ непремѣнно будетъ фигурировать въ моей будущей комедіи. Кромѣ того, я написалъ старушкѣ родственницѣ въ провинцію, хотя это ужасная низость съ моей стороны. Она также снабдила меня деньгами, какъ и мой издатель, и редакція „Парижскаго Обозрѣнія", съ которой я заключилъ письменное условіе. Такимъ образомъ, въ моемъ карманѣ скопилось шесть тысячъ франковъ... Когда поѣздъ умчитъ меня отсюда, каждый поворотъ колесъ будетъ отзываться въ моемъ сердцѣ, но все таки я бѣгу отъ Коллеты. Я отомщу ей! Посмотримъ, что она скажетъ, когда получитъ мое письмо изъ Милана?

Ларшэ злорадно потиралъ руки, потомъ мотнулъ головой и прибавилъ:

— Помните балладу Гейне: „Графъ Олафъ"? Помните то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о любви своей невѣстѣ, а палачъ стоитъ у дверей. Такъ и меня всегда сторожилъ палачъ, когда я наслаждался въ объятіяхъ Коллеты; но когда онъ наконецъ нарядился въ юбки и принялъ видъ Сафо, я не могъ дольше выдержать; я готовъ былъ захлебнуться своимъ позоромъ. Прощайте, Ренэ! когда мы увидимся снова, я излѣчусь отъ моего недуга.

Клодъ долго не писалъ послѣ отъѣзда. Ренэ часто думалъ о немъ и невольно сравнивалъ Сюзанну, преданную и неподкупную, по его мнѣнію, съ низкой интриганкой, Риго. Онъ больше не посѣщалъ фойе французскаго театра, чтобы не встрѣчаться съ Коллетой и не слышать отъ нея унизительныхъ вещей по адресу Клода. Увлеченный любовью, авторъ „Чичисбея" пренебрегъ самыми простыми требованіями вѣжливости; онъ не только не оставилъ своихъ карточекъ у дамъ, приглашавшихъ его съ такою любезностью, но даже не былъ у графини. Г-жа Комова была слишкомъ высоко поставлена и слишкомъ добра, чтобы разсердиться на это. Она, обыкновенно, великодушно извиняла безтактность людей, преданныхъ искусству, объясняя ихъ поступки излишней впечатлительностью темперамента.

— Г-ну Венси, вѣрно, скучно у меня, сказала графиня, и перестала его приглашать. Теперь она покровительствовала русскому піанисту, который занимался спиритизмомъ и увѣрялъ, будто бы онъ находится въ непосредственномъ сношеніи съ душею великаго Шопена.

Между тѣмъ жизнь буржуазной семьи Френо шла своимъ порядкомъ; г-жа Оффарель съ дочерьми, по прежнему, навѣщала Эмилію, хотя отсутствіе Ренэ и его сестры на званомъ обѣдѣ жестоко оскорбило ее. Мать Розаліи такъ хлопотала объ угощеніи, обѣгала едва ли не всѣ парижскія улицы, отыскивая хорошую

Digitized by Google

провизію, и чуть не заплакала съ досады, когда Френо пришелъ одинъ. Ея гнѣвъ тотчасъ обрушился на отсутствующаго Клода. Она разобрала его по косточкамъ, попрекнула всѣмъ, даже болѣзненнымъ видомъ, и увѣряла, что у него нѣтъ никакой литературной будущности. Розалія мужественно переносила горе; встрѣчаясь съ Ренэ, она надѣвала маску притворнаго спокойствія; въ ея поступкахъ было столько благородства, что Ренэ невольно сказалъ однажды сестрѣ, въ порывѣ наивнаго тщеславія:

— Какъ жаль, что такое искреннее чувство пропадаетъ даромъ.

— Да, очень жаль, со вздохомъ отвѣчала Эмилія.

Эти слова были сказаны съ оттѣнкомъ горечи; Ренэ не догадывался, что г-жа Френо рѣзко перемѣнила мнѣніе о Сюзаннѣ.— Онъ былъ совершенно поглощенъ своимъ личнымъ счастьемъ и не могъ думать ни о чемъ постороннемъ. Маленькое помѣщеніе, гдѣ происходили свиданія влюбленныхъ, было выбрано чрезвычайно удачно. Во время своихъ поисковъ, Венси наткнулся на нѣкую Мальвину Ролэ, содержательницу меблированныхъ комнатъ— это была женщина среднихъ лѣтъ и ея скромная наружность внушала довѣріе. Г-жа Ролэ выдавала себя за вдову и говорила, что живетъ на небольшіе проценты съ капитала, оставленнаго мужемъ, химерическимъ лицомъ, неизвѣстнымъ никому. Говоря о немъ, хозяйка неопредѣленно выражалась, что онъ занимался комерческими оборотами; въ дѣйствительности она никогда не была замужемъ. Въ то время ее содержалъ порядочный человѣкъ, пожилой докторъ, отецъ семейства, жившій по близости. Мальвина съумѣла понравиться ему своимъ приличнымъ видомъ и, вѣроятно, какими нибудь тайными обольщеніями, судя потому, что онъ акуратно платилъ ей каждое первое число, по пятисотъ франковъ. Будучи женщиной практичной, Мальвина вздумала увеличить свой мѣсячный доходъ, отдѣливъ отъ своей квартиры три комнаты, съ особымъ выходомъ на лѣстницу. Это помѣщеніе было меблировано ею довольно изящно, одна изъ комнатъ могла служить гостинной, другая спальней, третья уборной. Хорошая обстановка досталась Мальвинѣ отъ одного умалишеннаго, съ которымъ она жила десять лѣтъ, получая содержаніе отъ семьи больнаго, не желавшей, чтобъ его сумашествіе подверглось огласкѣ. Послѣ смерти несчастнаго, Мальвинѣ выдали двадцать тысячъ франковъ, обѣщанныхъ заранѣе, и всю движимость, находившуюся въ квартирѣ, гдѣ медленно угасалъ этотъ человѣкъ, пораженный ужаснымъ недугомъ. Ренэ, конечно, не зналъ такихъ подробностей. Въ обширномъ Парижѣ, гдѣ практикуется столько тайныхъ интригъ, тысячи юныхъ паръ наслаж-

Digitized by Google

даются любовью въ подобныхъ притонахъ, не интересуясь біографіей лицъ, которыя устраиваютъ для нихъ за приличное вознагражденіе пріютъ любви. Венси не подозрѣвалъ въ простотѣ души даже и того, что Мальвина Ролэ поняла съ перваго взгляда, съ какою цѣлью онъ нанимаетъ у нея квартиру. Молодой человѣкъ выдалъ себя за жителя Версаля, обязаннаго пріѣзжать два или три раза въ недѣлю въ Парижъ. Онъ принялъ вымышленную фамилію парадоксальнаго героя романа *Mademoiselle de Maupin*, особенно плѣнявшаго его въ отроческіе годы, и подписался подъ домашнимъ условіемъ, заготовленнымъ хозяйкой: „д'Альберъ". Между тѣмъ, на подкладкѣ шляпы Ренэ, положенной на столъ, Мальвина успѣла замѣтить буквы R. U. Однако она не подала виду, что смекнула въ чемъ дѣло, и скромно замѣтила.

— Если вы желаете пользоваться услугами моей горничной, за это полагается особая плата — по пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ.

Ренэ по неволѣ согласился на такое условіе, высказанное самымъ наивнымъ тономъ, хотя хозяйка начинала внушать ему нѣкоторое недовѣріе. Онъ окинулъ ее испытующимъ взглядомъ, но вполнѣ приличный видъ этой особы ручался за то, что она неспособна промышлять эксплуатаціей адюльтера. Мальвина была видная брюнетка; ея темное платье хорошаго покроя отличалось отсутствіемъ всякихъ вычурныхъ украшеній. Карманные часы за поясомъ висѣли на старомодной золотой цѣпочкѣ, вѣроятно, доставшейся по наслѣдству отъ покойной матери. Высокій воротникъ былъ заколотъ брошкой-медальономъ, гдѣ хранился подъ стекломъ локонъ сѣдыхъ волосъ—конечно, память любимаго отца. Подъ длинной шолковой полуперчаткой на правой рукѣ сверкало золотое обручальное кольцо. Надо замѣтить, что почтенная вдовица имѣла, кромѣ доктора, еще двоихъ очень молодыхъ любовниковъ: студента юридическаго факультета и прикащика изъ большаго магазина суровскихъ товаровъ; оба они совершенно искренне считали Мальвину аристократкой, за которой зорко слѣдитъ неумолимая родня. Эти юные поклонники представляли для нея статью легкихъ доходовъ, платя за любовь обѣдами въ ресторанѣ, приглашая вдову кататься въ экипажѣ, поднося ей по временамъ золотыя вещи, покупая ложи въ театрѣ и т. д. Это не помѣшало, однако, добродѣтельной г-жѣ Ролэ сказать мнимому д'Альберу:

— Я должна васъ предупредить, что у меня въ домѣ не допускаются никакіе безпорядки. Вы человѣкъ молодой, прибавила

Digitized by Google

она съ улыбкой:—и не обидитесь, если я позволю себѣ замѣтить, что всякій шумъ на лѣстницѣ, особенно въ ночное время, заставитъ меня нарушить наше условіе...

Ренэ невольно покраснѣлъ. Онъ сталъ бояться, чтобы строгая хозяйка не выгнала его, узнавъ о тайныхъ посѣщеніяхъ Сюзанны. Это нелѣпое опасеніе заставило юношу сдѣлать визитъ Мальвинѣ послѣ перваго визита г-жи Моренъ. Предлогомъ къ тому послужила какая-то мелочь по хозяйству. Венси былъ принятъ крайне любезно. Мнимая вдова сдѣлала видъ, будто ничего не замѣчаетъ и не видитъ, хотя очень усердно выглядывала въ окно вслѣдъ уходившей посѣтительницѣ. Какъ истая парижанка, г-жа Ролэ тотчасъ узнала въ Сюзаннѣ женщину большаго свѣта. Ея жилецъ, очевидно, имѣлъ интригу съ важной дамой; хотя самъ онъ, не смотря на изысканный туалетъ, не походилъ на знатнаго человѣка; ему не доставало свѣтской выдержки и утонченности манеръ. Мальвина сочла его даже альфонсомъ, причемъ пожалѣла отъ души, что запросила за квартиру всего пятьсотъ франковъ въ мѣсяцъ, не считая пятидесяти за прислугу. Между тѣмъ, вся квартира стоила ей тысячу четыреста франковъ въ годъ, а единственная служанка получала сорокъ пять франковъ жалованья. Хозяйка рѣшила поправить свою оплошность, требуя съ жильца подороже за дрова, бѣлье и завтраки, если Ренэ вздумаетъ пользоваться у нея столомъ, какъ она ему предлагала.

— Это отличная особа и очень предупредительная, сказалъ Ренэ Сюзаннѣ, когда та спросила его о г-жѣ Ролэ. Впрочемъ Мальвина, дѣйствительно, не была особенно опасной личностью. Хотя она и не упускала случая ловить рыбу въ мутной водѣ, но, какъ всякая женщина, воспитанная въ традиціяхъ буржуазіи, эта содержательница тайнаго притона, страшно дорожила общественнымъ мнѣніемъ. Она копила деньги, мечтая вернуться вполнѣ обезпеченной къ себѣ на родину, въ городъ Тулонъ, чтобы жить тамъ вполнѣ степенной особой. Боязнь быть замѣшанной въ какой нибудь судебный процессъ сдерживала ее отъ всего, мало-мальски похожаго на мошенническое вымогательство. Это уваженіе къ приличіямъ простиралось у Мальвины такъ далеко, что она сама сочинила цѣлую исторію про своего жильца и передала ее привратнику. По словамъ хозяйки, Ренэ и Сюзанна были молодыми супругами и приходились даже дальней родней ея химерическому покойному мужу. Они жили круглый годъ въ деревнѣ, но имъ приходилось часто бывать въ Парижѣ. Желая избавить самозваного д'Альбера ото всякихъ, хотя бы даже самыхъ незначительныхъ сношеній съ привратникомъ, Мальвина вручила ему, безо

Digitized by Google

всякой просьбы съ его стороны, два ключа. Ренэ не доискивался истиннаго источника такой угодливости. Беззаботная молодежь имѣетъ привычку пользоваться безъ дальнихъ разсужденій всѣмъ, что благопріятствуетъ ея личному счастью; она, не робѣя, вступаетъ на опасную дорогу, но зато срываетъ всѣ цвѣты на этомъ пути и упивается ихъ ароматомъ. Когда молодой поэтъ отправлялся въ маленькую квартирку въ улицѣ Дамъ, въ его сердцѣ раздавалась божественная музыка, заглушавшая всякую подозрительность. Ихъ свиданія съ г-жей Моренъ постоянно происходили утромъ. Венси ни разу не спрашивалъ себя, почему Сюзанна выбирала именно эти часы. На самомъ же дѣлѣ, то было единственное время, когда она могла ускользнуть изъ-подъ надзора Деформа. Баронъ ежедневно посвящалъ цѣлое утро заботамъ о своемъ здоровьѣ. Сначала онъ занимался фехтованьемъ; потомъ галопировалъ по аллеямъ Булонскаго лѣса, наконецъ, „сжигалъ накопившуюся въ организмѣ кислоту". Послѣднюю формулу Деформъ заимствовалъ отъ доктора Нуаро. Сюзанна прекрасно изучила натуру этого человѣка и знала, что для него также невозможно пренебречь предписаніями гигіены, какъ для Поля своими занятіями въ конторѣ. Она не безъ злорадства представляла себѣ мужа, сидящаго за счетами; своего „превосходнаго друга"—верхомъ на англійской лошади, занятаго моціономъ, и Ренэ, закупающаго цвѣты для украшенія ихъ гнѣздышка, храма ихъ любви. Обыкновенно юноша приносилъ съ собою розы, пурпуровыя, какъ ротикъ его возлюбленной, или блѣднорозовыя, какъ ея щоки въ минуты усталости. Ароматъ этихъ живыхъ, свѣжихъ цвѣтовъ придавалъ еще больше сладкой истомы объятіямъ Ренэ и Сюзанны. Отправляясь на свиданіе, г-жа Моренъ заранѣе знала, что юный поэтъ нетерпѣливо ждетъ ее у окна, чутко прислушиваясь къ стуку экипажей. Какъ онъ счастливъ, когда ея фіакръ подъѣдетъ наконецъ къ воротамъ! Молодой человѣкъ спѣшитъ отворить дверь, пока желанная гостья поднимается по лѣстницѣ. Онъ не хочетъ потерять ни одной секунды ея дорогаго присутствія. Потомъ Ренэ прижметъ ее жадно къ себѣ, осыпая молчаливыми поцѣлуями сквозь кружево вуалетки и отъискивая ея трепещущія губы. За этимъ слѣдовали бурныя ласки, которыя любила Сюзанна. Ея главное обольщеніе заключалось въ томъ, что она умѣла сохранять невинную мину цѣломудренной дѣвственницы даже въ тѣ минуты, когда пылкій любовникъ позволялъ себѣ всевозможныя вольности. Благодаря этому искусству, ученица Деформа могла, не роняя себя, давать полезные уроки неопытному юношѣ, дѣлая въ то же время видъ,

Digitized by Google

что они вмѣстѣ и совершенно случайно совершаютъ открытія въ обширной области сладострастья. Чувственная любовь служила настоящей основой ея отношеній къ Ренэ. Сюзанна часто назначала ему свиданія и предавалась своей любви, счастливая и довольная, не вѣдая ни малѣйшихъ упрековъ совѣсти. Какъ дочь государственнаго человѣка, она, вѣроятно, по закону наслѣдственности, принадлежала къ великой расѣ людей дѣла, господствующей чертою которыхъ является, если можно такъ выразиться, разрушительная способность. Эти существа умѣютъ пользоваться вполнѣ настоящей минутой, не задумываясь ни о прошломъ, ни о будущемъ. Сюзанна отдавала должное Полю и Деформу, но, увлекшись новымъ любовникомъ, она принадлежала ему всецѣло, абсолютно отрѣшаясь отъ своего остальнаго существованія, и молодому человѣку требовалось слишкомъ много проницательности, чтобы заподозрить ее въ лицемѣріи. Она такъ умѣла усыплять всякое подозрѣніе, а могущественный наркозъ любви вмѣстѣ съ тѣмъ опьянялъ его разсудокъ!.. Какіе блаженные часы проводили они вдвоемъ, задернувъ занавѣси алькова! Юноша упивался красотою своей возлюбленной, преклоняясь въ то же время предъ ея тонкимъ изяществомъ. Ему нравились въ ней и нѣжность кожи, и шолкъ ея чулокъ; онъ любилъ ея роскошный бюстъ и батистъ ея рубашки; любилъ ароматъ дыханія Сюзанны и сафиры въ ея браслетѣ, золотыя кудри и черепаховыя шпильки, усыпанныя мелкими брильянтиками. Она позволяла обожать себя, какъ кумиръ; она съ наслажденіемъ плавала въ волнѣ поцѣлуевъ, которая все разросталась, какъ будто хотѣла поглотить ихъ. Жаркія лобзанія Ренэ не были сосчитаны и взвѣшены заранѣе, какъ ласки методическаго Деформа: они не походили на монотонную супружескую нѣжность безхитростнаго Поля. Ничто не могло сравниться съ этими пылкими поцѣлуями юноши, не успѣвшаго растратить своихъ свѣжихъ силъ. Его горячая любовь изливалась въ такихъ милыхъ рѣчахъ, проникнутыхъ дивной поэзіей! Однимъ словомъ, то былъ роскошный пиръ для пресыщенной куртизанки, и ей каждый разъ стоило большаго труда отъ него оторваться...

Въ исходѣ двѣнадцатаго, г-жѣ Моренъ приходилось спѣшить домой. Ренэ съ ребяческимъ удовольствіемъ помогалъ ей при одѣваньѣ. Онъ смотрѣлъ на нее восхищеннымъ взглядомъ, пока она причесывалась; ея тонкая талія была зашнурована въ черный атласный корсетъ; прекрасныя плечи и руки выступали изъподъ кружевной отдѣлки сорочки; короткая юбка, изъ мягкой, надушенной шолковой матеріи, не скрывала стройныхъ ножекъ,

Digitized by Google

обтянутыхъ шолковымъ чулкомъ... Юноша приближался къ ней и осыпалъ поцѣлуями ея плечи, которыя вздрагивали, прежде чѣмъ исчезнуть подъ ревнивой тканью корсажа.

По уходѣ Сюзанны, Ренэ цѣлый день оставался въ квартирѣ г-жи Ролэ; хозяйка присылала ему завтракъ; онъ дѣлалъ видъ, что работаетъ, а на самомъ дѣлѣ только наслаждался воспоминаніемъ о пережитомъ блаженствѣ, которое подчасъ казалось ему какимъ-то обманчивымъ сномъ. Венси возвращался къ себѣ только въ сумерки. Ему приходилось пройти весь Парижъ, чтобы достигнуть улицы Коэтлогонъ. На бульварахъ зажигались мало по малу газовые огни, такіе яркіе въ прозрачномъ сумракѣ вечера. Сладкая истома сказывалась тогда во всѣхъ членахъ юноши. Она казалась ему высшимъ наслажденіемъ, соединявшимъ и поглощавшимъ въ себѣ всѣ прочія.

XIII.

Прошло почти два мѣсяца. Ренэ по прежнему, находился въ чаду страсти; въ его жизни не случалось никакихъ перемѣнъ, она тянулась однообразно и пріятно, отъ одного свиданія съ любимой женщиной до другаго.

Въ одно утро, когда Венси отправлялся въ тайный пріютъ своей любви, Франсуаза подала ему письмо со штемпелемъ изъ Венеціи. Онъ тотчасъ узналъ почеркъ Ларшэ, и съ особеннымъ любопытствомъ распечаталъ конвертъ, принимаясь читать посланіе друга на ходу. „Улицы Сен-Жерменскаго предмѣстья были еще пусты, и Ренэ шелъ, не торопясь, по направленію къ Сенѣ. Стояла ранняя весна, и утро было такое же ясное, лучезарное, какъ и любовь, наполнявшая сердце поэта.

Въ началѣ письма Клодъ Ларшэ описывалъ свою обстановку въ Венеціи, потомъ переходилъ къ жалобамъ на судьбу, къ воспоминаніямъ о своей безрадостной молодости, и наконецъ къ своимъ отношеніямъ къ безсердечной Риго.

„Боже милосердый! восклицалъ онъ:—за что я наказанъ этой любовью, основанной на ненависти и презрѣніи? Я пріѣхалъ сюда, желая убѣдиться, могу ли обойтись безъ Коллеты.

„Представьте себѣ; оказывается, что нѣтъ. Я заставляю себя не думать о ней, и это мнѣ удается на четверть часа, на полчаса, а потомъ я снова вижу предъ собою ея глаза, ея губы и эти жесты, свойственные ей одной, и ея манеру склонять голову ко мнѣ на плечо, когда я держалъ ее въ объятіяхъ. Въ такіе моменты,

Digitized by Google

гдѣ бы я ни былъ, мнѣ нужно остановиться, прислонясь къ стѣнѣ; въ сердцѣ у меня начинается нестерпимая боль, какъ будто тамъ поворачивается тонкая заостренная иголка. Можете себѣ представить, мнѣ пришлось покинуть Флоренцію, потому что я проводилъ цѣлые дни въ картинной галлереѣ, передъ полотномъ Ботичелли „Madonna Jncoronata", снимокъ съ которой вы видѣли у меня. Однажды вечеромъ, когда я находился на окраинѣ города, на меня вдругъ нашелъ приливъ безумной тоски; я нанялъ экипажъ и помчался въ музей. Мнѣ такъ захотѣлось еще разъ увидѣть лицо ангела на этой картинѣ, того, который приподнимаетъ занавѣсъ съ правой стороны. Онъ такъ поразительно похожъ на Коллету; у него совершенно ея глаза. Ихъ трогательный взглядъ заставлялъ меня такъ часто жалѣть это лживое существо и оплакивать ее въ такія минуты, когда слѣдовало бы задушить подлую обманщицу..... Кончилось тѣмъ, что я бросилъ Флоренцію и уѣхалъ въ Пизу, мертвый городъ, гдѣ я наслаждался уже однажды успокоительной тишиной. Мнѣ очень нравилось мѣсто вокругъ собора, съ кладбищенской стѣной на заднемъ планѣ и развалинами зубчатой стѣны, служившей укрѣпленіемъ. А этотъ песчаный берегъ Бомбо, поросшій соснами, всего въ двухъ часахъ ѣзды отъ города. А этотъ желтоватый, медлительный, лѣнивый Арно!..... Моя комната выходила окнами на меланхолическую рѣку, но въ ней было обиліе тепла и свѣта, и я поселился тамъ съ твердымъ намѣреніемъ примѣнить на дѣлѣ одно изреченіе Гёте. „Поэзія,—это избавленіе"..... сказалъ онъ однажды. Я далъ себѣ слово не уѣзжать изъ Пизы, пока не обращу свою скорбь въ литературное произведеніе. Мнѣ удалось написать повѣсть подъ заглавіемъ „Анализъ", но вы, конечно, читали ее въ „Парижскомъ Обозрѣніи". Не правда ли, что я не писалъ ничего лучше этого. Здѣсь воспроизведены съ фотографическою вѣрностью мои отношенія къ Коллетѣ. Я передалъ исторію моихъ терзаній, начиная эпизодомъ съ письмомъ и кончая моей ревностью къ различнымъ Сафо. Не правда ли, какъ мнѣ удалось живо схватить Коллету? А самого себя?..... Но еслибы вы знали, чего стоитъ забросать грязью образъ той, которая была такъ дорога, растоптать ногами свой кумиръ, обезславить незабвенное прошлое! И еслибъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ удалось купить душевное спокойствіе такою цѣною! Ничуть не бывало. Сдавъ на почту рукопись этого маленькаго романа, я тотчасъ вернулся къ себѣ и написалъ Коллетѣ, прося у нея прощенія. Совѣтъ великаго Гёте не принесъ мнѣ пользы, я воткнулъ перо въ свою зіяющую рану, чтобы писать кровью вмѣсто чернилъ. И чтожъ? мои стра-

Digitized by Google

данія только удвоились. Вѣроятно, меня можетъ исцѣлить только время, да и то сомнительно; но, въ сущности, стоитъ ли стараться выздоровѣть?

„Пусть внутренняя болѣзнь подтачиваетъ меня, я не пойду наперекоръ судьбѣ. Слушайте дальше, что было со мною. Коллета, конечно, не отвѣчала на мое письмо. Развѣ я могъ ожидать, что она поблагодаритъ меня за нанесенное ей оскорбленіе? Тутъ вашъ другъ Ларшэ началъ опускаться все ниже и ниже, продолжая писать ей. При этомъ я извѣдалъ неслыханное наслажденіе, о которомъ не подозрѣвалъ; наслажденіе положить къ ногамъ падшей женщины свое достоинство человѣка и художника. Мною было отослано уже четыре письма, когда появилась въ печати моя новелла; я опять написалъ Коллетѣ нѣсколько писемъ, гдѣ унижалъ себя съ какимъ-то жгучимъ наслажденіемъ. Моя покинутая любовница могла показать эти письма Сальванэ и грязной Алинѣ и сказать имъ: „я была брошена Клодомъ и оскорблена, но посмотрите, какъ онъ меня обожаетъ“. Конечно, Коллета должна понять, что я не глумился бы надъ нею такъ безпощадно, если-бы не любилъ ее безумной, роковою любовью. Но нѣтъ, Ренэ, вы не знаете Коллеты. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, она очень горда, и я не смѣю даже представить себѣ, до чего обидѣлъ ее этотъ несчастный романъ. Вотъ почему я не рѣшаюсь вернуться въ Парижъ; при моемъ теперешнемъ состояніи, мнѣ не вынести тѣхъ бурныхъ сценъ, какія происходили между нами прежде. Однако я не могу дольше переносить разлуку съ Коллетой, только вы одинъ можете помочь въ настоящемъ случаѣ, дорогой Ренэ. Она всегда благоволила къ вамъ, она повѣритъ, если вы скажете: „Клодъ умираетъ отъ тоски, сжальтесь надъ нимъ“!... Скажите ей также, Ренэ, чтобы она не боялась больше вспышекъ моего гнѣва. Негодующій Ларшэ, котораго Коллета не могла выносить, не существуетъ болѣе. Ради того, чтобы находиться возлѣ нея, чтобы дышать съ ней однимъ воздухомъ, чтобы чувствовать ея присутствіе, я буду терпѣть все,—понимаете, все. Правда, въ эту зиму я много выстрадалъ, но то былъ рай сравнительно съ адомъ разлуки. Мы проводили съ Коллетой божественные часы; по временамъ я заходилъ къ ней послѣ полудня, въ ея квартиру въ улицѣ Риволи, окнами въ тюльерійскій садъ. Вокругъ насъ кипѣла шумная жизнь, а я сжималъ мою дорогую подругу въ объятіяхъ; передо мной были ея глаза, ея ротикъ, я наслаждался ея ласками, въ которыхъ столько страсти и столько затаенной печали! Ни одна женщина не умѣетъ дарить такого блаженства. Видите, моя рука дрожитъ при одной мысли объ этомъ. Если вы

Digitized by Google

не забыли нашей дружбы, окажите мнѣ величайшую услугу, повидайтесь съ Коллетой, покажите ей это письмо, уговорите ее, постарайтесь смягчить; пусть она позволитъ мнѣ воротиться къ ней и проститъ меня. До свиданія, жду вашего отвѣта съ мучительной тревогой. Вы знаете лучше всякаго другаго, какъ умѣетъ мучить себя вашъ старый другъ.

Клодъ Ларшэ".

„*P. S.* Потрудитесь взять отъ моего имени въ конторѣ „Парижскаго Обозрѣнія" пять экземпляровъ моего романа; они мнѣ нужны здѣсь".

Въ этомъ странномъ письмѣ ярко отразились всѣ элементы, составлявшіе полную противорѣчій натуру Клода: любовь къ напыщенности, трескучія фразы, въ виду непритворныхъ сердечныхъ мукъ, и при всемъ томъ искренность ребенка, мелочное авторское тщеславіе и полная готовность къ самопожертвованію, изумительная проницательность и неумѣніе управлять своими чувствами. Венси рѣшилъ въ тотъ же день отправиться въ театръ для свиданія съ Коллетой, но молодаго человѣка тревожилъ вопросъ, какъ она его приметъ. Онъ горячо любилъ Клода и не могъ удержаться, чтобъ не сказать Сюзаннѣ о полученномъ письмѣ.

— Бѣдный малый! замѣтила она, и потомъ прибавила, какъ будто всколзь:—вы, дѣйствительно, никогда не говорили обо мнѣ?

— Одинъ разъ, мимоходомъ,—съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣчалъ Ренэ.

— Я увѣрена, что онъ отзывался обо мнѣ дурно.

— О, нѣтъ, серьезно возразилъ Венси:—но почему же ты питаешь къ нему такое недовѣріе?

— Потому, что слишкомъ люблю тебя, Ренэ, а у всѣхъ мужчинъ ужасно злые языки. Совѣтую тебѣ, однако, исполнить просьбу друга и повидаться съ мадмуазель Риго.

— Непремѣнно. Я сегодня же постараюсь переговорить съ ней въ театрѣ. А какъ намѣрена ты провести нынѣшній вечеръ?

Ренэ имѣлъ привычку разспрашивать о всѣхъ подробностяхъ жизни г-жи Моренъ.

— Я также въ театрѣ, отвѣчала она, но, разумѣется, не за кулисами. Мой мужъ везетъ меня въ театръ „Гимназіи", мы будемъ съ нимъ вдвоемъ. Однако, зачѣмъ ты напоминаешь мнѣ объ этомъ? Я хочу забыть все, кромѣ нашей любви. Будемъ пользоваться настоящей минутой, прибавила Сюзанна, горячо цѣлуя Ренэ.

Въ девять часовъ вечера, поднимаясь въ фойе Французскаго театра, поэтъ вспомнилъ эти слова; голосъ любимой женщины

Digitized by Google

звучалъ въ его ушахъ сладкой музыкой; душа была взволнована опьяняющими поцѣлуями любви. Онъ взглянулъ на ложу привратника и вспомнилъ Клода. Бѣдный Ларшэ постоянно кивалъ головой на ящикъ, предназначенный для писемъ Колетты, и говорилъ.

— Еслибы мнѣ удалось украсть ихъ, я узналъ бы всю правду!

„Какое счастіе, подумалъ Ренэ,—что я не зараженъ ужасной болѣзнью подозрительности".—И онъ улыбнулся, подымаясь по лѣстницѣ, по бокамъ которой всѣ стѣны разрисованы портретами актеровъ и актрисъ послѣдняго столѣтія. Эта портретная галлерея давно истлѣвшихъ въ могилѣ комиковъ, благородныхъ отцовъ, трагиковъ и первыхъ любовницъ всегда наводила Ренэ на грустныя мысли. Въ фойе онъ встрѣтилъ только двоихъ актеровъ въ большихъ напудренныхъ парикахъ и шитыхъ золотомъ кафтанахъ.

Они углубились въ серьезный разговоръ, степенно прохаживаясь по залѣ. Венси пришлось подниматься въ уборную Коллеты; онъ постучался въ ея дверь сначала тихо, потомъ громче.

— Войдите! раздался знакомый голосъ, въ которомъ звучали непріятныя ноты; между тѣмъ Коллета могла придавать ему по желанію неподражаемую мягкость. Ренэ откинулъ портьеру чернаго атласа съ золотыми фигурами, и очутился въ узкой комнатѣ, гдѣ было очень жарко. Въ этомъ тѣсномъ пространствѣ толпилось пятеро мужчинъ, въ ихъ числѣ находился и Сальванэ, который не нашелъ нужнымъ узнать вошедшаго. Уборная Коллеты была украшена заботливою рукою Клода въ счастливое время его любви къ молодой актрисѣ; онъ обѣгалъ весь Парижъ, подбирая панно въ бамбуковыхъ рамахъ, прибитыя по стѣнамъ, обтянутымъ сѣроватой матеріей. Трое изъ нихъ представляли китаянокъ, нарисованныхъ красками на шолковой матеріи свѣтлаго цвѣта; самое широкое панно изъ чернаго атласа, какъ и портьера, было расписано бѣлыми ибисами, летающими межъ ландышей и цвѣтовъ персика. Яркіе вѣера, пучки павлиньихъ перьевъ, въ промежуткахъ, и большой драконъ съ эмалевыми глазами на потолкѣ придавали оригинальную прелесть этому кокетливому уголку. Единственная кушетка была обита китайскимъ атласомъ густаго розоваго цвѣта. Коллета гримировалась, не смущаясь присутствіемъ мужчинъ; ея волосы были небрежно подколоты, обнаженныя руки выступали изъ широкихъ рукавовъ пеньюара блѣдно-голубаго цвѣта; передъ ней на туалетномъ столѣ былъ разставленъ цѣлый арсеналъ фарфоровыхъ баночекъ съ помадой; пудра розоваго, бѣлаго, желтаго цвѣта наполняла другія баночки; длинныя шпильки, заячьи лапки, румяны, перемѣшивались съ громадными пуховками, съ черными

Digitized by Google

карандашами и маленькими губками для бѣлилъ. Актриса могла видѣть входящихъ въ большомъ зеркалѣ надъ столомъ; она тотчасъ узнала автора „Чичисбея“ и, обернувшись къ нему въ полъоборота, показала руки, выпачканныя вазелиномъ, извиняясь, что не можетъ привѣтствовать гостя. При этомъ Коллета бросила на него не особенно дружелюбный взглядъ.

— Здравствуйте, сухо сказала она:—я уже думала, что васъ давно нѣтъ на свѣтѣ; но, судя по вашему лицу, можно догадаться что вы плавали въ блаженствѣ за это время. Завтра я играю въ вашей пьесѣ...

Венси не успѣлъ вставить слова, какъ мадмуазель Риго повернулась къ Сальванэ и сказала, очевидно продолжая разговоръ, прерванный приходомъ посѣтителя.

— Я принимаю ваше предложеніе... Заѣзжайте за мною въ двѣнадцать часовъ. Алина будетъ у меня, и мы поѣдемъ завтракать втроемъ, прежде чѣмъ отправиться туда...

— Она опять взглянула на Ренэ. Углы ея рта опустились и прелестное лицо приняло вдругъ выраженіе неумолимой жестокости. Тутъ разговоръ сдѣлался общимъ. Наконецъ, актриса встала, вытерла руки и замѣтила:

— Ну, друзья мои, вы очень милы, однако мнѣ пора одѣваться, и я прошу васъ уйти.

Эта рѣчь сопровождалась выразительнымъ жестомъ по направленію къ двери. Молодой поэтъ хотѣлъ послѣдовать за другими; Коллета удержала его:

— Останьтесь на два слова. Читали вы пасквиль, состряпанный Клодомъ? спросила она, оставшись наединѣ съ юношей.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ренэ, но я получилъ письмо отъ Ларшэ: онъ несчастнѣйшій человѣкъ!

— А, такъ вы не читали этой повѣсти! прервала мадмуазель Риго.—Совѣтую прочитать, тогда вы увидите, какой негодяй вашъ другъ.

Актриса обернулась къ Венси и скрестила руки. Въ ея глазахъ, подведенныхъ тушью и казавшихся еще больше и выразительнѣе, сверкалъ необузданный гнѣвъ.

— Какъ, по вашему, позволительно оскорблять женщину ни за что, ни про что? произнесла Коллета дрожащимъ голосомъ. Чѣмъ я провинилась передъ этимъ господиномъ? Онъ требовалъ отъ меня неслыханныхъ вещей; я не хотѣла бросить въ угоду ему всѣ знакомства и жить, какъ невольница, повинуясь его капризамъ! Развѣ я жена или содержанка Ларшэ? Развѣ я сама спрашивала у него отчета въ его дѣйствіяхъ? Допустимъ даже,

Digitized by Google

что я была виновата передъ нимъ, все же это не даетъ ему права сочинять обо мнѣ грязныя сплетни.

И мадмуазель Риго разразилась яростной бранью по адресу Клода. Въ эту минуту, въ дверь заглянула театральная горничная.

— Подождите, Мелани, я еще не готова, сказала актриса:—я васъ позову черезъ нѣсколько минутъ.

Воспользовавшись этой паузой, Ренэ возразилъ:

— Клодъ сходитъ съ ума отъ ревности, иначе онъ не нанесъ бы вамъ такого оскорбленія.

— Ахъ, перестаньте, пожалуйста, говорить вздоръ! воскликнула Коллета, пожимая плечами и снова принимаясь за гримировку своего лица передъ туалетнымъ зеркаломъ:—вы до сихъ поръ думаете, что у этого существа есть сердце! Да онъ и васъ поднималъ на смѣхъ, милѣйшій Ренэ. Еслибъ вы слышали, какъ онъ издѣвался надъ вашими любовными приключеніями, то не стали бы защищать его.

— Надъ моими любовными приключеніями?.. спросилъ задѣтый за живое Ренэ.

Актриса злобно засмѣялась.

— Не притворяйтесь передо мною; это совершенно напрасно, сказала она:—а когда вамъ вздумается откровенничать некстати, выбирайте себѣ повѣреннымъ кого нибудь понадежнѣе г. Ларшэ, вашего милаго пріятеля!

— Я васъ не понимаю, отвѣчалъ озадаченный юноша:—я никогда не пускался въ откровенности съ Клодомъ...

Сердце Ренэ било тревогу; разговоръ принялъ совершенно неожиданный для него оборотъ.

— Значитъ Клодъ, сочинилъ, будто бы вы влюблены въ г-жу Моренъ, хорошенькую блондинку, любовницу старика Деформа?.. Это окончательно роняетъ Ларшэ въ моихъ глазахъ, продолжала актриса съ язвительной ироніей.

Несчастный Клодъ слишкомъ довѣрялъ Коллетѣ въ минуты нѣжности, хотя считалъ ее низкимъ созданіемъ въ періоды отрезвленія.

Однажды онъ сказалъ ей мимоходомъ: „знаешь, нашъ бѣдный Венси не на шутку увлекся...“ Кѣмъ это? спросила она. Клодъ назвалъ г-жу Моренъ, о которой Коллета знала, такъ сказать, всю подноготную, благодаря пошлой болтовнѣ въ отдѣльныхъ кабинетахъ ресторановъ, гдѣ свѣтскіе кутилы обыкновенно разсказываютъ кокоткамъ всевозможные анекдоты, справедливые и вымышленные, насчетъ представительницъ большаго свѣта. На-

Digitized by Google

мекая на интимность Ренэ съ Сюзанной, актриса, въ пылу гнѣва, говорила почти наудачу, съ единственнымъ желаніемъ уронить Клода въ глазахъ пріятеля. Но явное замѣшательство юноши доказало ей, что она попала въ цѣль. Озлобленной женщинѣ было пріятно излить, хоть отчасти, накипѣвшую ненависть на человѣка, преданнаго Клоду.

— Ларшэ не могъ говорить вамъ ничего подобнаго! воскликнулъ внѣ себя Ренэ. Еслибъ онъ былъ здѣсь, то запретилъ бы вамъ клеветать на особу, вполнѣ заслуживающую уваженія.

— Вотъ какъ! возразила Коллета, разражаясь нервнымъ, вызывающимъ смѣхомъ:—вы, кажется, хотите одурачить меня, милый Венси. Г-жа Моренъ порядочная женщина! Почему же это?.. Только потому, что у нея есть мужъ, который прикрываетъ своимъ именемъ ея развратъ и пользуется щедростью богатаго старика?.. Нечего сказать, почтенная чета! неужели къ свѣтской женщинѣ не пристаетъ позоръ, благодаря тому, что ей платятъ несравненно дороже, чѣмъ уличной проституткѣ? Какъ вы наивны, если вѣрите этимъ продажнымъ лицемѣркамъ изъ высшаго круга! Однако, знаете что? продолжала Риго, поднявшись съ мѣста и яростно подступая къ Ренэ:—если вамъ непріятно слышать, что г-жа Моренъ дѣлила свои ласки между вами и Деформемъ, то объяснитесь насчетъ этого съ Клодомъ. По крайней мѣрѣ, вы доставите этому милому господину интересную канву для новаго романа!.. А!.. Теперь, я вижу, вы начинаете смотрѣть на вашего друга моими глазами, не такъ ли?.. Не сердитесь же на меня!.. Порядочная женщина, вполнѣ достойная уваженія! Ха-ха-ха! Нѣтъ! это, право, ужь слишкомъ сильно сказано. Однако, до свиданья! Мнѣ давно пора одѣваться. Мелани, Мелани! крикнула актриса, отворяя дверь:—кланяйтесь отъ меня Клоду,—прибавила она, желая въ послѣдній разъ уязвить отсутствующаго врага,—и скажите ему, что съ Коллетой также опасно шутить, какъ съ огнемъ.

Риго вытолкнула Ренэ за порогъ и заперла уборную. Изъ-за двери до него донесся насмѣшливый, безжалостный серебристый смѣхъ, въ которомъ звучали и притворство, и удовлетворенная ненависть, и наглость куртизанки, и мщеніе покинутой любовницы.

XIV.

„Злая, низкая женщина“! повторялъ про себя Венси, спускаясь по театральной лѣстницѣ, гдѣ раздавался крикъ дежур-

Digitized by Google

наго служителя: „сейчасъ начинаютъ“! Ренэ едва держался на ногахъ и спрашивалъ себя: „что можетъ имѣть противъ меня Коллета“? Онъ не понималъ, что озлобленная Риго просто сорвала на немъ сердце. Кромѣ того, здѣсь могло играть роль оскорбленное тщеславіе: любовницѣ Клода не удалось вскружить голову юному поэту и заставить его измѣнить дружбѣ. Извѣстно, что женщины не прощаютъ неудачъ подобнаго рода.

Ренэ былъ буквально ошеломленъ неожиданнымъ ударомъ и опомнился только на площади Пале-Рояля, запруженной экипажами. Сначала его гнѣвъ обрушился на Ларшэ; потомъ онъ сталъ приписывать грязную инсинуацію противъ Сюзанны цѣликомъ одной Коллетѣ Риго. Позорить имя такого ангела, какъ г-жа Моренъ! Развѣ можно допустить нелѣпую мысль, чтобы дочь министра, аристократка по рожденію, жена человѣка не бѣднаго, могла продаваться за деньги? Венси почувствовалъ вдругъ удвоенный приливъ нѣжности къ Сюзаннѣ, къ этой невинной жертвѣ низкой клеветы. Имъ овладѣло желаніе увидѣть ее сегодня же, сію минуту, чтобы стряхнуть съ себя тяжелое чувство, навѣянное непріятной сценой съ Риго. Ренэ взялъ фіакръ и отправился въ театръ „Гимназіи“, не смотря на запрещеніе г-жи Моренъ искать съ ней встрѣчи въ обществѣ. Онъ пріѣхалъ во время перваго антракта и, взойдя въ зрительную залу, безъ труда отъискалъ глазами ложу Сюзанны. Она сидѣла одна у самаго барьера; позади нея молодой поэтъ увидалъ двоихъ мужчинъ: одинъ изъ нихъ смотрѣлъ въ бинокль на публику; другой сидѣлъ, опираясь на спинку стула г-жи Моренъ. Первый былъ видный, довольно молодой брюнетъ съ пріятнымъ лицомъ, вѣроятно, мужъ Сюзанны; во второмъ, пожиломъ блондинѣ съ краснова-тымъ лицомъ, Ренэ узналъ барона Деформа. Это открытіе поразило юношу въ самое сердце, такъ что онъ поспѣшилъ выйти въ коридоръ. Онъ старался успокоить себя мыслью, что баронъ только случайно вошелъ въ ложу супруговъ Моренъ. Начали играть второй актъ оперетки: „Фаустъ“. Юноша вернулся въ кресла близъ оркестра, откуда онъ могъ наблюдать за всѣмъ происходившимъ въ залѣ, тогда какъ его не было видно изъ ложъ. Деформъ и не думалъ оставлять своего мѣста. Онъ спокойно переговаривался съ Сюзанной, которая не обнаруживала ни малѣйшихъ признаковъ грусти. Напротивъ, она показалась Венси совершенно счастливой и беззаботной. На ней было изящное платье изъ чернаго кружева; бѣлокурые волосы прикрывались кокетливой розовой шляпкой. Молодая женщина отъ души смѣялась надъ забавными фарсами въ пьесѣ; ея глаза свѣтились непритворнымъ

Digitized by Google

весельемъ. Она то и дѣло болтала со своими кавалерами и съ видимымъ удовольствіемъ лакомилась конфектами, лежавшими передъ ней въ бонбоньеркѣ. Кто могъ бы подумать, что нѣсколько часовъ назадъ она приходила на свиданіе къ нѣжно любимому человѣку, что ея домашняя жизнь проходила подъ гнетомъ деспотизма? Ренэ не вѣрилъ своимъ глазамъ; въ особенности его поразила наружность Поля Морена; у мужа Сюзанны было такое открытое, добродушное лицо, что онъ никакъ не походилъ на сухаго дѣльца съ мрачнымъ замкнутымъ характеромъ, какимъ выставляла его жена. Бѣдный юноша пришелъ въ театръ въ надеждѣ успокоиться и забыть низкія клеветы, которыми людская зависть отравляла его любовь; но вмѣсто того онъ вернулся домой еще въ худшемъ положеніи.

Проснувшись на другое утро съ тяжелымъ сердцемъ, онъ старался объяснить себѣ въ хорошую сторону противорѣчіе, замѣченное имъ въ Сюзаннѣ. „Я не имѣю права сердиться на нее, если она была вчера въ веселомъ настроеніи духа“, говорилъ онъ себѣ. „Присутствіе барона Деформа въ ложѣ, вѣроятно, объяснится при слѣдующемъ свиданіи. Если физіономія Поля Морена не соотвѣтствуетъ его характеру, то вѣдь наружность бываетъ такъ обманчива! Развѣ негодяй Клодъ Ларшэ не подкупилъ меня своимъ вкрадчивымъ обращеніемъ, открытымъ взглядомъ и своей манерой оказывать мнѣ услуги, а потомъ дѣлать видъ, что не помнитъ о нихъ“? Все, что выстрадалъ Ренэ наканунѣ, обратилось теперь въ бѣшеную злобу на того, кто по своей неумѣстной болтливости сдѣлался первой причиной его горя. Въ пылу негодованія, Венси забылъ даже неоспоримыя достоинства друга, оказавшаго ему покровительство: его абсолютное безкорыстіе, преданность безъ малѣйшаго разсчета и полное отсутствіе литературной зависти.

Вернувшись изъ библіотеки, гдѣ онъ почти не могъ работать, молодой человѣкъ сѣлъ къ столу, чтобы написать Клоду. Однако прочитавъ письмо, въ которомъ заключалась пламенная защита г-жи Моренъ, Венси рѣшилъ его уничтожить, предпочитая объясниться со своимъ врагомъ при свиданіи.

Дня два спустя, Ренэ и Сюзанна снова встрѣтились въ улицѣ Дамъ. Озабоченность молодаго человѣка не ускользнула отъ вниманія г-жи Моренъ; на ея нѣжные разспросы онъ отвѣчалъ, что въ газетахъ появилась неблагопріятная статья на его счетъ. —Всѣ талантливые люди имѣютъ своихъ завистниковъ, сказала она.

— Оставимъ этотъ разговоръ, отвѣчалъ Ренэ, стараясь сдержать свое волненіе:—скажи мнѣ лучше, какъ ты проводила время?

Digitized by Google

Еслибы Сюзанна взглянула на Ренэ въ эту минуту, то замѣтила бы мучительную его тревогу. Въ эти три дня, въ немъ развилось уже недовѣріе къ любимой женщинѣ, но г-жа Моренъ не догадывалась ни о чемъ. Она не могла допустить, чтобъ этотъ неопытный юноша съумѣлъ перехитрить ее.

— Какъ я проводила время? повторила Сюзана:—Во-первыхъ, я была въ театрѣ „Гимназіи“ со своимъ мужемъ; къ счастью, мы всегда молчимъ, когда бываемъ вдвоемъ. Я могла думать о тебѣ весь вечеръ и грустить, какъ будто была одна, какъ всегда бываетъ со мной въ обществѣ мужа. Еслибы ты зналъ, до чего надоѣдаютъ мнѣ свѣтскіе выѣзды, до чего тяготитъ порой супружеская цѣпь!

— Значитъ, ты скучала въ театрѣ? настойчиво переспросилъ Ренэ.

— Развѣ мнѣ можетъ быть весело безъ тебя? отвѣчала она съ улыбкой, вскидывая глаза на любовника:—что съ тобою, мой другъ? прибавила г-жа Моренъ съ невольнымъ изумленіемъ.

Лицо Ренэ было мрачно, почти сурово.

— Ахъ, это все по поводу несносной статьи, отвѣчалъ Венси.

— Гдѣ же она появилась? спросила Сюзанна, начиная тревожиться.

Ренэ отвѣчалъ уклончиво. Г-жа Моренъ поняла, что онъ не хочетъ высказаться; у нея опять вертѣлся на языкѣ вопросъ: „Ты слышалъ обо мнѣ что нибудь дурное“? однако Сюзанна не рискнула предложить его любовнику, предпочитая узнать все обиняками.

— Ты былъ у m-lle Риго? спросила она почти беззаботно.

— Да, отвѣчалъ Ренэ съ явнымъ смущеніемъ.

— И она простила бѣдному Клоду? продолжала г-жа Моренъ.

— Нѣтъ..... Коллета очень дурная женщина!

Горькій тонъ этихъ словъ отчасти открылъ Сюзаннѣ тайну Ренэ. Ей снова захотѣлось разспросить его, но она хотѣла добиться откровенности любовника своими ласками, и потому прервала его рѣчь долгимъ поцѣлуемъ. Въ его глазахъ загорѣлось пламя страсти, жажда наслажденія, которымъ онъ хотѣлъ утолить свою сердечную муку. На этотъ разъ, въ его ласкахъ сказывалось что-то слишкомъ бурное, почти свирѣпое; гнѣвъ, какъ извѣстно, разжигаетъ страсть, убивая въ то же время нѣжность. Когда порывъ чувственности улегся, молодая женщина, не выпуская Ренэ изъ своихъ объятій, спросила самымъ вкрадчивымъ тономъ:

— Почему ты не хочешь подѣлиться со мной твоимъ горемъ?

Еслибъ она произнесла эту фразу въ началѣ разговора, онъ

Digitized by Google

былъ бы не въ силахъ промолчать и передалъ бы ей свою встрѣчу съ Коллетой, мѣшая слова съ поцѣлуями и слезами. Теперь у него была уже другая причина страданія: явная ложь Сюзанны. А онъ считалъ ее идеаломъ правдивости!

Ренэ снова уклонился отъ прямаго отвѣта. Они разстались, не объяснившись.

„На слѣдующій разъ я узнаю все", думала про себя Сюзанна, по дорогѣ домой. Скрытность любовника немного огорчила ее. Она дѣйствительно любила Венси, хотя прежде всего чувственною любовью. Развращенная своимъ образомъ жизни и своей средой, эта женщина тѣмъ не менѣе цѣнила благородство души поэта, пожалуй, по той же причинѣ, которая заставляла развратниковъ старой школы предпочтительно соблазнять богомольныхъ женщинъ. Кромѣ того, чувственныя удовольствія этой любви должны были прекратиться вмѣстѣ съ иллюзіями Ренэ на ея счетъ. Она окружила себя въ его глазахъ магическимъ ореоломъ. Чья же враждебная рука пробовала разрушить это очарованіе? Очевидно, въ дѣло была замѣшана Коллета Риго; но какой поводъ имѣла она чернить репутацію Сюзанны? Г-жа Моренъ терялась въ догадкахъ; на другой день ее удивило еще одно обстоятельство. Возвратившись передъ обѣдомъ домой, Поль Моренъ весело вошелъ въ маленькую гостинную жены. Она нервно вскочила съ мѣста при звукѣ его шаговъ; мужъ взялъ ее за талію и принялся цѣловать.

— Ты должна похвалить меня за то, что я былъ умница, сказалъ онъ:—я сдѣлалъ визитъ графинѣ Комовой и, знаешь, кого встрѣтилъ тамъ?.. Отгадай?.. Ренэ Венси, молодаго поэта. Я не понимаю, отчего Деформъ находитъ его кривлякой; онъ премилый юноша и очень мнѣ понравился. Мы долго разговаривали съ нимъ; я сказалъ ему, что ты будешь очень рада его видѣть. Вѣдь ты не въ претензіи на меня за это?

— Конечно, нѣтъ, отвѣчала Сюзанна.

Встрѣча любовника съ мужемъ озадачила ее. Почему постоянно откровенный Ренэ скрылъ отъ нея свое намѣреніе отправиться съ визитомъ къ графинѣ? Здѣсь что-то кроется; и г-жа Моренъ снова терялась въ догадкахъ, краснѣя при мысли, что Венси невольно уличилъ ее въ обманѣ. Поль, конечно, произвелъ на него пріятное впечатлѣніе и показался совсѣмъ не тѣмъ черствымъ эгоистомъ, какимъ выставляла его жена.

Венси явился на слѣдующее свиданіе еще болѣе мрачнымъ. Сюзанна сдѣлала видъ, будто не замѣчаетъ ничего, хотя онъ хо-

Digitized by Google

лодно отвѣтилъ на ея поцѣлуй; она только меланхолически улыбнулась и сказала:

— Я должна побранить тебя, милый Ренэ; зачѣмъ ты не предупредилъ меня, что намѣренъ идти къ графинѣ Комовой? Я постаралась бы тогда предотвратить одну встрѣчу, которая была тебѣ, конечно, непріятна?

— Непріятна? воскликнулъ Ренэ съ несвойственной ему ироніей:—напротивъ, господинъ Моренъ чрезвычайно мило обошелся со мною.

— Да, ты очаровалъ его. Этотъ насмѣшливый человѣкъ говорилъ мнѣ о тебѣ съ такимъ энтузіазмомъ, что я была поражена. Онъ даже пригласилъ тебя бывать у насъ. Ты можешь гордиться этимъ: Поль такъ рѣдко выказываетъ привѣтливость новымъ лицамъ. Мой бѣдный Ренэ, продолжала она, наклоняясь къ любовнику:—ты, вѣроятно, очень страдалъ отъ его предупредительности.

— Да, я очень страдалъ, глухо отвѣтилъ Ренэ. Онъ смотрѣлъ на прелестное лицо, склонившееся къ нему, и вспомнилъ слова Сюзанны въ Луврѣ, передъ портретомъ любовницы Джіорджіоне: „Какъ можно лгать съ такимъ невиннымъ лицомъ?“

Недовѣріе Венси все возрастало. Знакомство съ Полемъ особенно усилило его. Неужели эти прекрасные глаза, эти прелестныя губки могли такъ безстыдно лгать? Неужели эта восхитительная красота служила оболочкой низкой душѣ? Нѣтъ, такое предположеніе было слишкомъ чудовищно; Колетта Риго навѣрно клеветала!.. Но зачѣмъ Сюзанна произносила одну ложь за другою? Человѣкъ не станетъ лгать безъ надобности. Венси почувствовалъ въ эту минуту, что и довѣріе, какъ любовь, могутъ быть только безусловными. „Бѣдный Ренэ“, повторялъ между тѣмъ голосъ Сюзанны; она знала, что онъ не устоитъ противъ ея ласковаго тона и выскажется.

— Да я очень несчастливъ, началъ онъ:—послушай, Сюзанна, намъ необходимо серьезно переговорить между собой. Такія отношенія, какъ наши, не могутъ долго тянуться; я слишкомъ страдаю отъ нихъ, они не удовлетворяютъ моей любви. Для меня недостаточно видѣться съ тобой тайкомъ на какой нибудь часъ, не принимая участія въ твоемъ остальномъ существованіи. Прежде ты не могла принимать меня, опасаясь неудовольствія мужа; теперь это препятствіе устранено; мы познакомились и подали другъ другу руки, хотя мнѣ было это не легко, но я отбросилъ въ сторону всякую гордость, потому что люблю тебя... Люблю и вмѣстѣ съ тѣмъ сомнѣваюсь въ тебѣ. Умоляю, позволь мнѣ посѣщать твой домъ, вращаться въ твоемъ кругу, видѣть тебя не

Digitized by Google

только здѣсь, гдѣ мы встрѣчаемся для удовлетворенія своей страсти...

— Нѣтъ, для любви! прервала она:—не оскверняй моей святыни такими выраженіями!

Молодая женщина опустилась на стулъ, какъ будто подкошенная ударомъ, и продолжала:

— Прощай, моя прекрасная мечта о любви вдали отъ свѣта, безъ тѣхъ возмутительныхъ компромиссовъ, которые пугали насъ обоихъ! Теперь все будетъ кончено, когда между нами станутъ посторонніе люди.

— Такъ ты не позволяешь мнѣ бывать у васъ? настойчиво спросилъ Ренэ.

— Но ты требуешь того, что̀ положитъ конецъ нашему счастью. Въ моей средѣ ты на каждомъ шагу будешь получать непріятные толчки своему самолюбію и своей деликатности. Ты не знаешь свѣта, гдѣ я обречена вращаться, ты совершенно не созданъ для него. Твои разочарованія обрушатся на мою голову. Заклинаю тебя, мой другъ, откажись отъ этой несчастной мысли!

— Въ такомъ случаѣ, въ вашей жизни есть какая нибудь тайна, которую мнѣ не слѣдуетъ знать?

Сюзанна была довольна такимъ оборотомъ разговора; Ренэ, конечно, готовъ высказаться ей сейчасъ.

— Боже мой! какъ можешь ты говорить такія вещи? возразила она:—кто нибудь оклеветалъ меня передъ тобою? Если такъ, то я прошу тебя бывать въ нашемъ домѣ, сколько тебѣ угодно. Въ моей жизни нѣтъ ничего предосудительнаго, и я готова скорѣй умереть, чѣмъ обмануть тебя.

— Однако, ты солгала мнѣ прошлый разъ! воскликнулъ Ренэ, обезоруженный уступчивостью Сюзанны.

— Я солгала тебѣ?

— Да, подтвердилъ Венси:—ты мнѣ сказала, что была въ театрѣ только вдвоемъ съ своимъ мужемъ.

— Но я дѣйствительно была тамъ...

— И я также, прервалъ Ренэ.—Въ твоей ложѣ былъ еще одинъ мужчина.

— Деформъ! воскликнула Сюзанна:—но ты сходишь съ ума, мой бѣдный Ренэ! Баронъ пришелъ къ намъ въ одинъ изъ антрактовъ, и Поль просилъ его остаться до конца пьесы. Деформъ! продолжала она съ улыбкой:—да онъ совершенно нейдетъ въ счетъ; мнѣ просто не пришло въ голову упомянуть тебѣ о немъ. Ну, скажи мнѣ серьезно, развѣ онъ можетъ быть твоимъ соперникомъ?..

Digitized by Google

— Однако, ты была такъ весела, такъ счастлива при немъ!

— Неблагодарный! еслибы ты могъ читать въ моемъ сердцѣ... Каждый изъ насъ носитъ маску довольства въ обществѣ. Нѣтъ, Ренэ, это слишкомъ жестоко, слишкомъ несправедливо съ твоей стороны обвинять меня въ этомъ!

— Прости меня, прости, Сюзанна! воскликнулъ молодой человѣкъ, совершенно обманутый артистическимъ притворствомъ любовницы:—ты права! Тебя оклеветали... Коллета Риго, эта низкая женщина... Недаромъ ты не довѣряла Клоду!

— Я отвергла его ухаживанья, сказала г-жа Моренъ,—а мужчины вѣчно помнятъ такія обиды.

— Негодяй! съ гнѣвомъ продолжалъ Венси:—онъ догадался, что я тебя люблю, потому что замѣтилъ мое смущеніе, когда мы единственный разъ упомянули въ разговорѣ твое имя... Клодъ такъ хорошо знаетъ меня!.. Онъ, вѣроятно, сталъ дѣлать догадки, разболталъ мою тайну Коллетѣ и выдумалъ разныя гадости... Но я не хочу говорить тебѣ о нихъ...

— Напротивъ, скажи мнѣ всю правду, настаивала Сюзанна, съ печальной улыбкой невинно-осужденнаго человѣка, идущаго на казнь.—Тебѣ, конечно, сказали, что я измѣняла мужу и раньше, до встрѣчи съ тобою?

— Хуже того...

— Что же именно ты слышалъ? скажи, ради Бога! Хотя я равнодушна ко всѣмъ клеветамъ постороннихъ людей, но мнѣ больно, что ты могъ повѣрить дурнымъ слухамъ про меня. Выскажись вполнѣ откровенно. Я имѣю право требовать этого!

— Правда, отвѣчалъ пристыженный Ренэ. И онъ прибавилъ, запинаясь:—Клодъ будто бы передавалъ Коллетѣ, что ты... Нѣтъ, я не въ силахъ этого выговорить, что Деформъ...

— Опять таки Деформъ! прервала Сюзанна съ горькой улыбкой:—но это, право, смѣшно! Тебѣ, вѣроятно, наклеветали, будто бы баронъ близокъ со мною. Подобная нелѣпость не въ состояніи даже обидѣть меня... Бѣдный старый другъ, который зналъ меня еще крохотной дѣвочкой! Онъ постоянно бывалъ въ домѣ у отца. Я выросла на его глазахъ. Онъ любитъ меня, какъ дочь!.. И вдругъ приписывать ему такія низости!.. Нѣтъ, Ренэ, поклянись, что ты не повѣрилъ гнусной инсинуаціи... Развѣ я заслужила отъ тебя такую тяжкую обиду?

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

Безсонница.

Стонетъ и плачетъ на улицѣ вьюга;
Съ жалобой въ окна стучится она...
Жду—не дождусь я, какъ лучшаго друга,
Сна дорогаго, спасителя-сна.

Дума за думой приходятъ, уходятъ;
Чувства неясныя жгутъ мою грудь.
Темные, свѣтлые призраки бродятъ...
Полно, уйдите вы,—дайте заснуть!

То, что̀ прошло для меня безвозвратно,
Съ темнымъ грядущимъ слилося въ одно:
Жизнь моя стала, какъ міръ, необъятной,—
Нѣтъ ей границы, и все въ ней темно.

Будто бы въ книгѣ забытой, листками
Кто-то играетъ, смѣясь надо мной;
Строки и буквы я вижу глазами,
Но не запомнить мнѣ ихъ головой!

Душно и тяжко! Какъ лучшаго друга,
Жду—не дождусь я спасителя-сна!
Стонетъ и плачетъ на улицѣ вьюга...
Боже, о чемъ это плачетъ она?

Влад. Юрьевъ.

Digitized by Google

ОЧЕРКИ СТАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I. Набѣгъ *).

Бѣшеноводскій станичный табунъ вернулся незадолго до захода солнца, безпощадно напыливъ и нагадивъ въ станицѣ, и разбрелся по хозяйскимъ дворамъ; табунщикъ ушелъ домой ужинать, похлопывая по воздуху длиннымъ кнутомъ; хозяйки, выдя на улицу и встрѣтивъ свой скотъ, загоняли его хворостинами во дворы, причемъ не обходилось безъ крика и ругательствъ.

— Ну-у ты... чертовка!.. куда глаза пялишь! кричала суровая на видъ казачка, упорно заходя въ тылъ коровѣ, не желавшей войти въ калитку.

— Иди, иди, кормилица, иди въ куточекъ! говорила другая, ласково обращаясь къ своей „худобѣ".

Кое-гдѣ загоняли коровъ сами казаки и даже подростки-дѣти, почему либо оставленныя дома за хозяйку и исполнявшія ея роль. Но вся эта суетня скоро окончилась; загремѣли засовы и болты; калитки и ворота заперлись, какъ вскорѣ, вслѣдъ за этимъ, заперлись и ставни въ станичныхъ мазанкахъ.

На дворѣ казачьяго полка, изъ-за густыхъ деревьевъ рощи, расположенной передъ казармами, раздались рѣзкіе звуки трубы, протяжные и унылые: играли зорю, вслѣдъ за которой хоръ казаковъ стройно пропѣлъ вечернюю молитву. Шумная дневная жизнь понемногу угасала, и все стремилось ко сну и покою. Еще застучали по деревянному мосту копыта лошадей—это выѣзжалъ за станицу ночной разъѣздъ; казаки, невольно подчиняясь общей тишинѣ, разговаривали между собою вполголоса. Узкая, багровая полоска заката совсѣмъ уже потухла, оставивъ за собой какой-то фосфорическій свѣтъ на западной сторонѣ неба, между тѣмъ какъ восточная дѣлалась изсиня-черною и прозрачною, и

*) Первые очерки того же автора были напечатаны въ „Наблюдателѣ" 1886 г., № 6.

Digitized by Google

въ бездонной глубинѣ ея зажигались рѣдкія, блѣдныя звѣзды.... Зелень деревьевъ пропадала, и они сливались теперь въ общія темныя группы, теряя свои очертанія. Мракъ наступалъ, и станица погружалась въ безмолвную дремоту. Неистовый лай собакъ понемногу стихалъ; изрѣдка только задребезжитъ на какомъ либо дворѣ звонкій голосъ домашняго сторожа, да откликнется ему, на другой сторонѣ улицы, охрипшій лай его сотоварища, и эти два голоса подымутъ еще пять-шесть другихъ... Но во всѣхъ нихъ слышно уже утомленіе и желаніе угомониться; нѣтъ уже того деннаго увлеченія своими денными обязанностями, благодаря которому каждый отдѣльный лай подымаетъ цѣлый оркестръ остервенѣлыхъ собачьихъ голосовъ.... Гдѣ-то еще, далеко за станицей, прозвучалъ запоздалый звонъ троечныхъ колокольчиковъ, да протрещала трещотка ночнаго церковнаго сторожа, которому отвѣтилъ такой же трещоткой другой сторожъ, у Яшкина духана.

Это были послѣдніе признаки жизни: все умолкло, и глухая станичная ночь, спустившись на землю, окутала густымъ мракомъ и безмолвіемъ уставшее поселеніе. Мѣсяцъ еще не всходилъ, и звѣзды одиноко мерцали на сильно потемнѣвшемъ небѣ. Наступила какая-то непроницаемая,—если можно такъ выразиться, — тишина, изрѣдка только прерываемая звономъ колокольнаго сторожа, который совершенно беззаботно и нецеремонно относился къ теченію времени; часто въ десять часовъ вечера онъ вызванивалъ семь-восемь ударовъ, въ двѣнадцать ночи ударялъ иногда тринадцать, а то и четырнадцать разъ. Но и онъ, наконецъ, заснулъ; гдѣ-то еще, какъ послѣдній отзвукъ, какъ отдаленное напоминаніе жизни, раздался затяжной, заунывный и дѣйствующій на нервы вой собаки, которой что-то пригрезилось, и вслѣдъ затѣмъ гробовая тишина ничѣмъ уже не нарушалась больше. Давно вездѣ потухли огни—станица погрузилась во тьму. Только два окна Яшкина духана ярко свѣтились.

Въ такую ночь не дай Богъ никому страдать бессонницей. Въ душной, герметически закупоренной хатѣ, ставни которой не пропускаютъ ни малѣйшаго луча прозрачной ночи, темно, какъ въ гробу. Однообразно-назойливо и надоѣдливо верещитъ гдѣ нибудь за печкой сверчокъ; мрачныя ночныя думы лѣзутъ въ голову изъ всѣхъ щелей, и мрачно становится на душѣ... И тянется такая безсонная ночь цѣлую вѣчность; не хочется зажигать свѣчи изъ боязни окончательно спугнуть сонъ, прихода котораго все таки съ нетерпѣніемъ ожидаешь; но онъ нейдетъ и по неволѣ, сосредоточенно и педантично высчитываешь удары миѳическихъ часовъ колокольнаго сторожа...

Digitized by Google

Все таки общая и глубокая тишина ночи, требованія организма и усилія воли берутъ, наконецъ, свое: глаза понемногу слипаются, мысли путаются и мѣшаются въ уставшей головѣ; слухъ притупляется къ неумолкаемому и неизбѣжному верещанію сверчка, и сонъ,—благодѣтельный, давно ожидаемый сонъ—смыкаетъ, наконецъ, глаза"...

Но недолго это продолжается. Сначала, какъ будто очень отдаленно, словно даже подъ землею, слышны глухіе удары колокола. Еще не успѣвшее окончательно замереть, сознаніе начинаетъ вновь пробуждаться и работать, и вдругъ оно совершенно пробуждается: сонъ мгновенно соскакиваетъ съ глазъ, и въ то же время удары церковнаго колокола мѣрно, отчетливо и рѣзко начинаютъ раздаваться въ ушахъ; даже несносный сверчокъ умолкаетъ, въ комнатѣ стоитъ дребезжащій гулъ колокола. „Батюшки! да вѣдь это набатъ!!" вдругъ, съ полною ясностью, приходитъ на умъ, и начинаешь въ полномъ сознаніи одѣваться и спѣшишь на улицу—разузнать, въ чемъ дѣло.

„Ужь не пожаръ ли?" мелькаетъ въ головѣ, пока руки, блуждая въ темнотѣ, отыскиваютъ одежду; но ставни не пропускаютъ ни единаго багрово-краснаго луча, и приходится выйти на улицу, чтобы убѣдиться, что пожара,—по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ,—нигдѣ нѣтъ.

А на улицѣ между тѣмъ идетъ суетня, стоитъ шумъ, гамъ, оживленное волненье. Изъ калитокъ повыскочили казаки и казачки, кто въ барашковомъ полушубкѣ, наскоро накинутомъ на плечи, кто въ разстегнутомъ бешметѣ, кто въ одной сорочкѣ и юбкѣ, кто въ наброшенной сверхъ рубахи „полькѣ"—коротенькой шубенкѣ... Ведутся оживленные переговоры.

— Ульянка, Ульянка-а-а! выкрикиваетъ старуха Вороніха, черезъ улицу, выглянувшей изъ окна убогой хаты толстой дѣвкѣ

— Чаво тебѣ, тетушка?

— Тревога, что ли?

— Слышь, тетка, сказываютъ у Боброва худобу угнали...

— Угна-а-ли?

— Угнали, сказываютъ. Наши ужь снарядились и слѣдъ нашли. *Они* (очевидно, похитители) кинулись къ мосту, а потомъ, за мостомъ, слѣды пошли въ сторону...

Въ это время показывается на улицѣ разъѣздъ. Тонкій серпъ молодаго мѣсяца бросаетъ скупые лучи на этихъ волнующихся и мечущихся людей. Снова поднялся собачій лай, на этотъ разъ прерываемый изрѣдка пѣніемъ какого либо горластаго пѣтуха. Ка-

Digitized by Google

заки разъѣзда—въ папахахъ, съ ружьями, въ бурочныхъ чехлахъ за спинами,—остановились за мостомъ, на выѣздѣ изъ станицы.

— Здѣсь, что ли дожидать, Абрамъ Никитичъ? обратился одинъ изъ казаковъ къ другому—станичному атаману.

— Здѣсь долго не ѣдетъ что-то... Пора-бы двинуться. Какъ бы не ушли гололобые.

— Не уйдутъ теперь; слѣда не упустимъ; все равно до свѣту мало чего сдѣлаешь.

— Ишь вѣдь, нехристи поганые, говорилъ озлобленнымъ голосомъ самъ потерпѣвшій, высокій и сильный казакъ Бобровъ:—ужь живыми не выпущу!!

— А не выпустишь, подъ судъ уйдешь, вставилъ атаманъ не то насмѣшливо, не то досадуя на дѣйствительную невозможность „не выпустить изъ рукъ."

— И то! Убивать не позволяютъ; по судамъ таскаться кому охота? А тамъ что жъ толку? Свидѣтелей нѣтъ—ну, *онъ* значитъ и правъ.

— Ѣдетъ, ѣдетъ! раздался голосъ, и по дорогѣ послышался стукъ копытъ.

Тотъ, кого давно съ нетерпѣніемъ ожидали, былъ приставъ.

— Ну, ребята, двинемся! сказалъ онъ, и весь отрядъ послѣдовалъ за нимъ.

Набатъ уже пересталъ; станичники еще потолковали между собою о набѣгѣ абрековъ, объ уводѣ скота у Боброва и, полуразбужденные, полусонные, опять побрели въ свои душныя хаты, на жосткія лежанки. Сторожъ усердно выколачивалъ свою трель на доскѣ.

— Ишь стараешься! Когда улица народомъ полна, воровъ отпугиваешь! шутилъ съ нимъ Яшкинъ прикащикъ, выскочившій на шумъ изъ духана:—а когда всѣ спятъ, тебя и не слышно.

— Потому и не слышно, что спятъ! Ври больше!

— Должно быть! Какъ же скотину угнали, ежели такъ?

— Какъ угнали? Нешто жъ я могу за всей станицей наблюсти? Чай, Бобровъ-то на другомъ концѣ живетъ?

Все снова успокоилось; но отрядъ, выступившій на поимку, подвигался впередъ по степи, отъискивая еле видимые на пыльной дорогѣ слѣды копытъ нѣсколькихъ лошадей и быковъ.

— Ишь вѣдь нехристи путаютъ: вонъ лошадь задомъ повернулъ и слѣды вонъ обратные, говорилъ атаманъ, низко пригибаясь къ землѣ и напряженно всматриваясь:—обратные и есть! А вотъ, вотъ здѣсь—глядите, на одномъ мѣстѣ подлецы топчатся... Врешь, братъ, не надуешь!

— И отчего только стрѣлять этихъ собакъ нельзя? сокрушал-

Digitized by Google

ся молодой парень-казачокъ:—застрѣлилъ бы. и правъ... И *ихъ* отучили бы.

— А какъ они потомъ нашихъ бы стали стрѣлять, за кровь?

— А мы ихъ!

— А они насъ...

Завязался споръ.

— Нечего, ребята, спорить, сказалъ приставъ:—дѣло нужно дѣлать!

Атаманъ, человѣкъ опытный въ подобнаго рода дѣлахъ, отыскалъ снова нить слѣдовъ и повелъ отрядъ дальше. Начиналъ уже чуть брезжить разсвѣтъ. Сначало робко, неопредѣленно, расплывчато, показался свѣтъ; всѣ предметы побѣлѣли какъ-то разомъ и всѣ тѣневыя стороны ихъ стали блѣднѣть; звѣзды тускнѣли, и небо становилось молочно-блѣднымъ. Далеко на горизонтѣ розовѣло небо. Очертанія кустовъ сдѣлались явственнѣе, и вскорѣ можно было разглядѣть почти отчетливо и самую мелкую травку. Въ воздухѣ было сыро и холодно. Башлыки, въ которые закутались казаки, отсырѣли. Все становилось блѣднѣе и блѣднѣе, и наконецъ яркій, красивый лучъ восхода прорвалъ эту молочно-сѣрую пелену, въ которую одѣлось раннее утро, и озарилъ сразу всю степь. Отрядъ доѣхалъ до рѣки, и слѣды на время затерялись. Тщетно бился атаманъ—но не могъ ничего сдѣлать. Казаки поили лошадей. Наконецъ, нить снова была отыскана, и снова всѣ двинулись въ путь, весело болтая, пересыпая свои рѣчи шутками и остротами, подъ вліяніемъ веселаго настроенія, которое овладѣло ими при первыхъ лучахъ выглянувшаго солнца. Многіе вынули табакъ, скрутили „вертунчики“ и курили. Атаманъ ѣхалъ рядомъ съ приставомъ и разсуждалъ съ нимъ о несовершенствѣ законодательства, не позволяющаго убивать людей, „бритоголовыхъ нехристей“, за угонъ скота.

Одинъ старый казакъ,—большой знатокъ поговорокъ и пословицъ,—говорилъ, обращаясь къ молодежи, внимательно его слушавшей, и пересыпалъ ежеминутно свою рѣчь пословицами.

— Вотъ въ наше время, бывало, братцы, грабителямъ спуску не давали: какъ ужь запопадешь—тутъ ему и конецъ! Съ волками жить по волчьи выть! За то ужь и нашему брату тоже не давали поблажки: гдѣ онъ тебя ни встрѣтитъ, тамъ и прирѣжетъ.

— Что жъ, Николай Степанычъ, и теперь, кажись, намъ отъ нихъ житья нѣтъ?

— Отъ грѣха не уйдешь, отъ бѣды не упасешься. И отъ насъ имъ порядкомъ достается.

Въ это время отрядъ перебирался черезъ рѣку, на другомъ

Digitized by Google

берегу которой росъ частый и довольно высокій орѣшникъ. Вдругъ раздался выстрѣлъ, и весь отрядъ встрепенулся, а сзади кто-то заохалъ. Атаманъ обернулся и увидѣлъ молодого Боброва-сына, схватившагося за свою лѣвую руку, изъ которой онъ выпустилъ поводъ.

— Раненъ, что ль? закричалъ онъ ему.

— Раненъ, въ руку, Абрамъ Никитичъ.

— Ну, отъѣзжай и оставайся!

Все это говорилось на ходу, а отрядъ, съ приставомъ во главѣ, быстро приближался къ другому берегу, когда вновь раздался выстрѣлъ, на этотъ разъ, впрочемъ, никого не ранившій. Въ отрядѣ послышались ругательства, и всѣ зашевелились, схватившись за винтовки, вынутыя при первомъ выстрѣлѣ изъ чехловъ.

— А! коли такъ... говорилъ поблѣднѣвшій и перепугавшійся приставъ, мгновенно осаживая лошадь назадъ:—коли такъ...

— Эй вы! кричалъ атаманъ высунувшемуся изъ кустовъ азіату въ надвинутой на лобъ папахѣ, изъ-подъ которой виднѣлся бритый затылокъ:—лучше не стрѣляй! А то худо будетъ!

Выскочило еще пять абрековъ, и всѣ они быстро заговорили на своемъ рѣзко гортанномъ нарѣчіи, сильно жестикулируя и сердито смотря на казаковъ.

— Вяжи ихъ, ребята! сказалъ приставъ, выглядывая изъ-за атаманской спины.

— Сунься-ка! проговорилъ вполголоса атаманъ, не то насмѣшливо, не то съ досадой.

Абреки уже давно были на лошадяхъ, вскочивъ на нихъ, пока казаки переправлялись въ бродъ, и мгновено изготовили свои длинныя одноствольныя ружья къ стрѣльбѣ.

— Стой, стой! кричалъ приставъ, но они, ударивъ плетьми по лошадямъ, летѣли вскачь.

— Стрѣляй въ нихъ, собакъ, что ихъ жалѣть!..

— За худыя дѣла слетитъ и голова; слова не берутъ, такъ и шкуру сдерутъ! проговорилъ Николай Степановичъ, въ видѣ сентенціи.

Раздались выстрѣлы; одинъ абрекъ закружился какъ-то на мѣстѣ съ лошадью и, какъ снопъ, свалился съ сѣдла, а лошадь ринулась впередъ и ускакала. Преслѣдуемые мгновенно остервенѣли: они остановились, повернули лошадей, навели свои длинныя ружья и выстрѣлили въ казаковъ съ дикимъ, визгливымъ крикомъ. Перестрѣлка завязалась ожесточенная. Въ результатѣ ея оказалось нѣсколько раненыхъ съ обѣихъ сторонъ. Нѣсколько абрековъ ускакали, два трупа остались на мѣстѣ, и къ нимъ, по-

Digitized by Google

распоряженію пристава, поставили довольно сильный караулъ, Остальные, съ тремя ранеными плѣнниками, двинулись въ путь. Подъѣзжая къ рѣкѣ, въ кустахъ нашли привязаннымъ угнанный скотъ. На обратномъ пути, приставъ набрался храбрости; онъ поочередно подъѣзжалъ къ связаннымъ и самодовольно приговаривалъ:

— Будете знать, каково съ нами тягаться!

Казаки разговаривали между собою очень оживленно. Мрачные абреки оглядывались все назадъ, какъ бы ожидая помощи.

Молодой казачонка подъѣхалъ къ нимъ и замахнулся на одного изъ нихъ плетью, дѣлая видъ, какъ будто желаетъ его ударить. Злобная судорога безсильнаго и яростнаго остервѣненія исказила лицо плѣнника, и онъ издалъ какой-то гортанный звукъ, должно быть, ругательство. Эта жестокая шутка понравилась казакамъ, и они поочередно продѣлывали ее надъ несчастными. Одинъ только Николай Степанычъ сказалъ:

— Брось, братцы! Съ одного вола семь шкуръ не деруть!

— Такъ, вѣдь, развѣ это люди? Грабители!! возражали ему.

— Отъ запада до востока нѣтъ человѣка безъ порока, сентенціозно замѣтилъ на это Николай Степанычъ.

Отрядъ приближался къ станицѣ; человѣкъ шесть отдѣлились и поѣхали впередъ: это были пѣсенники. Далеко по степи раздавалась пѣсня:

Изъ набѣга удалаго
Ѣдутъ Сунженцы домой...

Степь ярко блистала красками: жгучее іюльское солнце освѣтило ее, прогнавъ блѣдно-молочный тонъ начинающагося утра. Казаки снимали свои мохнатыя папахи и утирали лбы. Съ измученныхъ, связанныхъ плѣнниковъ потъ лилъ ручьями. За мостомъ, при въѣздѣ въ станицу, собралась толпа стариковъ, старухъ, молодежи и дѣтей.

Завидѣвъ добычу, всѣ они подняли шумъ и гамъ, а молодежь стала издѣваться надъ связанными туземцами.

— Лежачаго-то не бьютъ, пробормоталъ недовольнымъ голосомъ атаманъ и поморщился:—чего зубы скалите?... убирайтесь!

Всадники подъѣхали къ станичному правленію, засадили туземцевъ въ „холодную“, приставили караулъ и выслали другую смѣну на помощь караульнымъ, оставленнымъ при трупѣ. Приставъ слѣзъ съ лошади и отправился домой, гдѣ разсказывалъ о своихъ подвигахъ въ самыхъ яркихъ краскахъ.

А казаки, ѣздившіе за поимкой абрековъ, слѣзли съ лошадей и гурьбой повалили въ духанъ Яшки.

Digitized by Google

II. Казнь.

I.

Вся „интеллигенція“ Бѣшеноводской станицы съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала „вечера“, устройство котораго взялъ на себя квартировавшій тамъ полкъ. Нетерпѣніе это очень понятно, если только взять во вниманіе, что „вечеровъ“ въ году бываетъ не болѣе двухъ-трехъ, и что въ числѣ интеллигенціи есть достаточное количество молодежи.

Желанный день наконецъ насталъ: развязный адьютантъ приглашалъ, кромѣ офицеровъ, и всѣхъ интеллигентныхъ обывателей станицы; это были: священникъ, учитель станичной школы, „комисіонеръ“ (такъ называется здѣсь смотритель продовольственнаго магазина), приставъ и еще нѣсколько представителей „восточныхъ человѣковъ“, очутившихся здѣсь по случаю совершеннаго упраздненія тѣхъ „рядовъ“, въ которыхъ они до сихъ поръ торговали въ Петербургѣ.

Ровно въ 8 часовъ вечера всѣ собрались; большинство взялось, конечно, за карты; дамы усѣлись въ обширной залѣ. („Вечеръ“ былъ устроенъ въ бывшемъ казарменномъ помѣщеніи). Дожидались танцующихъ кавалеровъ.

Жиденькій полковой оркестръ заигралъ вальсъ, и юнкера понеслись по залѣ; восточные человѣки, какъ побывавшіе въ Петербургѣ, приняли на себя роль распорядителей танцевъ, громко кричали, носясь по залѣ, толкая дамъ и распоряжаясь музыкой. Приставъ, немолодой уже человѣкъ, оказался ярымъ танцоромъ и негодовалъ на то, что многіе изъ присутствующихъ совсѣмъ не умѣли танцовать:

— Удивляюсь нынѣшней молодежи, говорилъ онъ:—она вотъ находитъ танцы несовмѣстными съ своимъ достоинствомъ, а предпочитаетъ стоять у стѣны, зѣвать или критиковать людей постарше и поопытнѣе себя. Мы, вотъ, однако же не гнушаемся въ свободное отъ службы время и потанцовать...

Надо было видѣть, съ какимъ веселымъ и одушевленнымъ видомъ танцовали на этомъ станичномъ балу. Вѣроятно, никогда ни на одномъ петербургскомъ балу нельзя встрѣтить такого одушевленія: здѣсь въ танцахъ вся душа и всѣ помыслы. Проскучавшіе круглый годъ и прослонявшіеся по станицѣ люди вырываются, наконецъ, изъ своихъ берлогъ и хотятъ съ лихвой наверстать даромъ загубленное время. Только и слышно было: „Марѳа Никитишна, позвольте просить третью!.. Гранъ-ронъ!.. Слѣдующую!“

Digitized by Google

За карточными столами раздавались другіе спеціальные возгласы, часто переходившіе въ горячіе споры, а то и въ ругань.

Въ буфетѣ было шумнѣе всего: ежеминутныя требованія всевозможныхъ водокъ совершенно сбили съ ногъ буфетчика. Были однако группы и не танцовавшія, и не игравшія; въ этихъ группахъ гости мирно разговаривали.

— Слышали вы, говорилось въ одномъ укромномъ уголкѣ:— Прасковья-то... вѣдь она скоро того...

— Неужели правда?

— Клянусь вамъ! И знаете кто?..

— Сидоръ Матвѣевичъ?..

— Э, батюшка, что вы! Какой тутъ Сидоръ Матвѣевичъ!

Собесѣдники наклоняли другъ къ другу головы до того близко, что лбы ихъ соприкасались; вслѣдъ за тѣмъ слышались: „шопотъ, робкое дыханіе“, сдержанный смѣхъ и сочувственно-укоризненное покачиваніе головой. Въ послѣдней комнатѣ, отведенной для дѣтей, мамокъ и нянекъ, безъ которыхъ станичныя дамы не ходятъ на вечера, было душно, чадно и людно.

Не будучи въ состояніи покинуть дома своихъ младенцевъ на произволъ нянекъ, а тѣмъ болѣе отказаться отъ такой необыкновенной и многообѣщающей штуки, какъ станичный „вечеръ“, чадолюбивыя матери уговорили развязнаго адьютанта устроить имъ отдѣльную комнату „для младенцевъ“.

Въ одномъ изъ угловъ залы шли обыденные разговоры о томъ, когда Наталья Ѳедоровна собирается родить; какъ вчерашняго числа обходъ поймалъ за станицей Акульку съ есауломъ Логовымъ; какъ третьяго дня напился бѣшеноводскій батюшка, и что изъ этого вышло. Въ другомъ углу, въ довольно большомъ кружкѣ, шелъ разговоръ объ иностранной политикѣ. Къ 12-ти часамъ, въ большой залѣ былъ уже накрытъ столъ, и къ общему удовольствію подавался ужинъ. Такимъ образомъ, все шло благопріятно именно до этого часа; за ужиномъ провозглашенъ былъ тостъ въ честь устроителей „вечера,“ потомъ пошли тосты, одинъ за другимъ, сначала въ порядкѣ, потомъ, когда очень ужь выпили, то и безъ всякаго порядка, и вотъ тутъ-то началось самое непринужденное веселье. Послѣ ужина, въ строгую и чинную кадриль втерся легкій канканчикъ, который вскорѣ перешелъ въ самый разнузданный канканъ и притомъ съ особымъ писарскимъ пошибомъ. Приставъ перебилъ „команду“ танцами у „восточныхъ человѣковъ“, которые съ легкой ироническої (въ качествѣ побывавшихъ въ Петербургѣ) усмѣшечкой исполняли командныя слова пристава.

Попадья изображала изъ себя свѣтскую и эмансипированную

Digitized by Google

барыню и увѣряла въ одномъ углу штабъ-ротмистра, что любить можно не только своего „батюшку", но и иныхъ смертныхъ. Очень она обижалась, когда штабъ-ротмистръ, изъявляя свое сомнѣніе въ ея способности къ такой многообъемлющей любви, называлъ ее „матушкой".

Самъ батюшка усѣлся за карточный столъ и объигрывалъ молодыхъ офицеровъ, которые всячески къ нему придирались. Онъ ухмылялся, продолжалъ брать взятки, размахивая своими широкими рукавами и, къ великой досадѣ партнеровъ, старался собирать сброшенныя карты въ одну кучку, для чего лѣзъ черезъ весь столъ и мѣшалъ играющимъ, постоянно задѣвая за подсвѣчники.

Игралъ онъ осторожно и пасовалъ при каждомъ удобномъ случаѣ, чѣмъ приводилъ офицеровъ, которымъ не везло, въ ужасную ярость. Горячіе споры возникали постоянно, ежеминутно грозя перейти въ крупное „недоразумѣніе." Больше всѣхъ горячился батюшка и напиралъ на дѣлопроизводителя съ очками на носу и съ сильнымъ сивушнымъ запахомъ изо рта. Въ буфетѣ продолжали пить; тамъ собрались юнкера и, не стѣсняясь присутствіемъ офицеровъ, сильно налегали на всякія питія.

„Комисіонеръ" разошелся и сталъ послѣ ужина показывать фокусы; всѣ очень смѣялись, когда онъ взялъ два карточныхъ мѣлка и сдѣлалъ видъ, что проглотилъ ихъ съ очевиднымъ апетитомъ; затѣмъ взялъ стаканъ и сталъ его грызть, причемъ стекло дѣйствительно хрустѣло на зубахъ, какъ леденецъ; жена его, тучная дама, упала въ обморокъ, на который никто однако не обратилъ вниманія, и она поспѣшила подняться безъ всякой посторонней помощи. Кто-то изъ подвыпившихъ офицеровъ предложилъ ея супругу „за одно слопать ужь и бутылку", отъ чего тотъ наотрѣзъ отказался и предложилъ подгулявшей компаніи показать, какъ онъ танцуетъ на животѣ, что и было принято публикой съ удовольствіемъ. Затѣмъ общее веселье шло crescendo; выкрикивались рѣчи, провозглашались тосты.

Комисіонеръ, къ великому огорченію своей тонирующей супруги, окончательно разгулявшись, еще разъ протанцовалъ на животѣ, и въ заключеніе обѣщалъ передъ самымъ „разъѣздомъ" проплясать „американскую на одной ногѣ, отъ угла до угла".

Но въ это самое время общее оживленіе, шумное и беззаботное, было прервано самымъ неожиданнымъ образомъ. Адьютанта вызвали изъ залы въ коридоръ, гдѣ ему „нарочный", прискакавшій изъ города, передалъ телеграмму. Прочтя ее, онъ со смущеннымъ видомъ вошелъ въ залу, гдѣ его окружили офицеры и стали

Digitized by Google

внимательно читать телеграмму. Она гласила, что, по требованію начальства, сотня казаковъ должна прибыть въ укрѣпленіе Н. къ извѣстному числу, чтобы присутствовать, для предупрежденія волненія въ народѣ, „при казни нѣсколькихъ ингушей, приговоренныхъ къ повѣшенію за убійство русскаго инженера". Сотнѣ, квартировавшей въ Бѣшеноводской станицѣ, командиръ полка предписывалъ выступить, въ полномъ составѣ, завтра же утромъ въ укрѣпленіе Н.

— Ну, слава Богу, все развлеченіе! проговорилъ старый есаулъ, командиръ сотни.

Станичный учитель посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Какъ, людей вѣшать—развлеченіе, по вашему?

— Какихъ людей? *Людей*! Нешто это люди? Звѣри! Всякаго зарѣжетъ дьяволъ; на дорогѣ не попадайся! И васъ зарѣжетъ, не безпокойтесь, только встрѣтьтесь! Всѣхъ, всѣхъ ихъ перевѣшать надо!

Учитель пожалъ плечами.

— Да, если такъ... произнесъ онъ, то, конечно, это развлеченіе!

— Наладили одно! Ну, конечно, лучше прогуляться, чѣмъ киснуть тутъ... И лошади промнутся—застоялись! Однако, заболтался я съ вами. До свиданья!

Онъ пожалъ руку учителю, собралъ своихъ подчиненныхъ офицеровъ и, попрощавшись еще съ нѣкоторыми, отправился на сотенный дворъ дѣлать распоряженія.

— Вы ужь, пожалуйста, говорилъ онъ, обращаясь къ шедшимъ съ нимъ двумъ офицерамъ:—не запоздайте. Нужно рано выступить, чтобы поспѣть во время. Не близкій путь! А теперь ужь два часа на исходѣ.

— Не безпокойся, Алеша, не опоздаемъ.

Такимъ образомъ, вечеръ былъ прерванъ. Адьютантъ тоже удалился, а по его уходѣ всѣ какъ-то притихли и стали расходиться; одинъ батюшка дремалъ, налегши всѣмъ своимъ грузнымъ туловищемъ на легкій карточный столъ съ разбросанными мѣлками, опрокинутымъ подсвѣчникомъ и смѣшанными картами. Комисіонеръ, послѣ цѣлаго ряда благополучно произведенныхъ фокусовъ и совершивъ самый трудный фокусъ,—выпивъ чуть не залпомъ двѣ бутылки вина,—лежалъ на диванѣ, въ комнатѣ для младенцевъ, въ полубезчувственномъ состояніи. Атаманъ съ дѣлопроизводителемъ, у котораго очки сползли на самый кончикъ сизо-краснаго носа, еле стояли, обнявшись, у буфета и ежеминутно чокались рюмками. Приставъ сидѣлъ въ без-

Digitized by Google

помощной позѣ, свѣсивъ на грудь голову и опустивъ руки плетьми, и тяжело дышалъ, отдыхая отъ танцевъ. Музыку адъютантъ отпустилъ. Зала, заплеванная, заброшенная окурками, бумажками отъ конфектъ, общипанными вѣточками винограда, приняла весьма непрезентабельный видъ. Столы съ остатками ужина, карточные столики съ исписаннымн зелеными полями, опрокинутые стулья,—все это тонуло въ густыхъ облакахъ скверная, дешеваго табачнаго дыма. И все это свидѣтельствало о томъ, что гостямъ слѣдовало расходиться. Гости, дѣйствительно, стали расходиться; комисіонера вынесли два здоровыхъ казака на рукахъ и донесли такимъ образомъ до дому. Батюшку растолкали и, поставивъ на дорогу, направили его домой, указавъ путь.

— Добре! произнесъ онъ и поплелся домой.

Дамы давно разошлись. Приставу подали лошадь, и онъ, вызвавшись довезти учителя, вышелъ съ нимъ на крыльцо.

Уже начинало свѣтать. Большія освѣщенныя окна казармъ показывали, что внутри ихъ идетъ жизнь и дѣятельность. Казаки,—кто въ одной рубашкѣ, кто въ бешметѣ,—бѣгали взадъ и впередъ по двору, носили котелки съ водой, ружья, бурки, видимо снаряжаясь въ путь. У длинной коновязи стояли привязанными лошади, которыхъ чистили казаки. Вскорѣ раздались звуки утренней зари, и казаки стали на молитву.

— Сади-и-сь! раздалась громкая команда, и всѣ на сотенномъ дворѣ засуетились. Отвязывали лошадей, садились, въѣзжали въ ряды. Уже начинало сильно свѣтать. Огонь въ окнахъ погасъ; появилась утренняя роса; стало сыро и холодно.

Вскорѣ, когда сотня уже выстроилась, къ ней подъѣхалъ есаулъ, поздоровался, скомандовалъ, и всѣ отправились въ путь.

II.

Проѣжая мимо крыльца офицерскаго собранія, въ которомъ ночью былъ такъ неожиданно прерванъ „вечеръ“, есаулъ услышалъ свое имя и, оглянувшись, увидалъ двѣ фигуры, махавшія ему. Онъ подъѣхалъ; это былъ атаманъ съ дѣлопроизводителемъ. У перваго въ рукахъ была бутылка, которою онъ махалъ по воздуху, а второй, еле удерживаясь за талію атамана, силился выдѣлывать какія-то па непослушными ногами.

— А вашес...-ко-бродіе! Въ путь?! Славно! бормоталъ атаманъ.

— Въ пу-у-ть! вторилъ ему товарищъ.

— Вѣшать, значитъ! Ну, и вѣшайте.

Digitized by Google

Есаулъ взмахнулъ нагайкой и понесся догонять сотню.

— Ишь вѣдь натрескались! Дорвались!

Сотня выступила уже на мостъ. Много народу столпилось поглазѣть на команду.

— Пѣсенники впередъ! скомандовалъ есаулъ, подъѣзжая...

Нѣсколько человѣкъ защелкали нагайками, выдѣлились изъ строя и выѣхали впередъ. Тотчасъ же послышались рѣзкіе звуки зурны и глухіе удары *тулумбаса*. Запѣвало—высокій, рябой казакъ—поднялъ плеть, которая замѣняла ему дирижерскую палочку, и затянулъ:

Вспомнимъ, братцы, мы былое,
Какъ на Сунжѣ безъ воды
Мы стояли сутокъ трое,
Дожидался орды...

А хоръ дружно подхватывалъ:

Гремитъ слава трубой,
Мы дрались, врагъ, съ тобой,
По горамъ твоимъ, Кавказъ,
Раздалась слава объ насъ!

— А ну-ка, братцы, крикнулъ есаулъ, когда пѣсня была окончена,—другую!...

— Какую прикажете, ваше благородіе? спросилъ запѣвало.

— Какую нибудь... ну хоть: „Поѣхалъ далече".. Люблю я эту пѣсню...

Хоръ затянулъ какой-то грустный напѣвъ:

Поѣхалъ далече казакъ на чужбину
На добромъ конѣ ворономъ,
Свою онъ краину навѣки покинулъ—
Ему не вернуться въ отеческій домъ.
Напрасно казачка его молодая
И утро, и вечеръ на сѣверъ глядитъ,
Все ждетъ-поджидаетъ съ далекаго края—
Когда-то къ ней милый казакъ прилетитъ.
Далеко отсюда, гдѣ вьются мятели,
Трескучи морозы трещатъ,
Гдѣ сдвинулись дружно и сосны и ели,
Казачіи кости лежатъ.
Казакъ и просилъ, и молилъ, умирая,
Насыпать курганъ въ головахъ,
Пускай на курганѣ калина родная
Красуется въ яркихъ цвѣтахъ.
Пусть вольная пташка, сидя на калинѣ,
Порой прощебечетъ она обо мнѣ,
Какъ нѣкогда жилъ здѣсь казакъ на чужбинѣ,
Онъ помнилъ о милой родной сторонѣ *).

*) Это не *народная*, а *дѣланная* пѣсня. *Авт.*

Digitized by Google

Послѣдніе звуки этой пѣсни были допѣты съ очевиднымъ чувствомъ. Старый есаулъ повѣсилъ голову и глубоко задумался. Общее грустное настроеніе овладѣло всей сотней. Теперь всѣ ѣхали молча подъ лучами горячаго солнца. Станица осталась уже далеко назади и, оглянувшись на нее, можно было еле-еле различить только мельницу съ громаднымъ колесомъ, да длинное, низкое зданіе полковой конюшни. А впереди высилась громадная цѣпь горъ съ отдѣльными вершинами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ... Восходящее солнце обливало эти бѣлоснѣжныя выси нѣжно-розовымъ свѣтомъ, который переходилъ постепенно въ ослѣпительный пурпуръ, между тѣмъ какъ ниже скалистыя горы окрашивались темно-фіолетовымъ цвѣтомъ, а самый низъ горъ,—такъ называемыя черныя горы, покрытыя лѣсомъ, еще были задернуты голубой пеленой утренней дымки. Изъ земли подымался туманъ, прозрачный и волнообразно движущійся. По мѣрѣ восхода солнца, всѣ краски становились ярче, а пропасти, расщелины, обрывы и долины въ горахъ обозначались яснѣе, и рѣзче на этомъ чудномъ фонѣ величавыхъ громадъ.

Ничего этого не видѣлъ глубоко задумавшійся есаулъ. Его мысли получили совершенно особый толчекъ: онъ раздумывалъ объ авторахъ только что пропѣтыхъ пѣсень. Ихъ было двое, и оба не казаки; они прибыли на Кавказъ одинокими, заброшенными сюда судьбой, и ею же безжалостно были загублены. Одинъ, нѣкто Слоткинъ, котораго есаулъ отлично помнилъ еще юнкеромъ, изъ русскихъ мѣщанъ, служилъ при Слѣпцовѣ, обладалъ поэтическимъ и музыкальнымъ дарованіемъ, женился на казачкѣ, которая ему вскорѣ послѣ свадьбы измѣнила и которую онъ зарѣзалъ ножницами, не изловчившись убить ее шашкой. Онъ былъ за это сосланъ въ Сибирь, гдѣ и окончилъ свое существованіе; другой—Изюмовъ, изъ однодворцевъ, долго служилъ, но не дослужился даже до офицерскаго чина. Выдя въ отставку, онъ занимался какими-то темными дѣлами, веденіемъ какихъ-то процессовъ, служа посредниковъ между туземцами и судебными мѣстами. Разъ, сильно напившись, онъ шелъ по мосту, свалился съ него въ рѣку и утонулъ. „А хорошія пѣсни писали! докончилъ свои думы есаулъ: —и душевныя пѣсни!.. Эхъ, да и служба наша казачья! продолжалъ онъ свои размышленья: — вотъ, вѣшать идемъ... Хорошо развѣ это — людей вѣшать?.. А, впрочемъ, такъ имъ собакамъ и надо, вдругъ съ неожиданнымъ озлобленіемъ подумалъ онъ:— житья нѣту отъ нихъ казачеству. Рѣжутъ, грабятъ, скотъ уводятъ... Нѣтъ, такъ и надо... Всѣхъ бы ихъ, всѣхъ до одного перевѣшать!..

Digitized by Google

Нѣсколько далѣе казаки сдѣлали привалъ. Люди слѣзли съ лошадей и разминали ноги. Есаулъ отошелъ съ офицерами въ сторону; онъ вынулъ изъ перемѣтныхъ сумъ водку и закуску, и всѣ стали подкрѣпляться.

Черезъ полчаса онъ скомандовалъ:

— Садись!

И всѣ снова двинулись въ путь.

Въ городѣ, куда они прибыли къ вечеру, была назначена ночевка, а на утро сотня выступила изъ города по дорогѣ къ Н—му укрѣпленію... По дорогѣ между городомъ и укрѣпленіемъ начали встрѣчаться фигуры *ингушей* (одно изъ кавказскихъ племенъ) верхомъ на лошадяхъ, въ буркахъ, не смотря на страшную жару, въ двухколесныхъ арбахъ, въ которыхъ сидѣли, закрытыя навѣсомъ, женщины и дѣти; наконецъ—пѣшкомъ. Все это шло, ѣхало и спѣшило въ укрѣпленіе на казнь. Встрѣчаясь съ сотней казаковъ, всѣ они бросали ни неё свирѣпые взгляды, полные ненависти и безконечной злобы; даже женщины высовывали свои любопытныя лица изъ арбъ и въ ихъ большихъ черныхъ глазахъ свѣтилась злоба.

— Эге! Нехристи проклятые! пробормоталъ есаулъ:—ишь вѣдь нѣжные взгляды какіе! Погоди ужо!

По мѣрѣ приближенія къ укрѣпленію, идущаго и ѣдущаго народу становилось все больше, и взгляды становились все непривѣтнѣе.

— По скольку взяли патроновъ? спросилъ есаулъ у вахмистра.

— По сорока штукъ на человѣка, ваше благородіе!

Передъ въѣздомъ въ укрѣпленіе, есаулъ остановилъ сотню, приказалъ зарядить винтовки и сказалъ, обращаясь къ казакамъ:

— Смотрите, ребята, осторожнѣе съ заряженными винтовками, да съ населеніемъ вести себя сдержанно, спокойно, зря не обижать, да патроновъ не растрѣливать безъ крайней надобности. Пуще всего, братцы, берегитесь нечаянныхъ выстрѣловъ: можете напрасно переполошить населеніе...

— Постараемся, послышалось въ рядахъ.

Поздно вечеромъ вошла сотня въ укрѣпленіе.

III.

На утро, въ $5^1/_2$ часовъ, была назначена казнь. Къ 4-мъ часамъ утра площадка за укрѣпленіемъ, предназначенная для этого, стала наполняться народомъ. Въ $4^1/_2$ часа явились войска: пѣ-

Digitized by Google

хота оцѣпила мѣсто казни; вскорѣ прибыли и казаки, съ есауломъ во главѣ. Народу было много; всѣ ингуши были видимо сильно возмущены и озлоблены.

— Держи ухо востро! вполголоса сказалъ есаулъ, подъѣзжая къ своей сотнѣ.

День былъ пасмурный. Съ самаго ранняго утра на горизонтѣ показались тучки, которыя все росли и росли и заволакивали небо. Общее настроеніе было унылое. Въ этомъ унынiи играли роль и длинный утомительный путь, пройденный войскомъ, и скверно проведенная ночь, и сѣрая погода, и болѣе всего—ожиданіе невеселаго зрѣлища. Чѣмъ ближе подходило время, тѣмъ мрачнѣе становилось общее настроеніе. Разговоры прекратились сами собой, изрѣдка слышались отрывочныя фразы, но ни усмѣшки на лицахъ, ни громкаго смѣха не было видно и слышно...

— Здравствуйте! произнесъ кто-то, подходя къ лошади есаула.

Онъ нагнулся и протянулъ руку—это былъ городской фотографъ.

— Вы какъ сюда попали? спросилъ есаулъ, больше для формы, такъ какъ ему очевидно не хотѣлось разговаривать.

— Я командированъ, по распоряженію свыше, снять портреты преступниковъ—общую группу...

— Да?! Для чего же это?

— Не знаю; видно, нужно, отвѣтилъ съ улыбкою фотографъ, представлявшій своимъ веселымъ настроеніемъ явный контрастъ окружающему:—Я, видите ли, уже два дня здѣсь; пользуюсь случаемъ: снимаю окрестности...

Но есаулу не хотѣлось разговаривать; на него особенно непріятно дѣйствовали усмѣшки фотографа.

— Ну, чему онъ усмѣхается? думалъ онъ и, стегнувъ лошадь плетью, отъѣхалъ въ сторону.

Въ это время раздался барабанный бой и команда:

— Смирно! закричалъ есаулъ:—ружья изъ чехловъ!

Казаки засуетились и вынули ружья. Подводили приговоренныхъ. Они окружены были солдатами съ ружьями на готовѣ. Въ толпѣ прошелъ не то шопотъ любопытства, не то негодованья. Когда осужденныхъ подвели къ висѣлицамъ, высоко вознесшимся надъ толпой, и поставили всѣхъ вмѣстѣ, для того чтобы снять съ нихъ группу, они сильно заволновались, отрицательно махая головами, дѣлали гримасы и что-то выкрикивали рѣзко и громко. Фотографъ нѣсколько разъ наводилъ на нихъ свой аппаратъ и каждый разъ принужденъ былъ оставить съемку. Ихъ долго уговаривалъ переводчикъ, ингушъ, состоящій на службѣ при началь-

Digitized by Google

никѣ округа, съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ, но они, очевидно, и его ругали, ибо онъ очень морщился и, наконецъ, разведя руками, отошелъ въ сторону. Тогда подошелъ къ нимъ мулла въ чалмѣ и длинномъ зеленомъ одѣяніи и, проговоривъ что-то, обратился къ переводчику. Тотъ сказалъ фотографу:

— Приступите, они согласны.

Когда эта операція была окончена, къ приговореннымъ вновь подошелъ мулла и держалъ къ нимъ долгую рѣчь, въ которой безпрестанно слышалось: „Ла Аллахъ Магометъ“... Осужденные съ блѣдными, не отъ волненія, а отъ злобы лицами, съ сурово сдвинутыми бровями и сосредоточеннымъ взглядомъ, горѣвшимъ ненавистью, внимательно слушали муллу. Послѣ его рѣчи или молитвы, подошелъ приставъ прочитать приговоръ, который слово за слово былъ переведенъ стоявшимъ возлѣ переводчикомъ. Настроеніе приговоренныхъ рѣзко измѣнилось. Вмѣсто прежняго благоговѣнья, за каждымъ словомъ приговора ими овладѣвало какое-то насмѣшливое озлобленіе. Они, очевидно, критиковали каждое слово приговора и мѣшали читать приставу. Тотъ просилъ переводчика передать имъ, чтобы они держали себя пристойнѣе. На эти слова они отвѣтили какимъ-то ругательствомъ, которое привело пристава въ ярость; онъ тутъ же хотѣлъ что-то предпринять для ихъ усмиренія, но вспомнивъ, что вѣдь это люди приговоренные къ смерти и что больше этого ничего ужъ не выдумаешь, махнулъ рукой и кое-какъ дочиталъ свою бумагу.

Веселое настроеніе не покидало осужденныхъ. Одинъ изъ нихъ, уже старикъ, съ сильно посѣдѣвшей бородой, обратился къ своимъ товарищамъ осужденнымъ и, видимо, поддерживалъ въ нихъ бодрость духа. Они отвѣчали ему одобрительными кивками головы. Затѣмъ старикъ вздумалъ говорить съ населеніемъ, окружавшимъ мѣсто казни. Онъ громко сталъ кричать что-то народу, и ему отвѣчали изъ толпы. Приставъ сказалъ палачу, назначенному по наряду рослому солдату, чтобы онъ помѣшалъ ему говорить.

— Что жъ съ нимъ подѣлаешь, ваше благородіе? отвѣтилъ тотъ.

Возгласы изъ толпы становились все громче и ожесточеннѣе. Слышался глухой и сдержанный пока ропотъ. Нужно было поторопиться и окончить все поскорѣе. Палачъ возвелъ каждаго изъ осужденныхъ на высокую скамью, надѣлъ имъ петли и затѣмъ, по знаку пристава, выбилъ у нихъ скамьи изъ-подъ ногъ. Тѣла ихъ закрутились. Взрывъ громкаго и ничѣмъ не сдерживаемаго теперь негодованья раздался въ воздухѣ. Солдаты и казаки схватились инстинктивно за ружья.

Digitized by Google

Во все время подготовительныхъ дѣйствій къ казни, войска стояли въ совершенномъ безмолвіи.

Старый есаулъ ѣздилъ шагомъ передъ сотней и сурово приговаривалъ вполголоса, какъ бы отвѣчая на свои мысли:

— Не балуйся другой разъ, нехристи!

Но когда онъ, въ самый моментъ совершенія казни, взглянулъ на болтающіяся въ воздухѣ тѣла, въ его маленькихъ глазахъ показались двѣ слезинки. Онъ сердито расправлялъ баки и сурово промолвилъ:

— Ишь вѣдь!!..

И затѣмъ, незамѣтнымъ движеніемъ, надвинулъ на самые глаза папаху, оглянувшись на сотню, не замѣтилъ ли кто.

Но на лицахъ казаковъ было написано одно лишь жадное, страстное любопытство. У одного стараго урядника блуждала какая-то неопредѣленная, робкая, глуповато-недоумѣвающая улыбка; но вообще всѣ и даже этотъ улыбающійся урядникъ были серьезны, сдержаны и сосредоточены. Одинъ лишь молодой казачокъ, изъ только что поступившихъ, хихикнулъ и вполголоса замѣтилъ:

— Глянь-ка-сь, ишь дрыгаетъ!!

И вновь засмѣялся.

Услышавши это, есаулъ мгновенно преобразился: подскочилъ къ нему и шипящимъ отъ гнѣва голосомъ прошепталъ:

— Молчи.... мерзавецъ! Чего зубы-то скалишь, чего? Люди вѣдь тоже!

Молодой казакъ сконфузился и густо покраснѣлъ...

В. Свѣтловъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Пріятное политическое положеніе съ еще болѣе пріятнымъ будущимъ.—Подготовительная кампанія нѣмецкихъ газетъ противъ Россіи.—Выходки въ мадьярскомъ парламентѣ и рѣчь Тиссы.—Чего добивается Австрія отъ Россіи.—Мирныя движенія и таковыя же вооруженія.—Открытая война противъ нашего курса.—Постоянное увеличеніе нѣмецкой арміи и планы нѣмецкихъ стратеговъ.—Наступленіе, какъ необходимое условіе оборонительной войны.—Обнародованіе союза между Германіею и Австріею.—Угроза или ультиматумъ?—Рѣчь князя Бисмарка, ея значеніе и мнѣнія объ ней.—Положеніе Франціи.—Скандалы во внутреннемъ управленіи и въ общественной жизни Англіи.—Жалобы англичанъ на евреевъ.—Уличныя и аграрныя волненія въ Англіи.—Открытіе англійскаго парламента.—Фабричный законъ въ Швейцаріи.—Прусскіе агенты - подстрекатели анархистовъ.—Женевская демонстрація противъ Россіи.—Небывалое экономическое явленіе.—Соединенные Штаты, не знающіе, что̀ дѣлать съ избыткомъ доходовъ.—Казнокрадство въ заатлантической республикѣ.

Еще цѣлый мѣсяцъ газетныхъ криковъ противъ Россіи и обвиненій ея въ воинственныхъ замыслахъ, въ приготовленіяхъ къ нападенію даже не на два, а на три фронта: на Германію и Австрію—въ Европѣ, на Англію въ Средней Азіи. Все одна и та же, давно всѣмъ прискучившая и никого не обманывающая система берлинскихъ офиціозовъ—валить съ больной головы на здоровую. Нужды нѣтъ, что имъ никто не вѣритъ, что они сами не вѣрятъ тому, о чемъ кричатъ: такъ приказано. Въ Европѣ необходимо поддерживать тревожныя опасенія, и ихъ поддерживаютъ. Берлинскому канцлеру понадобилось еще 280 милліоновъ марокъ на усиленіе вооруженій. Надо же поэтому увѣрить нѣмцевъ, что если они не дадутъ этихъ милліоновъ, то Россія тотчасъ проглотитъ всю Германію, Австрію, Венгрію, Турцію, всѣхъ славянъ, даже Англію съ ея Индіей и Египтомъ. И еще прусскій военный министръ, когда его спрашиваютъ въ рейхстагѣ: удовольствуется ли онъ, наконецъ, этими почти тремя сотнями милліоновъ—кромѣ 113-ти, назначенныхъ на вооруженіе ландштурма,—очень развязно отвѣчаетъ, что не можетъ поручиться, послѣднее ли это требованіе правительства и не понадобятся ли еще новыя суммы, для поддержанія все

Digitized by Google

того же мира въ Европѣ, который и теперь уже обходится всѣмъ державамъ дороже всякой войны. Надобно сознаться: пріятное политическое положеніе, обѣщающее еще больше удовольствія въ ближайшемъ будущемъ! Нельзя сказать даже, чтобы у Бисмарка слова расходились съ дѣломъ. Онъ расточаетъ, правда, увѣренія въ миролюбіи, но кому?—дипломатамъ, монархамъ дружественныхъ державъ, зато его газеты, обращаясь къ сосѣднимъ странамъ и правительствамъ, клевещутъ на нихъ, оскорбляютъ, сколько могутъ. Бисмарковы газеты пишутъ прямо, что „Россія не имѣетъ права настаивать на уваженіи къ берлинскому трактату, потому что она больше всѣхъ его нарушала тѣмъ, что организовала въ Болгаріи постоянную армію, когда въ странѣ утверждено было только ополченіе, подарила ей военную флотилію, о которой и рѣчи не было въ трактатѣ, построила крѣпости, (?!) препятствовала уплатѣ дани Турціи, упразднила батумское порто-франко. Въ виду этого лицемѣрія и двуличія, доказывающаго только, что Россія-де желаетъ властвовать въ Болгаріи, чего другія державы никогда не допустятъ, мирное рѣшеніе вопроса возможно лишь въ томъ случаѣ, если Россія откажется отъ Болгаріи и не станетъ навязывать тиранически свою волю чужому народу. Всѣ другія средства и предложенія могутъ только тормозить болгарскій вопросъ, а не рѣшить его". Что можетъ быть яснѣе и категоричнѣе этихъ заявленій «Vossische Zeitung», не стоящей въ первыхъ рядахъ бисмарковскихъ офиціозовъ, прямо кричащихъ о необходимости положить конецъ агрессивной политикѣ Россіи?

Крики эти раздаются и съ парламентской трибуны. При открытіи венгерской палаты депутатовъ, Гельфи и Перчель сдѣлали запросъ правительству, почему оно не требуетъ, чтобы Россія не только остановила свои вооруженія, но и представила удовлетворительныя объясненія относительно послѣдовавшихъ уже передвиженій своихъ войскъ. На этотъ запросъ, министръ-президентъ Тисса обѣщалъ дать отвѣтъ и, сочиняя его двѣ недѣли, произнесъ наконецъ въ парламентѣ пространную рѣчь. Но если когда нибудь требовали подтвержденія слова Талейрана, что «языкъ данъ человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли», то венгерскій премьеръ подтвердилъ эту аксіому самымъ блистательнымъ образомъ. Изъ его рѣчи не только нельзя сдѣлать никакого положительнаго вывода, но и объяснить ее можно въ какую угодно сторону. Онъ говорилъ очень много съ единственною цѣлью: сказать какъ можно меньше. Онъ не только не объяснилъ, чего же именно добивается Австрія отъ Россіи, но и не подтвердилъ даже, что Габсбургамъ обезпечена поддержка Германіи, при какихъ бы условіяхъ ни произошло столкновеніе съ Россіей. Онъ не заподозривалъ искренности германскаго миролюбія, но только потому, что открыто изъявлять въ этомъ подозрѣнія—неприлично и неудобно, и что сомнѣваться въ искренности союзника неловко уже и потому, что тогда и онъ можетъ усомниться въ томъ, что Австрія желаетъ мира. А между тѣмъ она дышетъ такимъ ми-

Digitized by Google

ролюбіемъ, что только для поддержанія его и вооружается. И Гельфи съ Перчелемъ заявили, что они вполнѣ удовлетворены рѣчью министра и что мадьяры нисколько не желаютъ войны. Всѣ хотятъ мира и всѣ вооружаются. Германскій канцлеръ объявляетъ во всеуслышаніе: я увѣренъ, что въ нынѣшнемъ году миръ не будетъ нарушенъ—и тутъ же прибавляетъ: «я былъ однако увѣренъ въ томъ же и въ началѣ 1870 года». Какое трогательное напоминаніе о непрочности людскихъ надеждъ! И въ то же время органъ Салисбюри «Standard» проговаривается, замѣчая, что Германія не стала бы прибѣгать къ такимъ энергичнымъ мѣрамъ, какъ новый заемъ для военныхъ цѣлей, еслибы имѣла хоть какую нибудь надежду на мирную развязку кризиса, переживаемаго Европой. Если канцлеръ рѣшился на такія жертвы, то потому, что считаетъ вооруженное столкновеніе неизбѣжнымъ. Императоръ Вильгельмъ, въ отвѣтъ на новогоднія поздравленія, письменно выражаетъ надежду на продолжительное сохраненіе мира. Черезъ двѣ недѣли, на такое же поздравленіе московскаго генералъ-губернатора миролюбивыя заявленія самаго успокоительнаго характера высказываются въ высочайшемъ рескриптѣ. А курсъ нашъ все падаетъ, и берлинскій «Биржевой Курьеръ» печатаетъ воззваніе къ нѣмецкимъ капиталистамъ, убѣждая ихъ не покупать русскихъ бумагъ. Бисмарковскій органъ, «Сѣверогерманская газета», откровенно объясняетъ, что тутъ дѣло не въ томъ, солидны или нѣтъ русскія бумаги, но въ томъ, что «германское правительство нисколько не намѣрено измѣнить свое враждебное положеніе относительно русскихъ финансовъ». Газета объясняетъ и причины этого положенія: правительство по прежнему намѣрено мстить Россіи за стѣсненіе германскаго ввоза и за притѣсненія, какимъ нѣмцы подвергаются въ Россіи. А главное: германское правительство должно стремиться подорвать финансы Россіи, «чтобы подавить въ ней въ зародышѣ воинственныя стремленія, такъ какъ для Россіи было бы самоубійствомъ думать о наступленіи, когда финансовые ресурсы истощены, заграничный кредитъ подорванъ, и валюта на такомъ уровнѣ, что уже въ мирное время государство несетъ жертвы, съ трудомъ добываемыя». И послѣ такихъ заявленій у насъ еще находятся оптимисты, вѣрящіе въ возможность улучшенія нашего курса и нашихъ отношеній къ Германіи. Пока Бисмаркъ стоитъ во главѣ ея управленія, ни мы, ни Европа не проведемъ ни одного спокойнаго дня, безъ того, чтобы не тревожиться за ближайшее будущее. Теперь канцлера удерживаетъ еще авторитетъ 92 лѣтняго императора. Но что будетъ съ перемѣною правленія—и подумать страшно. Такіе люди, какъ желѣзный канцлеръ, не отказываются отъ своихъ плановъ, хотя бы ошибочность ихъ была очевидна, и упорно идутъ къ однажды намѣченной ими цѣли, хотя бы для ея достиженія надо было пройти черезъ груды труповъ и море крови.

Въ 1860 году, когда Бисмаркъ уже сдѣлался главнымъ распорядите-

Digitized by Google

лемъ судебъ Пруссіи, онъ довелъ численность ея арміи въ мирное время до 217,000; въ войну 1866 года, пруссаки вторглись въ Австрію въ числѣ 390,000, да 279,000 оставались дома въ резервѣ и наготовѣ. Въ 1870 году, на мирномъ положеніи прусская армія доходила уже до 382,000, то есть, въ десять лѣтъ увеличилась на 165,000, но во время войны съ Франціей въ нее перешло 1.146,000 человѣвъ, да на родинѣ оставалось 348,000. Въ 1875 году мирный составъ германской арміи установленъ въ 401,000, въ 1881-мъ увеличенъ до 427,000, въ 1887 году до 468,000, а по военному положенію вооруженныя силы Германіи доведены до 2.000,000 (1,360 батальоновъ, 733 эскадрона, 560 батарей и 52 батальона крѣпостной артилеріи). Теперь, по новому закону, представленному въ рейхстагъ, войска будутъ усилены шестью контингентами ландвера, дающими 500,000 человѣкъ, и для подготовленія этой-то массы къ мобилизаціи требуется 280 мильоновъ марокъ. Такимъ образомъ, военный составъ германской арміи доведенъ до $2^1/_2$ мильоновъ человѣкъ *безъ ландштурма*, соотвѣтствующаго нашему ополченію. Неужели же это постоянно возрастающее увеличеніе военныхъ силъ Германіи не составляетъ серьезной угрозы европейскому миру? О неизбѣжности европейской войны нѣмецкіе военные люди написали цѣлые томы, въ которыхъ говорится, конечно, только о войнѣ оборонительной, но способъ обороны признаётся единственный: вторженіе въ предѣлы противника. Поэтому нѣмецкіе стратеги въ своихъ сочиненіяхъ излагаютъ планы вторженія милліонной арміи въ Россію или во Францію, а нѣмецкая періодическая печать негодуетъ, какъ смѣетъ Франція организовывать и усиливать свою армію, а Россія—принимать мѣры къ оборонѣ своихъ границъ. Офиціальные военные журналы, какъ «Militär Wochenblatt» доказываютъ, что въ пограничномъ нашемъ районѣ расположено болѣе корпусовъ, чѣмъ въ Пруссіи и Австріи; но допустивъ даже и это,—чего нѣтъ въ дѣйствительности,—какое значеніе могутъ имѣть эти лишніе противъ нѣмецкихъ батальоны, когда вполнѣ компетентные нѣмецкіе военные писатели, изслѣдовавшіе русскій театръ войны, говорятъ, что для сосредоточенія русской арміи потребуется втрое болѣе времени, нежели для германской, а авторъ только что вышедшей брошюры «Russlands nächster Krieg» утверждаетъ, что ранѣе 7—8-ми недѣль послѣ объявленія мобилизаціи Россія не можетъ двинуть свою армію за-границу тогда какъ германская армія въ 1870, году черезъ 18 дней послѣ мобилизаціи, одержала уже двѣ рѣшительныя побѣды. Въ этотъ же короткій срокъ по одиннадцати стратегическимъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ, узловыя станціи которыхъ лежатъ въ разстояніи не болѣе одного перехода отъ нашей границы, нѣмцы могутъ двинуть противъ насъ милліонную армію.

Можно ли послѣ этого вѣрить, что Германія готовится только къ оборонѣ, признавая въ то же время, что «лучшій видъ обороны—энергическое наступленіе». Къ чему же въ такомъ случаѣ толковать

Digitized by Google

о различіи войны оборонительной, и наступательной и увѣрять, что «лига мира» заключена только съ цѣлью обороны? Этого не видно и изъ текста союзнаго договора съ Австріей, который Бисмаркъ вздумалъ обнародовать теперь, передъ преніями въ рейхстагѣ о 280-ти мильонномъ кредитѣ, требуемомъ для мобилизаціи пятисотъ-тысячнаго ландвера. Договоръ этотъ обнародованъ черезъ восемь слишкомъ лѣтъ послѣ его заключенія — для успокоенія умовъ, какъ говорятъ берлинскія газеты. Успокоеніе это выразилось, однако, паникой даже на вѣнской биржѣ. Даже наша офиціозная брюссельская газета «Le Nord» говоритъ: «трудно понять, какимъ образомъ соглашеніе, направленное противъ Россіи, можетъ вызвать успокоеніе», и еще прибавляетъ, «что притязанія Австріи идутъ въ разрѣзъ съ политикой Россіи на Балканскомъ полуостровѣ». Journal de St.-Pétersbourg приводитъ разъясненія «Имперскаго Указателя», что договоръ обнародованъ «съ цѣлью разсѣять сомнѣніе въ его чисто оборонительномъ характерѣ и въ томъ, что оба правительства руководствуются желаніемъ сохраненія мира». Газета наша также выражаетъ желанія, чтобы цѣль эта была достигнута. Но что же это за «чисто оборонительный характеръ», если въ договорѣ предусматривается возможность нападенія какъ на Францію, такъ и на Россію одной изъ договаривающихся сторонъ, и говорится только, что, въ случаѣ такого нападенія, другая сторона останется нейтральною. Одно уже это условіе даетъ намъ полное право продолжать оборонительныя мѣры по нашей западной границѣ. А между тѣмъ берлинскіе и вѣнскіе офиціозы настаиваютъ на томъ, что такъ какъ союзъ Германіи съ Австріей чисто-оборонительный (на эту «чистоту» особенно налегаютъ офиціозы, продолжая недостойную игру словами), то Россія, не имѣя никакихъ поводовъ опасаться нападенія, не должна принимать мѣръ предосторожности и «будетъ лишена всякаго предлога къ дальнѣйшимъ вооруженіямъ». И это говорится въ то время, когда Германія вооружаетъ полмильонный ландверъ, въ дополненіе къ своей двухмилліонной арміи. Что же можетъ быть успокоительнѣе и миролюбивѣе этой мѣры такого «чисто-оборонительнаго характера»?

Англійскія газеты говорятъ, что обнародованіе договора—прямой вызовъ по адресу Россіи, и нисколько не измѣняетъ политическаго положенія дѣлъ, такъ какъ было бы ребячествомъ полагать, что Россіи были неизвѣстны условія союза. Итальянскія газеты называютъ опубликованіе его предостереженіемъ Россіи и даже ультиматумомъ, хотя и формулированнымъ не въ рѣзкихъ формахъ, но доказывающимъ серьезность положенія. Французскія газеты считаютъ, что пропасть между Германіею и Россіею теперь еще болѣе расширилась, а Journal des Débats называетъ вѣсть о договорѣ—пушечнымъ выстрѣломъ, возвѣщающимъ тревогу, а не миръ. Австрійскія газеты присоединяютъ къ этому, что подобно тому, какъ германско-австрійскій союзъ направленъ противъ Россіи, такъ гер-

Digitized by Google

манско-итальянскій договоръ направленъ противъ Франціи, если она вздумаетъ оказать поддержку какой нибудь державѣ, напавшей на Германію или Италію. Другія газеты напоминаютъ, что передъ войной 1870 года былъ обнародованъ договоръ сѣверо-германскаго союза съ южно-германскими государствами. Всѣ вообще считаютъ обнародованіе союза неожиданнымъ и непонятнымъ. Оставалось ожидать, что появленіе его объяснитъ самъ канцлеръ.

И вотъ, 6-го февраля, въ рейхстагѣ, передъ первымъ чтеніемъ закона о займѣ въ 280 мильоновъ, Бисмаркъ произнесъ рѣчь объ общемъ положеніи Европы. Говорилъ онъ много и долго, почти два съ половиной часа,— то серьезно, то съ ироніей, но обычными темными фразами, которыя можно истолковать какъ угодно. Началъ онъ съ того, что отношенія къ Франціи стали болѣе мирными, а со стороны Россіи нечего опасаться нападенія: ей нѣтъ никакого интереса завоевывать прусскія или австрійскія провинціи. Тогда для чего же это постоянное увеличеніе арміи и многомильонный заемъ для вооруженія ландвера? можно бы спросить канцлера. Неужели для того только, что «сосредоточеніе русскихъ войскъ на границѣ можетъ казаться опаснымъ»,—какъ говоритъ канцлеръ, хотя тутъ же прибавляетъ: «я не вижу основаній и никакого предлога для русской или европейской войны». Затѣмъ онъ опять говоритъ о какихъ-то воинственныхъ поползновеніяхъ Россіи: «щуки во Франціи и Россіи вынуждаютъ насъ быть карасями», иронизируетъ канцлеръ, хотя нѣмецкій карась черезчуръ зубастъ, для того чтобы бояться какой нибудь щуки, что̀ сознаетъ и самъ Бисмаркъ. Дружественное настроеніе Россіи и Германіи охладѣло, и потому заключенъ союзъ съ Австріей. Опубликованіе договора—не ультиматумъ и не угроза: онъ служитъ выраженіемъ общности интересовъ обѣихъ державъ, какъ и договоръ съ Италіей, заключенный въ видахъ сохраненія мира въ Европѣ. «Ненависти Россіи бояться нечего: изъ ненависти войны не ведутъ. Мы въ состояніи выставить на каждой изъ нашихъ границъ по мильону хорошихъ солдатъ, а за ними стоятъ наши резервы въ полтора мильона. Пусть не говорятъ, будто то же самое могутъ сдѣлать и другіе: имъ это не по силамъ: корпусъ офицеровъ у насъ такой, какого нѣтъ у другой державы. Если мы начнемъ войну, то она должна быть войной народной. Страхъ Божій заставляетъ насъ желать мира и заботиться о его сохраненіи; кто же сдѣлаетъ нападеніе на германскій народъ, тотъ встрѣтитъ его одѣтымъ въ броню, и каждаго воина—съ твердою вѣрою въ сердцѣ: съ нами Богъ»!

Таково новое ораторское и политическое произведеніе канцлера. Принято оно рейхстагомъ, конечно, съ восторгомъ, а на улицахъ Берлина громадныя массы народа, которыхъ не въ силахъ была сдержать полиція, привѣтствовали громкими криками: ура! своего любимца, пѣшкомъ возвращавша-

Digitized by Google

тося домой послѣ своего тріумфа. Военный законъ былъ принятъ цѣликомъ, безъ преній, безъ обсужденія подробностей, что только и нужно было канцлеру и чего онъ достигъ своею рѣчью. Въ Вѣнѣ военный министръ тотчасъ же заговорилъ о необходимости усилить кадры ландвера, для чего потребуется, на первый разъ, незначительная сумма въ 534,000 флориновъ; затѣмъ предвидятся и другіе расходы, абсолютно необходимые для пополненія боевой готовности арміи. На биржѣ поднялись австрійскія и даже русскія бумаги: послѣднія, конечно, всего только дня на два. Въ Пештѣ графу Андраши сдѣлали восторженныя овація, въ благодарность за австро-германскій союзъ. Нечего и говорить, что нѣмецкія газеты распластываются передъ Бисмаркомъ и повторяютъ, что ему долженъ быть признателенъ вооруженный народъ, такъ какъ ни одинъ нѣмецъ не съумѣлъ оцѣнить духъ народной массы, какъ это сдѣлалъ канцлеръ. Англійскія газеты находятъ однако, что рѣчь, не смотря на ея миролюбивый характеръ, недостаточно разъясняетъ политическое положеніе и невполнѣ устраняетъ общія опасенія касательно возможности новой войны. Французскія газеты говорятъ, что рѣчь вовсе не такъ миролюбива, какъ кажется, и что врядъ ли канцлеръ оказалъ дѣйствительную услугу дѣлу мира, провозглашая военную гегемонію Германіи въ выраженіяхъ, оскорбляющихъ самолюбіе другихъ державъ и оправдывающихъ вооруженія Россіи.

Изъ русскихъ газетъ, «Новое Время» замѣчаетъ, что доискаться истиннаго смысла въ рѣчи Бисмарка—задача не легкая. Въ ней есть только нескрываемое недовольство нынѣшнею политикою Россіи, нежеланіе немедленной войны и желаніе рѣшить болгарскій вопросъ при дѣятельномъ посредничествѣ Германіи. «Московскія Вѣдомости» замѣчаютъ, что пока Россія довѣрчиво, откровенно сообщала своимъ сосѣдямъ обо всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, чуть ли не намѣреніяхъ—заключенный противъ нея договоръ держали отъ нея въ тайнѣ; когда же она разгадала цѣли своихъ «добрыхъ друзей», и стала дѣйствовать самостоятельно, ей признаются, что противъ нея заблаговременно былъ заключенъ союзъ. Можетъ быть, это и въ самомъ дѣлѣ признаётся добросовѣстнымъ въ Германіи и Австро-Венгріи, но въ Россіи понятія совсѣмъ иныя. «Русскія Вѣдомости» выводятъ изъ опубликованія договора болѣе практичный выводъ: «очевидно, съ Германіей дружить намъ нельзя иначе, какъ держа, про всякій случай, камень за пазухой». «Journal de St.-Pétersburg» говоритъ, что «такъ какъ князь Бисмаркъ въ выраженіяхъ, дѣлающихъ честь ему самому, высказалъ безусловное довѣріе къ слову русскаго императора, о миролюбивыхъ намѣреніяхъ котораго было громогласно заявлено, то можно заключить, что сохраненіе мира обезпечено на устойчивыхъ основаніяхъ. Слѣдуетъ надѣяться, что это будетъ облегченіемъ для всей Европы, а что касается до насъ, мы предпочитаемъ эту миролюбивую гарантію той, которая вытекаетъ изъ непрестанно увеличивающихся вооруженій, которыми увлекаются безъ мѣры».

Digitized by Google

Въ своей рѣчи канцлеръ разсказалъ всю исторію прусской политики въ настоящемъ столѣтіи, но это такое искаженіе фактовъ, изложенныхъ гораздо правдивѣе въ любомъ учебникѣ, которому остается только удивляться. По отношенію къ Россіи, Бисмаркъ не могъ не сознаться, что въ 1813 году Пруссія обязана Александру I своимъ возстановленіемъ, но, отозвавшись иронически о священномъ союзѣ, канцлеръ увѣряетъ, что Николай I не былъ расположенъ къ Пруссіи, называетъ выдумкою князя Горчакова, что въ 1875 году Россія спасла Францію отъ прусскаго вторженія; утверждаетъ, что Пруссія отклонила въ 1876 году союзъ съ Россіей которая и тогда же заключила его съ Австріей, предоставивъ ей занять Боснію и Герцеговину. На берлинскомъ конгрессѣ Бисмаркъ былъ со своимъ другомъ, графомъ Шуваловымъ, третьимъ уполномоченнымъ отъ Россіи. Любопытно, что это мѣсто рѣчи,—какъ и многія другія мѣста,—въ офиціальныхъ нѣмецкихъ газетахъ явилось въ исправленной редакціи, выпустившей также признаніе Бисмарка, что какой-то его «русскій коллега» совѣтовалъ канцлеру не полагаться на Россію, съ которой Германіи не избѣжать конфликта, хотя бы политика ея вполнѣ подчинялась Россіи. Мудрено ли, что Бисмаркъ, поощряемый такимъ русскимъ дипломатомъ, выдавшимъ головою политику своей родины, отозвался съ ироніей о своихъ заслугахъ на конгрессѣ: «когда все кончилось, я подумалъ: ну, высшій русскій орденъ съ брилліантами у тебя уже есть, а то бы мнѣ слѣдовало его получить теперь». Эти слова были встрѣчены неудержимымъ взрывомъ хохота. Еще бы нѣмцамъ не радоваться такимъ остротамъ! Вѣдь канцлеръ расхвалилъ, сверхъ того, до небесъ ихъ храбрость, патріотизмъ, образованность, посмѣивался надъ русскими, англичанъ обвинилъ въ мошенничествѣ за поставку въ 1813 году плохихъ карабиновъ, о Франціи сказалъ прямо, что она всѣхъ ненавидитъ, склонна шпіонить и дѣйствовать подкупомъ. Но всего болѣе канцлеръ обвинялъ иностранную и даже прямо русскую печать. Онъ, создавшій въ нѣмецкой печати цѣлую свору офиціозовъ, разсылавшихъ по его приказанію всевозможныя клеветы, оскорбленія и угрозы, жалуется теперь на угрожающій тонъ и ругательства другихъ газетъ, и даже обращается къ нимъ съ просьбою—«оставить эти угрозы», которыя въ чемъ-то «затрудняютъ» его, хотя онъ и считаетъ ихъ «невѣроятною глупостью». Но вѣдь статьи радикальныхъ французскихъ газетъ были только отвѣтомъ на выходки нѣмецкой пресмыкающейся прессы (да и самое это названіе: Reptilien-Presse придумано Бисмаркомъ), а русская печать никогда не угрожала канцлеру, не осыпала его бранью, но обнаруживала въ его политикѣ—разладъ словъ съ дѣйствіями, указывала на двусмысленность его мѣръ, на тайную поддержку его агентами нашихъ враговъ, на явно поднятую противъ насъ экономическую войну, на прямо враждебныя отношенія къ Россіи, которыхъ не прикроешь никакими цвѣтистыми фразами, никакими софизмами. Вѣдь

Digitized by Google

самая цѣль рѣчи, о которой теперь говоритъ вся Европа—доказать миролюбіе Германіи увеличеніемъ ея арміи на 700,000 человѣкъ, на что требуется покамѣстъ до 300,000 милліоновъ марокъ,—уже сама по себѣ такой чудовищный парадоксъ, котораго не поддержитъ никакое краснорѣчіе.

Положеніе Франціи по прежнему неустойчиво, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Прошлогодній бюджетъ ея заключился дефицитомъ въ 600 милліоновъ франковъ слишкомъ. На нынѣшній годъ бюджетъ, четыре раза передѣлывавшійся, еще не успѣли утвердить съ перемѣнами министерства. Послѣ кабинета Гоблэ, просуществовавшаго пять мѣсяцевъ, и Рувье—цѣлыхъ семь, находятъ, что кабинету Тирара достаточно и двухъ мѣсяцевъ существованія—и пора составить министерство Флокэ, тѣмъ болѣе, что этотъ президентъ палаты депутатовъ, не разъ пытавшійся сблизиться съ русскимъ посольствомъ, представлялся, наконецъ, барону Моренгейну и былъ благосклонно принятъ имъ, чему придаютъ особенно важное значеніе въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Но никакое министерство не удержится долго на мѣстѣ съ палатою, составленною изъ такихъ разнородныхъ и враждебныхъ между собою партій. Необходимо обратиться къ новымъ выборамъ, чтобы народъ рѣшилъ наконецъ, въ лицѣ своихъ представителей, хочетъ ли онъ утвержденія республики или возстановленія монархіи? Обѣ эти партіи въ послѣднее время сильно дискредитировали себя: орлеанисты—своими интригами, республиканцы—личными ссорами и счетами между собою. Въ кабинетѣ нѣтъ единодушія, министры, угождая своей партіи, стараются угодить и противникамъ, чтобы не возбудить противъ себя сильной оппозиціи. Министерство Тирара не смѣетъ противодѣйствовать парижскому муниципальному совѣту (городской думѣ), разыгрывающему роль коммуны не только по отношенію къ управленію столицею, но и всею Франціею. Во время президентскихъ выборовъ, этотъ совѣтъ собралъ въ ратушу своихъ приверженцевъ и, протестуя заранѣе противъ выборовъ Жюля Ферри, приглашалъ народъ сопротивляться конгрессу и правительству республики. И палата не смѣла даже сдѣлать выговора членамъ этого радикальнаго совѣта! А между тѣмъ онъ вмѣшивается во все и учредилъ даже въ Сорбоннѣ каѳедру «біологической философіи», съ которой профессоръ Донна разъясняетъ происхожденіе человѣка уже не отъ обезьяны, а отъ собаки и даже отъ дуба. Въ это же время муниципальный совѣтъ изгналъ изъ всѣхъ госпиталей сестеръ милосердія и поручилъ уходъ за больными простымъ сидѣлкамъ. Воспитаніе дѣтей отнято закономъ отъ духовныхъ конгрегацій и не безъ основанія, такъ какъ католическіе монахи и монахини въ своемъ фанатическомъ усердіи не разъ насиловали совѣсть дѣтей, но уходъ за больными сестеръ милосердія, принадлежащихъ къ монашескимъ орденамъ, никому не мѣшалъ, и во всякомъ случаѣ развѣ можно было выгонять старухъ, десятки лѣтъ жившихъ въ госпиталяхъ? Члены муниципальнаго со-

Digitized by Google

вѣта—конечно, свободные мыслители, только не допускающіе другихъ мыслить также свободно, какъ они. Вотъ знаменитая Луиза Мишель допускаетъ свободу не только мыслей, но и поступковъ. Какой-то Люкасъ выстрѣлилъ въ нее изъ револьвера послѣ ея рѣчи на сходкѣ анархистовъ и, не смотря на то, что пуля засѣла въ головѣ несчастной, Мишель просила, чтобы судъ не наказывалъ сумашедшаго, такъ какъ онъ былъ загипнотизированъ, стрѣляя въ нее. Во внѣшней политикѣ Франціи произошелъ случай, доказывающій натянутость международныхъ отношеній къ Италіи. Флорентинскій префектъ ворвался въ домъ французскаго консула и захватилъ его бумаги, а Криспи отнесся равнодушно къ этому правонарушенію. Нужно было личное вмѣшательство короля Гумберта, чтобы перевести въ другой городъ префекта и дать удовлетвореніе справедливымъ требованіямъ Франціи.

Недовольныя политикою Франціи, англійскія газеты, въ послѣдніе мѣсяцы, не переставали съ негодованіемъ отзываться объ испорченности французскихъ нравовъ. Подробностями о скандальной исторіи Вильсона наполнялись столбцы не только ежедневныхъ изданій, но и ежемѣсячныхъ „обозрѣній". Большіе охотники видѣть спицу въ глазу ближняго, англичане забыли о томъ бревнѣ, на которое указала имъ газета „Pall-Mall", обличивъ позорную безнравственность высшихъ слоевъ англійскаго общества. Съ тѣхъ поръ обнаружились и въ самой администраціи крупные скандалы по злоупотребленіямъ въ военномъ и морскомъ вѣдомствѣ. Правительство нашло однако средства замять неблагопріятные для него слухи, прежде чѣмъ ихъ могла разъяснить независимая печать, для которой всѣ эти подряды и поставки на армію и флотъ—дѣло весьма темное и почти недоступное для неспеціалистовъ. Бо̀льшая же часть газетъ не хотѣла вовсе касаться этихъ слуховъ изъ патріотизма и нежеланія бросать тѣнь на военныя силы Англіи и ея администрацію. Изъ неясныхъ и отрывочныхъ извѣстій можно было только заключить, что крупныя злоупотребленія произведены были крупными чинами, разными лордами, грязная жизнь которыхъ была разоблачена въ „Pall-Mall-Gazette". Но нечестныхъ продѣлокъ этихъ лордовъ въ общественной жизни не могли скрыть даже консервативные органы. Извѣстно, какую роль играетъ спортъ въ жизни Англіи, гдѣ скачки занимаютъ первое мѣсто въ ряду внутреннихъ событій. Хотя онѣ давно уже превратились въ азартную игру съ ихъ пари и тотализиторами, такъ успѣшно привившимися и на русской почвѣ, но до сихъ поръ думали, что эта игра ведется, по крайней мѣрѣ, честно, безъ шулерства. Между тѣмъ, въ концѣ прошлаго года „Жокей-клубъ", этотъ пріютъ герцоговъ и пэровъ Англіи, постановилъ навсегда исключить со всѣхъ скачекъ, устраиваемыхъ клубомъ—маркиза Эльсбюри, мошенничавшаго со своимъ жокеемъ. Клубъ потому принялъ это рѣшеніе, что благородный маркизъ — по рожденію законодатель, и судъ не имѣетъ права

Digitized by Google

запретить ему участвовать въ засѣданіи палаты лордовъ. Вслѣдъ за этимъ скандаломъ произошелъ второй. Графъ Дургамъ публично обвинялъ извѣстнаго спортсмена Джорджа Четвинда также въ мошенничествѣ на скачкахъ. При этомъ вспомнили, что подобное же обвиненіе противъ того же лица было заявлено лордомъ Лонсделемъ два года тому назадъ, и тогда же Четвиндъ, встрѣтивъ лорда въ Гайдъ-паркѣ, отдулъ его палкой; тотъ отвѣчалъ кулаками, и благородные джентльмены, вцѣпившись другъ въ друга, стали кататься по песку аллеи, усердно тузя другъ друга. Ихъ разняла публика, гулявшая въ паркѣ, и они, когда зажили слѣды ихъ единоборства, продолжали, какъ ни въ чемъ не бывало, посѣщать высшее общество. Но на этотъ разъ графу Дургаму нельзя было отвѣчать кулаками, и Четвиндъ обратился къ старшинамъ Жокей-клуба съ просьбою разсмотрѣть обвиненіе. Клубъ отказался разбирать это дѣло. И въ палатѣ лордовъ засѣдаетъ немало такихъ привилегированныхъ и наслѣдственныхъ мошенниковъ.

Въ то время, когда высшія сферы англійскаго общества страдаютъ отъ подобныхъ выродковъ лордства,—учрежденія, конечно, историческаго, но которое давно пора бы „немножко освѣжить и измѣнить“,—средніе классы жалуются, что они страдаютъ отъ другихъ паразитовъ всякаго общества—евреевъ. Англія дала имъ широкую политическую равноправность, на что такъ любятъ ссылаться наши жидовствующія газеты, старательно умалчивая въ то же время о жалобахъ на невыносимую эксплуатацію англичанъ жидами, появляющихся во всѣхъ независимыхъ англійскихъ газетахъ. Четыре года тому назадъ, комисія, учрежденная министерствомъ торговли для изученія причинъ торгово-промышленнаго кризиса въ Англіи, указала на „тяжесть еврейскаго гнета“, какъ на одну изъ главныхъ причинъ этого кризиса. Съ тѣхъ поръ экономическія условія жизни бѣдныхъ классовъ Англіи до того ухудшились, что послужили поводомъ, въ послѣднее время, къ серьезнымъ уличнымъ безпорядкамъ. «Daily Telegraph» прямо указываетъ на еврейскую эксплуатацію, какъ на главную причину обнищанія большинства лондонскихъ жителей. Въ лучшихъ кварталахъ восточной части столицы, торговля во всѣхъ ея видахъ и всѣ ремесла въ рукахъ евреевъ, во многихъ мѣстахъ вытѣснившихъ буквально все христіанское населеніе. Одна изъ самыхъ распространенныхъ лондонскихъ газетъ «Echo» говоритъ: „евреи окончательно опутали насъ своими сѣтями, налегли на насъ всею своею тяжестью, сдавили насъ клещами своей адской жадности, отняли хлѣбъ у насъ и дѣтей нашихъ. И мы напрасно обращаемся къ правительству, умоляя спасти насъ. Оно отвѣчаетъ, что его вмѣшательство нарушило бы равноправность въ свободномъ цивилизованномъ государствѣ. Да какое же правительство въ мірѣ будетъ поддерживать цивилизацію путемъ голодной смерти своихъ гражданъ, защищая иновѣрныхъ и иноплеменныхъ эксплуататоровъ?“ А между

Digitized by Google

тѣмъ число евреевъ въ Англіи совершенно ничтожно въ сравненіи, напримѣръ, съ числомъ этихъ паразитовъ въ Россіи!

Не смотря на увѣренность въ прочности консервативныхъ началъ, преобладающихъ теперь въ Англіи, по мнѣнію Салисбюри, премьеръ сильно озабоченъ противоправительственными движеніями, возникшими въ Англіи и Шотландіи, не говоря уже объ Ирландіи. Въ Лондонѣ манифестація голодныхъ рабочихъ, оставшихся безъ дѣла при закрытіи множества фабрикъ, произвела сильное впечатлѣніе—не безпорядками рабочихъ, державшихъ себя весьма спокойно, а неистовствомъ полиціи, поступавшей возмутительно и искалѣчившей множество лицъ, не участвовавшихъ въ манифестаціи, но случайно находившихся въ это время на улицѣ. Одного изъ такихъ зрителей, ни въ чемъ неповиннаго А. Линнеля, избитаго на смерть полисменами, либеральная партія хоронила въ торжественной процессіи, въ которой участвовало болѣе ста тысячъ лицъ всѣхъ классовъ общества. Шествіе по лондонскимъ улицамъ началось въ полдень, а окончилось въ девять часовъ вечера. У гроба шли редакторъ «Pall-Mall-Gazette», Стедъ, редакторъ «National-reformer»—журнала Брэдло—Анна Безантъ, глава англійскихъ свободныхъ мыслителей (free-thinkers), соціалистъ Моррисъ, членъ парламента Коннингамъ, Грагамъ, страшно избитый полиціею, викарій Стюартъ Гедламъ, ирландскіе католики, протестантскіе фанатики, капитаны „арміи спасенія“ (дамы), спириты. Процессія шла съ флагами, значками, эмблемами—въ глубокомъ молчаніи, прерываемомъ по временамъ не громкими, но единодушными возгласами: „умерщвленъ полиціей!“ (murdered by the police). Два раза сплошная стѣна полицейскихъ, собранныхъ въ числѣ десяти тысячъ, останавливала процессію, но она молча сворачивала въ сторону и продолжала шествіе, когда ей стоило только двинуться на полицію—и та несомнѣнно была бы смята грозною нафанатизированною массой. Но эта масса хотѣла только выразить протестъ противъ жестокихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ, и достигла своей цѣли. Салисбюри понялъ, что если вожди этой партіи вздумаютъ открыто возстать противъ правительства, никакая полиція не спасетъ его. Поэтому ей отданъ приказъ не прибѣгать къ насилію и не раздражать населенія столицы.

Въ то же время произошло сильное и грозное волненіе между крофтерами (фермерами) на Льюисѣ, главномъ изъ Гебридскихъ острововъ, у сѣверо-западнаго побережья Шотландіи. Два года тому назадъ, эти крестьяне, по примѣру ирландцевъ, потребовали уменьшенія арендной платы. Произошли безпорядки, но судъ призналъ требованіе крофтеровъ основательнымъ, и парламентъ вотировалъ законъ, побудившій помѣщиковъ сдѣлать скидку съ арендной платы. Скидка эта, какъ всѣ полумѣры, не удовлетворила крофтеровъ, и теперь они потребовали безплатной уступки арендуемыхъ ими участковъ въ полную ихъ соб-

Digitized by Google

ственность. Вторгнувшись въ заповѣдные лѣса ландлордовъ, крофтеры истребили тамъ ланей, затѣмъ захватили помѣщичьи луга и стали обращать ихъ въ пахотныя поля. Шерифъ потребовалъ войска, для прекращенія бунта, произошла кровавая стычка, въ которой было много раненыхъ съ обѣихъ сторонъ, но крестьяне вытѣснили немногочисленный отрядъ войска и распахали поля лордовъ. Мѣстныя власти потребовали подкрѣпленій и надѣются сломить сопротивленіе крофтеровъ, готовящихся къ серьезной оборонѣ. Дѣло принимаетъ тревожное положеніе. Въ то же время, въ Дублинъ пріѣхали вліятельнѣйшіе члены гладстоновской партіи, Джонъ Морлей и лордъ Рипонъ, и объявили, что они прибыли въ Ирландію съ цѣлью—расчистить путь тѣсному, сердечному сближенію съ нею Англіи, прекратить господство насилія и притѣсненія, и возвратить Ирландіи самостоятельность, на которую она имѣетъ полное право. Населеніе Дублина устроило пріѣзжимъ восторженный пріемъ, доказавшій, что Чемберленъ и Гартингтонъ сильно ошибаются, увѣряя, что ирландцы и не потребуютъ вовсе тѣхъ уступокъ, которыхъ Гладстонъ добивается для нихъ.

9-го февраля открылась сессія англійскаго парламента. Послѣ совершенно безцвѣтной королевской рѣчи, наполненной общими мѣстами о миролюбіи Англіи и ея дружественныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ державамъ, Салисбюри, въ палатѣ лордовъ, не нашелъ ничѣмъ больше похвастать передъ страною, какъ афганскимъ соглашеніемъ съ Россіею, какъ будто оно состоялось вслѣдствіе его искусства вести внѣшнюю политику. Онъ распространился также о миролюбіи Россіи, не оставляющемъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что миръ не будетъ нарушенъ, и удивлялся ея откровенности. „Дѣйствія Россіи въ Афганистанѣ, прибавилъ премьеръ,—не только примирительны, но и чрезвычайно великодушны, а на Балканскомъ полуостровѣ она не имѣетъ въ виду никакихъ незаконныхъ дѣйствій". Правительство, захватившее въ самое послѣднее время огромную Бирманскую имперію и стремящееся къ захвату Египта, выставляетъ себя защитникомъ законности! Само собою разумѣется, что Салисбюри счелъ долгомъ расхвалить рѣчь Бисмарка и его дѣйствія на берлинскомъ конгрессѣ. Въ палатѣ общинъ Гладстонъ высказался въ пользу дружественныхъ отношеній къ Россіи, такъ какъ съ рѣшеніемъ афганскаго вопроса не существуетъ никакихъ дальнѣйшихъ причинъ къ недоразумѣніямъ между двумя державами, и для Англіи исчезаетъ всякій поводъ ревниво относиться къ расширенію великой русской имперіи.

Изо всѣхъ европейскихъ странъ Швейцарія, болѣе другихъ заботится о рабочемъ классѣ и защищаетъ его отъ эксплуатаціи жадныхъ капиталистовъ и спекуляторовъ. Строгіе законы ограждаютъ тамъ фабричнаго отъ произвола хозяевъ. Подробно регулированы и часы работъ, и возрастъ, и гигіеническія условія фабрикъ. Но дѣйствительно-гуманный законъ, по-

Digitized by Google

чему-то распространяется не на всѣхъ тружениковъ, принадлежащихъ къ гельветическому союзу. Такъ, только въ прошломъ году союзный фабричный законъ принялъ подъ свое покровительство рабочихъ на пивоваренныхъ заводахъ, на мельницахъ, и типографскихъ наборщиковъ. Теперь число ремесленныхъ заведеній, подлежащихъ вѣдѣнію закона, простирается до 3505—цифра не крупная въ сравненіи съ трехмильоннымъ населеніемъ страны (число всѣхъ рабочихъ, состоящихъ подъ закономъ, не доходитъ и до полутораста тысячъ). Но и тутъ въ законѣ допущены странныя исключенія. Такъ, онъ признаетъ достойными своей защиты только такихъ тружениковъ, которые работаютъ на мельницахъ или пивоварняхъ въ числѣ пяти взрослыхъ человѣкъ. Это непостижимое постановленіе доказываетъ, что во всѣхъ законахъ составители ихъ съумѣютъ оставить лазейку для обхода самаго гуманнаго правила. Эксплуататоры — эти полулюди—всегда приверженцы полумѣръ. Такъ, и этотъ законъ прямо указалъ хозяевамъ мельницъ и пивоваренъ, что они могутъ брать въ работники женщинъ и подростковъ и выжимать изъ нихъ сокъ подъ надзоромъ четырехъ взрослыхъ мужчинъ. Телеграфисты и телефонисты также не включены въ число лицъ, покровительствуемыхъ закономъ, и воюютъ объ облегченіи ихъ непосильныхъ занятій, не прекращающихся ни днемъ, ни ночью. Нѣтъ, видно, долго еще придется, даже въ самыхъ свободныхъ странахъ, ждать осуществленія идеала всякаго труженика: восьмичасовой работы, восьмичасоваго сна и восьмичасоваго отдыха въ сутки.

Но маленькая республика умѣетъ зато держаться съ достоинствомъ даже передъ такими страшными сосѣдями, какъ германская имперія. Въ рейхстагѣ, до военнаго закона, былъ внесенъ проэктъ о необходимости продлить еще на три года дѣйствіе стараго закона противъ соціалистовъ. Министръ оправдывалъ этотъ проектъ, между прочимъ, тѣмъ, что соціалисты составляютъ постоянно въ Швейцаріи заговоры противъ Германіи. Соціалистъ Зингеръ доказалъ, напротивъ, что всѣ эти заговоры сочиняются агентами тайной берлинской полиціи, вступающими въ собранія анархистовъ для того, чтобы подстрекать ихъ къ сумасброднымъ выходкамъ, а потомъ доносить на нихъ въ Берлинъ, гдѣ, какъ говоритъ Зингеръ, полицей-директоръ Крюгеръ и полицей-ратъ фонъ-Гакке поощряютъ анархистскія преступленія при посредствѣ агента-подстрекателя Шредера, живущаго въ Цюрихѣ и получающаго 250 марокъ въ мѣсяцъ жалованья не только за свои донесенія, но и за поощреніе анархистовъ въ ихъ замыслахъ. При обыскѣ, у Шредера нашли ящикъ съ динамитомъ, находившійся у него на храненіи; Шредеръ же предсѣдательствовалъ на сходкахъ анархистовъ, скрывалъ у себя заподозрѣнныхъ лицъ. Другой агентъ-подстрекатель, Гауптъ, отправленъ былъ въ Женеву для надзора за тамошними анархистами, нѣмцами, русскими, поляками... „Спаивайте этихъ субъектовъ до потери сознанія“, говорилъ ему Крюгеръ: „и вы узнаете все, что̀ вамъ нужно“. Всѣ

Digitized by Google

эти свѣдѣнія членъ рейхстага Зингеръ получилъ отъ швейцарскаго судебнаго слѣдователя Фишера и обѣщалъ представить другіе документы, доказывающіе, что „берлинская тайная полиція—центръ международнаго постыднаго общества (Spitzgesellschaft) задавшагося цѣлью подстрекать людей къ преступленіямъ". Министръ Путкаммеръ отвѣчалъ на эти разоблаченія необходимостью для правительства пользоваться услугами темныхъ личностей, чтобы слѣдить за собирающимися въ Швейцаріи соціалистами. Путкаммеръ намѣренно смѣшиваетъ анархистовъ съ соціалистами, забывая, что самъ германскій канцлеръ поддерживаетъ государственный соціализмъ—и выразилъ при этомъ неудовольствіе, что офиціальное лицо въ Швейцаріи сообщило подобныя свѣдѣнія частному лицу,—поступокъ, по мнѣнію министра, — предосудительный. Неизвѣстно, обратилось ли германское правительство по этому поводу къ швейцарскому съ дипломатическою нотою, но органъ швейцарской республики, газета „Bund", выходящая въ Бернѣ, вотъ что напечатала по адресу нѣмцевъ: „никто не вѣритъ, чтобы германскій канцлеръ прибѣгнулъ къ дипломатическому воздѣйствію противъ Швейцаріи. Наоборотъ, швейцарскому союзному совѣту слѣдовало бы сообщить германскому правительству результаты слѣдствія, произведеннаго швейцарскими властями и доказывающими до полнѣйшей очевидности, что образъ дѣйствій нѣмецкихъ агентовъ не согласовался съ должными отношеніями, существующими между обоими государствами". Подобный отвѣтъ, полный твердости и достоинства, не лишнимъ было бы усвоить и другимъ не маленькимъ государствамъ.

Жаль только, что эта маленькая свободная страна служитъ постояннымъ мѣстомъ сборища анархистовъ всѣхъ націй и ареной ихъ дикой пропаганды. „Journal de St.-Pétersdourg" сообщаетъ, въ письмѣ изъ Женевы, о бывшей въ этомъ городѣ демонстраціи противъ Россіи по поводу временнаго прекращенія лекцій въ ея университетахъ. Ораторы на сходкѣ приглашали студентовъ просто бросить аудиторіи и произвести прямое нападеніе на университетскія власти. „Студенты! возглашали анархисты:—чѣмъ больше пощечинъ будутъ получать отъ васъ университетскія власти, тѣмъ больше услугъ окажете вы своей родинѣ"! Устройство этой сходки принадлежитъ Драгоманову, бывшему русскому доценту, который бѣжалъ изъ университета, промѣнявъ науку на революціонную пропаганду,— и Плеханову, исключенному изъ начальнаго класса военно-учебнаго заведенія. Онъ былъ причиною уничтоженія одного изъ анархическихъ обществъ, „Народной воли", за что Драгомановъ обвинялъ его въ шпіонствѣ, шантажѣ и разныхъ мошенничествахъ. Плехановъ отвѣчалъ ему такими же обвиненіями. Но теперь враги примирились и, кромѣ устройства сходки, издали еще брошюру, съ рѣчами, произнесенными во время этой дикой демонстраціи.

Періодическая печать въ Европѣ, которую германскій канцлеръ уже

Digitized by Google

столько лѣтъ держитъ въ тревожномъ, напряженномъ положеніи и въ ожиданіи, на какой изъ фронтовъ обрушитъ онъ свои гигантскія вооруженныя силы, не обратила вниманія на посланіе президента Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, адресованное конгрессу, въ концѣ прошлаго года. Газеты стараго свѣта упомянули только вкратцѣ о странномъ небывалomъ фактѣ, сообщенномъ Гроверомъ Клевелендомъ. Между тѣмъ, это фактъ такого свойства, что европейскія державы могли бы не только принять его къ свѣдѣнію, но и серьезно подумать объ немъ. Удивилъ онъ, впрочемъ, и самихъ американцевъ. Въ Европѣ, когда парламенту представляютъ картину финансоваго положенія страны, всѣ заранѣе знаютъ, чѣмъ заключится эта картина: хотя въ бюджетѣ всѣ статьи доходовъ и расходовъ прекрасно сгруппированы и уравновѣшены, даже безъ дефицита, но такія-то непредвидѣнныя обстоятельства повели къ такимъ-то сверхсмѣтнымъ назначеніямъ—и потому неугодно ли утвердить такіе-то экстренные, конечно, временные налоги. И налоги, конечно, утверждаются, и на будущій годъ повторяется та же исторія съ тою только разницею, что временные налоги превращаются въ постоянные, и съ каждымъ годомъ все болѣе истощаютъ платежныя силы страны, ложась тяжелымъ бременемъ на народъ, обложенный чуть ли не за право дышать и не умирать съ голоду. Между тѣмъ, президентъ заатлантической республики, въ своемъ посланіи къ представителямъ народа, проситъ ихъ принять энергическія мѣры для уменьшенія доходовъ и облегченія казны, куда стекаются ежегодно сотни излишнихъ мильоновъ, не смотря на то, что государство уплатило до срока всѣ свои обязательства, уничтожило ассигнаціи, замѣнивъ ихъ звонкою монетой, и вообще употребляетъ всѣ законныя средства для уменьшенія металлическихъ запасовъ казначейства.

Понятно, что такое неожиданное, откровенное признаніе главы республики не могло понравиться тѣмъ, кто разсчитывалъ извлечь для себя пользу отъ такого цвѣтущаго положенія финансовъ. Крупные капиталисты, промышленники и фабриканты негодуютъ на президента, и вторичное избраніе его теперь сильно компрометировано. Отчего же произошло такое процвѣтаніе финансовъ? Двадцать лѣтъ тому назадъ, государственный долгъ республики, составлявшій въ 1860 году всего 323 мильона долларовъ, послѣ войны за уничтоженіе невольничества дошелъ до 14-ти мильярдовъ 730 мильоновъ. Казначейство было совершенно пусто, народъ обремененъ непосильными налогами и бумажными деньгами, выпущенными на сумму въ 2 мильярда 700 мильоновъ; за сто долларовъ звонкой монеты платили 285 ассигнаціями. Южные штаты были разорены: торговыя и промышленныя фирмы, заводы, банкирскія конторы бездѣйствовали, города пустѣли; одинъ Нью-Іоркъ потерялъ 87,000 жителей. Испытавъ всѣ устарѣлыя финансовыя мѣры: внѣшніе займы, тяжелые внутренніе налоги, не исключая подоходнаго, приносившаго всего 20 мильоновъ и который

Digitized by Google

платило всего 250,000 человѣкъ изъ сорокамильоннаго населенія Штатовъ, правительство, проповѣдывавшее свободу торговли, прибѣгло къ протекціонизму и обложило высокою пошлиною всѣ привозимые товары. Населеніе Штатовъ преимущественно земледѣльческое, привыкшее получать изъ Европы мануфактурные товары, и, лишившись ихъ теперь, создало свои заводы и мануфактуры, обладая въ изобиліи сырыми матерьялами, желѣзомъ, каменнымъ углемъ, лѣсами, золотомъ Калифорніи, нефтью Пенсильваніи, сахаромъ Луизіаны, хлопкомъ Георгіи, стадами Огайо и Техаса. Правительство тотчасъ же распустило армію, возвративъ земледѣлію отнятыя у него руки, сократило другую армію—тунеядцевъ-чиновниковъ, обложило крупнымъ налогомъ алкоголь, табакъ, предметы роскоши, а не вседневнаго потребленія, банки, биржевыя операціи. Всѣ эти мѣры уже въ 1882 году уменьшили государственный долгъ до 6-ти мильярдовъ. Къ 1887 году онъ былъ уплаченъ сполна.

Теперь, въ казначействѣ республики—700 мильоновъ долларовъ, съ которыми оно не знаетъ, что̀ дѣлать. Клевеландъ говоритъ въ своемъ посланіи, что государство не должно быть ни владѣльцемъ желѣзныхъ дорогъ, ни мануфактуръ, ни предпринимателемъ работъ всякаго рода. Оно должно завѣдывать только тѣми отраслями общественныхъ работъ, которыя касаются непосредственно его отношеній къ другимъ державамъ, то есть войскомъ, флотомъ и ихъ администраціей. Еслибы Клевеландъ заботился только о своей популярности, онъ предложилъ бы, для уменьшенія излишка въ доходахъ, понизить налогъ на четыре главныя статьи бюджета: спиртъ, табакъ, банки и штемпель (гербовой сборъ). Бѣдняки были бы очень довольны пониженіемъ двухъ первыхъ статей, капиталисты—двухъ послѣднихъ. Но онъ предложилъ уменьшеніе таможенныхъ пошлинъ на сырые матерьялы и на мануфактурные товары, находя, что американскіе фабриканты могутъ довольствоваться меньшимъ барышемъ и что двадцати лѣтъ покровительственной системы было достаточно для ихъ благосостоянія. Убѣдить въ этомъ заводчиковъ очень трудно; уменьшеніе своихъ доходовъ они тотчасъ же наверстаютъ пониженіемъ платы своимъ рабочимъ. Поэтому-то предложеніе Клевеленда и не встрѣтило сочувствія ни въ производительномъ, ни въ рабочемъ классѣ, и, конечно, шансы его на вторичное избраніе президентомъ значительно упали, что̀ приноситъ еще больше чести его безкорыстію и патріотизму. На чью сторону станетъ конгрессъ, гдѣ враждебная Клевеленду республиканская партія имѣетъ многочисленныхъ приверженцевъ, мы скоро узнаемъ.

Къ числу общихъ мѣстъ заѣзженной фразеологіи принадлежитъ восхищеніе республиканскими добродѣтелями. Въ послѣднее время, Франція перестала кричать объ этихъ добродѣтеляхъ, послѣ скандаловъ съ Вильсономъ, Кафарелемъ, Греви, д'Андло и др., но и въ заатлантической республикѣ разыгрался не менѣе крупный скандалъ и не съ орденами, а

Digitized by Google

съ военными пенсіями. Министръ финансовъ нашелъ, что расходы на этотъ предметъ возросли по бюджету, съ 1874 года, съ $30^1/_2$ мильоновъ долларовъ до $73^1/_2$ въ 1886 году. Военныхъ пенсіонеровъ было въ 1877 году 232,000, а въ 1887-мъ 406,000 и въ этомъ числѣ было 12,000 ветерановъ, участвовавшихъ въ войнѣ 1812 года. Если всѣмъ имъ въ то время было 15 лѣтъ, то теперь они уже вступили въ 90-лѣтній возрастъ. Мало того: четыре тетки сенаторовъ получаютъ пенсіи, какъ вдовы лицъ, сражавшихся за независимость, то есть 104 года тому назадъ. И всѣ эти пенсіи постоянно утверждались конгрессомъ, изъ какой бы партіи онъ ни состоялъ—изъ демократовъ или республиканцевъ. И теперь, когда ему представили смѣту новаго увеличенія военныхъ пенсій на 1888-ой годъ до 78-ми мильоновъ, но съ докладомъ министра финансовъ о необходимости изслѣдовать причины необыкновеннаго долголѣтія американскихъ гражданъ, конгрессъ не захотѣлъ изслѣдовать этого постыднаго дѣла—по причинѣ его давности, и замялъ его, поручивъ только министру исключить изъ смѣты тѣ пенсіонныя назначенія, которыя онъ признаетъ незаконными. Американскія газеты также не захотѣли, изъ патріотизма, раздувать это дѣло и ограничились короткими замѣчаніями о небрежности веденія пенсіонныхъ списковъ и о томъ, что въ республикѣ во всякомъ случаѣ не выдаютъ пенсій старымъ фавориткамъ. Почемъ знать!

НОВЫЯ КНИГИ.

Словесность-наука, сочиненіе *Н. А. Воскресенскаго*. Спб. 1887 г.

Послѣ поэтическихъ и беллетристическихъ произведеній, о которыхъ мы отдали отчетъ въ первой книгѣ «Наблюдателя», вступила въ новый годъ и наша серьезная литература. Авторъ книги «Свѣтъ и тѣни русской словесности», высказавшій много вѣрныхъ, но немало и парадоксальныхъ мыслей о современномъ положеніи нашей литературы, въ новомъ своемъ сочиненіи выступаетъ, какъ преобразователь преподаванія словесности—не на этико-эстетическихъ основаніяхъ, а на совершенно иныхъ, образовавшихся въ обществѣ вслѣдствіе развитія въ немъ научныхъ знаній. Въ декабрьской книгѣ нашего журнала за прошлый годъ мы имѣли случай указать, какъ проникли научныя требованія въ вопросъ объ искусствѣ. Г. Воскресенскій находитъ, что и словесность должна быть наукою. Прослѣдимъ вкратцѣ, въ какой степени состоятельны его воззрѣнія на этотъ предметъ. Авторъ начинаетъ съ факта, вѣрно подмѣченнаго Гербертомъ Спенсеромъ въ его знаменитомъ трактатѣ о воспитаніи: въ человѣ-

Digitized by Google

чествѣ украшеніе предшествовало одеждѣ; дикарь цѣнитъ побрякушки выше прочныхъ тканей; африканскіе спутники Спика видѣли въ своихъ плащахъ только украшеніе и въ дурную погоду снимали ихъ, дрожа подъ грозою. И теперь многіе заботятся больше о покроѣ платья, чѣмъ объ удобствѣ. Въ умственной сферѣ украшеніе тоже предшествуетъ полезному. Не только прежде, но и въ наше время, знанія, приводящія къ личному благосостоянію, ставятся выше общеполезныхъ. Въ воспитаніи главную роль играетъ не сущность знанія, а внѣшнее его дѣйствіе на другихъ. У всѣхъ народовъ искусство является прежде науки, поэтому и образовался взглядъ на словесность какъ на искусство. Вездѣ имена поэтовъ и художниковъ популярнѣе именъ ученыхъ и представителей прогресса. Къ намъ просвѣщеніе пришло изъ Византіи, но образованность грековъ носила печать нравственнаго растлѣнія и обскурантизма. Попъ Сильвестръ въ «Домостроѣ» совѣтуетъ своему сыну Аѳанасію не ссориться со злыми, чтобы не повредить своимъ интересамъ. Вотъ откуда пошла теорія «непротивленія злу». Достаточно было классически образованному Максиму Греку и Никону съ его свѣтлымъ умомъ приступить къ исправленію богослужебныхъ книгъ, чтобы возникъ фанатическій расколъ изъ-за однихъ буквъ и пустыхъ обрядностей. Мало принесли пользы умственному развитію Россіи и духовныя академіи XVI и XVII вѣка въ Кіевѣ и Москвѣ. Только при Петрѣ I-омъ началось истинное просвѣщеніе. Но и Ломоносовъ, великій по своему времени, какъ ученый, въ литературѣ былъ представителемъ ложно-классическаго направленія, уничтоженнаго сантиментализмомъ и романтизмомъ Карамзина и Жуковскаго, также болѣзненными направленіями въ литературѣ—по мнѣнію Гёте и нашего Гнѣдича. Эти направленія смѣнилъ байронизмъ, отразившійся на первыхъ произведеніяхъ Пушкина и на всей дѣятельности Лермонтова. Только съ появленіемъ натуральной и реальной школы, въ лицѣ Гоголя и его послѣдователей, наша литература явилась проводникомъ идей прогресса, культурно-историческою силою. А между тѣмъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ русская словесность преподается въ видѣ украшающаго элемента въ дѣлѣ образованія. Не пора ли, по выраженію Спенсера, перейти отъ украшенія къ одеждѣ, преподавать словесность, какъ науку, а не какъ искусство?

Основывая свою исторію словесности не на этическихъ, а на культурныхъ началахъ, г. Воскресенскій не придаетъ никакого значенія допетровской эпохѣ, видя въ ней одинъ догматизмъ, мораль и никакого научнаго образованія. Исключеніе онъ дѣлаетъ только для книги Котошихина, забывая, что Византія принесла намъ не одни каноническія сочиненія, но и первообразы народныхъ легендъ, сказокъ и повѣстей. Только Ѳеофанъ Прокоповичъ, Посошковъ и Татищевъ «импульсировали» русскую мысль (къ чему это иноземное выраженіе, безъ котораго легко обойтись!). Признавая огромное значеніе Новикова и Радищева, авторъ присоединяетъ къ

Digitized by Google

нимъ Бецкаго и Шафирова, забывая о Щербатовѣ и признавая слишкомъ мало заслугъ за Кантемиромъ, Державинымъ, даже Фонвизиномъ. И чѣмъ ближе подходитъ къ нашему времени г. Воскресенскій, тѣмъ страннѣе становятся его взгляды на исторію словесности, въ которой онъ считаетъ лишнимъ говорить о Княжнинѣ, Дмитріевѣ, Батюшковѣ—этомъ учителѣ Пушкина—Дельвигѣ, Языковѣ, Баратынскомъ,—пьеса котораго «На смерть Гёте» выше очень многаго, написаннаго самимъ Гёте. Кто же согласится исключить изъ исторіи словесности такія имена? Никто не видитъ въ наше время въ Сумароковѣ и Озеровѣ Корнеля и Расина русской сцены, но г. Галаховъ въ своей исторіи словесности, хотя и не отличающейся широтою и вѣрностью взглядовъ, все таки правъ, говоря, что при Екатеринѣ наша литература, хотя по формѣ сохраняла ложно-классическое направленіе, но по содержанію была органомъ стремленій XVIII вѣка. Правъ и г. Милюковъ, говорившій, что преобладающимъ элементомъ нашей поэзіи была сатира,—то есть недовольство современнымъ порядкомъ вещей. Г. Воскресенскій не признаетъ этого, а между тѣмъ указываетъ на источники для изученія этой эпохи, подтверждающіе ту же мысль («Наука и литература при Петрѣ» Пекарскаго, историко-литературныя монографіи Пятковскаго, «Матерьялы для исторіи просвѣщенія въ Россіи» Сухомлинова и др.). Вообще, его опредѣленіе словесности «какъ культурно-исторической и въ то же время служебной силы науки»—безъ эстетическихъ и этическихъ началъ не можетъ служить программою для ея преподаванія. Вѣдь самъ же авторъ сознается, что «по существу своему литература не имѣетъ дѣятельнаго значенія: она только или предполагаетъ то, что̀ можно сдѣлать, или изображаетъ то, что̀ уже дѣлается или сдѣлано». Смотря на писателей, какъ на проводниковъ въ сознаніе общества передовыхъ идей, г. Воскресенскій требуетъ, чтобы предметомъ поэзіи сдѣлался міръ дѣйствительный, а не идеальный. Но предположенія о томъ, что̀ нужно сдѣлать, уже относятся въ области идеаловъ. Разсматривая словесность, какъ науку, авторъ даетъ въ ней первое мѣсто сочиненіямъ ученаго характера, затѣмъ рѣчамъ ораторскимъ, судебнымъ и др., критикѣ и публицистикѣ. Беллетристическимъ сочиненіямъ отводится третье мѣсто; на первомъ планѣ стоятъ научно-художественныя произведенія, которымъ авторъ придаетъ уже слишкомъ широкое значеніе, причисляя къ нимъ «Записки изъ мертваго дома» и «Иліаду», «Ревизора» и «Чайльдъ-Гарольда», комедіи Островскаго и Данте. Вообще, въ книгѣ г. Воскресенскаго много парадоксовъ и его усилія сдѣлать словесность—только наукою не имѣютъ твердыхъ научныхъ основаній. Но, въ то же время, книга эта вполнѣ заслуживаетъ вниманія всякаго, кто интересуется русскою литературою. Авторъ хорошо изучилъ ее и высказываетъ объ ней много вѣрныхъ и меткихъ сужденій; книгѣ вредитъ отсутствіе заголовковъ, общихъ

Digitized by Google

выводовъ, предварительныхъ тезисовъ, заключительныхъ рекапитуляцій; нѣтъ даже простаго оглавленія. Научные трактаты такъ не пишутся.

Очерки изъ жизни и быта прошлаго времени. *С. Н. Шубинскаго.* Спб. съ 30 гравюрами. 1888.

Редакторъ «Историческаго Вѣстника» могъ бы уже давно праздновать двадцатипятилѣтній юбилей своей литературной дѣятельности. Начавши ее съ фельетоновъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1860 года и разсказовъ въ «Русскомъ Мірѣ», онъ уже въ слѣдующемъ году остановился на историческихъ работахъ, доставившихъ ему извѣстность въ этой отрасли научно-литературныхъ трудовъ, и съ тѣхъ поръ не перестаетъ трудиться на этомъ поприщѣ. Даже редакторская дѣятельность, продолжавшаяся съ 1875 по 1879-й годъ въ основанной имъ «Древней и Новой Россіи» и съ 1880-го въ «Историческомъ Вѣстникѣ» — не помѣшала ему печатать отдѣльные историческіе очерки и въ другихъ изданіяхъ. Болѣе замѣчательные изъ нихъ, составленные по архивнымъ матерьяламъ и по малоизвѣстнымъ печатнымъ источникамъ, собраны теперь и изданы съ рисунками, воспроизведенными съ весьма рѣдкихъ оригиналовъ. Хотя авторъ говоритъ, что, не придавая особаго значенія этимъ очеркамъ, онъ собралъ ихъ единственно потому, что нѣкоторыя изъ статей могутъ быть не безполезны для лицъ, изучающихъ русскую исторію, но критика прежде всего отмѣтитъ эти статьи по чрезвычайной добросовѣстности, съ какою авторъ производилъ свои разъясненія и по совершенно безпристрастному отношенію къ фактамъ, нерѣдко являющимся въ новомъ освѣщеніи и съ малоизвѣстными подробностями. Всѣхъ статей въ книгѣ 17; это едва пятая доля того, что̀ написано авторомъ. Такъ, изъ трудовъ шестидесятыхъ годовъ взяты всего три очерка: «Подпоручикъ Федосѣевъ», «Лѣтній садъ при Петрѣ I» и «Русскій помѣщикъ XVIII вѣка», и не перепечатана обширная монографія «Принцъ Антонъ Ульрихъ Брауншвейгскій», біографіи И. А. Долгорукова, Остермана, дочери Бирона, К. Г. Разумовскаго, «Придворные шуты при Петрѣ и Аннѣ Ивановнѣ» и др. (три послѣднія статьи переведены на англійскій языкъ въ книгѣ «Historical Narratives» London, 1881). Вообще авторъ строгъ къ самому себѣ, и изъ отброшенныхъ имъ статей можно было бы составить еще другой, не менѣе интересный томъ «очерковъ». Въ типографскомъ отношеніи изданіе безукоризненно, какъ все, что̀ выходитъ изъ типографіи Суворина. Снимки съ рѣдкихъ гравюръ приложены къ статьямъ: «Лѣтній садъ», «Свадьба карликовъ», «Московскій маскарадъ 1722 года», «Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны», «Арестъ и ссылка Бирона», «Память Петра I въ Сестрорѣцкѣ», «Холмогорская старина», «Кирьяново»—дача княгини Дашковой на петербургской дорогѣ и «Александрова дача» за Павловскомъ, «Шведское посольство въ 1674 году», «Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году». Къ царствованію Павла I относятся два разсказа: «Подпо-

Digitized by Google

«ручикъ Федосѣевъ»—печальная исторія о томъ, какъ бѣдный офицеръ, назначенный въ оренбургскій гарнизонъ, не имѣя средствъ доѣхать до мѣста назначенія, вздумалъ по дорогѣ требовать казенныя подводы, имѣя будто бы порученіе узнать, сколько платятъ оброку помѣщичьи крестьяне, для сравненія ихъ съ казенными. За эту выдумку поручику, привезенному въ Петербургъ, дали 25 ударовъ кнутомъ и сослали его въ Нерчинскъ. Въ другомъ очеркѣ: «Семейное преданіе» Павелъ велѣлъ привезти изъ деревни премьеръ-майора Абрамова и произвелъ его разомъ въ подполковники, полковники, генералъ-майоры, далъ анненскую ленту и 300 душъ за то, что онъ при Екатеринѣ II былъ обойденъ по службѣ. Къ царствованію Александра I относится послѣдній разсказъ сборника: «Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ». Къ книгѣ приложены указатели: именъ и гравюръ.

Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Выпускъ 4-ый. Изслѣдованіе *И. И. Дубасова* Тамбовъ. 1888.

Третій выпускъ этого замѣчательнаго труда вышелъ еще въ концѣ 1884 года. «Наблюдатель» тогда же далъ объ немъ подробный отчетъ. Трехлѣтній перерывъ въ появленіи выпусковъ авторъ объясняетъ своими работами въ Тамбовской ученой архивной комисіи, гдѣ онъ состоялъ предсѣдателемъ. Замѣчаніе, что нѣкоторыя изслѣдованія первыхъ выпусковъ недостаточно закончены и нѣкоторыя подробности въ нихъ повторяются, авторъ объясняетъ тѣмъ, что работаетъ по мѣрѣ накопленія матерьяла и освобожденія его отъ архивной пыли. Первою статьею новаго выпуска является обширное изслѣдованіе: «Тамбовская колонизація и ея дѣятели». Славящаяся обильными урожаями хлѣбныхъ и другихъ растеній, дающая въ годъ болѣе 15-ти милліоновъ четвертей разнаго рода посѣвовъ, Тамбовская губернія издавна служила мѣстомъ усиленнаго переселенческаго движенія и, по густотѣ населенія (2.400,000 на 1,200 квадр. миль), принадлежитъ къ первымъ губерніямъ въ Россіи. Авторъ разсказываетъ исторію колонизаціи этого края, начиная съ первыхъ лѣтописныхъ извѣстій, приводитъ пѣсни и преданія древнихъ временъ, говоритъ о мѣстныхъ промыслахъ, археологическихъ раскопкахъ и пр. Въ связи съ этой статьей находится другая: «Миссіонерство въ тамбовскихъ предѣлахъ», такъ какъ оно развивалось одновременно съ колонизаціей, а иновѣрческій элементъ въ краѣ, населенномъ мордвою, татарами и другими инородцами, былъ очень силенъ. Въ концѣ XVII вѣка, духовенству прибавилась еще забота о борьбѣ съ расколомъ, твердо укрѣпившимся въ этихъ мѣстахъ. Непривлекательными красками рисуетъ авторъ нравы грубаго и сбороднаго населенія, въ которомъ и пастыри его не отличались кротостью и примѣрною жизнью. Слѣдующая статья: «Русскіе люди тамбовскаго края въ XVII столѣтіи» представляетъ портреты этихъ дѣятелей, дикія религіозныя вѣрованія, ходившія въ народѣ, вовсе лишеннымъ школъ; подробно излагаетъ содержа-

Digitized by Google

ніе рукописныхъ евангельскихъ апокрифовъ, народныхъ заговоровъ и преданій. Между послѣдними, особенно замѣчательна рукопись «Лусидоріосъ, или многоцѣнный бисеръ», дающая отвѣты на вопросы: сколько небесъ? что межъ землею и небомъ? како солнце безпрестанно течетъ? како сіе бываетъ еже земля зѣваетъ»? и пр. Не менѣе «Лусидоріосовъ» любопытны и народные лѣчебники, дающіе совѣты: «а коге укуситъ ужъ—добро класти на руку совій мозгъ; мухи аще изгнати изъ храмины хощеши—возьми воробія калу и окури храмину и избѣгнутъ; аще будеши ясти чеснокъ, то будешь имѣть голосъ крикливый и сладкій» (жидовскій говоръ дѣйствительно крикливъ, но далеко не сладокъ) и пр. Еще въ 1768 году Темниковская канцелярія посадила въ ручныя и ножныя кандалы колдунью Василису, показавшую послѣ пытокъ, что она хотѣла околдовать своего барина. Губернская канцелярія постановила—наказать ее плетьми, но приговоръ не могъ быть приведенъ въ исполненіе, потому что подсудимая удавилась. Послѣдняя глава заключаетъ въ себѣ сказанія о «тамбовскихъ кудеярахъ», то есть разбойникахъ, между которыми были и помѣщики, какъ Вышеславцевъ и Измайловъ. Подвиги ихъ отличались жестокостью, но и съ разбойниками, попавшимися въ руки правосудія, поступали не особенно гуманно. Такъ одному изъ нихъ, пойманному въ 1790-мъ году, по суду, «вырѣзали ноздри до костей».

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Бюджетъ на 1888 г., составленный новымъ министромъ финансовъ. — Двоякаго рода бюджеты: „откровенный“ и „утѣшительный“. — Общіе выводы изъ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на текущій 1888 годъ.—Взглядъ бывшаго министра финансовъ на вопросъ о введеніи новыхъ и повышеніи старыхъ налоговъ. — Чего ожидали отъ преемника г. Бунге? — Бѣглый взглядъ на отдѣльныя статьи государственной росписи на текущій годъ.—Необходимыя поправки къ росписи обыкновенныхъ доходовъ.—Посредствомъ какихъ мѣропріятій удалось г. Вышнеградскому свести бюджетъ на 1888 г. безъ дефицита?—Налогъ на человѣческую культуру.—„Ясные факты“, свидѣтельствующіе, по мнѣнію г. Вышнеградскаго, о замѣтномъ поворотѣ къ лучшему въ экономической жизни Россіи. — Наши замѣчанія по поводу этихъ фактовъ. — Нѣсколько словъ о расходахъ на текущій 1888 годъ.—Спасительная бережливость всѣхъ вѣдомствъ.

Государственный бюджетъ, на текущій годъ, сведенъ новымъ министромъ финансовъ *безъ дефицита*.

Итакъ, намъ пришлось бы, пожалуй, начать настоящее наше обозрѣніе сугубыми похвалами г. министру, еслибы, хоть въ этомъ

Digitized by Google

случаѣ, можно было обойтись безъ обычныхъ оговорокъ охлаждающаго свойства. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ людей, дорожащихъ благосостояніемъ своего отечества, могъ бы оставаться равнодушнымъ при вѣсти о такомъ знаменательномъ фактѣ, какъ сведеніе государственной росписи *безъ дефицита*, еслибы этотъ фактъ оказался результатомъ *не* ожидаемыхъ еще въ будущемъ различныхъ благъ отъ возвышенія прежнихъ налоговъ и установленія новыхъ, да отъ микроскопическихъ сокращеній нѣкоторыхъ расходовъ,—а дѣйствительно явился послѣдствіемъ полезныхъ комбинацій и цѣлесообразныхъ политико-экономическихъ мѣръ? Этотъ утѣшительный самъ по себѣ фактъ долженъ былъ бы особенно порадовать насъ именно теперь по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому что мы всѣ очень хорошо знаемъ по собственному опыту, что постигшій насъ экономическій кризисъ не только еще не миновалъ, но, наоборотъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше обостряется, и, во-вторыхъ, потому что въ послѣдніе годы управленія Н. Х. Бунге нѣкоторые публицисты своими постоянными разглагольствованіями пріучили многихъ думать, что *главный дефицитъ* финансовой политики г. Бунге заключался именно въ томъ, что онъ оказался безсильнымъ устранить изъ нашего государственнаго бюджета повторявшіеся въ немъ ежегодно дефициты. Нужды нѣтъ, что при этомъ совершенно забывались любопытные бюджеты покойнаго министра финансовъ Грейга, сводившаго государственныя росписи въ теченіе трехъ лѣтъ (съ 1878—до 1880 г. подъ рядъ), съ *двухмилліоннымъ излишкомъ*, послѣ того, какъ государственная роспись на 1877 г. была заключена съ дефицитомъ въ 21.000,000 руб.; вѣдь мы, вообще, скоро забываемъ и дурное, и хорошее. Но не будемъ, впрочемъ, забѣгать впередъ, а взглянемъ сначала въ роспись г. Вышнеградскаго на текущій годъ, въ сравненіи съ росписью на прошлый 1887 г., завѣщанной нынѣшнему министру финансовъ его предшественникомъ, въ моментъ трогательнаго прощанія съ министерскимъ портфелемъ.

Сопоставляя рядомъ эти двѣ росписи, которыя (замѣтимъ въ скобкахъ), безъ сомнѣнія, имѣютъ громадный *историческій* интересъ,—нельзя прежде всего не сознаться, что въ каждой изъ нихъ весьма наглядно отражается различное душевное настроеніе авторовъ той и другой.

Такъ, г. Бунге, будучи самъ въ мрачномъ настроеніи духа, старался приналечь на неутѣшительность нашего экономическаго положенія, меланхолически закончивъ свою рѣчь однимъ упованіемъ на естественныя богатства Россіи и крѣпость ея народнаго духа. Въ рѣчи же г. Вышнеградскаго, котораго, очевидно,

Digitized by Google

щекотала нѣкая пріятная надежда, слышится, наоборотъ, радостная нотка, побуждавшая его смотрѣть на всѣхъ и все какъ бы черезъ розовыя очки. Далѣе, въ рѣчи г. Бунге можно было отчасти подмѣтить нѣкоторый, вновь народившійся у него, разладъ съ самимъ собою, выразившійся въ обильномъ изліяніи самыхъ сокровенныхъ мыслей и въ сопоставленіи давно минувшихъ свѣтлыхъ академическихъ воспоминаній съ горькимъ опытомъ, вынесеннымъ изъ семилѣтней неустанной борьбы на финансовой аренѣ неприглядной дѣйствительности; — рѣчь же г. Вышнеградскаго, наоборотъ, дышетъ непоколебимою увѣренностью въ успѣхѣ.

Для того, чтобы читатели не могли упрекнуть насъ въ наклонности къ общимъ характеристикамъ, мы должны попросить ихъ послѣдовать за нами въ дебри цифирнаго лѣса, который изображаетъ собою подлежащія нашему разбору росписи, предварительно извиняясь передъ тѣми, кто весьма неохотно глотаетъ горькія пилюли, именуемыя „цифирью“. Итакъ, по росписи на прошлый 1887 г., завѣщанной бывшимъ министромъ финансовъ Н. Х. Бунге своему преемнику, обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ исчислено было 793.118,046 руб., а расходовъ—828.676,680 руб., такъ что въ итогѣ оказался дефицитъ въ 36.559,634 руб.; по росписи же на текущій 1888 годъ, обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ ожидается въ размѣрѣ 851.767,628 руб., а расходы исчислены только въ 851.242,423 руб., слѣдовательно, предвидится нѣкоторый излишекъ доходовъ противъ расходовъ въ 525,205 руб. Такимъ образомъ на первый взглядъ, всѣ выгоды окажутся на сторонѣ послѣдней росписи, такъ какъ въ ней сказывается прогрессъ не только въ смыслѣ сдѣланной нынѣшнею финансовой администраціею попытки къ установленію *абсолютнаго* равновѣсія между доходами и расходами, но и въ томъ, что она съумѣла изыскать столько новыхъ источниковъ доходовъ и въ такой пропорціи, что ими вполнѣ покрываются расходы, исчисленные на текущій 1888 годъ въ бо́льшемъ противъ прежняго размѣрѣ, и притомъ на весьма значительную сумму—21.565,743 рубля. Но, присматриваясь ближе къ отдѣльнымъ статьямъ упомянутой росписи, въ связи съ сопровождающей ее объяснительной запиской, невольно проникаешься мыслью, что во всемъ этомъ финансовомъ трактатѣ что-то остается недоговореннымъ. Объяснимся подробнѣе.

Читатели, вѣроятно, еще помнятъ, что Н. Х. Бунге, оставляя свой постъ, счелъ долгомъ заявить, что исчисленный на 1887 годъ дефицитъ по росписи обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ въ $36^1/_2$ мил. руб. покрывается вполнѣ наличными ресурсами“,

Digitized by Google

что „дефицитъ этотъ не устраненъ изъ росписи, вслѣдствіе продолжающагося хозяйственнаго кризиса и неизбѣжнаго при этомъ уменьшенія доходовъ какъ частныхъ, такъ и государственныхъ", и, наконецъ, что „*уравновѣшеніе доходовъ и расходовъ, посредствомъ возвышенія прежнихъ или установленія новыхъ налоговъ было бы несвоевременнымъ*". Коснувшись затѣмъ вопросовъ о введеніи у насъ винной и табачной монополій и о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ казною (т. е. о мѣропріятіяхъ, осуществленіе которыхъ молва приписывала тогда г. Вышнеградскому, котораго уже прочили въ преемники г. Бунге), бывшій министръ финансовъ еще рельефнѣе оттѣнилъ высказанную имъ мысль о несвоевременности установленія новыхъ налоговъ *вообще* (хотя г. Бунге говорилъ лишь о крупныхъ налогахъ) справедливымъ замѣчаніемъ, *что, при наступленіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ и нѣкоторомъ ослабленіи сельскохозяйственнаго кризиса, наступитъ снова естественный ростъ государственныхъ доходовъ*". Къ этому слѣдовало бы прибавить еще, что, наоборотъ, при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ и при усиливающемся изо дня въ день кризисѣ—не только въ области сельскаго хозяйства, но и въ другихъ отрасляхъ народной дѣятельности, не исключая торговли и промышленности,—установленіе новыхъ налоговъ или увеличеніе прежнихъ не только безполезны съ точки зрѣнія фискальной, но и положительно вредны для общегосударственныхъ интересовъ. Оно безполезно потому, что съ установленіемъ новыхъ или возвышеніемъ прежнихъ налоговъ, увеличиваются также и расходы по ихъ взиманію, между тѣмъ какъ, при неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ страны, шансы на правильное поступленіе этихъ налоговъ весьма сомнительны, такъ что въ результатѣ, вслѣдствіе вновь установленнаго или возвышеннаго противъ прежняго размѣра налога, можетъ прибавиться въ государственномъ бюджетѣ лишній минусъ, вмѣсто ожидавшагося плюса. Но затѣмъ мѣропріятіе, о которомъ идетъ рѣчь, положительно вредно съ общегосударственной точки зрѣнія, такъ какъ государство, какъ органическое цѣлое, долженствующее заботиться не только о настоящемъ, но и о будущемъ, не можетъ выбирать у своихъ гражданъ всѣ средства на удовлетвореніе минутныхъ потребностей, не обращая никакого вниманія на пагубныя послѣдствія такого образа дѣйствій и на благосостояніе народа въ будущемъ. Эти соображенія вполнѣ подтверждаются и фактическими данными, недавно опубликованными однимъ изъ компетентныхъ государственныхъ учрежденіи. Мы говоримъ объ отчетѣ государственнаго контроля за 1886 годъ. Какъ видно изъ этого отчета, въ періодъ времени

Digitized by Google

съ 1877 по 1882 г., государственные доходы увеличились быстро и возрасли съ 548.830,831 руб. до 706.048,321 руб., т. е. на 157.217,498 руб., между тѣмъ какъ въ послѣдующее пятилѣтіе *ростъ ихъ почти остановился*, такъ что общая сумма съ 1882 г. по 1886 г. увеличилась лишь на 15.709,455 р. т. е. на $2^1/_{10}$%, не смотря на то, что въ этотъ промежутокъ времени послѣдовало какъ введеніе новыхъ налоговъ (съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, съ денежныхъ капиталовъ, съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій), давшихъ въ 1886 году $18^1/_2$ мил. руб., такъ и повышеніе размѣра многихъ налоговъ, прежде существовавшихъ, а равно усиленіе надзора и улучшеніе способовъ взиманія, что̀ должно было содѣйствовать бо̀льшей производительности существующихъ сборовъ. По этому поводу, г. Головачевъ справедливо замѣчаетъ, что сокращеніе доходовъ, при возвышеніи нормы обложенія прежнихъ и установленіи новыхъ налоговъ, „указываетъ на то обстоятельство, что платежныя силы народа напряжены до крайности". Недаромъ,—прибавимъ мы,—общественное мнѣніе, такъ радушно встрѣтившее осенью 1880 г. вѣсть о назначеніи г. Бунге на постъ товарища министра финансовъ, впослѣдствіи совершенно разочаровалось въ его практической дѣятельности въ качествѣ министра финансовъ и такъ охладѣло къ нему, что почти индифирентно относилось къ постоянно повторявшимся слухамъ, что онъ оставляетъ свой постъ, хотя при г. Бунге послѣдовала отмѣна подушной подати, непопулярнаго налога на соль, а также замѣна оброчной подати выкупными платежами. Но, съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы общество относилось равнодушно къ вопросу, кто, за уходомъ г. Бунге, займетъ его мѣсто, потому что отъ будущаго министра финансовъ оно во всякомъ случаѣ ожидало, что онъ избавитъ насъ, наконецъ, отъ разорительной системы все новыхъ и новыхъ обложеній. Преемникомъ г. Бунге оказался нынѣшній министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій. Мы уже упомянули выше о тѣхъ мѣропріятіяхъ, замыселъ которыхъ приписывался, по слухамъ, новому управителю нашихъ финансовъ, въ видахъ улучшенія нашего государственнаго бюджета, такъ сильно упавшаго въ предшествовавшее пятилѣтіе. Посмотримъ теперь, къ какимъ результатамъ пришла нынѣшняя финансовая администрація въ сказанномъ направленіи.

Заглядывая въ роспись доходовъ и расходовъ на текущій годъ, мы видимъ, что приращеніе обыкновенныхъ доходовъ ожидается: 1) по лѣсному и поземельному налогамъ на 2.948,156 р., вслѣдствіе *возвышенія государственнаго и поземельнаго налога* въ

Digitized by Google

22 губерніяхъ Европейской Россіи, *установленія временнаго налога* съ мусульманскаго населенія Закавказья, Терской и Кубанской областей, и частью *отъ увеличенія ожидаемыхъ поступленій* по *кибиточному сбору*; 2) по налогу за право торговли на 2.558,000 руб. вслѣдствіе *предположеннаго увеличенія раскладочнаго сбора* на трехлѣтіе 1888—1890 г., и *вновь установленнаго сбора* съ торговыхъ свидѣтельствъ, выбираемыхъ акціонерными обществами, и съ промысловыхъ документовъ; 3) по пятипроцентному сбору съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ на 586,000 р., по количеству вновь выпущенныхъ въ обращеніе процентныхъ бумагъ; 4) по питейному доходу на 15.686,700 руб., отъ *увеличенія акциза на 25 коп. съ ведра безводнаго спирта* и въ виду продолжающагося повышенія питейнаго дохода въ текущемъ году, *въ связи съ распространеніемъ на Закаспійскую область дѣйствія устава о питейномъ сборѣ* и *съ послѣдовавшими измѣненіями въ правилахъ о винокуреніи* во внутреннихъ губерніяхъ и на Кавказѣ и *о выдачѣ премій* за вывозимый за границу спиртъ; 5) по табачному доходу на 7.047,000 руб. вслѣдствіе *возвышенія размѣра акциза* съ табаку; 6) по таможенному доходу на 8.859,000 руб., вслѣдствіе переложенія металлической валюты въ кредитную по 1 руб. 80 коп., вмѣсто 1 руб. 67 коп. (каковой курсъ фигурировалъ въ прошлогодней росписи г. Бунге); 7) по гербовымъ пошлинамъ—на 3.280,000 руб., вслѣдствіе *увеличенія размѣра гербоваго сбора и цѣнъ актовой бумаги, а также обложенія* гербовымъ сборомъ *нѣкоторыхъ документовъ, прежде не подлежавшихъ обложенію*; 8) съ имуществъ, переходящихъ безмезднымъ способомъ, на 300,000 руб., вслѣдствіе изданныхъ въ прошломъ году министерствомъ финансовъ *новыхъ правилъ* оцѣнки этихъ имуществъ; 9) по пошлинамъ разныхъ наименованій—на 1.263,329 руб., главнымъ образомъ, отъ установленія сборовъ на содержаніе гминныхъ судовъ въ губерніяхъ варшавскаго судебнаго округа (878,787 руб.) и отъ *новаго обложенія* особымъ сборомъ *спеціальныхъ текущихъ счетовъ* (220,000 руб.); 10) по горнымъ податямъ на 766,034 руб., отъ *возвышенія ожидаемаго* поступленія съ золота и серебра, по случаю *предстоящаго обложенія мелкихъ пріисковъ*, пользующихся нынѣ льготою отъ платежа подати, и, частію, вслѣдствіе *предполагаемаго распространенія подати* съ *чугуна* на чугуноплавильные заводы Царства Польскаго; 11) по почтовому доходу на 243,500 руб., въ виду постепеннаго возрастанія его; 12) по доходу съ отдѣльныхъ оброчныхъ статей на 240,549 руб., частью отъ переоброчки статей, частью же отъ обращенія въ казну доходовъ съ еврейскихъ колоній; 13) по доходу отъ желѣзныхъ дорогъ на 6.092,444 руб.,

Digitized by Google

вслѣдствіе открытія новыхъ казенныхъ и перехода въ казну частныхъ желѣзныхъ дорогъ, а также вслѣдствіе увеличенія доходности харьково-николаевской, екатерининской и полѣсскихъ дорогъ; 14) по выкупнымъ платежамъ съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ—на 395,876 руб., *преимущественно отъ обложенія* по нѣкоторымъ губерніямъ *мѣсныхъ и дополнительныхъ надѣловъ*; 15) по возврату ссудъ и другихъ расходовъ, отпущенныхъ изъ казны заимообразно,—на 1.265,256 руб., преимущественно вслѣдствіе ожидаемаго возмѣщенія казнѣ премій на вывезенный за границу сахаръ; 16) по пособіямъ государственному казначейству *изъ городскихъ доходовъ* и другихъ источниковъ—на 643,392 руб.; 17) по доходамъ разнаго рода—*преимущественно по статьѣ недоимокъ прежняго времени въ отмѣненныхъ подушной и оброчной податяхъ*,—на 4.828,912 руб.; 18) по различнымъ сборамъ (съ паспортовъ—2,000 р., застрахованныхъ имуществъ—66,000 р., съ чиновниковъ, при увеличеніи имъ содержанія и пр. и, наконецъ, 19) отъ двухъ вновь установленныхъ налоговъ, а именно: на *нефть*—въ суммѣ 5.000,000 руб. и на *спички*—въ суммѣ 1.000,000 руб.

Кромѣ того, въ роспись обыкновенныхъ доходовъ на нынѣшній годъ включено еще *единовременное крупное поступленіе въ 14.930,078 руб.* (*вмѣсто круглой цифры* въ 15 м.), ожидаемое отъ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе высочайше утвержденнаго соглашенія съ этимъ обществомъ, по эксплуатаціи николаевской желѣзной дороги.

Для того, чтобы точнѣе выяснить внутренній смыслъ приведенныхъ цифръ, необходимо замѣтить, что по соображеніямъ, на которыя мы сейчасъ укажемъ, нѣкоторыя изъ перечисленныхъ выше 19-ти статей, которыя, по разсчетамъ министерства, должны дать увеличеніе доходовъ противъ прошлаго года, вовсе не могутъ быть приняты во вниманіе при оцѣнкѣ обозрѣваемой росписи доходовъ и расходовъ на нынѣшній годъ. Такъ, *ожидаемому* приращенію таможеннаго дохода на 8.859,000 руб., по причинѣ переложенія металлической валюты въ кредитную по курсу 1 р. 80 коп. кред. за металлическій рубль, вмѣсто фигурировавшаго въ прошлогодней росписи курса 1 р. 67 коп. кред., соотвѣтствуетъ *положительное* увеличеніе исчисленныхъ на нынѣшній годъ *по той же причинѣ* расходовъ еще на бо̀льшую сумму—въ 9.713 т. руб. (на уплату $^0/_0$ по государственнымъ и гарантированнымъ займамъ —9.506 т. руб., да по министерству иностранныхъ дѣлъ 207 т. руб.), т. е. съ *дефицитомъ* въ 854 т. руб. Далѣе, изъ *ожидаемаго* увеличенія дохода отъ желѣзныхъ дорогъ въ 6.092,444 руб., по причинѣ открытія новыхъ казенныхъ и перехода въ казну част-

Digitized by Google

ныхъ желѣзныхъ дорогъ, необходимо вычесть положительно увеличившійся въ нынѣшнемъ году по той же причинѣ расходъ по желѣзнымъ дорогамъ на сумму 3.358,042 р. (по министерству путей сообщенія и по государственному контролю), такъ что дѣйствительный приростъ доходовъ отъ желѣзныхъ дорогъ (если, конечно, надежды министерства финансовъ дѣйствительно оправдаются) слѣдуетъ считать никакъ не свыше 2.734,402 руб. Затѣмъ, изъ дохода въ 878,787 руб., ожидаемыхъ въ нынѣшнемъ году отъ вновь установленныхъ сборовъ на содержаніе гминныхъ судовъ въ губерніяхъ варшавскаго судебнаго округа, необходимо вычесть сумму въ 825,205 руб., ассигнованную на этотъ предметъ по расходной смѣтѣ, такъ что въ итогѣ остается излишекъ только въ 53,582 руб. Далѣе, изъ росписи *обыкновенныхъ доходовъ* *) на нынѣшній годъ слѣдуетъ исключить львиную долю (въ 1.265 т. руб.) дохода, ожидаемаго *преимущественно* отъ возмѣщенія казнѣ премій за вывезенный за границу сахаръ, такъ какъ этотъ доходъ отнюдь не можетъ быть отнесенъ къ категоріи обыкновенныхъ смѣтныхъ доходовъ государственнаго бюджета. Наконецъ, изъ росписи доходовъ на текущій годъ, само собою разумѣется, долженъ быть исключенъ *единовременный* взносъ главнаго общества рос. жел. дор., составляющій кругленькую цифру въ 15.000,000 руб. Такимъ образомъ, за указанными поправками, весь приростъ, ожидаемый по росписи доходовъ на нынѣшній годъ, составитъ въ общей сложности 48.695,636 руб., а за вычетомъ изъ этой цифры вышеуказаннаго дефицита обозрѣваемой росписи (въ 854,000 руб.), вслѣдствіе понизившагося съ 1886 г. курса кредитнаго рубля, весь приростъ доходовъ, ожидаемыхъ къ поступленію въ нынѣшнемъ году, выразится въ суммѣ 47.831,636 руб. по 17-ти статьямъ смѣтныхъ доходовъ.

Изъ этихъ 17-ти статей *одна*, которая, по разсчетамъ министерства финансовъ, должна дать казнѣ крупную цифру въ 6.000,000 руб., или слишкомъ $12,_5\%$ всего ожидаемаго въ текущемъ году прироста государственныхъ доходовъ,—представляетъ собою *два новыхъ налога на керосинъ и зажигательныя спички*,—а *девять*, по которымъ министерствомъ финансовъ въ общей сложности исчислено увеличеніе доходовъ въ суммѣ 33.255,348 руб., или 69% *всего* прироста, обнимаютъ собою разные налоги и сборы, по которымъ ожидается увеличеніе доходности, подчасъ весьма зна-

*) Подъ „обыкновенными доходами“, какъ извѣстно, подразумѣваются такіе доходы, поступленіе которыхъ изъ году въ годъ съ извѣстными колебаніями обезпечено и на будущее время.

Digitized by Google

чительное, *не* вслѣдствіе ихъ естественнаго прироста, а въ виду продѣланной надъ ними въ прошломъ году простой механики, выразившейся въ *огульномъ возвышеніи* ихъ противъ прежняго размѣра. Къ этой же послѣдней категоріи доходныхъ по росписи статей, по характеру *присвоенной* имъ интенсивности, весьма близко подходятъ еще *двѣ* другія статьи, которыя, по вычисленію министерства финансовъ, должны дать въ нынѣшнемъ году бо́льшій противъ прежняго доходъ на 5.472,304 руб., или 11% *всего* ожидаемаго прироста, а именно: по пособіямъ государственному казначейству (643,392 руб.) изъ *городскихъ* доходовъ, и по взысканіямъ *недоимокъ въ податяхъ* прежняго времени (4.828,912 руб.). Засимъ, на долю доходовъ, увеличеніе которыхъ въ нынѣшнемъ году является до извѣстной степени послѣдствіемъ ихъ *естества*, если можно такъ выразиться, а *не* искусственнаго возвышенія размѣра взиманія ихъ, придется только 5 статей, составляющихъ въ общей сложности весьма незначительную сумму въ 3.967,984 руб., или около 8% *всего* ожидаемаго въ нынѣшнемъ году, по росписи, прироста государственныхъ доходовъ.

Мы не будемъ теперь распространяться о томъ, что возвышеніе размѣра многихъ существующихъ налоговъ представляется ненормальнымъ, просто потому, что у насъ нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ о производительности тѣхъ или другихъ источниковъ государственнаго дохода. Такъ, напримѣръ, едва ли можно одобрить произвольное возвышеніе поземельнаго налога, безъ надлежащей оцѣнки платежныхъ силъ на мѣстѣ, при помощи подробнаго финансоваго измѣренія земли (извѣстнаго подъ именемъ кадастра), такъ какъ безъ этого немыслимо пропорціональное обложеніе плательщиковъ, особенно если принять во вниманіе общеизвѣстный фактъ, что продолжающійся у насъ сельско-хозяйственный кризисъ не только не миновалъ, но въ послѣднее время еще болѣе обострился *). Недаромъ, въ истекшемъ 1887 году, не смотря на вполнѣ удовлетворительный урожай, результаты хозяйствованія, вслѣдствіе давно небывалыхъ пониженій на произведенія земли,—преимущественно на хлѣбъ,—оказались далеко неудовлетворительными, а мѣстами даже не покрывали расходовъ по производству.

Мы не станемъ также подробно говорить здѣсь о томъ, что

*) Фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, признаётся и самимъ правительствомъ. Еще на дняхъ газета „Нов. Вр.“ сообщила, что при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образовывается комисія подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, т. с. В. К. Плеве, для обсужденія мѣръ

Digitized by Google

другіе изъ существующихъ у насъ налоговъ давно уже достигли своего апогея, и потому, не смотря на возвышеніе ихъ размѣра, поступленія по нимъ начинаютъ понижаться. Такъ напр., въ той же обозрѣваемой нами росписи на текущій 1888 годъ значится, что *уменьшеніе* обыкновенныхъ доходовъ оказывается, между прочимъ, и по крѣпостнымъ, судебнымъ и канцелярскимъ пошлинамъ—на 160 т. руб. *соотвѣтственно поступленію ихъ въ 1886 году.* Тѣмъ не менѣе, это обстоятельство, прямо указывающее на то, что упомянутыя пошлины настолько стѣснительны для населенія, что оно даже отказывается отъ обращенія къ судебной защитѣ,—ничуть не помѣшало министерству финансовъ значительно возвысить въ прошломъ году размѣръ гербоваго сбора и, не стѣсняясь, заявить, что, вслѣдствіе этого, оно ожидаетъ въ нынѣшнемъ году увеличенія доходовъ по гербовымъ пошлинамъ на цѣлыхъ 3.280,000 руб., или на 7% всего ожидаемаго въ настоящемъ году прироста государственныхъ доходовъ противъ прошлаго года. Нужды нѣтъ также указывать и на то, что, увеличивая съ одной стороны размѣръ поземельнаго и лѣснаго налоговъ или торгово-промышленныхъ сборовъ; съ другой—выдавая землевладѣльцамъ разныхъ наименованій дешевыя ссуды (изъ дворянскаго, крестьянскаго и государственнаго банковъ), а „купецкимъ людямъ“ и „промышленникамъ“ дѣлая всякія поблажки, въ видѣ установленія запретительнаго тарифа на разные товары и издѣлія,—каковыя поблажки, по собственнымъ словамъ г. министра финансовъ, должны отразиться невыгодно на таможенномъ доходѣ,—наша финансовая администрація впадаетъ въ явное противорѣчіе съ самой собою. Наконецъ, мы только вскользь упомянемъ о томъ, что новый налогъ на керосинъ и зажигательныя спички является, по нашему глубокому убѣжденію, ничѣмъ инымъ, какъ налогомъ на *человѣческую культуру,* такъ какъ, при всѣмъ извѣстной наклонности нашего финансоваго вѣдомства постепенно возвышать размѣръ акциза и не менѣе извѣстной всѣмъ и каждому наклонности нашего купечества попутно воспользоваться всякимъ возвышеніемъ налога для надбавки еще лишней копѣйки *) *въ свой собственный карманъ,*—нашимъ бѣднымъ крестьянамъ, въ концѣ концовъ придется вернуться къ допотопной лучинѣ и тому подобнымъ способамъ освѣщенія.—Но мы

къ облегченію труднаго положенія русскаго землевладѣнія въ связи съ поднятіемъ цѣнъ на хлѣбныя произведенія. Та же газета недавно передавала, что крестьянскій поземельный банкъ сильно озабоченъ разрѣшеніемъ вопроса объ изысканіи способовъ къ понужденію заемщиковъ уплатить накопившіяся на нихъ недоимки въ платежѣ процентовъ.

Digitized by Google

не можемъ не остановиться подробнѣе на тѣхъ фактахъ, которые указаны въ объяснительной запискѣ къ обозрѣваемой росписи г. Вышнеградскаго, какъ несомнѣнные признаки общаго поворота къ лучшему въ экономической жизни Россіи. Не исчисляя всей совокупности ясныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ улучшеніи экономическаго состоянія Россіи въ истекшемъ 1887 году, г. министръ финансовъ указываетъ на *главнѣйшіе* и *наиболѣе общіе* между ними. Сюда прежде всего относится, по словамъ г. Вышнеградскаго, „прогрессивное накопленіе вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ, Такъ, въ 1883 году вклады эти увеличились на $2,_8$ мил. въ 1884 г. на $3,_8$ мил., въ 1885 году на $8,_3$ мил., въ 1886 году на $17,_3$ мил.; а въ теченіе 1887 года возрастаніе опредѣляется двумя милліонами въ мѣсяцъ и составляетъ въ теченіе 10 мѣсяцевъ сумму въ $19,_6$ мил.“ Такимъ образомъ, по словамъ нынѣшняго министра финансовъ, выходитъ, что классъ малоимущихъ у насъ въ послѣднее время дѣлается не только болѣе зажиточныхъ, но и болѣе разсчетливымъ въ распоряженіи своими скудными заработками, унося нѣкоторую долю послѣднихъ не въ кабакъ, какъ это бывало прежде, а въ сберегательныя кассы государственнаго банка. Теперь мы будемъ знать, что русская пословица: „береги денежку на черный день“—не пустой звукъ въ народной молвѣ, а сущая истина. Мало того, какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, благосостояніе массы населенія шло crescendo не только въ смыслѣ абсолютнаго возрастанія народныхъ сбереженій за *весь* указанный г. Вышнеградскимъ періодъ времени (съ 1883 по 1887 г. включительно), но и въ смыслѣ прогрессированія этихъ сбереженій въ геометрической пропорціи по годамъ. Такъ, въ 1885 году сбереженія увеличились *болѣе чѣмъ вдвое*, сравнительно съ 1884 годомъ, въ 1886 году—*опять почти вдвое больше* сравнительно съ цифрой сбереженій 1885 года. Особенно любопытно сравнительно-гигантское возрастаніе народныхъ сбереженій въ послѣдніе два года, потому именно, что какъ разъ въ этотъ періодъ времени народъ, по случаю неурожаевъ, падежа скота и другихъ экономическихъ невзгодъ—положительно бѣдствовалъ, а по временамъ даже просто умиралъ съ голоду. Но дѣлать нечего: противъ „цифръ“ напрасно спорить. Недаромъ нѣмецкій педантъ Гёте давно уже высказалъ, какъ аксіому, что Zahlen zeigen wie die Welt regiert wird (числа показываютъ, какъ свѣтъ управляется).

---

*) Еще до 15 января текущаго года, т. е. до вступленія въ силу закона объ акцизѣ на керосинъ, послѣдній уже вздорожалъ у насъ на $1^1/_2$ коп., а послѣ означеннаго числа—ровно *вдвое*.

Digitized by Google

Тѣмъ не менѣе, именно въ послѣдніе годы со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества постоянно раздавались жалобы на застой въ торговлѣ и промышленности, на критическое положеніе землевладѣльцевъ, бѣдноту крестьянъ-хлѣбопашцевъ и т. д. Это, надо полагать, происходитъ не оттого, что мы всѣ вѣчно чѣмъ-то недовольны и любимъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, плакаться на свою судьбу, преувеличивая значеніе своихъ невзгодъ и преумаляя свои удачи. Вотъ нѣкоторыя *цифры* архіофиціальнаго характера (какъ видите, любезный читатель, тоже „цифры", а не голыя слова), которыя невольно заставляютъ насъ нѣсколько призадуматься надъ оптимистическимъ взглядомъ нынѣшняго министра финансовъ. Изъ отчета государственнаго контроля за 1886 годъ видно, что общее количество недоимокъ къ началу отчетнаго года возросло до 60.871,711 руб.; изъ нихъ въ этомъ году погашено 2.937,064, а также накопилось вновь 10.038,490 руб., такъ что, при заключеніи счетовъ, осталось недоимки 67.973,137 руб., въ томъ числѣ: *по податямъ 45.641,445 руб.*; съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—20.384,591 руб., съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ западныхъ губерній по люстраціоннымъ актамъ—238,534 руб., съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ на особомъ основаніи 22,370 руб., съ удѣльныхъ крестьянъ 1.407,256 руб., и по воссоединенной части Бессарабіи 278,929 руб. Такимъ образомъ, оказывается, что самое больное мѣсто въ нашемъ государственномъ бюджетѣ за 1886 г. занимаютъ недоимки въ податяхъ. То же явленіе повторяется въ бюджетѣ истекшаго 1887 года. Изъ опубликованныхъ на дняхъ въ „Вѣстникѣ финансовъ" свѣдѣній о доходахъ, поступившихъ въ теченіе первыхъ десяти мѣсяцевъ этого года, также видно, что главнѣйшее уменьшеніе ихъ противъ 1886 года оказалось опять таки по податямъ, а именно: на цѣлыхъ 20.223,174 руб. Спрашивается, возможно ли допустить, чтобы, при возрастающемъ благосостояніи народныхъ массъ недоимки въ податяхъ не только не уменьшались, а, наоборотъ, увеличивались, да притомъ въ такой громадной пропорціи?! Это еще менѣе вѣроятно при тѣхъ „гуманныхъ" способахъ взысканія податей, которые, какъ всѣмъ извѣстно, издавна практикуются у насъ на Руси.

Обратимся ко второму факту, который, по словамъ нынѣшняго министра финансовъ, свидѣтельствуетъ объ улучшеніи экономическаго состоянія Россіи въ истекшемъ 1887 году. „Сбереженія болѣе достаточныхъ классовъ,—говорится въ объяснительной запискѣ г. Вышнеградскаго—высказались, между прочимъ, увеличеніемъ вкладовъ на храненіе въ государственномъ и другихъ банкахъ. Вклады эти съ 1.771 мил. руб., бывшихъ къ 1-му ноября 1886 года, возросли въ теченіе года до 1.825 мил. руб.", т. е. на 54 мил. руб. Сравнивая эту послѣднюю справку (относительно вкладовъ на храненіе въ государственномъ и другихъ банкахъ) съ предъидущей (о вкладахъ въ сберегательныхъ кассахъ) невольно замѣтишь маленькій пробѣлъ въ *первой* изъ нихъ. А именно: въ справкѣ о вкладахъ въ сберегательныхъ кассахъ, въ объяснительной запискѣ

Digitized by Google

г. министра финансовъ, выведены данныя за *нѣсколько* лѣтъ (съ 1883 по 1887 г.г.), между тѣмъ какъ въ справкѣ о вкладахъ на храненіе въ государственномъ и другихъ банкахъ „случайно" приведены данныя за *одинъ* только годъ, т. е. съ 1 ноября 1886-го по 1 ноября 1887 года. Поэтому мы считаемъ нужнымъ пополнить отчасти этотъ „случайный" пробѣлъ. Говоримъ „отчасти", потому что, за неимѣніемъ данныхъ о количествѣ вкладовъ на храненіе въ частныхъ банкахъ, мы принуждены ограничиться таковыми данными только относительно государственнаго банка. Какъ видно изъ публикуемыхъ во всеобщее свѣдѣніе балансовъ государственнаго банка, въ немъ числилось упомянутыхъ вкладовъ:

Къ началу.	Золото и серебро.	Цѣнныя бумаги и документы.	Итого
1883 г.	на 2.418,654 р.	на 896.806,159 р.	899.224,813 р.
1884 »	» 2.595,691 »	» 1.012.075,202 »	1.014.670,893 »
1885 »	» 2.689,456 »	» 1.006.118,916 »	1.008.808,472 »
1886 »	» 2.594,364 »	» 1.043.491,693 »	1.046.086,057 »
1887 »	» 2.481,188 »	» 1.115.110,222 »	1.117.591,410 »

Эта табличка показываетъ, что вклады, о которыхъ идетъ рѣчь, также увеличивались почти съ каждымъ годомъ (за исключеніемъ лишь 1884 г., когда они уменьшились на 5 мил. слишкомъ), а именно: въ 1885 году, сравнительно съ 1884 г., на 37 мил. руб. слишкомъ и, наконецъ, въ 1886 году, сравнительно съ 1885 г., опять на цѣлыхъ 71,5 мил. руб. Такимъ образомъ, если, по примѣру И. А. Вышнеградскаго, принять возрастаніе количества вкладовъ на храненіе въ государственномъ банкѣ за несомнѣнный признакъ общаго поворота къ лучшему въ экономической жизни Россіи, то придется констатировать, что этотъ поворотъ длится уже, по меньшей мѣрѣ, съ начала 1885 года. Мало того. Если допустить, что гипотеза нынѣшняго министра финансовъ основательна, то изъ приведенной нами таблички придется сдѣлать еще болѣе сильный выводъ, а именно: что поворотъ къ лучшему въ экономической жизни Россіи выразился въ 1886 году еще рельефнѣе, чѣмъ въ 1887-омъ, ибо въ теченіе этого года вклады на храненіе въ *одномъ* только государственномъ банкѣ увеличились на цѣлыхъ 71,5 мил. руб., между тѣмъ какъ въ 1887 году эти вклады, какъ въ государственномъ, такъ и въ *другихъ* банкахъ, увеличились только на 54 мил. руб. Но это едва ли признаетъ даже самый отъявленный оптимистъ. Здѣсь не мѣсто останавливаться подробно на всѣхъ явленіяхъ, вызывающихъ накопленіе въ банкахъ вкладовъ на храненіе, но не можемъ не упомянуть о нѣкоторыхъ изъ этихъ явленій, какъ напр., застой въ торговлѣ и промышленности, домовладѣльческій и земельный кризисъ и т. под., которыя заставляютъ людей благоразумныхъ воздерживаться отъ дѣлъ, предпочитая пользоваться солидными (по европейской мѣркѣ) процентами отъ бумагъ, отдаваемыхъ на храненіе въ государственный и другіе банки. Въ самомъ дѣлѣ, не станетъ же человѣкъ съ разсчетомъ затрачивать свой капиталъ на какое либо торговое или промышленное пред-

Digitized by Google

пріятіе, или на покупку имѣнія, или на постройку дома и проч., будучи заранѣе увѣренъ, что не только его труды пропадутъ совершенно даромъ, но что онъ, пожалуй, еще потеряетъ въ наилучшемъ случаѣ и проценты на затраченный капиталъ, а то и часть его, между тѣмъ какъ онъ имѣетъ возможность, ничего не дѣлая, получать хорошій доходъ отъ процентныхъ бумагъ—благо, онѣ у насъ всегда въ изобиліи. Въ частности намъ кажется, что фактъ возрастанія вкладовъ на храненіе именно въ истекшемъ 1887 году объясняется другимъ явленіемъ, на которое г. Вышнеградскій указываетъ въ другомъ мѣстѣ своей объяснительной записки и самъ признаётъ его „*безъ сомнѣнія, прискорбнымъ*“. Явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, заключается вотъ въ чемъ. Въ прошломъ году, какъ извѣстно, къ намъ возвращались изъ-за границы массы нашихъ фондовъ, такъ что они, присоединившись къ привозу товаровъ изъ-за границы, дали въ общемъ цѣнность, превосходящую нашъ отпускъ, не смотря на то, что торговый балансъ нашъ на 1 декабря прошлаго года далъ разницу въ нашу пользу на цѣлыхъ 205 мил. рублей. Спрашивается, куда же дѣвались эти вновь привезенные къ намъ фонды? Не надобно, конечно, особенной прозорливости, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ прямымъ указаніемъ на возросшее количество вкладовъ на храненіе въ государственномъ и другихъ банкахъ, ибо, какъ извѣстно, съ исчезновеніемъ значительнаго контингента заграничныхъ покупателей нашихъ бумагъ, цѣны ихъ сильно упали и на внутреннихъ рынкахъ, такъ что продавцамъ волей-неволей пришлось придержать ихъ до слѣдующаго повышенія, а для покрытія своихъ срочныхъ обязательствъ—нести имѣющіяся въ рукахъ бумаги къ банкирамъ. Эти же послѣдніе, въ свою очередь, снесли ихъ въ разные банки отчасти въ закладъ, отчасти, какъ это обыкновенно бываетъ, въ видѣ вкладовъ на храненіе, которыми обезпечиваются спеціальные текущіе счеты.

Тѣмъ же явленіемъ (т. е. обратнымъ перемѣщеніемъ значительной массы нашихъ фондовъ изъ-за границы въ Россію) объясняется, какъ намъ кажется, и другой фактъ, который, по заявленію нынѣшняго министра финансовъ, служитъ несомнѣннымъ признакомъ общаго поворота къ лучшему въ экономической жизни Россіи, а именно: обнаружившееся въ прошломъ году возрастаніе потребности въ мѣновыхъ знакахъ, въ свою очередь указывающее будто бы на усиленіе торговыхъ оборотовъ. Дѣйствительно, къ 1-му ноября прошлаго 1887 года мѣновыхъ знаковъ осталось въ кассахъ государственнаго и другихъ банковъ 78 мил. руб., вмѣсто 115 мил. руб., бывшихъ къ 1-му ноября предшествовавшаго 1886 ода, т. е. въ 1887 году на 37 мил. руб. *меньше*, чѣмъ въ 1886 году. Но одновременно съ этимъ, какъ оказывается, *возрасли* и учетная и *ссудная* операціи на 53 мил. руб., а именно съ 526 мил. руб., бывшихъ къ 1 ноября 1886 г., до 579 мил. руб. къ 1 ноября 1887 года. Что же означаютъ эти два факта, рядомъ сопоставленные? А то, по нашему крайнему разумѣнію, что значительная часть убыли мѣновыхъ знаковъ въ 1887 году противъ предъидущаго пошла на возрастаніе *ссудной* операціи, т. е., дру-

Digitized by Google

гими словами, была выдана въ ссуду подъ залогъ излишка процентныхъ бумагъ, возвращенныхъ къ намъ въ прошломъ году изъ-за границы. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ предположить на основаніи общихъ началъ политико-экономической науки. Но у г. министра финансовъ есть еще другіе „ясные“ факты, свидѣтельствующіе о поворотѣ къ лучшему въ экономической жизни Россіи. Сюда относится, главнымъ образомъ, обнаружившееся въ прошломъ году оживленіе въ области торговли. Въ чемъ же, однако, нынѣшній министръ финансовъ видитъ это оживленіе? „Вмѣстѣ съ накопленіемъ сбереженій,—говорится въ его объяснительной запискѣ къ росписи:—явилось также и удовлетвореніе текущихъ потребностей населенія въ бо̀льшей степени, нежели это было въ послѣдніе годы. Прямымъ указателемъ, въ семъ отношеніи, въ Россіи—всегда служитъ ходъ нижегородской ярмарки. Давно уже не торговали у Макарья такъ бойко, какъ въ нынѣшнемъ (т. е. 1887) году, *при значительно повышенныхъ противъ прежнихъ лѣтъ цѣнахъ*, доставившихъ производителямъ, особенно мануфактурныхъ и *металлическихъ* издѣлій, весьма удовлетворительную прибыль“.—По прочтеніи этихъ строкъ, невольно какъ-то хочется спросить: съ какихъ это поръ ходъ нижегородской ярмарки служитъ барометромъ экономическаго благополучія всего нашего обширнаго отечества?

Мы понимаемъ, что „бойкая торговля у Макарья“ сулитъ множество благъ въ будущемъ разнымъ нашимъ торговцамъ, которые въ прошломъ году, по свидѣтельству г. Вышнеградскаго, дѣйствительно торговали въ Нижнемъ на славу, продавъ свои товары по цѣнамъ, *значительно возвышеннымъ* противъ прежнихъ лѣтъ; но много ли выиграла отъ „удовлетворительныхъ“ барышей, доставшихся производителямъ, особенно мануфактурныхъ и *металлическихъ* издѣлій, *вся* Россія,—это еще большой вопросъ. Кто же не знаетъ, что въ Нижній наше самозванное „всероссійское купечество“ обыкновенно отправляетъ весь свой залежавшійся товаръ, стараясь сбыть его на ярмаркѣ по болѣе возвышеннымъ цѣнамъ, чѣмъ у себя дома? Да и то надо сказать, какъ было не торговать на славу у Макарія, когда, послѣ прибытія г. Вышнеградскаго, по приглашенію „всероссійскаго купечества“, на нижегородскую ярмарку, всѣмъ извѣстно стало, что скоро возвышены будутъ пошлины на разныя издѣлія, привезенныя изъ-за границы, а также будутъ приняты серьезныя мѣры, чтобы доконать лодзинскихъ фабрикантовъ, яко враговъ внутреннихъ? Но оставляя даже въ сторонѣ эти общія разсужденія, мы не можемъ не обратить вниманія читателя на одно весьма любопытное замѣчаніе, сдѣланное самимъ г. Вышнеградскимъ въ другомъ мѣстѣ своего доклада по поводу „удовлетворительныхъ“ барышей, доставшихся на нижегородской ярмаркѣ производителямъ, особенно *металлическихъ* издѣлій. Переходя къ обозрѣнію дѣятельности министерства финансовъ въ истекшемъ году, т. с. И. А. Вышнеградскій считаетъ себя обязаннымъ, между прочимъ, доложить, что „приняты дѣйствительныя мѣры для охраненія нашей металлической промышленности—защитою ея отъ конкуренціи, тѣмъ

Digitized by Google

болѣе опасной, что она развила и значительно усовершенствовала въ послѣднее время *новый пріемъ, состоящій въ образованіи синдикатовъ, возвышающихъ цѣну у себя дома* и продающихъ избытокъ издѣлій за границею нерѣдко дешевле стоимости производства. *Послѣдствія этой мѣры уже сказались на нижегородской ярмаркѣ сего (т. е. прошлаго 1887) года*". Итакъ, значитъ, ларчикъ просто открывается,—почему на упомянутой ярмаркѣ производители, особенно металлическихъ издѣлій, сдѣлали хорошій „гешефтъ." Надобно, однако, полагать, что не одни производители металлическихъ издѣлій получили „удовлетворительную" прибыль по вышеизобрѣтенной причинѣ. Во всякомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться, что не далеко то время, когда и другіе наши производители послѣдуютъ похвальному примѣру металлическихъ промышленниковъ. Слѣдующій фактъ, на который указываетъ И. А. Вышнеградскій, это—возрастаніе сборовъ по желѣзнымъ дорогамъ вообще и поверстнаго дохода въ частности. Означенные сборы, какъ оказывается, составляютъ за десять мѣсяцевъ прошлаго года 203 мил. руб., превосходя на 20 мил. сборы за то же время въ 1886 году и на 15 милліоновъ наивысшую цифру сбора въ послѣднее пятилѣтіе за первые десять мѣсяцевъ года. Равнымъ образомъ, поверстный сборъ составляетъ за десять мѣсяцевъ прошлаго года 8,244 руб., вмѣсто 7,568 руб. поверстнаго сбора въ предшествовавшемъ году. И это явленіе, по мнѣнію финансовой администраціи, свидѣтельствуетъ объ оживленіи торговли. Слѣдуя доброму примѣру И. А. Вышнеградскаго, мы не войдемъ здѣсь въ изслѣдованіе причинъ упомянутаго явленія, хотя, признаться сказать, въ нихъ-то и заключается вся суть, потому что сдѣлать какой бы то ни было выводъ изъ экономическаго явленія можно лишь по внимательномъ и всестороннемъ изслѣдованіи причинъ, порождающихъ его. Но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что только что отмѣченный фактъ стоитъ въ тѣсной связи съ другимъ событіемъ, имѣвшимъ мѣсто въ прошломъ году, и на которое также есть указаніе во всеподданнѣйшемъ докладѣ г. Вышнеградскаго. Мы говоримъ объ обильной жатвѣ, которой Богу угодно было благословить Россію въ истекшемъ 1887 году. Но — увы! и то сказать надо, что и это отрадное событіе въ нашей экономической жизни (конечно, не по винѣ г. министра финансовъ) „наши исконные друзья" за вержболовской таможней вовремя съумѣли изгадить установленіемъ пресловутыхъ „боевыхъ пошлинъ" на вывозимый нами хлѣбъ, которыя вызвали сильное паденіе цѣнъ и на внутреннихъ рынкахъ, такъ что въ итогѣ урожай прошлаго года, особенно въ мѣстностяхъ, производящихъ сѣрые хлѣба, едва ли могъ особенно повліять на улучшеніе экономическаго благосостоянія нашего земледѣльческаго класса.

Переходя къ обозрѣнію другой части государственной росписи на текущій годъ, а именно къ исчисленнымъ обыкновеннымъ расходамъ, мы должны прежде всего высказать наше искреннее удовольствіе по поводу той бережливости въ распоряженіи государственными средствами, которою, по словамъ г. министра финансовъ, отличались, соревнуя между собой, всѣ вѣдомства, какъ по

Digitized by Google

исполненію расходовъ 1887 г., такъ и при составленіи смѣтъ на 1888 годъ. Дѣйствительно, увеличеніе расходовъ на этотъ годъ значится лишь по весьма немногимъ вѣдомствамъ и въ довольно скромныхъ цифрахъ, притомъ же по предметамъ, дѣйствительно полезнымъ для государства, какъ напр., по устройству новыхъ клиникъ для медицинскаго факультета московскаго университета, или по содержанію вновь образуемыхъ контрольныхъ учрежденій.

Кромѣ того, по двумъ министерствамъ даже оказалось небольшое сокращеніе въ расходахъ, а именно: по военному — на 261,078 р., и внутреннихъ дѣлъ—на 423,947 р.

Нѣкоторый диссонансъ въ общемъ хорѣ представляетъ собою увеличеніе обыкновенныхъ расходовъ въ болѣе значительныхъ размѣрахъ по двумъ вѣдомствамъ: 1) министерства путей сообщеній—на 3.241,518 р., ассигнованныхъ на расходы по эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе увеличившагося протяженія ихъ, и 2) министерства финансовъ *)—на 4.328,595 руб., ассигнованныхъ на возвышеніе разныхъ кредитовъ, изъ которыхъ отмѣтимъ увеличенный кредитъ по выдачѣ пенсій и пособій по вѣдомству всѣхъ министерствъ и управленій (2.059,000 р.), на пособія акціонернымъ обществамъ (625,000 р.) и на содержаніе мѣстной администраціи, преимущественно на усиленіе акцизнаго и таможеннаго надзора (914,000 р.).

Въ заключеніе, необходимо еще указать, что на разныя подробности, не предусмотрѣнныя смѣтами, назначено по росписи на 1888 г. шесть милліоновъ, вмѣсто трехъ, которые ассигнованы были на эту статью по росписи прошлаго года. Что же касается чрезвычайныхъ расходовъ, то въ роспись на 1888 г. внесено ихъ 34.250,100 р., сравнительно съ 1887 г. менѣе на 14.164,094 р. Вся упомянутая сумма предназначается на постройку давно проэктированныхъ желѣзныхъ дорогъ (19.199,595 р.); на производство изысканій по новымъ желѣзнодорожнымъ линіямъ (435,000 р.); на улучшеніе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и на изготовленіе желѣзнодорожныхъ принадлежностей (4.869,874 руб.); на увеличеніе провозоспособности частныхъ желѣзныхъ дорогъ (4.691,000 руб.); на разные расходы по желѣзнодорожнымъ сооруженіямъ (1.764,281 руб.) и на устройство и улучшеніе портовъ (3.290,550 руб.).

Всѣ эти чрезвычайные расходы предположено пополнить изъ имѣющихся на лицо средствъ, не прибѣгая къ новымъ займамъ. Эти же наличныя средства, какъ оказывается, остались свободными вслѣдствіе того, что поступленіе таможенныхъ сборовъ въ прошломъ году превзошло смѣтное предположеніе по росписи 1887 года, а расходы, которые были ассигнованы на истекшій годъ по той же росписи, благодаря единодушнымъ дѣйствіямъ всѣхъ вѣдомствъ, въ смыслѣ бережливости, подверглись нѣкоторому сокращенію.

---

*) Обращаемъ вниманіе читателей на этотъ фактъ, который дѣлается еще любопытнѣе, если сопоставить его съ сокращеніемъ расходовъ по министерству финансовъ на 5.143,800 р., имѣвшимъ мѣсто въ прошлогодней росписи г. Бунге.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ „**Наблюдателя**“).

Образчики газетныхъ и журнальныхъ рекламъ.

I.

Г'оспода, господа,
Вы пожалуйте сюда:
У меня товаръ отличный,
Преотмѣннѣйшій, столичный,
Чистъ и ясенъ, какъ хрусталь,
Твердъ, какъ аглицкая сталь,
Благовоненъ, какъ левкой—
Всѣ ко мнѣ на перебой!!

II.

Во вниманье къ труду бѣдняковъ,
Объ ихъ пользѣ радѣя душевной,
По пяти, съ экземпляра, рублевъ
Сбросилъ я... но крушусь ежедневно,
Что съ приплатой ковриги мои
Не могу бѣднякамъ разсылать я,
Чтобы высушить слезъ ихъ ручьи,
Чтобъ заочно принять ихъ въ объятья.
Пусть въ карманѣ моемъ лишь гроши,
Пусть исчерпана касса до мая...
Я на скудные эти шиши
Буду подвигъ свершать, не взирая...
А когда, утомленный „борьбой
Съ равнодушіемъ публики“ русской,
Я єдрейфую,—то легкой рукой
Заведу иль кабакъ, иль пивную съ закуской!

Ефимъ Простосердовъ.

Digitized by Google

Идеалисты.

Насъ было много въ тѣ года,
Какъ, со скамьей разставшись школьной,
Вступали въ свѣтъ мы для труда,
Толпой веселой и довольной.
Мечтали юные умы
Отчизнѣ послужить во благо,
И въ даль невѣдомую мы
Смотрѣли съ гордою отвагой...

* *
*

Летѣли дни. Прошли года.
Мы испытали жизни прозу,
И въ насъ суровая среда
Произвела метаморфозу.
Законы свѣта изуча,
Мы стали такъ практично-пошлы,
Какъ тѣ, которыхъ мы сплеча
Ругали въ пору жизни прошлой...

* *
*

Одинъ изъ насъ быть братомъ мнилъ
Для бѣдныхъ, все готовъ отдать имъ;
Онъ... кассу ссудъ теперь открылъ,
Его фамилію—проклятьемъ
Сопровождаетъ бѣдный людъ...
Другой помѣшанъ былъ на чести,
А нынѣ онъ, къ доходамъ лютъ,
На хлѣбномъ утвердился мѣстѣ...

* *
*

Любимцемъ общимъ третій былъ
И записнымъ идеалистомъ.
Онъ имя славное носилъ,
Теперь онъ славнымъ... сталъ софистомъ...
Въ немъ идеалъ былой исчезъ,
Онъ весь проникся жаждой къ злату,
И чѣмъ пикантнѣе процессъ,
Тѣмъ онъ беретъ солиднѣй плату...

* *
*

Четвертый властною рукой
Стянулъ деньжонокъ пукъ казенныхъ
И отъискалъ себѣ покой—

Digitized by Google

Въ мѣстахъ не очень отдаленныхъ...
Красавцемъ пятый былъ средь насъ,
Но самъ не зналъ своей онъ „шармы",
Пока въ одинъ прекрасный часъ
Альфонса не напялилъ бармы.

***

Но былъ одинъ: свой идеалъ
Онъ сохранялъ отъ всякихъ пятенъ,
Онъ убѣжденій не мѣнялъ
И молча бѣдствовалъ лѣтъ пять онъ.
Какъ знать? Судьба къ нему добра
Была бъ за рядъ ночей безсонныхъ,
Да только жаль: его вчера
Свезли на дрогахъ похоронныхъ...

Широкая масляница.

Въ пору шумнаго разгула,
Чуть мозгами шевеля,
Пить до дракъ и караула
Рада русская земля.
Въ будни пьетъ она и въ праздникъ,
Въ дни веселья, въ дни невзгодъ,
А иной, друзья, проказникъ
Пьетъ запоемъ круглый годъ...
Но вдвойнѣ разгуломъ дикимъ,
Бурнымъ, словно ураганъ,
Россъ передъ постомъ великимъ
Завсегда ужь обуянъ.
Есть блиновъ богиня гдѣ-то;
Древле чтилъ ее народъ;
Къ намъ приходитъ гостья эта
И дары свои несетъ.
Гостья—типъ красы славянской—
Мигомъ гонитъ грусть и сплинъ.
Ей подножіемъ гигантскій
И румяный служитъ блинъ.
Какъ во дни Перуна, нынѣ

Digitized by Google

Этой гостьѣ каждый радъ;
За плечами у богини—
Сковородка и ухватъ...
Съ массой чухонъ въ авангардѣ
Эта гостья къ намъ идетъ.
Ей въ палатахъ и въ мансардѣ
Одинаковый почетъ.
Всѣ „съ блиновъ“ приходятъ пьяны,
Маски сброшены святошъ,
Выростаютъ балаганы,
Прогрессируетъ... кутежъ!..

Случайный поэтъ.

Соломенный редакторъ.

Каждый годъ, по волѣ рока,
Онъ томится въ заключеньѣ
И страдаетъ съ героизмомъ...
За чужія убѣжденья!

Таково ужь, знать, бѣдняжки
Въ этомъ мірѣ назначенье—
Чтобъ отсиживать покорно...
За чужія прегрѣшенья!

Со смиреньемъ христіанскимъ
Все онъ сноситъ, платы ради—
По профессіи страдалецъ
На редакторскомъ окладѣ!..

Л. Балалайкинъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 2-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

		стр.
I.	Не намъ судить. Повѣсть А. Михайлова	5
II.	Былъ-ли-не-былъ Шекспиръ? (Изъ исторіи литературныхъ парадоксовъ). В. В. Чуйко	59
III.	Изъ дневника. Стихотвореніе А. В. Круглова	91
IV.	Владѣлецъ Орлова. Повѣсть Паулины Вильчинской	94
V.	Въ бору. Стихотвореніе Д. Мережковскаго	180
VI.	Формы подворнаго землевладѣнія въ Россіи. В. В.	181
VII.	Именинникъ. Романъ Д. Сибиряка	206
VIII.	Тяжелые годы. Романъ мистрисъ Брэддонъ	243
IX.	Вопросы дня. В. П. Безобразова	297
X.	Могила скитальца. (Изъ Сандора-Петёфи). Стихотвореніе П. Быкова	307
XI.	О неотчуждаемости крестьянскихъ земель. Г. Сазонова	308
XII.	Въ сѣтяхъ лжи. Романъ Поля Буржэ	320
XIII.	Безсонница. Стихотвореніе Влад. Юрьева	378
XIV.	Очерки станичной жизни. В. Свѣтлова	379

Современное обозрѣніе.

XV.	Политическая хроника	1
XVI.	Новыя книги	18
XVII.	Наши внутреннія дѣла	23
XVIII.	Фонографъ (фельетонъ „Наблюдателя“). Стихотворенія: Ефима Простосердова, Случайнаго Поэта и Л. Балалайкина	40

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

«НАРОДНАЯ ШКОЛА»

въ 1888 году.

(Двадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ, и почетнаго отзыва — отъ комисіи экспертовъ на Славянской педагогической выставкѣ въ Карлинѣ (Чехіи).

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ издаваться въ 1888-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательство по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія народнаго образованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ — кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій — систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою **«Разныхъ извѣстій»**, любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ выходить въ 1888 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. За границу—**6 руб.** Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», на углу Стремянной и Владимірской ул., д. № 1 — 6, кв. 14; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Моховая, противъ Университета, и въ конторѣ г-жи Печковской, Петровскія линіи. Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами, подписавшимися въ главной конторѣ.

Желая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала за 1880, 1881, 1884, 1885 и 1886 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 22 р. 50 к. за пять лѣтъ **по 15 руб. съ пересылкою.** При подпискѣ же на 1888 годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 19 руб.

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

въ 1888 году (Годъ седьмой).

Журналъ будетъ издаваться въ 1888 г. подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

Для текущаго года, въ распоряженіе редакціи поступили уже: 1) **Именинникъ**, романъ изъ эпохи введенія земскихъ учрежденій (XXV главъ) *Д. Сибиряка*; 2) **Не намъ судить!** повѣсть *А. Михайлова*; 3) **Тихія слезы**, повѣсть *Максима Бѣлинскаго*; 4) **Поздняя любовь**, повѣсть *Д. Л. Мордовцева*; 5) **Послѣдняя ставка**, разсказъ *Н. Ѳ. Бажина*; 6) повѣсти **Ф. Д. Нефедова, Д. И. Стахѣева, К. В. Назарьевой** и др; 7) статьи **Я. В. Абрамова, В. П. Безобразова, В. В., В. О. Михневича, М. В. Неручева, Г. П. Сазонова**, и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ и объемъ журнала увеличены до размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, подписная же цѣна остается прежнею: **12** р. за годъ безъ доставки; **13** р. съ доставкою въ С.-Петербургѣ; **14** р. съ перес.; **16** р. съ пересылкою за границу.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. № 1 — 6, кв. 14); **въ Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета) и въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи; **въ Варшавѣ**— въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4-хъ часовъ пополудни, **кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.**

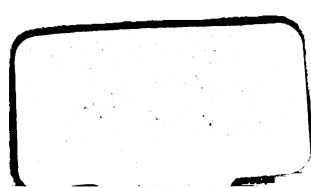
Редакторъ-Издатель **А. П. Пятковскій.**

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

5.—



Digitized by Google

Digitized by Google